3 1761 08106725 8

5892

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1897 г.
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ НАСТУПАЮЩАГО ГОДА

СЪ ДОСТ. **11 р.** ВЪ СПБ.

без измѣненія объема сост. книж.
ПОНИЖЕНА
1 м. безъ дост.—**90** к., 1 м. съ дост.—1 р.

СЪ ПЕРЕС. **12 р.** ВЪ РОССІИ.

	Годъ.	Полгода.	Четверть года.	1 мѣс.
Для иногороднихъ	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	1 р. — к.
Въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской (безъ доставки) . .	11 » 50 »	— » — »	— » — »	— » — »
Для городскихъ (съ доставкой).	11 » — »	5 » 50 »	2 » 75 »	— » — »
» » безъ доставки въ Главной Конторѣ . . .	— » — »	— » — »	— » — »	— » 90 »
Для заграничныхъ	14 » — »	7 » — »	4 » — »	— » — »

Подписка принимается **въ Главн. Конторѣ**, *Спб., Троицкая, 9.*
Въ Моск отдѣл.: Петровская лин., **конт. Печковской**, и во вс. книжн. магаз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
(8-й годъ изданія)
на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Содержаніе вышедшей 22-го декабря декабрьской книжки „Русской Школы“ слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству; 2) Страничка изъ исторіи первоначальнаго воспитанія дѣтей въ Россіи. **П. Ѳ. Каптерева**: 3) Начальное образованіе во Франціи **О. И. Роговой**; 4) Родительская ассоціація въ Америкѣ. **Н. Ѳ. Арепьева**; 5) Къ вопросу о школьной дисциплинѣ и наказаніяхъ въ начальной школѣ. **Н. М. Ларіонова**; 6) Къ вопросу о системѣ народнаго образованія **М. Л. Песковскаго**; 7) Просвѣтительныя общества въ провинціи. (Окончаніе). **Я. В. Абрамова**; 8) Народныя чтенія. (Окончаніе). **В. П. Вахтерова**; 9) Замѣтки о педагогическихъ отдѣлахъ всероссійской выставки въ Н. Новгородѣ. **Н. З.**; 10) Московскія городскія начальныя училища ***; 11) Что нужно сдѣлать вятскому земству для лучшей постановки начальнаго народнаго образованія? **А. А. Красева**; 12) Способы обученія слiянію звуковъ при обученіи грамотѣ. (Окончаніе). **Вс. Флёрова**; 13) О проведеніи метрической системы въ нашихъ школахъ. **В. Гебеля**; 14) Критика и библіографія. (10 рецензій); 15) **Педагогическая хроника.** (Болѣе 20 статей и замѣтокъ); 16) **Разныя извѣстія и сообщенія**; 17) **Объявленія.**

Въ теченіе 1896 года въ „Русской Школѣ“ были напечатаны, между прочимъ, слѣдующ. статьи: 1) Автобіографія **Н. И. Пирогова**; 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки). **К. Барсова**; 3) Педагогическіе матеріалы (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя). **К. Чернецкаго.** 4) Изъ дневника учитель-

ницы воскресной школы К-ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. М. Слобожанина; 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. П. Ѳ. Каптерева; 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіемъ) А. А. Лялиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. А. А. Красева; 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей. А. С. Виреніуса; 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. И. И. Мещерскаго; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. С. Симоновичъ; 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. Кл. Фармаковской; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Афанасьева; 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о „единой школѣ“. Графа Павла Капниста; 20) Возможно ли и нужно ли у насъ обязательное обученіе? В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. Ѳ. Гартвига; 23. Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства. Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. В. Ю. Скаллона; 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? В. И. Фармаковскаго; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31-го мая 1872 г? А. Раменскаго; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловичъ; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ городскихъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобровскаго; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. И. А. Анастасіева; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. Л. Рутковскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Д. П. Балталона; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ.. Ив. Созонтьева; 36) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1895 года. И. П. Бѣлоконскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою 6 руб. 50 коп. для иногородныхъ—семь руб., за границу—девять руб. Учителя сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, 1, гимназія Гуревича) и въ книж. магаз. „Новаго Времени“.

Имѣются экземпляры и за предыдущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

Ѳедоръ Сологубъ. ТѢНИ. Разсказы и стихи.

Цѣна **1** руб.

Содержаніе: **Червякъ. Тѣни. Къ звѣздамъ. Стихи,** книга вторая.

Того-же автора: **ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ**, романъ. СПБ. 1896. Цѣна **2** руб.

— **СТИХИ.** книга первая. СПБ. 1896. Цѣна **50** к.

Вышло въ свѣтъ 3-е изданіе

„QUO VADIS.“

Романъ изъ временъ Нерона

Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

Съ портретомъ автора.

Цѣна **1** р. **35** к.

РУССКІЕ КРИТИКИ.

Литературные очерки **А. Л. Волынскаго.**

СОДЕРЖАНІЕ: Бѣлинскій.—Добролюбовъ.—Журналистика шестидесятыхъ годовъ.—Писаревъ.—В. Майковъ и Ап. Григорьевъ.—Чернышевскій и Гоголь.—«Очерки Гоголевскаго періода» и вопросъ о гегеліанствѣ Бѣлинскаго.—Гоголь, какъ профессоръ.—Эстетическое ученіе Чернышевскаго.—О причинахъ упадка русской критики.—Свободная критика предъ судомъ буржуазнаго либерализма.—Н. Михайловскій и его разсужденія о русской литературѣ.—Вражда и борьба партій.

Цѣна **3** р. **50** к.

Для учащихъ и учащихся 3 р. съ пересылкой.

Вышло въ свѣтъ новое изданіе редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“:

ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ.

(Изъ записныхъ книжекъ 1825—1845 гг.).

Съ приложеніемъ портрета А. О. Смирновой.

ЦѢНА **2** РУБ.

ИЗДАНІЕ
редакціи «Сѣвернаго Вѣстника»:

СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ

Романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго **М. Кривошеева**. Съ приложеніемъ портрета **Г. Сенкевича**.

Цѣна 2 р. Съ пересылкой 2 р. 50 к.

„СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ“.

(«Что я пережила съ ней и что она разсказывала мнѣ о себѣ»).

Воспоминанія **А. К. Леффлеръ ди-Кайянелло.**

Съ портретами **Софьи Ковалевской** и **А. К. Леффлеръ.**

Съ приложеніемъ біографіи **А. К. Леффлеръ.**

Переводъ со шведскаго *М. Лучицкой.*

Цѣна 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ всѣхъ этихъ изданій въ Главной Конторѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ (Спб., Троицкая 9) и въ Московской Конторѣ, Кузнецкій мостъ, при книжн. магаз. К. Тихомирова. Книжные магазины пользуются обычной уступкою, если оплачиваютъ пересылку по разстоянію.

НОВАЯ КНИГА:

ПО ВОСТОКУ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ и КАРТИНЫ.

Бориса Корженевскаго.

3 части—422 стр. съ 117 иллюстраціями.

Ч. I.—Царь-Градъ—Аѳины—Яффа.
Ч. II.—Святая Земля—Іудея.
Ч. III.—Св. Земля—Самарія и Галилея.

Цѣна за 3 ч.—**2** р. **75** к. безъ пересылки.

Складъ изданія: Москва, въ типограф. Т-ва «И. Н. Кушнеревъ и К°», Пименовская ул., с. д., и въ Редакціи журнала «Сѣверный Вѣстникъ»: Спб., Троицкая, 9.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

СѢВЕРНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

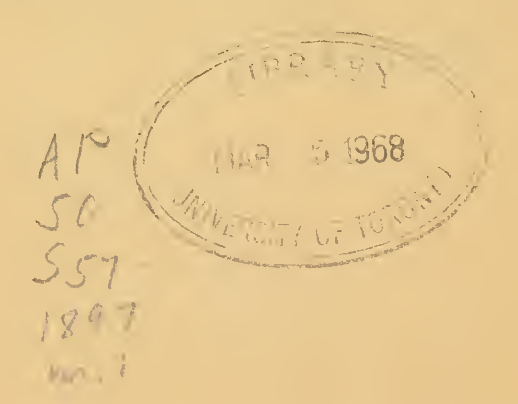
Январь № 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.

1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 декабря 1896 года.



При этомъ номерѣ новымъ подписчикамъ «Сѣвернаго Вѣстника» разсылается приложеніе: «Плоскогорье», романъ Л. Я. Гуревичъ, части I-я и II-я (напечатанныя въ 1896 г.).

СОДЕРЖАНІЕ

№ 1 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1897 г.

СТРАН

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Химера.

I.

Юбилейный обѣдъ подходилъ къ концу. Самъ юбиляръ, почтенный старикъ, извѣстный своими учеными и государственными заслугами, чувствовалъ, что у него слипаются глаза и съ завистью думалъ о постели. Этотъ день казался ему безконечнымъ. Съ утра депутаціи, адресы, блескъ мундировъ и эполетъ. На него спустилось какое-то облако славы. Со всѣхъ концовъ Россіи летѣли телеграммы: привѣтствуемъ, поздравляемъ, не находимъ словъ... Всѣ искренно сочувствовали, сердечно радовались. Всѣ какъ-будто только нынче, во вторникъ, въ первомъ часу пополудни открыли, какой великій человѣкъ жилъ среди нихъ.

Юбиляру казалось, что онъ присутствуетъ на собственныхъ похоронахъ, что его заживо отпѣваютъ и говорятъ ему похвальныя рѣчи. Онъ выслушалъ съ утра двадцать шесть привѣтствій, которыя всѣ начинались словами: «Полувѣковое служеніе ваше на пользу родины...» или «Послѣ пятидесяти-лѣтней благотворной дѣятельности вашей...» Растроганный старикъ, едва стоявшій на ногахъ, долженъ былъ наконецъ отвѣчать. Отвѣтъ его былъ недлиненъ и обыкновеннаго въ этихъ случаяхъ содержанія: «Тронутъ... благодарю... недостоинъ...»

Съ утра всѣ были въ приподнятомъ, торжественномъ настроеніи, но къ концу обѣда стало замѣтно, что струна ослабла. Юбиляръ задремалъ и на громкіе тосты, «въ лицѣ вашемъ привѣтствуемъ науку!» отвѣчалъ только блаженной улыбкой. Гости тоже начинали спадать съ юбилейнаго тона. На лицѣ нѣкоторыхъ было написано: «ну, почествовали и будетъ... пора и отдохнуть». Вмѣсто незамѣнимаго, несравненнаго, высокодаровитаго дѣятеля слышались слова:—«А старичекъ-то ослабъ. Вы подумайте, съ утра!.. Ужъ отпустили-бы его спать».

Больше всѣхъ говорилъ за столомъ одинъ молодой дипломатъ, извѣстный своими статьями о славянскомъ вопросѣ и своими спичами на парадныхъ обѣдахъ. Если-бы записать то, что онъ говорилъ, то всѣ удивились-бы, какъ это банально и лишено содержанія. Но его апломбъ и ораторскіе пріемы, и находчивость, съ которою онъ могъ говорить на всякую тему, придавали его словамъ видъ чего-то новаго и блестящаго.

Молодой дипломатъ былъ молодъ относительно. Онъ былъ молодъ сравнительно съ юбиляромъ, но когда около него сѣлъ только-что выпущенный лицеистъ, онъ сразу постарѣлъ лѣтъ на двадцать. Его лицо казалось утомленнымъ, чуть замѣтныя морщинки подъ глазами выступали яснѣе.

— Какъ говоритъ!—замѣтилъ кто-то съ завистью.—Замѣчательно говоритъ.

— Кто это?—спросилъ сосѣдъ.

— Развѣ вы не знаете? Вадковскій. Удивительный даръ слова. Его стоитъ послушать.

Коснувшись ученыхъ трудовъ юбиляра, ораторъ незамѣтно перешелъ къ славянскому вопросу, заговорилъ о великомъ призваніи Россіи, о томъ, что Австрія—это островъ въ славянскомъ океанѣ и что рано или поздно славянскія волны должны затопить его. Громъ аплодисментовъ покрылъ его рѣчь. Отъ Австріи онъ вернулся къ юбиляру и высказалъ ему нѣсколько теплыхъ пожеланій: еще много лѣтъ плодотворной дѣятельности и еще одинъ такой-же юбилей. Сидѣвшій съ нимъ рядомъ извѣстный путешественникъ и членъ географическаго общества даже отодвинулся при этихъ словахъ.

— Иванъ Сергѣевичъ,—обратился къ нему дипломатъ послѣ своего шумнаго успѣха.—Теперь за вами очередь. Скажите что-нибудь.

— Нѣтъ, увольте. Что-же я ему еще скажу? Вотъ если-бъ ему можно было тридцать лѣтъ съ плечъ скинуть, это я понимаю. А вы ему обѣщаете, что онъ еще тридцать лѣтъ проживетъ. Да вѣдь это застрѣлиться можно отъ одной этой мысли.

— Да, ужъ многая лѣта!.. Безъ этого нельзя. Намъ это ничего не стоитъ, а старику все-таки удовольствіе. Будь онъ помоложе, другое дѣло. Съ какой стати я сталъ-бы увѣрять его, что онъ долго проживетъ? Сказать это молодому человѣку,—это все равно, что Ротшильду подарить золотой. А вы, я вижу, не охотникъ до юбилеевъ.

— Нѣтъ, отчего-же... Я помню, разъ на дачѣ нѣмецъ обойщикъ свой юбилей справлялъ. Двадцать-пять лѣтъ онъ диваны обивалъ, кажется неважная штука, а посмотрите, какъ у нихъ это торжественно выходило. На балконъ кумачу повѣсили. Другой нѣмецъ, садовникъ, цвѣтовъ имъ [illegible], собралась вся нѣмецкая родня, шоколадъ пили и даже русское ура кричали. Двѣ недѣли къ этому событію готовились,

да годъ потомъ говорили. У нѣмцевъ это хорошо выходитъ, потому что нѣмецъ, что-бы онъ ни дѣлалъ, колбасу или пушку, все равно, знаетъ, что онъ дѣлаетъ великую вещь. И ни одинъ порядочный нѣмецъ не станетъ веселиться иначе, какъ по заранѣе составленной программѣ. У него сейчасъ либо ферейнъ, либо факельцугъ. А заставьте вы русскаго человѣка, чтобы онъ взялъ въ руки факелъ и пошелъ по улицамъ героя чествовать. Да онъ со стыда сгоритъ! Ни одинъ гимназистъ этого не сдѣлаетъ. А нѣмецъ пойдетъ и маршъ при этомъ играетъ. Вы представьте себѣ, что мы бы почтеннаго Петра Алексѣевича (онъ указалъ глазами на юбиляра) повели по улицамъ съ факелами? Что-бы это было?

— Намъ этого нельзя,—замѣтилъ кто-то.—Климатъ не позволяетъ.

— Насчетъ нѣмцевъ я съ вами не спорю,—сказалъ дипломатъ.— У нихъ это правда мило выходитъ, хоть можетъ быть и глупо. Но вотъ кто дѣйствительно мастера это устраивать, такъ это французы. Вотъ у кого намъ-бы поучиться. Ваше превосходительство, за вашихъ друзей! за Парижъ и за парижанокъ!—протянулъ онъ бокалъ сидѣвшему напротивъ него моряку.

Тотъ привѣтливо поднялъ свой. Всѣ стали чокаться съ адмираломъ. Иванъ Сергѣевичъ одинъ сидѣлъ молча. Адмиралъ это замѣтилъ.

— А вы что-же, не хотите выпить за моихъ друзей?

— Не могу, ваше превосходительство. Увольте.

Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на него. Но Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ свои ясно опредѣленныя, какъ ножомъ обрѣзанныя мнѣнія, которыя не стѣснялся высказывать, хотя-бы они шли въ разрѣзъ съ общимъ настроеніемъ.

Французъ, по его словамъ, издали великолѣпенъ. Онъ уменъ, блестящъ, либераленъ. Но если разсмотрѣть его ближе, то онъ, во-первыхъ, ограниченъ, а во-вторыхъ страшно консервативенъ. Онъ десять разъ перемѣнитъ форму правленія и ни за что не измѣнитъ учебника въ школѣ и не разстанется съ милымъ его сердцу жандармомъ, который охраняетъ его лѣса, поля и супружескую вѣрность. Его политическія учрежденія съ громомъ летятъ внизъ, но его внутренній душевный міръ неподвиженъ, онъ все такъ-же сколачиваетъ себѣ ренту на старость, читаетъ по утрамъ продажную газету, идетъ вечеромъ въ театръ смотрѣть геройскіе поступки, на которые самъ у себя дома неспособенъ.

— Что это?—спросилъ онъ съ удивленіемъ, увидавъ, что лакей ставитъ передъ нимъ чистую тарелку.—Развѣ мы не кончили? Еще будемъ ѣсть?

— Вы слышите, ваше превосходительство, — сказалъ дипломатъ насмѣшливо.—Вотъ какъ у васъ тамъ въ вашей республикѣ...

— Иванъ Сергѣевичъ къ ней несправедливъ, потому что онъ больше имѣлъ случай изучать Азію, чѣмъ французскую республику.

На это всѣ улыбнулись. Дѣйствительно, большую часть своей жизни Иванъ Сергѣевичъ провелъ въ Азіи, гдѣ въ каждую свою экспедицію дѣлалъ по нѣскольку тысячъ верстъ. Никто не сомнѣвался, что самыя глухія трущобы ея извѣстны ему лучше, чѣмъ Итальянскій бульваръ въ Парижѣ. Онъ хотѣлъ отвѣчать, но въ эту минуту увидалъ у себя на плечѣ блюдо съ мороженымъ, цѣлый фрегатъ нѣжныхъ цвѣтовъ на фисташковомъ морѣ. Онъ положилъ себѣ кусочекъ моря.

— Бросимъ французовъ, господа!—началъ Вадковскій. — Будемъ лучше говорить о француженкахъ. Послушаемъ, что намъ скажетъ Иванъ Сергѣевичъ. Или ваши азіатскія красавицы лучше?

Но Иванъ Сергѣевичъ обманулъ ожиданія, заговоривъ не о баядеркахъ, не объ очаровательныхъ японкахъ Пьера Лоти, а о какихъ-то киргизскихъ женахъ. Вообще тѣ женщины, которыхъ онъ встрѣчалъ, для салона негодились.

— Прежде всего, когда ихъ видишь en famille, довольно трудно разобрать, кто изъ нихъ мужъ и кто жена.

По этому поводу пошли разныя шутки. Разговоръ перешелъ на женщинъ. Вадковскій все просилъ, чтобъ Иванъ Сергѣевичъ провелъ параллель между тибетской дамой и современной парижанкой.

— Довольно трудно,—сказалъ тотъ подумавши.

— Да вѣдь есть-же что-нибудь общее. Ну, хоть одна черта! Какой-нибудь штрихъ!.. das ewig Weibliche!

— Пожалуй есть... Только не das ewig Weibliche, а развѣ то, что и у тибетской дамы бываетъ иногда по нѣскольку мужей. Только въ Парижѣ это скрываютъ, а здѣсь это дѣлается открыто. Тутъ это чисто денежный вопросъ. Кто побогаче, заводитъ себѣ свою жену, даже двухъ иногда, а кому средства не позволяютъ, тотъ входитъ въ долю съ другими...

— Чортъ знаетъ, что такое!—удивился адмиралъ.

— Что дѣлать, ваше превосходительство. Каждый живетъ по средствамъ. Нынче содержать женщину одному часто не подъ силу. Поневолѣ берутъ помощниковъ.

Иванъ Сергѣевичъ находилъ, что обѣдъ слишкомъ длиненъ. Послѣ двухъ блюдъ онъ былъ сытъ. Для человѣка, привыкшаго гдѣ-нибудь у костра обѣдать бараниной и запивать ее кирпичнымъ чаемъ, вся эта помпа, освѣщенная зала ресторана съ ея отравленнымъ воздухомъ, грѣтыми тарелками, лакеями, тостами, казалась пыткой. Ему хотѣлось снять съ себя мундиръ, выгнать лакеевъ и, потушивши канделябры, сѣсть у камина. Но такъ-какъ сдѣлать этого было нельзя, то самое лучшее уѣхать домой.

Онъ посмотрѣлъ на свой хронометръ. Десятый часъ. Дома у него есть интересная работа и старая тужурка, замѣнявшая ему халатъ. Его сосѣдъ Вадковскій замѣтилъ, что онъ смотритъ на часы.

— Вы уходите?—спросилъ онъ. — Мнѣ тоже пора. Выйдемте вмѣстѣ.

— Вы можетъ быть посидите еще,—сказалъ Иванъ Сергѣевичъ съ слабой надеждой, что можно отдѣлаться отъ дипломата.

— Нѣтъ, я усталъ. Да и не стоитъ оставаться. Теперь ужъ пойдутъ изліянія, пожалуй еще русскія пѣсни будутъ пѣть.

— Вамъ, какъ славянофилу, это должно быть пріятно.

— Да, гдѣ-нибудь въ степи, отчего-же... Я понимаю, когда бурлаки на Волгѣ поютъ. Но чтобы собираться въ обществѣ и бурлаковъ изъ себя представлять, этого, извините, я не понимаю.

Иванъ Сергѣевичъ промолчалъ. Изо-всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ его сосѣдъ былъ ему самый непріятный. Все въ немъ рѣшительно ему не нравилось. Его красивые жесты, ораторскіе пріемы, торжественность, съ какою онъ говорилъ о самыхъ въ сущности пустыхъ вещахъ, его правильныя, надменныя черты съ сквозившимъ въ нихъ презрѣніемъ къ другимъ и восхищеніемъ собою. Слушая его за обѣдомъ, Иванъ Сергѣевичъ невольно глядѣлъ на него.

«Великолѣпный мужчина!—думалъ онъ.—Но что если-бъ его изъ гостинной перенести куда-нибудь на снѣжный перевалъ, да заставить его верблюдовъ развьючивать или нести вьюки на себѣ, а верблюда тащить на веревкѣ?»

Онъ не безъ злорадства представлялъ себѣ дипломата въ самыхъ невозможныхъ положеніяхъ. То онъ клалъ его ночевать въ палатку, гдѣ подъ ногами бѣгаютъ фаланги и даже забираются на постель, то заставлялъ его идти пятьдесятъ верстъ пустыней подъ раскаленнымъ солнцемъ и горячими вихрями, заносившими глаза пескомъ и соленой пылью. Куда дѣвались-бы красивые жесты и бойкая рѣчь! Воспаленные глаза съ распухшими вѣками не метали-бы орлиныхъ взглядовъ, запекшіяся губы не произносили-бы тостовъ, а только развѣ одно слово: воды! Какая мокрая курица вышла-бы изъ этого великолѣпнаго мужчины въ пустынѣ.

— Куда-же теперь?—спросилъ Вадковскій, когда они вышли на улицу.—Неужели домой?

Онъ былъ замѣтно возбужденъ. Вино, аплодисменты и звукъ собственныхъ рѣчей опьянили его.

— Знаете что?—предложилъ онъ неожиданно.—Зайдемъ ко мнѣ.

Иванъ Сергѣевичъ былъ изумленъ. Онъ видѣлъ его второй разъ въ жизни и до нынѣшняго обѣда не считалъ его своимъ знакомымъ. Раньше они гдѣ-то встрѣчались, но не были даже представлены. Случайное знакомство на юбилеѣ не давало еще повода къ пріятельскимъ отношеніямъ. Онъ отказался.

— Ну, тогда пойдемте вмѣстѣ,—продолжалъ Вадковскій.—я васъ провожу.

Мысль, что новый знакомый проводитъ его до дому и что надо будетъ пригласить его, испугала Ивана Сергѣевича.

— Я право не знаю,—сказалъ онъ.—Если еще не очень поздно, и я не стѣсню васъ, я очень радъ...

Я посижу полчаса и уйду,—думалъ онъ, зная по опыту, что положеніе гостя выгоднѣе, чѣмъ положеніе хозяина дома. Если гостю скучно, онъ встаетъ и говоритъ: до свиданья! Но если скучно хозяину, онъ не можетъ сдѣлать того-же. Онъ долженъ пріятно улыбаться и дѣлать видъ, что никогда еще не было ему такъ весело.

Вадковскій занималъ нѣсколько комнатъ, обставленныхъ всѣмъ, что Иванъ Сергѣевичъ считалъ лишнимъ и придуманнымъ для стѣсненія человѣка. Онъ съ чувствомъ сожалѣнія смотрѣлъ на этотъ складъ ненужныхъ вещей, на эти вазы, портьеры и золотыя рамы съ пейзажами, которыхъ хозяинъ никогда не видѣлъ въ натурѣ. Тутъ былъ и берегъ моря въ Нормандіи, и восходъ солнца въ горахъ. Онъ за всю свою жизнь только и видѣлъ его на этой картинѣ, если не съѣздилъ разъ на Риги-Кульмъ, гдѣ солнце показываютъ по таксѣ, по столько-то съ персоны.

Хозяинъ придавилъ кнопку звонка, и на зовъ явился камердинеръ съ кофеемъ и ликерами. Иванъ Сергѣевичъ, употреблявшій спиртъ только для своихъ коллекцій, отъ ликеровъ отказался. Онъ охотно выпилъ-бы стаканъ чаю съ лимономъ, но хозяинъ не догадался предложить. Онъ все увѣрялъ гостя, что тотъ ему крайне симпатиченъ и смотрѣлъ на него нѣжными, немножко пьяными глазами.

— Все, что я говорилъ о славянствѣ, это вздоръ!—объявилъ онъ неожиданно.—Это все нужно для нихъ... (Онъ кивнулъ куда-то въ пространство). Эти наши братья славяне, я вамъ скажу, ужасные скоты. Ихъ 15 милліоновъ, и они позволяютъ нѣмцамъ сидѣть у себя на шеѣ. У этого западнаго славянства рабская кровь. Сколько ни освобождай его, оно все будетъ у кого-нибудь въ рабствѣ. Нѣмцы тоже, положимъ, скоты, но у нихъ былъ Шиллеръ и Гете... У нихъ въ подлѣйшемъ городѣ Кенигсбергѣ, гдѣ кромѣ песку и картофелю ничего нѣтъ, жила такая величина, какъ Кантъ. Что-же вы не пьете?—спохватился онъ вдругъ.—Можно вамъ налить?

— Нѣтъ, благодарю,—отвѣтилъ гость.

Послѣ непривычно сытнаго обѣда его клонило ко сну. Онъ сидѣлъ только изъ вѣжливости, совершенно не понимая, для чего понадобилось этому человѣку зазвать его къ себѣ. Хозяинъ тоже отяжелѣлъ. Онъ уже не глядѣлъ орломъ, какъ на юбилеѣ, но въ глазахъ его свѣтились еще искорки и, оставивъ политику, онъ заговорилъ о женщинахъ. Выпитое за обѣдомъ шампанское ударило ему въ голову. Съ высоты, на которой держало всѣхъ юбилейное торжество, его потянуло внизъ.

Хотѣлось говорить о чемъ-нибудь очень глупомъ, очень смѣшномъ и очень пріятномъ. Другіе въ это время пѣли русскія пѣсни, онъ сталъ разсказывать о своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Ему показалось забавно, что его слушаетъ человѣкъ, который такъ-же мало знаетъ о женщинахъ, какъ онъ о Гималайскихъ горахъ.

Заговоривъ о женщинахъ, онъ оживился. Его надменное лицо стало вдругъ игривымъ, легкія складочки лучами заиграли около глазъ и тонкая, лукавая усмѣшка чуть тронула его губы. Онъ не замѣчалъ, что у гостя слипаются глаза. Тотъ сидѣлъ неподвижно, боясь прикоснуться къ спинкѣ кресла, чтобы не заснуть. Неловко было уйти, не дослушавъ разсказъ.

«Куда я дѣвалъ свой дневникъ?—соображалъ онъ сквозь сонъ, чувствуя, что его невыносимо жметъ мундиръ.—Кажется, теперь можно-бы встать и откланяться». Но онъ пропустилъ удобный моментъ. Кончивъ одну исторію, хозяинъ сказалъ:

— Ахъ да, кстати, со мной былъ еще одинъ случай...

Опять надо было слушать и ловить моментъ, когда можно, не нарушая приличія, пожелать хозяину покойной ночи. Иванъ Сергѣевичъ сидѣлъ съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ бывало еще мальчикомъ, уставши за всенощной, дожидался ея конца. Взбранной воеводѣ запѣли! Ну, слава Богу, сейчасъ конецъ. сейчасъ пойдемъ домой чай пить.

Чтобы не заснуть окончательно, онъ хотѣлъ закурить, но, открывъ свой портсигаръ, увидалъ, что онъ пустъ. Хозяинъ любезно подвинулъ ему ящикъ съ папиросами.

— Вотъ обратите вниманіе,—сказалъ онъ, замѣтивъ любопытство, съ какимъ гость разсматривалъ его.—Вы, конечно, знаете толкъ въ этихъ вещахъ. Какова работа?

— Да, замѣчательная... Откуда у васъ это?

Вещь, обратившая на себя вниманіе Ивана Сергѣевича, была шкатулка слоновой кости съ небольшой фигуркой на крышкѣ. Фигурка эта, тонкой китайской работы, изображала химеру—миѳологическое существо съ львиной головой и змѣинымъ туловищемъ. На боковыхъ стѣнкахъ шкатулки были миніатюрные пейзажи, пальмы и рощи бамбука, вырѣзанныя на кости съ адскимъ терпѣніемъ восточнаго художника.

— Да, этого здѣсь въ Петербургѣ вы не достанете,—замѣтилъ хозяинъ самодовольно.

Онъ любилъ хорошія вещи и зналъ имъ цѣну. У него были дорогія мозаики, камеи, художественной работы шахматы, все, что не выставляется въ витринахъ на продажу и что пріобрѣтается только по случаю. Замѣчаніе Ивана Сергѣевича польстило ему.

— Вы посмотрите, какая работа! какова отдѣлка!.. каждый листокъ выдѣляется. И потомъ возьмите вы эту фигурку. Тутъ есть идея.

Львица и змѣя! сила, красота и коварство, соединенныя въ одномъ лицѣ... Развѣ это не живой портретъ женщины? И что всего интереснѣе, это женскій подарокъ.

— Ахъ, это подарокъ!—повторилъ Иванъ Сергѣевичъ, бросивъ быстрый взглядъ на хозяина, потомъ на шкатулку. На гладко отполированной крышкѣ ея, на ея поверхности нѣжнаго сливочнаго цвѣта темнѣла едва замѣтная трещина, точно линія, проведенная иголкой. Была-ли это просто царапина или кость отъ удара слегка раскололась, но отъ остраго зрѣнія Ивана Сергѣевича это не укрылось.

— Да, съ этой вещью у меня соединено много воспоминаній,—сказалъ Вадковскій и на минуту задумался. (Глаза его приняли мечтательное, даже сладкое выраженіе).—Когда-нибудь я вамъ разскажу это... Я долго ухаживалъ за одной женщиной и, долженъ сознаться, безъ всякаго успѣха. Тогда я сталъ ухаживать за ея пріятельницей. Это задѣло ея самолюбіе. Знаете, это какъ на аукціонахъ... Когда набавляешь цѣну, часто и не думаешь о томъ, что покупаешь. Главное купить и отбить у другого. Въ любви то же самое... Берешь женщину, не зная, что изъ этого выйдетъ. И она точно такъ же, закрывши глаза, беретъ васъ... Ну, да словомъ сказать, не прошло и мѣсяца, какъ она была у меня здѣсь, вотъ въ этой самой комнатѣ... Да, этотъ романъ начался у насъ очень интересно... Куда-же вы?—спросилъ онъ, увидавъ, что гость встаетъ.—Куда вы такъ спѣшите? Погодите, еще рано... Мы еще съ вами поболтаемъ.

— Когда-нибудь въ другой разъ, если позволите,—сказалъ гость отрывисто и потомъ какъ-бы мелькомъ спросилъ.—Чѣмъ-же этотъ романъ у васъ кончился?

— Почему вы думаете, что онъ конченъ? Хотя, собственно говоря, не все-ли равно?.. Въ любви, вы знаете, хорошо только начало. Я кажется говорилъ вамъ, что я только третьяго дня вернулся изъ-за границы. Мы не видались съ этой женщиной около трехъ мѣсяцевъ. Вчера я видѣлъ ее только мелькомъ. Она показалась мнѣ немного холодна, но... тутъ могло быть причиной и то, что мы были не одни. Во всякомъ случаѣ, она дала мнѣ понять, гдѣ и когда я могу видѣть ее завтра.

Иванъ Сергѣевичъ былъ блѣденъ. Онъ избѣгалъ глядѣть въ лицо хозяину и не сводилъ глазъ съ китайской шкатулки.

— Она вамъ не говорила, откуда у нея эта вещь?

— Право не умѣю вамъ сказать... Кажется ей кто-то подарилъ ее.

По лицу гостя прошла судорога. У него было страстное, непреодолимое желаніе пустить ему въ голову этой шкатулкой. При его горячемъ темпераментѣ ему стоило большихъ усилій удержаться. Съ какимъ удовольствіемъ онъ вытянулъ-бы ногайкой по лицу этого велико-

лѣпнаго мужчину, какъ отхлесталъ разъ ногайкой киргиза, занимавшагося барантой. Красть лошадей или чужихъ женъ было въ его глазахъ одинаково постыдно. Теперь, когда онъ узналъ, чью жену облюбовалъ себѣ этотъ господинъ, онъ едва владѣлъ собой.

II.

Сама по себѣ женщина эта ничего для него не составляла, она даже скорѣй была ему антипатична. но она была женой единственнаго близкаго ему человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ умерла мать Ивана Сергѣевича, у него осталась только одна привязанность—это его старый товарищъ по академіи и по полку, Костя Томилинъ. Когда они вышли изъ академіи, ихъ дороги разошлись, но ихъ старая дружба только окрѣпла. На разстояніи сглаживаются всѣ шероховатости. Какъ пейзажъ, такъ и человѣкъ издали выигрываютъ. Въ каждый свой пріѣздъ въ Петербургъ Иванъ Сергѣевичъ всѣ свободныя минуты проводилъ у Томилиныхъ. Онъ останавливался у своей сестры, но считалъ себя дома только у нихъ. Томилинъ, давно уже бывшій въ большихъ чинахъ, былъ для него все тотъ-же молоденькій офицерикъ, съ которымъ они оставались на ты и, вспоминая свое прошлое, удивлялись, что время такъ идетъ, что у каждаго за плечами сорокъ лѣтъ и что они тѣ самые люди, которые когда-то запоемъ читали Майнъ-Рида и ухаживали за нѣмкой въ красильнѣ. Сколько было тогда окрашено ненужныхъ вещей, чтобы имѣть право входа въ магазинъ! Сколько паръ офицерскихъ перчатокъ принесено на алтарь любви и отдано въ чистку по пятіалтынному за пару. Нѣмка говорила имъ «Schön!» на языкѣ Шиллера и Гете и своими пухленькими пальчиками давала сдачу съ рублевой бумажки, всегда новенькой, прямо отъ казначея. Гдѣ-же эта нѣмка и гдѣ эта красильня? Теперь на этомъ мѣстѣ торгуютъ клеенками и въ окнѣ, вмѣсто распоротыхъ матерій, виситъ клеенчатый половикъ съ надписью «добро пожаловать».

Каждый разъ, проходя мимо этой лавки, Иванъ Сергѣевичъ вспоминалъ свою молодость. Все, и люди, и камни, и дома было ему теперь чужое. Умри завтра Томилинъ, онъ останется одинокъ. Это одиночество, не тяготившее его въ пустынѣ, въ далекихъ степяхъ средней Азіи, было ему невыносимо въ Петербургѣ, гдѣ среди милліона жителей онъ чувствовалъ себя чужимъ и никому ненужнымъ. Правда, всѣ двери были ему открыты, его звали на вечера, давали ему обѣды, всѣ хотѣли видѣть человѣка, который ѣздилъ въ Тибетъ, но эта выставка была ему противна. Онъ избѣгалъ тѣхъ домовъ, гдѣ его подавали гостямъ, какъ пирожное. Дамы особенно выводили его изъ терпѣнія своими вопросами. Онѣ знали, что Тибетъ въ Азіи, вообще гдѣ-то далеко

и что тамъ должно быть очень опасно. Онѣ непремѣнно хотѣли знать, какія съ нимъ были опасности, не встрѣчалъ-ли онъ тигровъ, не нападали-ли на него разбойники.

Куда-бы онъ ни пришелъ, съ нимъ говорили о томъ, какъ интересно путешествовать. Какъ жаль, что это такъ далеко! Если-бъ это было поближе отъ Невскаго проспекта, многіе-бы туда поѣхали, даже если-бъ эти монгольскія степи были гдѣ нибудь около Парижа и можно было взять билетъ прямого сообщенія.

Когда ему говорили при первомъ знакомствѣ: «Ахъ я ваша большая поклонница! Я читала ваши путешествія... Мы такъ ими восхищены!»—онъ спѣшилъ молча поклониться, чтобы лицо его не приняло звѣрскаго выраженія. Такія фразы вызывали въ немъ приливъ злобы. Даже въ домѣ у родной сестры онъ не могъ уйти отъ этой выставки, и единственный человѣкъ, съ которымъ онъ отдыхалъ душой, былъ Томилинъ.

И вотъ теперь этого человѣка у него на глазахъ безсовѣстно обманывали. Случайное открытіе это такъ поразило и возмутило его, что онъ потерялъ на время обычную ему ясность мысли. Выходя отъ Вадковскаго, онъ чувствовалъ одышку и сердцебіеніе, то, что онъ испытывалъ на большихъ высотахъ, когда въ разрѣженномъ воздухѣ не хватало кислорода. Сомнѣваться въ томъ, что женщина, о которой говорилъ ему Вадковскій, была Томилина, онъ не могъ. Шкатулка съ химерой открыла ему все. Въ одну изъ своихъ прежнихъ поѣздокъ онъ привезъ ее самъ. И если-бъ могла быть вторая, какъ двѣ капли воды похожая на нее, то царапина не крышкѣ была одной изъ тѣхъ уликъ, послѣ которыхъ сомнѣніе невозможно. Онъ помнилъ свою досаду на то, что не могъ довезти ее въ цѣлости.

Какъ поступить теперь? Предоставить этому господину продолжать свой романъ? Но вѣдь это все равно, что видѣть, какъ воръ лѣзетъ въ окно, и не предупредить хозяина. Сказать объ этомъ Томилину? Зная бѣшеную ревность своего друга, онъ считалъ это невозможнымъ. Сказать Вадковскому, что онъ подлецъ, и потребовать, чтобы онъ прекратилъ эту интригу? Но онъ могъ расхохотаться ему въ лицо и указать на дверь. Оставалась она, эта женщина, дарившая свои шкатулки и свое расположеніе тѣмъ, кто умѣлъ заслужить его. Онъ рѣшилъ, что будетъ говорить съ ней. Конечно, это было рисковано, но чтобы предупредить катастрофу, онъ былъ готовъ на все.

Ему казалось, что онъ видитъ своего друга на карнизѣ пятиэтажнаго дома, откуда каждую минуту онъ можетъ слетѣть на мостовую. И онъ слетитъ, потому что его столкнетъ женщина. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнилъ его женатымъ, эта женщина всегда тянула его внизъ. Она опутала его тонкой сѣтью мелкихъ интригъ, свѣтскихъ знакомствъ,

домашнихъ непріятностей, и онъ бился въ этой паутинѣ, не находя силъ порвать ее. Старая исторія Самсона и Далилы. Но Далила предала его не филистимлянамъ, а той ненасытной петербургской суетѣ, которая развиваетъ желчь, мигрени, безсонницу и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безобразной жизни гонитъ людей на воды отдыхать отъ переутомленія.

Больше двухъ-трехъ мѣсяцевъ Иванъ Сергѣевичъ Петербурга не выносилъ. Люди, жившіе въ этомъ аду, напоминали ему тѣ водоросли, которые живутъ въ кипяткѣ гейзеровъ. Всѣ его петербургскіе знакомые жили въ этомъ кипяткѣ, но не всѣ обладали способностью водорослей присно обляться къ нему. Жена Томилина чувствовала себя въ немъ прекрасно, самъ онъ видимо страдалъ. Будь Иванъ Сергѣевичъ на его мѣстѣ, онъ очень охотно уступилъ-бы ее Вадковскому. «Даже придачи далъ-бы!» думалъ онъ съ злорадствомъ. Но Томилинъ не могъ жить безъ своей Маруси. Это было одно изъ тѣхъ необъяснимыхъ влеченій, которыя сковываютъ людей крѣпче всякой цѣпи. Иванъ Сергѣевичъ понималъ, что если-бъ онъ обладалъ краснорѣчіемъ Мирабо, страстностью Дантона, ироніей Вольтера, онъ не могъ-бы пошатнуть власти этой женщины надъ его другомъ. Но онъ не позволитъ ей топтать въ грязь его имя.

Возвращаясь къ себѣ, онъ столкнулся на подъѣздѣ съ сестрой. Ольга Сергѣевна, только что вернувшаяся изъ театра съ биноклемъ, вѣеромъ и коробкой кошачьихъ языковъ, прошла прямо къ нему, придерживая рукой свой длинный шлейфъ, чтобы не запачкать его въ комнатѣ брата, гдѣ его деньщикъ Егоръ натопталъ ногами.

— Ну, что, былъ на юбилеѣ?—спросила она и тотчасъ-же засыпала его вопросами, кто былъ и что говорили, и что поднесли юбиляру.

Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ неохотно.

— Да тамъ много было народу. И говорили много... Что поднесли? Кажется, дѣйствительно ему что-то поднесли. Вѣнокъ или футляръ, не знаю, я близко не подходилъ... Какой обѣдъ былъ? Ну, конечно, обѣдъ былъ длинный.

Но Ольга Сергѣевна хотѣла знать, что имъ подавали.

— Сначала былъ какой-то супъ,—началъ онъ припоминать.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ еще что-то такое было... мясо кажется или рыба... не помню... Потомъ еще что-то подавали.

Онъ ждалъ, что сестра уйдетъ, но она продолжала занимать его какъ гостя, думая, что она этимъ оказываетъ ему вниманіе. Она очень гордилась своимъ братомъ и старалась окружать его всевозможными удобствами. Двѣ комнаты во время его пріѣздовъ отдавались въ его полное распоряженіе. Для него терпѣли въ домѣ его деньщика Егора,

который былъ драгоцѣнный человѣкъ въ Азіи, но въ Петербургѣ былъ невыносимъ. Ольга Сергѣевна не могла его видѣть послѣ того, какъ онъ облилъ ей кресло сѣрной кислотой. Чѣмъ легче была работа по городскимъ понятіямъ, тѣмъ тяжелѣе она казалась ему. Принести подносъ съ чашками, подать шубу, обтереть пыль съ фарфора казалось ему такъ-же трудно, какъ трудно было-бы ей поднять изъ канавы завалившійся возъ.

Когда его заставили разъ подавать умываться чужому барину, онъ стоялъ весь красный и потъ градомъ катилъ съ его лица.

— Чего ты?—спросилъ тотъ съ удивленіемъ.

— Очченно чижало, ваше благородіе.

Иванъ Сергѣевичъ былъ самъ въ родѣ Егора. Ему было тяжело все, что казалось легко и пріятно петербургскому жителю. И то вниманіе, которымъ окружали его въ домѣ сестры, было ему тягостно, но онъ не могъ, не обижая ее, остановиться въ гостинницѣ. И то, что она сидѣла теперь, разговаривая о пустякахъ, когда ему было не до нея, было только одною изъ тысячи непріятностей петербургской жизни. Онъ смотрѣлъ уныло на ея модную прическу съ греческимъ узломъ на затылкѣ. Эта красивая женщина, похожая на него, такая-же крупная, сильная, удивительно хорошо сложенная, съ густыми, темными волосами и темными глазами, съ строгимъ профилемъ и правильнымъ оваломъ лица, была ему еще болѣе чужая, чѣмъ всѣ другія. Кромѣ физическаго сходства, ничего общаго съ ней у него не было.

— Ты извини пожалуйста,—сказалъ онъ.—Я сниму мундиръ.

Ольга Сергѣевна встала.

— Ахъ да, я забыла сказать тебѣ...

И она уже на дорогѣ передала ему какую-то сплетню о Томилиной. При этомъ лицо ея приняло насмѣшливое, немножко злое выраженіе. Иванъ Сергѣевичъ никогда не могъ понять, что дѣлили эти женщины, но онъ чувствовалъ ихъ затаенную, глухую вражду. Еще менѣе было ему понятно, почему онѣ продолжаютъ знакомство и съ какимъ-то тайнымъ удовольствіемъ слѣдятъ другъ за другомъ.

Теперь, когда Ольга Сергѣевна видѣла брата утомленнымъ и какъ будто чѣмъ-то недовольнымъ, ей хотѣлось вооружить его противъ Томилиныхъ. Она знала, что человѣкъ, когда онъ разстроенъ, легче поддается всякому внушенію и переноситъ свое недовольство на другихъ.

— Ахъ да, я хотѣла предупредить тебя. Я знаю, какъ ты любишь Томилиныхъ... но ты будь все-таки осторожнѣе съ ними... Ты знаешь, что я слышала? что они хотятъ женить тебя на Шурочкѣ.

— Кого? меня?—спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.—Меня женить?

Шурочка была сестра Томилиной. Эта новая комбинація такъ ошеломила его, что онъ не нашелся больше ничего сказать.

— Да, тебя это удивляетъ? Но это очень возможно. Константинъ Дмитричъ такъ тебя любитъ. Ему конечно было-бы пріятно выдать за тебя свояченицу. Ей двадцать лѣтъ, ее пора пристроить. А Марья Владиміровна будетъ очень рада отдѣлаться отъ сестры. Все-таки, какъ хочешь, года уходятъ, а приданаго за ней нѣтъ. Въ прошломъ году они ловили для нея Вадковскаго... Ты знаешь, этотъ молодой дипломатъ... Но тутъ дѣло не выгорѣло. Онъ каждый день ѣздилъ, завтракалъ, обѣдалъ у нихъ, ухаживалъ за Марьей Владиміровной, а когда дѣло подошло къ развязкѣ, онъ уѣхалъ за-границу.

«Какое удовольствіе я доставилъ-бы ей,—думалъ Иванъ Сергѣевичъ,—если-бъ я сказалъ ей, что онъ любовникъ Томилиной».

— Меня предупредила одна знакомая, которая очень хороша съ Томилиными. Она прямо говоритъ, что теперь они ловятъ тебя, что это до смѣшного замѣтно. Она вчера была у Соколовыхъ, такъ даже тамъ объ этомъ говорятъ.

— Ахъ, да ну ихъ къ чорту! — не выдержалъ наконецъ Иванъ Сергѣевичъ.—Пускай ихъ говорятъ, что хотятъ.

Оставшись одинъ, онъ снялъ мундиръ и какъ звѣрь ходилъ по комнатѣ. Если Томилинъ способенъ былъ на такую подлость, чтобы задумать женить его, значитъ петербургская жизнь отравила и его.— Нѣтъ, бабы испортили его! рѣшилъ онъ. Онъ остановился передъ банкой, гдѣ хранилась у него въ спирту змѣя, и эта змѣя, хотя очень ядовитая, показалась ему не такъ опасна, какъ эта Шурочка и Маруся, покушавшіяся не на жизнь его, а на то, что дороже жизни—на его свободу.

И что такое Шурочка? Онъ зналъ только, что она барышня, т.-е. самое ничтожное и безполезное существо, какое только есть на свѣтѣ. Въ каждомъ петербургскомъ домѣ непремѣнно есть такая барышня, какъ есть швейцаръ и электрическій звонокъ. Она носитъ корсетъ, стучитъ на рояли, содержаніе ея стоитъ довольно дорого ея роднымъ, а ее даже для чего-то и чему-то учатъ. Потомъ она выходитъ замужъ и обманываетъ своего мужа. Вспомнивъ о Томилиной, Иванъ Сергѣевичъ не измѣнилъ своего рѣшенія завтра-же съ ней объясниться и наговорить ей самыхъ жестокихъ и непріятныхъ вещей. Онъ былъ теперь въ такомъ настроеніи, какъ израильскіе пророки, когда они шли обличать развратившійся народъ.

III.

На другое утро, въ 11 часовъ, онъ былъ у Томилиныхъ. Первое, что непріятно поразило его, было то, что его встрѣтила не хозяйка, а ея сестра Шурочка.

«Моя невѣста!» подумалъ онъ.

— Маруся очень извиняется. У нея сидитъ управляющій изъ имѣнья... Они сейчасъ очень заняты... Садитесь, пожалуйста. Они скоро кончатъ.

Она выговорила все это быстро, однимъ духомъ, какъ будто только что вбѣжала на лѣстницу. Вообще она ему показалась чѣмъ-то возбужденной. Щеки ея пылали, волосы были въ безпорядкѣ, двѣ прядки прилипали къ мокрому лбу. По ея порывистому дыханію можно было думать, что она въ самомъ дѣлѣ откуда-нибудь бѣжала.

— Вы чѣмъ-нибудь встревожены?—спросилъ онъ.

— Кто? я?... нѣтъ, ничего...

Она спѣшила незамѣтно обдернуть завернувшійся у кисти рукавчикъ, еще гуще покраснѣла, испуганно взглянула на него, потомъ сдвинула брови, отчего лицо ея приняло вдругъ суровое, непривѣтливое выраженіе. Иванъ Сергѣевичъ раньше не обращалъ на нее вниманія, но помнилъ, что никогда не видалъ ее улыбающеюся. И теперь она такъ серьезно, почти сердито смотрѣла на него, что онъ не зналъ, о чемъ съ ней заговорить.

— Вы можетъ быть заняты?.. Я вамъ мѣшаю?

— Нѣтъ пожалуйста... Чѣмъ-же я занята? Я вовсе не занята... Маруся сейчасъ придетъ. Садитесь, пожалуйста.

Она посадила его у стѣны на самый неудобный стулъ и сѣла противъ него. Ея густыя черныя брови сдвинулись еще больше. На ея смугломъ лицѣ съ сурово сжатыми губами и въ ея прекрасныхъ, но смотрѣвшихъ изъ подлобья глазахъ онъ видѣлъ тѣнь какой-то тревоги и недовольства. «Рѣшительно, она чѣмъ-то взволнована»—думалъ Иванъ Сергѣевичъ.

Ему и въ голову не приходило, что подъ ея суровой внѣшностью скрывалось страшная, почти дикая застѣнчивость. Она боялась всякаго новаго лица, а передъ Иванъ Сергѣевичемъ чувствовала непобѣдимый страхъ. Когда ей пришли сказать, что барыня занята и проситъ ее выйти къ гостю, она мыла цвѣты и, стоя на табуреткѣ, вытирала губкой широкія листья латаніи. Съ помощью экономки Амаліи Ивановны она дѣлала это сама, не позволяя никому ходить за ея цвѣтами. И прямо съ табуретки ее послали занимать гостя. Кромѣ того, что она не знала рѣшительно, о чемъ говорить съ такимъ умнымъ человѣкомъ, ее безпокоила мысль, что безъ нея Амалія Ивановна все не такъ сдѣлаетъ, какъ слѣдуетъ.

Иванъ Сергѣевичъ спросилъ ее, что она читаетъ. Она только что прочла Стэнли «Въ дебряхъ Африки», но книгъ самого Ивана Сергѣевича она не читала и [illegible] боялась, чтобы онъ не заговорилъ о нихъ. Но въ эту минуту [illegible] сетеръ, волочившій за собой длинную цѣпь. За нимъ вбѣжала раскраснѣвшаяся горничная.

— Ирма! Ирмочка!—звала она испуганно.—Ирмочка, поди сюда.

Но сетеръ носился по комнатѣ какъ буря, гремѣлъ цѣпью, задѣвая ею за стулья и вырвавшись изъ своего заточенія на волю, не помнилъ себя отъ радости.

— Ирма, поди сюда, барышня сахару дастъ.

Но вмѣсто сахара, Ирма стащила съ дивана подушку и стала съ ожесточеніемъ трепать ее. Шура кинулась къ ней и схватила ее за ошейникъ.

— Ты что?—сказала она грозно—-Арапника хочешь?

Сетеръ выпустилъ подушку и схватилъ ее зубами за платье. Шура слегка ударила его цѣпью. Онъ визгнулъ не отъ боли, а отъ огорченія, что не даютъ ему воли. На минуту онъ присмирѣлъ и смотрѣлъ на всѣхъ такъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «ахъ вы, варвары! такихъ пустяковъ не можете мнѣ позволить». Пятимѣсячный щенокъ съ черной шелковистой шерстью и съ толстыми, неуклюжими желтыми лапами, онъ обратилъ на себя вниманіе Ивана Сергѣевича. Его охотничье серце не выдержало.

— Славный песъ!—сказалъ онъ, поглаживая Ирму, которая схватила его за рукавъ.

— Кушъ! тубо!—крикнула ей Шура.—Кушъ! я тебѣ говорю.

Она нагнулась къ сетеру. Тотъ выпустилъ рукавъ гостя и неожиданно лизнулъ ее въ лицо.

— Аннушка, уведите его,—сказала Шура, сконфузившись.

— Ирма, гулять!—пригласила его горничная.

При словѣ гулять сетеръ вздрогнулъ и вдругъ какъ ураганъ кинулся къ ней. Не успѣла она схватить его за цѣпь, какъ онъ былъ уже за дверями.

— Барышня, мнѣ ее не поймать!—крикнула она съ отчаяніемъ.— Она опять къ барынѣ побѣжитъ.

Шура съ умоляющимъ видомъ оглянулась на гостя.

— Простите, я на одну минутку...

Знаю, что это не принято, оставлять гостя одного, чтобы ловить собакъ, говорилъ ея взглядъ, но что-же мнѣ дѣлать? Если Ирма убѣжитъ къ Марусѣ, она опять что-нибудь уронитъ у нея, какъ прошлый разъ, когда она вскочила лапами на столъ и разбила фарфоровый porte-bouqet и дорогую чашку. Маруся страшно разсердилась и дала слово, что если еще разъ повторится, онъ вышвырнетъ собаку изъ дому.

— Позвольте я вамъ помогу, — предложилъ Иванъ Сергѣевичъ.

И оба, не теряя времени, кинулись за Ирмой. Они настигли ее въ корридорѣ.

— Куда прикажете водворить ее?—спросилъ онъ, поймавъ ее за ошейникъ.

— Сейчасъ я ее запру... Мнѣ право такъ совѣстно, — говорила Шура, возвращаясь по корридору съ гостемъ и съ Ирмой и чувствуя, что она нарушила всѣ правила гостепріимства. Она толкнула дверь въ маленькую комнатку съ однимъ окномъ, гдѣ лежала постель Ирмы и стояла чашка съ водой.

— Это мой воспитанникъ,—сказала она какъ-бы извиняясь.—Мы его взяли, когда онъ былъ еще слѣпой.

Она заперла Ирму на ключъ и вернувшись съ Иваномъ Сергѣевичемъ въ гостинную, разсказала ему, что она воспитываетъ Ирму для Кости, т. е. для своего beau-frère'a, который будетъ съ ней охотиться.

— Маруся не любитъ собакъ. Она говоритъ, что въ городѣ ихъ нельзя держать, но я обѣщала Костѣ, что буду ходить за ней сама.

— А ваша сестра не любитъ собакъ?—повторилъ онъ и тутъ-же подумалъ: «сетера нельзя взять въ домъ, а любовника можно».

Пришелъ наконецъ человѣкъ сказать, что барыня проситъ ихъ къ себѣ. Они застали ее въ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ управляющій, только что кончившій свой докладъ, собиралъ бумаги.

Томилина была старше своей сестры, но казалась моложе ея. Черты лица у нея были неправильныя, но въ общемъ какая-то удивительная свѣжесть и блескъ глазъ и выраженіе то вызывающее, насмѣшливое, то нѣжно ласкающее невольно приковывало вниманіе. Какъ тѣнь по водѣ, пробѣгали по ея лицу всѣ эти настроенія и нельзя было уловить одного, какъ оно уже смѣнялось другимъ. Есть лица, которыя, какъ транспаранты, освѣщаются извнутри, и эта вѣчная игра свѣта и тѣни, этотъ огонь подъ пепломъ, то вспыхивающій, то потухающій, придаетъ имъ что-то нервное, безпокойное, что невольно передается другимъ.

Своимъ туалетомъ она не имѣла еще времени заняться. Она собрала жгутомъ свои каштановые волосы и въ утреннемъ капотѣ изъ фуляръ-помпадуръ съ цѣлымъ каскадомъ розовыхъ, зеленыхъ и палевыхъ лентъ, все утро съ карандашомъ въ рукахъ усчитывала управляющаго. Передъ Иваномъ Сергѣевичемъ она извинилась, что принимаетъ его неодѣтая.

— Развѣ вы не одѣты?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

Три дня тому назадъ онъ видѣлъ ее собиравшеюся на вечеръ, съ глубокими вырѣзами на спинѣ и на груди и съ обнаженными до плечъ руками. Тогда она спокойно и увѣренно стояла передъ нимъ, раздѣтая по всѣмъ правиламъ свѣтскаго приличія; теперь, закутанная до горла въ шелковый фуляръ, она извинялась, что неодѣта.

— Вы незнакомы?—спросила она, указывая на управляющаго.

Она назвала ихъ по фамиліи, и управляющій стиснулъ ему руку. Весь красный и даже мокрый отъ волненія, онъ не могъ еще опомниться отъ той бани, которую задала ему эта хорошенькая женщина въ

шелку и лентахъ. Онъ служилъ у нея недавно и былъ пораженъ ея разсчетливостью и совсѣмъ не дамской дѣловитостью. Онъ чувствовалъ къ ней какую-то смѣсь злобы и удивленія и, называя ее мысленно кулакомъ, постарался пріятно улыбнуться, когда она пригласила его завтракать.

Этотъ завтракъ въ аристократическомъ домѣ, какимъ онъ считалъ домъ Томилиныхъ, былъ для него такой-же тяжелой служебной обязанностью, какъ и утренній докладъ по имѣнью. Онъ съ гораздо большимъ удовольствіемъ спросилъ-бы себѣ въ гостинницѣ бифштексъ или мозги съ горошкомъ, чѣмъ ѣсть тутъ филе и какую-то неизвѣстную ему рыбу, но отказаться онъ считалъ неловкимъ. За столомъ сидѣли еще какія-то дамы, должно-быть родственницы, и молодой человѣкъ, очень свободно себя державшій. Онъ и хозяйка говорили за всѣхъ. Шура все время безнадежно молчала. Разъ только, когда упомянули имя Вадковскаго, она встрепенулась и встрѣтившись глазами съ Иваномъ Сергѣевичемъ, быстро отвела свои, какъ пойманная на мѣстѣ преступленія. Въ лицѣ ея что-то дрогнуло. На Томилину имя Вадковскаго не произвело никакого впечатлѣнія.

— Ахъ, этотъ парижанинъ вернулся?—сказала она насмѣшливо.— Я его называю старой кокеткой, которая не можетъ жить безъ зеркала. И этимъ зеркаломъ служимъ для него мы, женщины. Онъ непремѣнно ищетъ своего отраженія въ насъ.

— Ахъ, это такое удовольствіе видѣть Марусю съ нимъ!—замѣтила одна изъ дамъ.—Она ему ужасныя вещи говоритъ.

— Ничего ужаснаго... Я говорю ему правду. Его такъ избаловали, что онъ сталъ невозможенъ. Онъ не умѣетъ держать себя въ порядочномъ обществѣ.

Ивана Сергѣевича смутилъ небрежный, слегка презрительный тонъ, какимъ она говорила о дипломатѣ. Что если онъ ошибается и между ними ничего не было? Онъ перевелъ глаза на Шуру. Румянецъ пятнами выступалъ на ея щекахъ и смѣнялся внезапной блѣдностью. Странная мысль мелькнула у него. Что если шкатулку подарила ему она? Откуда это волненіе, этотъ взглядъ почти ненависти, какимъ она отвѣтила ему, когда увидала, какъ упорно онъ смотритъ на нее? Неужели эта дѣвушка была жертвой этого развратника и ходила къ нему на тайныя свиданія? Кто знаетъ? Эти молчаливыя, замкнутыя натуры, какъ замки съ секретомъ, открываются нелегко.

Молодой человѣкъ разсказывалъ, какъ онъ былъ въ Испаніи. Дамы спросили его, видѣлъ-ли онъ бой быковъ.

— Кто, я? Никогда. Я коровъ боюсь. Помните быка Яшку, Александра Владиміровна?—обратился онъ вдругъ къ Шурѣ. — Помните, какъ вы меня спасали отъ него?

Шура подняла голову и вдругъ улыбнулась. Улыбка сразу освѣтила ее, и въ ея суровыхъ глазахъ блеснулъ лучъ какого-то радостнаго, почто дѣтскаго удовольствія. Первый разъ Иванъ Сергѣевичъ видѣлъ ее улыбающеюся. Это было другое лицо съ какой-то невыразимой прелестью ласки, тепла и свѣта. Отъ этой улыбки становилось теплѣй на душѣ. Но она такъ-же быстро погасла, какъ и появилась. Опять то-же непривѣтливое, замкнутое выраженіе, какъ захлопнувшаяся дверь въ свѣтлую комнату, потушило этотъ внутренній свѣтъ.

— Когда-же я васъ спасала? Да никто на васъ и не нападалъ. Яшка просто смотрѣлъ на васъ, безъ всякихъ дурныхъ намѣреній.

— Благодарю васъ! безъ дурныхъ намѣреній!.. Съ какой стати быкъ будетъ такъ внимательно смотрѣть на меня? Кто его знаетъ, что онъ въ эту минуту думаетъ?

— Да ничего онъ не думалъ. Просто ему было жарко, такъ-же, какъ и вамъ.

Но молодой человѣкъ остался при своемъ мнѣніи, что быкъ непремѣнно бодался, и дамы были съ нимъ согласны. Одна Шура говорила, что Яшка выросъ у нея на глазахъ и вовсе не такъ страшенъ, какъ кажется. Тутъ стали смѣяться надъ ней, что у нея все такіе воспитанники, какъ быкъ Яшка, вѣчно сидѣвшая взаперти Ирма и неукротимый Шамиль, верховая лошадь Томилина, на которую, кромѣ него и Шуры, никто не смѣлъ садиться.

— Вы знаете,—говорила сестра,—это у нихъ общее съ моимъ мужемъ. Собаки, лошади, охота—это ихъ страсть. А приведите ей въ гостиную правовѣда, она его боится больше, чѣмъ быка Яшку.

— Вовсе я его не боюсь, Маруся, а мнѣ не о чемъ говорить съ нимъ.

— Тогда не надо жить въ Петербургѣ.

— Я живу по необходимости,—сказала она тихо.

— Мы всѣ живемъ по необходимости. Почему ты думаешь, что ты исключеніе!

Шура хотѣла что-то отвѣтить, но удержалась и только блеснула на сестру своими темными глазами.

Ивану Сергѣевичу захотѣлось еще разъ вызвать улыбку на ея лицѣ. Онъ измѣнилъ для этого своему обыкновенію никогда не говорить при дамахъ о своихъ путешествіяхъ и разсказалъ нѣсколько эпизодовъ, между прочимъ о томъ, какъ онъ пилъ разъ чай у монгольскаго князя. Онъ сдѣлалъ ему визитъ, чтобы купить у него войлоковъ, веревокъ и барановъ. Князь принялъ его съ достоинствомъ, хотя было очень замѣтно, что онъ больше знакомъ съ этикетомъ, чѣмъ съ употребленіемъ мыла. Всѣ пальцы были у него въ серебряныхъ кольцахъ, но руки грязнѣй сапога. Желая оказать особенное вниманіе гостямъ, онъ доставалъ пальцами масло изъ бараньей требухи и клалъ его въ чай себѣ и гостямъ.

— Боже, какая гадость!—перебила одна изъ дамъ.—Ради Бога не продолжайте!.. Я послѣ этого ничего ѣсть не буду.

Всѣ засмѣялись. Иванъ Сергѣевичъ достигъ своей цѣли. Шура улыбнулась, и опять то-же ощущеніе тепла и свѣта охватило его. Никогда еще женская улыбка не производила на него такого дѣйствія. Онъ, какъ художникъ, хотѣлъ-бы перенесть ее на полотно, чтобы уловить тайну ея прелести. Въ этой суровой дѣвушкѣ съ ея черными, глубокими, до дикости застѣнчивыми глазами была какая-то скрытая теплота, что-то глубоко таившееся въ ея душѣ, что она прятала ото всѣхъ.

Мысль о Вадковскомъ показалась ему въ эту минуту нелѣпою. Что могло быть общаго между ней и этимъ развращеннымъ, душевно и физически истаскавшимся человѣкомъ. Было совершенно невѣроятно, чтобы Вадковскій могъ даже остановить на ней свое вниманіе. Тутъ мысли Ивана Сергѣевича невольно вернулись опять къ Томилиной. На ея вопросъ, какъ прошелъ вчера юбилейный обѣдъ, онъ отвѣтилъ, что обѣдъ былъ обыкновенный, вполнѣ приличный и скучный, но что послѣ обѣда онъ провелъ время очень интересно: онъ просидѣлъ вечеръ у незнакомаго человѣка. Она замѣтила, что это былъ вѣроятно какой-нибудь членъ географическаго общества.

— Онъ ѣздилъ на Новую Землю, измѣрялъ дугу меридіана, зимовалъ съ самоѣдами...

— Вы ошибаетесь.

— Ну, какой-нибудь академикъ, который читалъ ваши путешествія и нашелъ, что на 124-й страницѣ у васъ пропущенъ одинъ видъ бабочекъ.

— Ну, нѣтъ. Этотъ, если и изучалъ бабочекъ, такъ совсѣмъ не тѣхъ, которыхъ изучаютъ въ академіи наукъ. Его бабочки летаютъ въ гостиной. Вы его знаете впрочемъ. Это Вадковскій.

— Вы были у Вадковскаго?—воскликнула хозяйка съ непритворнымъ удивленіемъ.—Зачѣмъ?

— Что это васъ такъ удивляетъ? Отчего я не могу быть у него?

— Да что у васъ съ нимъ общаго! О чемъ вы могли говорить съ нимъ?

— О славянскомъ вопросѣ... О женщинахъ.

— Вы! о женщинахъ? Да что вы знаете о нихъ?

— За то онъ ихъ знаетъ.

— Онъ знаетъ французскихъ актрисъ, больше никого.

Иванъ Сергѣевичъ взглянулъ на Шуру. Она разговаривала съ управляющимъ и, казалось, не слыхала ихъ.

— Я воображаю, что вы говорили!—продолжала Томилина.—Послѣ обѣда, когда вы выпили нѣсколько бутылокъ шампанскаго и стали разсказывать о своихъ побѣдахъ.

— Почему вы думаете, что онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ побѣдахъ?

— Я не думаю, я въ этомъ увѣрена. Я знаю, что это значитъ, когда вы говорите о женщинахъ.

«Что-же это? Неужели это не она?» думалъ Иванъ Сергѣевичъ, которому почему-то хотѣлось въ эту минуту, чтобы это была она. Но ни одной нотки безпокойства или волненія не слышалось въ ея голосѣ. Это былъ для нея тотъ обычный, свѣтскій разговоръ, который она, какъ хозяйка дома, считала своимъ долгомъ поддерживать. «Постой!» думалъ онъ. Я тебѣ еще поднесу сюрпризъ.

— Я хочу только сказать, какія иногда въ жизни бываютъ странныя случайности... Почему я зашелъ вчера къ Вадковскому? Почему мы заговорили о женщинахъ?.. Понятно, что мы говорили не о дугѣ меридіана... Но онъ меня совсѣмъ не знаетъ. И вдругъ онъ почему-то пустился со мной въ откровенности... Онъ мнѣ разсказалъ о своихъ отношеніяхъ къ одной женщинѣ... разумѣется не называя ее... И въ полной увѣренности, что я не знаю, кто она, онъ вошелъ въ нѣкоторыя подробности... совершенно пустыя и сами по себѣ не важныя. Но вѣдь бываютъ-же такія обстоятельства, что, благодаря случайности, глупой случайности, которой ни онъ, ни я не могли предвидѣть, я узналъ, кто эта особа. Онъ самъ ее выдалъ, даже не подозрѣвая этого.

— Это ужасно!—сказала одна изъ дамъ.

На самомъ дѣлѣ всѣ были очень довольны. Всѣ съ любопытствомъ ждали продолженія.

— Такъ это не актриса? нѣтъ?—спросила хозяйка.

— Нѣтъ, это женщина изъ общества.

Онъ сказалъ это для нея, но, взглянувъ случайно на Шуру, былъ пораженъ выраженіемъ ея лица. Она оставила свой разговоръ съ управляющимъ и съ застывшимъ на лицѣ ужасомъ смотрѣла на него. Она точно ждала удара и собиралась съ силами, чтобы отразить его. Въ ея глазахъ былъ гнѣвъ, негодованіе и нѣмая мольба. Это длилось только одну секунду, но Иванъ Сергѣевичъ понялъ, что сдѣлалъ глупость. Онъ вмѣшался не въ свое дѣло и, думая спасти одну женщину, губилъ другую. Недобрая улыбка Томилиной и огоньки, бѣгавшіе въ ея глазахъ, говорили только о разгорѣвшемся въ ней любопытствѣ.

— И послѣ этого говорятъ, что мы болтливы,—сказала она, бросивъ на Ивана Сергѣевича вызывающій взглядъ.—Но развѣ вы, господа, умѣете молчать? Вы скрываете только то, что обидно для вашего самолюбія. Если женщина обманула васъ, вы бѣситесь, но вы молчите. Но когда вы имѣли успѣхъ, о! тутъ вы непремѣнно должны съ кѣмъ-нибудь подѣлиться чувствами... Хотя я все-таки вашей исторіи не вѣрю.. И ваша таинственная дама просто какая-нибудь авантюристка...

И не давая ему времени отвѣтить, она спросила:

— Когда-же вы позовете насъ къ себѣ? Когда вы покажете намъ ваши коллекціи?

— Я очень радъ. Мои коллекціи для васъ не интересны, но если вы желаете...

— У васъ, говорятъ, прекрасный гербарій. Шура, ты такъ любишь цвѣты... Вотъ попроси Ивана Сергѣевича показать тебѣ... Ее это навѣрное займетъ. Она страстная любительница ботаники.

— Я очень радъ,—повторилъ онъ сухо.

Шура моментально потеряла для него всякій интересъ. Онъ вспомнилъ слова сестры. Мысль, что его ловятъ и что подъ видомъ ботаники хотятъ ихъ сблизить, раздражала его. Ему все вдругъ стало такъ противно, что сейчасъ-же послѣ завтрака онъ сталъ прощаться.

— Когда-же мы у васъ?—спросила хозяйка.—Мы кромѣ шутокъ къ вамъ собираемся.

— Пожалуйста. Назначьте день, я буду ждать.

— Шура, ты не помнишь, мы въ субботу никуда не приглашены?

— Не знаю, Маруся... Ты всегда куда-нибудь приглашена.

— Нѣтъ, кажется въ субботу я свободна. Вы ничего не имѣете противъ того, если мы пріѣдемъ вечеромъ?

Иванъ Сергѣевичъ былъ въ положеніи человѣка, который, встрѣтившись въ лѣсу безоружнымъ съ людьми подозрительнаго вида, слышитъ вопросъ: Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы мы сняли съ васъ шубу? Конечно, нѣтъ. Напротивъ! ему очень пріятно.

Въ душѣ онъ былъ золъ на себя. Все надѣлала химера. Не будь этой проклятой шкатулки, и не приди ему несчастная мысль спасать своего друга, онъ не потерялъ-бы сегодняшняго утра, не вырвалъ-бы тайну у дѣвушки, до которой ему нѣтъ никакого дѣла, и не нарвался-бы на этотъ визитъ, который отниметъ у него цѣлый вечеръ.

IV.

До субботы оставалось два дня. Шура съ ужасомъ думала о томъ, что надо ѣхать къ Ивану Сергѣевичу. Вспомнивъ, что она еще не читала его сочиненій, она достала послѣднюю книжку его путешествій. Надо было пробѣжать ее, чтобы въ случаѣ, если онъ заговоритъ о ней, не сказать какой-нибудь глупости. Видъ толстой книги въ шестьсотъ страницъ немножко испугалъ ее. Она была похожа на ея автора: такая-же умная, большая и серьезная.

Сначала было убійственно скучно. Какіе-то горные хребты, водораздѣлы... Это напоминало ей географію и уроки въ институтѣ. Было что-то и о Памирѣ. Одно это слово наводило на нее уныніе, какъ

что-то дикое, холодное, покрытое снѣгомъ. Вообще было, по ея мнѣнію, варварствомъ покрыть всю карту земного шара такимъ множествомъ собственныхъ именъ, которыя только портили самыя живописныя мѣста. Можно-ли было вообразить себѣ что-нибудь хорошее въ горахъ, которые назывались Гиндукушъ или Куэнь-Лунь?

Чтобы не заснуть надъ книжкой, она стала читать ее вслухъ Амаліи Ивановнѣ. Но Амалія Ивановна заснула первая. Она задремала на первомъ-же снѣжномъ перевалѣ. Шура осталась одна въ пустыняхъ Тибета.

Съ каждой новой главой она все дальше уносилась отъ Петербурга. Когда стукнула внизу дверь подъѣзда и проѣхала подъ окномъ карета, которая привезла изъ гостей ея сестру, она была уже въ гималайскихъ лугахъ, гдѣ стелется по землѣ ревень, мерзнутъ, но не покидаютъ родины рододендроны, яркими звѣздами пестрѣютъ астры и головки мака. Оттуда вмѣстѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ и съ его спутниками она спустилась внизъ къ священному ключу. Кругомъ дикій хаосъ горъ. Такъ было тутъ въ первый день міровданія, такъ осталось и теперь. Человѣкъ тутъ не царь творенія, а жалкое, безпомощное существо. Надъ головой его висятъ каменныя глыбы, подъ ногами зіяетъ бездна. Гдѣ-то тамъ въ вышинѣ парилъ орелъ, а надъ обрывомъ дрались два самца фазана. Къ ключу подъ елью прилетѣла стая голубыхъ сорокъ.

Тихо и незамѣтно надвигается ночь. Гаснутъ краски, затихаютъ звуки. Со всѣхъ сторонъ открываются какія-то таинственныя пропасти. Надъ усталымъ караваномъ всходитъ луна. Кругомъ темное кольцо лѣсовъ, впереди и позади гигантскія стѣны обрывовъ. Передъ дикой, суровой, мертвенной красотой этого пейзажа исчезаетъ самое понятіе о времени. При Карлѣ Великомъ, при египетскихъ фараонахъ все такъже свѣтила эта луна, такъ-же шумѣлъ ключъ подъ елью, чернѣли тѣже пропасти и уходили въ вышину тѣ-же гранитныя глыбы съ ихъ холоднымъ, отраженнымъ луннымъ свѣтомъ.

Въ одну ночь Шура прошла съ экспедиціей весь ея маршрутъ. Она была въ рощахъ изъ гималайской березы, шла по карнизамъ горъ, по едва замѣтнымъ тропинкамъ, гдѣ съ отвѣсныхъ скалъ постоянно срывались камни. Вонъ изъ стѣны выдается конусъ, который чуть держится на вышинѣ. Глыба въ шестьсотъ пудовъ каждую минуту можетъ упасть имъ на голову. Но спутники Ивана Сергѣевича народъ испытанный. Его казаки пойдутъ за нимъ на край свѣта. Казака не остановитъ ни снѣжный буранъ, ни вѣтры пустыни, заметающіе передъ нимъ дорогу. Съ отмороженными пальцами, съ чернымъ распухшимъ лицомъ онъ идетъ себѣ впередъ, перевязывая на привалѣ свои раны на ногахъ и закрывая синей тряпкой глаза отъ нестерпимаго блеска снѣга. Заблу-

дившись въ горахъ, онъ нѣсколько сутокъ голодаетъ и наконецъ моетъ въ ключѣ рубашку, чтобы въ ней умереть.

Шура вспомнила своего двоюроднаго брата, здороваго и сильнаго мужчину, который не давалъ доктору проколоть ему нарывъ на пальцѣ, блѣднѣя при одномъ словѣ «операція». Сколько она знала въ Петербургѣ такихъ людей, которые держали въ своихъ рукахъ судьбу другихъ смертныхъ и сами трепетали передъ мыслью выдернуть себѣ больной зубъ. Никто изъ этихъ умныхъ, хорошо воспитанныхъ мужчинъ во фракахъ, которыхъ такъ любила ея сестра Маруся, не умѣлъ переносить физическихъ лишеній, не могъ самъ достать себѣ воды изъ колодца, прорубить каналъ во льду, не остановилъ-бы на улицѣ лошадь, когда она понесла и давитъ народъ. Когда нужно было рисковать своей жизнью, это дѣлали городовые, дворники, пожарные, а господа во фракахъ, смѣлые и находчивые въ гостиныхъ, были жалки и безпомощны при малѣйшей опасности. И вотъ тутъ въ этой книгѣ она нашла людей, которые не боятся лишеній.

Образъ Ивана Сергѣевича все ярче выступалъ передъ нею. Онъ не былъ ни командиромъ отдѣльной части, ни предсѣдателемъ комитета, и люди шли за нимъ, не справляясь о томъ, какіе у него права на государственной службѣ. Твердая, какъ проволока, его сильная воля не боялась испытаній. За неутомимую страсть къ путешествіямъ его сѣкли, когда онъ былъ кадетомъ, сажали подъ арестъ юнкеромъ, и все-таки съ грошемъ въ карманѣ онъ сдѣлалъ свою первую экспедицію, прошелъ пѣшкомъ нѣсколько тысячъ верстъ. Теперь у него было европейское имя, но онъ остался тѣмъ-же нелюдимымъ, бѣжавшимъ отъ общества человѣкомъ. Соблазны свѣтскихъ гостиныхъ, когда они распахнули передъ нимъ свои двери, не коснулись его. Онъ все такъ-же ненавидѣлъ Петербургъ съ его лживой лицемѣрной моралью. Больше всего онъ цѣнилъ въ людяхъ то, что рѣже всего въ нихъ встрѣчается— правдивость. Выбирая себѣ товарищей для своихъ путешествій, онъ былъ очень остороженъ. Его препараторъ, ботаникъ, топографъ, всѣ были люди испытанные; его казаки были ему преданы. Даже двѣ собаки, сопровождавшія его отрядъ волонтерами, были изъ той-же породы сильныхъ, выносливыхъ звѣрей, любителей сильныхъ ощущеній. Онѣ держали себя съ достоинствомъ, какъ члены географическаго общества, участники ученой экспедиціи.

Этотъ маленькій кружокъ, затерянный въ пустыняхъ дальней Азіи, былъ дружной семьей, горѣвшей одной страстью — къ волѣ, простору, движенію... И это ощущеніе простора, близости къ природѣ все сильнѣе захватывало Шуру съ каждой новой главой. Она видѣла дивную панораму горъ при восходѣ солнца, когда точно оторванный отъ земли и поднятый къ облакамъ человѣкъ рвется мыслью все дальше и

выше, ближе къ небу, и все мелкое, земное, ничтожное осыпается какъ пыль.

Путешествіе Стэнли въ дебряхъ Африки не произвело на нее такого впечатлѣнія. Тамъ ее возмущали эти толпы черныхъ рабовъ, которыхъ гнали какъ скотъ и бросали умирать на дорогѣ. Это была какая-то бойня, жестокая, варварская, хотя и во славу науки. Тутъ не было рабовъ. Казаки Ивана Сергѣевича не были его вьючными животными. Деспотическая Русь и свободная Англія выполняли свои задачи на окраинахъ каждая по своему. Въ душѣ Ивана Сергѣевича, этого русскаго армейскаго офицера, было больше демократизма, чѣмъ въ англо-саксонскомъ сердцѣ знаменитаго Стэнли.

Когда, дочитавъ главу, Шура потушила огонь, ей странно было думать, что это тотъ самый полковникъ, который ловилъ съ ней Ирму. Она видѣла его въ пустынѣ съ этой горстью смѣльчаковъ, цѣлыми недѣлями не встрѣчавшихъ никого, кромѣ коршуна и ящерицы. Мертвое величіе этой пустыни охватило ее трепетомъ. Она слышала горькій запахъ полыни, единственнаго растенія, которое тамъ встрѣчается, и эта полынь, могильная тишина, звѣздное небо и чувство безконечности, необъятности, все сливалось съ мыслью о томъ, что есть гдѣ-то другая жизнь, ей неизвѣстная. Вдругъ она вспомнила разговоръ за завтракомъ и тотъ взглядъ, который Иванъ Сергѣевичъ остановилъ тогда на ней, и горячая краска даже въ темнотѣ покрыла ей лобъ и шею.

V.

Иванъ Сергѣевичъ былъ эти дни очень занятъ. Онъ спѣшилъ кончить свои дѣла, чтобы поскорѣй уѣхать изъ Петербурга. Какъ-то, вернувшись домой, онъ нашелъ у себя карточку Вадковскаго и былъ очень доволенъ, что тотъ не засталъ его. Когда онъ сказалъ сестрѣ, что Томилины будутъ у него, та только улыбнулась своими тонкими губами, какъ-бы желая сказать: ты видишь, я была права.

Считая, что вечеръ въ субботу все равно потерянъ, онъ согласился, чтобы она позвала еще нѣкоторыхъ знакомыхъ, которымъ она будетъ его показывать, какъ знаменитаго путешественника. Приглашая къ себѣ гостей, она не забывала прибавить мимоходомъ:

— Кстати, я васъ познакомлю съ моимъ братомъ.

На лицѣ гостя выражалось пріятное удивленіе.

— Ахъ, это тотъ, который...

Да это былъ ея знаменитый братъ, пріѣхавшій изъ Тибета.

Съ Томилиными онъ рѣшилъ быть холодно вѣжливъ. Къ его удивленію онѣ пріѣхали не однѣ. Съ ними былъ Вадковскій. Онъ очень непринужденно поздоровался и слегка извинился, что пришелъ безъ зову.

— Николай Петровичъ у насъ обѣдалъ,—объяснила Томилина,—и когда узналъ, что мы ѣдемъ къ вамъ, непремѣнно просилъ, чтобы мы взяли его съ собой.

Шура молча подала руку Ивану Сергѣевичу. Она была очень интересна въ своемъ шелковомъ платьѣ chaudron, что очень шло къ ея чернымъ волосамъ, но смотрѣла такъ-же непривѣтливо, такъ-же неприступно держалась. На Вадковскаго она ни разу не взглянула. Ивану Сергѣевичу его присутствіе было крайне непріятно. Избѣгая его, онъ сѣлъ съ какой-то дамой, которая своими пышными рукавами закрывала его какъ ширмами.

— А Константинъ Дмитричъ?—спросила хозяйка Томилину.

— Костя пріѣдетъ потомъ. Онъ въ засѣданіи.

Начался тотъ свѣтскій разговоръ, который всегда удивлялъ Ивана Сергѣевича, какъ удивили-бы кита звуки мандолины. Дамы спросили Вадковскаго, что новаго въ Парижѣ. Тамъ у нихъ нашлись общіе знакомые, какой-то князь Никита и маленькая баронеса, за которой онъ ухаживаетъ.

— Онъ увидалъ разъ ея ножку въ розовомъ чулкѣ и въ туфлѣ со стеклярусомъ и съ мѣста растаялъ, говорилъ Вадковскій. Думаетъ, что она страстная женщина, а она нѣмецкая селедка.

Но тутъ вдругъ вспомнивъ, что рядомъ сидитъ Шура и что ей неприлично слушать такіе разговоры, Томилина поспѣшила отослать ее.

— Иванъ Сергѣевичъ, я вамъ поручаю мою сестру,—сказала она.—Вы ей обѣщали показать свой гербаріумъ.

— Я готовъ, извольте!—согласился онъ вставая.

Дама, закрывавшая его своими рукавами, съ неудовольствіемъ оглянулась. Она ему разсказывала о своемъ душевномъ состояніи, когда люди, въ которыхъ она вѣрила, обманули ея ожиданія. Иванъ Сергѣевичъ былъ очень радъ отъ нея отдѣлаться. Для него было два сорта женщинъ, которыхъ онъ не выносилъ: тѣ, которыя говорили ему о его путешествіяхъ, и тѣ, которыя говорили о своемъ душевномъ состояніи.

Шура неохотно встала.

— А ты, Маруся?—спросила она, бросивъ на сестру безпокойный взглядъ.

Вадковскій что-то разсказывалъ дамамъ, понизивъ голосъ. Должно быть это было что-нибудь очень нескромное, потому что Ольга Сергѣевна закрылась французскимъ романомъ, лежавшимъ на столѣ.

— Пожалуйста не забывайте, что вы здѣсь въ хорошемъ обществѣ,—сказала ему Томилина съ едва замѣтной насмѣшкой по адресу хозяйки.—Ольга Сергѣевна не любитъ такихъ разговоровъ.

— Позвольте, я только повторяю то, что я говорилъ вамъ.

— Мнѣ—это другое дѣло. Я знаю, что вы человѣкъ невоспитанный, но она этого не знаетъ.

— Напротивъ,—прибавила хозяйка, пріятно улыбаясь.—Я слышала такъ много хорошаго...

— О немъ? не можетъ быть!

— Нѣтъ, я вижу, Марья Владиміровна что-то противъ васъ имѣетъ.

— Кто? Марья Владиміровна? Она меня очень любитъ, мы съ ней друзья,—отвѣтилъ онъ фатовато и облокотившись на диванную подушку уронилъ ее, причемъ самъ потерялъ равновѣсіе и чуть не упалъ.

Хозяинъ кинулся поднимать ее, но Вадковскій предупредилъ его.

— Вотъ дружба женщины!—сказалъ онъ, поднимая подушку.—На нее нельзя опереться.

Былъ уже одинадцатый часъ, время, когда ложатся спать и ѣдутъ въ гости. Гости дѣйствительно начинали съѣзжаться. Томилина въ своемъ платьѣ нѣжно-фисташковаго цвѣта изъ самой модной мятой матеріи, которая тѣмъ дороже цѣнилась, чѣмъ больше она была смята, окружила себя мужчинами и совершенно забыла объ Иванѣ Сергѣевичѣ. Чтобы не оставлять его съ Шурой одного, хозяйка послала къ нимъ мужа. Вадковскаго она хотѣла удержать, но онъ, извинившись, что ему надо отдать визитъ Ивану Сергѣевичу, тоже ушелъ къ нимъ.

— Вотъ рекомендую! мой деньщикъ Егоръ,—говорилъ Иванъ Сергѣевичъ.—Въ Китаѣ былъ, съ монгольскимъ княземъ чай пилъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—удивилась Шура.—Вы были у князя?

— Такъ точно.

Егоръ улыбнулся во весь ротъ. Ему было смѣшно, что ему говорили вы. Гости просили его разсказать, какъ онъ былъ у князя.

— Такъ что мы значитъ... Насъ четверо было... Ну, мы и пошли... Давай, думаемъ, поглядимъ, какой такой князь. Ну, пришли, ничего... Онъ на насъ глядитъ, мы на него... Посадили насъ, угостили. Мы говоримъ: пріѣзжай къ намъ, и мы тебя угостимъ.

— Вы на какомъ-же языкѣ съ нимъ говорили?

— Такъ что мы по своему, а онъ по своему... У насъ Рыбкинъ и по ихнему знаетъ. А онъ намъ палецъ показываетъ. Хорошо, значитъ, покорно благодарю.

— Ты говори яснѣе, кто онъ? князь или Рыбкинъ?

— Такъ точно, князь.

— Какъ-же вы къ нему попали?

— Да мы и сами потомъ, ваше благородіе, дивились. Гляди, говоримъ, куда зашли.

— Что-же, онъ важный?—спросилъ Вадковскій.

— Страшное дѣло, ваше благородіе. Толстый, большой, пять халатовъ на немъ. Такъ что и женъ у него много... Никакъ три или четыре.

Оказалось однако, что важный князь разстался съ казаками въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Уходя, они подарили ему горсть табаку, гривенникъ и завалявшійся въ карманѣ кусочекъ сахару.

Показывая Шурѣ свой гербарій, Иванъ Сергѣевичъ не могъ не замѣтить ея разсѣянности. Близость Вадковскаго видимо волновала ее. Онъ смотрѣлъ, нагибаясь черезъ ея плечо, и дѣлалъ разныя замѣчанія въ родѣ того, что высохшіе цвѣты, какъ постарѣвшая женщина, ничего не говорятъ его воображенію.

— Такъ не смотрите, если это вамъ—неинтересно, промолвила она съ неудовольствіемъ.

— Нѣтъ, отчего-же? Вотъ это напримѣръ... что это перецъ или ваниль? По моему это перецъ.

Иванъ Сергѣевичъ объяснилъ, что это священный стручекъ индѣйскаго дерева, подарокъ ламы.

Священный стручекъ занялъ его зятя, который до тѣхъ поръ стоялъ со скучающимъ видомъ, разсматривая банки съ притертыми пробками, разложенные на столахъ образцы минераловъ, хронометры, компасы, все, что онъ видѣлъ уже не разъ.

— Что такое? покажите... Подарокъ ламы? Я этого не видалъ.

Чтобы уступить ему мѣсто, Шура и Вадковскій слегка отодвинулись.

— Да, это что-же собственно такое? Это ѣдятъ или они молятся этому?

Отвѣчая ему, Иванъ Сергѣевичъ невольно слушалъ, что говорятъ рядомъ.

— За что вы на меня сердитесь?—спрашивалъ Вадковскій.—Вы имѣете видъ разгнѣванной богини.

— Я такая-же, какъ и всегда.

— Положимъ, вы всегда суровы, но это къ женщинѣ не идетъ. Я вамъ долженъ сказать, что и къ вамъ это не идетъ. Вы гораздо милѣе, когда вы улыбаетесь.

— Я улыбаюсь, когда мнѣ весело.

— Женщина всегда должна быть весела. Когда ей 20 лѣтъ, ей нѣтъ причины быть грустной.

— Да, это любопытно, — говорилъ зять Ивана Сергѣевича, почему-то понюхавъ стручекъ.—Можетъ быть это отъ какихъ-нибудь болѣзней помогаетъ. Это вотъ надо-бы нашимъ докторамъ показать.

— Да вѣдь вы ото всѣхъ болѣзней лѣчитесь коньякомъ,—замѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ.

И снимая пропускную бумагу, чтобы показать Шурѣ первый весенній цвѣтокъ, тюльпанъ, онъ сталъ такъ, чтобы Вадковскій не могъ больше смотрѣть черезъ ея плечо. Не чувствуя больше за собой того волновавшаго ее сосѣдства, она стала спокойнѣе и, читая латинскія над-

писи «Iris gracilis. Trollius pumilus», выражала радостное удивленіе, когда видѣла знакомый ей колокольчикъ или вѣтку жимолости. Какъ должно быть хорошо тамъ въ далекихъ горахъ Азіи найти свое, родное, какъ стараго пріятеля въ незнакомомъ обществѣ.

Мужчины заговорили объ охотѣ. Иванъ Сергѣевичъ снялъ со стѣны двуствольный штуцеръ Ланкастера, подарокъ офицеровъ генеральнаго штаба, и, показывая его, разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ своей охоты на дикаго яка, привлекательной, по его мнѣнію, тѣмъ, что звѣрь иногда кидается на охотника. При этомъ меньше десяти пуль его не уложатъ и попавшая наискось штуцерная пуля не пробиваетъ ему черепа.

— Ну, и что-же?—удивился хозяинъ.—Онъ на вась полѣзетъ, вы промахнетесь... ну, и до свиданья!

— Все можетъ быть,—отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ.—Бываетъ, что люди падаютъ съ дрожекъ и разбиваютъ себѣ голову.

Вадковскій согласился, что лучше погибнуть отъ видимой опасности, чѣмъ отъ невидимой. Нынче летаютъ по улицамъ микробы и достаточно, говорятъ, одной такой штукѣ влетѣть къ вамъ въ форточку, чтобы вы были убиты какъ на войнѣ. Что вы сдѣлаете съ врагомъ, котораго можно видѣть только въ микроскопъ? И не лучше-ли въ самомъ дѣлѣ погибнуть отъ большого быка, чѣмъ отъ маленькой микробы?

Но Иванъ Сергѣевичъ ни въ какія микробы не вѣрилъ. По его мнѣнію, мода на нихъ такъ-же мимолетна, какъ дамская шляпка. Пройдетъ сто лѣтъ, и никто о нихъ не будетъ говорить.

Вадковскій, не имѣвшій на этотъ счетъ опредѣленнаго мнѣнія, сталъ, однако, спорить, что микробныя палочки тифа открыты подъ микроскопомъ и слѣдовательно существуютъ. Иванъ Сергѣевичъ на это возразилъ, что если два явленія существуютъ одновременно, то это еще не доказываетъ, чтобы одно было непремѣнно слѣдствіемъ другого. Было-же замѣчено еще сорокъ лѣтъ тому назадъ, что всякій разъ, какъ ставили новую оперу Мейербера, въ Европѣ появлялась холера. Между палочками тифозной эпидеміи и самой эпидеміей можетъ быть такая-же связь, какъ между холерой и мейерберовскими операми.

Тутъ хозяинъ, не любившій отвлеченныхъ разговоровъ, когда, по его словамъ, помножали вѣчность на безконечность, посмотрѣлъ на часы.

— Ну, что-жъ, я думаю, хорошенькаго понемножку... Пойдемте къ женѣ, господа. Пора и чай пить.

Вадковскій предложилъ руку Шурѣ. Она съ удивленіемъ взглянула на него, поднялась съ мѣста, но руки не приняла.

— Вотъ моя судьба у женщинъ!—сказалъ онъ шутливо.—Предложилъ руку и получилъ отказъ.

VI.

За дверью послышались голоса и шелестъ женскихъ платьевъ. Вошла Томилина съ какой-то дамой и съ ними высокій, худощавый военный съ нервнымъ и нѣсколько утомленнымъ лицомъ.

— Костя безъ васъ жить не можетъ, — сказала она Ивану Сергѣевичу.

Военный былъ Томилинъ. Онъ сказалъ, что страшно усталъ, попросилъ сельтерской воды и поздоровался съ Шурой, какъ съ незнакомой, но потомъ, замѣтивъ свою ошибку, удивился.

— Ахъ, это ты! Я тебя не узналъ. Что это у тебя за платье? Я не видалъ его.

— Это? Я его второй годъ ношу.

— Первый разъ вижу.

Тутъ жена стала надъ нимъ смѣяться, что онъ цѣлую зиму видитъ на ней какую-нибудь накидку, потомъ вдругъ начинаетъ удивляться.

— Это у тебя новая поддевочка-то?

Понятія о женскихъ нарядахъ у него были самыя смутныя. Всякую отдѣлку онъ называлъ оборочкою, всякое кружево блондой. Видъ очень нарядной женщины производилъ на него устрашающее впечатлѣніе. Женщина въ бальномъ платьѣ казалась ему такъ-же опасна, какъ хорошо вооруженный мониторъ. Теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ женитьбы, онъ сталъ къ этому равнодушнѣе, но въ молодости онъ избѣгалъ баловъ и вечеровъ, гдѣ видъ красивыхъ, полураздѣтыхъ дамъ внушалъ ему безотчетный страхъ. Когда одна изъ нихъ подходила къ нему, ему хотѣлось крикнуть: зачѣмъ? не нужно! оставь!

— Ты что это пропалъ? — спросилъ онъ Ивана Сергѣевича. — Я тебя вчера видѣлъ на Литейной. Съ кѣмъ это ты шелъ?

— Вчера? не помню, — отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ, не переставая наблюдать за Шурой, которая машинально перелистывала гербарій.

Кто скажетъ, глядя на эту барышню изъ хорошаго общества, которую не возятъ во французскій театръ, чтобы не развратить ея воображенія, и отсылаютъ въ другую комнату, когда говорятъ двусмысленности, кто скажетъ, что подъ этимъ шелковымъ лифомъ бьется сердце опытной, все испытавшей женщины?

Эта дѣвушка, о которой недавно еще онъ совсѣмъ не думалъ, теперь внушала ему жалость и что-то похожее на злобу. Даже то, что Вадковскій былъ съ нимъ какъ-то особенно любезенъ, онъ приписывалъ ей.

«А что, если я ошибаюсь?» подумалъ онъ вдругъ. «Что я знаю, кромѣ того, что кто-то подарилъ ему шкатулку. Развѣ не могло быть,

что Томилины подарили ее кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ и что она попала къ нему совсѣмъ изъ другихъ рукъ! И не проще-ли выяснить это теперь-же?» Въ самомъ дѣлѣ развѣ не могъ онъ спросить Томилина, куда дѣвалась эта вещь. Иванъ Сергѣевичъ удивился, что эта мысль, до того простая, не пришла ему раньше.

А тутъ кстати представился къ этому и случай. Дамы сами заговорили о томъ, не привезъ-ли онъ чего-нибудь интереснаго, какихъ-нибудь художественныхъ вещей, вѣера, экрана, живописи по фарфору.

— Нѣтъ, на этотъ разъ ничего. Очень трудно такія вещи довезти въ цѣлости. Ты помнишь, я тебѣ разъ привезъ китайскую шкатулку съ химерой, и мнѣ ее дорогой попортили,—обратился онъ къ Томилину.—Кстати, что она? цѣла у тебя?

Тотъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него, потомъ на жену.

— Охота вамъ привозить ему хорошія вещи,—замѣтила она небрежно.—Онъ имъ цѣны не знаетъ.

— Позволь!—вспомнилъ вдругъ Томилинъ.—Позволь! ты, кажется, ее кому-то подарила.

— Ахъ, Костя, ты меня подводишь!—сказала она, блеснувъ глазами.—Зачѣмъ-же ты выдаешь меня Ивану Сергѣевичу?

— Я помню, что ты какую-то саламандру, медузу, вообще что-то изъ миѳологіи подарила Николаю Петровичу.

— Что такое? въ чемъ дѣло?—спросилъ дипломатъ съ апломбомъ. Я слышу, тутъ упоминаютъ мое имя.

Когда ему сказали въ чемъ дѣло, онъ на минуту смутился.

— Какъ? Не можетъ быть! Развѣ это былъ вашъ подарокъ?

Иванъ Сергѣевичъ, не отвѣчая, молча, въ упоръ смотрѣлъ на него и то, что дипломатъ прочелъ въ его глазахъ, лишило его обычной самоувѣренности. Изъ этого неловкаго положенія вывелъ его хозяинъ, пригласившій всѣхъ пить чай.

Иванъ Сергѣевичъ чувствовалъ, что узелъ, который онъ хотѣлъ развязать, затянулся еще крѣпче. Онъ узналъ, что на свиданія ходила старшая сестра. Но что значитъ тогда смущеніе младшей? Почему она такъ волновалась, когда онъ заговорилъ о Вадковскомъ? Опять смутныя, неясныя подозрѣнія зашевелились въ его душѣ.

«Химера»!—думалъ онъ съ ненавистью, глядя на нѣжную, бѣлую шею Томилиной, выступавшую какъ мраморъ изъ чернаго шантильи, которымъ былъ отдѣланъ ея корсажъ.

Онъ сидѣлъ задумавшись, совершенно забывъ о томъ, что гости приглашены для него и что нѣкоторыя дамы пріѣхали нарочно, чтобы посмотрѣть его. Не смотря на свои сорокъ лѣтъ, онъ былъ еще красивымъ мужчиной и при своей громкой извѣстности могъ-бы дѣлать по-

бѣды въ свѣтѣ. Но въ этотъ вечеръ онъ держалъ себя такъ, что дамы скоро оставили его въ покоѣ.

— Когда я гляжу на него,—разсказывала потомъ одна изъ нихъ,— мнѣ хочется говорить о чемъ-нибудь очень умномъ и очень скучномъ, о земледѣліи, о нищенскихъ комитетахъ...

Вообще человѣкъ рѣшительный, онъ чувствовалъ, что на этотъ разъ нѣтъ въ немъ прежней увѣренности. Имѣетъ-ли онъ право вмѣшиваться въ семейную жизнь Томилиныхъ? Можно-ли вообще спасать семейное счастіе другого помимо его воли и желанія?

— Нѣтъ, вы это серьезно говорите?—услыхалъ онъ позади себя.— Что-же по вашему честнѣе, сказать все мужу или обманывать его?

Спрашивавшая была женщина. Слегка отодвинувшись, онъ могъ ее видѣть. Она была уже не первой молодости, съ утомленнымъ, но все еще прекраснымъ лицомъ. Около нея сидѣлъ господинъ съ нездоровой полнотой людей, страдающихъ ожиреніемъ сердца, и черными, злыми глазами.

— Странный вопросъ!—сказалъ онъ, сверкнувъ на нее взглядомъ — Эта дама, вы говорите, семь лѣтъ обманывала мужа. Семь лѣтъ онъ съ ней обѣдалъ и чай пилъ, и тутъ-же за столомъ сидѣли дѣти, и всѣ были счастливы и довольны. Онъ приходилъ со службы, цѣловалъ ее въ лобъ и говорилъ ей: Сонечка, или Манечка, усталъ я, голубчикъ, вели-ка скорѣй супъ подавать... И Манечка ему супъ наливала и все шло прекрасно... Вдругъ на восьмой годъ ей стало грустно. Ахъ, зачѣмъ я его обманываю?.. Сударыня, да чего-же вы раньше думали?

— По моему, она поступила честно,—проговорила дама волнуясь.

— Вы находите, что это честно придти къ человѣку и сказать ему: я семь лѣтъ тебя обманывала?

— Нѣтъ, вы не хотите меня понять,—продолжала она нервно.— Самое ужасное—это обманъ. Его не должно быть между близкими людьми. Когда нѣтъ любви, гораздо честнѣе сказать объ этомъ прямо.

— Зачѣмъ? съ какою цѣлью?

— Какъ зачѣмъ? Боже мой!.. да если человѣкъ страдаетъ, если его мучаетъ совѣсть.

— Вотъ ежели-бы я деньги укралъ и меня совѣсть мучала, и я ихъ назадъ принесъ, это еще я понимаю. А тутъ что она можетъ мужу вернуть? Она у него, напротивъ, послѣднее отнимаетъ. Тупымъ ножомъ его рѣжетъ.

— Такъ неужели-же нужно только, чтобы Манечка мужу супъ наливала, а что у Манечки въ душѣ, до этого ему дѣла нѣтъ?

— Нѣтъ-съ! всякій поступокъ, даже женскій, долженъ имѣть ло-гическую цѣль.

Онъ говорилъ задыхаясь и потиралъ рукою жилетъ, какъ-бы чу-ствуя стѣсненіе въ груди. Былъ-ли это обманутый мужъ или просто

человѣкъ, страдавшій ожирѣніемъ и печенью, но его слова заинтересовали Ивана Сергѣевича.

Встрѣтившись съ нимъ глазами и замѣтивъ, что онъ слушаетъ ихъ, дама обратилась къ нему.

— Ну вотъ, скажите ваше мнѣніе! Вы допускаете, что можно такъ жить? Что у васъ камень на душѣ, что ложь тяготитъ васъ, и вы всетаки молчите?

— Конечно, мнѣ будетъ легче,—перебилъ желчный господинъ,— если я этотъ камень свалю на другого. Мнѣ его тяжело нести, такъ неси ты, мой другъ... Нѣтъ, если ты каешься, такъ неси его одинъ. Молчи и не отравляй жизнь другому.

— И вы то-же думаете?—спросила она Ивана Сергѣевича.

— Я вообще не понимаю покаянія.

— Да вы христіанинъ?

— Я православный. Крещенъ въ Москвѣ у Андріана и Натальи.

— И вы это говорите, что вы не признаете раскаянія?

— Я сказалъ покаянія... Это двѣ вещи разныя.

— Все равно, если вы вѣрующій, вы не можете этого говорить.

Иванъ Сергѣевичъ не соглашался съ этимъ. Онъ утверждалъ, что мы послѣднее время слишкомъ охотно каемся и даже въ заслугу себѣ это ставимъ, точно къ ордену себя представляемъ, что это наша славянская черта, въ которой онъ лично ничего хорошаго не видѣлъ, напротивъ видѣлъ признакъ распущенности и слабости воли. Гораздо труднѣе бороться съ злой волей, пока она еще не одолѣла насъ, чѣмъ выйти потомъ на площадь и, поклонившись на всѣ четыре стороны, сказать: простите меня, православные!

— Какъ вы ошибаетесь!—воскликнула дама горячо. — Это самое трудное, что только есть на свѣтѣ и только нашъ русскій народъ на это способенъ.

Но Иванъ Сергѣевичъ съ своими прямолинейными мнѣніями стоялъ на своемъ. Горькій опытъ убѣдилъ его въ томъ, говорилъ онъ, что человѣкъ, разъ сдѣлавшій подлость, потомъ, сколько-бы не каялся, способенъ повторить ее. Эти слабыя души, колебавшіяся какъ тростникъ были ему ненавистны. Даже съ собой въ экспедиціи онъ такихъ людей не бралъ, а въ семейной жизни они, какъ гиря на шеѣ, висѣли у своихъ близкихъ.

Желчный господинъ ушелъ играть въ карты, Иванъ Сергѣевичъ остался съ дамой.

— Позвольте мнѣ теперь предложить вамъ одинъ вопросъ,—сказалъ онъ.—Если-бы вы случайно узнали, что въ семьѣ близкихъ вамъ людей жена измѣняетъ мужу, или мужъ женѣ,—поправился онъ,— что-бы вы сдѣлали.

— Да ничего. Что-же тутъ можно сдѣлать?

— А когда человѣкъ тонетъ, вы будете его спасать?

— Я—нѣтъ,—отвѣтила она смѣясь.—Я не умѣю плавать.

— Вы христіанка?

— Да, но если я кинусь въ воду, тогда уже надо будетъ спасать не одного, а двоихъ.

— Хорошо, ну все-таки представьте себѣ, что кто-нибудь изъ вашихъ близкихъ въ такомъ положеніи. Вы что-же, будете ждать, пока жена, нагрѣшивши, придетъ сама сказать объ этомъ мужу?

— Кто-же другой возьметъ это на себя?

— Это удивительная вещь. Если у человѣка пуговица отъ сюртука оторвалась, ему говорятъ: посмотрите, у васъ пуговицы нѣтъ. А онъ теряетъ жену и всѣ говорятъ: это не мое дѣло. Вы, какъ христіанка, не должны-бы этого говорить, прибавилъ онъ спокойнѣе.

— Напротивъ, я даже изъ чувства милосердія не стала-бы вмѣшиваться. И потомъ хотите знать, что изъ этого выйдетъ? Жена васъ возненавидитъ, а мужъ вамъ не повѣритъ.

— Ну, а если-бы вы могли предупредить несчастіе и остановить эту женщину раньше, чѣмъ она погибла?

— Вы когда-нибудь катались съ горъ?—спросила она вдругъ.—Такъ вотъ остановите сани, когда онѣ летятъ съ горы. Попробуйте это сдѣлать.

VII.

Иванъ Сергѣевичъ рѣшилъ однако сдѣлать именно то, что дама считала невозможнымъ—остановить сани, катившіяся съ горы. И несмотря на то, что онъ былъ страшно занятъ, онъ на слѣдующей недѣлѣ три раза былъ у Томилиныхъ. Но самая простая вещь помѣшала ему привести его планъ въ исполненіе. Онъ ни разу не заставалъ Марью Владиміровну одну. У нея всегда кто-нибудь былъ, и мужъ ея какъ нарочно былъ эти дни нездоровъ и не выходилъ. Разъ Томилинъ даже замѣтилъ, что его присутствіе какъ будто непріятно Ивану Сергѣевичу, который противъ обыкновенія прошелъ прямо къ его женѣ и, увидавъ его тамъ, не могъ скрыть своего неудовольствія.

— А ты все еще не выходишь?—сказалъ онъ неособенно любезно.

— Я тебѣ мѣшаю?—спросилъ Томилинъ, удивленный его тономъ.

— Да что такое у тебя? Чѣмъ ты собственно боленъ?

— У Кости гриппъ,—отвѣтила за него жена.—Докторъ не позволилъ ему выходить.

Да, ты мнѣ мѣшаешь! хотѣлось крикнуть Ивану Сергѣевичу. Черезъ недѣлю я долженъ уѣхать, и эта женщина приведетъ къ тебѣ въ домъ любовника. Она посадитъ его рядомъ съ тобой и съ своей

родной сестрой, и ты будешь дѣлить съ нимъ хлѣбъ-соль. А онъ потомъ, возвращаясь съ обѣда, будетъ разсказывать пріятелямъ о своихъ побѣдахъ. У него было неудержимое желаніе сказать ей что-нибудь грубое. Вмѣсто этого онъ долженъ былъ почтительно обращаться съ ней и поддерживать свѣтскій разговоръ.

Раздраженный своей неудачей, онъ былъ не въ духѣ. Черезъ десять минутъ онъ всталъ.

— Куда ты?—удивился Томилинъ.—Посиди съ нами.

— Не могу. У меня нынче докладъ въ географическомъ обществѣ.

— Мы еще увидимся, — сказала Марья Владиміровна. — Мы съ Шурой будемъ на вашемъ докладѣ.

— Какъ! ты ѣдешь въ географическое общество?—спросилъ мужъ, не вѣрившій своимъ ушамъ.

— Развѣ ты этого не зналъ?—отвѣтила она спокойно.—Я кажется при тебѣ просила Николая Петровича, чтобы онъ досталъ намъ билеты.

Узнавъ, что онѣ ѣдутъ съ Вадковскимъ, Томилинъ нахмурился.

— Я не понимаю,—раздражился онъ вдругъ,—съ какой стати ты таскаешь съ собой этого господина. Ты только компрометируешь сестру. Въ качествѣ чего это онъ будетъ васъ сопровождать? Кажется, пора убѣдиться, что никакихъ серьезныхъ намѣреній у него нѣтъ и никогда онъ на ней не женится. Да и слава Богу, потому что съ этимъ парижскимъ хлыщемъ она счастлива быть не можетъ.

— Ахъ, Костя, почемъ ты знаешь. Если онъ бываетъ у насъ, значитъ Шура ему нравится.

— А вы увѣрены, что онъ бываетъ для вашей сестры?—спросилъ вдругъ Иванъ Сергѣевичъ.

Въ глазахъ ея что-то блеснуло, что-то острое и холодное, какъ ледяныя иглы.

— Я не понимаю вашего вопроса... Такъ для кого-же онъ ѣздитъ? для меня?

— Конечно, очень можетъ быть, что и для тебя, — замѣтилъ мужъ.—Ты очень наивна, если ты думаешь, что всѣ холостые мужчины ѣздятъ къ намъ ради твоей сестры.

Она только пожала плечами. Она и Вадковскій... Какой вздоръ! Что можетъ быть общаго? Даже для простого ухаживанья нужны хоть какія-нибудь иллюзіи, но когда люди сразу разгадали другъ друга, когда одинъ видитъ другого насквозь, какъ она видѣла его, придетъ-ли въ голову объясняться въ любви.

— Я-бы желала имѣть его своимъ управляющимъ, но своимъ поклонникомъ никогда. Я не могу представить себѣ, чтобы съ нимъ

можно было говорить о любви. Это что-то такое помпадуръ, фарфоровые пастушки, одѣтые маркизами... Это все поддѣлка... все не настоящее. Онъ иногда декламируетъ Гюго, но за хорошій ужинъ въ ресторанѣ онъ отдастъ и Гюго, и всѣхъ поэтовъ въ мірѣ. Я такъ хорошо его знаю, что онъ не можетъ мнѣ этого простить. Онъ въ душѣ меня боится и терпѣть меня не можетъ.

— Такъ скажи пожалуйста, зачѣмъ ты его принимаешь? Къ чему ты навязываешь ему свою сестру?

— Я никого не навязываю ему, но если Шура его интересуетъ, я не вижу въ этомъ ничего дурного. Это для нея прекрасная партія. Я могу любить его, но я все-таки скажу, что у него есть будущее, онъ на хорошей дорогѣ. И потомъ ей двадцать лѣтъ, она не малолѣтняя. Если онъ ей не нравится, она сама дастъ ему это понять.

— А я тебѣ скажу, что онъ никогда ей не нравился, и вся эта исторія сватовства была ей въ высшей степени противна. Я какъ-то заговорилъ съ ней о немъ, такъ я видѣлъ, какъ ее передернуло.

— Да, она послѣднее время очень измѣнилась. Я не знаю, что съ ней, она такъ скрытна, что отъ нея ничего не добьешься, но я не узнаю ея. Она стала задумываться, писать дневникъ и... вообще она не та. Вы знаете, что она прочла всѣ ваши сочиненія,—обратилась она вдругъ къ Ивану Сергѣевичу,—и теперь я боюсь, что она, какъ кадетъ, начитавшійся Жюля Верна, уйдетъ пѣшкомъ въ Азію.

— Ну, это на нее не похоже,—замѣтилъ Томилинъ.

— Ты, Костя, совсѣмъ ея не знаешь. Если ей придетъ какая-нибудь фантазія, она непремѣнно исполнитъ ее. Она такъ не любитъ Петербурга, что она только и мечтаетъ, какъ-бы уѣхать на край свѣта.

Иванъ Сергѣевичъ сказалъ, что его книги могутъ скорѣе отбить охоту къ путешествіямъ, а если Александра Владиміровна рвется изъ Петербурга, то вѣроятно она имѣетъ на это свои причины. Ему вдругъ пришло въ голову, что она можетъ быть знаетъ объ отношеніяхъ сестры къ Вадковскому. Но вспомнивъ съ какимъ почти нескрываемымъ презрѣніемъ говорила о немъ Томилина, онъ чувствовалъ, что теряетъ почву подъ собой. Въ ея отзывахъ о дипломатѣ было что-то крайне обидное. Онъ былъ достаточно хорошъ для бѣдной дѣвушки, какъ ея сестра, но какъ мужчина, онъ былъ въ ея глазахъ ничтожествомъ. Иванъ Сергѣевичъ не зналъ, что ему думать. Не былъ-ли онъ жертвой мистификаціи? Не прихвастнулъ-ли, наконецъ, Вадковскій, показывая ему шкатулку? Ясно было одно, что въ домѣ Томилиныхъ на него одно время смотрѣли, какъ на жениха. Теперь дѣло это разстроилось и для Шуры ищутъ другую партію. Теперь стали ловить его, Ивана Сергѣевича. И его сочиненія, которыми Шура будто-бы зачитывалась, и эта поѣздка въ географическое общество, и то, что Томилина подъ

разными предлогами оставляла его вдвоемъ съ сестрой, все это было довольно прозрачно.

Когда въ тотъ-же день за обѣдомъ его сестра заговорила объ этомъ, а зять сталъ подсмѣиваться надъ тѣмъ, что его такъ открыто ловятъ, называя это охотою на дикаго кабана, Иванъ Сергѣевичъ задумался. Все это было ему крайне непріятно. Чтобы уйти отъ этой погони, не разстраивая своихъ добрыхъ отношеній съ Томилинымъ, онъ рѣшилъ на этой-же недѣлѣ уѣхать.

Собираясь вечеромъ въ географическое общество на его докладъ, Шура уже въ шляпкѣ и въ перчаткахъ, дожидаясь сестру, почему-то вдругъ потихоньку перекрестилась. Ей было страшно, что онъ выйдетъ передъ публикой. Припомнивъ свои экзамены, она боялась за него. Географическое общество представлялось ей чѣмъ-то громаднымъ, вродѣ Царицына луга, чѣмъ-то необъятнымъ, безконечнымъ, какъ сама географія, эта наука о земномъ шарѣ. Навѣрное тамъ будетъ много народу, и все очень умныхъ, ученыхъ людей.

Она сидѣла въ каретѣ молча, волнуясь за Ивана Сергѣевича. Когда карета, описывая полукругъ у Чернышева моста, подъѣзжала къ зданію шестой гимназіи, она еще разъ потихоньку перекрестилась. На подъѣздѣ ихъ ждалъ Вадковскій. Въ швейцарской вмѣстѣ съ ними раздѣвалось человѣкъ двадцать. Изъ нихъ половина была знакома Вадковскому и всѣ, останавливая его, что-то съ нимъ говорили.

Шура была очень удивлена, что вмѣсто громадной залы, похожей на Царицынъ лугъ, нашла небольшую комнату со сводами, напоминавшую ей подвалъ. Она никакъ не могла представить себѣ, что это Императорское географическое общество. Слово «Императорское» рисовало ей что-то пышное, большое, великолѣпное.

И вдругъ эта комната, правда очень высокая, но до такой степени тѣсная, что едва можно было пройти среди толпившейся публики. Большинство были моряки и военные. Было нѣсколько дамъ, которыхъ привело сюда желаніе видѣть знаменитаго путешественника, и человѣкъ пять-шесть никому неизвѣстныхъ, врядъ-ли даже слыхавшихъ имя Ивана Сергѣевича. Они какъ будто сами были удивлены, что бѣшеная скука загнала ихъ сюда. Столкнувшись съ Иваномъ Сергѣевичемъ, Шура вспыхнула. Она никакъ не ожидала, что онъ ходитъ тутъ-же въ публикѣ. Онъ разсѣянно поздоровался съ ней и продолжалъ говорить съ какимъ-то адмираломъ. Потомъ она узнала, что это былъ морской министръ. Публика вообще была блестящая, и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ. И блескъ эполетъ, и блескъ высокаго положенія и личныхъ заслугъ—все тутъ собралось, чтобы привѣтствовать Ивана Сергѣевича.

Когда онъ вышелъ на эстраду, зала сразу затихла.

Нѣсколько биноклей и дамскихъ лорнетокъ устремились на него.

— Mais il est très bien, услыхала Шура позади себя.

— А постарѣлъ онъ,—сказалъ кто-то рядомъ.

Всѣ смотрѣли на этого статнаго, смуглаго полковника съ орлинымъ взглядомъ и смѣлыми, увѣренными движеніями. Онъ держался свободно, какъ у себя дома. Голосъ его, звучный, привыкшій повелѣвать, легко наполнялъ залу.

Самый докладъ показался скучнымъ. Это былъ сухой перечень всего сдѣланнаго экспедиціей. Тутъ были астрономическія и магнитныя наблюденія, какіе-то градусы широты и долготы и большая географическая карта, на которой лекторъ указывалъ пройденный путь. Черныя рѣки, извивавшіяся на этой картѣ, и горные хребты, тянувшіеся черезъ нее, дѣйствовали на дамъ усыпительно. Одна большая толстая рѣка, пропадавшая въ сибирскихъ тундрахъ, какъ-то особенно ярко чернѣла на зеленомъ фонѣ. Въ залѣ становилось душно отъ горѣвшихъ въ люстрѣ свѣчей и отъ дыханія публики. Всѣ сидѣли съ напряженнымъ выраженіемъ, стараясь не показать вида, что думаютъ о другомъ. Одинъ господинъ боялся, чтобы ему не подмѣнили его новую шубу, которую онъ оставилъ въ швейцарской безъ номера. Всѣхъ внимательнѣе слушалъ сидѣвшій въ первомъ ряду девяностолѣтній старичекъ, еще бодрый, но глуховатый, все время приставлявшій ладонь къ уху.

Когда Иванъ Сергѣевичъ кончилъ, его проводили аплодисментами. Одни оцѣнили то, что онъ сдѣлалъ для науки, другіе были довольны, что онъ кончилъ. И тѣ, и другіе хлопали съ удовольствіемъ. За чтеніемъ слѣдовали туманныя картины. Чтобы дать отдохнуть публикѣ, сдѣлали перерывъ въ десять минутъ. И всѣ эти почтенные люди, такъ сосредоточенно слушавшіе, сразу ожили, повеселѣли; въ залѣ зашумѣли, задвигались. Иванъ Сергѣевичъ не могъ сдѣлать двухъ шаговъ, чтобы кто-нибудь не остановилъ его. Какой-то инженеръ долго жалъ ему руку, увѣряя его въ своей преданности. Маленькая дама въ соболяхъ поймала его на ходу и, желая сказать, что она его поклонница, пролепетала впопыхахъ:

— Я ваша вѣчная полковница...

Ольга Сергѣевна нарочно громко при всѣхъ заговорила съ нимъ. Она говорила ему ты, спрашивая не усталъ-ли онъ. Она стояла на виду, обращая на себя общее вниманіе, въ своей высокой шляпкѣ съ палевой эгреткой. Вадковскій тоже фамильярно подошелъ къ нему и что-то говорилъ о задачахъ Россіи на дальнемъ Востокѣ.

Наконецъ потушили свѣчи въ люстрѣ и освѣтили экранъ въ глубинѣ сцены. Два служителя возились у аппарата. Вышелъ молодой офицерикъ, тоже членъ экспедиціи, показывать туманныя картины. Онъ вы-

димо робѣлъ и какимъ-то звенящимъ и осипшимъ, какъ у молодого пѣтуха, голосомъ сказалъ нѣсколько вступительныхъ фразъ. Служители завозились, на свѣтлой стѣнѣ что-то задвигалось, какое-то черное пятно, и пейзажъ, долго не попадавшій на мѣсто, то двигавшійся криво, то уходившій куда-то въ потолокъ, наконецъ съ большимъ усиліемъ, качнувшись вправо и влѣво, появился на стѣнѣ.

— Солончаки!—объявилъ офицеръ.—То, что вы видите, это рѣдкіе кусты саксаула. Больше въ этой пустынѣ ничего нѣтъ. Ни птицы, ни звѣря!

— C'est triste!—вздохнула дама, сидѣвшая позади Шуры.

Всѣ ждали, что солончаки уберутъ, но лекторъ что то долго говорилъ о нихъ, потомъ о климатѣ, о холодныхъ ночахъ, когда замерзали чернила въ палаткахъ. Хронометры были такъ холодны, что утромъ, когда ихъ заводили, едва можно было держать ихъ въ рукахъ, хотя они лежали подъ изголовьемъ, завернутые въ лисій мѣхъ. Но въ залѣ было такъ жарко, что представить себѣ холода публика не могла.

— Теперь, господа, то, что мы сейчасъ видимъ...

Лекторъ на минуту остановился, потому что у служителя что-то не ладилось, не двигалось, и господа ничего не видѣли.

— Святыя пещеры! объявилъ лекторъ, когда на стѣнѣ что-то показалось. Выкопаны людьми въ громадныхъ обрывахъ ущелья.

— Ничего не видно!—крикнули изъ публики.

Служители, заслонявшіе собой пейзажъ, присѣли на корточки.

— Ихъ тутъ сотни,—продолжалъ офицеръ.—Нижніе съ верхними сообщаются лѣстницами. Вездѣ таинственный мракъ. Въ каждой изъ нихъ можно найти идола, колоколъ или барабанъ.

Слѣдующая картина показывала идоловъ. Она больше всего имѣла успѣха. Безобразныя лица идоловъ возбудили въ публикѣ веселое настроеніе. Нѣкоторые изъ нихъ были совсѣмъ ужъ ни на что не похожи. Одинъ напоминалъ половую щетку, другой—вырванный изъ сюртука лоскутъ съ двумя рядами пуговицъ. Этотъ особенно насмѣшилъ всѣхъ, когда обрадованный веселостью публики офицеръ просилъ ее обратить особенное вниманіе на этого бога.

— Просите у него, что хотите! онъ все можетъ дать, говорятъ азіаты.

Публика любитъ посмѣяться, и послѣ туманныхъ картинъ лектору много аплодировали. Онъ ей показалъ китайскаго солдата въ плисовыхъ сапогахъ, безбородаго, съ платкомъ на головѣ и съ косой,—чистую бабу, и китайскаго часового, который сидитъ на часахъ и пьетъ чай или машетъ вѣеромъ.

— Вотъ это я понимаю,—говорилъ уходя кто-то изъ публики. А то не угодно-ли слушать два часа, есть-ли связь у озера Иссыкуль или Каракуль съ западными озерами.

— Костя васъ проситъ заѣхать къ нему,—сказала Томилина, остановивъ Ивана Сергѣевича въ проходѣ. Онъ взялъ съ меня слово, что я васъ привезу.

Первымъ движеніемъ его было отказаться, но вспомнивъ, что послѣ завтра онъ уѣзжаетъ, онъ рѣшилъ, что надо зайти проститься.

Къ тому-же мысль о Вадковскомъ не выходила у него изъ головы. Какую роль игралъ онъ въ домѣ Томилиныхъ? И почему его имя, вызвавшее улыбку презрѣнія у старшей сестры, такъ волновало младшую? Ивану Сергѣевичу казалось, что онъ не можетъ уѣхать, не выяснивъ этого вопроса, что случай, который помогъ ему разъ, поможетъ опять, и нынче-же онъ узнаетъ, въ чемъ дѣло.

Виновность Томилиной, прежде казавшаяся ему несомнѣнной, теперь все больше вызывала въ немъ сомнѣній.

Вообще этотъ юбилейный обѣдъ и случайная встрѣча съ Вадковскимъ лишила его душевнаго покоя, заставивъ почти невольно принять участіе въ томъ, что происходило въ семьѣ его друга. Ему досадно было думать, что какая-то химера надѣлала ему столько хлопотъ. Въ этой ненавистной шкатулкѣ, какъ въ ящикѣ Пандоры, таилось все зло, грозившее ему въ Петербургѣ, всѣ непріятности, отравившія ему послѣдніе дни.

Ему, занятому человѣку, не было ни времени, ни охоты заниматься романомъ Вадковскаго. Но судьба какъ нарочно свела ихъ вмѣстѣ, поставила дипломата ему на дорогѣ, и даже не предвидя, что изъ этого выйдетъ, какія это можетъ имѣть послѣдствія, Иванъ Сергѣевичъ чувствовалъ, что онъ выбитъ изъ колеи, что обращать женщину на путь истинный совсѣмъ не его призваніе.

С. Смирнова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

———

ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ.

Національные типы у Толстого.

I. Каратаевъ.

Въ ряду типовъ, созданныхъ Толстымъ, Платону Каратаеву и Кутузову принадлежитъ совсѣмъ особое мѣсто. Можно сказать даже, что вообще въ русской художественной литературѣ это образы исключительные, единственные въ своемъ родѣ. Не только по необычайному мастерству исполненія, но, что гораздо важнѣе, по оригинальности замысла и своеобразной значительности воплощенной въ нихъ идеи, эти двѣ фигуры рѣзко выдѣляются изъ массы образовъ, ихъ окружающихъ, и, невзирая на то, что въ самой *фабулѣ* эпопеи ихъ роль не велика, выступаютъ въ сознаніи читателя на первый планъ. Безъ Каратаева и Кутузова великая эпопея «Войны и Мира» не была-бы тѣмъ, чѣмъ она по праву является,—великимъ законченнымъ національнымъ памятникомъ,—она-бы не была нашей Иліадой и Одиссеей.

Предстоящая намъ задача сводится къ тому, чтобы разсмотрѣть эти два образа со стороны вложеннаго въ нихъ психологическаго содержанія и раскрыть ту идею, представленіемъ которой служитъ это содержаніе.

Начнемъ съ Каратаева.

Перечитаемъ тѣ мѣста, гдѣ онъ выведенъ (томъ IV, часть I, главы XII и XIII; ч. II, гл. XI; ч. III, гл. XIII и XIV), и постараемся отдать себѣ отчетъ въ нашихъ впечатлѣніяхъ.

Изъ ряда этихъ впечатлѣній совершенно отчетливо выдѣляется то, что принято называть «эстетической эмоціей»: мы ясно ощущаемъ своеобразное возбужденіе мысли и чувства, вызванное самимъ художественнымъ образомъ, какъ онъ есть, независимо отъ сюжета, отъ исторіи и судьбы выведеннаго лица. Каратаевъ дѣйствуетъ на насъ такъ «эмоціонально» потому только, что онъ—Каратаевъ, а не оттого, что онъ въ

плѣну, страдаетъ, что его убиваютъ. Въ ряду художественныхъ образовъ есть не мало такихъ, при воспріятіи которыхъ не легко сразу раздѣлить эти два источника эмоціи. Каратаевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, по отношенію къ которымъ, напротивъ, очень легко это сдѣлать. Читая напр. описаніе смерти Каратаева (томъ IV, часть III, гл. XIV), мы не испытываемъ большого чувства жалости: оно подавлено, какъ-бы нейтрализовано сильной эстетической эмоціей, производимой самой фигурой Каратаева.

Это эстетическое чувство незамѣтно подкралось къ намъ въ тотъ моментъ, когда мы читали въ главѣ XII-ой I-ой части IV-го тома сцену знакомства Пьера Безухова съ Каратаевымъ. Фигура маленькаго солдатика, который пожалѣлъ и утѣшилъ Пьера, тронула насъ какимъ-то особеннымъ, необычнымъ образомъ. Сперва намъ почудилось, что это было то-же самое чувство, которое испыталъ Пьеръ: «такое выраженіе ласки и простоты было въ пѣвучемъ голосѣ человѣка, что Пьеръ хотѣлъ отвѣчать, но у него задрожала челюсть, и онъ почувствовалъ слезы». Но уже слѣдующая страница заставила насъ отвлечься отъ этой мысли, забыть эту трогательность состраданія и участія, проявленнаго Каратаевымъ, и сосредоточить вниманіе на другихъ чертахъ образа. Во-первыхъ, мы сейчасъ-же узнали, что Каратаевъ жалѣетъ Пьера такъ-же, какъ жалѣетъ онъ собаку: «Ишь шельма, пришла!—услыхалъ Пьеръ въ концѣ балагана тотъ-же ласковый голосъ...» — Во-вторыхъ, тутъ-же, на той-же и слѣдующихъ страницахъ, мы убѣдились въ томъ, что передъ нами натура совершенно непосредственная, въ которой доброта, состраданіе и т. д.—не добродѣтели, не сознательныя проявленія его души, а какъ-бы родъ врожденнаго психическаго темперамента,—черты, аналогичныя такимъ физіологическимъ признакамъ личности, какъ, напр., ростъ, цвѣтъ глазъ, тембръ голоса и т. д. Это—не заслуги, не преимущества, а *свойства*. Доброта Каратаева, если можно такъ выразиться, не въ «сердцѣ» его, а въ его пѣвучемъ голосѣ, «круглыхъ» и «спорыхъ» движеніяхъ, во всей повадкѣ его. Это открытіе устранило то трогательное чувство, которое минутой раньше мы испытали вмѣстѣ съ Пьеромъ, но ничуть не ослабило силы художественной иллюзіи, вызванной въ насъ фигурой Каратаева. Напротивъ, эта эмоція еще увеличивается, нашъ художественный интересъ къ образу еще возростаетъ, когда ниже, въ главѣ XIII-ой, мы узнаемъ, что «привязанностей, дружбы, любви, какъ понималъ ихъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ, но онъ любилъ и любовью жилъ, со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ,—не съ извѣстнымъ какимъ-нибудь человѣкомъ, а съ тѣми людьми, которые были предъ его глазами». Это какъ-бы природная экспансивность и общительность человѣка, нетронутаго индивидуализмомъ и рефлексіей, человѣка, взятаго не какъ личность, характеризующаяся

своеобразнымъ содержаніемъ души, а только какъ «существо общественное». «Онъ любилъ (читаемъ мы тутъ-же) свою шавку, любилъ товарищей, французовъ, любилъ Пьера, который былъ его сосѣдомъ; но Пьеръ чувствовалъ, что Каратаевъ, несмотря на всю свою ласковую нѣжность къ нему (которою онъ невольно отдавалъ должное духовной жизни Пьера), ни на минуту не огорчился-бы разлукой съ нимъ. И Пьеръ то же чувство начиналъ испытывать къ Каратаеву».

Каратаевъ инстинктивно отдаетъ дань *духовной жизни* Пьера, потому что у него самого духовной жизни нѣтъ въ смыслѣ положительнаго *содержанія* его «я» и вся она безъ остатка сливается у него съ *формою* личности.

Здѣсь нелишними будутъ нѣсколько словъ—въ поясненіе этихъ понятій *психологической формы* и *психологическаго содержанія*.

Анализируя нашъ внутренній міръ, мы легко отмѣтимъ тѣ психическія явленія, которыя въ теченіи всей нашей жизни представляются, въ своихъ основныхъ чертахъ, стойкими, относительно неизмѣнными, между тѣмъ какъ другія постоянно измѣняются, чередуются, появляются, исчезаютъ. Первыя могутъ быть названы *постоянной психической величиной*, а вторыя—*перемѣнной*. Эти термины не должны быть понимаемы буквально, и нельзя признавать ихъ вполнѣ точными, потому что, строго говоря, въ душѣ человѣческой нѣтъ ничего неизмѣннаго, въ ней все—въ вѣчномъ движеніи. Но извѣстныя психическія явленія измѣняются чрезвычайно медленно, по каплямъ, и эти измѣненія едва доступны сознанію самого субъекта или наблюденію извнѣ. Есть и такія измѣненія, которыя совсѣмъ не сознаются и не подлежатъ никакому наблюденію въ то время, когда они происходятъ, и только ученое изслѣдованіе результатовъ, ими произведенныхъ, удостовѣряетъ ихъ наличность. Къ числу чертъ, измѣненіе которыхъ замѣчается только по прошествіи многихъ лѣтъ, принадлежатъ напр., черты индивидуальнаго характера человѣка. Рѣзкая, быстрая перемѣна характера возможна только при извѣстныхъ душевныхъ заболѣваніяхъ (при такъ назыв. раздвоеніи личности). При душевномъ здоровьѣ характеръ остается, въ своихъ основныхъ чертахъ, относительно-неизмѣннымъ, т. е. тѣ перемѣны, которымъ онъ подвергается съ теченіемъ времени, или незамѣтны, или такъ несущественны, что мы считаемъ ихъ равными нулю. Признаки національные, а также сословные, входящіе въ составъ личности, измѣняются въ индивидуумахъ совершенно незамѣтно и нечувствительно, какъ для сознанія самого субъекта, такъ и для наблюденія со стороны, и только черезъ нѣсколько поколѣній могутъ проявиться такія перемѣны въ этихъ областяхъ психіи, которыя убѣждаютъ насъ въ томъ, что движеніе въ данномъ направленіи непрерывно шло въ скрытомъ видѣ.—Вотъ именно всѣ такія психическія черты, условно и неточно называемыя величи-

нами постоянными или представляющіяся намъ таковыми, и образуютъ психологическую *форму* личности. Въ эту *форму* жизнь личности вкладываетъ постоянно, какъ-бы калейдоскопически измѣняющееся *содержаніе* мыслей, чувствъ, страстей, волевыхъ актовъ.

Съ возрастомъ, образованіемъ, развитіемъ ума, опытомъ жизни, подъ воздѣйствіемъ среды, профессіи и т. д., это содержаніе измѣняется количественно и качественно, и вся совокупность процессовъ, изъ которыхъ оно слагается, образуетъ *духовную жизнь* личности, ея индивидуальную *психическую исторію*. Эта *жизнь* можетъ быть болѣе или менѣе интенсивна, эта *исторія* можетъ быть болѣе или менѣе богата внутренними, психическими событіями. Сущность процесса сводится здѣсь къ видимой или ощущаемой, сознаваемой перемѣнѣ содержанія при неощущаемомъ, невидимомъ, несознаваемомъ измѣненіи формы. Такъ Пьеръ Безуховъ въ эпоху кутежей и буйствъ, по своему душевному содержанію, былъ не тотъ, какимъ онъ сталъ напр. въ періодъ увлеченія масонствомъ, но, съ точки зрѣнія *формы*, это былъ и тогда, и потомъ все тотъ-же Пьеръ, потому что если и произошли какія-нибудь измѣненія въ его характерѣ, то они были совершенно незамѣтны. Во всѣ эпохи своей жизни Пьеръ является все тѣмъ-же чудаковатымъ и благодушнымъ Пьеромъ, съ умомъ, склоннымъ къ рефлексіи, съ тѣмъ-же характеромъ и темпераментомъ. Теперь представимъ себѣ такой случай: человѣкъ переживаетъ довольно разнообразную внѣшнюю исторію, а между тѣмъ его внутренній міръ представляется вамъ почти неизмѣннымъ; самое содержаніе его души въ 50 лѣтъ осталось тѣмъ-же, какимъ было оно въ 20 лѣтъ. Въ такомъ человѣкѣ вы не усмотрите величинъ *перемѣнныхъ*, вамъ будетъ казаться, что вся его психія состоитъ изъ однихъ *постоянныхъ* величинъ,—и вы скажете, что онъ—одна *психологическая форма*—безъ содержанія. Оставляя въ сторонѣ исключительные случаи этого рода и имѣя въ виду только средняго нормальнаго человѣка, мы скажемъ, что въ дѣйствительности такихъ людей безъ содержанія и съ одной формою—нѣтъ, но возможны различныя степени приближенія къ подобному укладу духа. И, конечно, мы въ правѣ, для тѣхъ или другихъ цѣлей, напр. научныхъ или художественныхъ, представить себѣ идеальный случай этого рода. Вообразимъ себѣ внутреннюю, душевную исторію человѣка какъ-бы пріостановленною, допустимъ, что если въ положительномъ содержаніи его мыслей, чувствъ, волевыхъ актовъ и совершаются нѣкоторыя перемѣны, то онѣ совершенно ничтожны; примемъ ихъ равными нулю; согласимся признать его душевное содержаніе величиной постоянной. Тогда мы уже не будемъ въ состояніи отличать его отъ формы,—въ нашихъ глазахъ оно сольется съ формою. Такой опытъ и сдѣлалъ Толстой, создавъ образъ Каратаева.

Вотъ и постараемся разсмотрѣть тѣ психическія черты, изъ кото-

рыхъ слагается формальная личность Каратаева. Для удобства анализа и большей ясности изложенія мы будемъ выдѣлять эти черты одну за другою, чтобы, уяснивъ себѣ ихъ природу, впослѣдствіи перейти отъ ихъ анализа къ ихъ синтезу.

Сперва бросается въ глаза та черта, которую можно назвать *формальною общежительностью* (saciabilité), натуральнымъ альтруизмомъ, естественнымъ чувствомъ (пожалуй, инстинктомъ) общественности. Въ слѣдующемъ листѣ главы XIII-ой (I-ой части IV-го тома) эта черта воспроизведена въ такихъ выраженіяхъ, что мы невольно вспоминаемъ *общественныхъ животныхъ*, напр. муравья, или пчелу: «...каждое дѣйствіе его было проявленіемъ неизвѣстной ему дѣятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь: она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ». Эти слова можно было-бы отнести напр. къ муравью, еслибы ими исчерпывалось опредѣленіе общежительности Каратаева, еслибы мы не знали, какъ *далеко* простирается она, переходя за предѣлы сословія, національности, религіи, государства,— вообще всего, что дробитъ людей. Жизнь муравья имѣетъ смыслъ только какъ частица жизни того муравейника, къ которому принадлежитъ данная особь. Жизнь пчелы имѣетъ смыслъ только какъ часть общей жизни ея улья. Еслибы Каратаевъ чувствовалъ, что его жизнь имѣетъ смыслъ только какъ частица общей жизни, его семьи или деревни,—въ такомъ случаѣ онъ уподобился-бы муравью, пчелѣ и т. д. Но этого-то ограниченія и нѣтъ,—и его отсутствіе и придаетъ такую значительность и такой интересъ фигурѣ Каратаева. Представимъ себѣ муравья, который вдругъ почувствовалъ-бы, что его жизнь есть частица жизни всей совокупности муравьевъ, живущихъ на всемъ земномъ шарѣ: такой муравей былъ-бы муравьинымъ Каратаевымъ.

Имѣя въ виду пока только эту сторону натуры Каратаева, мы опредѣлимъ его такъ: это прежде всего—такой русскій мужичекъ, въ которомъ вѣковѣчные «мірскіе», общежительные инстинкты расширены до послѣднихъ предѣловъ и объемлютъ все человѣчество, безъ различія сословія, національности, вѣры и т. д.

Существуютъ-ли такіе русскіе мужики *въ дѣйствительности*,—это ужь другой вопросъ, на который не берусь дать отвѣта. Но для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что *въ искусствѣ* такой образъ не только возможенъ, но и глубоко-правдивъ. Каратаева въ дѣйствительности можетъ и не быть, но *каратаевскія черты* несомнѣнно существуютъ въ русской *народно-національной психологіи*. Обращаясь къ народно-національной сторонѣ Каратаева, мы, для удобства, разсмотримъ сперва то, что есть въ Каратаевѣ специфически *народнаго, крестьянскаго*, а потомъ обратимся къ опредѣленію *національнаго* элемента въ немъ.

Въ основѣ психіи Каратаева лежатъ типичныя черты народной, крестьянской психологіи. Долгая служба въ солдатахъ не исказила этихъ чертъ, не нарушила ни на іоту того душевнаго строя, который слагается изъ ихъ совокупности. Солдатъ по службѣ, Каратаевъ психологически совсѣмъ не солдатъ. Онъ—русскій мужикъ, крестьянинъ. «Онъ неохотно говорилъ про свое солдатское время... Когда онъ разсказывалъ, то преимущественно изъ своихъ старыхъ и видимо дорогихъ ему воспоминаній «христіанскаго», какъ онъ выговаривалъ, крестьянскаго быта. Поговорки, которыя наполняли его рѣчь, не были тѣ, большею частью неприличныя и бойкія поговорки, которыя говорятъ солдаты, но это были тѣ народныя изреченія, которыя кажутся столь незначительными, взятыя отдѣльно, и которыя получаютъ вдругъ значеніе глубокой мудрости, когда они сказаны кстати».—«Попавъ въ плѣнъ, обросши бородою, онъ видимо отбросилъ отъ себя все напущенное на него, солдатское, и невольно возвратился къ прежнему крестьянскому, народному складу». (Томъ IV, ч. I, гл. XIII). Эта крестьянско-народная основа прекрасно иллюстрирована въ предыдущей главѣ, XII-ой, разсказомъ Каратаева о его прошломъ, о родителяхъ, братьяхъ, о томъ, какъ хорошо они жили, какъ потомъ его взяли въ солдаты и т. д. Выдѣляя эту сторону, мы прежде всего отмѣтимъ въ ней то, что Толстой называетъ «благообразіемъ» душевнаго склада Каратаева. Въ той-же главѣ XIII-ой читаемъ: «...главная прелесть его разсказовъ состояла въ томъ, что въ его рѣчи событія самыя простыя получали характеръ торжественнаго благообразія. Онъ любилъ слушать сказки... но больше всего любилъ слушать разсказы о настоящей жизни. Онъ радостно улыбался, слушая такіе разсказы, вставляя слова и дѣлая вопросы, клонившіеся къ тому, чтобы уяснить себѣ благообразіе того, что ему разсказывали».—Только-что упомянутый разсказъ самого Каратаева (въ гл. XII-ой) является образцомъ этой душевной черты. Онъ между прочимъ вспоминаетъ, какъ за порубку въ чужой рощѣ его били, судили и отдали въ солдаты. Оказалось, что все это—къ лучшему («думали,—горе,—анъ радость!»): дѣло въ томъ, что иначе пришлось-бы идти въ солдаты его брату, Михайлѣ, у котораго «самъ-пятъ ребятъ», между тѣмъ какъ у Платона только «солдатка осталась». И когда потомъ Платонъ пришелъ домой, «на побывку», онъ увидѣлъ, что семья живетъ лучше прежняго («животовъ полонъ дворъ»). И сказалъ отецъ: «мнѣ, говоритъ, всѣ дѣтки равны; какой палецъ ни укуси—все больно. А кабы не Платона тогда забрили, Михайлѣ-бы итти». И позвалъ всю семью, бабу, дѣтей, внучатъ,—и всѣмъ велѣлъ поклониться Платону въ ноги.—Это—цѣлая притча, въ которой есть что-то евангельское. И благообразіе отношеній, въ ней обнаруженное, роднится съ тѣмъ духомъ любви, простоты и правды, идеалъ котораго впослѣдствіи Толстой будетъ искать на почвѣ синтеза начала *народно-крестьянскаго* съ *еван-*

гельскимъ. Предвареніемъ этого синтеза или намекомъ на него является между прочимъ смѣшеніе Каратаевымъ понятій «крестьянскаго» и «христіанскаго». То, что Каратаевъ безсознательно смѣшиваетъ, Толстой соединяетъ сознательно, и впослѣдствіи это послужитъ ему исходной точкою въ его исканіяхъ идеала высшей нравственной правды.

Теперь спрашивается: составляетъ ли душевное благообразіе, основанное на указанномъ сочетаніи крестьянскаго съ евангельскимъ, личную (индивидуальную) особенность Каратаева?

На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить рѣшительнымъ «нѣтъ». Прежде всего очевидно, что у Каратаева это черта *фамильная*. Таковъ же его отецъ, братъ Михайло,—въ большей или меньшей мѣрѣ такова вся семья Каратаевыхъ. Это ясно изъ «притчи». Но можно пойти и дальше. Можно утверждать, что семья Каратаевыхъ представлена Толстымъ какъ идеально-типичный образчикъ крестьянской психологіи вообще, въ которой Толстой усматриваетъ черты того душевнаго благообразія, о которомъ идетъ рѣчь. Въ одной семьѣ онѣ выступаютъ ярче, въ другой слабѣе, но онѣ коренятся—по не выраженной, но ясно-сквозящей мысли Толстого—въ самыхъ основахъ стараго, патріархальнаго быта, въ устояхъ народной жизни, въ «мірскомъ» и трудовомъ началѣ, въ наивномъ міросозерцаніи народа, интуитивно овладѣвшаго высшей правдой, раньше и лучше мудрыхъ и ученыхъ, какъ въ свое время овладѣли ею простые галилейскіе рыбаки.

Платонъ Каратаевъ—только представитель *этой* стороны народнаго духа. Въ немъ эти черты, не его личныя, а *крестьянскіе*, собраны, сконцентрированы, увеличены, показаны подъ микроскопомъ,—и Толстой, можно сказать, прилагаетъ особыя старанія, чтобы въ Платонѣ Каратаевѣ не оказалось ничего лично ему принадлежащаго, ничего индивидуально-оригинальнаго, чтобы все, до послѣднихъ мелочей, было въ немъ народнымъ и крестьянскимъ. Сюда относится, напр., намекъ на то, что порубку чужой рощи Каратаевъ признаетъ *грѣхомъ*, очевидно, чисто-формальнымъ, и что вмѣстѣ съ народомъ онъ по стародавнему смотритъ на лѣсъ какъ на общую, народную собственность, и сама по себѣ порубка въ его глазахъ не составляетъ пятна на общемъ фонѣ *благообразія*.

Черты народной психологіи, на которыя мы до сихъ поръ указали, въ общемъ, за вычетомъ подробностей, не представляютъ собою явленія спеціально-русскаго и могутъ быть найдены—mutatis mutandis—и у другихъ націй. Художники разныхъ національностей нерѣдко открывали въ своемъ народѣ черты, родственныя духу Евангелія. Я припоминаю у одного изъ самыхъ большихъ художниковъ вѣка, у Мопассана, чудный разсказъ (Le papa à Simon), производящій впечатлѣніе настоящей евангельской притчи,—разсказъ, гдѣ простые, грубые на видъ кузнецы являются носителями глубокаго, тонкаго, христіански-гуманнаго чувства

любви и правды. Не одинъ Толстой открывалъ въ своемъ народѣ евангельское. Великое историческое и общечеловѣческое значенiе Евангелiя на томъ и основано, что въ каждомъ народѣ есть нѣчто ему сродни. Если бы въ Платонѣ Каратаевѣ не было, кромѣ этой черты (сочетанiя мужицкаго съ евангельскимъ), еще и другихъ важныхъ чертъ, на которыя укажемъ ниже, то онъ былъ бы очень широкимъ *общечеловѣческимъ* типомъ, объемлющимъ соотвѣтственныя стороны духа у разныхъ народовъ. Онъ былъ бы во всемiрной литературѣ тѣмъ, чѣмъ, по словамъ Толстого, онъ былъ и навсегда остался для Пьера Безухова,—«вѣчнымъ олицетворенiемъ духа простоты и правды» (гл. XIII). На самомъ дѣлѣ, однако, этого нѣтъ. Толстой, повинуясь какому-то категорическому императиву своего генiя, и на этотъ разъ *съузилъ* образъ, сдѣлавъ Каратаева типомъ спецiально-русскимъ, *нацiональнымъ*.

Каратаевъ не просто представитель народной, крестьянской психологiи, которая у разныхъ нацiй имѣетъ много общаго, не только типъ нищихъ духомъ и чистыхъ сердцемъ,—онъ въ то же время вѣрный и яркiй выразитель *русской нацiональной психологiи*, въ силу чего тотъ «духъ простоты и правды», котораго олицетворенiемъ онъ служитъ, получаетъ своеобразное значенiе и особую психологическую постановку

Обращаясь къ этой сторонѣ Каратаева, я сперва укажу на двѣ черты, которыя, взятыя отдѣльно и внѣ связи съ другими признаками русской нацiональной психологiи, найдутся и у другихъ народовъ, хотя бы и въ иномъ видѣ; только ихъ совмѣщенiе и своеобразное сочетанiе составляютъ черту специфически-русскую. Я имѣю въ виду нашъ *умѣренный* (сравнительно съ восточнымъ, азiятскимъ) *фатализмъ* и нашъ *неумѣренный* (сравнительно съ западно-европейскимъ) *оптимизмъ*.

Едвали найдется въ русской литературѣ другой образъ, къ которому было бы такъ примѣнимо извѣстное понятiе о русскомъ *смиренiи*, какъ *повидимому* примѣнимо оно, во всемъ его объемѣ, къ Каратаеву. Любопытно, что самъ Толстой этого термина не употребляетъ. Онъ выражается иначе, называя Каратаева «олицетворенiемъ всего *русскаго* добраго и круглаго» и «непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетворенiемъ духа простоты и правды» (т. IV, ч. I, гл. XIII). Эти термины, конечно, не случайно подвернулись,—они явились точнымъ выраженiемъ мысли Толстого. Своими опредѣленiями и метафорами («непостижимый», «вѣчный», «круглый») Толстой даетъ намъ поэтическiе намеки на то, какъ самъ онъ понимаетъ Каратаева и какая идея воплощена имъ въ этомъ образѣ. Нельзя отрицать, конечно, что въ Каратаевѣ представленъ такой укладъ духа, который весьма возможно назвать «смиренiемъ», понимаемымъ, какъ русская нац[illegible]т и историческая черта. Но возникаетъ вопросъ: что же оно такое—это *смиренiе*? Какова его психологiя, и нельзя-ли разложить его на другiе пси-

хическіе элементы? И почему, въ самомъ дѣлѣ, Толстой избѣгаетъ этого термина, повидимому, столь удобнаго, простого, напрашивающагося? [1]).

То, что въ Каратаевѣ можно было бы назвать *смиреніемъ*, легко разлагается на *фатализмъ* и своеобразный *оптимизмъ*. «Рокъ головы ищетъ», говоритъ Каратаевъ.—«А мы все судимъ: то не хорошо, то не ладно. Наше счастье, дружокъ, какъ вода въ бреднѣ: тянешь—надулась, а вытащишь—ничего нѣту» (гл. XII). Этою сентенціею онъ подводитъ итогъ уже извѣстному намъ разсказу о томъ, какъ его взяли въ солдаты и какъ все вышло къ лучшему. Та-же фаталистическая и вмѣстѣ оптимистическая точка зрѣнія сквозитъ въ другомъ разсказѣ Каратаева—о купцѣ, который по судебной ошибкѣ былъ сосланъ на каторгу (т. IV, ч. III, гл. XIII). Но яснѣе и художественнѣе всего эта сторона Каратаева представлена изображеніемъ всей его повадки, его натуры, непосредственно-сказывающейся въ каждомъ движеніи его,—неизмѣнно-благодушнаго, неунывающаго настроенія его духа, его душевной (и физической: психія у него въ полной гармоніи съ физической организаціей) нестомчивости, исключительной способности примиряться со всѣми обстоятельствами, въ убѣжденіи, что такъ суждено («рокъ головы ищетъ») и что все, въ концѣ концовъ, обернется къ лучшему. Перечитайте въ гл. XIII-ой (т. IV, ч. I) описаніе его физической и душевной бодрости,—какъ онъ, «казалось, не понималъ, что такое усталость и болѣзнь», какъ, ложась спать, онъ говорилъ: «положи Господи, камушкомъ, подними калачикомъ», а просыпаясь повторялъ: «легъ—свернулся, всталъ—встряхнулся»,—перечитайте въ началѣ той же главы описаніе его внѣшности, его повадки, его «спорыхъ *круглыхъ* движеній», его голоса, глазъ, выраженія «невинности и юности» (несмотря на возрастъ за 50 лѣтъ) и т. д.,—и вы убѣдитесь, что передъ вами—олицетвореніе того особаго душевнаго уклада, который лучше всего охарактеризовать терминомъ *фаталистическій оптимизмъ* и для котораго терминъ «*смиреніе*», хотя и возможенъ, но во многихъ отношеніяхъ *неудобенъ*. И не трудно видѣть, почему именно онъ неудобенъ. Еслибы Каратаевъ былъ *сознательная* личность, съ извѣстнымъ положительнымъ содержаніемъ, съ лично-выработаннымъ міровоззрѣніемъ, съ рефлексіей,—тогда дѣло другое: тогда въ немъ несомнѣнно было бы *смиреніе*, потому что была бы и *гордость*. Это—коррелятивныя психическія черты, принадлежащія не къ формальнымъ элементамъ духа, а

---

[1]) Покойный *И. Н. Страховъ*, въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ о «Войнѣ и Мирѣ», отправляясь отъ установленнаго Ап. Григорьевымъ понятія о *простомъ* и *смирномъ* типѣ въ противуположность *блестящему* и *хищному*, мимоходомъ разсматриваетъ и Каратаева съ этой точки зрѣнія, но не даетъ подробнаго анализа фигуры. То же самое нужно сказать о соотвѣтственныхъ замѣчаніяхъ о Каратаевѣ покойнаго О. Ѳ. Миллера въ его лекціяхъ о Толстомъ.

къ *содержанію* личности,—котораго-то, какъ мы знаемъ, у Каратаева, собственно говоря, и нѣтъ.

Здѣсь необходимо, прежде чѣмъ пойдемъ дальше, устранить одно возможное недоразумѣніе. Могутъ возразить мнѣ. что, вѣдь, есть-же *національная*, есть *сословная гордость*; и что, стало быть, возможна, по крайней мѣрѣ, гордость (если не смиреніе) въ сферѣ формальныхъ элементовъ духа. Я отвѣчу, что не только гордость, но и смиреніе имѣетъ несомнѣнное отношеніе къ этой сферѣ, но при всемъ томъ я рѣшительно не могу признавать эти національныя или сословныя чувства элементами самой національной или сословной психологіи. Я думаю, что черты формальныя (сословныя, національныя) являются только *предметомъ* или *содержаніемъ* этихъ чувствъ — смиренія, гордости, но само-то смиреніе и сама гордость принадлежитъ къ другой сферѣ духа. Англичанинъ *гордъ* тѣмъ, что онъ англичанинъ, не потому, что онъ — англичанинъ, а потому, что онъ давнымъ давно уже—рѣзко выраженная индивидуальность, сознательная личность. И чтобы гордиться своею національностью, для этого не нужно быть непремѣнно англичаниномъ, для этого достаточно быть, напр., нѣмцемъ или французомъ. Но что для этого безусловно необходимо — это быть личностью. выдѣлять себя изъ массы, не тонуть въ массѣ, сознавать свое человѣческое достоинство, имѣть свою индивидуальную гордость, которая естественно и захватываетъ въ раіонъ своего проявленія, въ числѣ всего прочаго, и черты національныя. Такая личность будетъ гордиться и своимъ языкомъ, и складомъ національнаго духа, и національной литературой, и самымъ фактомъ своей принадлежности къ данной націи. Вотъ почему текущій фазисъ цивилизаціи, характеризующійся развитіемъ крайняго *индивидуализма*, въ то-же время отмѣченъ и крайнимъ развитіемъ чувствъ національной чести и гордости, переходящихъ даже въ шовинизмъ. Можно вѣрить (и пишущій эти строки принадлежитъ къ числу такихъ вѣрующихъ), что въ грядущемъ, съ прекращеніемъ индивидуалистическаго фазиса, національныя особенности изъ предмета гордости превратятся въ предметъ смиренія. Но то, что представляется только возможнымъ въ сферѣ національной психологіи,—въ сферѣ психологіи сословной частью уже осуществилось, частью осуществляется на нашихъ глазахъ. Встрѣтить человѣка, для котораго его сословныя черты являются предметомъ не гордости, а смиренія, — теперь не рѣдкость,—и у насъ самъ Л. Н. Толстой — яркій образецъ этой эволюціи. Мы, русскіе, для которыхъ Каратаевъ такъ типиченъ, только вступаемъ въ періодъ развитія національной гордости [1]) и отъ грядущаго національнаго смиренія отстоимъ

---

[1]) *Сословная* гордость у насъ уже прошла свой путь—«недоразвитія» («не расцвѣла и отцвѣла въ утрѣ пасмурныхъ дней») и спѣшитъ частью въ самомъ дѣлѣ перейти, частью—нарядиться въ *смиреніе*.

гораздо дальше англичанъ, которые такъ давно и такъ по праву горды и, вѣроятно, приближаются къ концу «гордаго» фазиса въ развитіи національнаго самочувствія и самосознанія. Эти замѣчанія могутъ быть кратко выражены въ такой формулѣ: чувства гордости и смиренія, предметомъ которыхъ могутъ быть черты или явленія національныя, какъ и многое другое, сами принадлежатъ не къ формальной психологіи національности, а къ психологіи личности, индивидуальнаго «я», вырабатывающагося и получающаго ту или другую постановку, тотъ или иной укладъ духа на почвѣ процессовъ соціальныхъ (въ обширномъ смыслѣ,— государственныхъ, общественныхъ, экономическихъ и др.).

Итакъ, Каратаевъ не есть олицетвореніе національнаго смиренія, потому что онъ не личность съ положительнымъ содержаніемъ, съ рефлексіей, съ собственнымъ міровоззрѣніемъ, а только частица массы, еще недоразвившейся до національной гордости.

Вотъ почему, говоря о Каратаевѣ, я, по примѣру Толстого, отказываюсь отъ термина *смиреніе* и предпочитаю говорить о *фатализмѣ* и *оптимизмѣ*.

У Каратаева опять-таки эти черты—не личное его состояніе: онѣ принадлежатъ народу, изъ котораго онъ вышелъ. Мало того: онѣ — не исключительно *сословныя* черты крестьянства. Кутузовъ, принадлежащій къ высшему классу и лицо историческое, раздѣляетъ съ Каратаевымъ эту особенность душевнаго склада и у самаго Л. Н. Толстого она является характерною окраскою, даже основою его философско-историческихъ воззрѣній, подъ вдохновеніемъ которыхъ онъ и писалъ «Войну и Миръ». Всѣ мы, къ какому-бы сословію, къ какой-бы партіи ни принадлежали, какихъ-бы взглядовъ на вещи ни придерживались, — мы всѣ, русскіе, въ большей или меньшей мѣрѣ *фаталисты* и *оптимисты*. Это у насъ черта *національная*. Различія усматриваются въ подробностяхъ, въ способѣ отраженія этой національной особенности въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ. Одинъ говоритъ «рокъ» и «все къ лучшему», другой скажетъ, какъ Облонскій (въ «Аннѣ Карениной») «все образуется», третій — «авось, кривая вывезетъ!» И всѣ мы, сознательно или безсознательно, вѣруемъ въ «фатальный ходъ вещей», но это — не мрачный и абсолютный фатализмъ народовъ Востока, это—умѣренный и, въ основѣ, правильный фаталистическій взглядъ, соединенный съ оптимистическимъ упованіемъ на лучшее будущее. По отношенію къ настоящему русскій человѣкъ можетъ быть, съ той или иной точки зрѣнія, большимъ пессимистомъ, все осуждать, быть недовольнымъ, но относительно будущаго онъ всегда оптимистъ: онъ всегда доволенъ этимъ будущимъ. Я называю этотъ оптимизмъ *неумѣреннымъ*, потому что взоръ, упорно и мечтательно устремленный въ невидимое грядущее, не достаточно восціимчивъ къ настоящему и, скользя по его верхамъ, не оцѣниваетъ въ должной мѣрѣ всѣхъ его изъяновъ, даже вопіющихъ.

Постараемся ближе опредѣлить эту національную черту, попытаемся уловить подлинное психическое явленіе, скрывающееся за понятіями, съ которыми мы имѣемъ дѣло.

Прежде всего, что такое вообще *фатализмъ*, взятый отдѣльно отъ національнаго склада того или другого народа? Это—извѣстная *форма мысли, способъ пониманія явленій, точка зрѣнія на вещи.* На вопросъ — «какая это форма и съ чѣмъ классифицируется»—мы отвѣтимъ такъ: она, въ сферѣ мышленія до-научнаго, то-же самое, что, въ области научной мысли, идея *законосообразности* всего сущаго. Источники обѣихъ—въ «законѣ» причинности. Уже изъ этого опредѣленія ясно, что фатализмъ есть явленіе общечеловѣческое, и всѣ націи въ своемъ умственномъ развитіи проходятъ черезъ этотъ фазисъ мышленія. Оттуда—выводъ, что фатализмъ, понимаемый только какъ форма чистой мысли, не можетъ быть характерной и постоянной принадлежностью какой нибудь опредѣленной націи. И дѣйствительно, во всѣхъ миѳологіяхъ, религіяхъ и міровоззрѣніяхъ всѣхъ культурныхъ народовъ мы находимъ выработанную систему фатализма, и у некультурныхъ—его зачатки. Древніе римляне со своимъ Fatum, древніе греки съ ихъ Μοῖρα и Ανάγκη были умственно—фаталистичны не менѣе Каратаева съ его «Рокомъ».

И при всемъ томъ, полагаю, всякій согласится, что едва-ли греки и римляне, а еще болѣе новыя, германскія и романскія, націи могутъ быть названы фаталистичными въ томъ смыслѣ, въ какомъ по праву называются такъ народы Востока и русская національность.

Диллема разрѣшается просто: есть фатализмъ и фатализмъ, т. е. этотъ терминъ употребляется для обозначенія двухъ психическихъ явленій, можетъ быть, и состоящихъ въ нѣкоторомъ сродствѣ, но принадлежащихъ къ двумъ различнымъ сферамъ духа. Есть фатализмъ, какъ форма мысли, какъ стадія въ умственномъ развитіи, и есть фатализмъ, какъ черта національнаго характера. Первый, принадлежа къ сферѣ чистой мысли, конечно, можетъ вліять (если не помѣшаютъ другія воздѣйствія) на сферу воли. Второй принадлежитъ именно къ сферѣ воли,—онъ *характерный признакъ національнаго склада волевыхъ процессовъ*, и уже оттуда онъ воздѣйствуетъ на мысль, ища въ ней родственныхъ себѣ формъ и находя таковую въ томъ чисто-умственномъ фатализмѣ, о которомъ мы говорили, какъ объ извѣстной стадіи въ умственномъ развитіи. Когда эта стадія будетъ пройдена и миѳологическая форма фатализма уступитъ свое мѣсто другой, высшей формѣ, напр. идеѣ законосообразности, тогда фатализмъ волевой не преминетъ вступить въ сочетаніе и съ этою послѣднею,—и не только не исчезнетъ, а даже можетъ еще укрѣпиться. Живой примѣръ—фатализмъ Л. Н. Толстого, соотвѣтственная теорія котораго, отнюдь не миѳологическая, а

въ своемъ родѣ раціональная и не чуждая нѣкоторыхъ вполнѣ научныхъ точекъ зрѣнія, изложена имъ въ заключительномъ трактатѣ, составляющемъ вторую часть эпилога «Войны и Мира».

Чтобы выразиться точнѣе, мы скажемъ не «волевой фатализмъ», а «такой укладъ воли, который въ сферѣ мысли проявляется въ созданіи фаталистическихъ воззрѣній, при чемъ все равно», отливаются-ли эти воззрѣнія въ форму миѳологическаго Рока, или же въ форму научно-философскихъ понятій о законосообразности вещей, о ничтожной роли личности въ ходѣ событій, объ историческихъ событіяхъ, какъ о результатѣ, произведенномъ совокупнымъ дѣйствіемъ милліоновъ волевыхъ актовъ и т. д.

Этотъ *укладъ воли*, представляющійся нашей національной чертой, въ свою очередь можетъ быть ближе опредѣленъ или «описанъ» такими понятіями, какъ слабость личной и общественной иниціативы, нѣсколько-угнетенное самочувствіе личности, преобладаніе въ ней пассивности надъ активностью,—однимъ словомъ, совокупностью тѣхъ психическихъ чертъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ волевой сферѣ, которыя, въ значительно утрированномъ и отчасти патологическомъ видѣ, даютъ «картину»—*Обломовщины*.

У Гончарова этотъ русскій національный укладъ воли представленъ не въ нормальномъ, здоровомъ состояніи, а какъ-бы въ формѣ переходной къ патологической парализаціи воли,—формѣ, мотивированной картиною помѣщичьей жизни при крѣпостномъ правѣ. У Толстого въ лицѣ Каратаева тотъ-же укладъ взятъ въ его нормальной постановкѣ. Обломовъ—лѣнтяй, Каратаевъ—человѣкъ труда и работаетъ не покладая рукъ; Обломовъ не способенъ ни къ какимъ проявленіямъ воли, кромѣ лежанія на диванѣ, Каратаевъ, напротивъ, дѣятельно проявляетъ свою волю,—но только не какъ личность, идущая къ сознательно-поставленнымъ цѣлямъ, а какъ атомъ, участвующій въ общемъ стихійномъ движеніи массъ. Каратаевъ—участникъ въ жизни цѣлаго, Обломовъ—отщепенецъ ото всякой общей жизни.

Такую-же параллель можно провести между Кутузовымъ и Обломовымъ. Фельдмаршалъ, облеченный неограниченной властью, самъ не вѣритъ въ силу своихъ повелѣній, въ могущество своей личной иниціативы; онъ сознательно «воздерживается» отъ вмѣшательства въ естественный и фатальный ходъ вещей; его лозунгъ—«терпѣніе и время». Въ глазахъ иностранца, которому чуждъ и непонятенъ такой укладъ или типъ воли, это—тотъ-же лѣнтяй Обломовъ, и напр. *Vогüе* (въ статьяхъ о Толстомъ) рѣшительно не можетъ понять, что хорошаго нашелъ Толстой въ этомъ генералѣ, который «ничего не дѣлаетъ» и «спитъ въ военномъ совѣтѣ». Но то, что непонятно иностранцу, для насъ ясно, какъ Божій день, и мы отлично видимъ различіе между

этими двумя разновидностями одного и того-же волевого уклада,—Кутузовскимъ и Обломовскимъ. Волевой аппаратъ Кутузова есть нормальный русскій волевой аппаратъ, взятый въ его лучшемъ выраженіи и въ наиболѣе цѣлесообразномъ приложеніи къ дѣлу, въ данномъ случаѣ историческому и народно-національному. Въ Обломовѣ тотъ-же аппаратъ опустился ниже нормы: онъ парализованъ крѣпостнымъ правомъ. «Недѣланіе» Кутузова есть нашъ русскій способъ «дѣланія»: этого *типа* волевыми актами мы всю нашу исторію вѣками «дѣлали» и, вѣроятно, и впредь будемъ «дѣлать»; или, лучше сказать, она сама такъ дѣлалась нашими волевыми актами. «Недѣланіе» Обломова есть оборотная сторона этой медали, показывающая, какъ легко портится такой укладъ воли, и въ какой безвыходный «тупикъ» можетъ завести насъ эта порча.

Разсмотрѣнными чертами еще не исчерпывается психія Каратаева. Намъ предстоитъ еще отдать себѣ отчетъ въ слѣдующемъ: куда отнесемъ мы тотъ «духъ простоты и правды», который присущъ Каратаеву: къ личному-ли содержанію его души, или къ его народно-крестьянской психологической формѣ, или, наконецъ, къ его національной личности?

Для правильной постановки вопроса, вспомнимъ, что ту-же черту, почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ, Толстой приписываетъ и Кутузову. Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что и Обломовъ изображенъ также, какъ воплощеніе своего рода «простоты и правды». Не случайны, конечно, эти совпаденія. У всѣхъ трехъ эта черта оказывается на-лицо потому, что всѣ три—русскіе національные типы. Ея присутствіе въ нашемъ національномъ складѣ отмѣчалось много разъ, въ особенности наглядно она проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда русскій національный пошибъ сталкивается съ національнымъ типомъ романскихъ народовъ, какъ это и было въ эпоху войны 1812 г. Присущая романскимъ націямъ аффектація, реторичность и позированіе еще рѣзче оттѣняетъ нашу *простоту*, которая въ такихъ случаяхъ еще настойчивѣе вызываетъ представленіе *правды*, при чемъ наблюдатель легко поддается иллюзіи, заставляющей его думать, что противуположныя черты, аффектація и пр., непремѣнно будто-бы сочетаются съ какой-то *неправдою*, съ нѣкоторой внутренней фальшью. На этомъ-то пунктѣ и начинается настоящая *неправда* въ нашихъ сужденіяхъ о національномъ характерѣ другихъ народовъ.

Чтобы въ этого рода вопросахъ не впасть въ заблужденіе и несправедливость, нужно разъ навсегда отрѣшиться отъ соблазна—квалифицировать *національныя* признаки, какъ достоинства и недостатки, какъ добродѣтели и пороки. Національныя черты суть *свойства*, а не *качества*, и къ нимъ нужно относиться какъ напр. къ цвѣту волосъ, глазъ, темпераменту и т. д. Въ числѣ русскихъ національныхъ свойствъ есть *специфическая простота* и *правда*, но ни та, ни другая—не добродѣ-

тель. Аффектація—одна изъ національныхъ чертъ романскихъ народовъ, но она не порокъ.

Если «простота», какъ черта національная, не добродѣтель и не должна быть смѣшиваема напр. съ *искренностью*, то что-же она такое? Какъ все національное, она форма, а не содержаніе, она именно та форма душевнаго склада, которая въ сферѣ мысли можетъ быть опредѣлена, какъ минимумъ *реторичности* и *искусственности* въ самомъ процессѣ мышленія, въ сферѣ чувствъ, какъ минимумъ *приподнятыхъ, аффектированныхъ* настроеній, въ сферѣ воли, какъ минимумъ *утрировки* въ волевыхъ выраженіяхъ (напр. въ жестахъ, поступкахъ) сравнительно съ волевымъ импульсомъ. Не трудно видѣть, что эта формальная *простота* въ этическомъ смыслѣ безразлична, и въ нее, какъ въ форму, можетъ быть вложено что угодно, истина и ложь, справедливость и несправедливость, искренность и коварство и т. д. Можно совершенно *просто*, безъ тѣни реторики, безъ всякой аффектаціи настроенія и безъ утрировки волевыхъ проявленій подумать, сказать, сдѣлать вопіющую ложь, неправду, какое угодно безобразіе. И наоборотъ: противуположная форма, реторика мысли и рѣчи, аффектированность чувства, утрировка волевыхъ выраженій, можетъ имѣть своимъ содержаніемъ святую истину, справедливое отношеніе къ вещамъ и людямъ, добродѣтельный поступокъ.

Таково понятіе формальной *простоты*. Но причемъ тутъ еще *правда*? Есть два основанія, почему мы говоримъ «простота и правда», не ограничиваясь одной «простотой». Во-первыхъ, *простота*, понимаемая въ томъ смыслѣ, какъ я ее только-что опредѣлилъ, несмотря на свою формальность, невольно вызываетъ въ умѣ представленіе о какой-то не то правдивости, не то искренности, не то адэкватности, между рѣчью и мыслью, чувствомъ и поступкомъ, жестомъ и настроеніемъ и т. д. Оттуда—невольное стремленіе идеализировать,—скажемъ, повысить чиномъ эту «простоту» и величать ее «правдой». Это повышеніе, какъ увидимъ ниже (спеціально въ отношеніи Каратаева и Кутузова), имѣетъ свои оправданія и можетъ привести къ хорошимъ результатамъ. Но, вообще говоря, нужно остерегаться переносить эти понятія изъ области формы въ сферу содержанія: И. А. Хлестаковъ, какъ истинно-русскій человѣкъ, лжетъ совершенно *просто* и даже *правдиво*, ибо стульевъ онъ не ломаетъ и «30,000 курьеровъ» и пр. являются адэкватнымъ, «правдивымъ» выраженіемъ его «мысли», его душевнаго подъема въ данную минуту, да и всего склада его души. Правда, о которой мы говоримъ, столь-же въ сущности формальна, какъ и *логическая истина*, которая, какъ извѣстно, можетъ и не совпадать съ истиной объективной. Указанное мною основаніе, почему мы къ «простотѣ» присоединяемъ еще и «правду», можетъ быть названо *психологическимъ въ тѣсномъ смыслѣ*:

это ассоціація двухъ понятій, изъ которыхъ второе есть лишь усиленное и идеализированное первое. Но есть еще и другое основаніе, чисто *лингвистическое*, которое въ данномъ случаѣ имѣетъ большое значеніе, потому что дѣло идетъ о явленіи національной психологіи, а послѣдняя, какъ извѣстно, находится въ тѣснѣйшей связи съ языкомъ. Выраженіе «простота и правда» принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ въ разныхъ языкахъ оборотовъ, состоящихъ въ томъ, что *одно* понятіе выражается *двумя* терминами. Таковы наши народныя выраженія: «свѣтъ-заря», «путь-дорога» и т. д. Въ высокой степени характерно, что именно въ *русскомъ* языкѣ такая «пара» составлена изъ представленій «простоты» и «правды». При этомъ, какъ извѣстно, кругъ представленій или понятій, входящихъ въ составъ каждаго изъ этихъ терминовъ, довольно великъ. «Простота» отъ того чисто-формальнаго значенія, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, переносится въ сферу содержанія и употребляется, какъ синонимъ терминовъ *простодушіе*, *добродушіе*, *искренность*, *наивность*, даже *глупость*. «Правда» является, съ одной стороны синонимомъ формальной «простоты» (въ разсматриваемомъ выраженіи «простота и правда»), съ другой-же—такихъ понятій, какъ объективная *истина*, какъ субъективная *правдивость*, какъ *нравственная* правда, напр. *справедливость отношеній*. Ясное дѣло, что всѣ эти понятія не могутъ такъ или иначе не ассоціироваться съ разсматриваемымъ парнымъ терминомъ (простота и правда) въ его формальномъ значеніи и должны въ большей или меньшей степени отвлекать его отъ чисто-формальнаго примѣненія—въ область психологическаго содержанія. Однимъ изъ крайнихъ выраженій этой тенденціи является въ народной поэзіи образъ Иванушки-дурачка, въ которомъ и «простота» доведена до *глупости*, а «правда»—до высшей *нравственной* правды. Другимъ представителемъ того-же типа, только въ иной постановкѣ, служитъ намъ эпическій богатырь Илья Муромецъ, въ которомъ «простота» развита до прямодушія, искренности, безхитростности, а «правда» до извѣстныхъ понятій о долгѣ, призваніи, чести и т. д. Какъ самъ терминъ «простота и правда» есть явленіе лингвистически-національное и непереводимъ на другіе языки (подобно греческому καλοκαγαθία), такъ и художественные образы, ему отвѣчающіе, суть образы спеціально-русскіе, національные и часто, цѣликомъ или въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, остаются непонятными для иностранца. И подобно тому, какъ самый терминъ «простота и правда» въ его живомъ употребленіи въ рѣчи невольно выбивается изъ формальной сферы и переносится въ область психологическаго содержанія, повинуясь не произволу говорящаго, а законосообразному воздѣйствію *ассоціаціи*, составляющей *національное* достояніе, такъ и соотвѣтственные образы искусства, по праву художника, могутъ быть построены въ томъ-же духѣ—претворенія формальной простоты и формаль-

ной правды въ различнаго рода положительныя качества психіи. Такое претвореніе есть законная идеализація національной формы. Художникъ въ этомъ случаѣ продолжаетъ традицію народнаго творчества и вноситъ свою лепту въ дѣло національнаго самосознанія и. пожалуй, также содѣйствуетъ облагороженію національной психіи. Это его право и обязанность. Объяснить-же *происхожденіе* этихъ образовъ, раскрыть ихъ генезисъ изъ національной *формы* и разложить эту форму на ея составные психическіе элементы, это уже дѣло, право и обязанность критика.

Представленный здѣсь анализъ Каратаева будетъ дополненъ еще нѣкоторыми указаніями въ слѣдующей главѣ, гдѣ мы займемся Кутузовымъ: дополнительныя черты обнаружатся изъ сопоставленія Каратаева съ Кутузовымъ, а также изъ разъясненія того значенія, которое принадлежитъ Каратаеву въ дѣлѣ духовнаго возрожденія Пьера. Эту главу я закончу только указаніемъ на необходимость перейти отъ анализа къ *синтезу*.

Анализъ безспорно разрушаетъ *непосредственное* цѣльное и живое впечатлѣніе, производимое художественнымъ созданіемъ. Но не одно лишь *непосредственное* впечатлѣніе, которое можно назвать также *наивнымъ*, способно быть цѣльнымъ и живымъ. Путемъ *синтеза* можетъ быть возсоздано новое, столь-же сильное, и еще болѣе глубокое живое воспріятіятіе образа, но оно уже не будетъ наивнымъ и непосредственнымъ. Я хочу именно указать здѣсь на то, какъ анализъ расчищаетъ дорогу синтезу, какъ изъ отдѣльныхъ чертъ, полученныхъ въ результатѣ нашего анализа, можетъ возсоздаться живая личность Каратаева. Для этого одно механическое соединеніе извѣстныхъ намъ чертъ еще недостаточно. Нужно уловить то особенное соотношеніе и взаимодѣйствіе этихъ чертъ, ту ихъ *организацію*, въ силу которыхъ Каратаевъ и является воплощеніемъ живой, цѣльной и своеобразной *психіи*, а не просто суммою извѣстныхъ психологическихъ слагаемыхъ. Еще Шубинъ (въ «Наканунѣ») сказалъ: «душа—не яблоко: ее не разрѣжешь». Эта истина можетъ быть оставляема втунѣ—пока производится *анализъ*. Мы разлагаемъ мысленно душу на рядъ процессовъ, рядъ чертъ и свойствъ и стараемся вникнуть въ ихъ природу и происхожденіе. Но разъ отъ анализа мы переходимъ къ *синтезу*,—истина, изреченная Шубинымъ, вступаетъ въ свои права.

Въ результатѣ нашего анализа мы получили: 1) черты народной, крестьянской психологіи патріархальнаго склада, въ основѣ которой положены «мірская» общежительность, наивный альтрюизмъ, специфическое «благообразіе»; 2) національныя черты фатализма и оптимизма, въ корнѣ которыхъ мы указали своеобразный укладъ воли и особый родъ самочувствія личности; 3) національныя черты формальной *простоты и правды*—въ той ихъ постановкѣ и идеализаціи, о которыхъ была рѣчь выше. Всѣ эти черты соединены въ Каратаевѣ не механически, а какъ

бы органически и образуютъ цѣльную и живую психію, которую можно анализировать, но отъ которой нельзя отнять ни одной черты—безъ нарушенія цѣлаго.

Въ нашей аналитической работѣ мы представляли себѣ всѣ эти черты какъ-бы на одной плоскости. Мы ихъ разложили по порядку и присматривались къ каждой изъ нихъ. Не такъ «лежатъ» онѣ въ душѣ Каратаева. Если ужь прибѣгать къ пространственнымъ понятіямъ и метафорически переносить ихъ на психію, то мы скажемъ, что въ «разрѣзѣ» психіи эти черты представились-бы намъ на подобіе концентрическихъ круговъ или пластовъ, такъ что одинъ служитъ оболочкой для другого, другой — для третьяго и т. д., пока не дойдемъ до центральной точки, которая и есть индивидуальное положительное содержаніе личности, его подлинное «я»; для него всѣ эти оболочки служатъ формами (сословной, національной и т. д.). У Каратаева, какъ мы видѣли, центральный пунктъ такъ неявственъ, такъ глубоко погребенъ подъ толстыми наслоеніями формъ, что можетъ считаться равнымъ нулю, и вся психія Каратаева представляется составленной изъ однихъ формальныхъ элементовъ. Это упрощаетъ нашу задачу, которая была-бы гораздо труднѣе, если-бы дѣло шло о личности съ богатымъ и сложнымъ индивидуальнымъ содержаніемъ. Въ данномъ случаѣ, въ отношеніи Каратаева, мы оставляемъ индивидуальное содержаніе въ сторонѣ и сосредоточиваемся на формѣ. Задача упрощается—сводясь къ тому, чтобы найти то спеціальное и интимное соотношеніе, въ какомъ находятся другъ къ другу формальныя черты психіи Каратаева, указать *способъ* ихъ сочетанія и взаимодѣйствія. Для этого прежде всего станемъ въ положеніе непосредственнаго наблюдателя и постараемся уловить то общее и цѣльное *впечатлѣніе*, которое производитъ Каратаевъ, какъ онъ есть, со всѣми его чертами. еще не разложенными предварительнымъ анализомъ, еще не отторгнутыми одна отъ другой. Такое *впечатлѣніе* (Anschauung) будетъ *синтетическимъ*, — оно еще не тотъ *синтезъ*, котораго мы ищемъ, но уже первый шагъ къ нему.

Предположимъ, что, наблюдая Каратаева, мы видимъ его психію во всей совокупности слагающихъ ее элементовъ, — наше *впечатлѣніе*, Anschauung, — полное. По необходимости, все, что мы видимъ, представляется намъ въ извѣстной перспективѣ, а не на одной плоскости, какъ при анализѣ. Однѣ черты выступаютъ на первый планъ, другія отодвигаются дальше, въ глубь. Однѣ кажутся намъ болѣе, если можно такъ выразиться, внѣшними, другія—болѣе внутренними. И вотъ наблюдатель, созерцая эту психологическую перспективу, по необходимости дѣлаетъ рядъ своихъ *сужденій* о томъ, что онъ видитъ, —эти сужденія входятъ, какъ неотъемлемая часть, въ составъ искомаго общаго впечатлѣнія. То, что представляестя ему на первомъ планѣ, на периферіи психіи, онъ невольно принимаетъ за форму того, что лежитъ глубже.

Послѣднее, въ его глазахъ, есть *содержаніе* перваго. При встрѣчѣ съ Каратаевымъ, наблюдатель прежде всего видитъ, что это мужичекъ, крестьянинъ, сразу замѣчаетъ, что это не типичный солдатъ, и тутъ-же открываетъ въ немъ характерныя черты патріархальнаго крестьянскаго «благообразія». Для наблюдателя все это и составляетъ психологическую форму Каратаева. Все, что онъ откроетъ глубже, подъ этой оболочкой, представится ему *содержаніемъ* формы, но такимъ, которое не вложено туда случайно, извнѣ, *а находится въ тѣснѣйшей, выражаясь фигурально, «кровной» связи съ формою*. Въ такомъ освѣщеніи предстанутъ ему фаталистическія и оптимистическія—не взгляды, не мысли, а «*проявленія*» Каратаева. Иной мужичекъ того-же типа и склада, пожалуй, и не *проявится* съ этой стороны,—подумаетъ наблюдатель,—но Каратаевъ проявляется, и это его проявленіе, это обнаруженіе своеобразнаго оптимистическаго фатализма не механически, связано съ его мужицкою формою, съ его крестьянскимъ благообразіемъ, а есть то зерно, оболочкой котораго служитъ этотъ крестьянскій складъ; при другомъ складѣ, и зерно, думается наблюдателю, было-бы другое. Наблюдатель не вдается въ аналазъ, не прибѣгаетъ къ своего рода «реактивамъ», не вспомнитъ, имѣя дѣло съ Каратаевымъ, о Кутузовѣ, объ Обломовѣ. Всякаго рода сопоставленія, сравненія (кромѣ развѣ съ самимъ собою) только нарушатъ цѣльность впечатлѣнія и неизбѣжно перетасуютъ элементы: то, что наблюдатель принялъ за «зерно», окажется «оболочкой». Еще глубже оптимистическаго фатализма наблюдатель открываетъ «простоту и правду». И здѣсь, не смущаемый сравненіями и анализомъ, преслѣдуя одно лишь живое и цѣльное впечатлѣніе, онъ квалифицируетъ эту черту—какъ нѣчто положительное, а не исключительно формальное, но тѣсно связанное съ формою, что безъ нея оно, пожалуй, и не существовало-бы. Наблюдатель имѣетъ дѣло только съ Каратаевымъ и не знаетъ, что, напр., и въ Кутузовѣ есть аналогичная *простота и правда*, а если и знаетъ, то *не* пользуется этими свѣдѣніями для составленія своего *синтетическаго* сужденія о Каратаевѣ. Поэтому для наблюдателя Каратаевъ—не національный типъ, а народный. Все, что онъ видитъ въ Каратаевѣ, открывается ему сквозь призму крестьянской формы. Онъ подведетъ итогъ своимъ впечатлѣніямъ — опредѣливъ Каратаева, какъ *идеалъ простоты и правды, воплощенный въ народно-крестьянской психологической формѣ*.

Таковъ синтетическій взглядъ на Каратаева наблюдателя, который не имѣетъ въ своемъ распоряженіи предварительнаго анализа. Но мы его имѣемъ, и синтезъ, котораго мы ищемъ, долженъ основываться на результатахъ анализа, не будучи механическимъ ихъ суммированіемъ. Непосредственное, живое и цѣльное впечатлѣніе наблюдателя поможетъ намъ сдѣлать правильный синтезъ, не прибѣгая къ ариѳметикѣ.

Анализъ обнаружилъ, что «простота и правда»—это черта національ-

ной психологической формы. Наблюдатель говоритъ намъ, что онъ видитъ эту «простоту и правду» въ глубинѣ, а не на периферіи. Будемъ и мы видѣть ее тамъ, но только зная, что она—форма, а не содержаніе и не составляетъ исключительной особенности Каратаева или его сословія, но принадлежитъ всей русской націи. Въ силу этого сознанія, добытаго анализомъ, *наше* синтетическое впечатлѣніе окажется качественно-отличнымъ отъ того, которое составилось у предполагаемаго наблюдателя, не опиравшагося на предварительный анализъ. Наблюдателю казалось, что между идеаломъ «простоты и правды», воплощеннымъ въ Каратаевѣ, и его крестьянскимъ «благообразіемъ» установлены столь тѣсныя связи психологическаго сродства, что одно безъ другого немыслимо. Для насъ—это иллюзія; мы знаемъ, что тотъ-же идеалъ можетъ быть воплощенъ и въ другой, не крестьянской формѣ. И мы видимъ въ Каратаевѣ уже не исключительно народный идеалъ крестьянскаго благообразія, простоты и правды, *идеализированную русскую національную психію, взятую въ ея крестьянской разновидности*, въ ея непосредственномъ, нетронутомъ цивилизаціей и рефлексіей проявленіи. Одно сознаніе, что возможны и другія ея проявленія, въ корнѣ измѣняетъ характеръ синтетическаго впечатлѣнія. Фатализмъ и оптимизмъ Каратаева для насъ только народное выраженіе *національнаго уклада воли* и, созерцая Каратаева, мы сосредоточиваемъ наше вниманіе не столько на этомъ выраженіи, сколько на самомъ «укладѣ», и видимъ или вспоминаемъ многое, чего наблюдатель не видѣлъ и не вспоминалъ.

И по необходимости, наши *сужденія*, входящія въ составъ синтетическаго впечатлѣнія, будутъ иныя, чѣмъ у наблюдателя, при сохраненіи той-же перспективы. Мы видимъ наблюдаемыя явленія въ томъ-же порядкѣ, но понимаемъ ихъ иначе. Это пониманіе и есть искомый *синтезъ*. Если онъ выйдетъ неправильнымъ или неполнымъ,—это будетъ прямымъ слѣдствіемъ неправильности или неполноты анализа.

Каковъ-бы онъ ни былъ, но онъ необходимъ. Только такимъ путемъ—преобразованія непосредственнаго впечатлѣнія въ *синтетическое пониманіе* образа, опирающееся на анализъ, и возможно придти къ выясненію художественной идеи, воплощенной въ образѣ.

Дойти до указаннаго *синтетическаго пониманія*—дѣло не трудное, разъ сдѣланъ анализъ, эта труднѣйшая, «черновая» часть работы. Но для изложенія, для передачи процесса своей мысли другимъ, анализъ оказывается дѣломъ гораздо болѣе легкимъ, чѣмъ синтезъ. Какъ передать, какъ описать *свое* синтетическое, цѣльное, живое впечатлѣніе и пониманіе?

Быть можетъ, мнѣ удастся сдѣлать это въ слѣдующей главѣ, въ связи съ раскрытіемъ *идеи*, воплощенной въ Каратаевѣ и Кутузовѣ, и того *значенія*, которое принадлежитъ спеціально образу Каратаева въ эпопеѣ «Войны и Мира».

Д. Овсянико-Куликовскій.

Юность и молодость П. И. Чайковскаго.

I.

Училище правовѣдѣнія.

Пребываніе Петра Ильича въ училищѣ правовѣдѣнія имѣетъ характеръ эпизода, только косвенно оказавшаго вліяніе на главное направленіе его жизни. Какъ сказано нами, его школьные годы не только совпадаютъ съ полнымъ застоемъ развитія музыкальнаго дарованія, но въ періодъ 1852—1859 года и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ростъ композитора какъ бы пріостанавливается. Передъ нами крѣпнетъ и просвѣщается отнюдь не будущій художникъ, а симпатичный, но плохой чиновникъ, отъ котораго къ серединѣ шестидесятыхъ годовъ не остается почти никакого воспоминанія.

Соотвѣтственно со значеніемъ этой эпохи и біографическій матеріалъ ея необыкновенно скуденъ и основанъ на смутныхъ воспоминаніяхъ родныхъ и товарищей. Смутныхъ, потому что никому изъ окружавшихъ Чайковскаго въ это время и въ голову не приходило придавать значеніе «дѣламъ и поступкамъ» этого милаго—можетъ быть и не зауряднаго юноши,—но во всякомъ случаѣ вполнѣ зауряднаго «правовѣда».

Цѣль основанія училища правовѣдѣнія, по мысли принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, заключалась въ томъ, чтобы дать Россіи юристовъ изъ высшихъ классовъ общества, привлечь дворянство къ дѣятельности, которая считалась загрязненной разночинствомъ и подьячествомъ. Соотвѣтственно съ этимъ новое заведеніе было доступно лицамъ исключительно привилегированнаго сословія, а по спеціальности (какъ это явствуетъ изъ самаго названія его) готовило исключительно дѣятелей правосудія. Чтобы убить недовѣріе къ судейской карьерѣ, царившее въ высшей средѣ, и заманить служебными выгодами бо́льшее

число учащихся,—лицамъ окончившимъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія были даны преимущества передъ университетомъ; они получали по выходѣ изъ училища чинъ 9-го класса и небольшое ежемѣсячное пособіе до полученія штатнаго мѣста.

Общество сочувственно отвѣтило на призывъ принца Ольденбургскаго и въ короткое время дѣтище его пріобрѣло репутацію одного изъ самыхъ блестящихъ и чтимыхъ учебныхъ заведеній. Хотя титулованная и придворная аристократія продолжала по прежнему довѣрять свою молодежь Александровскому лицею и Пажескому корпусу, но менѣе богатые представители, какъ служилыхъ, такъ и родовитыхъ дворянскихъ родовъ, очень были рады открытію школы, гдѣ дѣти ихъ могли не только получить спеціальное образованіе, но и большія привилегіи по службѣ. Составъ воспитанниковъ училища правовѣдѣнія поэтому съ первыхъ годовъ существованія его ясно опредѣлился и въ общемъ неизмѣнно остается тѣмъ же и по нынѣ: это, въ огромномъ большинствѣ, молодые дворяне такъ называемаго «средняго круга», затѣмъ сыновья служащихъ при училищѣ и, въ наименьшемъ количествѣ, лица того условно аристократическаго общества, имена которыхъ у всѣхъ на языкѣ. Но таково обаяніе этихъ послѣднихъ для толпы, что одинъ или два титула на списокъ изъ сорока человѣкъ въ глазахъ всѣхъ придали аристократическій оттѣнокъ всему заведенію. Правовѣдская трехуголка для массы окружена почти такимъ же ореоломъ великосвѣткости, какъ каска пажа и красный воротникъ лицеиста. Я упоминаю здѣсь объ этомъ, потому что это неосновательное предубѣжденіе породило и нѣкоторый оттѣнокъ тщеславія въ самихъ правовѣдахъ и имѣло, хотя и слабое, но несомнѣнное значеніе въ жизни Петра Ильича этого періода.

Во главѣ училища въ 1852 году стоялъ бывшій рижскій полицеймейстеръ, генералъ Александръ Петровичъ Языковъ, только за три года до поступленія Чайковскаго назначенный директоромъ. Съ юриспруденціей онъ ничего общаго не имѣлъ и призванъ былъ для дисциплинированія заведенія, зараженнаго духомъ свободы, промчавшимся надъ всей Европой въ концѣ сороковыхъ годовъ. Задачу свою онъ исполнилъ въ своемъ родѣ «блистательно» введеніемъ строгостей солдатской выправки и другого значенія въ воспитаніи будущихъ судей и прокуроровъ не имѣлъ. Террор первыхъ годовъ его дѣятельности, къ счастью, уже миновалъ, когда Петръ Ильичъ сталъ правовѣдомъ и послѣднему пришлось только однажды быть свидѣтелемъ публичной казни одного изъ товарищей. До этого же онѣ производились по нѣскольку разъ въ годъ. Воспитанниковъ выстраивали «покоемъ», въ серединѣ ставилась скамейка и по командѣ директора служители начинали экзекуцію. Познакомившись уже съ чувствительностью Петра Ильича, читатель можетъ себѣ представить неизгладимо потрясающее впечатлѣніе этого зрѣ-

лища; оно усиливалось еще тѣмъ, что жертвой наказанія былъ очень симпатичный ему товарищъ по классу. Повторяю, на счастье Петра Ильича, періодъ наиболѣе ретивой дѣятельности Языкова въ 1852 году прошелъ уже, но духъ солдатчины продолжалъ еще царить во все время пребыванія Чайковскаго въ низшихъ классахъ училища. Генералъ все-таки попрежнему сѣкъ, но уже не публично, и все таки требовалъ безукоризненной маршировки, но не такъ уже ретиво. Въ его отношеніяхъ съ ввѣреннымъ ему юношествомъ, кромѣ неумолимой строгости была еще одна черта: постоянное стремленіе тревожить воображеніе воспитанниковъ своей особой, поэтому свирѣпость палача—кстати, а большею частью некстати—смѣнялась совершенно неожиданно чувствительной слезливостью старой дѣвы; то онъ удивлялъ неистовствами изъ за пустяковъ, то сверхъ чаянія поразительною мягкостью и великодушіемъ, когда ожидалась заслуженная кара. Во внѣшнихъ же пріемахъ онъ старался подражать странностямъ Суворова, выдѣлывая кундштюки, напоминавшіе «кукареку» великаго полководца [1]). Другая отличительная черта Языкова была въ способности необыкновенно быстро, въ мгновеніе ока, измѣнять внѣшній видъ. Съ большими выпуклыми, безцвѣтными глазами и большими усами, онъ казался представительнымъ въ обыкновенное время, довольно статнымъ, а въ моменты гнѣва страшнымъ, почти свирѣпымъ. Но стоило неожиданно появиться принцу Петру Георгіевичу, какъ величественный и грозный генералъ моментально становился маленькимъ и сладенькимъ; сановитая походка обращалась въ мягкое шмыганіе и на лицѣ появлялась улыбка, при чемъ одни глаза упрямо не подчинялись общей метаморфозѣ и оставались попрежнему бездушны и тусклы.

Языковъ вообще былъ склоненъ къ фаворитизму. Самымъ яркимъ доказательствомъ этого служатъ его отношенія къ Апухтину, который былъ въ училищѣ окруженъ исключительнымъ благоволѣніемъ директора. Но какъ это всегда бываетъ въ этой склонности, онъ уравновѣшивалъ баловство нѣкоторыхъ воспитанниковъ преслѣдованіемъ другихъ. Петръ Ильичъ не принадлежалъ ни къ его любимцамъ, ни къ жертвамъ гоненія.

Главнымъ помощникомъ генерала Языкова, въ званіи инспектора воспитанниковъ, былъ полковникъ артиллеріи Рутенбергъ. Онъ поступилъ въ училище Правовѣдѣнія нѣсколькими мѣсяцами раньше директора, но какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ вводимымъ послѣднимъ реформамъ. Столь-же мало подготовленный къ руководству будущихъ юристовъ какъ и его непосредственный начальникъ, онъ, будучи хорошимъ

[1]) Такъ напр., среди торжественнаго увѣщанія передъ строемъ, онъ вдругъ повертывался на одномъ каблукѣ, приговоривая,—совершенно безсмысленно: «штучки, штучки!»

фронтовикомъ, завѣдывалъ военной выправкой воспитанниковъ и въ глазахъ ихъ былъ Малютой Скуратовымъ грознаго генерала. Лютъ-же, однако, онъ представлялся только на видъ и рядомъ съ такими свирѣпыми проявленіями, какъ невозмутимое равнодушіе во время сѣченія, иногда дѣлался добръ и чувствителенъ. Какъ доказательство его доброты, можно привести тотъ фактъ, что онъ всегда съ необычайной симпатіей относился къ Чайковскому, который по типу своему не могъ-бы прійтись по душѣ дѣйствительно жестокому и безсердечному человѣку.

Ближайшимъ лицомъ къ воспитанникамъ стоялъ такъ называемый «классный воспитатель», т.-е. лицо, имѣвшее непосредственное наблюденіе за молодыми людьми съ момента поступленія до выхода изъ училища. Такимъ класснымъ воспитателемъ выпуска Петра Ильича сначала былъ капитанъ артиллеріи Иванъ Самойловичъ Алопеусъ. Несомнѣнно изъ всего персонала педагоговъ училища это былъ самый любимый и уважаемый воспитанниками за все время его долгаго служенія. Онъ имѣлъ гораздо болѣе призванія къ своему дѣлу, чѣмъ Языковъ и Рутенбергъ, и обнаруживалъ это въ умѣньи примирить требовательность съ мягкостью, почти теплотой обращенія. Многихъ изъ своихъ воспитанниковъ, въ томъ числѣ Чайковскаго, онъ называлъ уменьшительными именами и пока они ни въ чемъ не провинились, говорилъ съ ними какъ старшій другъ или родной. Но большого активнаго вліянія имѣть онъ всетаки не могъ. И подчиненное положеніе его, да и отсутствіе рѣзкихъ индивидуальныхъ чертъ въ его личности препятствовали этому. Увлечь ввѣренную ему молодежь, внушить нравственныя начала, отражающіяся на всю жизнь, онъ не смѣлъ да и не былъ въ состояніи, но огромная заслуга его уже въ томъ, что онъ съумѣлъ поставить себя такъ, что его не только боялись, но и любили. Петръ Ильичъ всегда хранилъ о немъ самое теплое и дружеское воспоминаніе.

Послѣ смерти Рутенберга въ 1855 году, когда повѣяло мягкимъ дуновеніемъ новаго царствованія и солдатчина отживала свой вѣкъ, Иванъ Самойловичъ получилъ назначеніе инспектора воспитанниковъ, а должность класнаго воспитателя XX выпуска занялъ баронъ Эдгардъ-Просперъ Гальяръ де-Баккара. Это былъ милый, добродушный французъ, Богъ знаетъ какъ попавшій въ педагоги, страстный поклонникъ генія Расина и Мольера, самъ драматическій писатель, охотно читавшій ученикамъ псевдоклассическую трагедію своего сочиненія подъ названіемъ «Norma», превосходный декламаторъ и очень плохой учитель французской словесности, довольно откровенно выказывавшій свою нелюбовь къ педагогической дѣятельности. Баккара (какъ принято было его называть) получилъ классъ, когда воспитанники уже приближались къ старшему курсу и отношенія къ нимъ установились у него совсѣмъ товарищескія. Прямого вліянія на нравственное развитіе молодыхъ людей онъ имѣлъ еще

меньше, чѣмъ Алопеусъ, страха не внушалъ ни малѣйшаго, но съумѣлъ сохранить, какъ и его предшественникъ, самыя теплыя и дружескія отношенія со многими изъ своихъ питомцевъ и за стѣнами училища, въ томъ числѣ и съ Петромъ Ильичемъ.

Изъ другихъ воспитателей, какъ «классныхъ», такъ и «дежурныхъ», т.-е. не руководившихъ никакимъ выпускомъ, а являвшихся только на дежурство, Петръ Ильичъ всегда хранилъ воспоминаніе лишь о двухъ: объ Евгеніи Федоровичѣ Герцогѣ и Владиславѣ Матвѣевичѣ Лермонтовѣ.

Первый изъ нихъ былъ человѣкъ съ большими странностями, эпилептикъ, очень нервный, съ рѣзкими переходами отъ веселаго добродушнаго настроенія къ угрюмости и строгости. То грубый, то ласковый съ большинствомъ воспитанниковъ, онъ бывалъ ровенъ только съ тѣми, въ комъ какое-то особенное чутье его угадывало натуры исключительныя. Къ нимъ онъ привязывался всей душой и держалъ себя съ ними, какъ равный, разсуждалъ о злобахъ дня, выслушивалъ ихъ разсказы, словомъ, и самъ забывалъ, и ихъ заставлялъ забывать то разстояніе, которое тогда отдѣляло учащихъ отъ учащихся. Петра Ильича онъ любилъ какъ-то особенно сильно и хранилъ всю жизнь неизмѣнно живѣйшее участіе и любовь къ «Чаинькѣ».

Владиславъ Матвѣевичъ Лермонтовъ, съ головой, напоминавшей изображенія Пугачева, былъ любимецъ всѣхъ воспитанниковъ. Неразговорчивый, мрачный на видъ, онъ рѣшительно всѣхъ привязывалъ къ себѣ необыкновенно простымъ и вмѣстѣ участливымъ отношеніемъ. Какъ и Герцогъ, онъ обращался съ молодыми людьми по-товарищески, охотно бесѣдуя съ ними въ свободные часы.

Кромѣ этихъ четырехъ образовъ, всегда поминаемыхъ добромъ, Петръ Ильичъ хранилъ отнюдь не столь теплое, но яркое воспоминаніе объ отцѣ протоіереѣ Михаилѣ Измайловичѣ Богословскомъ. Онъ сразу еще въ приготовительномъ классѣ поразилъ впечатлительность нашего мальчика. Воспитанники играли въ саду, соединявшемся съ верхнимъ этажемъ внутренняго помѣщенія, вмѣсто лѣстницы, наружнымъ спускомъ, на подобіе искусственной горы. И вотъ въ памяти Петра Ильича осталось на всегда картина, какъ однажды на верху этого спуска появилась въ свѣтлосиней рясѣ благолѣпная фигура отца Богословскаго, показавшаяся ему необыкновенно прекрасной. Къ несчастью, вблизи впечатлѣніе его величавости и красоты въ значительной мѣрѣ портилось отталкивающей неопрятностью его особы. Но не одна внѣшность этого человѣка обращала на себя вниманіе. Во всѣхъ отношеніяхъ, изъ тогдашняго персонала руководителей училища, онъ былъ несомнѣнно самый выдающійся и по учености, и по талантливости, и по цѣльности, и по стойкости убѣжденій. Докторъ богословія, составитель высокоцѣнимой «Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта», онъ былъ законоучителемъ

въ младшихъ классахъ и профессоромъ церковнаго права, логики и психологіи—въ старшихъ. Конечно, преподавались имъ эти предметы не въ одинаковой степени хорошо, а логика и въ особенности психологія скорѣе плохо съ точки зрѣнія современныхъ требованій науки, но самый фактъ, что ему были поручены эти предметы, показываетъ, какой репутаціей учености онъ пользовался.

Какъ человѣкъ, отецъ Михаилъ Измайловичъ чрезвычайно характерно обрисовывается тѣмъ наставленіемъ, которое онъ преподалъ одному воспитаннику передъ его поступленіемъ въ училище. «Не старайся, чтобы тебя любили, сказалъ онъ мальчику, а старайся, чтобы тебя уважали». Самъ онъ никогда не уклонялся отъ этого жизненнаго правила. И дѣйствительно, привязанности въ молодежи онъ не вызывалъ, потому что, казалось, и самъ никого и ничего не любилъ, кромѣ православія, но не уважать его было невозможно. Фанатическій ревнитель церкви, онъ былъ неумолимо строгъ къ соблюденію всѣхъ обрядовъ, самъ исполнялъ ихъ съ любовью и требовалъ того-же отъ другихъ. Въ этомъ отношеніи онъ, не дѣлая разницы между директоромъ и послѣднимъ изъ служителей училища, заходилъ иногда такъ далеко, что вызывалъ насмѣшки и нареканія. Уступокъ здѣсь онъ не зналъ [1]). Отъ своихъ духовныхъ чадъ онъ неустанно, не принимая въ соображеніе никакихъ современныхъ условій жизни, требовалъ, чтобы они вели чуть не иноческое житіе. Театры были «бѣсовскими радованіями», танцы «потѣхой діавола». «Какъ живетъ теперь молодой человѣкъ? говорилъ онъ съ каѳедры, что онъ дѣлаетъ? Страшно смотрѣть. По субботамъ и канунамъ праздниковъ развѣ идетъ добровольно въ церковь отстоять всенощное бдѣніе? Нѣтъ! Всунувъ чортову кадильницу [2]) въ зубы, онъ на бенефисъ къ Рахили [3]) спѣшитъ!» Конечно, не ученость и не строптивость фанатика могли оставить слѣдъ въ душѣ Петра Ильича. Его плѣняло въ Богословскомъ, вопервыхъ, его краснорѣчіе, сказывавшееся какъ въ урокахъ, такъ особенно въ проповѣдяхъ, необыкновенно цвѣтистыхъ, въ строгихъ рамкахъ церковныхъ традицій, но вмѣстѣ съ тѣмъ содержательныхъ и сжатыхъ, а во-вторыхъ, удивительное благолѣпіе его служенія въ церкви.

---

[1]) Про него разсказываютъ, не могу поручиться насколько вѣрно, слѣдующій эпизодъ, даже въ случаѣ его вымышленности чрезвычайно вѣрно характеризующій его: однажды, когда Языковъ, вслѣдствіе какой-то размолвки, отказался, прикладываясь ко кресту, поцѣловать ему руку (кстати сказать очень нечистоплотную), о. Богословскій довелъ это до свѣдѣнія попечителя. Принцъ Ольденбургскій самъ пріѣхалъ и, хотя былъ лютераниномъ, показалъ примѣръ смиренія строптивому генералу; послѣдній долженъ былъ покориться, но батюшкѣ этого показалось мало: «Вы мнѣ поцѣловали руку очень небрежно, сказалъ онъ, безъ должнаго благоговѣнія къ служителю алтаря». И бѣдный Языковъ долженъ былъ повторить поцѣлуй.

[2]) Папиросу.

[3]) Общее названіе актрисъ, въ память Рашели.

Нельзя себѣ представить ничего болѣе чиннаго, истоваго и величаваго, какъ священнодѣйствія отца Михаила. Петръ Ильичъ особенно любилъ его чтеніе Св. Евангелія и покаяннаго канона Андрея Крестскаго на первой недѣлѣ великаго поста. Та любовь къ церковнымъ службамъ и пѣнію, которая заставляла Петра Ильича до самой кончины по возможности не пропускать обѣдни въ праздничные дни, да и интересъ къ церковной музыкѣ, желаніе что нибудь сдѣлать для нея—имѣли несомнѣнно источникомъ впечатлѣніе, произведенное на него о. Михаиломъ Измайловичемъ Богословскимъ.

Остальной персоналъ, какъ воспитателей, такъ и учителей не оставилъ никакого слѣда ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ развитіи Чайковскаго. Все это были люди, не нарушающіе рѣзко ни въ хорошую, ни въ дурную сторону уровень посредственностей. Одни были по строже, другіе помягче, одни учили получше, другіе похуже, надъ одними трунили, другихъ боялись, но всѣ относились къ своему дѣлу безъ настоящей любви и призванія; всѣ только болѣе или менѣе добросовѣстно отправляли свои обязанности, урокъ за урокомъ, день за днемъ, по предписанной программѣ. Такимъ-же отношеніемъ къ дѣлу отвѣчали и ученики. Все сводилось къ тому, чтобы кое-какъ отдѣлаться отъ урока и, по возможности меньше готовясь къ нему, получить хорошій баллъ и безпрепятственно идти въ субботу въ отпускъ.

Учебная программа такъ называемаго «младшаго курса» училища была полуклассическая, полуреальная. Греческаго языка не преподавалось, одинъ латинскій, но и то не съ общеобразовательною цѣлью, а въ виду необходимости для изученія римскаго права въ спеціальномъ курсѣ. Вмѣсто греческаго стояла въ программѣ «естественная исторія» и физика.

Петръ Ильичъ былъ юноша очень любознательный и способный. Многіе изъ научныхъ предметовъ его интересовали и до, и послѣ училища, а между тѣмъ ни въ его собственныхъ воспоминаніяхъ, ни въ воспоминаніяхъ о немъ другихъ лицъ никогда не поминался ни одинъ учитель, ни одинъ предметъ гимназическаго курса, какъ исключительно передъ другими любимый или интересовавшій его. Сохранились въ памяти кое-какіе курьезные типы преподавателей, мальчишескія продѣлки надъ ними воспитанниковъ и передразниваніе нѣкоторыхъ изъ нихъ: ничего болѣе.

Добросовѣстный и старательный во всемъ, за что онъ принимался, Петръ Ильичъ, и какъ ученикъ, не измѣнилъ себѣ: готовилъ уроки аккуратно, переходилъ изъ класса въ классъ успѣшно, безъ переэкзаменовокъ, наказывался за дурные баллы рѣдко, но, не внося въ свое дѣло настоящаго интереса, а тѣмъ менѣе любви—достигалъ участи посредственностей, не выдѣляясь ни въ дурную, ни въ хорошую сторону. Все

было-бы хорошо, если-бы не математика. Чтобы судить о томъ, до какой степени онъ былъ въ ней тупъ, можно привести его разсказъ, вполнѣ подтверждаемый товарищемъ его Шадурскимъ, какъ однажды въ V классѣ они оба были восхищены и обрадованы, когда имъ въ первый разъ въ жизни удалось, безъ всякой посторонней помощи и объясненія, рѣшить алгебраическую задачу. Удивленіе обоихъ было такъ велико, что они отъ восторга начали обнимать другъ друга. Всего-же оригинальнѣе, что это памятное и уже никогда не повторявшееся событіе послужило началомъ сближенія Чайковскаго съ Шадурскимъ; до этого мало знакомые между собою, съ этого дня они сдружились и были интимными пріятелями до окончанія курса. Здѣсь надо обратить вниманіе и на то, что ничего не понимая кромѣ четырехъ правилъ ариѳметики, оставаясь въ алгебраическихъ знакахъ и геометрическихъ фигурахъ какъ въ лѣсу, Петръ Ильичъ ухитрялся получать на экзаменахъ математики переводные баллы, т. е., во всякомъ случаѣ, не ниже 6-ти, соотвѣтствующихъ опредѣленію «удовлетворительно». Это показываетъ чисто формальное отношеніе учащихъ къ учащимся, а также послѣднихъ—къ познаваемымъ наукамъ. Въ трехъ послѣднихъ классахъ училища (т. е. въ III, II и I-мъ) оно не измѣнилось. Хотя среди профессоровъ спеціально юридическихъ предметовъ число лицъ равнодушно, безъ искры увлеченія и таланта преподававшихъ свои науки тоже преобладало, но здѣсь вину отсутствія вліянія послѣднихъ на умъ Петра Ильича слѣдуетъ снять съ преподавателей и во многомъ приписать неспособности слушателя и главное—не желанію его закрѣпить ихъ надолго въ памяти. Какъ ни работалъ Петръ Ильичъ, какія отмѣтки ни получалъ, отсутствіе настоящаго призванія къ юриспруденціи въ немъ, въ эти годы, уже ясно сказалось и необыкновенная быстрота, съ которой у него испарились съ большимъ трудомъ пріобрѣтенныя познанія, лежитъ больше на его отвѣтственности. Между профессорами юристами были все-же талантливые люди и справедливость требуетъ сказать, что, несмотря на нѣкоторые недочеты, преподаваніе юридическихъ наукъ было поставлено въ училищѣ такъ, что кто хотѣлъ, могъ вынести много. Обиліе превосходныхъ практиковъ и теоретиковъ, выпущенныхъ этимъ заведеніемъ, ясно доказываетъ это.

Если подвести итогъ тому, что внесло училище правовѣдѣнія въ нравственное и умственное развитіе Чайковскаго, помимо вліянія товарищества, о которомъ рѣчь впереди, то получатся только отрицательные результаты.

Судя по тому, что онъ за всѣ семь лѣтъ школьной жизни ни разу не былъ подвергнутъ сѣченію и не сидѣлъ въ карцерѣ, можно смѣло предположить, что онъ безъ малѣйшаго ропота подчинился духу военной дисциплины, царившему въ младшихъ классахъ, и вѣроятно добросовѣстно старался продѣлывать строеніе и маршировку. Какъ я говорилъ выше,

уступчивая и мягкая натура его была не изъ протестующихъ открыто; вслѣдствіе этого противное его характеру направленіе породило въ немъ, безъ озлобленія и подавленности, одну пассивную покорность, не задѣвъ ни одного фибра его моральнаго существа. О какомъ-либо другомъ активномъ нравственномъ вліяніи училища и рѣчи не можетъ быть по той простой причинѣ, что его не существовало. Задачей начальства, по камертону Языкова, было «искоренять», привить-же какія-нибудь духовныя начала заходило за предѣлы его компетенціи [1]).

То, что я говорилъ о значеніи солдатчины, примѣнимо и къ вліянію юридическаго образованія на развитіе Петра Ильича. Одинаково невозможно себѣ его представить марширующимъ, какъ и роющимся въ X или XV т. св. законовъ. Юриспруденція, какъ и математика, стали чужды ему совершенно одинаково съ того момента, какъ его перестали неволить заниматься ими. Какъ онъ добропорядочно маршировалъ, страха ради наказанія, точно также изучалъ гражданское право страха ради не получить чина IX класса. Тамъ онъ избѣгъ наказаній, здѣсь получилъ званіе титулярнаго совѣтника.

Ни система воспитанія, ни спеціальное образованіе училища правовѣдѣнія не оставили другихъ слѣдовъ въ жизни Чайковскаго. Оно подготовило бездарнаго, но добросовѣстнаго труженика на чуждомъ его натурѣ поприщѣ «плохого чиновника» [2]), какъ выражается самъ Петръ Ильичъ впослѣдствіи, и ничего болѣе.

II.

Товарищество.

Я уже говорилъ о томъ, что главный контингентъ воспитанниковъ училища правовѣдѣнія составляли молодые люди изъ дворянъ средняго круга, такъ что, ставъ правовѣдомъ, Петръ Ильичъ попалъ въ среду юношей совершенно ему равную. Какъ и онъ, это были дѣти почтенныхъ семействъ, не богатые, но и не очень бѣдные, незнатные, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющіе за собою нѣсколько поколѣній предковъ образованныхъ сословій.

---

[1]) Правда, бывали исключенія. Случайно между представителями «начальства» попадались люди чрезвычайно сильные: такъ изъ классныхъ воспитателей можно назвать И. Н. Гартмана, впослѣдствіи директора Алекс. лицея, который имѣлъ большое значеніе въ жизни воспитанниковъ своего выпуска; его питомцы долго спустя сохраняли съ нимъ прежнія училищныя отношенія и, можетъ быть, обязаны ему тѣмъ, что изъ нихъ выработались необыкновенно блестящіе общественные дѣятели. Но, какъ читатель видѣлъ, руководителями воспитанія Петра Ильича были люди добрые и симпатичные, но совершенно неспособные какъ либо вліять на него. Такъ оно было въ большинствѣ случаевъ.

[2]) № 65. отд. II.

XX выпускъ, къ которому принадлежитъ Чайковскій, не отличается особенно блестящимъ составомъ въ смыслѣ служебной карьеры и такого числа сановниковъ, какъ слѣдующій за нимъ XXI выпускъ (давшій Россіи министра, трехъ товарищей министра, членовъ государственнаго совѣта и первоприсутствующаго въ кассаціонномъ департаментѣ сената), онъ не далъ, но за то на поприщѣ свободныхъ профессій, кромѣ Чайковскаго, блистаетъ именами Апухтина и популярнаго представителя адвокатуры В. Н. Герарда. Большинство другихъ воспитанниковъ этого выпуска принадлежитъ къ разряду добросовѣстныхъ и просвѣщенныхъ тружениковъ, скромно, но солидно работающихъ на своемъ поприщѣ.

По словамъ В. Н. Герарда, «направленіе и интересы XX выпуска были очень серьезные. Литература увлекала всѣхъ» [1]). Выразилось это между прочимъ тѣмъ, что еще въ младшихъ классахъ онъ издавалъ журналъ «Училищный Вѣстникъ» [2]). Главными сотрудниками его были Апухтинъ, Масловъ, Эртель, Герардъ и Чайковскій. Здѣсь послѣдній соперничалъ, конечно, неудачно, съ Апухтинымъ, и долго послѣ, когда Петръ Ильичъ шутя поминалъ товарищу-поэту нѣкоторыя его вирши, писанныя въ прославленіе разныхъ придворныхъ событій того времени, Алексѣй Николаевичъ, въ отместку, старался перекричать его и въ свою очередь декламировалъ произведенія будущаго композитора, изъ помянутаго журнала [3]). Кромѣ стиховъ, въ журналѣ помѣщались повѣсти и критическія статьи. Одна изъ послѣднихъ, подъ заглавіемъ «Исторія ли-литературы нашего класса», по словамъ Ѳ. И. Маслова, очень легко и остроумно написанная, принадлежала перу Чайковскаго. Театральнымъ отдѣломъ завѣдывалъ В. Н. Герардъ.

Очень скоро, какъ всегда и вездѣ, ничего для этого не дѣлая, неотразимой прелестью ума и характера, Петръ Ильичъ очаровалъ всѣхъ въ училищѣ [4]). «Чайковскій былъ любимцемъ не только товарищей, но и начальства,—говоритъ Ѳ. И. Масловъ. Болѣе широко-распространен-

---

[1]) Восп. В. Н. Герарда.

[2]) Экземпляры его хранились въ теченіи многихъ лѣтъ у Апухтина. Еще незадолго до кончины, онъ поминалъ объ этомъ В. Н. Герарду. Но, къ сожалѣнію, всѣ попытки послѣдняго разыскать ихъ въ бумагахъ покойнаго поэта остались безуспѣшны.

[3]) Одно изъ нихъ, насколько не измѣняетъ мнѣ память, начиналось такъ:

Разъ когда-то въ свѣтѣ бѣломъ,
Русь прекрасная цвѣла
И одна на свѣтѣ цѣломъ...

. . . .

Покорялись ей цари,
Къ ней стекалися народы
Отъ зари и до зари.

[4]) Восп. Ѳ. И. Маслова.

ною симпатіей никто не пользовался. Начиная съ изящной внѣшности, все въ немъ было привлекательно и ставило его въ совершенно исключительное положеніе». По словамъ В. Н. Герарда [1]), «молодость и деликатность въ отношеніяхъ со всѣми товарищами дѣлали Чайковскаго всеобщимъ любимцемъ. Я не помню ни одной крупной ссоры его, никакой вражды съ кѣмъ-либо». И. Н. Турчаниновъ говоритъ [2]): «Несомнѣнно, въ Чайковскомъ было что-то особенное, выдѣлявшее его изъ ряда другихъ мальчиковъ и привлекавшее къ нему сердца. Доброта, мягкость, отзывчивость и какая-то беззаботность по отношенію къ себѣ, были съ ранней поры отличительными чертами его характера. Даже строгій и свирѣпый Рутенбергъ выказывалъ къ нему особенную симпатію». То-же, почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ, передавалъ мнѣ и Л. В. Шадурскій. Всѣ эти четыре отзыва исходятъ изъ устъ ближайшихъ пріятелей Петра Ильича и могутъ быть заподозрѣны въ пристрастіи, но показанія лицъ, въ интимной дружбѣ съ нимъ никогда не состоявшихъ, разсѣеваютъ это подозрѣніе. «Болѣе всеобще любимаго товарища за мое время не было,—говорилъ мнѣ Б. С. Бровцынъ,—я не могу припомнить ни одного недоразумѣнія, ни со мной лично, ни съ кѣмъ-либо изъ другихъ товарищей». В. И. Танѣевъ, на два выпуска моложе XX-го, совершенно чуждый тогда Чайковскому, заявлялъ тоже, что это былъ «всеобщій баловень училища».

Почти столь-же единогласны показанія товарищей П. И. относительно его беззаботности къ своей особѣ, отчасти выражавшейся въ разсѣянности и неряшливости. О. И. Масловъ такъ описываетъ его: «въ будничной жизни Чайковскій отличался своею безпорядочностью. Онъ перетаскалъ товарищамъ чуть-ли не всю библіотеку отца, но за то и самъ, пользуясь чужими книгами, не заботился объ ихъ возвращеніи. Въ 1869 году, въ Москвѣ, у Чайковскаго, профессора консерваторіи, ничего общаго съ юриспруденціею не имѣющаго, я нашелъ юридическія сочиненія, «зажиленныя» еще во время пребыванія въ училищѣ и, между прочимъ, три экземпляра «Руководства Уголовнаго Судопроизводства» Н. И. Стояновскаго. Петя всегда былъ безъ учебниковъ и выпрашивалъ ихъ у товарищей, но, съ другой стороны, его пультъ былъ тоже какъ-бы общественнымъ достояніемъ. Въ немъ рылся, кто хотѣлъ. Въ послѣдніе годы училищной жизни Чайковскій велъ дневникъ подъ названіемъ «Все» [1]), гдѣ изливалъ всѣ тайны души, но былъ такъ довѣрчивъ и наивенъ, что держалъ его не подъ замкомъ, а въ своемъ пультѣ, гдѣ въ ворохѣ лежали

---

[1]) Восп. В. Н. Герарда.

[2]) Восп. И. Н. Турчанинова.

[3]) По недоразумѣнію сожженный въ 1866 году, послѣ переѣзда Петра Ильича на службу въ консерваторію, въ Москву, — вмѣстѣ со всѣми письмами и другими воспоминаніями, тщательно хранимыми покойнымъ.

и его, и чужія книги, и тетради. Въ старшемъ курсѣ во время экзаменовъ я какъ-то готовился съ нимъ вмѣстѣ. Мѣстомъ занятій мы избрали Лѣтній садъ и, чтобы не таскать съ собой записокъ и учебниковъ, прятали ихъ въ дупло одной изъ старыхъ липъ, прикрытое отъ дождя сверху досками. По окончаніи каждаго экзамена, я вынималъ оттуда мои бумаги, Чайковскій же постоянно забывалъ это дѣлать и его учебныя пособія, можетъ быть, и понынѣ гніютъ въ одномъ изъ деревьевъ Лѣтняго сада». И. Н. Турчаниновъ, давая, какъ характеристическія черты Петра Ильича, его «беззаботность по отношенію къ себѣ, безпорядочность и не аккуратность», прибавляетъ: «для меня было неожиданностью послѣ многихъ лѣтъ разлуки узнать о томъ, что Чайковскій отличался пунктуальностью въ исполненіи обязанностей и прибранностью во внѣшности». Шадурскій еще энергичнѣе выражается по этому поводу: «нужно было все необычайное, непередаваемое обаяніе его личности, чтобы заставить забыть разсѣянность, небрежность и неряшливость Чайковскаго».

Куреніе, и понынѣ строго запрещаемое въ младшемъ курсѣ училища, въ то время неумолимо преслѣдовалось во всѣхъ классахъ. Такъ какъ гамма наказаній, начиная со «стоянія у колонны» до трехдневнаго сидѣнія въ карцерѣ или до сѣченія, была тогда очень большая, то нуженъ былъ огромный запасъ смѣлости, чтобы принадлежать къ «курящимъ». Курьезно, что Петръ Ильичъ, выбирая интимныхъ друзей изъ «тихонь», потому что самъ принадлежалъ къ этому типу воспитанниковъ-тихонь, не отваживавшихся нарушать строгое запрещеніе, былъ однимъ изъ отчаяннѣйшихъ курильщиковъ. Это имѣло результатомъ то, что кругъ пріятельскихъ отношеній у него былъ шире, чѣмъ у другихъ: любимый «тихонями», онъ въ то же время уважался и «смѣльчаками».

Кромѣ того, я счелъ интереснымъ упомянуть здѣсь о куреніи, чтобы показать, какъ рано проявилось у этого нервнѣйшаго изъ людей страсть къ наркозу. Конечно, у юноши, кромѣ всего, играла роль нѣкоторая свойстненная этому возрасту любовь къ опаснымъ похожденіямъ, но самъ Петръ Ильичъ часто поминалъ о томъ «блаженствѣ», которое онъ испытывалъ тогда именно отъ вдыханія наскоро табачнаго дыма у отдушины. И съ этой поры на всегда куреніе у него носило характеръ спѣшнаго, жаднаго удовлетворенія сильной потребности и лишь очень рѣдко пріятной забавы, спокойно смакуемаго удовольствія. Ему была нужна не своеобразная прелесть аромата табачнаго дыма, а исключительно опьяненіе, даваемое первыми глубокими «затяжками», которыя, сначала причиняя удовольствіе, мало по малу доводятъ до дурноты и отвращенія.

М. Чайковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* *
*

Такъ низко надъ зрѣющей нивой
Проносится вихрь торопливый—
Изъ тканей заоблачныхъ свитъ.
Онъ дышетъ горячими снами,
Безплотными вѣетъ крылами,
Незримой одеждой шумитъ.
Колосья покорны и тихи.
И розово-бѣлой гречихи
Склонился подкошенный цвѣтъ.
Предъ нимъ разступились дубравы,
За нимъ зазмѣилися травы,
Поклонъ ему шлютъ и привѣтъ.
И вольный—въ полетѣ широкомъ,—
Промчавшись надъ бурнымъ потокомъ,
Намѣтилъ серебряный слѣдъ
Для тѣхъ, кто слагаетъ молитвы,
Кто ищетъ восторговъ и битвы,
Кто жаждетъ и грозъ и побѣдъ.

М. Лохвицкая.

Аглавэна и Селизета.

Пьеса **Мориса Метерлинка**.

Переводъ съ французскаго, подъ редакціей **Н. М. Минскаго**.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новая трагедія Метерлинка «Аглавэна и Селизета»—наименѣе отвлеченное и наиболѣе понятное и трогательное изъ всѣхъ его произведеній. Тема ея—любовь, но, въ отличіе отъ другихъ драмъ, посвященныхъ изображенію этого чувства, пьеса Метерлинка можетъ быть названа вѣчной трагедіей любви. Если придетъ такое время, когда всѣ люди станутъ, какъ боги, и мудры, и кротки, и правдивы, то все-таки ихъ жизнь будетъ безъисходной трагедіей, благодаря любви и неразрывно связанной съ нею ревности. Равновѣсіе любящей души, по самой своей природѣ, неустойчивое, потому что тотъ, кто любитъ, помѣщаетъ центръ своей жизни внѣ себя, въ чужой жизни, а между любовью и взаимностью нѣтъ никакой необходимой, внутренней связи. Можно даже сказать, что въ настоящее время соціальныя невзгоды, сила предразсудковъ, присущая людямъ ложь и мстительность и другія темныя стороны жизни служатъ какъ-бы противовѣсомъ трагедіи любви, опьяняя человѣка и давая исходъ его страданіямъ. Но по мѣрѣ того, какъ человѣчество будетъ становиться богаче и совершеннѣе, и отзывчивѣе, — романтическая любовь, если философіи или религіи не удастся искоренить это чувство—будетъ производить все большія опустошенія въ сердцахъ и уносить больше жертвъ, чѣмъ теперь голодъ, война и болѣзни, вмѣстѣ взятыя.

Метерлинкъ рисуетъ намъ такое счастливое время и такихъ идеальныхъ людей. Въ заколдованномъ замкѣ, на берегу моря, среди садовъ и прудовъ счастливо живетъ добрый и мудрый Мелеандръ со своей любимой женой—маленькой Селизетой. Но вотъ въ замокъ является гостья—

Аглавэна, прекрасная и мудрая Аглавэна, и между ней и Мелеандромъ съ перваго взгляда рождается непобѣдимо сильная любовь. Аглавэна и Селизета оказываются соперницами, но между ними нѣтъ мѣста ни лукавству, ни лжи. Первый поцѣлуй Мелеандру Аглавэна даетъ въ присутствіи Селизеты. Къ тому-же обѣ эти женщины до того чисты и прекрасны, что вскорѣ искренно и сильно начинаютъ любить другъ друга и каждая думаетъ только о томъ, какъ-бы сдѣлать счастливой другую. Мелеандръ также готовъ пожертвовать своею жизнью для счастья каждой изъ нихъ. Стоя надъ бездной любви, эти большія дѣти, всѣ кроткія, правдивыя, сострадающія, напрасно взываютъ къ небу и къ собственной душѣ о спасеніи. Бездна окружаетъ ихъ и требуетъ жертвы. Къ душѣ Мелеандра тяготѣютъ двѣ жизни, а отвѣтить любовью онъ можетъ только одной, а еслибы и захотѣлъ отвѣчать обѣимъ, то все-таки не укрылъ-бы ихъ отъ судьбы, потому что мысль о томъ, что Мелеандръ цѣлуетъ Аглавэну для Селизеты—смерть и, по природѣ любви, ничѣмъ инымъ быть не можетъ.

Жертва необходима. Но кто ее принесетъ и какова она будетъ? Старая бабушка, наблюдающая за всѣмъ изъ своего угла, въ началѣ пьесы говоритъ, что, по ея мнѣнію, столкновеніе должно кончиться или отъѣздомъ Аглавэны, или смертью Селизеты. Читателю ясно, что ни одинъ изъ этихъ исходовъ не устранитъ трагедіи, но и безполезная жертва все-таки необходима, и вотъ въ столкновеніи обоихъ характеровъ—и Аглавэны и Селизеты—заключается второй трагическій моментъ пьесы, столь-же глубокій и неразрѣшимый, какъ первый. Но Метерлинкъ чрезвычайно искусно и тщательно скрылъ свое отношеніе къ обоимъ созданнымъ имъ женскимъ типамъ, и оно едва-ли можетъ быть вѣрно оцѣнено безъ знакомства съ прежнимъ творчествомъ поэта. Несмотря на свою молодость, Метерлинкъ уже до сихъ поръ прошелъ длинный путь развитія, постоянно мѣняясь и совершенствуясь, и для вѣрнаго пониманія его послѣдней трагедіи мы считаемъ необходимымъ дать краткую характеристику всей его поэтической карьеры.

Не Метерлинкъ создалъ символизмъ, но у него одного символическія настроенія нашли свое чистѣйшее выраженіе и явились, такъ сказать, въ безпримѣсномъ видѣ. Это болѣе не литературное новаторство, не исканіе рѣдкихъ и сильныхъ ощущеній, не дерзкое срываніе цвѣтовъ зла, а дѣйствительно новый строй души, столь просвѣтленной многовѣковыми страданіями и размышленіемъ, столь углубленной въ себя, что внѣшній міръ становится для нея невыносимымъ бременемъ, а элементы міра—матерія и сила — представляются хаотическими, безпорядочными, безсмысленными. Начиная съ первыхъ лирическихъ стиховъ и кончая послѣдней трагедіей, Метерлинкъ въ каждой строчкѣ является аристократомъ души, рыцаремъ духа, которому внѣшняя природа сама по себѣ кажется столь-же оскорбительно-грубой, какими христіанамъ первыхъ вѣ-

ковъ должны были казаться пьяныя оргіи и кровавыя жертвоприношенія язычниковъ. Это уже не человѣкъ, изгнанный изъ земного рая, а человѣческій духъ, самъ изгнавшій изъ своей фантазіи земной рай со всѣмъ разнообразіемъ его формъ, яркостью красокъ и ликованіемъ звуковъ. Но вполнѣ обходиться безъ образовъ внѣшняго міра не можетъ никакая поэзія, и символическая поэзія поневолѣ должна была ихъ допустить, но лишь въ самыхъ маленькихъ дозахъ и только какъ внѣшніе знаки душевныхъ событій, т. е. какъ символы.

Несмотря, однако, на вѣрность Метерлинка его символическому завѣту, самое содержаніе его поэзіи, настроенія его безтѣлесной фантазіи постоянно развивались и углублялись. Въ своемъ лирическомъ сборникѣ «Serres chaudes» и въ первыхъ драмахъ «Слѣпые», «Непрошенная гостья» и «Тайна души» Метерлинкъ выражаетъ настроенія, унаслѣдованныя имъ отъ французскихъ декадентовъ, — безнадежный пессимизмъ, скорбь о безцѣльности жизни, усталость и безсиліе. Не видя цѣли въ жизни, душа отказывается отъ активной воли и все, что ей остается, это быть прекрасной и шептать ненужныя жалобы. Такою прекрасной и покорной жалобой представляются всѣ лирическія пьесы Метерлинка и ее-же олицетворяютъ всѣ излюбленные имъ символы: окруженная внѣшнимъ холодомъ теплица, въ которой дремлютъ и вянутъ пышные и безсильные цвѣты,—больничная комната, гдѣ предъ горящимъ каминомъ, молча, сидятъ сестры милосердія,—каналы съ теплой водой, по которымъ невѣдомо куда уплываютъ корабли,—овцы, которыя покорно уходятъ въ темноту ночи, чтобы умереть на снѣгу. Дѣятельной волѣ, энергіи страданій и радости въ этихъ вдохновеніяхъ нѣтъ мѣста. А такъ какъ самое пассивное, что ожидаетъ человѣка, это—смерть, то Метерлинкъ въ первыхъ своихъ трагедіяхъ невольно дѣлается поэтомъ смерти. Дѣйствующихъ лицъ этихъ странныхъ пьесъ всего вѣрнѣе было-бы назвать бездѣйствующими безличностями. Это—отвлеченные духи, ведущіе простыя, дѣтскія рѣчи въ ожиданіи смерти. Ихъ тѣлесный покровъ сдѣлался прозрачнымъ и почти ненужнымъ. Самыми зрячими оказываются слѣпые, но и зрячіе видятъ лучше въ темнотѣ, чѣмъ при свѣтѣ, лучше понимаютъ молчаніе, чѣмъ слова и во всей жизни реально сознаютъ и чувствуютъ только смерть. Всѣ предметы вокругъ нихъ одухотворены и, подобно имъ самимъ, предчувствуютъ и пророчествуютъ. Двери таинственно открываются, лампы умираютъ, видѣнія бродятъ вдоль аллей и жмутся къ спящимъ водамъ. При всей оригинальной красотѣ этихъ трагедій нельзя не видѣть, что поэтъ вступилъ на опасный путь, что одухотворенность созданной имъ природы граничитъ съ анимизмомъ первобытныхъ народовъ, что спиритуализмъ его вырождается въ спиритизмъ. Еще немного, и трагедіи Метерлинка превратились-бы въ поэтическіе сеансы, гдѣ, вмѣсто дѣйствующихъ лицъ, толпились-бы медіумы, вызывая призракъ смерти.

Но поэтъ нашелъ въ своемъ талантѣ свѣжія силы и вскорѣ вышелъ на новый, болѣе свѣтлый путь творчества.

Слѣдующій моментъ въ развитіи таланта Метерлинка былъ вызванъ самой сущностью символизма. Просвѣтленная душа, отказавшаяся отъ активной воли и страстей, видящая во внѣшнемъ мірѣ только духовные символы, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ безконечной добротой кротостью и любовью. Вѣдь борьба за существованіе происходитъ, главнымъ образомъ, изъ-за матеріальныхъ благъ: только хлѣбные амбары стоятъ наглухо закрытые замками и засовами, а хранилища духовной пищи — библіотеки и музеи — настежъ открыты для всѣхъ и каждаго, потому что истиной и красотой мы можемъ дѣлиться съ ближнимъ, не терпя при этомъ сами никакого урона. Поэтому символическая поэзія, по самой природѣ своей, должна быть наиболѣе любвеобильной и нравственной. И дѣйствительно, въ то время, когда ложный символизмъ декаданса привелъ къ сатанизму черныхъ мессъ, изображенныхъ Гюисмансомъ, и къ холоднымъ парадоксамъ Оскара Уайльда, истинный символизмъ, въ лицѣ Ибсена и Метерлинка, пришелъ къ тому-же, къ чему приходили всѣ идеалисты всѣхъ временъ — къ проповѣди любви и подвига. «Le trésor des humbles»—книга Метерлинка, написанная прозой, и является такою проповѣдью, такимъ завѣтомъ символическаго благочестія. Въ этой книгѣ говорится о торжествѣ духа надъ матеріей, о взаимномъ пониманіи душъ, за предѣлами словъ и поступковъ, о духовной тишинѣ, о тайнѣ женской любви, но больше всего о красотѣ души. Одного только нѣтъ въ этой книгѣ—энергіи страданій и радостей. Къ счастію, поэтъ и тутъ не остановился, а пошелъ дальше словъ о красотѣ и даже имѣлъ мужество отнестись къ этимъ словамъ отрицательно,—и вотъ, какъ результатъ этого послѣдняго момента въ развитіи его таланта, мы имѣемъ трагедію «Аглавэна и Селизета».

Во всемъ репертуарѣ Метерлинка Селизета является первымъ живымъ лицомъ, съ человѣческими страстями, съ человѣческою волей, которая приводитъ ее не къ прекраснымъ жалобамъ, а къ дѣятельному подвигу во имя любви. Аглавэна-же довольствуется словами о красотѣ, имя которой она упоминаетъ въ каждомъ монологѣ по нѣскольку разъ. Любовь ея къ красотѣ не лицемѣрна, но она такъ много и хорошо говоритъ о ней, такъ ясно понимаетъ сущность красоты, что у ней уже не остается силы для того, чтобы жить въ красотѣ. Она, какъ будто, слишкомъ часто читала Метерлинка и, въ особенности, его «Le trésor des humbles»,—книгу, которую почти запомнила наизусть, но, къ сожалѣнію, не нашла въ ней ни слова о томъ, какъ надо поступить съ Селизетой. Отдѣльные монологи Аглавэны такъ искренни и красивы, что вначалѣ легко ошибиться и подумать, будто ея устами говоритъ самъ поэтъ. Но по мѣрѣ того, какъ трагедія развивается, начинаешь замѣчать, что

поэтъ относится къ ней съ безпощадной, хотя и глубоко затаенной критикой. Въ ея словахъ какая-то внутренняя разладица; то, что она говоритъ сегодня, не похоже на ея вчерашнія рѣчи. Она видитъ, что разбила жизнь Селизеты, что ей нужно уйти, она и готова удалиться, уже прощается со всѣми, но только откладываетъ свой отъѣздъ до завтра, а завтра утромъ опять спрашиваетъ Селизету: должна-ли я сегодня уѣхать? Дѣло въ томъ, что въ глубинѣ души Аглавэна не вѣритъ въ необходимость жертвъ. Она слишкомъ зрячая, слишкомъ понимаетъ безысходность жизненнаго трагизма, чтобы вѣрить въ спасительную силу подвига. Насколько трагедія любви, по изображенію Метерлинка, заключается въ томъ, что любовь неразрывно связана съ ревностью, такъ трагедія разума заключается въ томъ, что онъ неминуемо ведетъ къ индиферентизму. Бѣдная Селизета погибаетъ, потому что она окружена слишкомъ прекрасными и разумными существами, которыя каждый ея стонъ тутъже развиваютъ въ цѣлую симфонію красоты и состраданія, подавляя ее своимъ благородствомъ и величіемъ. Она, можно сказать, затравлена красотой и разумомъ, и ей не у кого искать спасенія. Поэтъ съ удивительной прозорливостью слѣдитъ за развитіемъ ея отчаянія, тѣмъ болѣе трогательнаго, что она сама скрываетъ его, и, блѣднѣя отъ слезъ, говоритъ о счастіи, о томъ трагическомъ счастіи, которое, въ самомъ дѣлѣ, таится на днѣ великихъ страданій, какъ послѣднее утѣшеніе судьбы. Аглавэна и Мелеандръ все время ее жалѣютъ и снисходятъ къ ней, все время стараются поднять ее до себя и куда-то повести. Но за то потомъ, совершивъ свой подвигъ, какими она ихъ дѣлаетъ жалкими и растерянными! Они, какъ нищіе, ползаютъ у ногъ умирающей. вымаливая, какъ подачки, ея признанія, сами не зная для чего. Но Селизета умираетъ, унося съ собою тайну своей жертвы, и у читателя остается грустное утѣшеніе, что Мелеандръ и Аглавэна отнынѣ будутъ склонять въ своихъ разговорахъ не слово «красота», а слово «подвигъ».

Таковъ замыселъ этой трагедіи, удивительной по простотѣ, безпристрастію и трогательности. Но въ новой стадіи своего развитія Метерлинкъ обнаружилъ предѣлы, если не своего таланта, то своего міросозерцанія. Неужели спокойствіе просвѣтленнаго разума тождественно съ нравственнымъ индиферентизмомъ? Неужели ревность къ поцѣлуямъ явится будущимъ рокомъ человѣчества? И неужели поэзіи опять предстоитъ повторить дѣло романтиковъ и заняться изображеніемъ идеально-совершенныхъ и невозможныхъ въ дѣйствительности существъ. чтобы исторгать у зрителей слезы состраданія? Или, можетъ быть, поэтъ не задавался этими вопросами, и мы не вправѣ искать у него отвѣта на нихъ? Можетъ быть, но на то конечное освобожденіе, котораго одного только и жаждетъ духъ человѣческій, въ поэзіи Метерлинка нѣтъ и намека.

Н. Минскій.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мелеандръ.
Аглавэна.
Селизета.
Мелиграна (бабушка Селизеты).
Маленькая Исалина (сестра Селизеты).

ЗАЛА ВЪ ЗАМКѢ.

Сцена I.

Въ глубинѣ залы Мелиграна спитъ на креслѣ съ высокой спинкой. Входятъ Мелеандръ и Селизета.

Мелеандръ. Вотъ письмо Аглавэны, (*Читаетъ*):

«Не выходите встрѣчать меня. Ждите меня въ той залѣ, гдѣ вы обыкновенно сидите, пока пробьетъ часъ отдыха. Тогда я не буду имѣть вида чужой. Пишу это передъ тѣмъ, какъ покинуть корабль, который привезъ меня къ вамъ. Переѣздъ былъ безвѣтренный и ясный, но, выйдя на берегъ, я застала дороги, размытыя дождемъ. Вѣроятно, солнце зайдетъ раньше, чѣмъ я увижу башни стараго замка, гдѣ добрая Селизета обѣщала дать пріютъ вдовѣ своего брата»...

Селизета (*хлопаетъ въ ладоши*). О! солнце садится!.. Посмотри-ка. Она должна быть близко... Пойду взгляну.

Мелеандръ (*удерживаетъ ее жестомъ и продолжаетъ читать*). «...Я видѣла васъ всего одинъ разъ, Мелеандръ, среди суеты и тѣсноты моей свадьбы, моей бѣдной свадьбы, увы! гдѣ мы не замѣтили гостьи, которой никогда не приглашаютъ и которая занимаетъ всегда мѣсто ожидаемаго счастья.—Я видѣла васъ всего одинъ разъ—вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ; а между тѣмъ я иду къ вамъ съ меньшимъ безпокойствомъ, чѣмъ если-бъ мы дѣтьми спали въ одной колыбели...»

Селизета (*оборачивается*). О! Бабушка еще спитъ! нужно-ли ее разбудить, когда Аглавэна будетъ здѣсь?

Мелеандръ. Да; она просила объ этомъ...

Селизета. Ея сѣдые волосы покрываютъ ей глаза... Она не чувствуетъ себя счастливой въ этотъ вечеръ... О! я хочу ее поцѣловать...

Мелеандръ. Осторожнѣе; не буди ея раньше времени... (*продолжаетъ читать*): «...Я такъ увѣрена, что найду брата!.. Мы почти не говорили другъ съ другомъ, но нѣсколько словъ, сказанныхъ вами, не походили на тѣ, которыя я привыкла слышать до той поры»...

Селизета. Не читай такъ скоро...

Мелеандръ (*продолжаетъ читать*): «...И затѣмъ, какъ спѣшу я обнять Селизету!.. Она, должно быть, такая добрая, такая прекрасная,—потому что любитъ васъ и вы ее любите! Я буду ее любить такъ, какъ вы ее никогда не любили, потому что умѣю любить больше, чѣмъ вы,—я была несчастна... Но теперь я рада тому, что страдала; я подѣлюсь съ вами тѣмъ, что пріобрѣтаешь въ грусти. Мнѣ кажется иногда, что той дани, которую я уплатила, хватитъ на насъ троихъ; что судьбѣ нечего больше требовать и что мы можемъ надѣяться на хорошую жизнь. У насъ не будетъ иныхъ заботъ, кромѣ заботы о счастьи. Для васъ и для меня и также для Селизеты, судя по тому немногому, что вы мнѣ о ней говорили, счастье заключается только въ томъ лучшемъ, чѣмъ обладаютъ наши души. Другихъ заботъ у насъ не будетъ, кромѣ стремленія быть какъ можно прекраснѣе, чтобы втроемъ сильнѣе любить другъ друга; и мы станемъ добрыми силою нашей любви. Мы освѣтимъ красотою себя самихъ и все вокругъ насъ, такъ что ни горю, ни грусти не будетъ мѣста. Если-же они все-таки осмѣлятся прійти, то должны будутъ стать такими-же прекрасными, раньше чѣмъ постучаться въ нашу дверь»...

(Одна изъ дверей отворяется. Входитъ Исалина).

Исалина. У меня ключъ, сестрица, у меня ключъ!..

Мелеандръ. Какой ключъ?

Селизета. Отъ стараго маяка.

Мелеандръ. Я думалъ, что онъ потерянъ...

Селизета. Я заказала другой.

Мелеандръ. Желалъ-бы я, чтобы ты и этотъ потеряла...

Селизета (*разсматриваетъ ключъ*). О! какъ онъ великъ!.. Онъ не похожъ на тотъ, который я потеряла...

Исалина. Я была тамъ, сестрица, когда его пробовали... Открывали три раза, потомъ закрывали... Онъ открываетъ гораздо лучше того ключа, который былъ совсѣмъ ржавый... Но послѣдній разъ было трудно закрыть дверь, потому что вѣтеръ толкалъ ее съ другой стороны... Сегодня вечеромъ ужасно вѣтренно... Слышно, какъ вокругъ башни кричатъ чайки; и голуби то-же... Они не улеглись еще...

Селизета. Они меня ищутъ; прошло болѣе двухъ недѣль, какъ они не видали меня на верху... Я подымусь туда завтра.

Исалина. Со мной, сестрица?

Селизета. Да; если ты пойдешь сейчасъ спать; няня ждетъ тебя... (*Исалина уходитъ*). Она красива?

Мелеандръ. Кто?

Селизета. Аглавэна.

Мелеандръ. Да, очень красива...

Селизета. На кого похожа она?

Мелеандръ. Она не похожа на остальныхъ женщинъ... другая красота, вотъ и все... болѣе странная, болѣе духовная; красота болѣе полная и многообразная, такъ сказать... красота, которая даетъ говорить душѣ, никогда не прерывая ее... Кромѣ того, ты увидишь, какіе у нея необыкновенные волосы: можно сказать, что они принимаютъ участіе во всѣхъ ея мысляхъ... Они смѣются или плачутъ, смотря по тому, счастлива-ли она или грустна, даже тогда, когда она сама еще не знаетъ, быть-ли ей счастливой или грустной... Никогда въ жизни не видалъ я волосъ, которые-бы такъ жили. Они постоянно измѣняютъ ей, если открывать красоту, желающую скрыться, значитъ измѣнять; другого у нея нѣтъ ничего, что надо было-бы скрывать...

Селизета. Я знаю, что я некрасива...

Мелеандръ. Ты не станешь такъ говорить, когда она будетъ здѣсь. Въ ея присутствіи нѣтъ возможности говорить вещи неискреннія или безполезныя. Она гаситъ все то, въ чемъ нѣтъ правды...

Селизета. Она гаситъ все то, въ чемъ нѣтъ правды...

Мелеандръ. Селизета?

Селизета. Мелеандръ?

Мелеандръ. Прошло уже около четырехъ лѣтъ, кажется, какъ мы живемъ вмѣстѣ.

Селизета. Въ концѣ лѣта исполнится четыре года.

Мелеандръ. Вотъ четыре года, какъ я вижу тебя около себя, всегда прекрасную, любящую и ласковую, съ доброй улыбкой глубокаго счастья на устахъ... Въ эти четыре года ты не особенно часто плакала, неправда-ли? Не считая тѣхъ рѣдкихъ слезъ, когда улетала одна изъ твоихъ ручныхъ птицъ, или тебя слегка журила бабушка, или увядали твои любимые цвѣты. Но птицы возвращались, бабушка успокаивалась, а цвѣты забывались. Ты снова входила въ залу, громко смѣясь, и двери хлопали, окна раскрывались, вещи падали, а ты вскакивала ко мнѣ на колѣни и цѣловала меня, какъ дѣвочка, только что вернувшаяся изъ школы. Кажется, можно сказать, что мы были счастливы; а между тѣмъ, я спрашиваю себя иногда, довольно-ли близко жили мы другъ съ другомъ... У меня-ли не хватало терпѣнія слѣдовать за тобой, или ты порывалась бѣжать слишкомъ быстро? Но часто, когда я пробовалъ заговаривать съ тобою, какъ говорю сейчасъ, ты, казалось, отвѣчала мнѣ съ другого конца свѣта, куда пряталась по непонятнымъ мнѣ причинамъ... Или, въ самомъ дѣлѣ, наша душа боится любви, нѣсколько серьезной и немного болѣе правдивой? Сколько разъ мы сами страшились подойти къ тому, что могло быть прекраснымъ и что сблизило-бы насъ тѣснѣе поцѣлуевъ... Незнаю, почему я сегодня это яснѣе вижу. Быть можетъ, благодаря болѣе живому воспоминанію объ Аглавэнѣ, или ея письму, или пріѣзду, который уже освобождаетъ нѣчто въ нашей душѣ? Мы, кажется, любили,

какъ только можно почеловѣчески любить другъ друга. Но когда она будетъ здѣсь, мы полюбимъ другъ друга сильнѣе, полюбимъ совсѣмъ иначе—глубже, ты увидишь... И вотъ почему я такъ радъ ея пріѣзду... Одинъ я не могъ... У меня нѣтъ ея могущества, хотя я гляжу на все ея глазами. Она изъ тѣхъ существъ, которыя умѣютъ соединять души у ихъ источника; въ ея присутствіи не чувствуешь больше преграды между собой и правдой...

Селизета. Люби ее, если любишь. Я уйду...

Мелеандръ. Селизета...

Селизета. Я знаю, что не понимаю...

Мелеандръ. Ты понимаешь, Селизета, и зная, что ты понимаешь, хотя не показываешь этого, я и говорю съ тобой обо всемъ. Ты обладаешь душой болѣе глубокой, чѣмъ та, которую показываешь мнѣ; и эту-то вторую душу тебѣ пріятно скрывать отъ меня, когда я ищу тебя... Не плачь, Селизета, я не упрекаю тебя...

Селизета. Я не плачу. Зачѣмъ мнѣ плакать?

Мелеандръ. А между тѣмъ я вижу, какъ дрожатъ твои губы...

Селизета. Я думаю совсѣмъ о другомъ. Правда-ли, что она была очень несчастна?

Мелеандръ. Она была очень несчастна, по винѣ твоего брата...

Селизета. Можетъ быть, она заслужила...

Мелеандръ. Не знаю, можетъ-ли женщина заслуживать несчастья...

Селизета. Что сдѣлалъ мой братъ?

Мелеандръ. Она просила не говорить тебѣ объ этомъ.

Селизета. Вы переписывались?

Мелеандръ. Да, мы изрѣдка переписывались.

Селизета. Ты объ этомъ ничего не говорилъ.

Мелеандръ. Я показывалъ тебѣ нѣсколько разъ ея письма, когда они получались, но тебѣ было не любопытно читать ихъ...

Селизета. Я не помню...

Мелеандръ. Но я это помню...

Селизета. Гдѣ видѣлъ ты ее послѣдній разъ?

Мелеандръ. Я видѣлъ ее всего одинъ разъ, я говорилъ уже тебѣ, въ паркѣ, прилегающемъ къ замку твоего брата... Подъ большими деревьями...

Селизета. Вечеромъ?

Мелеандръ. Да, вечеромъ.

Селизета. Что она говорила?

Мелеандръ. Мы слишкомъ мало сказали другъ другу. Но намъ было ясно, что наши двѣ жизни стремятся къ одной цѣли...

Селизета. Вы поцѣловали другъ друга?

Мелеандръ. Когда?

Селизета. Въ тотъ вечеръ...

Мелеандръ. Да, разставаясь...

Селизета. О!

Мелеандръ. Я думаю, что она не долго проживетъ съ нами.

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ; я хочу, чтобы она осталась...

(На дворѣ шумъ).

Она идетъ!

(Бѣжитъ къ окну).

На дворѣ факелы...

(Молчаніе. Большая дверь открывается и на порогѣ показывается Аглавэна. Она входитъ, не говоря ни слова, и направляется къ Селизетѣ, глядя на нее).

Мелеандръ. Поцѣлуйтесь.

Аглавэна. Да.

(Она долго цѣлуетъ Селизету, потомъ идетъ къ Мелеандру, котораго также цѣлуетъ).

И васъ также...

Селизета. Я разбужу бабушку...

Аглавэна *(смотритъ на Мелиграну)* Она спитъ глубокимъ сномъ...

Мелеандръ. Она такъ спитъ большую часть дня. У нея парализованы руки... Подойдите, она хотѣла васъ видѣть сегодня вечеромъ...

Аглавэна *(беретъ руку Мелиграны и наклоняется надъ нею).* Бабушка...

Мелиграна *(просыпается).* Селизета!.. *(открываетъ глаза).* О! Кто вы?

Аглавэна. Аглавэна.

Мелеандръ. Мнѣ было страшно...

Аглавэна. Могу-ли я поцѣловать васъ, бабушка...

Мелиграна. Вы зовете меня бабушкой? Я васъ неясно вижу... Кто тамъ, позади васъ?

Селизета *(приближаясь).* Это я, бабушка.

Мелиграна. А! ты, Селизета... Я тебя не видѣла... Придвинь немного лампу, дитя мое.

(Селизета приноситъ лампу и освѣщаетъ Аглавэну).

Мелиграна *(разглядывая Аглавэну).* О! вы прекрасны!..

Аглавэна. Могу-ли я теперь поцѣловать васъ, бабушка?

Мелиграна. Нѣтъ; не цѣлуйте меня сегодня... Я страдаю сильнѣе обыкновеннаго; одна Селизета умѣетъ дотрогиваться до меня, не причиняя боли...

Аглавэна. Я также научусь не причинять вамъ боли...

Мелиграна *(пристально смотритъ на нее).* Не знаю, позволительно-ли быть столь прекрасной...

Аглавэна. Наоборотъ, бабушка, велѣно быть какъ можно болѣе прекраснымъ...

Мелиграна. Поцѣлуй меня, Селизета, прежде чѣмъ я усну, и удали лампу... Мнѣ что-то большое снилось...

Селизета *(возвращается съ лампой)*. Надо простить ей; она больна.

Аглавэна. Что надо простить, Селизета? Вы потеряли... Что-то упало на полъ...

(*Поднимаетъ ключъ*).

О! Странный ключъ!

Селизета. Это ключъ отъ моей башни... Вы не знаете, что онъ отпираетъ...

Аглавэна. Странный и тяжелый... Я то-же привезла ключъ—золотой, вы увидите... Нѣтъ ничего прекраснѣе ключа, покуда не знаешь, что имъ открывается...

Селизета. Вы узнаете это завтра. Замѣтили-ли вы, приближаясь сюда, въ концѣ замка, старую башню съ развалившейся верхушкой?

Аглавэна. Да; я видѣла подъ самымъ небомъ какую-то развалину. Въ стѣнахъ, сквозь щели, глядѣли звѣзды.

Селизета. Это она и есть; моя башня, — старый покинутый маякъ. Никто не смѣлъ болѣе туда подыматься. На башню проходятъ длиннымъ корридоромъ, отъ котораго я нашла ключъ... Потомъ я его потеряла... и заказала другой; вѣдь никто, кромѣ меня, туда не ходитъ. Изрѣдко Исалина сопровождаетъ меня. Мелеандръ поднялся всего разъ; у него сдѣлалось головокруженіе. Она очень высока. Далекій видъ на море. Оно пѣнится вокругъ всей башни, исключая той стороны, гдѣ замокъ. Въ расщелинахъ живутъ морскія птицы. Узнавая меня, они испускаютъ громкіе крики. Есть также сотни голубей; ихъ желали прогнать; но они не хотятъ покинуть башню. Они возращаются всегда... Вы устали?

Аглавэна. Да, слегка, Селизета. Я совершила длинный переѣздъ.

Селизета. Да, правда... Мы завтра поднимемся, къ тому-же сегодня сильный вѣтеръ...

(*Молчаніе*).

Мелеандръ. Какъ это странно, Аглавэна... У меня было столько сказать вамъ... И вотъ въ эти первыя минуты все смолкло и, право, кажется, мы всѣ чего-то ждемъ.

Аглавэна. Ждемъ, чтобы заговорило молчаніе...

Мелеандръ. Что говоритъ оно вамъ?

Аглавэна. Еслибы можно было повторить, что говоритъ оно, это не было-бы уже молчаніе, Мелеандръ... Мы произнесли всего нѣсколько ненужныхъ словъ, ихъ могъ-бы придумать всякій, а между тѣмъ не спокойны-ли мы и не знаемъ-ли, что сообщили другъ другу то, что дороже нашихъ словъ? Мы повторили нѣсколько робкихъ словъ, которыми обмѣниваются при встрѣчѣ и чужіе, а между тѣмъ, кто угадаетъ, что

произошло между нами: не рѣшено-ли однимъ изъ этихъ словъ все то, что еще должно свершиться... Быть можетъ, судьба намъ готовитъ несказанное. Одно я знаю: наше молчаніе предсказало мнѣ, что я буду любить Селизету, какъ свою младшую сестру... Оно прокричало это черезъ всю мою душу съ первыхъ шаговъ, сдѣланныхъ мною въ этой залѣ; и это единственный голосъ, мною ясно услышанный.

(Привлекаетъ Селизету).

Отчего, Селизета, такъ любишь насъ и, цѣлуя, невольно плачешь?

(Продолжительно цѣлуетъ ее).

Подойди и ты, Мелеандръ...

(Также цѣлуетъ его).

Быть можетъ, мы всѣ ждали этого поцѣлуя. Пусть онъ будетъ печатью, которая скрѣпитъ наше молчаніе на эту ночь...

Уходятъ.

АКТЪ ВТОРОЙ.

Сцена I.

Бесѣдка изъ листьевъ, въ паркѣ. Входятъ Аглавэна и Мелеандръ.

Мелеандръ. Нѣтъ и восьми дней, какъ мы живемъ вмѣстѣ подъ одной кровлей, а я уже не могу себѣ представить, что мы не родились въ одной колыбели. Мнѣ кажется, что мы никогда не были разлучены и что я зналъ тебя раньше, чѣмъ узналъ себя. Мнѣ кажется, что ты предшествовала моему существованію; я чувствую твою душу глубже, чѣмъ свою и ты мнѣ ближе, чѣмъ я самъ себѣ. Если-бы мнѣ сказали: спасай свою жизнь, мнѣ-бы слѣдовало спасать тебя, чтобы жить самому... Я не замѣчалъ-бы себя, если-бъ не было тебя со мною.

Аглавэна. Я говорю себѣ то-же самое, Мелеандръ. Я прекрасна только, когда ты здѣсь, и я чувствую свою душу только рядомъ съ твоей. Я не знаю, ты-ли становишься моимъ сіяніемъ, я ли твоимъ свѣтомъ... Каждая твоя улыбка, твое молчаніе или слово порабощаетъ меня новой красотѣ... Я чувствую, какъ я расцвѣтаю въ тебѣ, какъ ты расцвѣтаешь во мнѣ, и мы возрождаемся постоянно другъ въ другѣ...

Мелеандръ. Только одно еще раздѣляетъ насъ,—наше удивленіе...

Аглавэна. Правда, я удивляюсь днемъ и ночью, что душа, подобная твоей, дѣйствительно существуетъ.

Мелеандръ. Я также, Аглавэна... Мнѣ кажется, что я грежу, когда вижу тебя, грежу, когда слышу, что я только что грезилъ, когда тебя уже нѣтъ, что я ошибаюсь, когда болѣе не слышу тебя. Я вижу тебя, слышу, даже обнимаю, а между тѣмъ, въ эту самую минуту хотѣлъ-бы бѣжать, чтобъ снова увѣриться въ твоемъ существованіи.

Аглавэна. Я также, Мелеандръ. Нахожусь-ли я съ тобой, я стремлюсь уйти, чтобы еще ближе созерцать тебя наединѣ, остаюсь-ли одна, я иду искать тебя, такъ какъ знаю, что меня ждетъ твоя душа, въ тысячу разъ прекраснѣе, чѣмъ я могу ее представить... Не знаю болѣе, что надо дѣлать среди такого счастія, какъ наше; и можно было-бы сказать, что я несчастна отъ избытка счастья...

Мелеандръ. Гдѣ была ты всѣ эти годы, которые мы прожили, не подозрѣвая, что оба живемъ!..

Аглавэна. Я только-что объ этомъ подумала, Мелеандръ. Уже наши души говорятъ раньше, чѣмъ откроются уста...

Мелеандръ. А между тѣмъ, когда ты говоришь, мнѣ кажется, что это голосъ моей-же души, который я слышу впервые...

Аглавэна. И я, Мелеандръ, покуда ты говоришь, слышу голосъ своей души; когда-же умолкаю, твоя душа звучитъ...

Мелеандръ. Мы носимъ въ себѣ тотъ-же міръ, Аглавэна. Богъ по ошибкѣ создалъ изъ нашей одной души двѣ жизни...

Аглавэна. А ты, Мелеандръ, гдѣ ты находился всѣ эти годы, когда я ждала въ одиночествѣ!

Мелеандръ. Я былъ одинъ, ждалъ и больше не надѣялся.

Аглавэна. И я ждала, одинокая, но надѣялась всегда...

Мелеандръ. Кто-же открылъ тебѣ, что тебя такъ ждутъ?

Аглавэна. Никто не открывалъ; я ничего не знала, кромѣ развѣ того, что мы знаемъ, сами не подозрѣвая. Никогда не видавъ, я уже знала тебя.

Мелеандръ. Не думаю, чтобы съ кѣмъ нибудь когда-либо происходило то, что съ нами и что есть другая жизнь, похожая на нашу...

Аглавэна. О! Мнѣ иногда кажется, что это невозможно!

Мелеандръ. Мнѣ то-же, Аглавэна, и я боюсь...

Аглавэна. Чего боишься ты? Мы нашли другъ друга. Чего-же опасаться?

Мелеандръ. Напротивъ, когда бываешь счастливъ, надо всего страшиться... Ничто такъ не грозно, какъ счастье; каждый поцѣлуй властенъ разбудить врага... но есть еще другое...

Аглавэна. Что?

Мелеандръ. Селизета...

Аглавэна. Такъ что-жъ?

Мелеандръ. Думала-ли ты о Селизетѣ?

Аглавэна. Да.

Мелеандръ. И это тебя не тревожитъ?

Аглавэна. Нѣтъ, Мелеандръ, это не будетъ меня больше тревожить...

Мелеандръ. Быть можетъ, она будетъ страдать...

Аглавэна. Не могу-ли я любить тебя, какъ брата, Мелеандръ?

Мелеандръ. Однако, если она будетъ плакать?

Аглавэна. Она не будетъ долго плакать, если поднимется съ нами... И почему-бы ей не подняться вмѣстѣ съ нами до любви, которая пренебрегаетъ мелкими благами любви? Она прекраснѣе, чѣмъ ты думаешь, Мелеандръ; мы протянемъ ей руку, она съумѣетъ нагнать насъ; а рядомъ съ нами она плакать не будетъ... Она благословитъ насъ за пролитыя слезы, ибо есть слезы благотворнѣе поцѣлуевъ...

Мелеандръ. Думаешь-ли ты, что я могу любить тебя, какъ сестру, Аглавэна?..

Аглавэна. О...

Мелеандръ. Думаешь-ли ты, что можешь любить меня, какъ брата, Аглавэна?

Аглавэна. Ты спрашиваешь, и я уже не знаю, Мелеандръ...

Мелеандръ. Трудно этому вѣрить. День и ночь будемъ мы бороться,— бороться безъ конца; наши лучшія силы, которыя, благодаря любви, стали-бы еще драгоцѣннѣе, красотой или глубиной правды, — изсякнутъ въ ненужной борьбѣ... И чѣмъ дольше станемъ мы бороться, тѣмъ яснѣе увидимъ, какъ ростетъ наше желаніе, которое современемъ темной преградой разлучитъ наши души... И все лучшее умретъ въ насъ, благодаря этому желанію... На первый взглядъ кажется, что основа всего этого такъ ничтожна, а между тѣмъ это ничтожное благо, быть можетъ, обладаетъ силой отнять у двухъ душъ ихъ высшую красоту... Кто знаетъ, не преобразуются-ли отъ нашего поцѣлуя звѣзды и цвѣты, восходы и закаты, мысли и слезы?.. Кто знаетъ, является-ли сама ночь равно глубокой взорамъ сестры и взорамъ возлюбленной? Не станемъ закрывать двери передъ самыми прекрасными истинами, Аглавэна... Весь свѣтъ нашихъ душъ разобьется объ одну маленькую ложь... Ты не сестра мнѣ, Аглавэна, и я не смогу любить тебя, какъ сестру...

Аглавэна. Да, ты мнѣ не братъ, Мелеандръ. Но изъ-за этого, можетъ быть, мы и должны страдать...

Мелеандръ. Развѣ и ты любишь безцѣльныя страданія?

Аглавэна. Нѣтъ, Мелеандръ; я люблю только страданія, которыя могу снять съ другихъ и принять на себя...

Мелеандръ. Какія-же страданія можемъ мы принять отъ другихъ, не убивая того, что есть лучшаго въ насъ самихъ?

Аглавэна. Мы не знаемъ этого, Мелеандръ; но должны дѣйствовать такъ, какъ будто-бы уже знали; и если надо, чтобы мы ошибались, то пусть мы ошибаемся во вредъ себѣ...

Мелеандръ. Знаю, Аглавэна, но что дѣлать?

Аглавэна. Судьба соединила насъ, Мелеандръ, и мы узнали другъ друга, какъ, быть можетъ, до сихъ поръ души не узнавали себя. Мы любимъ другъ друга; ничто въ мірѣ не можетъ сдѣлать, чтобы я не любила тебя, а ты меня...

Мелеандръ. Вѣрю этому, какъ ты, Аглавэна... Не вижу ничего въ мірѣ...

Аглавэна. А между тѣмъ развѣ ты призналъ-бы меня, если-бъ я заставила страдать невинное существо?

Мелеандръ. Она можетъ плакать только потому, что будетъ заблуждаться...

Аглавэна. Слезы заблужденія также мучительны...

Мелеандръ. Тогда, Аглавэна, намъ-бы осталось бѣжать другъ друга, но это невозможно!.. То, что такъ прекрасно, не создано для того, чтобы умереть; у насъ есть обязанности по отношенію къ себѣ самимъ...

Аглавэна. И я такъ думаю, Мелеандръ; намъ предстоитъ сдѣлать нѣчто лучшее, чѣмъ бѣжать другъ друга... Не могу и подумать, что все это родилось затѣмъ, чтобы умереть въ слезахъ...

Мелеандръ. Никто не знаетъ, почему рождается любовь, Аглавэна. Одно только вѣрно, что слезы не заставляютъ себя ждать...

Аглавэна. А пока, если нужно, чтобы кто нибудь страдалъ, пусть это будемъ мы... Есть тысяча обязанностей, Мелеандръ; но я думаю, что рѣдко ошибаешься, когда желаешь снять страданія съ болѣе слабаго и взять ихъ на себя.

Мелеандръ *(обнимаетъ ее)*. Ты прекрасна, Аглавэна...

Аглавэна *(обнимаетъ его въ свою очередь)*. Я люблю тебя, Мелеандръ...

(Они цѣлуютъ другъ друга. Среди листвы раздается горестный крикъ. Видно, какъ Селизета, съ развѣвающимися волосами, бѣжитъ по направленію къ замку).

Мелеандръ. Селизета!..

Аглавэна. Да...

Мелеандръ. Она слыхала насъ... Она побѣжала къ замку...

Аглавэна *(указываетъ ему на Селизету)*. Иди!.. Иди!..

Мелеандръ. Да...

(Онъ бросается въ слѣдъ за Селизетой. Аглавэна, облокотясь о дерево, тихо плачетъ).

Сцена II.

Въ глубинѣ парка. Каменная скамья на берегу большаго бассейна. На скамьѣ спитъ Аглавэна, покрытая вуалью. Входитъ Селизета.

Селизета. «Селизета, маленькая Селизета»,—не надо, чтобъ она плакала... Онъ жалѣетъ меня, потому что не любитъ больше. И я не люблю его... Они думаютъ, что я буду совершенно спокойна; что довольно поцѣловать меня, глядя въ другую сторону... «Селизета, маленькая Селизета...» Произносятъ это чрезвычайно нѣжно; о! гораздо нѣжнѣе обыкновеннаго... Обнимая меня, онъ видитъ теперь другое; иногда онъ смотритъ на меня, какъ-бы прося прощенія... Когда они цѣлуютъ другъ-друга, я должна

прятаться, какъ будто провинилась въ чемъ-нибудь... И сегодня вечеромъ они вышли вмѣстѣ, но я потеряла ихъ изъ виду... «Маленькая Селизета» въ тайну не посвящена... съ ней только шутятъ... ее цѣлуютъ въ лобъ... ей преподносятъ цвѣты и плоды... чужая покровительствуетъ «маленькой Селизетѣ»... ее цѣлуютъ плача, для того, чтобы сказать себѣ: о! бѣдная малютка... нечего дѣлать... она не уйдетъ... но она ничего не увидитъ... и стоитъ ей отвернуться—берутся за руки... да, да: до поры, до времени... Терпѣнія, терпѣнія... Будетъ и у «маленькой Селизеты» праздникъ... Пока еще она не знаетъ, что дѣлать, но терпѣнія, терпѣнія—увидимъ...

(Замѣчаетъ на скамьѣ Аглавэну).

Они здѣсь!.. Они заснули въ объятіяхъ другъ друга!.. О! это!.. о! это!.. я пойду... Исалина, бабушка!.. Надо, что-бъ увидѣли!.. Надобно, что-бъ это увидѣли!.. Никто не приходитъ... Я всегда одна... Я...

(Приближаясь).

Она тоже одна... Сіяніе-ли это луны или ея бѣлая вуаль?.. Спитъ: что я хотѣла сдѣлать?.. О! она не знаетъ!.. она на краю резервуара, стоитъ повернуться, что-бъ упасть въ водоемъ... Шелъ дождь... Она окутала голову, но грудь открыта... и вся промокла... ей холодно... она не знаетъ мѣстности... упала или больна?.. о! и дрожитъ во снѣ... отдамъ ей свой плащъ...

(Она покрываетъ Аглавэну плащемъ и приподнимаетъ вуаль, скрывающій лицо).

Спитъ глубокимъ сномъ... должно быть плакала... и видъ у нея не радостный... не болѣе радостный, чѣмъ у меня... она блѣдна; и она плачетъ... какъ она прекрасна... прекрасна, когда такъ блѣдна... она какъ-бы сливается съ луннымъ сіяніемъ... Не надо будить ее сразу... можетъ испугаться и упасть въ колодецъ... *(Медленно наклоняется).* Аглавэна, Аглавэна...

Аглавэна *(просыпается)*. О!.. какъ свѣтло...

Селизета. Осторожнѣе, вы на краю бассейна... Не оборачивайтесь, у васъ сдѣлается головокруженіе...

Аглавэна. Гдѣ я?

Селизета. На краю резервуара съ прѣсной водой для замка. Вы этого не знали?.. Вы пришли сюда одна? Надо было остерегаться, это опасное мѣсто...

Аглавэна. Я не знала... было темно... я увидала боковую изгородь, потомъ скамейку... я была печальна и утомлена...

Селизета. Не холодно-ли вамъ? Запахните плащъ...

Аглавэна. Что это за плащъ? Твой, Селизета? Это ты покрыла меня во время сна?... Но тебѣ самой холодно... Подойди, я тебя прикрою...

Ты дрожишь сильнѣе меня... *(оборачивается).* О! я вижу... Теперь, когда луна поднялась, вода сверкаетъ между двумя стѣнами... Стоило сдѣлать одно движеніе... и это ты... *(Она долго смотритъ на Селизету и цѣлуетъ ее).* Селизета...

Селизета. Не надо оставаться здѣсь... Это мѣсто лихорадки...

Аглавена. Не надо никогда упускать такихъ минутъ, Селизета... Онѣ не повторяются дважды.. Я видѣла твою душу, Селизета: ты невольно любила меня сейчасъ...

Селизета. Мы простудимся. Аглавэна.

Аглавена. Прошу тебя, Селизета, не пытайся бѣжать, когда все, что есть въ тебѣ глубокаго, рвется ко мнѣ... Резвѣ я не вижу твоихъ усилій? Сможемъ-ли мы быть когда-нибудь ближе другъ къ другу? Не надо произносить дѣтскихъ словъ, подобныхъ шипамъ, которыя ранятъ наши бѣдныя сердца. Будемъ говорить какъ люди, Селизета, какъ бѣдныя человѣческія существа, которыя говорятъ какъ умѣютъ,—руками, глазами, душою,—когда пытаются сказать нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ то, что можетъ быть высказано словами. Ты думаешь, я не вижу, какъ переполнена твоя душа? Прижмись ко мнѣ, Селизета, прижмись ко мнѣ среди тьмы и позволь мнѣ обвить тебя своими руками; если не можешь отвѣчать мнѣ тѣмъ-же, — не безпокойся. Что-то говоритъ въ тебѣ, и я слышу это такъ-же хорошо, какъ ты сама.

Селизета (*заливается слезами*). Аглавэна...

Аглавена. И Аглавэна плачетъ, Селизета... Она плачетъ, потому что любитъ тебя и также не знаетъ, что дѣлать и что сказать... Вотъ мы однѣ, моя бѣдная Селизета, совсѣмъ однѣ, въ темнотѣ, прильнувшія другъ къ другу. Теперь, быть можетъ, въ насъ рѣшается грядущее счастье или несчастье... Но никто не можетъ этого знать... Вотъ почему, вопрошая будущее, я не нахожу ничего, кромѣ слезъ... Я считала себя очень благоразумной; но пришла минута, когда надо что-то знать, и я нуждаюсь въ тебѣ сильнѣе, чѣмъ ты во мнѣ... я плачу, Селизета, и я обнимаю тебя такъ, чтобъ вмѣстѣ съ тобой приблизиться къ тому, что рѣшается въ насъ,—приблизиться, насколько возможно. Сегодня утромъ я сдѣлала тебѣ больно...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ; ты не дѣлала мнѣ больно...

Аглавэна. Я заставила тебя сильно страдать сегодня утромъ... Но я хотѣла-бы никогда больше не огорчать тебя... Не знаю, какъ слѣдуетъ поступить, чтобы не причинять зла тому, кого любишь?.. Можно сказать, право, что съ того момента, какъ полюбишь кого-нибудь, отдаешь его въ жертву страданіямъ, которыя раньше его не замѣчали... Вотъ и теперь: едва лишь я почувствовала къ тебѣ самую глубокую привязанность и покрыла тебя этими поцѣлуями, родившимися для тебя, какъ заставила тебя въ первый разъ заплакать...

Селизета. Я уже плакала, Аглавэна, но была неблагоразумна. Я не буду больше плакать.

Аглавена. Моя бѣдная Селизета, никто не знаетъ навѣрное, когда онъ бываетъ благоразуменъ. Не нужно спрашивать себя, разумны-ли плачущіе, но надо поступать, по возможности, такъ, чтобы они не плакали.

Селизета (*рыдая*). Аглавэна!

Аглавена. Селизета, ты вся дрожишь?

Селизета. Никогда еще я не видала тебя спящей.

Аглавэна. Ты будешь часто видѣть меня спящей, Селизета.

Селизета. И потомъ... мнѣ никогда ничего не говорили. Нѣтъ, нѣтъ, никто...

Аглавэна. Да, да; моя бѣдная Селизета, и тебѣ, по всей вѣроятности, скажутъ тоже, что говорятъ всѣмъ; ибо всѣ говорятъ, когда желаютъ, и у всякаго есть возможность уловить необходимыя слова; но ты не умѣла еще слушать...

Селизета. Это было другое... Никогда, никогда...

Аглавэна. Ты не слушала, Селизета, и то, что ты слышишь теперь, ты воспринимаешь не слухомъ; не слова мои ясны тебѣ, но то, что я люблю тебя...

Селизета. И я люблю тебя...

Аглавэна. Вотъ почему ты слушаешь и понимаешь такъ хорошо, что я не могу выразить... Не только руки наши соединены въ эту минуту, моя бѣдная Селизета... Но и Мелеандръ также любитъ тебя, почему ты не слушала его?

Селизета. Онъ не такой, какъ ты, Аглавэна...

Аглавэна. Онъ прекраснѣе меня. Онъ вѣдь много разъ говорилъ съ тобой и гораздо лучше меня...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ; это другое... Видишь, я не могу сказать навѣрное, въ чемъ дѣло... Когда онъ около меня, я ухожу въ себя... Я не хочу плакать... Я не хочу показывать, что понимаю... я его слишкомъ люблю...

Аглавэна. Говори, говори, Селизета... А я буду тихо цѣловать тебя...

Селизета. Это такъ трудно... Ты не поймешь. Я не могу выразить...

Аглавэна. Если я не пойму, что ты говоришь, то пойму, что говорятъ твои слезы...

Селизета. Да, вотъ Аглавэна... Я не хочу, чтобы онъ любилъ меня за что нибудь другое... Я хочу, чтобы онъ любилъ меня за меня самое... О! нѣтъ возможности высказаться совсѣмъ... Я не хочу, чтобы онъ любилъ меня за то, что я согласна съ нимъ или что могу отвѣчать ему... Можно сказать, что я ревную сама къ себѣ... Ты поняла что нибудь, Аглавэна?

Аглавэна. Видно сразу, Селизета, ясной-ли водой наполнена хру-

стальная ваза... Ты боялась показать ему, какъ ты прекрасна... Не знаешь часто самъ, почему въ любви овладѣваетъ тобой этотъ страхъ... Быть можетъ, желаешь, чтобы другой самъ догадался .. Но страхъ этотъ нужно побѣдить... Кромѣ того... видишь-ли, Селизета... прячась отъ другихъ, кончаешь тѣмъ, что не находишь болѣе себя...

Селизета. Я знаю, Аглавэна, что я неблагоразумна. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы онъ любилъ меня, если-бы я даже ничего не знала, ничего не дѣлала, ничего не видѣла и была-бы ничѣмъ... Я желала-бы, кажется, чтобы онъ любилъ меня, если-бы я совсѣмъ не существовала. И я пряталась, пряталась... Думала все скрыть... Въ этомъ вина не его, Аглавэна. Вотъ почему я была счастлива, когда онъ цѣловалъ меня, пожимая плечами и качая головой. Гораздо счастливѣе, чѣмъ тогда, когда онъ цѣловалъ, восхищаясь мной. Но вѣдь не такъ надо любить, Аглавэна, неправда-ли?

Аглавэна. Мы не знаемъ, какъ надо любить, Селизета. Одни такъ любятъ, другіе иначе, и любовь создаетъ и то и другое, но все прекрасно, ибо это любовь. Ее разсматриваешь въ себѣ, какъ коршуна или дикаго орла въ клѣткѣ. Клѣтка принадлежитъ вамъ, но птица не принадлежитъ никому. Съ безпокойствомъ смотришь на нее, кормишь, но не знаешь, что предприметъ она: улетитъ-ли, разобьется-ли о прутья, или начнетъ пѣть. Ничто отъ насъ не такъ далеко, какъ наша любовь, моя бѣдная Селизета. Надо ждать и учиться понимать ее...

Селизета. Ты любишь его, Аглавэна?

Аглавэна. Кого, Селизета?

Селизета. Мелеандра.

Аглавэна. Какъ мнѣ не любить его?

Селизета. Но любишь-ли ты его, какъ я люблю?

Аглавэна. Я стараюсь любить его, какъ тебя, Селизета.

Селизета. Но если-бы ты его слишкомъ полюбила?

Аглавэна. Мнѣ кажется, что нельзя слишкомъ любить, Селизета.

Селизета. А если онъ любитъ тебя больше, чѣмъ меня?

Аглавэна. Онъ полюбитъ въ тебѣ, что любитъ во мнѣ,—это одно и то-же. Нѣтъ на свѣтѣ существа, которое-бы такъ походило на меня, какъ Мелеандръ. Какъ можетъ онъ не любить тебя, когда я люблю тебя, и какъ могла-бы я любить его, когда-бы онъ не любилъ тебя? Онъ не походилъ-бы болѣе ни на себя, ни на меня...

Селизета. Нѣтъ во мнѣ ничего, что бы онъ могъ любить... а ты знаешь больше, чѣмъ я когда-либо буду знать, Аглавена...

Аглавэна. Поцѣлуй меня, Селизета, и когда я говорю, вѣрь, что все, что я знаю, не стоитъ того, чего ты будто-бы не знаешь. Я съумѣю показать ему, что ты глубже и прекраснѣе, чѣмъ онъ думаетъ.

Селизета. Ты съумѣешь сдѣлать, чтобы онъ любилъ меня, когда ты здѣсь?

Аглавэна. Если онъ не будетъ любить тебя потому, что я здѣсь, — мнѣ придется уйти, Селизета.

Селизета. Я не хочу, чтобы ты ушла...

Аглавэна. Но это было-бы необходимо, Селизета. Я не любила-бы больше...

Селизета. Тогда-то я буду несчастна, Аглавэна...

Аглавэна. Быть можетъ, Селизета...

Селизета. О, я начинаю любить тебя, любить тебя, Аглавэна!

Аглавэна. Я давно люблю тебя, Селизета.

Селизета. Я нѣтъ; когда увидала, не любила... но потомъ, всетаки любила. Одну минуту я хотѣла... сдѣлать зло, большое зло. Но я не знала, что ты такая... на твоемъ мѣстѣ я была-бы злой.

Аглавэна. Нѣтъ, нѣтъ, моя бѣдная Селизета. Ты не была-бы злой, но ты не знала-бы, какъ быть доброй, въ несчастіи. Ты думала-бы, что твоя обязанность быть злой, потому что не достало-бы смѣлости быть доброй. Тому, кто насъ оскорбляетъ, желаешь вначалѣ всякаго зла, а потомъ, при малѣйшемъ несчастіи съ нимъ, мы готовы отдать все счастье, какимъ обладаемъ, лишь-бы тотъ не плакалъ. Но почему не любить ихъ до несчастья? Вѣдь, полюбивъ ихъ раньше, мы не ошибемся, такъ-какъ нѣтъ въ мірѣ человѣка, который былъ-бы счастливъ до конца.

Селизета. Мнѣ хотѣлось-бы еще разъ поцѣловать тебя, Аглавэна. Странно, раньше я не могла цѣловать тебя. О, я боялась твоихъ губъ... Не знаю, почему... а теперь... Онъ цѣлуетъ тебя часто?

Аглавэна. Онъ?

Селизета. Да.

Аглавэна. Да, Селизета, и я его тоже цѣлую.

Селизета. Зачѣмъ?

Аглавэна. Есть вещи, которыя можно выразить только поцѣлуями. Самое глубокое и чистое не исходитъ изъ души, не вызванное поцѣлуями.

Селизета. Ты можешь цѣловать его, когда я вижу, Аглавэна...

Аглавэна. Я не стану больше цѣловать его, если ты этого не желаешь, Селизета.

Селизета (*внезапно всхлипываетъ*). Ты можешь также цѣловать его, когда я не вижу. (*Она склоняется на плечо Аглавэны и продолжаетъ всхлипывать*).

Аглавэна. Не плачь, Селизета, ты становишься такой прекрасной...

Селизета. Не знаю, отчего я плачу... я не несчастна. Я счастлива, видя тебя проснувшейся, Аглавэна.

Аглавэна. И я счастлива, видя, что и ты проснулась, Селизета. Идемъ. Не надо оставаться слишкомъ долго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наша душа была такъ счастлива, какъ только это доступно человѣческой душѣ.

(*Обнявшись уходятъ*).

Сцена III.

Комната въ замкѣ. Въ глубинѣ залы, въ тѣни—Мелиграна и Селизета.

Мелиграна. У тебя нѣтъ болѣе силъ, моя бѣдная Селизета, не скрывай этого; не отворачивай головы, отирая глаза.

Селизета. Но, бабушка, говорю тебѣ, что я плачу отъ счастья.

Мелиграна. Такъ не плачутъ отъ счастья.

Селизета. Нѣтъ плачутъ, вотъ я-же плачу...

Мелиграна. Послушай. Селизета... Я прослушала все, что ты мнѣ сказала объ Аглавэнѣ. Я не умѣю говорить, какъ она. Я только старая, не много знающая женщина, но и я страдала, у меня-ты одна на свѣтѣ, я на краю могилы, и все это, видишь-ли, истины, хотя, быть можетъ, не такія прекрасныя, какъ тѣ, о которыхъ говоритъ намъ Аглавэна, но вѣдь и въ самыхъ прекрасныхъ истинахъ не всегда болѣе правды, чѣмъ въ истинахъ простыхъ и старыхъ. Я замѣчаю одно, моя бѣдная Селизета, что, несмотря на улыбки, которыя ты стараешься изобразить, ты блѣднѣешь и плачешь, какъ только думаешь, что никого нѣтъ... Не надо бороться черезъ силу. Легко сказать, что слезы не благоразумны и не красивы. Только приблизившись къ концу жизни, видишь, что слезы всегда правы. Я знаю много вещей прекраснѣе слезъ; и часто было-бы лучше не плакать. Но когда нѣтъ болѣе силъ противиться имъ, надо вѣрить въ правду этихъ слезъ; надо сказать себѣ, что въ нихъ больше правды, чѣмъ въ самомъ прекрасномъ, которое кажется выше ихъ... такъ какъ, видишь-ли, Селизета, это судьба говоритъ нашими слезами; онѣ подступаютъ къ глазамъ изъ глубины будущаго (*Аглавэна входитъ изъ глубины залы, не замѣченная*). Ты плакала долго, моя бѣдная Селизета, и ты хорошо знаешь, что не сможешь запретить себѣ плакать. Къ чему все это клонится? Въ своемъ углу я все терпѣливо обсудила и стараюсь говорить спокойно, несмотря на то, что мнѣ больно видѣть, какъ ты безвинно страдаешь. Въ подобномъ горѣ нѣтъ двухъ человѣческихъ рѣшеній и надо, чтобы одна изъ васъ двухъ умерла или ушла. И кто-же долженъ уйти, какъ не та, которая пришла слишкомъ поздно?..

Селизета. Почему не та, которая пришла слишкомъ рано?

Аглавэна (*приближается*). Не приходятъ слишкомъ рано, моя бѣдная Селизета... приходятъ во время и мнѣ кажется, что бабушка права.

Селизета. Если бабушка права, мы будемъ несчастны.

Аглавэна. Если бабушка ошиблась, мы то-же будемъ плакать. Что дѣлать, Селизета, весьма часто намъ остается только выборъ между нашими слезами. И если-бъ я слушалась только своей бѣдной мудрости, я-бы сказала, что слѣдуетъ выбрать наиболѣе прекрасныя, а наиболѣе прекрасныя слезы здѣсь тѣ, которыя проливаешь ты. Но вотъ уже нѣ-

сколько дней, какъ и я встревожена. И я себѣ часто повторяла, что подъ всѣми истинами, которыхъ можно достигнуть, таится въ насъ одна, наиболѣе важная; въ глубинѣ нашихъ душъ она ждетъ, пока пробьетъ ея часъ и никакія слова не въ силахъ исказить ея улыбку или осушить глаза. Я увѣрена, что нашла сегодня эту истину, что она заставитъ насъ дѣйствовать вопреки всѣмъ нашимъ усиліямъ. Прощай, Селизета. Обними меня. Поздно. Мелеандръ ждетъ тебя.

Селизета. Развѣ ты не идешь со мной поцѣловать его, Аглавэна?

Аглавэна. Я не буду больше цѣловать его, Селизета. Когда мы останемся одни, я поцѣлую тебя и поцѣлуемъ этимъ съумѣю сказать ему все, что надо, какъ будто я цѣловала его самого.

Селизета. Что случилось, Аглавэна? Твои глаза горятъ... ты скрываешь отъ меня что-нибудь.

Аглавэна. Напротивъ, мои глаза горятъ, потому что я больше ничего не скрываю, Селизета. Я узнала только, что онъ любитъ тебя глубже, чѣмъ предполагалъ.

Селизета. Онъ сказалъ тебѣ это?

Аглавэна. Нѣтъ; если-бъ онъ мнѣ сказалъ, я не была-бы такъ увѣрена.

Селизета. Но ты? тебя онъ больше не любитъ?

Аглавэна. Меньше, чѣмъ тебя.

Селизета. О! моя бѣдная Аглавэна... Это невозможно... Почему-бы любилъ онъ тебя меньше? Что я должна дѣлать, Аглавэна? Сегодня вечеромъ тебѣ не надо оставаться одной, если ты несчастна... хочешь, я останусь съ тобой?.. Я скажу ему...

Аглавэна. Иди, иди... спѣши, Селизета... я никогда не буду счастливѣе, чѣмъ въ этотъ вечеръ...

(Онѣ молча обнимаются и расходятся).

АКТЪ III.

Сцена I.

(Въ паркѣ. Входятъ Мелеандръ и Селизета).

Селизета. Прости, Мелеандръ, ты хотѣлъ остаться одинъ. Я всегда причина твоей грусти. Но я сейчасъ уйду... я изъ комнаты Аглавэны... она уже спитъ. Я поцѣловала ее въ губы. Звѣзды освѣщаютъ ея кровать, но она не просыпается... Я удержу тебя ненадолго. Мы пойдемъ будить ее, потому что она плачетъ во снѣ... я одна не смѣла будить... Мнѣ хотѣлось-бы поговорить съ тобой о чемъ-то... не знаю еще, ошибаюсь-ли я или нѣтъ, и хорошо-ли это или худо... не могу спросить объ этомъ Аглавэну, ты простишь меня, если я ошибаюсь...

Мелеандръ. Что случилось, Селизета? Подойдемъ къ скамейкѣ. Са-

дись ко мнѣ на колѣни. Я стану гладить твои волосы. Ты не будешь меня видѣть и тебѣ не будетъ страшно... Мнѣ кажется, что у тебя на сердцѣ что-то очень тяжелое...

Селизета. Не на сердцѣ, Мелеандръ... но во мнѣ... не могу сказать, гдѣ, можетъ быть, на душѣ... что-то тяжелое... заставляющее понимать... что?.. пока еще не знаю, только я теперь гораздо счастливѣе, чѣмъ въ то время, когда ничто не лежало на душѣ...

Мелеандръ. Ты сильно измѣнилась, Селизета... мнѣ также надо говорить съ тобой... я не вижу болѣе твоего прежняго лица, бѣдныя краски на твоихъ щекахъ не оживаютъ даже подъ моими поцѣлуями... прежде ты смѣялась, когда я цѣловалъ тебя такъ...

Селизета. Прежде я чаще смѣялась, Мелеандръ, но теперь я гораздо счастливѣе...

Мелеандръ. Не знаю, Селизета... часто душа мнитъ себя счастливой, когда сердце не въ силахъ больше страдать... Но оставимъ все это; скажи мнѣ, что тебя сегодня мучаетъ...

Селизета. Аглавэна уходитъ...

Мелеандръ. Кто? Аглавэна? Она тебѣ сказала?

Селизета. Да...

Мелеандръ. Когда?.. и почему уходитъ она?

Селизета. Этого она не сказала... Но нѣтъ сомнѣнья, что она уходитъ. Она рѣшила, что такъ нужно... Вотъ почему я спрашиваю себя, не лучше-ли уйти мнѣ...

Мелеандръ. Кому?—Тебѣ, Селизета? Но что случилось?...

Селизета. Ничего не случилось, Мелеандръ, и прошу тебя, если ты хочешь, чтобы она плакала, не говори Аглавэнѣ... Видишь-ли, Мелеандръ, я также размышляла, покуда вы были вмѣстѣ, а я оставалась съ бабушкой... Когда вы возвращались такіе счастливые, такіе согласные, что всѣ невольно смолкали при вашемъ приближеніи, я говорила себѣ: я бѣдное, жалкое существо, которое никогда не сможетъ послѣдовать за вами... но вы были со мной всегда такъ добры, что я увидѣла это слишкомъ поздно... вы часто хотѣли брать меня съ собой, видя, какъ я грустна... Когда же я сопровождала васъ, вы казались веселѣе обыкновеннаго, но ваши души не были ужъ такъ счастливы, а я была между вами, какъ чужая, которой холодно... между тѣмъ то не была ни ваша вина, ни моя.... Я знаю, что не могу понять... хотя понимать необходимо...

Мелеандръ. Милая, милая и добрая Селизета, Аглавэна права, я не зналъ, какъ ты прекрасна... но чего, кажется тебѣ, ты не поняла? Развѣ ты думаешь, что намъ понятно то, что непонятно тебѣ? Увы! моя бѣдная Селизета, на большой глубинѣ разница между всѣмъ такъ мала, и никогда не знаешь, почему любишь... Но если ты могла сказать то, что

теперь сказала, тебѣ нѣтъ надобности понимать: я одинъ не понималъ до сихъ поръ...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ: это говоритъ въ тебѣ доброта, мой бѣдный Мелеандръ... я знаю, чѣмъ надо быть, но никогда не смогу стать такой, какъ вы...

Мелеандръ. Не узнаю тебя, Селизета. Я ничего не видѣлъ... Когда ты такъ говоришь, я не знаю, не съ неба-ли ты сошла...

Селизета. Я пришла отъ Аглавэны, Мелеандръ.

Мелеандръ. Мы всѣ подъ вліяніемъ Аглавэны, дитя мое. Нѣтъ другого источника, кромѣ красоты, для тѣхъ, кто отыскалъ его... Думаешь-ли ты, что разница такъ велика между твоей душой и душой Аглавэны?

Селизета. Да, Мелеандръ, огромная разница.

Мелеандръ. Не думаю, Селизета. И я все болѣе и болѣе въ этомъ убѣждаюсь, когда вижу, наконецъ, то, что скрывалось подъ смѣхомъ ребенка... Безъ труда находишь душу, которая умѣетъ себя открывать, но надо было-бы помнить, что души, не умѣющія себя показывать, также прекрасны... Еще прекраснѣе, быть можетъ, потому что не сознаютъ себя...

Селизета, Нѣтъ, нѣтъ. Какъ-бы я ни старалась, это будетъ не то, Мелеандръ... Если я поступаю такъ, какъ тебѣ нравится, то только изъ подражанія Аглавэнѣ...

Мелеандръ. Селизета...

Селизета. О! Мелеандръ... то не упрекъ... ты такъ понялъ? я не прежняя, я никого больше не стану упрекать. Сама не знаю, что меня такъ измѣнило. Я не повѣрила-бы, еслибы мнѣ еще недавно сказали, что я сдѣлаюсь счастливѣе, становясь грустнѣе и что настанетъ день, когда я поцѣлую въ губы женщину, которую ты любишь... А теперь это такъ случилось...

Мелеандръ. Не знаю, что готовится небо требовать у человѣка, когда оно окружаетъ его такимъ счастьемъ.

Селизета. Я только маленькое, жалкое существо, Мелеандръ, но и мнѣ хотѣлось-бы стать прекраснѣе, хотѣлось, чтобы и меня любили, плача, какъ ты плачешь, взирая на нее.

Мелеандръ. О комъ говоришь ты?

Селизета. Я говорю о той, о которой ты думаешь, когда безмолвствуешь...

Мелеандръ. Близь тебя я думаю о ней, близь нея—мечтаю о тебѣ...

Селизета. Я видѣла ясно, что это не одно и то-же, не тѣ-же слезы, Мелеандръ. Тѣ приходятъ изъ большей глубины, чѣмъ жалость, и я знаю, что ихъ забыть нельзя... Ты говоришь, что любишь меня, чтобы я не такъ грустила, но никогда не сможешь сказать мнѣ то, что говоришь Аглавэнѣ...

Мелеандръ. Не знаю, могъ-ли бы я сказать тебѣ то-же самое, Селизета. Никогда точно не говоришь того, что хочешь. Желая сказать нѣчто глубокое тому, кого любишь, отвѣчаешь только на вопросы, недоступные слуху... А вопросы, которые задаетъ душа. никогда не бываютъ одинаковы... Вотъ почему наши слова измѣняются безъ нашего вѣдома... Но вопросы твоей дѣтской души, моя бѣдная Селизета, такъ же прекрасны, какъ Аглавэны... Они только исходятъ изъ другой области, вотъ и все... Поэтому не печалься, Селизета... Не надо ревновать къ душѣ... Неужели ты, думаешь что я не говорю съ тобой въ эту минуту, такъ, какъ говорилъ-бы съ Аглавэной. Думаешь-ли ты, что можно сказать, кому-бы то ни было, не то, что я говорю тебѣ?.. О, моя прекрасная Селизета! если-бы ангелъ сошелъ съ неба въ мои объятія и занялъ твое мѣсто, я не могъ-бы открыть ему свою душу проще и глубже, чѣмъ открываю ее передъ тобой... Обо всемъ-же остальномъ, что еще нужно было-бы досказать, нельзя говорить здѣсь, при жизни... Подождемъ, Селизета. Уйдетъ или не уйдетъ Аглавэна, она одна это знаетъ и не ошибается... Но уйдетъ она или нѣтъ, она съумѣетъ научить меня, какъ открывать твою красоту и любить тебя такъ, какъ я не былъ еще въ силахъ любить... Во всякомъ случаѣ, Селизета, если необходимо, что-бы кто-нибудь плакалъ, не ты будешь плакать... И затѣмъ, развѣ ты думаешь, что мы будемъ счастливы, когда ты уйдешь, мое дитя?.. Развѣ ты думаешь, что счастье, основанное на страданіяхъ бѣднаго существа, такого чистаго, такого нѣжнаго, какъ ты, было-бы продолжительно и достойно насъ?.. Неужели тебѣ кажется, что я смогу цѣловать Аглавэну и что она сможетъ любить меня, если хоть одинъ изъ насъ захочетъ принять это счастье? Мы любимъ себя въ высшемъ мірѣ, Селизета, мы любимъ себя тамъ, гдѣ мы прекрасны и чисты... И тамъ мы встрѣчаемъ также тебя. А съ нѣкоторыхъ поръ, благодаря тебѣ, мы не должны любить другъ друга, не видя тебя... Подойди, дай твои губы... Я цѣлую сегодня твою душу, Селизета... Пойдемъ, пробило полночь... Посмотримъ, все-ли еще плачутъ сновидѣнія Аглавэны сквозь ея сонъ.

(*Уходятъ, обнявшись*).

Сцена II.

Комната въ замкѣ. (Входятъ Аглавэна и Мелеандръ).

Аглавэна. Слышишь-ли, какъ притворяется дверь?

Мелеандръ. Да.

Аглавэна. Это Селизета... Она услыхала и хочетъ оставить насъ однихъ...

Мелеандръ. Она говорила мнѣ, что подымалась утромъ на свою башню, ей разсказывали о большой странной птицѣ...

Аглавэна. Она была здѣсь, я увѣрена, вся комната какъ будто ждетъ ея возвращенія... Посмотри на маленькія принадлежности ея работы, которыя она оставила на подоконникѣ... мотки шелка, золотыя и серебряныя нитки, бусы, камни...

Мелеандръ. А вотъ ея кольцо, на которомъ вырѣзаны наши имена... Вотъ фіалки, вотъ ея платокъ... (*Онъ беретъ платокъ и, притронувшись къ нему, дрожитъ*). О!..

Аглавэна. Что такое?

Мелеандръ. (*передаетъ ей платокъ*). Возьми...

Аглавэна. О!..

Мелеандръ. Онъ сохранилъ для насъ теплоту ея слезъ...

Аглавэна. Видишь, Мелеандръ... съ тѣхъ поръ какъ она сама больше не говоритъ, всѣ вещи вмѣсто нея напоминаютъ мнѣ, что пора... (*Беретъ платокъ*). Дай мнѣ его, Мелеандръ... Бѣдный маленькій свидѣтель всего, что отъ насъ скрываютъ! надо быть мертвымъ, чтобы не понимать тебя...

Мелеандръ. Аглавэна .. (*Хочетъ поцѣловать ее*).

Аглавэна. Не цѣлуй меня сегодня... Люби ее, Мелеандръ... Мнѣ больно и вмѣстѣ радостно, что она, страдая, становится еще прекраснѣе...

Мелеандръ. Не знаю, что и думать, моя Аглавэна... Иногда мнѣ кажется, что я люблю ее почти какъ тебя, иногда что люблю больше, чѣмъ тебя, потому что она дальше отъ меня и необъяснимѣе... Но стоитъ мнѣ увидѣть тебя, и все тускнѣетъ вокругъ нея, и я больше ее не различаю... и однако, если-бы я ее потерялъ, я не могъ-бы цѣловать тебя безъ грусти...

Аглавэна. Знаю, что ты любишь ее, Мелеандръ. И вотъ почему я должна уйти...

Мелеандръ. Но я могу любить ее только въ тебѣ, Аглавэна. И когда ты будешь далеко, я не стану ее больше любить.

Аглавэна. Я знаю, что ты ее любишь, Мелеандръ. Знаю это такъ хорошо, что не могу иной разъ удержаться, чтобы не завидовать твоей любви къ этой бѣдной малюткѣ... Не надо, чтобы ты считалъ меня безупречной... Если Селизета уже не та, что казалась, то и я перемѣнилась, живя между вами... Я пришла сюда слишкомъ мудрой, я была увѣрена, что красота не должна безпокоиться о пролитыхъ изъ-за нея слезахъ, я думала, что у доброты нѣтъ другой руководительницы кромѣ мудрости... Но теперь я узнала, что добротѣ не нужно быть мудрой, что лучше быть человѣчной и безумной... Я считала себя самой прекрасной изъ женщинъ, теперь я узнала, что самыя маленькія существа

прекраснѣе меня,—и не знаютъ, что онѣ прекрасны... Глядя на Селизету я спрашиваю себя поминутно, не чище-ли и не значительнѣе-ли то, что она въ своей дѣтской душѣ дѣлала ощупью, всего, что могла-бы сдѣлать я. Она несказанно прекрасна, Мелеандръ, когда я думаю о ней про себя... Ей стоитъ только нагнуться, чтобы найти неслыханныя сокровища въ своемъ сердцѣ. И она отдаетъ ихъ дрожа, какъ слѣпая, которая не знаетъ, что ея руки наполнены драгоцѣнными камнями...

Мелеандръ. Какъ это странно, Аглавэна... когда ты говоришь мнѣ о ней, я восторгаюсь только тобой и сильнѣе люблю... Ничто въ мірѣ не въ силахъ сдѣлать, чтобы все хорошее, что ты говоришь о ней, не вернулось къ тебѣ-же. И если-бы самъ Богъ вступился, я-бы не могъ любить ее, какъ тебя...

Аглавэна. Это несправедливость любви, Мелеандръ; и если-бы ты хвалилъ своего брата, я знаю, ты-бы самъ становился прекраснѣе. Я-бы хотѣла тебя поцѣловать и плакать, Мелеандръ... И такъ нельзя не любить другъ друга, когда любишь...

Мелеандръ. Да, нельзя Аглавэна... Я только что, говоря съ Селизетой, убѣдился въ этомъ. Я чувствовалъ, что любовь не зависитъ ни отъ того, что говорилъ я, ни отъ того, что говорила она.

Аглавэна. Когда я пріѣхала, все казалось мнѣ возможнымъ. Я надѣялась, что никто не будетъ страдать. Теперь только я вижу, что жизнь не хочетъ подчиняться нашимъ самымъ прекраснымъ намѣреніямъ. Въ то-же время я знаю, что стоитъ мнѣ остаться около тебя, когда другіе отъ этого страдаютъ, и я болѣе не буду—я, ты болѣе не будешь—ты, а наша любовь не будетъ походить на нашу любовь.

Мелеандръ. Быть можетъ, это правда, Аглавэна... А между тѣмъ развѣ мы не были-бы правы?

Аглавэна. А! Мелеандръ, быть правымъ такое жалкое преимущество; мнѣ кажется, что лучше всю жизнь самому ошибаться и не заставлять плакать тѣхъ, кто неправъ. Знаю все что можно возразить, но зачѣмъ намъ говорить, когда ничто не въ силахъ измѣрить болѣе глубокую истину, которая не одобрила-бы нашихъ самыхъ прекрасныхъ словъ? Будемъ внимать только тому, что чуждо фразъ. Наперекоръ словамъ и поступкамъ, нашей жизнью управляетъ только простое начало вещей и вѣчно будетъ заблуждаться тотъ, кто захочетъ сражаться съ тѣмъ, что просто. Кто знаетъ, по какимъ причинамъ мы встрѣтились слишкомъ поздно: кто осмѣлится сказать, что судьба не то-же, что Провидѣніе. Я слышу сегодня твою и свою душу, и все, что мы можемъ сказать, не измѣнитъ того, что онѣ рѣшаютъ въ глубинѣ насъ самихъ. Въ эту минуту мы такъ мудры, мой бѣдный Мелеандръ, что если-бы кто насъ случайно подслушалъ, то сказалъ-бы: «они любятъ другъ друга слишкомъ холодно или не знаютъ, что такое истинная любовь», потому что мы любимъ другъ друга любовью, о которой не думаютъ тѣ, кто любитъ мимолетно.

Мелеандръ (*обнимаетъ ее*). Люблю тебя, моя Аглавэна: только такъ сильнѣе любишь другъ друга.

Аглавэна (*въ свою очередь обнимаетъ его*). Люблю тебя, мой Мелеандръ, только такъ любишь навсегда.

(*Молчаніе*).

Мелеандръ. Теперь, моя Аглавэна, думала-ли ты, какова будетъ наша жизнь, когда мы разстанемся, и когда отъ нашей большой любви останется только маленькое воспоминаніе, которое должно постепенно уменьшаться, какъ всѣ другія воспоминанія? Что стану я здѣсь дѣлать въ будущемъ году? Что станешь ты дѣлать? Дни и мѣсяцы утомятся, глядя какъ мы будемъ протягивать другъ къ другу руки въ пространство... Увы! моя Аглавэна, я не хочу плакать, но при первой мысли о будущемъ, намъ слѣдовало-бы прильнуть другъ къ другу такъ, чтобы сердца перестали биться. Мы можемъ сколько угодно обѣщать любить другъ друга, наперекоръ горамъ и лѣсамъ и морямъ, которыя лягутъ между нами. Есть много въ нашей бѣдной жизни мгновеній, когда воспоминаніе, самое нѣжное, не можетъ утѣшить въ разлукѣ слишкомъ долгой...

Аглавэна. Я знаю хорошо, Мелеандръ, что утѣшаешься только на словахъ, когда, не видя другъ друга, говоришь, что любишь. Здѣсь мы можемъ быть счастливы, тамъ навѣрно будемъ несчастны. И тѣмъ не менѣе мы оба чувствуемъ, что то, что я дѣлаю, надо сдѣлать. Ты будешь долго плакать, я буду плакать вѣчно, потому что мало знать, что поступилъ красиво, для того, чтобы запретить слезамъ навертываться на глаза. И все-же, если-бы ты зналъ слово, которое, не мѣняя ничего другого, заставило-бы меня остаться, ты-бы его не произнесъ... Нужно, чтобы мы страдали и чтобы никто не зналъ объ этомъ, если мы такъ сильно любимъ то, чего другіе не любятъ. Награды нѣтъ, мой бѣдный Мелеандръ, но мы и не ждемъ награды...

(*Уходятъ*).

Сцена III.

У подошвы башни. Входятъ Аглавэна и Мелеандръ.

Аглавэна. Я только что видѣла ее на верхушкѣ башни, окруженную чайками, которыя издавали рѣзкіе крики. Уже два-три дня, какъ она то и дѣло туда поднимается. Не могу выразить, какъ это временами меня пугаетъ. Къ тому-же она кажется болѣе тревожной и менѣе печальной. Можно думать, что въ этомъ маленькомъ, глубокомъ сердцѣ готовится что-то...

Мелеандръ. Мнѣ кажется, она снова возвращается къ жизни прежней маленькой Селизеты. Замѣтила-ли ты, что она поетъ и становится прекраснѣе? Она выступаетъ передъ нами, освѣщенная неожиданнымъ свѣ-

томъ. Не лучше-ли умолчать о твоемъ отъѣздѣ, пока она не станетъ спокойнѣе, и подождать, чтобы ея внутренняя перемѣна окрѣпла?..

Аглавэна. Нѣтъ, я хочу ей сказать сегодня-же...

Мелеандръ. Но какъ ты ей скажешь? Не боишься-ли ты, что дитя, которое уже такъ близко отъ насъ и несмотря на всѣ свои слезы, только тобой и живетъ, будетъ страдать, если ты уйдешь? Страдать такъ-же глубоко, какъ ты сама страдала-бы, еслибъ существо прекраснѣе тебя пожертвовало собой ради тебя, ея недостойной.

Аглавэна. Мы не вправѣ взвѣшивать чужую судьбу, Мелеандръ... Къ тому-же, оставшись здѣсь, я перестану быть столь-же прекрасной, какъ это дитя, а я предпочитаю быть прекрасной вдали отъ тебя, чѣмъ менѣе прекрасной въ твоихъ объятіяхъ. Ты не станешь любить меня, если я не буду прекрасна. Я также думала о томъ, что надо сказать ей. Сперва я хотѣла солгать, чтобы не заставить ее страдать... Не улыбайся, мой Мелеандръ. Правда, я такъ мало похожа на обыкновенную женщину, и ты, вѣрно, не могъ себѣ представить, что въ глубинѣ и я владѣю всѣми хитростями женщины и умѣю лгать такъ-же хорошо, какъ мои сестры, когда любовь объявляетъ, что лгать необходимо. Я намѣревалась сказать ей, что ужъ не люблю тебя, что я ошиблась, что и ты меня больше не любишь. Кромѣ этого еще тысячу мелочей, которыя унизили-бы меня передъ ней и въ такой-же степени уменьшили ея сожалѣніе. Но я чувствовала, что въ присутствіи ея большихъ, чистыхъ глазъ это было-бы невозможно, потому что не было-бы прекрасно... Не лучше-ли плакать по поводу благороднаго поступка, чѣмъ радоваться тому, что ничего не прибавляетъ къ душѣ. Слушай... Вотъ она сходитъ съ лѣстницы и поетъ... Уйди, Мелеандръ, мнѣ надо поговорить съ ней наединѣ. Она открываетъ мнѣ то, чего не можетъ еще сказать тебѣ. Къ тому-же истина сходитъ съ неба во всей красотѣ только въ присутствіи двухъ существъ.

(Мелеандръ уходитъ. Молчаніе, затѣмъ слышенъ голосъ Селизеты, которая постепенно приближается).

(Голосъ Селизеты).

Когда женихъ ушелъ
(Дверь тихо повернулась).
Когда женихъ ушелъ,
Невѣста улыбнулась...
Когда женихъ пришелъ
(Лампада догорѣла),
Когда женихъ пришелъ,
Другая тамъ сидѣла...
И я видала смерть
(Душа его страдала).
И я видала смерть.
Что молча ожидала...

(Входитъ Селизета).

Аглавэна. О! Селизета, какъ ясны и широко раскрыты твои глаза въ это утро!..

Селизета. Это потому, что у меня явилась прекрасная мысль, Аглавэна...

Аглавэна. Открой мнѣ ее, Селизета; хорошую мысль не надо прятать: она радуетъ весь міръ...

Селизета. Пока еще я не могу сказать тебѣ, Аглавэна...

Аглавэна. А все-таки скажи мнѣ ее, Селизета, быть можетъ я помогу тебѣ...

Селизета. Это-то меня и мучаетъ, Аглавэна; я хотѣла-бы открыть кому-нибудь... одна я ничего не знаю... но едва высказанная, моя мысль потеряетъ красоту...

Аглавэна. Не знаю, что-бы это могло быть, Селизета, но мнѣ кажется, что прекрасная мысль становится еще прекраснѣе, когда ею восторгаются другіе...

Селизета. Видишь Аглавэна!.. У «маленькой Селизеты» есть тоже тайна, которую она съумѣетъ беречь... Но что-бы ты сдѣлала на мѣстѣ маленькой Селизеты, еслибъ другая Аглавэна, еще прекраснѣе тебя, неожиданно пришла цѣловать Мелеандра?

Аглавэна. Мнѣ кажется, я бы старалась быть счастливой, какъ еслибы кто-нибудь внесъ больше свѣта въ комнату. Старалась-бы любить ее, какъ ты любишь меня, Селизета!..

Селизета. Ты-бы не ревновала?

Аглавэна. Не знаю, Селизета... въ глубинѣ души и на одну минуту... но я поняла-бы, что это нехорошо и постаралась-бы стать счастливой...

Селизета. Я на порогѣ счастья, Аглавэна.

Аглавэна. Ни одной минуты тебѣ не слѣдуетъ быть несчастной, Селизета...

Селизета. Я была-бы совсѣмъ счастлива, если-бы знала, что моя мысль хороша.

Аглавэна. Почему не быть ей хорошей, если она дѣлаетъ тебя счастливой?..

Селизета. Это такъ трудно узнать, Аглавэна; я совсѣмъ одна.

Аглавэна. Почему не сказать мнѣ? я увѣрена, что смогу помочь.

Селизета. Да, да; ты-бы мнѣ помогла... но мнѣ хотѣлось, чтобы ты помогла, не зная...

Аглавэна. И такъ ты хочешь скрыть отъ меня, Селизета?..

Селизета. Я скрываю отъ тебя нѣчто съ тѣмъ, чтобы открыть тебѣ, когда оно станетъ прекраснымъ.

Аглавэна. Когда-же станетъ оно прекраснымъ?

Селизета. Когда я буду знать... когда я буду знать... и маленькая Селизета можетъ быть прекрасной... увидишь, увидишь... О! вы будете оба любить меня еще сильнѣе...

Аглавэна. Развѣ можно тебя любить еще сильнѣе, Селизета?..

Селизета. Какъ-бы я хотѣла знать, что сдѣлала-бы ты на моемъ мѣстѣ?..

Аглавэна. Я готова объяснить, Селизета.

Селизета. Если-бъ я открыла тебѣ, это уже было-бы не то, и ты не могла-бы сказать мнѣ правду.

Аглавэна. Развѣ я не всегда говорю правду?

Селизета. Да, я знаю, но ты не могла-бы ее сказать.

Аглавэна. Какая ты сегодня странная, Селизета. Остерегайся, ты можешь ошибиться.

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ! позволь мнѣ поцѣловать тебя, Аглавэна... чѣмъ чаще я буду цѣловать тебя, тѣмъ сильнѣе буду увѣрена, что не ошибусь.

Аглавэна. Я никогда не видѣла тебя съ такими ясными глазами, какъ сегодня, моя маленькая Селизета... можно сказать, что душа твоя опьянена.

Селизета. Твои глаза тоже яснѣе обыкновеннаго, Аглавэна, но ты не глядишь на меня...

Аглавэна. Мнѣ также хотѣлось сказать тебѣ нѣчто, Селизета...

Селизета. О! что такое, Аглавэна?.. ты какъ будто не смѣешь... быть можетъ, то-же самое?..

Аглавэна. Что, Селизета?

Селизета. Ничего, ничего... я болтаю, я болтаю... но скажи мнѣ, что такое...

Аглавэна. Боюсь опечалить тебя, Селизета. Хотя оно должно сдѣлать тебя счастливой.

Селизета. Больше никогда не плакать мнѣ, Аглавэна...

Аглавэна (*беретъ ее за руку*). Что такое, Селизета? Ты это сказала страннымъ тономъ...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ... Я не буду больше плакать, вотъ и все; развѣ это не естественно?

Аглавэна. Дай мнѣ заглянуть въ твои глаза...

Селизета. Смотри, смотри... что ты видишь въ нихъ?

Аглавэна. Напрасно говорятъ, что душа является въ глазахъ, когда въ нихъ смотрятъ. Вѣрнѣе то, что она убѣгаетъ. И, когда полная опасеній, которыхъ не смѣю высказать, я какъ теперь погружаю взоръ въ прозрачную воду твоихъ глазъ, мнѣ кажется, что, вмѣсто отвѣта на мой вопросъ, они сами робко спрашиваютъ: «что ты видишь въ нихъ?»

(*Молчаніе*).

Селизета. Аглавэна?..

Аглавэна. Селизета?

Селизета. Что хотѣла ты сказать мнѣ?..

Аглавэна. Приди въ мои объятія, маленькая Селизета, у которой я чуть не отняла все, чѣмъ она владѣетъ...

Селизета. Ты печальна, Аглавэна?..

Аглавэна. Нѣтъ, я не печальна, потому что ты скоро будешь счастлива...

Селизета. У тебя въ глазахъ крупныя слезы, и я хочу осушить ихъ...

Аглавэна. Не безпокойся, моя Селизета. Если-бы ты заплакала, я осушила-бы твои слезы раньше, чѣмъ свои... Сядемъ здѣсь, у порога башни, и дай мнѣ поцѣловать тебя крѣпче, чѣмъ въ тотъ вечеръ, когда мы говорили въ первый разъ... Помнишь тотъ вечеръ на краю бассейна? Прошло болѣе мѣсяца, моя бѣдная Селизета; многое съ тѣхъ поръ умерло, многое родилось, и душа видитъ яснѣе. Дай мнѣ твои губы, Селизета, чтобы я могла поцѣловать ихъ по-человѣчески, какъ только можетъ цѣловать одинъ смертный другого... У насъ не будетъ больше такихъ минутъ, потому что завтра я ухожу, а все, что дѣлается въ послѣдній разъ, кажется нашему бѣдному сердцу глубокимъ и значительнымъ...

Селизета. Ты уходишь завтра?

Аглавэна. Да, завтра, Селизета. Это я и хотѣла сообщить тебѣ... вначалѣ я думала скрыть отъ тебя и даже солгать, чтобы отсрочить твою скорбь... но я вижу тебя такой прекрасной и такъ высоко люблю тебя, что не въ силахъ уберечь тебя отъ страданій, которыя приблизятъ тебя еще больше къ намъ... Кромѣ того, когда люди уже попробовали, подобно намъ въ эти три мѣсяца, жить въ правдѣ и красотѣ душевной, атмосфера мѣняется, и нѣтъ уже никакой возможности произнести ложь... Думая о тебѣ, я чувствовала, что это невозможно... Вотъ почему я говорю тебѣ, что ухожу завтра для того, чтобы ты стала счастливой. Говорю тебѣ просто, чтобы ты знала, что я страдаю, удаляясь, и чтобы ты также участвовала въ жертвѣ. Мы всѣ трое приносимъ жертву чему-то такому, что не имѣетъ даже имени, но что сильнѣе насъ... Не странно-ли, Селизета? я люблю тебя, люблю Мелеандра, Мелеандръ любитъ меня, любитъ и тебя, ты любишь насъ обоихъ,—а между тѣмъ мы не могли-бы жить вмѣстѣ счастливые, потому что не насталъ еще часъ, когда люди могли-бы соединиться такимъ образомъ... Я ухожу и прошу принять мой отъѣздъ такъ же, какъ я его предлагаю... Принимая его такъ, моя бѣдная Селизета, ты поступишь такъ же прекрасно, какъ я, и твоя жертва будетъ, быть можетъ, больше моей. Вѣдь тотъ, для кого жертвуютъ, не такъ счастливъ, какъ тотъ, кто приноситъ жертву... Люблю тебя, моя Селизета, и хочу какъ можно сильнѣе обнять тебя... Не кажется-ли тебѣ теперь, когда мы такъ обнимаемъ другъ друга, проникнутыя обѣ простѣйшей правдой души, не кажется-ли тебѣ, что мы прикасаемся къ чему-то, что гораздо больше насъ?..

Селизета. Не уѣзжай завтра, Аглавэна...

Аглавэна. Почему не завтра, если надо уѣхать?..

Селизета. Прошу тебя, не уѣзжай раньше, чѣмъ я открою...

Аглавэна. Ты откроешь скоро?

Селизета. Да, теперь я увѣрена... Знаетъ-ли Мелеандръ о томъ, что ты сейчасъ говорила?

Аглавэна. Да.

Селизета. Я больше не грустна, Аглавэна...

Аглавена. Что-бы ты сдѣлала, Селизета, если-бы я ушла, ничего не сказавъ?

Селизета. Я послѣдовала-бы за тобой и привела-бы обратно. Аглавэна...

Аглавэна. А если-бы не нашла меня?

Селизета. Я искала-бы всю жизнь, Аглавэна...

Аглавэна. Боюсь, чтобы ты не ушла раньше меня и чтобы это и не была та мысль, о которой ты говорила...

Селизета. Это была-бы несчастная мысль, а у меня счастливая,— Аглавэна... Вначалѣ и я думала уйти не говоря ни слова, но теперь...

Аглавэна. Теперь ты не уйдешь?

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, моя Аглавэна, я не покину замка...

Аглавэна. Ты обѣщаешь мнѣ это отъ глубины души?

Селизета. Да, Аглавэна, и клянусь спасеньемъ своей души...

Аглавэна. Ужъ не лучше ли было мнѣ совсѣмъ не являться сюда...

Селизета. Если-бы ты не пришла, я никогда не была-бы ни счастлива, ни несчастна, была-бы ничѣмъ...

Аглавэна. Кто знаетъ, вправѣ-ли мы пробуждать тѣхъ, кто спитъ? Особенно если ихъ сонъ былъ такъ невиненъ и нѣженъ...

Селизета. Должно быть вправѣ, Аглавэна, потому что они сами не хотятъ больше уснуть... Мнѣ хочется спрятаться отъ стыда при мысли о времени, когда я ничего не видѣла... Я цѣловала Мелеандра, какъ маленькая слѣпая, и ничего не знала... Моя-ли въ томъ вина, что я такая ничтожная?.. Но теперь... Эту ночь я смотрѣла, какъ онъ спитъ... потомъ... Могу я сказать тебѣ, Аглавэна?..

Аглавэна (*цѣлуетъ ее*). Селизета, моя маленькая, Селизета...

Селизета. Потомъ я, не разбудивъ, поцѣловала его... Въ то-же время сквозь синеву оконъ я видѣла звѣзды. Казалось, будто всѣ эти звѣзды спустились, чтобы создать небо въ моей душѣ... О! моя бѣдная Аглавэна! ты никогда не узнаешь, потому что знала это раньше... Но имѣть возможность сказать «люблю тебя» тому, кого любишь!.. Я понимаю... Не знаю, почему влечетъ меня все время уйти или умереть... Я счастлива и хотѣла-бы умереть, чтобы стать еще счастливѣе...

Аглавэна. Опасно думать о смерти, когда бываешь слишкомъ счастливъ... Сознаться-ли?.. Одну секунду я боялась, что мысль, о которой ты говорила...

Селизета. Да...

Аглавена. Боялась, чтобы она не была этой мыслью...

Селизета. Не бойся, Аглавэна, то была-бы мысль совсѣмъ маленькой дѣвочки...

Аглавэна. Да, то была бы мысль, достойная маленькихъ слѣпыхъ сердецъ, которыя не могутъ доказать свою любовь иначе, какъ посредствомъ смерти... Напротивъ, когда любишь, надо жить; чѣмъ сильнѣе любишь, тѣмъ необходимѣе жить... И затѣмъ я знала, что ты слишкомъ любишь насъ, чтобы любить такъ... И дѣйствительно, если-бы кто желалъ сдѣлать несчастными два существа, онъ не могъ-бы поступить болѣе жестоко, какъ помѣстивъ между ними такую невинную смерть.

Селизета. Хочешь-ли, чтобы и я, въ свою очередь, призналась тебѣ, Аглавэна.

Аглавэна. Надо во всемъ признаться, какъ я призналась, моя маленькая Селизета... такъ хорошо, когда между двумя существами нѣтъ ничего, хотя-бы даже цвѣтка, за которымъ могла-бы спрятаться нераздѣленная мысль...

Селизета. Одну минуту я хотѣла...

Аглавэна. Умереть?

Селизета. Да; прежде... Я сейчасъ-же сказала себѣ то, что ты только-что говорила; тогда я нашла другое...

Аглавэна. Что ты нашла?

Селизета. О! совсѣмъ другое, обращенное къ жизни... Но сказать еще не время... Ты увидишь... Цѣлую тебя, Аглавэна... не знаю, что со мной... можно бы сказать, что моя душа... Ты ли это сказала? Можно бы сказать, что моя душа опьянена... Наконецъ-то я знаю, что сдѣлала-бы ты на моемъ мѣстѣ...

(Уходятъ, обнявшись).

АКТЪ IV.

Сцена I.

Терраса, нависшая надъ моремъ. Входятъ и встрѣчаются Аглавэна и Селизета.

Аглавэна. Надъ моремъ восходитъ солнце, Селизета. Видишь-ли спокойную и глубокую радость волнъ? Не кажется-ли тебѣ, что ты теперь одна въ мірѣ, среди свѣжести и прозрачной тишины зари, что всякое твое слово связано съ этой зарей.

День будетъ необыкновенно ясенъ, Селизета. Должна-ли я уѣхать сегодня?

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ; ты не уѣдешь...

Аглавэна. Какъ ты прекрасна... Ты становишься прекраснѣе съ каждой зарей, Селизета... Не скажешь-ли ты, что тебя такъ мѣняетъ, чтобы

и я приняла участіе въ твоей красотѣ, прежде, чѣмъ уйти?.. Душа-ли твоя опьянена невинностью, или ты молилась Богу, котораго я не вѣдаю, или-же ты полюбила, какъ никогда донынѣ?..

Селизета. Да, мнѣ кажется, что я люблю сильнѣе, Аглавэна...

Аглавэна. Я пошла къ тебѣ на встрѣчу, потому что увидѣла тебя изъ окна своей комнаты... Я боялась, Селизета... Ты наклонилась, ты свѣсилась всѣмъ своимъ тѣломъ надъ старой разрушенной стѣной съ верхушки башни... На мгновеніе мнѣ показалось, что камни поколебались... Я поблѣднѣла и похолодѣла... Я чувствовала, что душа готова улетѣть съ моимъ дыханіемъ.

Я открыла окно и долго кричала, чтобы предупредить тебя, но ты не понимала... Не искушай такъ угрюмой судьбы. Что ты дѣлала на верху?—Вотъ уже третій разъ я тебя вижу тамъ... Твои руки, казалось, царапали камни... Что это было, Селизета? Ты, какъ будто, искала чего-то въ пространствѣ...

Селизета. Я въ самомъ дѣлѣ искала чего-то... Ты не знаешь еще?.. Но не бойся, бояться нечего... Моя старая башня крѣпче, чѣмъ думаютъ, и переживетъ всѣхъ насъ... И почему на нее за это сердиться? Она никому еще не дѣлала зла. Я знаю лучше другихъ, что камни не двигаются съ мѣста... Но ты ее не видѣла?.. Итакъ, ты ничего не знаешь, что дѣлается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тебя?.. Уже пять или шесть дней прилетѣла къ намъ неизвѣстная птица, которая безъ устали вьется вкругъ моей башни... У нея зеленыя крылья, но такого страннаго зеленаго цвѣта и такія блѣдныя, что нельзя себѣ объяснить... И еще нельзя себѣ объяснить того, что она ростетъ съ каждымъ днемъ... Никто не могъ мнѣ сказать, откуда она... Мнѣ кажется, что она свила свое гнѣздо въ разсѣлинѣ стѣны. Какъ разъ подъ тѣмъ мѣстомъ гдѣ ты меня видѣла...

Аглавэна. Этотъ большой и золотой ключъ, съ которымъ ты играешь, отъ башни?..

Селизета. Конечно. Помнишь, онъ упалъ въ тотъ день, когда ты пріѣхала...

Аглавэна. Хочешь дать его мнѣ?..

Селизета. Дать его?.. Зачѣмъ?..

Аглавэна. Мнѣ хотѣлось-бы сохранить его до отъѣзда...

Селизета. Зачѣмъ-же, Аглавэна?

Аглавэна. Не знаю навѣрно... Не взбирайся болѣе на верхъ до моего отъѣзда, Селизета, и не заботься болѣе о птицѣ съ зелеными крыльями... Мнѣ снился нехорошій сонъ, гдѣ она была замѣшана...

Селизета. Бери, Аглавэна... Я нисколько не дорожу имъ... Онъ тяжелый. Аглавэна...

Аглавэна. Онъ въ самомъ дѣлѣ тяжелый, Селизета...

Селизета. Поцѣлуй меня, Аглавэна... Я сдѣлала тебѣ больно?..

Аглавэна. Нѣтъ, пока еще ты никому не дѣлала больно... Твои глаза полны слезъ...

Селизета. Это отъ того, что я смотрѣла на солнце, цѣлуя тебя, Аглавэна... Поцѣлуй меня еще... Я хочу видѣть Мелеандра, онъ сказалъ, что встанетъ рано... До свиданія, Аглавэна...

Аглавэна (*медленно*). До свиданія, Селизета... (*Селизета уходитъ. Аглавэна ждетъ пока она удалится, подходитъ къ краю террассы, съ минуту глядитъ на золотой ключъ и затѣмъ рѣзкимъ движеніемъ бросаетъ его далеко въ море. Затѣмъ уходитъ*).

Сцена II.

Комната въ замкѣ. Въ глубинѣ видна спящая Мелиграна.—Входитъ Селизета, держа за руку маленькую Исалину.

Селизета. Мы поцѣлуемъ раньше бабушку; кто будетъ ее цѣловать, когда мы уйдемъ? а между тѣмъ она нуждается въ поцѣлуяхъ, какъ и другіе... Но не говори ни о чемъ... Аглавэна взяла у меня ключъ отъ нашей башни, потому что боялась... Но я нашла другой, тотъ, который считали потеряннымъ... А потомъ мы и подымемся, такъ чтобы никто не зналъ. Я поймаю зеленую птицу...

Исалина. Ты дашь мнѣ ее сейчасъ-же?

Селизета. Дамъ, если ты не будешь говорить... Но будь осторожна.. Я разбужу бабушку... Кажусь-ли я несчастной, Исалина?

Исалина. Что мнѣ сказать, чтобы ты была счастлива, сестрица?

Селизета. Ты должна говорить правду... Не надо, чтобы бабушка подумала, что я несчастна... Видишь-ли, часто, когда самъ бываешь очень счастливъ, люди ошибаются и думаютъ, что ты плакалъ.. Не видно, что я плакала?

Исалина. Дай мнѣ разглядѣть, сестрица...

Селизета. Ничего не видно?

Исалина. Наклонись еще немного, сестрица...

Селизета. Подожди, я подыму тебя и поцѣлую... Ты не видишь?

Исалина. Нельзя узнать, когда ты плачешь, сестрица. Ты не плачешь громко.

Селизета. Но я совсѣмъ не плакала... Вѣроятно, въ глазъ попала пылинка или что-нибудь другое, чего не видно. И еще помни, когда сегодня безъ меня тебя будутъ спрашивать: «Что она говорила, что дѣлала и была-ли блѣдна и печальна?», то не надо сразу отвѣчать, если видишь, что окружающіе боятся или слишкомъ блѣдны... Надо говорить, что я казалась счастливой, вѣдь это ясно, я все время улыбаюсь... никогда нельзя скрывать правду... Теперь будемъ благоразумны, я подхожу

къ бабушкѣ... О! она кажется покинутой всѣми! (*Приближается къ Мелигранѣ и долго цѣлуетъ ее*). Бабушка... (*Мелиграна не просыпается*). Это я, бабушка... Погружена въ глубокій сонъ... Бабушка, я пришла проститься съ тобой...

Мелиграна (*просыпается*). А! это ты, Селизета?..

Селизета. Да бабушка. Мы съ Исалиной пришли поцѣловать тебя. Мы идемъ сегодня гулять...

Мелиграна. Куда вы идете?

Селизета. Незнаю еще, мы собираемся пойти дальше обыкновеннаго... Раньше вечера мы не возвратимся... Все-ли есть у тебя, что надо, бабушка?.. Аглавэна придетъ ухаживать за тобой, вмѣсто меня... Не хочешь-ли, я поправлю подушки, прежде чѣмъ уйти?.. Только я одна умѣю приподнять тебя, не причиняя боли. Но Аглавэна научится... Она такая добрая, что все сразу пойметъ, если ты позволишь ей ухаживать... Хочешь, я позову ее?

Мелиграна. Нѣтъ, нѣтъ, я посплю до твоего прихода.

Селизета. Прощай, бабушка, прощай...

Мелиграна. До свиданія, Селизета, возвращайся до наступленія ночи... (*Селизета торопливо уходитъ, увлекая маленькую Исалину за руку*).

Сцена III.

Коррндоръ въ замкѣ. Мелеандръ встрѣчается съ Селизетой, которая ведетъ за руку маленькую Исалину.

Мелеандръ. Куда ты спѣшишь, Селизета?

Селизета. Никуда, Мелеандръ... Мы ищемъ тѣни...

Мелеандръ. Правда, камни кажутся сегодня расплавлеными въ горнилѣ стѣнъ, море подобно пылающему озеру и даже вѣчная прохлада лѣсовъ напоминаетъ прохладу въ тѣни костра. А солнце подобно свирѣпому льву, который пожираетъ великое небо... Поцѣлуй меня, Селизета, твои поцѣлуи, вотъ единственное, что намъ осталось отъ утреннихъ розъ...

Селизета. Нѣтъ; у меня нѣтъ времени. Меня ждутъ. Ты поцѣлуешь меня сегодня вечеромъ.

Мелеандръ. Что съ тобой, Селизета?

Селизета. О! это такъ неважно, и такъ скоро прошло!..

Мелеандръ. Что ты говоришь?

Селизета. Ничего, ничего... Поцѣлуй меня, но скорѣй. (*Страстно цѣлуетъ его*).

Мелеандръ. О!.. на губахъ у меня кровь...

Селизета. Что?

Мелеандръ. Кровь пошла... Твои красивыя маленькіе зубки ранили меня, Селизета...

Селизета. О! я маленькая... я маленькая волчица... Тебѣ больно, Мелеандръ?..

Мелеандръ. Напротивъ... Ничего... пройдетъ..

Селизета. О! я маленькая... маленькая волчица... Который часъ?

Мелеандръ. Скоро полдень.

Селизета. Полдень? у меня нѣтъ больше времени... меня ждутъ, ждутъ... Прощай, мой Мелеандръ...

Мелеандръ. Селизета, Селизета, куда идешь ты?

Селизета (*поспѣшно уходитъ съ маленькой Исалиной и поетъ*):

Когда женихъ ушелъ.
(Дверь тихо повернулась),
Когда женихъ ушелъ,
Невѣста улыбнулась...

(*Мелеандръ слѣдитъ за ней, затѣмъ уходитъ*).

Сцена IV.

На вершинѣ башни. Входятъ Селизета и маленькая Исалина.

Селизета. Наконецъ-то мы на верхушкѣ башни, Исалина. Вотъ, когда надо знать, что дѣлать... О какъ въ это утро свѣтло на небѣ, на землѣ и на морѣ! Почему нынѣшній день прекраснѣе всѣхъ дней на свѣтѣ?..

Исалина. Гдѣ-же зеленая птица?

Селизета. Здѣсь, но ея еще не видать... Мы наклонимся сейчасъ надъ стѣной, но раньше посмотри сюда... Весь замокъ виденъ съ окружающими его дворами, садами и лѣсомъ... всѣ цвѣты на краю бассейна распустились... О! какъ, зелена въ это утро трава!.. Не вижу нигдѣ Аглавэны... О! видишь-ли, тамъ Мелеандръ?.. Онъ ждетъ ее... Наклонись, спрячемся, не надо, чтобы они насъ здѣсь видѣли... Онъ на краю резервуара: тамъ я разбудила Аглавэну...

Исалина. Сестрица, сестрица, посмотри сюда. Я вижу садовника, онъ сѣетъ цвѣты вокругъ дома...

Селизета. Ты увидишь, какъ они подымутся и распустятся, Исалина, и ты будешь срывать ихъ для меня... Идемъ, идемъ, я больше не могу... Посмотримъ сюда. Видно только отдаленное море .. (*Она проходитъ на другую сторону башни*). Оно сегодня слишкомъ прекрасно... Въ это утро не найти грустнаго уголка... Оно такъ прекрасно, такъ зелено и такъ глубоко, что не хватаетъ духу... И затѣмъ, моя маленькая Исалина, все это не помѣшаетъ ему улыбаться до вечера... Видишь-ли, маленькая, волны на берегу... Не могу, не могу, говорю тебѣ!.. Цвѣты и море помѣшали мнѣ... Никогда не смогу сдѣлать это днемъ...

Исалина. О! вотъ чайки, сестрица, чайки прилетѣли!.. О! О! сколько ихъ! сколько ихъ! двѣ тысячи!..

Селизета. Онѣ прилетѣли съ другого конца моря... Можно подумать, что онѣ приносятъ новости...

Исалина. Нѣтъ, нѣтъ, онѣ несутъ рыбу, сестрица... А въ щеляхъ стѣнъ кричатъ маленькія... Клювъ у нихъ больше ихъ самихъ... Здѣсь, здѣсь, видишь большая несетъ угря?.. Не видишь?.. Эта, эта... Онѣ его уже съѣли и того тоже... А большія ничего не ѣдятъ... Еще видишь?.. Большая ничего не оставила для себя... Это мать, сестрица?

Селизета. Что я сказала бабушкѣ, Исалина?

Исалина. Почему ты плачешь, сестрица?

Селизета. Я не плачу, Исалина, я думаю, думаю... Поцѣловала-ли я бабушку прежде, чѣмъ уйти?

Исалина. Да, уходя, ты поцѣловала ее.

Селизета. Сколько разъ?

Исалина. Одинъ разъ, сестрица, у насъ не было времени...

Селизета. Кажется, я не была нѣжна...

Исалина. Мы страшно торопились, сестрица...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, такъ я не могу... Она будетъ совсѣмъ одна, Исалина, и не сможетъ вспомнить ничего другого... Видишь-ли, когда уходишь и прощаешься съ людьми не такъ нѣжно, какъ обыкновенно, они думаютъ, что ихъ не любятъ больше... А надо думать совсѣмъ не то: боишься быть нѣжной именно потому, что слишкомъ любишь... Правда, что въ такихъ случаяхъ ошибаешься... Они могутъ прожить тысячу лѣтъ и всегда будутъ слышать только послѣднее сказанное слово. Я сама видѣла это, когда мать ушла... Она не улыбнулась мнѣ въ послѣднюю минуту и я всегда вижу, что она не улыбнулась мнѣ... Можно сказать, что вся остальная жизнь не въ счетъ. И потомъ что я сказала объ Аглавэнѣ?.. Не помню... Надо снова увидѣть бабушку... Другое дѣло *они*. Все это для нихъ и ненужно, чтобы они знали... Но она совсѣмъ одна: и не ради нея поднялась я на башню и спущусь внизъ... Понимаешь,—невозможно... Идемъ, идемъ, поцѣлуемъ ее покрѣпче...

(*Уходятъ*).

Сцена V.

Комната въ замкѣ. Мелиграна спитъ. Входятъ Селизета и маленькая Исалина.

Селизета (*будитъ Мелиграну*). Бабушка...

Мелиграна. Наконецъ-то ты вернулась, Селизета... Ты заставила себя долго ждать...

Селизета. Прости меня, бабушка, я кажется была не довольно нѣжна...

Мелиграна. Нѣтъ, нѣтъ. моя Селизета, ты была очень нѣжна... Что случилось? Ты кажешься испуганной...

Селизета. Я не испугана, бабушка. но мнѣ необходимо было сказать, что я люблю тебя...

Мелиграна. Знаю, Селизета. ты не разъ доказала мнѣ это. И я никогда не сомнѣвалась...

Селизета. Да, бабушка. Но я сама до сихъ поръ не знала...

Мелиграна. Подойди поближе, дитя мое, ты знаешь, я не могу обнять тѣхъ, кого люблю, мои руки не повинуются мнѣ... Поцѣлуй меня два раза, потому что ты одна цѣлуешь... Ты кажешься мнѣ сегодня странной, Селизета... Такъ ты еще не знала. что любишь меня?..

Селизета. Нѣтъ. нѣтъ, я знала. Но иногда долго знаешь, не сознавая... И вдругъ говоришь себѣ, что ты не была добра, что можно было сдѣлать больше и что любила не такъ, какъ надо любить... Хотѣлось-бы начать снова, пока не поздно... У меня нѣтъ ни отца, ни матери, бабушка, и я забыла-бы, что значитъ мать, если-бы не ты... Ты не покидала своей маленькой Селизеты, и я была такъ счастлива, зная къ кому можно придти въ минуты горя...

Мелиграна. Нѣтъ, нѣтъ, моя Селизета; это ты не покидала меня...

Селизета. Нѣтъ, бабушка, нѣтъ... Я отлично знаю, что это ты не уходила отъ меня...

Мелиграна. У тебя сегодня строгій видъ, Селизета, и однако не думаю, чтобы ты была грустна...

Селизета. Я была всегда такъ счастлива, моя бабушка. Теперь вѣдь я знаю, каково можетъ быть счастье...

Мелиграна. Не потому-ли, что ты его потеряла, Селизета?

Селизета. Напротивъ, я, кажется, нашла его, бабушка... А ты, бабушка, была счастлива?

Мелиграна. Когда, Селизета?

Селизета. Въ прежнее время, бабушка...

Мелиграна. О какомъ времени говоришь ты, дитя мое?..

Селизета. О времени жизни, моя бабушка...

Мелиграна. Были и печальные дни въ моей жизни, дитя мое, какъ у всѣхъ на землѣ. Но могу сказать, что была счастлива, потому что ты не покидала нашего дома...

Селизета. Не надо, чтобъ счастье зависѣло отъ этого, бабушка... И такъ, безъ меня для тебя счастья нѣтъ?

Мелиграна. Ты сможешь быть счастливой, когда меня не будетъ, мое дитя, тебѣ столько остается...

Селизета. Уйду я, и у тебя останется Аглавэна, бабушка.

Мелиграна. Она никогда не спала на моихъ колѣняхъ, Селизета...

Селизета. Все-же люби ее, бабушка...

Мелигана. Люблю потому, что ты любишь, дитя мое.

Селизета. Надо любить ее особенно за то, что она сдѣлала меня счастливой... Она такъ прекрасна, бабушка, такъ прекрасна, что съ тѣхъ поръ, какъ я узнала ее своимъ сердцемъ, у меня слезы не высыхаютъ на глазахъ...

Мелигрaна. Какъ горятъ сегодня твои руки, Селизета...

Селизета. Оттого, что я слишкомъ счастлива, бабушка...

Мелигрaна. Люблю тебя, моя Селизета...

Селизета. Причиняла-ли я тебѣ когда нибудь боль, бабушка?

Мелигрaна. Не припомню, дитя мое...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, ты должна вспомнить... боль причиняешь всѣмъ, кого любишь... Но ты должна, сказать, когда я сдѣлала тебѣ всего больнѣе...

Мелигрaна. Ты дѣлала мнѣ немного больно, только тогда, когда плакала. Но не твоя вина была, что ты плакала... Вотъ все, что припоминаю...

Селизета. Тебѣ больше не видать моихъ слезъ, бабушка...

Мелигрaна. Видишь-ли, Селизета, счастье среди людей то приходитъ, то уходитъ, подобно маятнику на башенныхъ часахъ и потому плакать нужно какъ можно позже...

Селизета. Ты права, бабушка... и когда счастье къ вамъ вернется, къ нимъ обоимъ и къ тебѣ, бабушка, ты соберешь ихъ вечеромъ вокругъ себя и разскажешь имъ сказку о маленькой дѣвочкѣ...

Мелигрaна. Что ты говоришь, Селизета?

Селизета. Ничего, ничего, бабушка, я мечтала о томъ времени, когда была еще маленькой...

Мелигрaна. И я часто думаю о томъ времени, дочь моя... Я не была тогда больна и могла носить тебя на своихъ рукахъ или сопровождать тебя... Ты уходила, приходила, хохотала въ залахъ или открывала двери и испуганно кричала: «Она приближается, приближается, она здѣсь!» Никто не зналъ, о комъ ты говоришь, пугаясь такъ. Ты и сама не знала. И я, притворно изображая ужасъ, шла за тобой по длиннымъ корридорамъ, до порога сада... Все это было не важно, дитя мое, и ничѣмъ не кончалось, но мы понимали другъ друга и улыбались днемъ и ночью... Благодаря тебѣ, уже не красивая, я вторично стала матерью. Современемъ и ты узнаешь, что женщина никогда не устаетъ быть матерью и что она готова качать самую смерть, если-бы та спала на ея колѣняхъ... Но все мало по-малу проходитъ, Селизета, и самые маленькіе становятся большими...

Селизета. Знаю, бабушка; страданія тоже приходятъ, проходятъ и уходятъ... Но красота остается и другіе счастливы...

Мелигрaна. Кто сказалъ тебѣ это, мое дитя?

Селизета. Все это сказала мнѣ Аглавэна, бабушка...

Мелиграна. Какъ сверкаютъ твои глаза, Селизета...

Селизета (*заглушая рыданіе*). Это оттого, что я люблю весь міръ, бабушка...

Мелиграна. Мнѣ кажется, что ты плачешь, дитя мое...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, я не плачу... а если плачу немножко, то это отъ радости...

Мелиграна. Обними меня, Селизета, обними сильнѣе и останься подлѣ меня...

Исалина. Сестрица, я хочу, чтобы и меня поцѣловали...

Селизета (*осторожно отстраняетъ маленькую Исалину*). Нѣтъ, нѣтъ, моя Исалина, позволь мнѣ цѣловать сегодня ее одну... придетъ скоро день, когда и тебя будутъ цѣловать одну... прощай, бабушка, прощай...

Мелиграна. Селизета!.. что такое?.. куда ты?

Селизета (*освобождаясь*). Прощай, бабушка, прощай.

Мелиграна. Селизета, останься... Не хочу. Не хочу, чтобы ты ушла. (*Дѣлаетъ напрасныя усилія, чтобы подняться и двигать руками*). Не могу, не могу. Ты видишь, Селизета.

Селизета. И я не могу, бабушка.. прощай, бабушка, спи съ миромъ въ эту ночь и пусть не снятся тебѣ дурные сны... прощай, бабушка, прощай.

(*Торопливо уходитъ и увлекаетъ за руку маленькую Исалину*).

Мелиграна. Селизета!.. Селизета...

(*Въ сгущающейся тьмѣ слышны ея тихія рыданія*).

Сцена VI.

Корридоръ въ замкѣ. Входитъ Селизета, ведя за руку Исалину. Замѣтивъ Аглавэну, идущую навстрѣчу, она прячется съ Исалиной за колонны, поддерживающія своды.

Аглавэна (*приближается*). Это ты, Селизета? Почему ты прячешься?

Селизета. Не знаю сама, Аглавэна. Я думала, что тебѣ хочется быть одной.

Аглавэна. Куда идешь, Селизета? А вотъ и маленькая Исалина, которая лукаво смотритъ на меня. Вы замышляете что-то?

Селизета. Да. Я дала обѣщаніе, которое нужно исполнить.

Аглавэна. Куда ты ведешь Селизету, Исалина? (*Исалина не отвѣчаетъ*). Не хочешь сказать? А если я буду цѣловать тебя до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь!

Селизета. О! она умѣетъ хранить секреты, какъ взрослая.

Аглавэна. Не знаю, причиной-ли наступающій вечеръ, но ты кажешься страшно блѣдной, Селизета.

Селизета. Мнѣ хотѣлось-бы поцѣловать тебя, Аглавэна.

(*Долго цѣлуются*).

Аглавэна. О! у тебя добрыя и нѣжныя губы въ этотъ вечеръ. Селизета.

Селизета. И у тебя, Аглавэна... я гораздо счастливѣе: Есть сила на твоихъ губахъ.

Аглавэна. Ты свѣтишься, какъ маленькая лампа, Селизета.

Селизета. Ты не видала бабушки?

Аглавэна. Нѣтъ, развѣ надо посмотрѣть за ней?

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, не нужно, она теперь спитъ. Ты шла къ Мелеандру?

Аглавэна. Да; а ты, Селизета?

Селизета. Когда увидишь его, поцѣлуй за меня... я счастлива, при мысли, что ты будешь цѣловать его, когда меня не будетъ... я такъ люблю васъ, что ревновала-бы, еслибъ онъ никого не цѣловалъ.

Аглавэна. Это ты становишься болѣе прекрасной, Селизета.

Селизета. О! когда знаешь, оно такъ легко дѣлается, Аглавэна. Но развѣ не видишь, что Исалинѣ не терпится и что она тянетъ меня за руку? Прощай, моя Аглавэна, ты увидишь меня позже.

(*Выходитъ съ маленькой Исалиной. Слышно какъ она поетъ удаляясь*).

Когда женихъ пришелъ
(Лампада догорѣла),
Когда женихъ пришелъ,
Другая тамъ сидѣла...
И я видала... а!.. а!.. а!..

(*Пѣніе внезапно смолкаетъ. Аглавэна уходитъ*).

Сцена VII.

На вершинѣ башни. Входятъ Селизета и маленькая Исалина.

Селизета. Вотъ наступилъ часъ, моя маленькая Исалина. Я не сойду болѣе, чтобы еще улыбаться имъ. Холодно на башнѣ. Это сѣверный вѣтеръ заставляетъ сегодня свѣтиться волны на морѣ. Не видно цвѣтовъ, не слышно людей, куда печальнѣе, чѣмъ было утромъ.

Исалина. А птица, гдѣ она?

Селизета. Надо ждать, пока солнце не опустится въ самую глубь моря и пока не умретъ на горизонтѣ свѣтъ,—она боится свѣта. Она и солнце никогда еще не встрѣчались.

Исалина. А если появятся звѣзды, сестрица?

Селизета. А если появятся звѣзды?

(*Глядитъ на небо*).

Пока еще на небѣ нѣтъ звѣздъ, но онѣ готовы выглянуть со всѣхъ сторонъ. Надо спѣшить, когда онѣ покажутся, это будетъ еще ужаснѣе.

Исалина. Мнѣ холодно, сестрица.

Селизета. Сядемъ здѣсь, противъ стѣны, которая защититъ насъ отъ вѣтра. Будемъ сидѣть, пока послѣдняя красная полоска не погаснетъ въ морѣ. Видишь, какъ медленно погружается солнце? Когда оно скроется, я посмотрю. Дай, я заверну тебя въ свой бѣлый шарфъ, мнѣ онъ больше не нуженъ.

Исалина. Ты меня слишкомъ крѣпко цѣлуешь, сестрица.

Селизета. Потому, что я слишкомъ счастлива. Исалина. Никогда не была счастливѣе, чѣмъ сегодня. Посмотри на меня хорошенько. Развѣ я не прекраснѣе обыкновеннаго? Я улыбаюсь, улыбаюсь и чувствую это... а ты—не улыбаешься мнѣ?

Исалина. Нѣтъ, ты говоришь слишкомъ скоро, сестрица.

Селизета. Развѣ скоро? Это потому, что я спѣшу.

Исалина. Да, и еще ты рвешь мои цвѣты.

Селизета. Какіе цвѣты? О! эти... Я забыла, что они твои.

Исалина. Не хочу, чтобы ты плакала, сестрица.

Селизета. Но я не плачу, моя маленькая Исалина. Именно этого не нужно предполагать. У меня видъ плачущій, потому что я улыбаюсь.

Исалина. Но, почему твои глаза дѣлаютъ такъ, какъ будто плачутъ?

Селизета. Я не могу знать всего, что дѣлаютъ мои глаза. Но запомни хорошенько: если ты скажешь кому нибудь, что я казалась тебѣ грустной, ты будешь надолго наказана.

Исалина. Почему?

Селизета. Ты когда нибудь узнаешь причину. И не надо меня такъ спрашивать. Ты только маленькая дѣвочка, которая не можетъ понять всего, что другіе понимаютъ. И я въ твои годы ничего не понимала, даже долго потомъ... Я дѣлаю то, дѣлаю другое,—а самое важное вовсе не то, что ты замѣчаешь. Видишь-ли, моя маленькая Исалина, я не могу ничего сказать, а сказать надо, потому что такъ грустно знать одной.

Исалина. Солнца почти уже не видно, сестрица...

Селизета. Подожди, подожди еще, моя маленькая Исалина. По мѣрѣ того, какъ солнце уходитъ, приближается что-то другое. И мои глаза видятъ все яснѣе, по мѣрѣ того, какъ оно приближается... Не знаю, хорошо-ли я сдѣлала, взявъ тебя на эту башню; однако, надо было, чтобы кто-нибудь пришелъ сюда, такъ какъ есть такіе, которые захотятъ все узнать, и которые будутъ счастливы, лишь-бы не узнали всего... Все, что я говорю, сестрица, ты теперь не поймешь. Да, но придетъ день, когда ты поймешь все, когда увидишь все, чего не замѣчаешь теперь, покуда видишь. Тогда ты будешь печальна и не сможешь забыть того, что твои бѣдные глаза сейчасъ увидятъ. Но развѣ не нужно, чтобы ты смотрѣла, не понимая, для того, чтобы и другіе не понимали? Ты не сможешь не плакать, когда будешь большой и это будетъ висѣть надъ тобой всю жизнь. Вотъ почему сегодня, когда ты не понимаешь, я прошу

тебя простить мнѣ тѣ страданія, которыя придутъ, когда слишкомъ ясно поймешь...

Исалина. Стада возвращаются, сестрица.

Селизета. Завтра стада будутъ возвращаться такъ-же, Исалина.

Исалина. Да, сестрица.

Селизета. И завтра птицы будутъ пѣть такъ-же.

Исалина. Да, сестрица.

Селизета. И завтра цвѣты будутъ цвѣсти такъ-же.

Исалина. Да, да, сестрица.

Селизета. Почему нужно, чтобы это была младшая?..

Исалина. Осталась только маленькая красная полоска, сестрица.

Селизета. Ты права. Пора... Ты сама толкаешь меня. Звѣздамъ тоже не терпится... Прощай, моя Исалина, я очень, очень счастлива...

Исалина. И я, сестрица. Спѣши, сейчасъ появятся звѣзды.

Селизета. Не безпокойся, Исалина, онѣ больше не увидятъ меня. Встань и садись въ этотъ уголъ. Дай я свяжу на твоей груди концы шарфа, вѣтеръ такой холодный. Ты вѣдь любишь меня?—Нѣтъ, нѣтъ, не отвѣчай, я знаю... Я прикачу эти четыре огромныхъ камня, чтобы ты не могла приблизиться къ большому отверстію, откуда я высунусь. Если ты не будешь меня больше видѣть, не бойся; это значитъ, что мнѣ надобно сойти съ другой стороны. Не жди и сойди одна по каменной лѣстницѣ. А главное, не подходи къ стѣнѣ смотрѣть, что я дѣлаю. Ты ничего не увидишь и будешь наказана. Я буду ждать тебя внизу. Поцѣлуй меня, Исалина, ты скажешь бабушкѣ...

Исалина. Что сказать, сестрица?

Селизета. Ничего, ничего... Мнѣ казалось, что я забыла что-то.

(*Она подходитъ къ разрушенной стѣнѣ со стороны моря и высовывается*).

Селизета. О! море кажется холоднымъ и глубокимъ.

Исалина. Сестрица?

Селизета. Она здѣсь... Я вижу... Не двигайся.

Исалина. Гдѣ она?

Селизета. Подожди... подожди... Надо больше нагнуться... Исалина, Исалина!.. камни дрожатъ! Я падаю!.. О!..

(*Часть стѣны обрушивается. Слышенъ шумъ паденія и слабый крикъ боли, затѣмъ долгое молчаніе*).

Исалина (*плача поднимается*). Сестрица!.. сестрица!.. Гдѣ ты?.. Я боюсь, сестрица!..

(*Рыдаетъ одна на вершинѣ башни*).

АКТЪ V.

Сцена I.

Корридоръ въ замкѣ. Входятъ Аглавэна и Мелеандръ.

Мелеандръ. Она только что заснула, никакія мольбы не могли вызвать у докторовъ слова надежды,—они удалились. Она упала на кучу песку, которую сегодня вечеромъ нанесъ морской вѣтеръ, у самой подошвы башни, какъ будто нарочно для того, чтобы нѣжнѣе принять ее. Тамъ ее и нашли служанки, когда ты хотѣла пойти ей навстрѣчу по дорогѣ въ деревню. Не видно никакой раны, бѣдное тѣло не тронуто, но изо рта непрерывно течетъ струйка крови Когда она открыла глаза, она молча улыбнулась мнѣ.

Аглавэна. Но Исалина? Что сказала Исалина? Мнѣ говорили, что она была съ ней.

Мелеандръ. Я ее спрашивалъ. Ее нашли на вершинѣ башни — дрожащей отъ холода и страха. Она плача повторяетъ, что открылась стѣна, въ то время, какъ Селизета нагнулась, чтобы поймать пролетавшую птицу. Когда я встрѣтилъ ее сегодня, послѣ полудня, въ этомъ корридорѣ,—здѣсь, между этими двумя колоннами,—она казалась менѣе печальнѣй, чѣмъ обыкновенно. «Она казалась менѣе печальной, чѣмъ обыкновенно!» Развѣ эти слова не осуждаютъ насъ обоихъ? Все, что она намъ говорила, все, что дѣлала, выростаетъ теперь въ моей душѣ въ чудовищное подозрѣніе, которое разобьетъ мою жизнь! Любовь также жестока, какъ ненависть. Не вѣрю больше, не вѣрю!.. Все мое горе становится отвращеніемъ. Плюю на красоту, которая вызываетъ страданіе. Плюю на разумъ, который хочетъ быть слишкомъ прекраснымъ. Плюю на судьбу, которая ничего не хочетъ допустить. Плюю на слова, которыя обманываютъ скрытаго въ насъ звѣря. Плюю на жизнь, которая не прислушивается къ жизни!

Аглавэна. Мелеандръ...

Мелеандръ. Что ты хочешь отъ меня?

Аглавэна. Пойдемъ, пойдемъ. Я хочу ее видѣть. Это невозможно... Надо знать... Она сдѣлала не нарочно. Она не могла этого сдѣлать, потому что тогда...

Мелеандръ. Что тогда?

Аглавэна. Намъ надо узнать. Пойдемъ, пойдемъ. Все равно какъ... Она должна была слишкомъ страдать, чтобы прійти къ этому!.. я бы не знала тогда, не могла... (*Быстро уводитъ его*).

Сцена II.

Комната Селизеты. Селизета лежитъ на кровати. Входятъ Аглавэна и Мелеандръ.

Селизета (*слегка приподнимается*). Ты-ли это, Аглавэна? Ты-ли, Мелеандръ? Я ждала васъ обоихъ, чтобы стать счастливой...

Мелеандръ (*плача кидается къ постели*). Селизета!..

Селизета. Что съ вами?.. Вы оба плачете?

Аглавэна. Селизета! Селизета!.. Что ты сдѣлала?.. Я такая презрѣнная...

Селизета. Что такое, Аглавэна?.. Ты кажешься встревоженной... Развѣ я говорила что-нибудь, что дѣлаетъ тебя несчастной?!.

Аглавэна. Нѣтъ, нѣтъ, моя бѣдная Селизета... Не ты причиняешь страданія, это я несу съ собой смерть... Это я не сдѣлала того, что надо было сдѣлать...

Селизета. Не понимаю, Аглавэна... Что-же случилось?

Аглавэна. Я должна была знать это, Селизета. И кажется я знала... Въ тотъ день, когда мы говорили съ тобой... Вотъ уже болѣе недѣли, какъ въ моей душѣ не смолкаетъ какой-то голосъ, а я не знала, что дѣлать, не могла ничего найти въ то время, когда самое простое слово, которое могъ-бы сказать самый простой человѣкъ, спасло-бы твою жизнь, такъ страшно рвавшуюся къ жизни.

Селизета. Что-же ты знала?

Аглавэна. Въ тотъ день, когда ты говорила о своей мысли, Селизета... И сегодня утромъ и еще днемъ... я должна была прижать тебя къ сердцу, пока твоя мысль не упала-бы между нами, какъ сорванная кисть винограда... Надо было погрузить свои руки въ твою душу, чтобы розыскать смерть, которая, я подозрѣвала, живетъ тамъ... Надо было любовью оторвать что-то... Я ничего не сдѣлала. Смотрѣла, ничего не видя и, тѣмъ не менѣе, видя все... Послѣдняя деревенская дѣвушка нашла-бы поцѣлуи, чтобы спасти нашу жизнь!.. Я была непростительно труслива или непростительно слѣпа!.. Можетъ быть, въ первый разъ въ жизни я, какъ ребенокъ, бѣжала правды!.. Я не смѣю болѣе заглянуть въ себя. Прости меня, Селизета, потому что я не буду болѣе счастлива...

Селизета. Увѣряю тебя, что я не понимаю...

Аглавэна. Не бѣги и ты правды... Видишь, что случается, когда не прислушиваешься къ внутреннему голосу...

Селизета. Что-же тебѣ говорилъ внутренній голосъ?

Аглавэна. День и ночь, говорилъ онъ мнѣ, что ты ищешь смерти...

Селизета. Я не искала ея, моя Аглавэна. Она сама нашла меня, когда я не шла ей на встрѣчу...

Аглавэна. Она долго насъ жалѣла. Ты видишь, что она тебя не искала и даже бѣжала отъ тебя, когда ты гналась за ней...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, моя Аглавэна, она просто ждетъ, пока ты станешь счастливѣе...

Аглавэна. Долго-же ей ждать, моя добрая Селизета.

Селизета. Слушай, Аглавэна. Я рада, что ты пришла, чувствую, что не долго мнѣ быть въ памяти... Что-то у меня здѣсь, оно слегка мутитъ мой взоръ... Но то, что я сейчасъ скажу... не знаю сама, что скажу я... передъ смертью, знаешь-ли, приходятъ странныя мысли... Однажды я уже видѣла смерть. Теперь моя очередь... Поэтому не обращай вниманія на то, что я могу сказать... Но теперь я сознаю, что говорю. И одно это ты должна слушать и запомнить... Ты, кажется, сомнѣваешься, Аглавэна?..

Аглавэна. Въ чемъ я могла-бы сомнѣваться, моя бѣдная Селизета?

Селизета. Вѣришь-ли ты тому, что...

Аглавэна. Да...

Селизета. Вѣришь-ли, что я не нарочно упала?

Аглавэна. Я въ этомъ увѣрена, Селизета...

Селизета. Говорятъ, что нельзя лгать въ минуту смерти, Аглавэна. Вотъ почему я хочу сказать правду...

Аглавэна. Я знаю, что ты любишь насъ настолько, чтобы имѣть смѣлость сказать ее.

Селизета. Я упала не нарочно, моя Аглавэна. Твой-ли я слышу плачъ, Мелеандръ?

Аглавэна. Послушай меня и ты, Селизета... Ты знаешь, намъ извѣстна правда... Если я теперь спрашиваю, то не потому, что сомнѣваюсь. Но я хотѣла чтобы и у тебя не осталось сомнѣній... Моя бѣдная маленькая Селизета, преклоняюсь предъ тобой потому, что ты такъ прекрасна... Ты совершила самое прекрасное на что только способна любовь, когда она ошибается... Теперь-же прошу тебя, поступи еще прекраснѣе во имя другой любви, которая не ошибается... Ты держишь на своихъ устахъ глубокій миръ всей нашей жизни.

Селизета. О какомъ мирѣ говоришь ты, Аглавэна?

Аглавэна. О мирѣ такомъ грустномъ и такомъ глубокомъ, Селизета.

Селизета. Какъ я могу дать вамъ такой глубокій миръ, Аглавэна? Я не вижу, откуда почерпнуть его въ себѣ.

Аглавэна. Надо, чтобы ты просто сказала, что хотѣла умереть для нашего счастья...

Селизета. Хотѣла-бы сказать это, Аглавэна, но невозможно, это неправда. Думаешь-ли ты, что и въ минуту смерти такъ лгутъ?

Аглавэна. Прошу тебя, Селизета, не думай о смерти... Я обнимаю тебя. Я готова вдохнуть въ тебя свою жизнь. И невозможно, чтобы ты умерла, когда твоя душа такъ погружена въ мое живое дыханіе. Боже мой, что мнѣ дѣлать, чтобы удержать твою жизнь. Я-бы еще поняла эту ложь передъ лицомъ смерти, но она далеко отъ насъ, это жизнь требуетъ

правды. Всей правды твоей прекрасной любви, чтобы мы еще сильнѣе любили тебя. Не говори: нѣтъ. Не качай головой, моя Селизета. Ты хорошо знаешь, что когда такъ говорятъ, то не ошибаются.

Селизета. Ты всетаки ошибаешься, Аглавэна.

Аглавэна. Итакъ, мы должны плакать на сто верстъ другъ отъ друга.

Селизета. Почему ты не вѣришь, что это правда?

Аглавэна. Потому что нѣтъ слова, нѣтъ поступка, которые не доказали-бы противное и младенцу.

Селизета. Что именно?

Аглавэна. Почему пошла ты прощаться съ бабушкой?

Селизета. Но я прощалась съ ней всегда, когда уходила.

Аглавэна. Почему... почему все, моя Селизета... Но не презрѣнно-ли такъ допрашивать въ присутствіи смерти? И когда такъ ясно знаешь, что единственная правда тутъ, подъ нашей рукой, у самаго сердца!

Селизета. Я хотѣла быть счастливой, но ты печалишь меня своими сомнѣніями, Аглавэна... Что должна я сдѣлать, чтобы ты не сомнѣвалась болѣе?

Аглавэна. Только сказать правду, Селизета...

Селизета. Но какую-же ты хочешь правду, Аглавэна?..

Аглавэна. Это я тебя толкала, сама не сознавая...

Селизета. Нѣтъ, нѣтъ, моя Аглавэна, никто не толкалъ меня.

Аглавэна. Довольно слова, чтобы освѣтить всю жизнь. На колѣняхъ молю тебя объ этомъ бѣдномъ словѣ... Скажи мнѣ на ухо, если хочешь сдѣлай знакъ глазами. Даже Мелеандръ не узнаетъ объ этомъ...

Мелеандръ. Аглавэна права, Селизета... и я прошу объ этомъ...

Селизета. Я упала, нагибаясь.

Аглавэна. Ты часто спрашивала меня, чтобы я сдѣлала на твоемъ мѣстѣ...

Селизета. Я упала, нагибаясь...

Аглавэна. Ты не знаешь, почему я такъ спрашиваю?..

Селизета. Да, да, моя Аглавэна, я хорошо вижу, что это было-бы прекраснѣе. Но это неправда...

Аглавэна (*рыдаетъ*). Какъ мы бѣдны, о Боже! предъ лицомъ тѣхъ, кто любитъ въ простотѣ!..

Селизета. Аглавэна!..

Аглавэна. Селизета!.. что съ тобой?.. ты блѣднѣешь... страдаешь-ли сильнѣе?..

Селизета. Нѣтъ... я страдаю отъ радости... о! какъ ты плачешь, Мелеандръ...

Мелеандръ. Селизета!..

Селизета. Не плачь такъ, мой бѣдный Мелеандръ... Теперь всѣ любятъ другъ друга... Нѣтъ причины плакать... Вы сейчасъ увидите, какъ я буду вамъ улыбаться мертвая... Вы не повѣрите, что я мертва, такой у меня будетъ счастливый видъ... Кто тогда улыбается, тотъ счастливъ

до конца... Не понимаю, какъ я, такая жалкая, могу вмѣстить такой большой рай въ сердцѣ. И мнѣ временами страшно, что я должна уйти со всѣмъ своимъ блаженствомъ... Какъ? Ты тоже плачешь, Аглавэна? Итакъ, это несчастье?

Аглавэна. Подари намъ глубокій миръ, Селизета...

Селизета. Я верну тебѣ миръ, который ты мнѣ дала, Аглавэна..

Аглавэна. Ты могла-бы дать его, но не даешь...

Селизета. А между тѣмъ тотъ, которымъ я обладаю, такъ глубокъ, Аглавэна... (*Измънившимся голосомъ*). Почему ты уходишь, сказала мнѣ бабушка; почему уходишь, дитя мое? Потому что нашла ключъ, бабушка, потому что нашла ключъ...

Аглавэна. Селизета!..

Селизета (*приходитъ въ себя*). Исалина?.. что я сказала?.. скажи, что я сказала... это неправда... я предупредила тебя...

Аглавэна. Ничего, ничего, ты ничего не сказала... не мучь себя, моя бѣдная Селизета...

Селизета. Я тебя предупреждала... все, что я, можетъ быть, сейчасъ скажу будетъ неправда... Надо простить мнѣ, душа становится такой слабой... Я говорила о бабушкѣ?

Аглавэна. Да...

Селизета. Да, мнѣ хотѣлось сказать... Надо приподнимать ее, не дотрагиваясь до рукъ... Я хотѣла научить тебя, но время не позволило... О! берегись, Аглавэна!

Аглавэна (*встревоженная*). Что такое, что такое, Селизета?..

Селизета. Ничего, ничего, это проходитъ... Мнѣ показалось, я боялась, что больше не буду говорить правду...

Аглавэна. Я не буду больше спрашивать, Селизета...

Селизета. Закрой мнѣ ротъ рукою Аглавэна, когда я начну говорить неправду... Обѣщай, обѣщай, прошу тебя...

Аглавэна. Обѣщаю, Селизета...

Селизета (*Мелеандру*). Мнѣ надо ей сказать пару словъ, Мелеандръ... (*Мелеандръ тихо отходитъ*). Онъ печаленъ, онъ печаленъ... Ты скажешь ему когда-нибудь, потомъ, когда придетъ забвеніе... Закрой мнѣ ротъ Аглавэна, я слишкомъ страдаю...

Аглавэна. Скажи, скажи, Селизета...

Селизета. Я забыла все, что надо было сказать... то не была правда, то ложь пришла... Положи мнѣ руку и на глаза Аглавэна... ты должна ихъ закрыть, какъ ты-же ихъ открыла... Правда, правда ..

Аглавэна. Селизета?..

Селизета (*очень слабо*) Я... я упала, нагибаясь... (*Умираетъ*).

Аглавэна (*зоветъ рыдая*). Мелеандръ...

Мелеандръ (*рыдая падаетъ на тъло Селизеты*). Селизета!..

Богатѣетъ или бѣднѣетъ Россія?

Предоставленіе нашей печати относительной свободы для преній и споровъ по вопросу о денежной реформѣ принесло громадную пользу. Было оффиціально заявлено, что печать оправдала надежды и что предоставленная ей относительная свобода содѣйствовала выясненію тѣхъ разныхъ проблемъ изъ области денежнаго обращенія, разрѣшеніе которыхъ интересовало наше финансовое вѣдомство. Однако и помимо вопроса о денежной реформѣ, тѣ же болѣе или менѣе благопріятныя условія содѣйствовали выясненію и постановкѣ другихъ и притомъ болѣе важныхъ вопросовъ, чѣмъ вопросъ о денежной реформѣ и ея возможной будущности. Какъ извѣстно, большинство въ ученыхъ обществахъ и въ печати поставило возможную будущность денежной реформы въ тѣсную связь съ современнымъ экономическимъ положеніемъ страны. Указывали на экономическое положеніе страны, какъ на главное препятствіе для успѣха реформы. Этотъ аргументъ признанъ въ оффиціальныхъ сферахъ заслуживающимъ особаго вниманія. При департаментѣ окладныхъ сборовъ теперь уже учреждена особая коммисія, которой вмѣнено въ обязанность выяснить вопросъ о томъ, падаетъ ли экономическое благосостояніе Россіи или, наоборотъ, оно поднимается.

По сообщенію «Новостей», 8-го ноября состоялось первое засѣданіе этой интересной коммисіи. Для насъ въ данный моментъ не такъ важно, что говорилось на этомъ засѣданіи, а весьма важнымъ представляется самое образованіе коммисіи. Фактъ образованія коммисіи о нашей бѣдности и нашемъ благосостояніи ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ руководящихъ сферахъ вопросъ о нашемъ благосостояніи не разрѣшается безусловно въ пользу благосостоянія, а признается вопросомъ спорнымъ и допускающимъ возможность его разрѣшенія и въ пользу нашей бѣдности. Само собою понятно, что такое рѣшеніе вопроса, въ виду того-же учрежденія коммисіи для его разслѣдованія, вопреки мнѣнію раз-

ныхъ нашихъ мнимыхъ патріотовъ, не признается ни вреднымъ, ни опаснымъ, ни тенденціознымъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что такое отношеніе руководящихъ сферъ къ такому важному вопросу и самая его постановка на очередь произвели самое благопріятное впечатлѣніе на общество и печать. Печать совершенно правильно поняла, что серьезное отношеніе руководящихъ сферъ къ вопросу первостепенной важности призываетъ ее и обязываетъ къ прямой и серьезной критикѣ. Такой критической повѣрки, прежде всего, подлежитъ пріемъ, избранный для провѣрки экономическаго роста или экономическаго упадка страны. Тутъ нужно отдать честь «Новому Времени» за его статью «Какъ узнать правду о томъ, богатѣетъ или бѣднѣетъ русскій народъ?», помѣщенную въ номерѣ отъ 14 ноября. Мы не пожалѣемъ мѣста и приведемъ эту статью съ дословной точностью.

«Слухи объ учрежденіи при одномъ изъ министерскихъ департаментовъ особой коммисіи по вопросу о томъ, падаетъ ли народное благосостояніе въ Россіи, при первомъ своемъ появленіи въ газетахъ, показались намъ—говоритъ «Новое Время»—плодомъ какого-нибудь репортерскаго недоразумѣнія. Но, повидимому, тутъ не репортерское, а какое-то другое недоразумѣніе, ибо тѣ же слухи съ настойчивостью продолжаютъ циркулировать и въ печати, и въ обществѣ, не вызывая опроверженій или разъясненій съ компетентной стороны. Но если, дѣйствительно, подобная коммисія существуетъ или учреждается, то такъ и просится подъ перо фамусовское восклицаніе: «что за комисія, Создатель!» Департаменскимъ ли комисіямъ рѣшать такіе всеобъемлющіе вопросы? Въ свое свое время Валуевская комисія съ аналогичными задачами была учреждена на широкую ногу, располагая силами цѣлаго министерства; это былъ левіафанъ среди множества нашихъ бюрократическихъ комисій. Къ участію въ трудахъ Валуевской комисіи привлечены были, въ качествѣ свѣдущихъ людей и свидѣтелей о фактическомъ положеніи дѣлъ, многочисленные представители мѣстной жизни не изъ однихъ бюрократическихъ, но и изъ земскихъ и другихъ общественныхъ сферъ. Въ результатѣ получилось, однако, лишь нѣсколько увѣсистыхъ томовъ «трудовъ», богатыхъ фактами, а еще болѣе просвѣщенными мыслями и благими намѣреніями; другихъ же результатовъ Валуевская комисія не дала и никого ни въ чемъ не убѣдила. Не думаемъ, чтобы какая-нибудь петербургская комисія, сооружающая свои «труды» за зеленымъ столомъ и чашкой чая въ Петербургѣ, могла дать болѣе удовлетворительные результаты по такому вопросу, какъ вопросъ о томъ, падаетъ ли народное благосостояніе, или растетъ, или же стоитъ на одной точкѣ,—«ни взадъ, ни впередъ». Мы, впрочемъ, отнюдь не то хотѣли сказать, что этотъ важный предметъ не стоитъ или не интересно изслѣдовать. Со-

всѣмъ напротивъ. Но мы думаемъ, что это не предметъ изслѣдованій для департаментской или даже министерской комисіи и что изслѣдованіе подобнаго рода, чтобы дать результаты, близкіе къ истинѣ, не должно ограничиться одними матеріалами бумажными,—по источникамъ официальнымъ и литературнымъ, какъ бы ни были эти матеріалы богаты и разносторонни. Изслѣдованія подобнаго рода могутъ быть по плечу только сенаторской ревизіи, снабженной необходимыми для того широкими полномочіями и производимой на мѣстахъ—при содѣйствіи всѣхъ мѣстныхъ силъ—административныхъ и общественныхъ, пригодныхъ для этого дѣла, но подъ руководствомъ и непосредственнымъ наблюденіемъ полномочныхъ сановниковъ, стоящихъ внѣ всякой зависимости отъ тѣхъ или другихъ вѣдомствъ. Такое изслѣдованіе, гарантируя точную регистрацію фактовъ и колективное освѣщеніе ихъ въ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, могло бы собрать драгоцѣнный матеріалъ для уясненія вопроса, справедливо привлекающаго къ себѣ общее вниманіе, но продолжающаго оставаться—какъ это ни странно на первый взглядъ — въ области догадокъ или предубѣжденій, нерѣдко обращавшагося ad libitum въ орудіе тенденцій и пристрастій самаго разнороднаго характера. Авторитетное разъясненіе этого вопроса рѣшительно въ интересахъ всѣхъ, кромѣ развѣ тѣхъ людей, для которыхъ собственныя пристрастія или тенденціи дороже правды. Этихъ людей—а ихъ у насъ довольно—сенаторская ревизія только и можетъ обезоружить, ибо изслѣдованіе, производимое отдѣльнымъ вѣдомствомъ, будучи произведено со всею добросовѣстностью, все-таки не устранитъ подозрѣній или укоровъ въ односторонности и предвзятости или тенденціозности». («Новое время» отъ 14 Ноября).

Съ послѣднимъ заключеніемъ «Новаго Времени» трудно не согласиться. Изслѣдованіе, произведенное однимъ какимъ-либо вѣдомствомъ, всегда будетъ подавать поводъ къ подозрѣніямъ въ односторонности и тенденціозности. Въ данномъ-же случаѣ изслѣдованіе предпринимается финансовымъ вѣдомствомъ, всегда заинтересованнымъ подкрѣплять увеличеніе притязаній казны къ плательщикамъ налоговъ ссылками на ростъ благосостоянія. Въ виду этого, финансовое вѣдомство, сохраняя за собою честь прямой постановки вопроса о бѣдности и благосостояніи страны, могло бы съ честью отклонить отъ себя руководящую роль въ самомъ разрѣшеніи этого вопроса. Но считаемъ не лишнимъ указать «Новому Времени» на чрезмѣрную преувеличенность его надеждъ на сенаторскія ревизіи. Газета выдвигаетъ впередъ сенаторскія ревизіи, ссылаясь, между прочимъ, на судьбу разныхъ коммисій и вопросовъ, ими обсуждавшихся. Многія изъ этихъ коммисій работали серьезно, выпускали обстоятельные «труды» и никогда не видѣли результатовъ своихъ работъ и плодовъ отъ своихъ «трудовъ». Быть можетъ, «Новое

Время» по этому поводу признаетъ не лишнимъ вспомнить, что аналогичными результатами заканчивались и сенаторскія ревизіи, несмотря на то, что онѣ велись съ небывалой добросовѣстностью и рѣдкой энергіей. Самой же газетѣ не трудно вспомнить, кто въ послѣднія 15 лѣтъ работалъ надъ вопросомъ объ экономическомъ положеніи страны, т. е. массъ населенія; обходитъ эту опытную и свѣдущую силу непростительно и «Новому Времени», стоящему за распространеніе земскихъ учрежденій на разныя мѣстности изъ тѣхъ районовъ, въ которыхъ они до сихъ поръ не введены по тѣмъ или другимъ соображеніямъ.

Мы думаемъ, что и для самаго разрѣшенія вопроса о нашемъ экономическомъ положеніи нѣтъ надобности прибѣгать къ собиранію новыхъ матеріаловъ путемъ сенаторскихъ ревизій или какимъ-нибудь другимъ образомъ. Всѣ эти матеріалы собраны въ многочисленныхъ томахъ земской статистики и не разъ одобрялись оффиціально на столбцахъ «Правительственнаго Вѣстника». Навѣрно, наши читатели затруднятся указать на какіе-либо иные матеріалы, подходящіе для правильнаго освѣщенія вопроса о современномъ экономическомъ положеніи Россіи. Всѣ эти иные матеріали могутъ лишь подтверждать данныя земской статистики. Въ противномъ случаѣ, они будутъ лишены всякаго довѣрія и нѣтъ той силы, которая могла бы вызвать къ нимъ иное отношеніе. Мы, конечно, и не допускаемъ мысли о томъ, чтобы данныя земской статистики не имѣли рѣшающаго значенія при выясненіи вопроса о томъ, бѣднѣетъ или богатѣетъ Россія. Если мы допустимъ такое невѣроятное предположеніе, что это данныя почему-либо будутъ отвергнуты, то въ такомъ случаѣ и самый вопросъ о современнемъ экономическомъ положеніи Россіи былъ-бы отнесенъ къ категоріи неподлежащихъ объективному разрѣшенію; говоря другими словами, онъ просто былъ-бы отвергнутъ.

Правда, противъ рѣшающаго значенія земской статистики при освѣщеніи вопроса о современномъ экономическимъ положеніи Россіи могутъ быть сдѣланы разныя возраженія. Прежде всего, могутъ указать на то, что земская статистика охватываетъ около половины губерній Европейской Россіи и не распространяется на окраины. Мы думаемъ, что вопросъ о современномъ экономическомъ положеніи Россіи вкладывается въ предѣлы Европейской Россіи. Для характеристики же экономическаго положенія Европейской Россіи данныя земской статистики, относящіяся къ губерніямъ разныхъ полосъ, являются и въ географическомъ отношеніи вполнѣ достаточными. Онѣ представляютъ точную фотографію Россіи: хотя онѣ не обнимаютъ всѣхъ ея уѣздовъ, онѣ характеризуютъ намъ положеніе дѣла въ такой массѣ уѣздовъ и съ такой точностью, что изслѣдованіе другихъ еще не изученныхъ уѣздовъ не прибавило-бы ничего новаго для выясненія самого мелкаго вопроса. Всякому понятно, что изслѣдованіе еще неизученныхъ уѣздовъ весьма же-

лательно, но всякій, знакомый съ земской статистикой, будетъ утверждать, что число уѣздовъ, ею не затронутыхъ, не уменьшаетъ ея значенія для рѣшенія вопроса о современномъ экономическомъ положеніи Россіи.

По всей вѣроятности, многіе будутъ указывать и на разновременность данныхъ земской статистики, какъ на одно изъ крупныхъ препятствій для пользованія этими данными и выводами въ интересахъ правильнаго разрѣшенія вопроса о богатствѣ и бѣдности Россіи. Однако, такія указанія имѣли-бы смыслъ и значеніе лишь въ томъ случаѣ, если-бы за послѣднія пятнадцать лѣтъ въ экономическомъ положеніи Россіи были констатированы рѣзкія колебанія въ благопріятную или неблагопріятную сторону. Впрочемъ, въ послѣднюю сторону даже такія явленія, какъ голодъ 1891 и 1892 года, нисколько не нарушаютъ гармоніи въ выводахъ, получаемыхъ при земскихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ. Что-же касается колебаній въ первую сторону, то они вовсе не были зарегистрированы въ лѣтописяхъ нашей исторіи за послѣднія 15 лѣтъ. Значитъ, разновременность данныхъ земской статистики никоимъ образомъ не отнимаетъ у нихъ права на признаніе фотографіей современнаго положенія Россіи. Кромѣ того, слѣдуетъ помнить, что обширныя статистическія изслѣдованія на громадномъ пространствѣ неизбѣжно растягиваются на нѣсколько лѣтъ. Это обстоятельство неустранимо и въ равной степени обязательно какъ для земской, такъ и для всякой другой статистики.

Правда, намъ тутъ могутъ возразить, что всякая иная обширная статистика, при разновременности ея данныхъ, могла-бы отличиться большей полнотой, по сравненіи съ земской статистикой. Земская статистика, какъ извѣстно, главнымъ, если не исключительнымъ образомъ, касается крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства, т.-е. характеризуетъ намъ положеніе одного земледѣлія. Это, конечно, односторонность, но самая счастливая односторонность земской статистики. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что благосостояніе массъ населенія, т.-е. всей страны, покоится исключительно на земледѣліи, которое питаетъ и всѣ прочія отрасли нашей промышленности. Представители нашей фабрично-заводской промышленности, пожалуй, будутъ склонны оспаривать свою полную зависимость отъ положенія нашего сельскаго хозяйства, но вѣдь можно оспаривать и ту истину, что Россія держится «мужикомъ». Представители торгово-промышленныхъ интересовъ могутъ возобновить въ своей памяти всѣ тѣ поучительныя для нихъ событія, когда они раскаивались въ своей преждевременной гордости и расписывались собственноручно въ своей полной зависимости отъ сельскаго хозяйства вообще и въ частности отъ размѣровъ урожая въ каждомъ отдѣльномъ году. Всего три мѣсяца назадъ купцы и промышленники, при рас-

платахъ на нижегородской ярмаркѣ, выражали свои горькія сѣтованія на паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, подорвавшее одновременно покупательныя силы потребителей ихъ товаровъ и ихъ собственную платежную способность.

Трудно предсказать, когда разныя отрасли и виды промышленности помѣняются ролями, а пока все-таки приходится тысячу разъ повторять ту старую истину, что въ Россіи все экономическое благосостояніе зависитъ отъ сельскаго хозяйства и положенія тѣхъ 90 процентовъ всего населенія, которые посвящаютъ свои силы и средства занятію земледѣліемъ. Въ виду этого, земская статистика, характеризующая намъ съ фотографической точностью положеніе крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства, должна быть признана прямо отвѣчающей на вопросъ о современномъ экономическомъ положеніи Россіи. Въ то-же самое время только незнакомые съ земской статистикой могутъ утверждать, что, характеризуя современное экономическое положеніе Россіи, земская статистика не даетъ никакого отвѣта на вопросъ о томъ направленіи, по которому шла Россія въ послѣднія 15—20 лѣтъ. Земская статистика даетъ самый точный, прямой и безспорный отвѣтъ на вопросъ о томъ, падаетъ или подымается экономическое благосостояніе Россіи за послѣдніе годы? Въ сборникахъ земской статистики съ неподражаемой ясностью и точностью охарактеризована эволюція крестьянскаго хозяйства за послѣдніе годы. На основаніи этой безпристрастной точной характеристики всѣхъ факторовъ, опредѣляющихъ развитіе крестьянскаго хозяйства за послѣднія 15—20 лѣтъ, каждый можетъ составлять себѣ ясное представленіе о томъ, по какому направленію оно будетъ развиваться и въ ближайшемъ будущемъ, если не послѣдуетъ самой радикальной перемѣны въ современномъ строѣ и порядкѣ отношеній.

Читатели, навѣрно, будутъ упрекать насъ въ слабомъ выясненіи того громаднаго рѣшающаго значенія, которое принадлежитъ земской статистикѣ при выясненіи вопроса о томъ, падаетъ или поднимается экономическое благосостояніе Россіи. Такое обвиненіе мы признаемъ вполнѣ основательнымъ и полагаемъ, что даже при благопріятныхъ условіяхъ самое сильное перо оказалось бы безсильнымъ для полнаго выясненія указаннаго значенія земской статистики. Мы же только напоминаемъ читателямъ объ этомъ значеніи земской статистики и считаемъ излишнимъ повторять выводы этой статистики о современномъ положеніи крестьянскаго хозяйства и факторахъ, опредѣляющихъ его судьбу въ ближайшемъ будущемъ. Данныя земской статистики о крестьянскомъ хозяйствѣ суммированы и популяризированы въ десяткахъ, если не сотняхъ журнальныхъ статей и брошюръ. Онѣ свидѣтельствуютъ о прогрессивномъ упадкѣ крестьянскаго хозяйства, обусловливаемомъ цѣлымъ рядомъ общихъ и всѣмъ извѣстныхъ причинъ экономическаго и

административнаго характера, которыя въ конечномъ итогѣ ведутъ къ утратѣ способности заниматься хозяйствомъ. Нѣтъ возможности ежегодно регистрировать на всемъ пространствѣ Россіи всѣ случаи утратъ способности вести хозяйство, и всякому извѣстно, что это явленіе стало настолько обыкновеннымъ и часто-повторяющимся, что и люди, не освѣдомленные на счетъ «закономѣрнаго» отношенія между причиной и слѣдствіемъ, считаютъ его нормальнымъ и обыкновеннымъ. Поговорите серьезно съ любымъ помѣщикомъ и онъ вамъ скажетъ, что теперь уже прошло время для разговоровъ о мужицкомъ пьянствѣ, какъ главномъ факторѣ, эманципирующемъ мужика отъ способности вести хозяйство. Послушайте тѣхъ-же самыхъ помѣщиковъ въ земскихъ собраніяхъ, гдѣ они составляютъ большинство. Мы не будемъ говорить о давно прошедшемъ славномъ времени въ исторіи нашего земства. Въ прошломъ году земскимъ дѣятелямъ пришлось подробно изложить свои взгляды на современное экономическое положеніе Россіи при редактированіи отвѣтовъ министерству земледѣлія на его запросъ о мѣрахъ, могущихъ содѣйствовать поднятію сельскаго хозяйства. Эти отвѣты своевременно были охарактеризованы на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника» и по нимъ можно судить, какъ теперь смотрятъ на дѣло люди той среды, которая всегда готова винить мужика во всѣхъ бѣдахъ. Мы не думаемъ утверждать, что земско-помѣщичьи разсужденія являются наиболѣе подходящими для освѣщенія вопроса о современномъ экономическомъ положеніи Россіи. Мы вспоминаемъ о нихъ лишь въ подтвержденіе того, что теперь безпристрастные выводы земской статистики подчиняютъ себѣ и тѣхъ людей, которые въ нѣкоторыхъ земствахъ по сословнымъ и тенденціознымъ соображеніямъ пытались было оспаривать ихъ полное соотвѣтствіе дѣйствительности. Эти попытки относились къ тому времени, когда земская статистика занималась крестьянскимъ хозяйствомъ и не успѣла еще перейти къ помѣщичьему хозяйству. Теперь, когда земская статистика успѣла безпристрастно изобразить безотрадное положеніе и помѣщичьяго хозяйства,—самые завзятые поклонники крѣпостныхъ порядковъ стали говорить о великомъ значеніи земской статистики.

Конечно земская статистика оказала большую услугу, распространивъ и на помѣщичье хозяйство ту очевидную истину, что теперь сидѣть на землѣ стало не въ моготу даже и самымъ энергичнымъ и толковымъ людямъ, за рѣдкими исключеніями, всегда и вездѣ возможными, которыя нельзя ставить въ укоръ и примѣръ большинству. Можно многое разсказать изъ исторіи «оскудѣнія», выпавшаго на долю многихъ и многихъ помѣщиковъ по ихъ собственной винѣ. Можно раздѣлять взгляды тѣхъ дворянъ, которые утверждаютъ, что помѣщикамъ вообще слѣдуетъ сняться съ земли. Но въ данномъ случаѣ важно

лишь признать тотъ фактъ, что не только крестьянамъ, но и помѣщикамъ, несмотря на всѣ принятыя мѣры, сидѣть на землѣ непосильно. Земля, за единичными исключеніями, для всѣхъ сидящихъ на ней стала непосильнымъ бременемъ. Снова превратить ее въ кормилицу и источникъ благосостоянія—дѣло настолько мудреное, что о немъ можно теперь лишь помечтать на досугѣ, вспоминая былыя времена, когда всѣмъ на землѣ жилось вольготнѣе. Кто превратилъ эту прежнюю вольготную жизнь на землѣ въ новую жизнь, полную скорби и лишеній—вопросъ, нелишенный своего интереса, но его выясненіе отвлекло-бы насъ далеко въ сторону. Поэтому, вынужденные избѣгать такъ называемаго углубленія въ суть дѣла, мы должны ограничиться простымъ напоминаніемъ о современномъ положеніи крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства—положеніи не случайномъ, а глубоко укоренившемся въ теченіи 20—15 лѣтъ и неподдающемся никакому спеціальному искорененію въ силу своей неразрывной связи со всѣми окружающими условіями нашей умственной, нравственной, юридической и экономической жизни.

Напоминая о положеніи крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства, мы, по нашему мнѣнію, даемъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о томъ, богатѣетъ или бѣднѣетъ Россія въ послѣднее время. Пожалуй, можно говорить о томъ, что мы принимаемъ во вниманіе только одно сельское хозяйство, забывая о другихъ отрасляхъ промышленности. Но раньше уже было сказано, что отъ положенія сельскаго хозяйства въ Россіи зависитъ состояніе всѣхъ другихъ отраслей промышленности. Пусть каждый самъ себѣ отвѣтитъ хотя-бы на такой вопросъ, можетъ-ли процвѣтать фабрично-заводская промышленность въ сельско-хозяйственной странѣ, оффиціально признанной уже давно впавшей въ такъ называемый сельско-хозяйственный кризисъ, возможное окончаніе котораго покрыто мракомъ неизвѣстности. Допустимъ, что противъ общаго положенія, формулированнаго въ этомъ вопросѣ, могутъ быть сдѣланы возраженія въ родѣ разныхъ ссылокъ на увеличеніе числа фабрикъ и заводовъ, на расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ и т. п. Фабрики, заводы и желѣзныя дороги должны-же имѣть какую-нибудь работу и разсчитывать на какой-либо спросъ, разъ они открываются и сооружаются. Если упавшее сельское хозяйство уменьшаетъ спросъ на произведенія фабрично-заводской промышленности и на услуги желѣзныхъ дорогъ, то съ какой-либо стороны долженъ народиться новый спросъ на произведенія новыхъ фабрикъ и услуги желѣзныхъ дорогъ. Остается предположить, что именно сама фабрично-заводская промышленность стала такимъ крупнымъ факторомъ въ нашемъ общественномъ хозяйствѣ, что сама руководитъ и спросомъ и предложеніемъ на свои произведенія.

Такое предположеніе является несостоятельнымъ уже потому, что въ Россіи чуть-ли не 90 проц. всего населенія такъ или иначе живутъ на

землѣ или отъ земли, а фабрично-заводская промышленность у насъ является такъ сказать исключеніемъ на ряду съ общимъ правиломъ, т.-е. занятіемъ упавшимъ земледѣліемъ. Ближайшій анализъ состоянія нашей фабрично-заводской промышленности можетъ детально выяснить, чѣмъ и какъ она питается и на какой спросъ она работаетъ. Этотъ анализъ, однако, не можетъ опровергнуть всѣ требованія логики и доказать, что въ такой сельско-хозяйственной странѣ, какъ Россія, фабрично-заводская промышленность можетъ развиваться своими собственными силами и процвѣтать при полномъ упадкѣ земледѣлія.

М. М. И.

Зимніе цвѣты.

Въ эти бѣлые дни мы живемъ, какъ во снѣ.
Наше сердце баюкаетъ нѣга
Чьихъ-то ласкъ неживыхъ въ гробовой тишинѣ
Усыпительно мягкаго снѣга.

Если въ комнатѣ ночью при лампѣ сидишь,—
Зимній городъ молчитъ за стѣною,
И такая кругомъ безконечная тишь,
Какъ на днѣ, глубоко подъ водою.

Даже снѣгъ въ переулкѣ ночномъ не хруститъ.
Съ каждымъ днемъ въ моей кельѣ все тише,
Только саванъ холодный и нѣжный блеститъ
При лунѣ на бѣлѣющей крышѣ.

И подобье прозрачныхъ невиданныхъ розъ—
По стеклу ледяныя растенья
Ночью въ лунномъ сіяніи чертитъ морозъ
Невозможныхъ цвѣтовъ сновидѣнья.

Д. Мережковскій.

Тараканій бунтъ.

(Русская повѣсть).

ПРОЛОГЪ.

Въ тотъ вечеръ, когда перемѣнилась погода и прозрачные ясные октябрскіе дни смѣнились угрюмыми и пасмурными, а небо покрылось клубящимися тучами, изъ нѣдръ которыхъ на Дягиловку посыпались мокрые, снѣжные хлопья, и въ избѣ дяди Александра въ первый разъ жарко была натоплена возобновленная глиняная печка, распространявшая тепло и свѣтъ, такъ что даже фольговые образа въ красномъ углу загорѣлись драгоцѣнными камнями и золотомъ и обитателей избы можно было по ошибкѣ принять за богатыхъ людей,— въ попыхахъ вбѣжалъ подъ печь юркій, черный и еще очень молодой тараканъ и пошевелилъ усами въ сторону небольшой кучки другихъ таракановъ, которые только что водворились на старомъ пепелищѣ, послѣ страшной катастрофы. Въ отвѣтъ тараканы, молча наслаждавшіеся тепломъ, которое было очень кстати, потому что подъ печкою было довольно сыро и пахло глиной, тоже пошевелили усами, точно пробуждаясь отъ своихъ глубокихъ тараканьихъ думъ. Пришелецъ обѣжалъ все тараканье семейство слѣва направо, потомъ справа налѣво, закинулъ затѣмъ усы на спину, уперся лбомъ въ землю и поднялъ обѣ заднія ножки.

Странно подѣйствовала эта поза. Всѣ большіе и малые тараканы бросились въ разсыпную и стали кружиться на одномъ мѣстѣ. Когда-же они достаточно выразили этимъ охватившее ихъ волненіе, то, снова соединившись, начали попарно скрещивать усы. Юркій тараканъ, произведя весь этотъ переполохъ, устремилъ усы впередъ и ринулся вонъ изъ избы. Извѣстнымъ ему ходомъ онъ отправился въ слѣдующую избу, которая принадлежала плотнику Костятину. Если-же онъ посѣтилъ такъ самоотверженно—потому что не надо забывать, стояли уже холода, хотя еще не было морозовъ,—двѣ избы, отчего-же не заключить, что онъ обѣгалъ всю деревню? Это могъ быть ходокъ, дѣйствовавшій во имя

тараканьяго блага, и недаромъ онъ палъ жертвою своего общественнаго темперамента.

Рано утромъ ребята увидѣли его на крыльцѣ волостного правленія. Онъ красивымъ, чернымъ пятномъ выдѣлялся на бѣломъ фонѣ напавшей за ночь снѣжной пыли. Бѣдняжка погибъ во цвѣтѣ лѣтъ, никѣмъ не оплаканный и непомянутый добрымъ словомъ, какъ погибли и нѣкоторые другіе тараканы.

Сторожъ, видя, что мертвый тараканъ развлекаетъ мальчишекъ и они принялись теребить его за усы, отнялъ его трупъ и бросилъ въ сорную кучу, а затѣмъ отмелъ ее въ сторону.

Что-же за вѣсти разносилъ по деревнѣ самоотверженный тараканъ? Если темная исторія сколько-нибудь достойна вниманія, то она можетъ быть выяснена изъ дальнѣйшаго разсказа.

I.

Въ избу дяди Александра вслѣдъ за тараканомъ вошла сосѣдка Марья; онъ могла-бы заткнуть за поясъ двухъ молоденькихъ — такая она была живая и такой у ней былъ языкъ безъ костей.

— Здравствуйте, дядя Александръ,—съ порога начала она:—хотя я васъ и не вижу, но знаю, что вы на печкѣ,—знать, лестно вамъ! У насъ Зинка расхворалась... Новая-то печка хороша-ли? Ужъ хороша, хороша, можете не отвѣчать. Правда и то, что на полъ-аршина наша больше, а зато у васъ двое, а у меня пятеро. Сегодня была я у фершала, онъ Зинкѣ лекарство далъ, какъ будто и полегчало, а тутъ глянула я изъ окна, а у васъ дымъ... Что-же хороша, печка-то? — во второй разъ предложила она вопросъ и, не дожидаясь отвѣта, опять затараторила. — Вѣстимо хороша, зачѣмъ обижать! Ужь и печка-то! Нѣтъ, у насъ на аршинъ больше, у насъ долгая печка! Что таракановъ у насъ! Во всей деревнѣ столько нѣтъ, сколько у насъ. Слушайте, пошла я къ фершалу въ земскій пріемный покой. Самъ черненькій и такой мозглый—вѣжливымъ голосомъ говоритъ. А на полкахъ, что снадобій, и зеленыхъ, и красныхъ, и черныхъ! Ужъ и точно покой. Разокъ взглянуть—умрешь, съ мѣста не сойдти, страшно! Окромя всего, смерть стоитъ, и если больной труденъ, она на него зубами щелкъ, а если не больно плохъ,—сейчасъ—покажите вашъ язычекъ. Пришла я домой, во всемъ тѣлѣ дрижаніе и Зинка плачетъ. Ну значитъ я и выглянула изъ окошечка. Откуда думаю, дымъ? Ужъ, говорю, печка! Нѣтъ, наша выше будетъ, много будетъ выше. Заходите къ намъ, дядя Александръ, и теткѣ Акулинѣ закажите, съ дѣтками приходите, може Зинка помретъ, поминать будемъ. Нѣтъ у меня надежды, чуетъ мое сердце бѣду, охъ-хо-хо! чуетъ... Дымъ-то у васъ книзу все книзу, трубу задуваетъ, а у насъ труба высокая, дымъ пойдетъ, во! столобъ!

Дядя Александръ, въ самомъ дѣлѣ, дремалъ; онъ сквозь сонъ слышалъ трескотню Марьи, но ему было тепло и хорошо, какъ тараканамъ

на этой новой еще сыроватой печкѣ; чтобъ быть любезнымъ, онъ хотѣлъ что-то сказать въ отвѣтъ, но только чуть-чуть пошевелилъ въ разныя стороны своими бѣлыми усами.

Марья вышла и въ сѣняхъ встрѣтилась съ теткой Акулиной.

II.

— Тетка Акулина!

— Это ты, Марья?

Въ сумракѣ онѣ узнали другъ друга и поздоровались за руку.

— А я къ тебѣ ходила, — сказала Акулина. — Печку-то нашу видѣла?

— Видѣла... Что печка, хорошая печка. Дымомъ всю трубу обоволокло. Не натуральная труба.

Для Акулины было неожиданностью то, что сказала Марья про печку; ей казалось, что ея печка заставитъ сосѣдку радоваться: прошлый годъ всѣ жалѣли, что ей приходится стряпать въ дурной печкѣ и прожужжали уши добрыми совѣтами и пожеланіями: «Вамъ-бы печку нужно, долго-ли намять глины, а то храни Богъ, пожаръ, не къ ночи будь сказано, и отъ сырыхъ щей брюхо разговариваетъ у дяди Александра». Она не возразила, однако, ни слова по своей болѣзненности, и не стала защищать печку.

— Тамъ видно будетъ,—сказала она.—А Зинка-то у васъ больна.

Марья подперла щеку рукой.

— И, больна! Фершалъ намедни щелкалъ на нее.

— А зачѣмъ такъ онъ дѣлаетъ?

— Не знаю, кума, прежній фершалъ все больше водкой занимался. Наука до чего доводитъ! Охъ, сказала-бъ я тебѣ, Акулинушка, да боюсь, разболтаешь. Печка-то у васъ еще новая, таракановъ не завели. А у насъ хоть лопатой огребай. Много у насъ таракановъ,—понизивъ голосъ сказала Марья.—Фунтовъ десять будетъ. Черные и важкіе. Печка долгая, жаркая, отступка есть во всю стѣнку и какъ ухо приложишь, такъ они и шумятъ, что весною лиственный лѣсъ. У васъ-то печка супротивъ нашей хуже будетъ, а таракановъ больше трехъ фунтовъ не помѣстить.

Первый разъ тетка Акулина слышала, что таракановъ измѣряютъ фунтами; она взяла Марью за руку, подвела ближе къ порогу и пристально посмотрѣла ей въ лицо.

— Что это ты, Марья, говоришь?

— А ты слушай да помалкивай. Пощелкалъ онъ этта зубами, а далѣе и объясняетъ, фершалъ-то, фершалъ, голова твоя безтолковая. Мнѣ надо смерть, объясняетъ, кормить, поэтому случаю предоставь мнѣ таракановъ мѣшокъ. Цѣльный мѣшокъ приказалъ доставить, а платить я буду за сушеныхъ таракановъ сорокъ копѣекъ съ фунта, а за свѣжихъ двадцать. За свѣжихъ, значитъ, двадцать, а за сушеныхъ сорокъ.

Про фершала говорю. А Зинку вылечу въ придачу... и зубами на нее щелкъ! Прости Господи! Онъ-то вишь самъ ѣстъ таракановъ,—съ ужасомъ и радостью объявила она сосѣдкѣ на ухо.

Та всплеснула руками.

— Ѣстъ?

— Вѣдь и лягушекъ ѣдятъ.

Акулина сплюнула, но такъ какъ она знала, что дѣйствительно лягушекъ ѣдятъ, то поведеніе фершала по отношенію къ тараканамъ перестало казаться ей особеннымъ чудомъ.

— Тараканы молочные, — продолжала Марья, — онъ ихъ за это обожаетъ. Непремѣнно, что ѣстъ. Иду я и думаю, сказать тебѣ иль нѣтъ... какъ будто по сосѣдству негоже промолчать. Сколько, смекаю, у ней таракановъ? Отчего не продать, если случай. Продашь—найдешь. А потомъ гляжу—дымъ... Кака така печка у дяди Александра? трубу всю дымомъ оболокло. Должно быть, тараканы у тетки Акулины старые вывелись, а новые не завелись, побѣгу къ ней... Это я про тебя, голова безтолковая, про тебя, пускай огребетъ думаю сколько есть; хоть фунтъ продастъ, и то деньги. Съ фунтъ-то, болѣзная, найдется у тебя?—съ состраданіемъ спросила она.

Акулина усмѣхнулась.

— Какъ и продавать ихъ, я не знаю,—отвѣчала она. — Николи не приходилось таракановъ продавать намъ, ни сушеныхъ, ни свѣжихъ. Грибы точно продавали и хорошіе деньги получали за грибы, а про этого звѣря мужикамъ сказать, на смѣхъ подымутъ.

— Чего ужъ на смѣхъ подымутъ, — горячо возразила Марья. — Мозги-то у тебя, милая, ты мозгами раскинь; мужики зимой сами станутъ ловить, да въ кабакѣ пропивать; отъ мужиковъ утаить надоть. А не хочешь къ фершалу идти съ товаромъ, мнѣ продай, я можетъ, на твоихъ тараканахъ что наживу, вотъ и будетъ на поминъ Зинкѣ.

— А Зинка рази такъ плоха?

— Плоха, мать моя, плоха, всегда она слабая была, а теперь третій день не ѣстъ, не пьетъ, въ нутрѣ горитъ. Язычекъ вашъ позвольте посмотрѣть. Это фершалъ-то, слышь, и пальцемъ это такъ на язычекъ сдѣлалъ. Можетъ, ей отъ того хуже стало. А про таракановъ узнала, поймала троихъ, такъ въ ручкѣ и держитъ. Мы, шепчетъ, мамка, ихъ продадимъ,—заключила Марья и заплакала.

— Богъ съ тобой, тетка Марья, перестань, кума,—стала Акулина утѣшать сосѣдку:—какія болѣзни бываютъ, а ничего—проходятъ; подожди—Зинка выздоровѣетъ. Обери ты, сдѣлай милость, таракановъ даромъ, если тебѣ хочется... Возьми ихъ такъ... У Холодовыхъ таракановъ гибель, къ нимъ ты сходила-бы; они тоже такъ отдадутъ.

— Спасибо на добромъ совѣтѣ!

— А только, какъ-бы худо изъ этого не вышло, — сказала Акулина.

Марья выжала изъ глазъ, при помощи пальца, остатки слезъ и затараторила съ жаромъ:

— Что тутъ худого, подумай сама сосѣдка, ихъ у насъ въ Дягиловкѣ видимо-невидимо, въ каждой избѣ, такъ и кишатъ, а по ночамъ ребятъ объѣдаютъ. Да что ребятъ, у моего мужика позапрошлую ночь подъ ногтями мясо выѣли... Такъ всю говядину и слизали. Десять фунтовъ, да десять фунтовъ, да еще десять фунтовъ, да у Вавилы фунтовъ двадцать, да у солдатки непремѣнно фунтовъ пять найдется на худой конецъ... Съ деревни смѣло можно набрать два пуда, лопни я на этомъ мѣстѣ, если брешу. Клади пудъ десять рублей. Развѣ худо? Охъ, заболталась я, — спохватилась Марья, — языкъ мой—врагъ мой, не выдавай меня, сосѣдка... Сколько есть таракановъ, всѣхъ неси, это фершалъ-то, пустая голова твоя. Фершалъ такъ говоритъ... Ужо оберу у тебя, сердечная... Кабы Зинка-то не скоро помирала. А тараканы если есть у васъ—тощіе, худые у васъ тараканы. А нашъ бѣжитъ, какъ воробей скачетъ. Ну, прощай Акулина, замѣшкалась я, прощай!

— Съ Богомъ!

III.

Мужъ Марьи, плотникъ Костятинъ, былъ тоже большой прожектеръ. Онъ только-что вернулся изъ далекаго города, гдѣ все лѣто строилъ на окраинѣ дачу, держалъ цѣлую артель рабочихъ и пилъ пиво. А въ Дягиловку онъ ничего не принесъ. Серебряные часы принесъ съ мѣдной крышкой, потому что нельзя подрядчику быть безъ часовъ, а инструменты по дорогѣ заложилъ. Иначе никакъ не добраться-бы ему до Дягиловки. Инструменты были такъ себѣ: щербатый топоръ, два долота и рубанокъ. Можно было-бы часы заложить, но онъ разсудилъ, что часы всегда нужно имѣть при себѣ, а съ рубанкомъ на улицу не выйдешь и не будетъ того почета отъ сосѣдей... Въ Дягиловкѣ ожидала его порка. Въ волости былъ уже разговоръ о томъ, что за Костятиномъ недоимокъ много, и все онъ ходитъ въ промыселъ, дуетъ пиво, какъ нѣмецъ, цѣпочку поверхъ жилета носитъ, подрядами занимается, а податей не платитъ. Можетъ быть, еще въ этотъ разъ онъ отъ порки какъ-нибудь отбоярится. Соберется съ деньгами и поставитъ міру полъ-ведра. Онъ зналъ объ ожидающихъ его розгахъ, и уже думалъ объ этомъ, потому что онъ былъ мужикъ мечтательный. Однако вмѣсто того, чтобы проникнуться страхомъ въ виду возможности такого непріятнаго происшествія, какъ порка его спины, онъ, лежа на своей долгой печи, куда забрался съ позаранку еще въ теплые осенніе дни, чтобы проспать на ней всю зиму, раскидывалъ своимъ умомъ, и соображалъ, русскій самородокъ, что хорошо-бы изобрѣсти машину, которая сама-бы сѣкла. За это отъ начальства можно было-бы получить еще награду, да и по нонѣшнему времени, когда развелся мужикъ-неплатель-

щикъ, большіе заказы могли-бы быть. Обдумывая машину, онъ и названіе ей нашелъ: самосѣкъ.

Зинка лежала въ бреду на полатяхъ, Анютка качала зыбку съ маленькимъ Костей, дрожавшую на стальной пружинѣ, старшій мальчикъ Иванъ, притаившись въ темномъ углу, грызъ корку хлѣба, а другой дочери, пріѣхавшей домой, почти одновременно съ отцомъ, изъ Вологды, гдѣ она служила въ горничныхъ уже нѣсколько лѣтъ, не было дома, такъ-какъ она по своему городскому образованію предпочитала проводить время въ семьѣ волостного писаря, съ женой котораго во многихъ отношеніяхъ сошлась и подружилась.

Услышавъ, что Марья хлопнула дверью и увидѣвъ свѣтъ вспыхнувшей керосиновой лампочки, на которой не было стекла, Костятинъ натянулъ на себя полушубокъ и слегка хриплымъ, томнымъ голосомъ проговорилъ сверху:

— Марьюшка, мнѣ охота чайку попить.

— Зачѣмъ-же ты самоваръ не поставилъ... Ивану приказалъ-бы, вишь дармоѣдъ сидитъ. Ты никакъ весь хлѣбъ сперъ!? — накинулась она на сына, который всталъ, ухмыляясь, и утиралъ рукой ротъ.

— Ничего, новый почнемъ,—раздался съ печки томный голосъ:— хлѣбушка еще намъ на мѣсяцъ хватитъ.

— Ставь отцу самоваръ, не слышишь развѣ, окаянный! На мѣсяцъ, а потомъ чѣмъ кормиться будемъ? Много ты денегъ принесъ. Люди пришли съ гостинцами. Холодовы избу новую рубятъ на четыре квартеры, животовъ прикупили на Воздвиженской ярмаркѣ, къ нимъ любо войти, изъ подполья воспареніе такъ и куритъ — и телятами пахнетъ, и овцами, и свиней у нихъ пять головъ.

— Что Холодовыми коришь!—возразилъ Костятинъ полудремля.— Отъ воспаренія полы гніютъ. У нихъ непремѣнно къ Благовѣщенью печка правалится.

— Ужь и провалится! какъ-бы у насъ только не провалилась.

— У насъ не можетъ быть провала. Воспареній нѣтъ, потому что животовъ нѣтъ. Ахъ! ха! ха! ха! ха! ха!—широко зѣвнулъ онъ. — А сахаръ есть у насъ?

— Какъ-же, есть! Ты много-ли сахару-то принесъ? Зинка проснется—ей надо будетъ дать.

— Богъ дастъ поправится, Зинка еще мала. Господа сахару дѣткамъ не даютъ. Я вотъ гдѣ дачу строилъ, ни Боже мой! Дѣтки просятъ, инда жалко смотрѣть. Изъ кармана вынешь, дашь. Что таракановъ у насъ!

— Слава Богу, хоть тараканы есть,—сказала Марья.

— Нѣтъ глупѣе бабъ, — проговорилъ Костятинъ, помолчавъ. — Радуется, что тараканы есть. Ахъ ты баба, баба! Неразумная ты б-а-б-а! О Господи, что это зѣвается такъ.

— А ты умникъ,—только съ твоимъ умомъ дѣти давно-бы примерли, кабы не я. Ты уменъ, а про таракановъ ничего не знаешь.

— А ты знаешь?

— А я знаю,—сказала Марья и правой рукой защипнула лѣвую, чтобы сдержать себя и не выдать тайну. Все крѣпче и крѣпче защипывала она свою кожу, и продолжала:— и очень даже знаю. Ихъ на фунты продаютъ, сырые двадцать копѣекъ, сушеные сорокъ. Ихъ ѣдятъ.

— На противнѣ сушатъ,—пояснилъ Костятинъ, который хотя и былъ пораженъ словами жены, но не хотѣлъ обнаружить своего невѣжества.—Солью посыпаютъ. Миндаль тоже съ солью ѣдятъ. Въ городѣ чего не придумаютъ,—равнодушно заключилъ онъ.

Досадно было Марьѣ, что Костянинъ все знаетъ.

— Если тебѣ про то извѣстно, отчего-же ты раньше не говорилъ?

— Мало-ли что мнѣ извѣстно, у меня про себя свое мнѣніе. У меня теперь вотъ такое мнѣніе, что я тоже избу новую хочу срубить съ подпольемъ на двадцать животовъ и чтобъ весь дворъ былъ бревенчатый и крыша тесовая и вышка, какъ у старшины. Я объ машинѣ воображаю. А другое мое мнѣніе—чаю съ баранками хочу.

— Выдумалъ, съ баранками! У меня и есть-то, что для Зинки всего, пара баранковъ.

— Одну баранку мнѣ дашь. Когда я подрядчикомъ былъ, я завсегда чай съ баранками пилъ. А сколько я пива перевелъ, ужасти! Я очень много пива перевелъ. У меня теперь пара часовъ была-бы, въ лѣвомъ карманѣ и въ правомъ, по обѣмъ сторонамъ, значитъ.

— Подожди, Костятинъ,—прервала Марья:—ты мнѣ лучше скажи толкомъ, почемъ въ городѣ тараканы?

— Разные бываютъ тараканы, — глубокомысленно началъ Костятинъ:—свѣжіе или сушеные это ужъ абнаковенно, а то маринованные, также булочники въ тѣсто запекаютъ. Разные, Марья, и цѣны тоже разныя. А только я о цѣнахъ не справлялся, такъ-какъ они мнѣ не надобны, тьфу, провались они.

— Ужъ, видно, въ городѣ дороже, если у насъ предлагаютъ цѣну.

— А кто-жъ цѣну предлагаетъ, бѣлены ты объѣлась, Марья!?

— Не скажу!—вскричала Марья и крѣпко защипнула свою руку.—Фершалъ предлагаетъ. Мнѣ, говоритъ, смерть надо кормить, а только я смекаю, онъ ихъ самъ ѣстъ; изъ самаго-то онъ Петербурга пріѣхалъ къ намъ. Вишь нѣмцы лягушекъ ѣдятъ.

— Крысъ тоже.

— Страсти какія!

— Саранчу,—томно продолжалъ Костятинъ.

— Про саранчу низачто не повѣрю, смѣешься ты надо мной.

— Ну, какъ знаешь.

Самоваръ между тѣмъ сталъ выбрасывать изъ своего нутра клубы черного дыма и зашумѣлъ. Костятинъ слѣзъ съ печки и присѣлъ къ

столу, спустивъ полушубокъ съ плеча и почесываясь. На видъ онъ былъ гораздо моложе жены, худой, съ маленькими, запухшими отъ сна глазками и съ рѣденькой, совсѣмъ свѣтлой бороденкой на подвижномъ подбородкѣ. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя съ такимъ выраженіемъ, какъ будто эта изба и все, что окружало его, было ниже его достоинства.

Тараканъ взбѣжалъ по полушубку къ нему на плечо и спѣсиво шевелилъ усами. Не зналъ-ли онъ еще объ ожидающей его судьбѣ, или-же смѣло вызывалъ ее на бой?..

IV.

Супруги поладили между собою и, несмотря на многочисленные горькіе опыты, Марья все еще довѣряла предпріимчивому генію Костятина. Она разсказала ему со всѣми подробностями о своемъ свиданіи съ фельдшеромъ и заключила:

— Ты мужикъ и долженъ помочь бабѣ. Куда-жъ мнѣ одной обобрать таракановъ, ихъ можетъ въ Дягиловкѣ три пуда будетъ.

— А можетъ и шесть,—сказалъ Костятинъ.

— Почему-же и шести не быть. Ты вѣрно, Костятинъ, говоришь, шесть пудъ,—шестьдесятъ рублей, подати заплатить можно. Я-бы коровку купила. Я-бы пестренькую коровку купила, мнѣ красныя коровы не нравятся. Я пестренькихъ, Костятинъ, обожаю.

— Пестренькія бодливы,—выдумалъ Костятинъ.

— Рога можно спилить,—замѣтила Марья.—Такъ вотъ ты и раскинь головою, если ты все знаешь. Пусть станутъ говорить, что ты умнѣй меня,—это даромъ!

— Неужели-же я глупѣе тебя?—съ улыбкой спросилъ Костятинъ и громко высморкался.—Я всегда разговоръ могу имѣть, потому что я говорить языкомъ могу.

— Ну я пускай не могу,—смиренно согласилась Марья. — А на печи, Костятинъ, лежать нечего:—не ровенъ часъ, сосѣди узнаютъ.

— Низачто они не могутъ узнать,—возразилъ Костятинъ.—Завтра-же я артель наберу.

— Зачѣмъ артель?

— Таракановъ обирать,—сказалъ Костятинъ.—Дай мнѣ бамажки, и тамъ гдѣ-то на полкѣ плотничій карандашъ лежитъ. Я смѣту долженъ сдѣлать, безъ этого Марья, ни къ одному дѣлу приступить нельзя. Тутъ безъ смѣты вдругъ прогоришь.

Онъ взялъ карандашъ и долго муслилъ его во рту, а затѣмъ пристально смотрѣлъ на его кончикъ и въ неопредѣленное пространство. Когда-же его осѣняло вдохновеніе, онъ что-то чертилъ на бумагѣ, считая по пальцамъ.

— Большая артель нужна, меня инда въ потъ вдарило,—заявилъ онъ съ испугомъ.—Одначе, барышъ будетъ. Здоровый барышъ можно получить.

Марья подперла кулакомъ щеку, и, глядя на бумагу, спросила:

— Ты скажи мнѣ, умный человѣкъ, сколько-же ты барыша кладешь?

— Въ очистку, рублей двадцать останется.

— Это съ шести пудовъ-то?

— Съ пудовъ? Ахъ ты голова телячья,—вскричалъ Костятинъ,— я на дюймы высчиталъ! Нѣтъ, Марья, не стой ты надъ душой, — сталъ онъ сердиться:—ты меня съ толку сбиваешь, я такой дуры еще отродясь не видывалъ. Что тутъ высчитывать, дѣло новое: перекреститься и съ Богомъ. Таракaнъ никуда не убѣжитъ, онъ своей участи дождется и ужъ если я возьмусь, то къ фершалу его безпремѣнно доставлю. Шурина Митьку подручнымъ надо, Яшку и Федьку Безносаго сегодня я на улицѣ видѣлъ,—все съ себя пропили. Они за дешевую поденщину пойдутъ. Я, Марья, шантрапы наберу,—не бойся, дорого не будетъ стоить. У меня еще есть здѣсь чѣмъ думать.

И онъ кулакомъ указалъ на свой лобъ.

V.

До полночи не спалъ плотникъ Костятинъ и шептался съ Марьей.

— Ты сама посуди,—говорилъ онъ:—одинъ человѣкъ бѣдно-бѣдно пудъ съ отдыхомъ. Даромъ, что день короткій, за то поденщина дешева. Три человѣка, три пуда, а я не въ счетъ, потому что я надзоръ долженъ дѣлать. Ну, конечно, какъ уйду чай пить, подручный присмотритъ. А только мѣшковъ надо всенепремѣнно и бичевки завязывать—саженъ двѣнадцать, а сушить, я думаю, можно на соломѣ. Надоть соломы запасти. Что это Зинка такъ хрипитъ? Анютка, дай испить ей водицы. Спитъ, пропасти на нее нѣтъ. По субботамъ разсчетъ, ну и вычитать буду,—безъ этого нельзя. Ты, Митька, если взялся таракановъ обирать, такъ обирай. Нечего баклуши бить. У меня, Марьюшка, строго. Я вѣдь бѣда,—строгій подрядчикъ. Ругаться я гораздъ. Хочешь сейчасъ заругаюсь? Мнѣ чтобъ деньги аккуратно. Мошенства я не люблю, а то и въ волость. А какъ сто рублей насбираемъ, избу начну рубить. Сплю и вижу, Марья. И машину самосѣкъ... Ахъ и умный-же я человѣкъ, Марьюшка. А-а-а-ахъ!

— Дай ты мнѣ спать, ради Бога!—отвѣтила Марья.—Не бреши ты языкомъ. Тараканы отъ твоихъ рѣчей разбѣгутся и такое ты затѣваешь, что боюсь—толку не будетъ. Спать я хочу, чтобъ тебѣ пусто было.

Среди ночи, когда уже Костятинъ усталъ мечтать вслухъ, а Марья захрапѣла, Иванъ неожиданно заревѣлъ. Ему приснилась, что тараканы, величиною съ свинью, объѣли ему ноги. Онъ разбудилъ маленькаго Костю, который тоже сталъ орать. Анютка вскочила и шальными глазами уставилась на мать, которая слѣзла съ печи и зажгла лампочку. Съ Зинкой творилось что-то неладное: она судорожно вытягивалась на

ряднѣ, набитомъ соломой, и не узнала мать, когда та наклонилась надъ ней.

Утро въ Костятиновой избѣ наступило пасмурное и скучное. Зинка повидимому кончалась. Марья забыла про таракановъ и хотя она еще вчера не сомнѣвалась въ грустномъ исходѣ Зинкиной болѣзни, но теперь съ воемъ побѣжала къ фельдшеру. Онъ обѣщалъ пріѣхать черезъ часъ. Когда-же Марья вернулась, то застала Зинку сидящей на постели, дѣвочка была блѣдна и смотрѣла повеселѣвшими глазами, опухоль горла пропала. Зинка играла тараканами, Костятинъ, Иванъ и Анютка ловили этихъ звѣрей въ красный платокъ, который, завязанный узломъ и положенный на столѣ, шевелился, какъ живой. Марья до того обрадовалась, что напустилась на больную дѣвочку.

— Ты чтожъ это, негодная дочь, матку напужала? Я ужъ думала, что ты помираешь. Развѣ можно такія шутки дѣлать? Матушка ты моя родимая! Глазками смотритъ и таракашечки въ ручкахъ. Что-жъ мы будемъ фершалу говорить, какъ онъ пріѣдетъ? Ну, слава тебѣ Господи, что хоронить не придется, расходъ-то большой. Дочь моя милая, дочь негодная, пупочка моя пригожая, хлѣбца не хочешь-ли скушать, сахарку кусочекъ, капустки, можетъ хочешь кисленькой? Анютка, дай ты ей, сдѣлай милость, баранку.

— Баранки нѣтъ,—сказала Анютка.

— А гдѣ-жъ она?

— Я съѣлъ баранку,—признался Костятинъ. — Неужли-же я не могъ съѣсть? Послѣдній я человѣкъ въ домѣ развѣ? Я первый человѣкъ въ домѣ. Чай пилъ и баранку съѣлъ.

— И, бестыжіе глаза твои!—вскричала Марья и замахнулась на мужа. Онъ храбро выдержалъ нападеніе. Но такъ какъ движеніе Марьи не перешло въ дѣйствіе, то онъ счелъ себя, въ концѣ-концовъ, глубоко оскорбленнымъ.

— О чемъ спорится безмозглая баба. Я, можетъ, нарочно съѣлъ баранку, чтобъ Зинка нэ подавилась. А ей бульонъ нуженъ куриный, да порцію телячьихъ котлетъ съ сухариками, на гусикомъ маслѣ. Я знаю, что говорю, слава Богу въ трактирѣ насмотрѣлся.

— А птичье молоко знаешь?—ядовито спросила Марья.

— Птичьяго молока не бываетъ, а гусиное масло изъ-подъ кожи вынимаютъ, его по три рубля фунтъ продаютъ. Плевать мнѣ на твоихъ таракановъ,—презрительно продолжалъ онъ, чтобъ досадить женѣ.—А какъ самосѣкъ выдумаю,—ну тогда точно гусинаго масла куплю.

— Полно врать, а вотъ Ванька сходи, пару пряниковъ Зинкѣ купи.

Она достала изъ чулка двѣ копѣйки и послала сына въ лавочку.

Пока мужъ съ женою пререкались, пріѣхалъ фельдшеръ Зосима Павловичъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, съ туго курчавыми, черными волосами, и не то пьяными, не то добрыми масляными глазками, смуглый и похожій на еврея.

— Ничего,—сказалъ онъ на извиненіе Марьи, что напрасно его потревожили:—сѣрый народъ всегда вотъ такъ, повѣришь, а на дѣлѣ выходитъ, что до смерти еще далеко. Покажи язычекъ,—обратился онъ къ Зинкѣ.—У, хорошій язычекъ, медомъ надо помазать... А ты покажи язычекъ... тебя какъ зовутъ... Анютка? Ну, покажи язычекъ.

Онъ дотронулся пальцемъ до языка Анютки и похвалилъ его. Марья обезпокоилась, и шопотомъ приказала Анюткѣ сплюнуть.

— Чѣмъ-же благодарить васъ, Зосима Павловичъ? — льстиво начала она.—Народъ-то мы бѣдный. Костятинъ лѣтомъ былъ подрядчикомъ, а теперь поротъ его собираются за недоимки. Когда онъ еще свою машину выдумаетъ, а порки не избѣжать. Плохи работы, нонче никуда не гоже подрядчикомъ быть. Онъ машину выдумалъ, но въ волости на это не посмотрятъ.

— Въ волости аккуратное сословіе,—томно произнесъ Костятинъ.

— Какую-жъ ты машину, братецъ, выдумалъ?—спросилъ фельдшеръ.

— Женщина зря болтаетъ, ваше благородіе,—уклончиво отвѣтилъ Костятинъ, который, какъ и всѣ авторы, былъ скрытенъ до поры, до времени. А тараканами, вашей милости не поклониться-ли? Слухъ есть, что тараканов обожаете. Въ городѣ, баютъ, тараканы тоже въ спросѣ. Мы цѣльный платокъ согодня собрали, и еще есть. Значительные запасы еще имѣются.

— Ужъ и таракановъ у насъ!—съ радостью замѣтила Марья и всплеснула руками.

— На подарочкѣ не обезсудьте насъ,—сказалъ Костятинъ, подалъ фельдшеру платокъ съ тараканами и поклонился.

Фельдшеръ взялъ платокъ и спросилъ:

— Сушеные?

— Живые, что твои раки,—сказалъ Костятинъ.

Фельдшеръ, почувствовавъ, что тараканы шевелятся въ платкѣ, вскрикнулъ дикимъ голосомъ и уронилъ узелокъ на полъ.

— Я боюсь живыхъ таракановъ,—объявилъ онъ:—надо ихъ заморить сначала. Кипяткомъ надо ошпарить. Ошпарьте капяткомъ, тогда и приносите,—сказалъ онъ и уѣхалъ.

— Что я тебѣ скажу, Марья,—началъ Костятинъ, почесывая въ затылкѣ.—Непутевый я человѣкъ. Отчего, какъ фершалъ заговорилъ, испугался я. Что если онъ шутить гораздъ? И сколько надо мной шутили, когда я подрядчикомъ былъ! Подведутъ ребята и потомъ ротъ раскроютъ и за животъ держатся, провались они. Я по рублю восемь гривенъ взялъ съ сажени за вырубку, а угловъ, вишь ты, шестнадцать въ строеніи,—меньше трехъ рублей взять нельзя было. Я тогда красную рубаху заложилъ, двѣ жилетки отличныя, цѣпочку и струментъ. Что смѣху было. Съ этого самаго смѣху пива дѣйствительно я много выпилъ.

Онъ сплюнулъ и махнулъ рукой.

— Пустая голова твоя, Костятинъ, ошпарьте, говоритъ, таракановъ и приносите, сколько есть, всѣхъ заберу. Это фершалъ-то. Слышала ты, Анютка? Зинка и та небось поняла. Всѣхъ, говоритъ, всѣхъ—сушеные по сорока копѣекъ, а сырые по двугривенному. Какже станетъ онъ тебѣ шутить. Живыхъ таракановъ боится, такъ вонъ и земскій начальникъ боится. Какъ пріѣдетъ, баютъ, къ намъ въ волость, сейчасъ запрется и кричитъ: мнѣ, кричитъ, отъ таракановъ житья у васъ нѣтъ, но, впрочемъ, вы люди честные и богобоязненные, а то всѣхъ перепороть-бы надо... Съ таракановъ-то, пустая голова твоя. Значитъ мы радоваться должны, что объявился фершалъ.

— Не нашего ума дѣло, не разбери Господи! Можетъ оно и отъ начальства! А слѣдовало-бъ спросить, соли не прибавлять-ли,—сказалъ Костятинъ и устремилъ задумчивый взглядъ на пустую сороковку, стоявшую на подоконникѣ маленькаго покосившагося окна.

— Марья, а литки будутъ?—осклабясь освѣдомился онъ. — Я за Митькой схожу, да за Федькой Безносымъ, они, Марья, съ превеликимъ удовольствіемъ по шкалику выпьютъ. На Федьку даже страшно смотрѣть. Весь ободранный, плечо голое, руки дрижатъ, душевный человѣкъ!

— Пропади ты пропадомъ съ твоимъ Федькой Безносымъ и съ Митькой и со всей шантрапой твоей. Стану я васъ сороковками отпаивать! Лучше я мѣшокъ найду, другой изъ рядна пошью. Мы живымъ манеромъ таракановъ оберемъ. У насъ своя артель,—Анютка и Ванька, насъ двое—четверо, и Катьку отъ писаря отозвать, фря она городская. Экое счастье привалило, отъ таракановъ пользу можно имѣть, пусть-же и она супротивъ родителей не идетъ. А все что ты болталъ ночью, въ одно ухо я впустила, въ другое выпустила и подрядчика мнѣ не надо, чтобъ литки пить. Много васъ такихъ лежебоковъ.

— Марья,—укоризненно произнесъ Костятинъ.—Стыдно тебѣ, Марья, моей главы ослушиваться, потому что я тебѣ толкомъ говорю, артель нужно собрать непремѣнно—чтобъ мужикъ былъ дюжій. Федька крючникомъ былъ—тамъ ему и носъ отщемило. Вишь ты онъ пьянъ былъ маленько и въ головѣ шатило, по лѣстницѣ пошелъ съ кульемъ, оступился, носомъ и поѣхалъ. А напорожники желѣзные. Ты сама посуди, Марья, и съ тобой такое несчастье можетъ случиться. Нѣтъ ужъ лучше дозволь хоть одного Федьку Безносаго взять. Съ нимъ, я увѣренъ, мы цѣлую скирду таракановъ накидаемъ. И какъ-бы только они, братъ ты мой, не стали портиться.

— Чего тамъ портиться, — не дура я, чтобъ сырьемъ продавать. Нашъ таракань большой, молочный, что воробей ходитъ. Онъ и сушеный потянетъ. Мы сушить будемъ и подумай, ты своей головой, Костятинъ, что сорокъ копѣекъ больше одного двугривеннаго.

— Я справедливый мужикъ... Марья, а Марья, красную корову-то купимъ? Мотри, не мало-ли одной? Я молоко замѣсто пива готовъ пить.

Дай мнѣ хоть на молоко гривеничекъ. Пришла охота мнѣ молочка попить. Дай, Марья, пока я тебя за косу не взялъ. Мнѣ съ Федькой надо бесѣду сдѣлать.

— Ты меня за косу, а я тебя ухватомъ, — закричала Марья. — Попробуй, несчастные глаза твои, жизни своей не радъ будешь.

— Марья, неужли-жъ ты не видишь, что я шутя сказалъ. Я Марьюшка...

— Ступай лучше къ Холодовымъ, поклонись имъ и тараканов попроси, они люди богатые, не откажутъ, что имъ тараканы! Акулина говоритъ, такъ отдадутъ. Да сходи къ писарю за Катькой, скажи дома надобно; такъ молъ и такъ, работа есть, а кака работа не объявляй, чтобъ ей чужіе люди чего не натолковали, потому что писариха, пустая голова твоя, все объ городѣ вздыхаетъ и рыбу сардинку съ лукомъ кушаетъ. Трески не хочу, отъ трески голова болитъ... Это она-то говоритъ, писариха, пустая голова твоя.

— Марьюшка, а Марьюшка...

— Ступай, ступай не разговаривай.

— Марьюшка!—совсѣмъ угасающимъ голосомъ протянулъ Костятинъ уже за дверью; но дверь захлопнулась при грозномъ крикѣ:

— Ступай!

VI.

Холодовъ—мужикъ видавшій виды и десять лѣтъ проходившій въ Бѣломъ морѣ на военномъ суднѣ въ должности боцманъ-мата, рубилъ новую избу вмѣстѣ съ своимъ шуриномъ Агаѳономъ. Сутуловатая спина его въ кожанной курткѣ рѣзко выступала на блѣдно-голубомъ фонѣ осенняго неба, на которомъ горѣло невысокое солнце. Иней и снѣгъ, нападавшій рано утромъ, растаялъ. Легкій вѣтерокъ развѣвалъ золотисто-рыжую бороду боцманъ-мата, который вѣрной рукою кантовалъ четырехъ-саженное бревно. Бревно было сухое сосновое, и звонко отдавались въ воздухѣ удары топора. Шуринъ Холодова, корявый мужичекъ съ черною лохматой головою, возился около другого бревна. Маленькій сынъ Холодова, извѣстный въ семьѣ подъ именемъ Ивана Ивановича, стоялъ поодаль и съ засунутыми въ ротъ пальцами, глубокомысленно смотрѣлъ изъ-подъ огромнаго чернаго картуза на тятькину работу.

— Здравствуйте вамъ,—сказалъ Костятинъ, поклонился и прибавилъ съ серьезнымъ видомъ:—Богъ помощь!

Иванъ и Агаѳонъ кивнули головой, едва поведя глазомъ въ сторону Костятина, и продолжали свое дѣло.

— Не видалъ ты, дядя Иванъ, Федьку Безносаго?

— Зачѣмъ мнѣ его видать? Мнѣ его видать совсѣмъ ненадоть,— отвѣчалъ Холодовъ и, пріостановивъ работу, закурилъ трубку.

— А я курить совсѣмъ бросилъ,—сказалъ Костятинъ.

— Что-жъ такъ? Али у подрядчика на табачекъ нехватка?

— Нѣтъ, объ этомъ нечего гнѣвить Господа, я какъ подрядчикомъ былъ, то всегда папиросы «Бабочка» курилъ и въ портъ-табакъ ихъ клалъ.

— А портъ-табакъ гдѣ-же?

— На полкѣ лежитъ,—увѣренно отвѣчалъ Костятинъ.

— А зубы при тебѣ или тоже на полкѣ?—добродушно спросилъ Холодовъ.

— Ты не смѣйся, дядя Иванъ, насчетъ зубовъ. Вотъ ты новую избу рубишь, а того не знаешь, что зубы изъ стекла дѣлаютъ, и самъ я видѣлъ у барина зубы на полкѣ. Такъ и лежатъ, сердечные.

— Тебя, Костятинъ, послушать для ума очень пользительно.

— Вѣдь и ты, дядя Иванъ, умственный мужикъ.

— Ну я что.

— Что-же подрядами довольно заниматься, или еще будешь?—предложилъ вопросъ Холодовскій шуринъ, работавшій въ полосатой рубашкѣ и то-же запустившій руку въ карманъ за трубкой.

Пока онъ закуривалъ, Костятинъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, подробно объяснилъ обоимъ мужикамъ и маленькому Ивану Ивановичу, что плотничій подрядъ вещь очень доходная и двадцать копѣекъ отъ рабочаго можно въ день оставлять, да вишь ты въ чемъ дѣло—разсчетъ надо держать.

— Я напримѣръ прогорѣлъ, будемъ такъ говорить, черезъ то, что рабочихъ нагналъ черезмѣрно. Гдѣ-бы четырехъ поставить, а я думаю, поставлю десять, лучше я дешевле съ хозяина возьму, а двугривенный на рабочемъ набѣжитъ все равно. Десять двугривенныхъ, два рубли. Между тѣмъ иду въ трактиръ чайку попить, съ народомъ поговорить, а шантрапа моя, безъ меня, тоже пьянствовать и вавилоны дѣлать. Во какую стѣну выведутъ. На другой день, значитъ, перекладывать вновь и отъ хозяина большая непріятность. Глядь, братцы мои, въ карманѣ тебѣ два рубли, а изъ кармана десять. Тутъ десять, въ другомъ мѣстѣ десять—ровно двадцать. Сичасъ струментъ подъ залогъ, жалетка отличная бархатная въ чистку, гармонику и ту продалъ. Ахъ, и хорошая у меня, братцы, гармонія была. Сама разговаривала.

— Какъ разъ подрядчику кстати,—замѣтилъ Иванъ.

— Добрый я очень, сколько моихъ денегъ пропало. Пущай имъ на гробъ, будь они прокляты. А у мирового взятки гладки. Чаю этого съ облакатомъ попьешь, трешницу ему сунешь и тебя-же самого, ахъ ты житье разанафемское! подъ арестъ—зачѣмъ безпаспортныхъ въ артели содержишь? Ухъ, ты мужикъ необразованный, я съ тобой чай пилъ, а ты мнѣ смѣешь упреки дѣлать. Посиди, песъ ты эдакій. Ты не дворянинъ, а я не Богъ.

— Ты и съ мировымъ чай пилъ?

— Доводилось и съ мировымъ. Я у него ремонтъ дѣлалъ — ну,

мнѣ точно стаканчикъ въ переднюю выслалъ. Но только я про аблоката говорю. Я ему въ глаза наплевалъ.

— А слыхалъ ты, что тебя въ волости сѣчь собираются?

— Слыхалъ, Катька моя у писарши днюетъ и ночуетъ. Какими розгами теперь наказываютъ?

— Натуральными. Не бойся, сосновыми не отдерутъ.

— Самосѣкомъ-бы удобнѣе было.

— Что ты говоришь?

— Пролетѣло. Авось удумаю. А что, дядя Иванъ,—просительно началъ онъ и приподнялъ картузъ.—Можно обрать у васъ таракановъ?

Рыжебородый боцманъ-матъ вынулъ трубку изо-рта и пристально посмотрѣлъ на Костятина. Корявый Агаѳонъ тоже пересталъ курить. Даже Иванъ Ивановичъ пересталъ сосать палецъ.

— Таракановъ хочу въ ходъ пустить,—загадочно сказалъ Костятинъ.— Все-таки польза можетъ быть.

— Таракановъ истреблять хочешь? Нѣтъ, братъ подрядчикъ, отъ меня не наживешь.

— Что-жъ такъ дрянью дорожитесь, дядя Иванъ?

— Какъ дорожитесь? Если ты что знаешь противъ таракановъ, помоги. А только денегъ, говорю, не заплачу. Услужи по-сосѣдски.

— Ладно. Съ мѣшкомъ приду и оберу. Мнѣ тараканы для дѣла нужны. Ты не понялъ меня, дядя Иванъ.

— Чудакъ человѣкъ, — произнесъ Холодовъ и, обратившись къ Агаѳону, спросилъ:—на что ему тараканы?

— Всей деревнѣ хочу пользу сдѣлать,—прервалъ Костятинъ Агаѳона, который усердно сталъ чесать затылокъ:—и самъ не останусь въ накладѣ. Такъ можно, дядя Иванъ?

— Ты за этимъ и пришелъ?

— За этимъ самымъ.

Еще разъ пристально посмотрѣлъ Холодовъ на Костятина. Сомнѣніе закралось въ его душу.

— Сходи къ моей хозяйкѣ въ избу, поговори съ нею, тамъ что она положитъ. Дѣло темное. Полтину дашь?

Костятинъ помоталъ головой.

— И хватъ-же ты, дядя Иванъ. То мнѣ хотѣлъ платить, а теперь полтину требуешь.

— Уходи ты, сдѣлай милость, по добру, по здорову, мы съ тобой тутъ немного наработаемъ. Уходи къ хозяйкѣ. Ейные тараканы, не мои.

— И то... Счастливо оставаться, дядя Иванъ, до свиданія съ вами, Агаѳонъ.

VIII.

Костятинъ вошелъ въ избу Холодовыхъ. У порога онъ перекрестился на иконы, потомъ отвѣсилъ поклонъ хозяйкѣ. Тетка Пелагея

стояла передъ печкой и наблюдала, какъ закипаетъ въ чугункѣ вода. Другой чугунъ поменьше былъ выдвинутъ на припечекъ и обливался жиромъ. Запахъ щей распространялся по избѣ и пріятно щекоталъ ноздри таракановъ (если у нихъ есть ноздри, что составляетъ спорный предметъ въ наукѣ). Ноздри Костятина тоже слегка затрепетали.

— Со щами васъ.

— Здравствуйте, Костятинъ, мы каждый день щи кушаемъ.

— Съ бараниной?

— Зарѣзали барана, грѣшны. Мой-то мужикъ безъ мяса за столъ не сядетъ.

Тетка Пелагея, несмотря на свои сорокъ пять лѣъ, была еще румяная баба. Она вѣчно суетилась. Пряла, ткала, кормила скотину, плела чуни зимою, а лѣтомъ растила огородину; и между прочимъ рожала дѣтей. У ней ихъ было девять человѣкъ большихъ и малыхъ—своихъ, да пятеро внуковъ—дѣтей отъ двухъ дочерей, мужья которыхъ еще не возвратились съ отхожихъ промысловъ. Оба промышляли пилою, отличные были пильщики. Изба у Холодовыхъ была большая, а все-же тѣсно было, да и стала она ветшать. Новая была необходима.

— Воспареніе-то у васъ какое!

— Парко у насъ.

— Таракана, должно быть, много у васъ, тетка.

— Садитесь, Костятинъ. Что скажете?

— Я говорю, таракана у васъ много, а только онъ теперь ни по чемъ. Сама посуди: кто таракановъ продавать станетъ? Скажемъ такъ: фунтъ, что-жъ за него взять? Развѣ тараканы ягоды? Сушеные или свѣжіе, все едино—грошъ имъ цѣна.

— Разговора твоего никакъ понять не могу,—возразала Пелагея.—Дѣло утреннее—на посидѣлки я не хожу, до праздниковъ еще далеко. На праздникахъ милости просимъ къ намъ—тогда и пошутимъ.

— Я не шучу, зачѣмъ я шутить буду съ чужою женою? Своя у меня есть и та надоѣла. Нѣтъ, сурьезно, подари ты мнѣ, сдѣлай милость, тетка Пелагея, своихъ таракановъ, а я за тебя буду вѣкъ Бога молить.

— Рехнулся ты, Костятинъ, право слово, не въ своемъ ты умѣ! И жалко мнѣ тебя, и боюсь я тебя. Что у васъ мало таракановъ, что-ли? Да и какже я дарить буду? Тараканъ тварь свободная. Онъ не курица, его не подаришь.

— Тетка Пелагея, разумно ты разсуждаешь и сколько разъ я Марьѣ своей говорилъ — учись, Марья, уму-разуму у Пелагеи. Пелагея самому чорту зубы заговоритъ. Мѣшка нѣтъ-ли у тебя, Пелагея?

— Есть мѣшокъ, да на что?

— Таракановъ въ мѣшокъ посажу.

— Окаянный Костятинъ, не пужай ты меня! Никогда я еще отродясь такого не видывала и не слыхивала. Не дамъ я тебѣ ни одного таракана. Ужъ и голова твоя сквозная, а спина несчастная.

— Насчетъ порціи? Самъ я знаю, что порцію пропишутъ. А ты будь добрая. Тебѣ-же лучше — изба чище станетъ. Я тараканами недоимку взнесу.

Пелагея стала хохотать. Она взялась за бока и раскачивалась передъ печкой. Костятинъ, ободренный ея смѣхомъ, изъ печурокъ, которыя зіяли въ раздѣлкѣ между коренникомъ и бревенчатой стѣною, началъ шваброй выметать таракановъ.

— Ахъ ты шутъ гороховый. Не трожь, я крику надѣлаю. Ужъ во щи таракакъ упалъ!

Она схватила Костятина за плечи и повернула лицомъ къ дверямъ.

— Подожди, тетка, не сердись. Много-же ты возьмешь за таракановъ? Неужли-же полтину? По копѣйкѣ фунтъ—за глаза довольно!

Въ избу вбѣжалъ Иванъ Ивановичъ, заинтересованный судьбой родимыхъ таракановъ.

— Мамка, не отдавай ему таракановъ! Тятька говоритъ, что цѣну надо взять!

— Пошелъ ты, клопъ!—закричала Пелагея на сына.—Что вы сговорились изводить меня сегодня? Я не маленькая дурочка. Слава Богу, у меня внуки есть.

— Слыхала ты, Пелагея, новость?—пріотворивъ дверь сказала Акулина:—фершалъ таракановъ скупаетъ. За сушеные сорокъ копѣекъ даетъ, за свѣжіе двугривенный. Ахъ, и Костятинъ тутъ. Здравствуйте, Костятинъ... Уже обираете?

— Да неужели-же цѣна есть на таракановъ?—вскричала Пелагея.

— Есть, Пелагеюшка, есть, и хорошая цѣна. Оно дѣйствительно съ первоначалу смѣшно, а какъ надумаешься — отчего-же не продать? Твоя баба, Костятинъ, мнѣ все разсказала. Просила не болтать, да мы свои, Пелагея никому не разскажетъ. Пущай, они люди бѣдные! На кой хрѣнъ таракановъ беречь?

Свидѣтельство тетки Акулины заставило тетку Пелагею призадуматься. Она уже съ нѣкоторымъ уваженіемъ посмотрѣла на «свободную тварь», въ запуски бѣжавшую по стѣнѣ; и Костятинъ пересталъ ей казаться дуракомъ, потому что въ концѣ концовъ она была справедливая женщина.

— Если такъ, Костятинъ, то тѣмъ паче намъ самимъ тараканы пригодятся, а хочешь изъ-пола собирай—Богъ съ тобой, гдѣ наше не пропадало!

— По копѣечкѣ-бы.

— Нѣтъ, самимъ дороже стоитъ.

Тщетно торговался Костятинъ. Второй тараканъ успѣлъ свариться въ щахъ. Подрядчикъ покраснѣлъ отъ досады.

— Ну, и дошлыя-же вы бабы! — вскричалъ онъ. — Посмотримъ, какъ-то безъ меня обойдетесь. Ихъ можно не иначе собрать, какъ артелью. Чтобъ однимъ загонять, а другимъ ловить. А иначе разбѣгут-

ся. Вишь, нѣтъ звѣря умнѣй. Тараканъ уменъ. По двѣ копѣйки идетъ? По три?

Костятинъ разгорячился. Тараканы, распуганные шваброй, метались по избѣ и соблазняли его своимъ откормленнымъ видомъ.

— Ты мотри, тараканъ-то какой!—сказала Пелагея, уловивъ направленіе его взгляда.

— Тараканъ стоющій, я не спорюсь... Богъ съ тобой, возьми полтину, какъ твой мужикъ положилъ. Пущай-же вамъ срамъ будетъ, что вы мнѣ таракановъ продали. Тетка Пелагея, отдай! На мѣстѣ мнѣ провалиться, отдай. Ударимъ по рукамъ. Жалѣть будешь, можетъ ночь не поспишь, да поздно ужъ. Такъ-то.

Тетка задумалась. Акулина была добрая женщина, она пожалѣла Костятина и по ея взгляду было видно, что она не стала-бы дорожиться. Пелагея посмотрѣла на сосѣдку и сказала:

— Возьми за полтину, что съ тобой дѣлать. Можетъ, я и продешевила. Охъ горюшко мое! Охъ-хо-хо-хо-хо!

Она схватила ухватъ, такъ, что испугала Костятина, который отскочилъ въ сторону, имѣя преувеличенное представленіе о неожиданности женскихъ поступковъ, и выдвинула горшокъ съ водой, который застлалъ бѣлымъ паромъ пол-избы.

— Полтину отдавай и съ Богомъ, проговорила она, возвысивъ голосъ.

Костятинъ отправилъ руку въ карманъ и можно было подумать, что у него имѣется, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ копѣекъ. Но такъ какъ у него не было ни копѣйки, то онъ рылся въ карманѣ до тѣхъ поръ, пока лицо его не приняло самаго растеряннаго выраженія.

— Былъ гривенничекъ, объявилъ онъ и оставилъ-бы я его въ задатокъ, да Марья пожалѣла дать мнѣ на молоко. Мнѣ молока охота была попить. Я-бы молока не пилъ и пива то-же не пилъ-бы, а всѣ деньги тебѣ, тетка Пелагея, до копѣечки отдалъ-бы. Поди-жъ ты, ... Экіе грѣхи, право.

Опустивъ руку чуть не по локоть въ другой карманъ, онъ тщательно продолжалъ розыскивать въ немъ несуществующій гривенникъ.

— Чего-жъ ловишь тамотко? сердито спросила Пелагая.—Что дурака строишь? Убирайся прочь. Нищій, а таракановъ пришелъ покупать. Если они въ цѣнѣ, то дождутся своего купца. Только вода изъ-за тебя вся выбѣжала.

— Вѣрь, ужо принесу, сказалъ Костятинъ.—Сама скажи, развѣ деньги полтина? Когда я подрядчикомъ былъ, я на полтину даже не смотрѣлъ. Услужающій получи полтину, пусти машину. Что день таково...

— То-то на таракановъ сталъ льститься. Оно хоть и пользу можно имѣть, а негоже честному человѣку тараканами торговать. Нечистый отъ этого, можетъ, вотъ какъ радуется. Ходитъ по жупелу, да

какъ лошадь ржетъ. Не хочу я полтины, если съ тебя нечего взять. Обирай даромъ. Согрѣшила я съ тобой, головотяпомъ, прости меня Господи!

— Спасибо, тетка Пелагея, большая вамъ благодарность на подарочкѣ вашемъ. Завтра я съ артелью приду—надо мѣшковъ купить да веревокъ, сказалъ Костятинъ, низко кланяясь.

— Съ артелью? Народу ко мнѣ въ избу наведешь? Срамить меня будешь?—закричала тетка Пелагея.—Ахъ ты!..

Тутъ почтенная женщина осыпала Костятина отборными ругательствами, какія только были доступны ея непосредственному женскому чувству.

Костятинъ нѣкоторое время стоялъ и хлопалъ глазами, наконецъ выскочилъ въ сѣни и по ступенькамъ высокаго крыльца сбѣжалъ внизъ, преслѣдуемый Пелагеею, голосъ которой еще раздавался въ его ушахъ, когда онъ шагалъ по улицѣ, встряхиваясь, какъ трепанный.

IX.

По дорогѣ къ волостному писарю, Костятинъ встрѣтился съ Федькой Безносымъ. Не было ничего случайнаго въ этой встрѣчѣ, потому, что бывшій крючникъ обиталъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ кабакомъ, часто выходилъ «на волю» и грѣлся на солнцѣ, лежа на землѣ, какъ бѣдный Лазарь, устремивъ глаза туда, гдѣ день и ночь изъ мѣднаго крана сочилась водка въ подставленный сосудъ. Но Костятинъ отъ всей души удивился встрѣчѣ.

— Федя, другъ любезный! Неужли ты?

Почему Костятинъ предложилъ этотъ вопросъ? Нельзя было сомнѣваться, что это Федя, потому что онъ обладалъ роковой примѣтой:—ущемленнымъ носомъ, частію отсутствовавшемъ на его широкомъ мрачномъ лицѣ, заросшемъ волосами до самыхъ глазъ. Его можно было-бы принять за несчастную жертву разбойниковъ, которые сняли съ него кафтанъ, сапоги и даже поясокъ:—розовая рубаха съ вырваннымъ плечомъ висѣла на немъ, какъ мѣшокъ. Босыя ступни были желты, какъ воскъ, и пухлы, какъ булка. Видя, что Костятинъ какъ будто не сразу призналъ его, Федька проговорилъ:—

— Я самый. Я.

— Простудился, что охрипъ такъ? съ любопытствомъ спросилъ Костятинъ.

— Захватилъ маленько простуды, подтвердилъ Федька.—Сапоги-то вишь я пропилъ. Фершалъ сказалъ, что у меня водянка будетъ. Ну, я и пропилъ—шутъ съ ними.

— Федька, подрядъ я взялъ—только ты не смѣйся.

— А какой подрядъ?

— Таракановъ обирать по всей деревнѣ—безпримѣнно скирду надо накидать.

— Что-жъ накидаемъ, сказалъ Федька.

— Можешь ты, Федя?

— Накидаемъ, повторилъ Федька, относясь къ подряду Костятина съ равнодушіемъ человѣка, который, въ надеждѣ на скорую водянку, уже ничѣмъ не поражается.

— Не бойся, не обижу, сказалъ Костятинъ.

— Шатитъ меня, началъ Федька.—Шатитъ меня нестерпимо. Большой шатъ въ ногахъ. Помру я скоро. Не будетъ у васъ больше Федьки Безносаго, нѣтъ! И другого такого вамъ не дождаться. Главное мое качество—я другомъ могу быть. Если въ кабакъ идешь, Костя, возьми меня съ собой. Не пей безъ меня, сдѣлай милость. А таракановъ я однимъ махомъ изловлю.

— Приходи, Федька, ко мнѣ, отвѣчалъ Костятинъ.—Мы съ тобой сурьезно потолкуемъ. Хоть-бы на смѣхъ, одна копѣечка была теперь при мнѣ!

Федька бросилъ на него внимательный взглядъ.

— Продай, посовѣтовалъ онъ и указалъ на полушубокъ.

— Не годится продавать, возразилъ Костятинъ.—Онъ мнѣ самому завсегда нуженъ.

И тутъ онъ доказалъ справедливость своихъ словъ, поднеся мѣховую полу къ носу и издавъ имъ трубный звукъ.

— Прощай, мрачно сказалъ Федька Безносый.—Эхъ! народъ безсердечный!.. Еслибъ у меня былъ полушубокъ, я бы не пожалѣлъ для друга. Другъ ты мнѣ, Костятинъ?

— Какже ты хочешь, Федя, чтобы подрядчикъ безъ полушубка ходилъ? Кому—кому, а ужь мнѣ нельзя быть безъ полушубка. Взять также и то, что жена у тебя ласковая, а у моей бабы зубы, что у крысы. Она меня за полушубокъ пополамъ перерветъ.

Федька Безносый промолчалъ. Это было справедливо. Онъ опустился на колоду и устремилъ глаза опять на кабакъ, а Костятинъ сказалъ.

— Такъ гляди же, Федька, на таракапѣ можно нажить, а тамъ что я въ день положу . . . . . Ладно?

— Ладно, протянулъ Федька и махнулъ рукой.

X.

Надо было пройдти всю улицу. На поворотѣ къ церкви—тамъ, гдѣ начиналась плотина, стоялъ домикъ волостного писаря, крытый, не въ примѣръ прочимъ избамъ, соломой и огнеупорной глиной и расписанный красными, синими, зелеными, желтыми и вообще невозможными узорами. Это производило въ началѣ сильное впечатлѣніе на дягиловцевъ; но потомъ они привыкли, хотя, отъ времени до времени, писарь и писариха любили удивлять честной народъ не тѣмъ, такъ другимъ. Напримѣръ, писарь завелъ двуглазку, которая держалась сама собой на концѣ его носа; когда надо было писать, онъ снималъ ее и клалъ

возлѣ себя. Что касается писарихи, то она два года подрядъ являлась въ церковь въ шелковой шали и въ таусиновой косынкѣ на головѣ, но вдругъ надѣла пальто съ карманами назади, куда, то и дѣло, совала руки то за платочкомъ, то за портмоне, и вмѣсто косынки стала щеголять въ шляпкѣ величиной съ огородъ; сбоку красовалось чучело въ видѣ мертвой вороны съ стеклянными глазами. Вообще затѣйники были писарь и писариха. Кто идетъ къ нимъ, долженъ былъ звонить въ мѣдную ручку, которая такъ ярко была вычищена, что дягиловцы боялись прикасаться къ ней и предпочитали стучать въ дверь перстомъ, а иногда и просто кричать: «Уваръ Ивановичъ, отворите!» «Уваръ Ивановичъ!» «Ува-а-аръ!»

Костятину не пришлось долго стучать перстомъ—его увидѣлъ изъ окна самъ Уваръ Ивановичъ, пившій съ фильдшеромъ чай. Катерина, по его приказанію, впустила отца.

— Что это вы, папаша?.. по какому дѣлу? спросила она. Неужели насчетъ розогъ биспакоитесь? Не очень тревожьтесь, потому что я отъ страму въ тотъ бы день уѣхала и значитъ, ежели я тутъ, то до порціи еще потерпите.

— Тише, Катерина, не равно услышитъ!—Богъ съ нимъ. Я хоть его и не боюсь, а ненарокомъ... помолчать лучше. За тобой пришелъ я. Мать велитъ тебѣ домой идтить:—въ тараканью артель тебя. Это мать-то, а я ничаго—по мнѣ мужикъ лучше справился-бы. Дѣвка въ артели не годится. Иди, иди, мать осерчаетъ. И, Боже мой, размочалитъ она тебя—жаль мнѣ твою косыньку, Катерина.

— Вы, папаша, бѣлены обкушались? измѣнившись въ лицѣ, спросила Катерина.—Въ какую артель вы меня опредѣляете? Мнѣ мѣсто у земскаго начальника выходитъ, я бѣлая горничная, а вы насчетъ таракановъ! А, впрочемъ, все это въ родѣ сумасшествія. И хотя я родителей должна уважать, но у меня своя голова на плечахъ. И за меня заступники найдутся, было-бы вамъ извѣстно.

— О чемъ ты разговариваешь съ нимъ? спросилъ Уваръ Ивановичъ, просунувъ голову.

— Пусть они вамъ сами скажутъ—я что-то не очень поняла, а между тѣмъ дурой меня никто не считалъ! Мать меня тир-а-а-нить собирается, со слезами пояснила Катерина.

Костятинъ замахалъ на нее картузомъ и полой полушубка.

— Полно, что ты, цыцъ! Домой мать требуетъ, а у ней нежеланіе, Уваръ Ивановичъ,—вишь мѣсто выходитъ къ земскому начальнику. Я и то говорю, гдѣ ужъ тутъ за таракакомъ гоняться.

— За какимъ таракакомъ? Зосима Павловичъ, выйдите, взгляните на этого обалдѣлаго...

— За какимъ таракакомъ?

— За черны-и-мъ, отвѣчалъ Костятинъ.

Катерина всплеснула руками, наклонилась до земли и стала хохо-

тать. Вошла въ коридоръ писариха и, еще не зная — въ чемъ дѣло, тоже засмѣялась.

Костятинъ стоялъ пасмурный съ отвороченной полой полушубка, одна рука его была судорожно запущена въ затылокъ.

— За черны-и-мъ! Вы папаша, мужикъ необразованный—съ вами и смѣхъ и горе. Послушайте, душенька, какая неправдоподобная канитель. Вы только послушайте! Вотъ и живи въ такомъ, можно сказать, невѣжествѣ.

— Зосима Павловичъ, взмолился Костятинъ.—Сдѣлайте вашу милость, подтвердите толкомъ, что, по вашему же приказу, таракана надлежитъ ловить, сколько въ Дягиловкѣ найдется, и которыхъ въ кипяткѣ варить, которыхъ на соломѣ въ вольномъ духу сушить. Справедливо-ли я говорю?

Тутъ ужъ и писарь не выдержалъ и такъ захохоталъ, что двуглазка спрыгнула у него съ носа и онъ на лету поймалъ ее обѣими руками.

Фельдшеръ покраснѣлъ и сказалъ:

— Натурально, я женѣ твоей вчера объ этомъ выразилъ, потому что—обратился онъ къ писарю—отъ врачебной управы въ самомъ дѣлѣ получено предписаніе насчетъ таракановъ, какъ лѣчебнаго средства, но я, между нами сказать, эту теорію самъ еще хорошенько не раскусилъ.—А ты, братецъ, старайся и другимъ мужикамъ объяви. Чѣмъ въ кабакѣ-то глотку лудить алкоголемъ, лучше таракановъ собирать.

— Спасибо, тебѣ ваше благородіе, просіявъ вскричалъ Костятинъ и низко поклонился.—Живо собирайся! смѣлѣе крикнулъ онъ на дочь.—Покелѣва къ земскому начальнику поступишь, матери не смѣй перечить. Извиненія просимъ, Уваръ Ивановичъ, и у тебя, Лукерья Филиповна, а ужъ хочешь не хочешь, дочь я уведу.

И дѣйствительно, Костятинъ проявилъ въ этомъ отношеніи большую настойчивость. Писарь посовѣтовалъ Катеринѣ повиноваться, тѣмъ болѣе, что она была несовершеннолѣтняя. Писарь былъ извѣстный законникъ, да и надоѣла ему гостья. Костятинъ, въ концѣ концовъ, отправился съ дочерью домой. Она шла впереди въ розовомъ платьѣ и въ кофточкѣ, обшитой фальшивымъ барашкомъ, а онъ позади въ своемъ «натуральномъ» полушубкѣ, приговаривая отъ времени до времени: «Ужо будешь ты матерь знать, курицына дочь»!..

XI.

Отецъ съ дочерью подошли къ своей избѣ.

— Входи, приказалъ онъ.

— Входите вы, папаша.

— Что это ты меня все папаша, да папаша? Какой я тебѣ папаша? Ты думаешь—барышня? Входи! яростно вскричалъ онъ.

Катерина сказала:

— Что-жъ, и войду, а если вы не папаша—запишемъ для памяти.

— Нѣтъ, ты что-то больно умна стала. Мы изъ тебя умъ выбьемъ. У меня по стрункѣ. Ну!

Катерина отворила дверь. Мать только что сварила обѣдъ. Было два часа на Костятиновыхъ часахъ, но такъ какъ онъ ихъ не провѣрялъ со времени возвращенія своего въ деревню, то нельзя было полагаться на ихъ показаніе. По мнѣнію Марьи, былъ полдень, потому что солнце какъ разъ свѣтило въ печурку, гдѣ копошились тараканы.

— Привелъ, объявилъ онъ.

— Лишній ротъ привелъ, проворчала Марья.—Ты даже матери и не поклонишься.

— Я поклонилась, какъ полагается въ нашемъ быту. Здравствуйте, мамаша, еще разъ! Не безпокойтесь, мамаша, я ѣсть не хочу, вы знаете, я къ вашей пищѣ не привычна. Зинка не померши еще? Слава Богу. Здравствуй и ты, Анютка. А гдѣ-же Иванъ?

— Иванъ, слѣзь съ печи, сестра пришла.

Иванъ зѣвнулъ, какъ Костятинъ. Вскорѣ показалась одна нога, обутая въ валенку, спустя нѣкоторое время другая.

— Мамка, коноплянаго нѣтѣ-ли?

— А зачѣмъ тебѣ?

— Конопляпаго? насмѣшливо спросилъ Костятинъ.

— Бокъ дюже пропекло, отвѣчалъ Иванъ.

— Конопляное на постъ надо припасать. Мало у насъ конопляного то, водицей примочи. Погляжу я на тебя—весь въ отца.

Иванъ медленно упалъ на полати, а съ полатей на полъ, подошелъ къ столу, взялъ корку хлѣба, запихнулъ въ ротъ и сказалъ сестрѣ:

— М-здраствуй!

— Какъ у людей поживешь, на своихъ и смотрѣть не хочется, проворчала Катерина, оглянулась на скамейку и сѣла.

— Кофточка на тебѣ хорошая.

— Хорошая, да для кого. Что это, мамаша, странный какой разговоръ насчетъ таракановъ я слышала?

— А то, Катька, что будешь дѣлать, какъ тебѣ прикажутъ, проговорила Марья.— Ужь очень ты отъ рукъ отбилась. Намъ въ семействѣ работница вотъ какъ нужна. Сушеные сорокъ копѣекъ, а сырые двадцать. Это я про таракановъ. Фершалъ говоритъ, пустая голова твоя. Небось сама знаешь, коли спрашиваешь. Головотяпъ нашъ артель удумалъ, потому что онъ гораздъ на муху съ обухомъ. Но артель намъ не идетъ.

— Я сичасъ поняла, что вы про папашу утверждаете. Неужели-же, однако, вы такого низкаго мнѣнія, что я таракановъ соглашусь ловить? У меня отъ нихъ головокруженіе дѣлается. И на какихъ мѣстахъ я не жила, всегда таракановъ боялась. Вы меня отъ этой работы увольте.

— Что-жъ мы станемъ ее учить, аль нѣтъ? спросилъ Костятинъ, наклоняясь къ лавкѣ, и вытаскивая изъ угла старыя возжи.

— Погоди, батюшка, спѣшить, строго сказала Марья.—Такъ ты, Катерина, не хочешь ѣсть? Щи у насъ пустые? Отчего-же, щи у насъ хорошiе. Каша у насъ съ русскимъ масломъ. Хлѣбъ съ пелёвой. Ничего, и хлѣбъ у насъ хорошiй. Поняньчись съ маленькимъ Костей.

— Въ грязи какой, мамаша, содержите вы ребенка.

— Указывать намъ будешь? возвысивъ голосъ, спросила Марья.

Костятинъ бросилъ взглядъ на возжи.

— Она, слышь, идти не хотѣла.

Катерина, взявшая-было ребенка на руки, положила его обратно въ зыбку и заплакала.

— Пущай ее,—равнодушно сказала Марья.—Похлебаемъ, что Богъ послалъ. У Холодовыхъ былъ?

— У нихъ жирный тараканъ. Я полтину давалъ.

— Полтину, съ ума ты сошелъ!

— Сама-то согласна была, да вишь денегъ у меня съ собой не было. Ты мнѣ на задатокъ ничего не дала. Срамишь ты меня, жена милая. Все-жъ, какъ-никакъ, я подрядчикъ. Я и въ полушубкѣ, и картузъ на мнѣ, и часы при мнѣ. Безносаго я сустрѣтилъ.

— Ну?

— Обѣщается всѣхъ таракановъ однимъ махомъ изловить. Тоже на сороковку годилось-бы дать. Онъ полушубокъ совѣтовалъ пропить,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Что-жъ, было послушать.

— Рубля четыре Василiй Митричъ дастъ,—задумчиво сказалъ Костятинъ.

— А зимой, что-бы ты дѣлалъ?

— На печи все едино лежать, что въ полушубкѣ, что безъ онаго.

— А хватила-бы я тебя ложкой по лбу, ей-ей, тошно слушать. Тебѣ тараканы ужъ прискучили?

— Неужели-же самому мнѣ ловить? Такъ много не наловишь, съ одного себя прибыль не великая. Артель—ина стать; три человѣка—тридцать копѣекъ въ день, а сорокъ—четыре рубля на худой конецъ.

За дверью раздался стукъ, кто-то хотѣлъ попасть въ избу и не могъ, и въ досадѣ ворчалъ, какъ медвѣдь.

— Никакъ Безносый!—догадался Костятинъ и озабоченно всталъ.—Сдѣлай милость, Марья, дай хоть гривеничекъ!

— Пошто я тебѣ буду давать?

— Марья!—осерчавъ началъ Костятинъ:—Хочешь, чтобъ я тараканомъ сурьезно занялся, аль ты на вѣтеръ все врала и главы моей нисколечко не уважаешь? Скажи, на маково зерно и то въ тебѣ страху ко мнѣ нѣтъ!—плюнувъ, вскричалъ онъ.

— Пропади ты пропадомъ, пустая голова твоя!—завопила Марья:—

самъ ты все врешь, песъ непотребный! Жралъ ты пиво все лѣто, а мы тутъ работали, какъ каторжные, день-деньской, день-деньской, хлѣба припасали, коровку растили, для тебя-же, прожоры, на говядину зарѣзали. Намъ соли надо купить—досолить толонину, а ты, безстыжіе глаза твои, сорокъ человѣкъ пьяницъ грозишься набрать... Охъ, и глупая-же я, глупая, что тебѣ разсказала, окаянному! не съ тобою таланъ мнѣ сужденъ, а указано вѣкъ маяться, да причитывать: ухъ. и дуракъ-же мужъ у меня, головотяпъ безсовѣстный! Ужъ и мужъ у меня, у кого еще есть мужъ такой!..

На Костятина всегда дѣйствовали Марьины слова, какъ градъ, отъ котораго спѣшатъ куда-нибудь укрыться. Онъ едва схватилъ шапку. выскочилъ изъ избы, споткнулся на Федьку Безносаго и упалъ въ сѣняхъ. Вмѣстѣ, они кое-какъ поднялись и спустились по ступенькамъ крыльца на улицу.

— Другъ ты мой, не будетъ артели, разстроила злая женщина! Выцарапала-бы она тебѣ глаза и былъ-бы ты еще безглазый. Не подрядчикъ я. Часы оставлю про всякъ случай, а полушубокъ тю-тю! Полушубокъ мы, другъ, пропьемъ!

Друзья направились къ кабаку.

XII.

Василій Митричъ былъ мужикъ толстый, брюхатый, съ красными щеками, опушенными черной бородкой, и съ веселымъ взглядомъ, лѣтъ подъ тридцать. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный и зналъ—не только зналъ, но и двадцать разъ въ рукахъ держалъ книги Дарвина, Гексли, «Прекрасную магометанку», сочиненія Тургенева, Марлинскаго, учебники Смирнова, ариѳметику Малинина и Буренина, множество французскихъ изданій преимущественно въ растрепанномъ видѣ, и часто пропитанныхъ, если это были романы Золя, Додэ, Монтепена, Прево и тому подобныхъ, запахомъ геліотропа и карилопсиса. Онъ-бы далеко пошелъ, если-бы не выслали его изъ столицы за пріобрѣтеніе краденыхъ книжекъ. Однимъ словомъ, онъ въ ранней молодости былъ букинистомъ—сначала, какъ водится, служилъ мальчикомъ, а потомъ держалъ и свою лавочку. Можетъ быть, онъ скоро сталъ-бы издателемъ и благодаря его расторопности, настоящая безхитростная повѣсть, напечатанная на прекрасной оберточной бумагѣ, разошлась-бы не въ тысячахъ экземплярахъ, а въ десяткахъ тысячъ. Но съ кѣмъ не случается грѣха. Его выслали, онъ распродалъ свое собраніе библіографическихъ рѣдкостей и хлама и черезъ годъ, въ теченіи котораго аттестовалъ себя передъ земляками съ самой лучшей стороны, потому что чуть не каждый праздникъ ставилъ міру по ведру водки, получилъ въ аренду общественный кабакъ. Толковый былъ мужикъ и всѣмъ пришелся по нраву. Женился онъ на дочери старшины и взялъ

въ приданое островъ съ такими деревами, что два человѣка едва могли обхватить. Рыбныя ловли тоже очутились въ арендѣ у Василія Митрича. Да все равно, и безъ аренды мимо его никому нельзя было продать рыбы. Главное, что онъ всегда цѣну зналъ. Дорогой цѣны не зналъ, а дешевую зналъ. Но вѣдь и деньги у него водились и кредитоваться онъ не любилъ. За все платилъ наличными. Обстоятельный былъ купецъ. Съ нимъ любо было поговорить. Несложны были его разговоры: «Да-съ, никакъ нѣтъ-съ, это точно-съ, никто себѣ не врагъ-съ», но тѣмъ онъ хорошъ былъ, что слушалъ внимательно. И жилъ онъ хорошо—на линіи барина. Жена его одѣвалась по-просту—впрочемъ развѣ кофточки носила модныя, съ рукавами, вздутыми на плечахъ. Но Василій Митричъ любилъ пестрыя крахмальныя сорочки, яркіе галстухи, пиджаки до колѣна и сапоги ваксилъ. У жилета его болталась толстая, серебряная цѣпочка съ брелокомъ, купленнымъ по случаю у лакея земскаго начальника и обладавшимъ рѣдкостной механикой: стоило нажать пружинку и брелокъ раскрывался какъ книжка, на каждой страницѣ котораго было по барышнѣ; только отъ времени онѣ полинили. Широта его торговой предпріимчивости поистинѣ была удивительна. Мало ему было кабака, мало рыбныхъ уловов, онъ мелочную лавочку въ деревнѣ открылъ, лѣсъ сплавлялъ и дровами нагружалъ барки; наконецъ давалъ деньги въ ростъ. Нечего грѣха таить—такъ случилось, что и земскій начальникъ ему задолжалъ. Земскій начальникъ былъ человѣкъ благородный, взятокъ не бралъ. Онъ выдалъ вексель Василію Митричу и поэтому не онъ Василія Митрича, а Василій Митричъ держалъ его въ рукахъ. «Пустое, Мордаръ Мордаровичъ, не извольте безпокоиться. Отдадите современемъ». А Мордаръ Мордаровичъ всетаки безпокоился, задумчиво посматривалъ проѣздомъ на питейный домъ, и на мелочную лавку, и на лѣсную пристань и тихонько вздыхалъ. Крѣпче щита, какъ вексель, нѣтъ, и оградилъ себя имъ Василій Митричъ, какъ каменной стѣной.

Когда Костятинъ и Федька Безносый ввалились въ кабакъ, тамъ ужъ стояли у стойки и тянули вино Митька и Яшка—плотники, которыхъ тяготили принесенные ими домой заработки и они старались придать имъ форму полегче. Оба ужъ порядкомъ осовѣли.

— А, и вы здѣсь, други сердечные!—вскричалъ Костятинъ, весело оскаливъ зубы.

Полушубокъ висѣлъ теперь у него только на одномъ плечѣ, стоило имъ шатнуть и полушубокъ упадетъ за стойку.

— Василію Митричу!

— А что тебѣ?—спросилъ изъ-за бочки Василій Митричъ.

— Къ вашей милости.

— Вижу, что ко мнѣ,—отвѣчалъ тотъ, окинувъ опытнымъ взглядомъ полушубокъ, сползавшій съ плеча.

— Нельзя-ли, благодѣтель...

— Нельзя.

Федька Безносый, остановившійся у порога, молча подобострастно поклонился кабатчику.

— Ну, а ты съ чѣмъ?

— Я по дружбѣ.

— Нельзя-съ здѣся.

— Костятинъ, другъ, не полагается здѣся, — какъ эхо отозвался Федька.

— На заднее крыльцо обойди — въ полголоса произнесъ Василій Митричъ и подмигнулъ, причемъ прядка жирныхъ волосъ отдѣлилась и мазнула его по щекѣ.

Изъ-за перегородки по его знаку вышла свояченица и усѣлась за стойкой, а Василій Митричъ ушелъ. Минутъ черезъ десять, Костятинъ и Федька, побѣдоносно вернулись въ кабакъ, вдвоемъ, но безъ полушубка. Василій Митричъ былъ дружелюбенъ.

— Вино больно хорошее,—объяснялъ онъ.—Хлѣбное и безъ воды. Такъ-съ. А что-же таракапъ этотъ въ пользу идетъ?—спросилъ онъ, продолжая разговоръ, очевидно начатый на заднемъ крыльцѣ, по почину Костятина.

— Неизвѣстно, ѣстъ онъ эту тварь, аль лѣкарство дѣлаетъ. Богъ съ имъ. Можетъ и отъ начальства—мы про то неизвѣстны. У-ахъ! Фу, ты, братцы, душу воротитъ! Влей еще, Федька, подставь посуду.

— Что-жъ, значитъ, тараканъ дѣйствительно въ большомъ количествѣ требуется?

— Врачебная управа, вишь, требуетъ... Куда намъ, не надо! Мы съ тобой, Федька, и такъ проживемъ. Митька, я угощаю тебя! Яшка! подрядчикъ угощаетъ.

— Что-жъ это Зосима Павловичъ мнѣ молчокъ, — тревожно подумалъ вслухъ Василій Митричъ. — Сорокъ копѣекъ, говоришь, сухой и двадцать сырой? Цѣна не дурная. Такъ-съ. А вѣдь въ нашей Дягиловкѣ таракановъ страсть.

— И-и-и-и!—пропѣлъ одинъ пьяница, растопыривъ пятерню.

— И-и-и-и!—протянулъ другой.

— Собрать ихъ дѣйствительно можно, только умѣючи,—двигаясь за стойкой и управляя мѣднымъ краномъ, разсуждалъ Василій Митричъ.—Маланья!—крикнулъ онъ.—Подите, посидите замѣсто меня, а я сѣмъ-ка съѣзжу къ Зосимѣ Павловичу.

— И-и-братцы! Таракановъ у насъ... Прямо будемъ говорить тараканье царство!—угодливо началъ Яшка, смакуя даровое вино.

— Не больно ты... эй, кто тамъ! про царство распространяйся!—строго замѣтилъ Василій Митричъ.

— Оно, дѣйствительно, не годится,—серьезно сказалъ Митька.

— То-то, не годится...

— Храни Богъ!

— Царство не царство, — сказалъ Костятинъ, входя въ интересы Василія Митрича: — а скажи—биржа извощичья. Что понапрасну себя дразнить... Василій Митричъ, бери подрядъ—разбогатѣешь,—посовѣтовалъ онъ и даже не почувствовалъ, что предалъ Марью. — Бери, говорю, тебѣ. Намъ съ Федькой не надо. Слава Богу, мы дѣйствительные плотники и такъ разсудить — пачкаться не стоитъ. Ну, а твоей милости, Василій Митричъ, рука—у тебя деньги есть.

— А вотъ я поѣду къ Зосимѣ Павловичу, потолкую. Пусть онъ монополь мнѣ предоставитъ, авось на дягиловскихъ таракановъ хватитъ,—сказалъ онъ и хлопнулъ себя по боковому карману.

— Василій Митричъ, твое здоровье! Ахъ, и славный человѣкъ Василій Митричъ. Ужь такого человѣка, то-ись скажи, свѣтъ пройдешь—не сустрѣтишь. Руки этому человѣку надо цѣловать, за то, что онъ нашу Дягиловку просвѣтилъ. Василій Митричъ, а Василій Митричъ!

Такъ изливалъ свои чувства Костятинъ, держа стаканчикъ въ рукѣ. На немъ былъ жилетъ и красная рубаха на выпускъ, часы были при немъ, настоящій подрядчикъ. Между тѣмъ солнце померкло и сталъ порошить снѣжокъ. Василій Митричъ дождался Маланьи и исчезъ.

XIII.

Въ этотъ день къ вечеру выпалъ снѣгъ на четверть. Онъ потомъ долго держался въ Дягиловкѣ, такъ-что старожилы радовались и у нихъ былъ предлогъ говорить: «а такой зимы дружной давно не было... Что значитъ Господь-то». Василій Митричъ не любилъ, когда мужики напивались въ кабакѣ и у нихъ больше не было денегъ. Онъ положительно возмущался такимъ развратомъ. «Ну, ужь публика, стоитъ рублика», сказалъ онъ съ насмѣшливо презрительнымъ выраженіемъ, увидѣвъ, что Федька Безносый стоитъ посреди кабака, обнявшись съ Костятиномъ и въ засосъ цѣлуются.

— Огонь буду гасить. Проваливайте.

— Василій Митричъ, душевный человѣкъ...

— Тѣльники и тѣ съ себя готовы пропить.

— Василій Митричъ, не дешева она проклятая.

— Уходите, уходите.

— Василій Митричъ, грѣхъ тебѣ, ждали четыре рубля, а ты два отпустилъ.

— Хорошій человѣкъ!

— Руки твои цѣловать!

— Долго вы будете разговаривать? Какъ садану!

— Садани, потѣшь душеньку, да полтину-то прибавь, душевный человѣкъ.

Василій Митричъ рѣшительно подошелъ къ влюбленной парочкѣ и приложилъ къ ихъ бокамъ свои здоровенные кулаки. Онъ сдѣлалъ это

деликатно, безъ натуги, съ разсчетомъ силъ. Друзья пошатнулись, уперлись руками въ дверь и вылетѣли на улицу.

Василій Митричъ задвинулъ болтомъ дверь, взглянулъ на часы, потушилъ керосиновую лампу и отправился на семейную половину пить чай. Напился онъ чаю до изнеможенія, весь разстегнулся, щеки его отдѣляли испарину, глаза затуманились, волосы слиплись, точно онъ былъ въ банѣ и на него вылили десять ушатовъ кипятку.

— Веселъ ты что-то, Василій Митричъ, — сказала жена, пестуя толстаго ребенка, между тѣмъ, какъ Маланья, некрасивая и дюжая дѣвушка, скромно разливала чай и перемывала посуду.

— Никто себѣ не врагъ-съ,—произнесъ Василій Митричъ.—Дѣльце обдѣлалъ-съ. Плевое, а зачѣмъ-же упускать. Вотъ мы таракановъ у себя вывели, а напрасно-съ,—замѣтилъ онъ помолчавъ.

— Что-такъ?

Василій Митричъ не отвѣтилъ. Съ блаженной улыбкой онъ принялъ одиннадцатую чашку, выдулъ ее и, откинувшись всѣмъ корпусомъ на спинку стула, сказалъ, опрокидывая чашку:

— Ныне отпущаеши...

А тѣмъ временемъ Безносый и Костятинъ удивлялись незнакомой мѣстности, среди которой они очутились. Главное, снѣгъ по щиколодку.

— Другъ любезный, откуда? Кака деревня? Впрямь, лѣшій путаетъ. Тутъ сичасъ церква была. Куда дѣвалась? Отчего землю шатитъ?

Имъ стало казаться, что деревья пляшутъ передъ ними. Несказанный ужасъ охватилъ ихъ. Спотыкаясь, они побѣжали съ крикомъ: «караулъ!» Федька отсталъ отъ Костятина, который все подвигался впередъ. Опять колокольня. Ладно, одна ступенька, другая, третья. Надо крѣпко держаться. Храни Богъ, сброситъ. Что-же это она вертится? Безносый, гдѣ ты? Лѣстница вертится! ой! Не иначе, что сдѣлано... Батюшки, караулъ! Бухъ! бацъ! бацъ! шлепъ!

— Окаянный, какъ земля тебя носитъ, пса вонючаго!—послышался въ воѣ вѣтра голосъ Марьи и во то-же время ея костлявая рука вцѣпилась въ волосы Костятину.

— Держи, такъ, такъ, держи, Марья! — осторожно проговорилъ Костятинъ, въ погибающей душѣ котораго вспыхнула надежда на спасеніе.—Не выпускай. Ничаго, что больно!

И въ то время, какъ Марья, ругаясь, тащила его за волосы, Костятинъ на четвереинькахъ ползъ по лѣстницѣ, восхищенный во время подоспѣвшей помощью своей подруги жизни.

— Спасибо тебѣ, Марьюшка, — сказалъ онъ, почувствовавъ тепло избы.—А это пошто-жъ такъ? — съ искреннимъ недоумѣніемъ вскричалъ онъ, когда на спину его опустился ухватъ.

— А полушубокъ и впрямь пропилъ?!!—горестно спросила Марья и еще разъ хотѣла огрѣть Костятина ухватомъ, но рука ея уже упала, она схватила себя за голову и зарыдала.

— Марьюшка, глупая, полушубокъ въ тепломъ мѣстѣ, не бойся. А какъ я живъ остался! Летѣлъ разъ я съ пятаго этажа внизъ головою, когда подрядчикомъ былъ. Благодареніе Господу, въ строительномъ мусорѣ ввязъ по самыя плечи. Три дня въ больницѣ пользовали... пивомъ. Но съ этакой высоты, какъ примѣрно сказать, колокольня... Ахъ, волкъ тебя зарѣжь! Марья, поди сдѣлай милость, достань тамъ еще внизу Федьку Безносаго. Человѣкъ вѣдь онъ. Марья!

Марья скоро перестала плакать, сообразивши, что съ пьянаго Костятина взятки-гладки, и такъ какъ маленькій раскричался, да и Зинка вздумала ревѣть, а Катерина поднялась на постели, приложенной на лавкѣ, и въ полголоса проклинала свою несчастную судьбу, то, чтобы установить какой-нибудь порядокъ, она начала гнать мужа на печь.

— Завтра, я съ тобой поговорю, пустая твоя голова. Въ волость пойду управы на тебя просить. Пускай тебя спрыснутъ. Охъ, горькая я. Охъ и мужъ у меня... Полѣзай, полѣзай!..

— Чѣмъ-же я, Марьюшка, укроюсь?—простоналъ Костятинъ.

— А я виновата?—яростно прошипѣла Марья, успокаивая маленькаго шлепками.—Цыцъ! смерти на васъ нѣту съ отцомъ вашимъ безпутнымъ!

— Марья, и—и тепло тута! Щи поставь—закипятъ!

— Печка у насъ хорошая, а спекись—не пожалѣю. Лучше вдовой быть, авось міръ не обидитъ.

— Марья, что я удумалъ?

— Что еще, безстыжіе глаза твои?

— Марьюшка, сдѣлай милость, принеси изъ кладовушки паклю—голова у меня что-то болитъ.

Кое-какъ заснула и замолкла изба. Костятинъ, только отъ времени до времени что-то мычалъ. Утромъ онъ былъ мраченъ и укорялъ жену:

— Скажи—гривенничекъ просилъ, какъ добрую, а она вмѣсто того, что надѣлала? Изъ-за кого-же я полушубокъ-то пропилъ, какъ не изъ-за тебя, жена лютая. Зачѣмъ корову посолила? Я-бы молочка похлебалъ и тараканы были-бы наши. Василій Митричъ теперь владаетъ тараканами-то! Я подрядъ въ кабакѣ съ полушубкомъ пропилъ.

Марья не совсѣмъ еще поняла грозный смыслъ признанія Костятина. Но когда она сбѣгала къ Василію Митричу выкупить полушубокъ, ей стало все ясно. Василій Митричъ и цѣну объявилъ: пятнадцать копѣекъ сушеные и десять сырые. По его словамъ, это была божеская цѣна. Марья возвратилась домой убитая. Она встала на полати, растолкала Костятина и посмотрѣла ему въ глаза. Вся голова его была въ паклѣ, на бородѣ тоже висѣли клочья, глаза его слипались.

— Что это ты надѣлалъ, подрядчикъ ты безмозглый!?—подавленнымъ голосомъ спросила, наконецъ, Марья.

— Марьюшка,—томно отвѣчалъ Костятинъ:—выпить мнѣ охота

смертельная... Пошли опохмелиться, а я самосѣкъ обдумаю и расплачусь съ тобой, лопни глаза мои!

Онъ скрестилъ руки на груди.

Марья злобно плюнула въ паклю и перестала разговаривать съ мужемъ.

XIV.

Удивлялись дягиловцы снѣгу; но еще и другая забота была у нихъ: сколько времени они на свѣтѣ околачиваются, а не могли запомнить подобнаго урожая на таракановъ. Отчего вдругъ размножилась эта тварь? И безъ того земскій начальникъ, когда пріѣзжалъ въ волость, корилъ деревню тараканами и все хотѣлъ принимать какія-то мѣры, чтобы помочь мужикамъ въ ихъ темнотѣ. Только онъ самъ еще не получилъ изъ губерніи ученаго сочиненія о тараканахъ. Потомъ книгопродавецъ отвѣтилъ ему, что едва-ли есть такое сочиненіе. Земскій начальникъ былъ въ большомъ огорченіи—благія намѣренія его разбивались о суровую русскую дѣйствительность. Тараканы, размножившіеся въ Дягиловкѣ, были совершенно чернаго цвѣта и блестѣли, какъ полированные, съ узенькими плечами и съ широкими плоскими жирными крупами. Они были прожорливы, и случаи, когда ихъ можно было заподозрѣть въ канибальскихъ наклонностяхъ, повторялись все чаще. Въ то-же время, среди нихъ господствовало какое-то недовольство жизнью, и въ отчаяніи они кидались въ щи, въ дежу, гдѣ подходило тѣсто, пеклись въ хлѣбахъ и въ изобиліи тонули въ кадкахъ съ квасомъ.

Надо замѣтить, что ихъ собирали цѣлыми мѣшками.

Извѣстіе о томъ, что Василій Митричъ покупаетъ таракановъ, съ быстротою молніи разнеслось по деревнѣ, и на другой день оно никого не удивляло, какъ никого не удивлялъ быстро установившійся санный путь. Тараканы стали доходной статьей каждой крестьянской семьи. Правда, что надежды на крупные барыши оказались, благодаря божеской цѣнѣ, преувеличенными. Марья собрала всего нѣсколько фунтовъ. Костятинъ, лежа на печи, предавался грандіознымъ замысламъ. Вся его помощь Марьѣ заключалась въ томъ, что иногда онъ бросалъ сверху на полъ какого-нибудь одинокаго таракана, который самъ заползалъ къ нему въ пригоршню, и съ просонья произносилъ: «На». Изъ-за таракановъ Марья перессорилась со всѣми сосѣдками и даже съ незлобивой теткой Акулиной. Катеринѣ былъ выданъ паспортъ и она поступила бѣлой горничной къ земскому начальнику. Заключенный въ мѣшокъ звѣрь быстро убывалъ въ вѣсѣ, и собрать даже нѣсколько фунтовъ сушеныхъ таракановъ, при всемъ ихъ изобиліи, было дѣломъ труднымъ. Тараканы умѣли прятаться и забивались въ такія щели, откуда ничѣмъ ихъ нельзя было выкурить. Казалось, что въ избѣ все ужъ чисто, и нѣтъ ни одного таракана. Но стоило семьѣ лечь спать, какъ черные полки выбѣгали изъ своихъ невѣдомыхъ засадъ, набрасы-

вались на снѣдь съ воинственнымъ шумомъ и тревожили сонъ своихъ двуногихъ враговъ.

Такъ продолжалось до Рождества. Тараканъ шелъ, умиралъ въ кипяткѣ или кончалъ свою жизнь на соломѣ въ вольномъ духу и въ концѣ концовъ поступалъ въ собственность Зосимы Павловича. Василій Митричъ потиралъ руки. Иные дягиловцы посмѣивались, а иные смотрѣли на тараканій промыселъ серьезно. Въ каждой избѣ шла рѣчь о тараканахъ. Марья разливалась въ жалобахъ на Костятина:

— Лежебокъ! Ужь и мужъ у меня!—кричала она.—Мужъ у меня лѣнивый! Не знаю, кто еще лѣнивѣе его. На что маленькая Зинка, а и та, матушка, таракана ловитъ. Я про Зинку говорю, что иной день по двадцати штукъ ловитъ. Ему-же и горюшка мало, спитъ какъ байбакъ, да потолокъ коптитъ. И дочь въ отца! Катька, фуфлыга, рубля не пришлетъ, а тараканы-то всѣ къ чужимъ людямъ перебѣжали, чтобъ имъ пусто было, людямъ, значитъ.

Костятинъ отвѣчалъ съ печи:

— Отчего-жъ ты не послушалась меня, когда я тебя Христомъ Богомъ умолялъ—артель мнѣ дозволить набрать? Человѣкъ десять, никакъ не меньше, въ три дня всѣхъ таракановъ сымали-бы. Федьку Безносаго ты на дворъ не пустила, сороковкой никто отъ тебя не попользовался. Скажи гривеничка, тьфу!—и того не дала. Пива лизнуть не дала, молока мнѣ хотѣлось, я больной сдѣлался, такъ молокомъ хоть-бы брызнула! Я машину обдумаю—ну, погоди-же, дудки, братъ, шишь покажу!

Послѣ новаго года уловъ таракановъ сталъ еще затруднительнѣе. Тараканы словно поумнѣли и ни на какія приманки не шли: ни на муку, ни на сладкое тѣсто, ни на гущу. Молоденькій тараканъ прибѣжитъ дѣйствительно, его поймаютъ и засушатъ, но старики строго держались лучшихъ тараканьихъ традицій. Они были огорчены, даже болѣе, они были мрачны и, можно сказать, не дорожили жизнію, пока сами распоряжались ею. Но не хотѣли, чтобы торжествовалъ человѣкъ и только не береглись одного Костятина, по которому свободно разгуливали днемъ и ночью, какъ-бы угадывая, что разрушительный геній его весь направленъ на машину самосѣкъ. Во всѣхъ-же остальныхъ случаяхъ они были образцомъ осторожности, и усы ихъ отличались нечеловѣческой чувствительностью, служа, имъ какъ уши, носъ и языкъ, какъ термометръ и какъ барометръ...

XV.

Въ декабрѣ былъ выбранъ въ старосты дядя Александръ. Долго онъ отговаривался и кланялся міру, но міръ не уважилъ отговорокъ старика. Онъ хоть и сѣдъ былъ, но еще не очень древенъ и ходить могъ не спотыкаясь. Надо-же кому-нибудь и послужить обществу. Видъ у дяди

Александра былъ внушительный: онъ былъ высокаго роста, шапку нахлобучивалъ на уши, борода была у него длинная, волнистая, плечи сутулыя и одна щека пухлѣе другой, потому что когда-то въ молодости на рыбной ловлѣ онъ застудилъ десны. Выборъ его въ старосты пришелся по нраву всѣмъ дягиловскимъ старикамъ, которые всегда были того мнѣнія, что чѣмъ старше мужикъ, тѣмъ умнѣе. Для нихъ дядя Александръ былъ своимъ.

Надо замѣтить, что къ этому времени въ Дягиловкѣ образовались двѣ партіи, которыя можно было-бы назвать старотараканьею и младотараканьею. Старотараканники весьма осуждали новый промыселъ и, безконечно лежа на печи, какъ-бы раздѣляли мрачное настроеніе таракановъ и впереди не ждали ничего добраго.

— Въ старину, братцы, этого ничего не было (съ сокрушеніемъ говорили они),—чтобы таракановъ въ вольномъ духу сушить. Да и не слыхали наши отцы и дѣды, и прадѣды не слыхали о такой срамотѣ. Допрежь люди были богобоязненные и съ тараканомъ ладили, какъ указано... А теперь вишь что затѣяли... Антихристъ смущаетъ, онъ самый!

Младотараканники ничего предосудительнаго въ новомъ промыслѣ не видѣли и, напротивъ, радовались, что Василій Митричъ не сбиваетъ своей «божьей» цѣны, а все покупаетъ и покупаетъ и сушеныхъ, и сырыхъ. Къ тараканамъ они не питали никакого уваженія и даже подсмѣивались надъ старотараканниками.

— Что пустое говорить!—огрызались они.—Антихристъ придетъ? Онъ, братъ, не спросится! На таракановъ ему начихать!

Тараканій вопросъ обострялся еще крайними младотараканниками, которые желали-бы, чтобы таракановая монополь была отдана дягиловскому обществу, какъ исконное его достояніе.

— Довольно-ста міроѣду кровушку нашу пить! За пятнадцать копѣекъ покупаетъ, за четыре гривенника продаетъ! Очень невозможно терпѣть! Мы ему брюхо распоремъ, тараканьему подрядчику-то!

Однимъ словомъ, выслушавъ всѣ стороны и видя, что таково почти всеобщее желаніе, дядя Александръ, посовѣтовавшись еще съ сельскимъ писаремъ, собралъ въ январѣ сходъ. Въ сельскую избу набралось человѣкъ сорокъ. Пришли старики самые мудрые изъ дягиловцевъ. Мутными глазами смотрѣли они на старосту, и беззубые рты ихъ грозно жевали слова, которыя они готовились произнесть противъ младотараканниковъ. Младотараканники держались позади ихъ и подбоченивались. Въ числѣ ихъ занималъ не послѣднее мѣсто и плотникъ Костятинъ. Крайніе младотараканники кучились въ сторонѣ и перешептывались.

Всѣмъ хотѣлось выпить.

— Вотъ что, братцы, честной міръ! Обсудить намъ должно относительно значитъ таракановъ,—началъ староста, пошевеливая усами.—А что міръ положитъ, о томъ волостнымъ судьямъ донесемъ! Многіе именно

мекаютъ такъ, что, молъ, негоже таракана изводить, затѣмъ, что онъ тварь Божія и мы къ ему привычны...

— Вѣрно, дядя Александръ! — задыхающимся голосомъ сказалъ мудрѣйшій изъ стариковъ.—Быть бѣдѣ, если мы въ Дягиловкѣ таракана снчтожимъ.

— Тараканъ уменъ,—сказалъ другой мудрецъ.—и онъ этого такъ не оставитъ. Нельзя его гнѣвить...

— Га-га-га-га!—загалдѣли умѣренные младотараканники и заглушили шамканье престарѣлаго мудреца. Онъ метнулъ молніи изъ глазъ,—точно блеснули зарницы изъ свинцовыхъ тучъ, и ударилъ посошкомъ въ землю.

Дядя Александръ продолжалъ:

— А еще обсудить надо, братцы, относительно, значитъ, продавать таракановъ, аль нѣтъ? А ежели продавать, то просить волостныхъ судей о заступничествѣ ихъ передъ земскимъ начальникомъ... Какъ дѣйствительно тараканы наши всегда были, сколько мы не запомнимъ, и дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ, и испоконъ вѣку въ Дягиловкѣ множились, а бабы наши и, главное, Костятинова жена Марья, подстрекаютъ, что цѣна обидная...

— Ихмъ, ихмъ, ихмъ!—зашумѣли старики, но не могли заглушить начавшихъ говорить младотараканьихъ ораторовъ. Костятинъ, держа полушубокъ, выкупленный Марьею, на плечѣ и отставивъ ногу, томно началъ:

— Которые, напримѣръ, ежели теперича, такъ будемъ говорить, подрядчики, то они очень хорошо соображаютъ, каку пользу можно имѣть, хотя-бы сказать отъ таракановъ. Бью челомъ міру, что я именно подрядчикъ. Мнѣ на таракана тоже начихать и я-бы его съ артелью въ сорокъ человѣкъ въ три дня изловилъ и наличными деньгами согласенъ платить двадцать супротивъ пятнадцати.

— Куда-жъ тебѣ предлагать двадцать супротивъ пятнадцати и съ Василіемъ Митричемъ тягаться, если, того гляди, спину тебѣ чудеснымъ манеромъ не сегодня-завтра распишутъ?—спросилъ пильщикъ Федоръ, работавшій обыкновенно на лѣсной пристани Василія Митрича и потому убѣжденный его сторонникъ.

— Какъ-бы твоей не расписали, а мою, братъ, если распишутъ, такъ по суду,—закричалъ Костятинъ.—Не въ безсудной землѣ живемъ, въ матушкѣ Рассеѣ живемъ! Тоже выискался! Я тебя за шесть гривенъ куплю и продамъ. Съ кѣмъ ты говоришь? У меня по тысячѣ человѣкъ артели бывали!—заврался Костятинъ.—По пятисотъ... И по тридцати человѣкъ бывали. Я, братъ, такихъ горючихъ въ шею турялъ. Распишутъ!..

— Полно,—закричалъ другой пильщикъ Алеша, тоже сторонникъ Василія Митрича.—Знаемъ, Костятинъ, твои подряды довольно хорошо, кабы не твоя баба, давно-бы ты пропалъ на этомъ свѣтѣ.

— Да чего ты цѣпляешься за Василія Митрича! Много-ль далъ онъ тебѣ?

— Кровушку нашу пьетъ! Га-га-га-га-га!—загалдѣли крайніе.

Подъѣхалъ на своей лошади Василій Митричъ и въ шубѣ вошелъ въ избу. Толпа раздвинулась, чтобы пропустить міроѣда.

— Не помѣшалъ я вамъ, честные?—весело спросилъ онъ, разстегнулся, вытащилъ изъ бокового кармана бумажникъ, и раскрылъ его туго набитый желтыми, синими и зелеными бумажками.

— Тараканы-то наши вонъ гдѣ!—завистливо закричали крайніе младотараканники.

Василій Митричъ засмѣялся, какъ ребенокъ, у котораго пощекотали подъ ложечкой.

— Тараканы-съ? окромя убытковъ, ничаго пока не имѣю... А что сраму-то, честные! Очень просто, вѣдь я для міра. Не любъ я вамъ, завтра-же перестану покупать. Пущай вамъ Костятинъ платитъ хоть по рублю. Онъ мужикъ, можетъ, и обстоятельный,—серьезно проговорилъ Василій Митричъ.

Но когда сходъ прыснулъ со смѣха, пустилъ нѣжную ноту и Василій Митричъ. Незлобиво и наивно хохоталъ онъ.

— Здравствуй, дядя Александръ,—сказалъ онъ, успокоившись, и поздоровался за-руку со старшиной, съ мудрецами и со всѣми, кто стоялъ около него.

— Продолжайте,—сказалъ онъ.—Можетъ, что обо мнѣ говорятъ, я прислушаюсь, съ моимъ большимъ удовольствіемъ-съ!—невинно заключилъ онъ.

Сходъ молчалъ. Василій Митричъ держалъ раскрытый бумажникъ и посматривалъ направо и налѣво, узнавая мужиковъ.

Престарѣлые мудрецы жевали свои языки, сопѣли умѣренные младотараканники, крайніе шептались между собою.

— Меня стѣсняться не для чего-съ,—началъ Василій Митричъ, застыдившись, какъ красная дѣвушка.—Готовъ и уйти, ежели во мнѣ дѣло; но самъ я изъ вашего обчества и имѣю полное право участвовать... Міръ я уважаю и пожертвовать всегда не прочь. Міръ мнѣ таракана жалѣетъ—ладно. Завтра только платежъ есть, а то и два ведра поставилъ-бы... Ведерко съ четвертью идетъ?

— Га-га-га-га!..

— Дозвольте слово сказать!..

Съ крикомъ выступилъ впередъ, протискиваясь сквозь толпу, членъ крайней младотараканьей партіи Иванъ Филиповъ и поклонился міру.

— Христіане!—воскликнулъ онъ,—справедливо сказано дядей Александромъ, что тараканы всегда были нашимъ исконнымъ достояніемъ и какъ теперь случилось на нихъ дѣйствительно большое требованіе, а мірскихъ суммъ у насъ мало и во всемъ недохватка, то отчего-бы намъ не приневолить Василія Митрича внести лишки въ обчественную казну и на впредь строжайше подтвердить, чтобы таракань былъ мірской? Объ этомъ бью вамъ челомъ.

— Га-га-га-га!

Василій Митричъ тяжело дышалъ во все время рѣчи Ивана Филипова и напряженно улыбался, прядка волосъ совсѣмъ прилипла къ его красной щекѣ.

— Мірской? говоришь,—переспросилъ онъ тонкимъ голоскомъ, весь закипятившись.—Такъ и бырать на полто ведерка-съ!

— Надо міръ уважить... Душевный человѣкъ! — сладко сказалъ дядя Александръ.

— О винной лавкѣ тоже не мѣшало-бы потолковать,—возвысивъ голосъ, подхватилъ Филиповъ. — Базарные дни у насъ рѣдки, и для насъ кабакъ одно развращеніе. Я вотъ о чемъ хотѣлъ міру представить. Достаточно для Дягиловки виноторговли навыносъ.

— Га-га-га-га!

— Ты что ротъ дерешь?—подскочивъ къ Ивану Филипову, набросились на него его-же друзья.

— Ты очень ротъ не разѣвай. Горлодранъ! Не слышишь развѣ, ведро и три четверти поставилъ.

— Два ведра!—въ порывѣ любви къ міру щедро пообѣщалъ Василій Митричъ.

Всѣ младотараканники и всѣ старотараканники, Костятинъ, всѣ грозно-жующіе и мутно глядящіе старцы и староста дядя Александръ неистово заревѣли:

— Согласны за Василія Митрича! За Василія Митрича! Душевный человѣкъ!.. За Василія Митрича!..

Василій Митричъ кланялся.

— Сколько?—съ недоумѣніемъ спросилъ прерванный радѣтель общественныхъ интересовъ, у котораго тоже ёкнуло сердце.

— Два ведра, глухой тетеревъ.

— Вре!

— Что съ тобой толковать!

— Га-га-га-га!—присоединился къ большинству ораторъ, и сходъ во всемъ составѣ своемъ двинулся по направленію къ кабаку.

Бабы не ожидали такого конца. Въ этотъ вечеръ много было пролито слезъ въ Дягиловкѣ.

XVI.

Прошло время. Передъ Свѣтлымъ праздникомъ отощалъ народъ. У многихъ изъ дягиловцевъ совсѣмъ не хватило хлѣба, а у кого былъ хлѣбъ, тѣ ѣли его медленнѣе, жевали разсудительнѣе и вдумчивѣе и часто задавались вопросомъ: хватитъ-ли корму до Петрова дня. У Костятина совсѣмъ провалился животъ и по поводу этого обстоятельства онъ, просыпаясь, отъ времени до времени поучительно распространялся:

— Ни Боже мой, не двигайся... Ни-ни!.. Побурчитъ, побурчитъ и перестанетъ. А возьмись я, Марья, за топоръ, или напр., какъ люди,

поѣхалъ-бы я въ лѣсъ дровецъ раздобыть или, будемъ такъ говорить, затѣялъ-бы я рыбу ботать—колода-колодой сталъ-бы! Съ этакимъ брюхомъ, голубушка, никакъ работать невозможно. Скажи ни синь пороха!.. Семъ-ка я посплю еще разикъ.

— Хоть-бы не просыпался болѣ! — кричала въ отвѣтъ на это Марья.—Я одна всю семью кормлю и тебя, дармоѣда.

— Грѣхъ тебѣ, — коснѣющимъ языкомъ возражалъ Костятинъ.— Какой-же я дармоѣдъ? Подрядчикъ я, Марья. Машину все удумываю— можно на два пучка и на пять... На манеръ точила удумалъ... значитъ одинъ лежитъ, одинъ вертитъ, третій счетъ ведетъ.

— Полно тебѣ Бога гнѣвить, хлѣба нѣту, а ты о самосѣкѣ. Ванька! — начала Марья: — а ты что-же матери не поможешь, я двѣ бутылки нашла—подь на мучицу смѣняй.

— Таньку пошли, мама, ноги у меня распухли, а у ей еще тонкія ноги...

Таня сидѣла передъ зыбкой маленькаго Кости, худая, синяя, но веселая: возможность пробѣгаться заставила ее улыбаться. Черезъ полчаса она вернулась съ двумя фунтами муки.

Такъ перебивались въ Костятиновой избѣ.

Если-бы зима стояла суровѣе, дягиловцы пришли-бы въ отчаяніе. Глядя на ихъ мрачныя лица съ распухшими подглазниками и свинцовыми губами, даже самъ кабатчикъ Василій Митричъ становился снисходительнѣе и старался не очень зарываться въ своей жестокосердной стяжательности. Не ровенъ часъ, думалъ онъ.

Но совершенно неожиданно съ половины карта начались пригрѣвы. Солнце сжалилось надъ Дягиловкой и быстро растопило снѣгъ, помчались и зарокотали ручьи и потоки. Рѣка почернѣла, въ синихъ небесахъ зарѣяли крикливыя станицы воронъ. Весна пришла и оживила надежды впадавшихъ въ уныніе дягиловцевъ, они стали добродушнѣе, а Василій Митричъ суше и злѣе.

XVII.

— Ну, что-же, долго-ли будемъ мы на печи лежать? — шамкали старики.—Господь пригрѣвы даетъ, хлѣбушка обѣщаетъ. Мужикамъ въ отхожіе промысла надоть. Свѣтлый праздникъ на дворѣ. Ну, ребята, ну, дружно! Ну, слѣзай съ печи! Ну, чего тамъ! Ну, разъ!

Слѣзли старики съ печи. А солнышко уже грѣетъ, уже растаяли снѣга; только развѣ гдѣ-нибудь въ оврагѣ лежитъ глыба, какъ холодная стариковская дума, но и она таетъ. Травка показалась на пригоркахъ. Въ воздухѣ столько прозрачности, и деревня Глуповка, которой совсѣмъ не было видно зимою, теперь мрѣетъ вдали за рѣкою, и сверкаетъ искорка на глуповской церковкѣ. До Дураковки тоже рукой подать, вонъ и она, матушка, виднѣется. И Болвановка, какъ на ладони. Ахъ ты, Господи, ахъ весеннія чудеса! Дождались!

Лежало когда-то большое имѣніе вокругъ Дягиловки и обнимало ее кольцомъ. Одному барину принадлежало оно. Никогда онъ не бывалъ у себя въ имѣніи, а жилъ гдѣ-то далеко, въ чужихъ краяхъ, на доходы, которые получалъ изъ своихъ деревень. Впрочемъ, не прижимистый былъ человѣкъ и его бурмистры не больно обижали народъ, жилъ народъ, почти какъ вольный. Не было ни помѣщичьей усадьбы со стариннымъ садомъ, ни помѣщичьей охоты, ни фамильнаго дворянскаго склепа. Никогда не видали мужики своего владѣльца. Единственная память о немъ осталась послѣ упраздненія крѣпостного права въ этихъ названіяхъ его деревень — Глуповка, Болвановка, Дураковка, Безтолковка. Сколько разъ даже начальство предлагало мужикамъ перемѣнить названія, но крестьяне просили не перемѣнять—пущай!

Стали зеленѣть всходы. Только что подобрался хлѣбъ до послѣдней корочки, анъ вонъ ужъ Господь посылаетъ. Всталъ дядя Александръ и, размахнувши головой, истово перекрестился на глуповскую церковку.

— Благодать! Ахъ ты, Господи, ахъ ты, Боже мой! Перетерпѣли. А ужъ и зима была! Дождались! Съ праздникомъ васъ, Вавила!

Кузнецъ Вавила шелъ, глаза его метали искры изъ-подъ нависшихъ черныхъ бровей. Онъ протянулъ дядѣ Александру черную мускулистую руку, твердую, какъ желѣзныя клещи.

— Живемъ!—сурово молвилъ онъ.

Не успѣли они потолковать, какъ смотрятъ—идетъ боцманъ-матъ съ своимъ шуриномъ.

— Здравствуйте, господа.

— И вамъ здравствуйте. Благодать! Глуповка-то! Глуповку видать!

— Видать матушку!—отвѣчали мужики и перекрестились на сверкающую искорку.

— Каково-то нонѣ хлѣбъ уродитъ?

— Ежели мочежины не будетъ да не ударитъ морозомъ, да если птица не склюетъ и жукъ не съѣстъ, ну, точно уродитъ. Важный хлѣбъ будетъ.

— Что хлѣбъ! — сказалъ боцманъ-матъ.—Хлѣбъ-то хлѣбомъ, а вотъ сбираться надо въ Петербургъ. Это очень будетъ сподручнѣе. Кто, можетъ, и по хлѣбной части, а я по плотничьей.

Сказалъ Холодовъ, а шуринъ его только бороду свою разгладилъ и посмотрѣлъ вдаль. Изъ переулка межъ избами вышелъ Федька Безносый. Въ чемъ только душа держалась! Рубаха, и прежде рваная, превратилась въ клочья, зипунъ разлѣзался такъ, что мѣстами похожъ былъ на рогожу. Лицо оплыло внизъ, къ страшно раздутымъ челюстямъ, и рука у него, когда онъ здоровался, была похожа на подушку. Мужики хотѣли посмѣяться надъ Безносымъ, но переглянулись и не тронули его.

— Что, Федя,—съ ласковымъ вздохомъ началъ дядя Александръ:— небось, братъ, выпить хочется?

— Надоѣла мнѣ проклятая, — ухмыляясь, сказалъ Федька Безносый.—Не хочу.

И онъ махнулъ своей подушкообразной рукой. Такъ какъ ближніе щадили его, онъ самъ пошутилъ надъ собой. Это развязало языки.

— И какъ ты уцѣлѣлъ, Федька, Господь тебя вѣдаетъ!—сказалъ боцманъ-матъ.

— Анъ уцѣлѣлъ.

— Не замерзъ?

— Вотъ какъ видишь.

— Землю только даромъ ты бременишь, Федя, нехорошо такъ, братъ,—наставительно замѣтилъ дядя Александръ.—Весна, благодать, хлѣбушка скоро уродитъ, а ты-бы хоть покаялся, лобъ-то перекрестилъ-бы. Чай, Бога забылъ?

— Для-че забылъ? Эхъ, братцы! Собираюсь и я въ отхожій промыселъ,—червей буду кормить, пора голубчиковъ попотчивать. Очень ужъ даже далекій мой промыселъ! Ха-ха!

— Лобъ-то, лобъ перекрести, — замѣтили ему.

Онъ стоялъ, покачивая головой, какъ человѣкъ, который знаетъ свои обязанности, и кромѣ того тоска одолѣвала его. Среди односельчанъ не видѣлъ онъ любезнаго друга своего, Костятина.

Костятинъ-же тутъ какъ тутъ. Благодаря Марьѣ сохраненный полушубокъ былъ надѣтъ наопашь на его плечахъ, красная рубаха бросалась въ глаза и онъ былъ въ сапогахъ, какъ подобаетъ подрядчику, а на груди его висѣла цѣпочка отъ часовъ. Немножко подгулялъ только картузъ; всю зиму проспалъ онъ на немъ и поэтому онъ сплющился и точно подгорѣлъ, какъ блинъ. Молча поклонился Костятинъ и также молча отвѣчали ему. Своего друга, Федьку Безносаго, онъ на замѣтилъ, только слегка скосилъ глазъ въ его сторону. Федька между тѣмъ стоялъ, блаженно раскрывъ ротъ, и ждалъ минуты, когда Костятинъ признаетъ его. Проникнутый уваженіемъ къ особѣ подрядчика и помня, какія дружескія услуги оказывалъ онъ ему, онъ ждалъ своей очереди. Вѣра, утраченная имъ въ людей, поддерживалась въ немъ только Костятиномъ.

— Славно на вольномъ воздухѣ,—началъ Костятинъ, одобрительно посмотрѣлъ на зеленую травку и плюнулъ.—Когда я артель держалъ, то, бывало, какъ выйдешь, сейчасъ первымъ дѣломъ папиросу «зефиръ» закуришь. Нѣтъ-ли у кого покурить?

— У меня есть, на, покури,—сказалъ Холодовъ.—Что-жъ, у подрядчика табачекъ вышелъ?

— Другимъ дѣломъ былъ занятъ,—съ значительнымъ вздохомъ сказалъ Костятинъ.—Не очень-то раскуришься, когда умомъ раскидываешь. А кто со мной хочетъ?—спросилъ онъ и зоркимъ взглядомъ окинулъ всѣхъ присутствующихъ; кстати, число ихъ увеличилось еще подошедшими мужиками.

— Куда это съ тобой, Костятинъ?

— Кто, говорю, ко мнѣ въ артель записаться желаетъ и прямо хотя-бы въ Вологду иттить? Потому у меня тамъ большой запасъ инструментовъ въ закладѣ находится, топоры важные, пилы и долота. Гляньте, ребята, солнышко какъ пригрѣваетъ. Неужели-жъ это мы такъ безъ дѣла будемъ сидѣть на шеѣ у своихъ бабъ? А человѣкъ я опытный, подрядами занимался, по сту душъ народу держалъ и, можетъ, у меня теперь въ головѣ такая шишка завелась, что я всю деревню облагодѣтельствую, не въ примѣръ Василію Митричу!

— Умный ты мужикъ, умный, и, кажись, первый ты таракана выдумалъ?

— Евонная баба выдумала,—послышались голоса.—Онъ-то уменъ, она еще умнѣе.

— А все-же Василію Митричу тараканы достались,—съ угрюмой насмѣшливостью сказалъ кузнецъ Вавила.

— Василію Митричу я таракановъ пропилъ, это ужъ мое дѣло,—величественно возразилъ Костятинъ:—и тѣмъ наипаче, что отъ трудовъ большихъ усталость я имѣлъ и долженъ былъ отдохнуть маленько. Охъ, и сладко-же, братцы, спалъ я, ужъ и сны я, братцы, видѣлъ! Пуще-же всего думой былъ одной занятъ. Думу большую я думалъ и вотъ съ земскимъ начальникомъ поговорю, всѣ вы себя по башкѣ хлопнете, скажете: «ахъ, догадливъ Костятинъ!»

— Ну, что ты?

— Я удумалъ машину.

— Каку машину?

Онъ презрительно оглянулъ все собраніе и тутъ кстати еще разъ замѣтилъ Федьку Безносаго, смотрѣвшаго на него съ блаженно раскрытымъ ртомъ; еще разъ скосилъ онъ только глазъ въ его сторону и не призналъ.

— Машину,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.—Аль сказать? Нѣтъ, покелева не сдѣлаю. Какъ окончу, такъ и быть, три ведра водки на деревню поставлю. Я добрый. Я вотъ какой добрый: скажи—ста рублей не пожалѣю. Василію Митричу наше нижайшее!

— Почтеніе Василію Митричу!

— Василію Митричу!

Крупичатый, румяный и дородный Василій Митричъ подвигался впередъ, оскаливъ клыки и зорко и укоризненно глядя на мужиковъ.

— Что, ребята, на солнышкѣ выползли погрѣться?

— Въ кабакѣ довольно грѣться,—замѣтилъ дядя Александръ.

— Ничего, грѣются еще,—произнесъ Василій Митричъ.

— Кто-жъ?

— Яковъ Косой, Шестипаловъ и разные. Было-бы болото—черти будутъ. Эхъ, скоты вы, братцы!—заключилъ онъ.

— Пошто-жъ ты ругаешься? Чѣмъ провинились, Василій Митричъ, предъ твоимъ степенствомъ?

— Солнцу обрадовались!

— Не взыскивай, Василій Митричъ, строго. Самъ знаешь, достатки наши слабые, таракановъ мы и тѣхъ къ тебѣ всѣхъ сносили.

— Всѣхъ, говоришь, сносили, а вонъ видишь, по стѣнѣ ползутъ, видишь?— со смѣхомъ сказалъ Василій Митричъ и жадно сверкнулъ глазами.

На стѣнѣ ближайшей избы, въ самомъ дѣлѣ, ползло нѣсколько таракановъ. Надоѣла, видно, и имъ жизнь въ избахъ, захотѣлось тоже взглянуть на солнышко и погрѣть свои черныя полированныя спины. Костятинъ бросился къ тараканамъ, Федька послѣдовалъ его примѣру. Они стали ловить ихъ. Но тараканы были быстроноги, не дались они въ руки и убѣжали. Федька Безносый и Костятинъ очутились другъ противъ друга лицомъ къ лицу, между тѣмъ какъ издали къ нимъ доносился дружный смѣхъ мужиковъ, которыхъ распотѣшила эта ловля.

— Такъ-то, братъ Костятинъ, ты меня и за своего не считаешь, я для тебя собаки хуже.

— Федька, другъ любезный, неужли-жъ это ты!

— Я, братъ. Полушубокъ-то на тебѣ я опять вижу.

— Полушубокъ точно у меня.

— Я, Костя, къ тебѣ въ артель хочу поступить. Куда я безъ тебя дѣнусь? Я при тебѣ долженъ состоять. Ты подрядчикомъ будешь, а меня десятникомъ поставишь; можетъ, я еще тогда не пропаду. Вишь, помирать не хочется.

— Ну, ладно.

— Костя, другъ любезный, полушубокъ-то на тебѣ еще важный.

— А тебѣ, Федя, небось, холодно было зиму-то?

Федька махнулъ рукой.

— Что ужъ и говорить! Опадать сталъ маленько сегодня, а то горой раздуло. Думаю: въ избу-то вошелъ, а изъ избы не выйду. Лежу и соображаю, какъ меня это выпирать будутъ, словно пузырь. Ну, тепло стало. Ужъ очень тепло, Костя, жаритъ, ахъ! И какъ это ты можешь въ полушубкѣ? Теплынь. А Марьи боишься?

— Я? Марьи боюсь?—удивился подрядчикъ.—Съ чего тебѣ это пришло?

— Выпили-бы, Костя. Пойдемъ, я тебя угощу.

— Не надо.

— Пойдемъ, пойдемъ.

— Не хотца.

— Пойдемъ, я зипунъ заложу. Срамить я тебя не стану, я за избами, а ты прямо, а ужъ у кабака сустрѣтимся. Ничаво, ничаво.

Федька Безносый юркнулъ въ переулокъ и исчезъ, а Костятинъ-плотникъ вернулся къ кучкѣ односельчанъ, поюлилъ передъ Василіемъ Митричемъ, поговорилъ еще о широкихъ замыслахъ своихъ и, оглянувшись назадъ, туда, гдѣ стояла его изба, сталъ медленно отдаляться отъ

компаніи, глядя по сторонамъ и любуясь на травку. Долго онъ такъ шелъ и любовался съ сосредоточенно-задумчивымъ, серьезнымъ лицомъ человѣка, у котораго на душѣ много-много. Его тянуло впередъ, но шелъ онъ тѣмъ не менѣе съ застѣнчивой медлительностью, ударялъ каблукомъ одной ноги по носку другой, что-то насвистывалъ, нагнулся и погладилъ тощую собаку, лежавшую на улицѣ, и, только завидѣвъ кабакъ этакъ на разстояніи шаговъ пятидесяти, почувствовалъ, что не въ состояніи уже бороться съ собой, наддалъ шагу и вбѣжалъ въ кабакъ. Федька Безносый уныло ожидалъ его.

— Наливать?— спросила свояченица Василія Митрича.

— Костя, зипуна-то мово не возьметъ... не возьметъ Василій Митричъ!—полушопотомъ заговорилъ Федька.

— Наливайте, наливайте,—благословилъ Костятинъ и на землистомъ лицѣ его заигралъ слабой тѣнью румянецъ удовольствія.

Онъ улыбнулся Федькѣ, Федька ему. Такіе были добрые, дѣтскіе глаза у Федьки, бѣлые, на выкатѣ, съ маленькими сѣрыми зрачками.

— Костя!

— Федя!

Они опрокинули по стаканчику, по другому, по третьему.

Поздно вечеромъ, когда солнце уже зашло и мочежинки на улицѣ покрылись ледяной корочкой, друзья шли по деревнѣ, обнявшись. Похожій на рогожу зипунъ Федьки прикрывалъ ихъ обоихъ, какъ общій плащъ пріязни. Пѣсня ихъ свободно лилась въ весеннемъ воздухѣ, но неизвѣстно, что они пѣли, потому что пѣсня была безъ словъ.

XVIII.

На другой день прибѣжала къ теткѣ Акулинѣ тетка Марья.

— Здравствуйте вамъ, съ весною васъ! Ну что, какъ печка ваша?

— Ничего печка, благодарствуйте. Хорошая печка.

— А и у насъ печка! Печка долгая, семейственная. Костятинъ спалъ всю зиму и еще не выспался. Вчера спросонокъ съ Федькой Безносымъ полушубокъ потерялъ.

— Ужъ чего потерялъ!—уныло сказала тетка Акулина и покачала головой.

— Безстыжіе мужики,—заявила Марья.—До сихъ поръ дрыхнетъ. Какъ-бы только не спекся. У Тарасихи мужикъ спекся, какъ лещъ.— Весь пузырями взялся.

— Федьку Безносаго, говорятъ, тоже распузырило.

— Его отъ водки. Ничто его не беретъ, дьявола!

Марья вздохнула, хотѣла похвастать чѣмъ-то передъ сосѣдкой, не выдержала и заплакала.

— Что съ тобою, тетка?

— Не сладко мнѣ, Акулинушка, жить на свѣтѣ. Охъ, и не сладко мнѣ жить,— повторила она, подбирая губами катившіяся по лицу слезы.—Полушубокъ-то они пропили,—сообщила она.—Пропили, подлецы. Во что пили! Мужикъ у меня онъ хорошій, а слабый, довѣрчивый. Пустая голова, онъ за водку дѣтей отдастъ. Машину самосѣкъ удумалъ, говоритъ, большія деньги будутъ. А что въ ихъ толку, въ большихъ деньгахъ? Василію Митричу все перейдетъ. Ужъ развѣ на тараканахъ не нажить? А онъ, поди, сколько мѣшковъ собралъ. Ужъ фершалъ, говорятъ, и покупать отказывался, но онъ его контрахтомъ снудилъ. Обстоятельный мужикъ все можетъ... Баютъ, онъ на лѣкарство идетъ, а не въ ѣду.

— Василій Митричъ?

— Тараканъ!

— Господи Іисусе Христе!

— Всякъ правду знаетъ, да не всякъ правду баетъ. Но только нѣтъ, любезная моя, точно что балабонили—въ губернскую аптеку его представляютъ за печатью и съ удостовѣреніемъ, изъ какой деревни. А потомъ толкутъ и отъ водянки даютъ.

— Ишь ты, дошли!—воскликнула Акулина.—Не ѣдятъ, говоришь? Слава Святителямъ! Точно, кто-же станетъ ѣсть погань такую.

— Ахъ, Акулинушка, родная моя, посовѣтуй мнѣ, какъ быть мнѣ, что дѣлать!—воскликнула Марья печально.

Хотѣла разсказать свое горе, но глянула Марья изъ окна и выбѣжала на улицу. Держа на лѣвой рукѣ зипунъ, подвигался дягиловскій пьяница и, вѣрно, при взглядѣ на него можно было сказать: ужъ и распузырило тебя, братъ. Марья напустилась на Федьку.

— Да какъ-же не стыдно тебѣ, пустая голова твоя, безстыжій ты, негодный! Чего связался ты иттить за Костятиномъ, почто подвелъ его полушубокъ пропить? Глазъ-бы твоихъ не видала, поганый! Умирать надо, а ты пьешь. Куда? Не смѣй ты къ Костятину иттить. Осмѣлься только, я тебя въ лоскъ изобью, въ дрызгъ осрамлю. Назадъ, говорятъ тебѣ!

— Марья, сосѣдочка, пригожая моя, будьте надежны насчетъ полушубка, не украдутъ. Василій Митричъ устережетъ... Сердитая моя...

Тутъ онъ любезно протянулъ руку къ спинѣ Марьи. Но обидѣлась она и, побѣлѣвъ отъ гнѣва, закричала:

— Ты-же полушубокъ пропилъ, мужа моего дуракомъ сдѣлалъ, да еще смѣешь... Да кто я тебѣ, пьяница... Какъ бревно наводопился! Назадъ, паршивенькій!

Высокъ былъ ростомъ Федька Безносый. Не пей онъ—былъ-бы красою деревни: плечи широкія, ноги цыбастыя. Подскочила Марья и мазнула его по лицу. Онъ безпомощно посмотрѣлъ на нее своими дѣтскими глазами и улыбнулся.

— Не прыгай, Марьюшка. Не для себя-же я шелъ за Костятиномъ, а какъ братъ родной. На зипунъ выпили-бы съ похмѣлья. Онъ лежитъ на печкѣ, въ нутрѣ болитъ, за сердце сосетъ. Ахъ ты, Боже мой,—сквозь слезы заговорилъ Федька Безносый:—пожалѣть надоть человѣка, друга сердечнаго успокоить, язву залить.

— Выпорютъ васъ при волости, будете знать.

— Не резонтъ. Намъ немного. Два гривеника. Пропади я—отдамъ. Я къ Костѣ въ артель поступлю. Въ артель къ Костятину поступаю, десятникомъ буду.

Опять не стерпѣла Марья. Что можетъ быть обиднѣе глупыхъ рѣчей? Толкнула она Федьку Безносаго, такъ что онъ даже покачнулся. Давно ужъ нетвердъ былъ на ногахъ парень. Подобно шару, имѣлъ онъ склонность соприкасаться съ землею всѣми точками своей поверхности. Такъ и теперь пошатнулся онъ, упалъ и долго барахтался посреди улицы.

А Марья побѣжала домой. Желая удостовѣриться, дома-ли Костятинъ, она забралась на палати и заглянула на печь. Костятинъ лежалъ на спинѣ, судорожно зажавъ въ рукѣ часы съ цѣпочкою. Попробовала Марья потянуть къ себѣ часы, не могла, приложила она руку къ сердцу мужика—бьется, живъ еще.

— Охъ, Костятинъ, Костятинъ!—заголосила она съ упрекомъ и душевной болью, припадая къ его колѣнямъ.

— Марьюшка,—томно проговорилъ Костятинъ, млѣя отъ этой ласки и жениныхъ слезъ въ полузабытьѣ:—сердешная жана моя—Марьюшка... Хошь соленаго огурчика?.. Озьми...

XIX.

Между тѣмъ какъ барахтался на улицѣ Федька Безносый и не могъ сразу встать, потому-что не въ состояніи былъ догадаться, гдѣ у него голова, гдѣ-то вдали, за Дягиловкой, съ той стороны, гдѣ Болвановка, зазвенѣлъ колокольчикъ, сначала серебрянымъ шелестомъ, сладко замиравшимъ въ ушахъ, будто пчела проснулась и за взяткой въ поле летитъ, а потомъ все громче и громче, побѣдно разливаясь и сердито плача надъ деревней. Это ѣхалъ земскій начальникъ Карауловъ. Тройка несла его по дорогѣ; пристяжныя извивались, какъ пьявки, а коренная летѣла, вытянувшись въ струнку.

На Мордаръ Мордаровичѣ были еноты и шапка съ синимъ околышемъ. Межъ пальцевъ держалъ онъ курьезный янтарный мундштукъ, который давно ужъ обращалъ на себя вниманіе дягиловцевъ и они, при случаѣ, стращали имъ малыхъ ребятъ: звѣрь, не звѣрь, а драконъ съ широко раскрытой пастью сверкалъ глазами и изрыгалъ клубы дыма закопченнымъ и румянымъ рыломъ. Усы, какъ два енота—такіе они были большіе—сливались съ мѣховымъ воротникомъ шубы земскаго начальника и

изъ глубоко запавшихъ глазъ его изъ-подъ козырька, казалось, падали на дягиловцевъ молніи.

— Я здѣсь-здѣсь-здѣсь-здѣсь! — кричалъ колокольчикъ, — рыдалъ, тряся—разсыпался у самыхъ ушей дягиловскихъ мужиковъ.

— Земскій начальникъ! Земскій начальникъ!—по всей деревнѣ стали раздаваться голоса.

И волостной писарь еще не видѣлъ даже тройки, а ужъ застегнулъ пиджакъ на всѣ пуговицы; и фельдшеръ, сидѣвшій на концѣ деревни среди банокъ, наполненныхъ тараканами, почувствовалъ себя безпокойно и поднесъ руку къ тому мѣсту, гдѣ слѣдовало быть галстуку; и Василій Митричъ крякнулъ и озабоченно выглянулъ въ окно. Не было причины ему бояться земскаго начальника и застраховалъ онъ себя отъ его гнѣва и его печали, а сердце екнуло у предпріимчиваго деревенскаго кулака.

— Дамъ-дамъ-дамъ-дамъ-дамъ...—ревѣлъ и пѣлъ колокольчикъ.— Бимъ-бамъ, бимъ-бамъ! Тссс!.. Стой!-ой!-ой!

— Это что за человѣкъ?—спросилъ земскій начальникъ и указалъ дымящимся дракономъ на Федьку Безносаго, все еще не рѣшившаго, гдѣ у него голова и которой стороной надо вставать.

Сотскій съ бляхой выбѣжалъ изъ своей избы и, держа шапку въ обѣихъ рукахъ, какъ питерскій лихачъ, отрапортовалъ:

— Не извольте безпокоиться, ваше высокородіе: пьянственный человѣкъ.

— То-то я вижу, но кто онъ? А ты, какъ-же допускаешь такое безобразіе?

— Это Федька Безносый, ваше высокородіе. У него изба есть. Мужикъ былъ хорошій.

— Помоги ему встать.

Сотскій ударилъ слегка Федьку по головѣ носкомъ сапога.

— Ахъ,—догадался Федька:—вотъ гдѣ голова! —и всталъ на ноги.

— На тебя страшно взглянуть,—сказалъ земскій начальникъ.— Да ты образъ Божій и подобіе потерялъ. Гдѣ твой образъ?

Федька нашелъ на себѣ тѣльный крестъ и, улыбаясь, показалъ.

— Значитъ, Бога еще не забылъ?—проговорилъ земскій начальникъ. Гнѣвъ его прошелъ и онъ не могъ сердиться: такихъ дѣтскихъ, смѣшныхъ и добрыхъ глазъ онъ никогда не видалъ.—Тебя раздуло,— продолжалъ онъ.—Эхъ ты, несчастный! А еще хозяинъ. И носа у тебя нѣтъ.

— Вишь ты, ваше высокоблагородіе, отщемило. Кончикъ-то отрѣзало... Ничаво, ваше высокоблагородіе, объ томъ не безпокойтесь. Жена меня любитъ.

— Ты боленъ отъ водки. Смотри, у тебя водянка.

— Водянка, она самая! — радостно сказалъ Федька. — Фершалъ вѣрно говорилъ. Кабы ты чистый спиртъ потреблялъ—сгорѣлъ-бы, а пополамъ съ водою—ничаго! Вылѣчить тебя то-ись нельзя!

— Сотскій,—строго сказалъ земскій начальникъ:—возьми его и отведи къ фельдшеру. Чтобъ онъ не шлялся по кабакамъ. Этакъ гдѣ-нибудь и душу Богу отдастъ. Скажи фельдшеру, что я приказалъ, пусть онъ тараканами покормитъ. Это помогаетъ. Тараканами его покормить, тараканами!

У Федьки лицо вытянулось. Земскій начальникъ сѣлъ въ экипажъ и, замѣтивъ, что слова его производятъ дѣйствіе, продолжалъ, грозя дракономъ:

— Порцію ему таракановъ! Будешь ты пьянствовать! Тараканами его угостить! Динь-динь-динь-динь, бамъ-бамъ-бамъ! Тараканами, тараканами, тараканами!..

Федька стоялъ рядомъ съ сотскимъ, который держалъ его за руку, и слова начальника сливались у него съ звуками колокольчика, полными грознаго смысла.

— Тараканами, тараканами, тараканами его, тараканами!

— Шутъ его побери, какъ онъ истово выговариваетъ! Эхъ, дядя Афанасій, смилосердуйся надо мной! За что-жъ меня тараканами? Я этакой погани отродясь не ѣлъ и ѣсть не намѣренъ. Брось ты меня, дядя Афанасій, не веди ты меня къ фершалу. Возьми зипунъ, послѣднюю одежу мою, а оставь меня. Ой, не подходя ты, дядя Афанасій, не бери ты меня за локоть—неровенъ часъ, взбѣшусь я, какъ песъ, искусаю тебя, потому что сердце мнѣ смѣстилъ земскій начальникъ. На кой лядъ я ему?

— Тараканами, тараканами, тараканами!—заливался издали колокольчикъ.

Федька сталъ вырываться отъ сотскаго, а тотъ оправдывался:

— Федька, видишь ты... вѣдь не могу-жъ я ослушаться его. Какъ не понимаешь ты того, другъ любезный, что должонъ я приказъ сполнять. Иди честью, не бойся, ихъ высокородіе лучше знаетъ, что кому надо. Мы о себѣ не думаемъ, а онъ, братъ, о насъ безпокоится. Мы вотъ здѣсь, какъ звѣрье смрадное, живемъ, а онъ, батюшка, орломъ, вишь ты, летаетъ: тамъ въ темячко клюнетъ, здѣсь хватитъ—анъ и порядокъ. Пойдемъ, пойдемъ, не супротивься!

— Дядюшка Афанасій, родной!

— Хуже будетъ, десятскаго на помощь покличу.

Дядя Афанасій былъ человѣкъ хилый, безъ переднихъ зубовъ, которые потерялъ на службѣ отечеству, и съ краснымъ носомъ, свидѣтельствовавшимъ, что и ему современемъ могло быть прописано сердобольнымъ начальствомъ такое-же лѣкарство, какъ Федькѣ Безносому. Когда онъ облапилъ паціента земскаго начальника, тотъ вдругъ наклонилъ голову, ударилъ его въ грудь, далеко отшвырнулъ отъ себя и съ крикомъ, побѣжалъ домой. Кто встрѣчалъ его на пути, тотъ сторонился въ страхѣ, потому что всѣмъ ясно стало, что Федька сбѣсился. «Ахъ, болѣзный!» — говорили односельчане. Федька

бѣжалъ и, очутившись въ своей избѣ, упалъ на полъ и сталъ хрипло ревѣть.

Жена, тетка Ульяна, наклонилась къ нему и спросила:

— Что, Федя, опохмѣлился-бы ты?

Но онъ ревѣлъ, билъ руками и ногами по землѣ. Наконецъ Ульяна разобрала:

— Заступитесь за меня, поведутъ меня сейчасъ къ фершалу. Жена, не пускай, не выдавай мужа твоего. Нѣтъ, братцы, я еще не пропащій человѣкъ. Пожалѣйте меня. Пожалѣйте-же меня убогаго. пожалѣйте хоть вы, таракашечки!

Онъ протянулъ руки къ тараканамъ, которые собрались подъ печью. Они въ самомъ дѣлѣ точно слушали причитанія Федьки Безносаго, замеревъ въ неподвижныхъ позахъ, осѣвъ на заднія ножки и выставивъ впередъ напряженно чуткіе усы.

— Можно-ли допустить, чтобы христіанинъ таракана ѣлъ?.. Не вѣрьте, таракашечки любезные, нельзя этого приказать. Душу нельзя погубить. Выпори меня, но души не губи... Таракашечки, заступитесь за меня!—обливаясь слезами и рыдая, голосилъ Федька Безносый.

Жена его давно привыкла къ самымъ страннымъ объясненіямъ съ своимъ вѣчно пьянымъ супругомъ, знала она и тайную причину его горя: Федька очень дорожилъ своимъ носомъ и она понимала, что можно пить, если потеряешь такое украшеніе. Но еще ни разу не была она свидѣтельницею этихъ жалобъ и этихъ слезъ. Ужасомъ повѣяло на нее. Она стала метаться по избѣ, какъ угорѣлая, и стало ей казаться, что творится съ Федькой что-то неладное. Глаза его страшно раскрылись, а зрачки стали совсѣмъ маленькіе. Что это за бѣлые глаза такіе? Страшно въ избѣ, Господи Боже мой! Подъ печью тѣмъ временемъ все шевелились да шевелились тараканы. Густымъ, сплошнымъ стадомъ собирались они, прислушиваясь усами къ рѣчамъ Федьки и чѣмъ непонятнѣе были эти рѣчи для тетки Ульяны, тѣмъ вразумительнѣе онѣ были для таракановъ. Вѣроятнѣе всего, что въ этотъ моментъ они прониклись, наконецъ, сознаніемъ, что необходимо уйти изъ Дягиловки и, такимъ образомъ, не вводить дягиловцевъ въ искушеніе. Глядя, какъ Федька щелкаетъ на нихъ зубами, они по временамъ скрещивали усы другъ съ другомъ — они клялись, конечно, что этого никогда не случится и что остатки великаго тараканьяго племени, населявшаго Дягиловку, не будутъ истреблены въ конецъ.

Свѣтлѣли и бѣлѣли глаза Федьки, а въ избѣ становилось темнѣе. Таракановъ все прибывало. Мрачные полки ихъ двинулись по обѣимъ сторонамъ Федьки, и онъ слышалъ, какъ они ползли по его рукамъ, раскинутымъ на полу. Онъ кричалъ, хрипѣлъ. Кровь хлынула изъ его горла, смѣшанная съ пѣной. Заголосила Ульяна, окончательно потерявъ голову. Тараканы шли. Съ страшнымъ шелестомъ двигались они куда-

то вонъ изъ избы, ища выхода изъ щелей, ползя по стекламъ маленькихъ оконъ и гася свѣтъ весенняго дня.

— Таракашечки, заступитесь вы за меня,—въ бреду шепталъ Федька и слова его превращались въ пузыри и смѣшивались съ кровью, лившейся изъ его рта.

Нѣкоторое время тараканы обѣгали Федьку, но когда ихъ умножилось и тѣсно стало въ избѣ, они стали взбираться на его грудь, на шею, поползли по губамъ, по щекамъ.

— Таракашечки, таракашечки,—шепталъ Федька, и все булькала кровь, ручейками выбѣгая изъ-подъ его бѣлыхъ зубовъ.

Ужъ онъ ничего не видѣлъ, кромѣ двигающихся въ сумракѣ, шестиногихъ, усатыхъ силуэтовъ, которые разростались. Это были какіе-то громадные тараканы, порожденные его воображеніемъ или явившіеся изъ четвертаго измѣренія, о которомъ онъ, впрочемъ, не имѣлъ ни малѣйшаго представленія.

— Заступитесь, заступитесь, таракашечки. Только по глазамъ не ступайте.

Но тараканы двигались съ неумолимой стремительностью впередъ и уже перестали выбирать мѣсто. Вскорѣ лапки ихъ коснулись зрачковъ Федькиныхъ глазъ.

Какъ разъ въ это время вошелъ сотскій съ десятскимъ, чтобы взять Федьку и отвести къ фельдшеру. Но Федька лежалъ съ спокойной улыбкой на полу и когда сотскій наклонился надъ нимъ, мертвецъ, казалось, лукаво улыбаясь, спрашивалъ:

— А что взялъ, братъ?

Сотскій отшатнулся, перекрестился, постоялъ у порога, посмотрѣлъ на десятскаго, на голосившую Ульяну, на таракановъ, которые ползали по стѣнамъ и бѣгали по печкѣ въ необыкновенной тревогѣ, и произнесъ шопотомъ, обращаясь къ десятскому:

— Какъ бы намъ только въ отвѣтѣ не быть, что опоздали, царствіе ему небесное.

XX.

— Дзелень—дзелень—динь! Угу-гу, угу-гу!..

Господинъ Карауловъ не принадлежалъ къ тѣмъ земскимъ начальникамъ, которыхъ обличали въ либеральныхъ газетахъ и не давали имъ дыхнуть, травя ихъ, какъ голодныхъ волковъ травятъ на облавахъ. Напротивъ, онъ составлялъ исключеніе. Его ставили въ примѣръ другимъ земскимъ начальникамъ и говорили: «Вотъ этотъ на мѣстѣ. Мы хотѣли-бы, чтобы всѣ земскіе наачальники похожи были на господина Караулова. Господинъ Карауловъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ свѣтлымъ личностямъ, которые проникнуты сознаніемъ необходимости служенія интересамъ народа, и онъ понимаетъ эти интересы широко и глубоко. Еще въ прошломъ году при его содѣйствіи была открыта въ

деревнѣ Дураковкѣ двухклассная школа. Въ деревнѣ Болвановкѣ послѣ продолжительной борьбы съ мѣстнымъ невѣжествомъ онъ уговорилъ крестьянъ самимъ завести у себя общественный кабакъ и на выручаемыя деньги поддерживать библіотеку-читальню, которая такимъ образомъ являлась-бы противовѣсомъ кабаку, причемъ съ одной стороны крестьяне пили-бы свое собственное вино, а съ другой отучались-бы отъ пьянства. Восхваляли также господина Караулова за его гуманное обращеніе съ мужиками, потому что въ то время, какъ его товарищъ и сосѣдъ по земскому участку то и дѣло предпочиталъ смотрѣть мужикамъ въ спины, Карауловъ былъ гуманный, мягкій и просвѣщенный начальникъ и онъ пріѣхалъ въ Дягиловку, чтобы поговорить о школѣ.

— Бимъ-бамъ, дзелень — дзелень, дзелень — дзелень! Сходъ — сходъ—сходъ—сходъ!

Выскочилъ волостной писарь самъ не свой и, сталъ низко кланяться, сбѣгая по ступенькамъ волостного правленія. Застегивая на ходу кафтанъ, прибѣжалъ волостной старшина безъ шапки. Десятскіе и дядя Александръ и разные сельскіе урядники разбѣжались по селу понукать народъ. Сходъ былъ объявленъ еще на той недѣлѣ, да все надѣялись, что авось передумаетъ земскій начальникъ или что нибудь помѣшаетъ ему. Нѣтъ, принесла нелегкая! Никогда волостной писарь не унижался до черной работы, а тутъ снялъ съ себя сапогъ, ударилъ имъ по головѣ сторожа и раздулъ самоваръ, на ходу надѣлъ сапогъ и вбѣжалъ къ господину Караулову съ сіяющимъ и угодливымъ лицомъ.

— Сею секундъ, ваше высокородіе.

— Послушайте... Какъ тебя? Да, тотъ... Иванъ... Нѣтъ. Уваръ. Тебя Уваромъ зовутъ? Такъ вотъ что, Уваръ: скажи мнѣ, какъ-же народъ, приготовленъ? Есть настроеніе? Какъ, ты не замѣчалъ?

— Настроеніе такое, чтобъ угодить вашему высокородію. Какое-же можетъ быть другое настроеніе, ваше высокородіе!

— Меня любитъ народъ, да?

— Какъ-же не обожать такого начальника, съ позволенія сказать отца родного?

— А чай, говоришь, скоро будетъ?

— А чай, ваше высокородіе, можно сказать, мументально.

Прибѣжалъ Уваръ Ивановичъ на черную половину волостного правленія, снялъ сапогъ, опять свирѣпо ударилъ по головѣ сторожа каблукомъ, раздулъ самолично самоваръ и такъ далѣе. Онъ продѣлалъ это нѣсколько разъ, пока, наконецъ, незатѣйливая машина не закипѣла и обливаясь горючими слезами, не была подана въ комнату, гдѣ сидѣлъ, земскій начальникъ и курилъ изъ своего дракона.

— Послушай, кажется, собираются?—съ улыбкой сказалъ онъ писарю.

— Какъ же они смѣютъ не собираться, ваше высокородіе?

— А вотъ волостной старшина объявилъ, что можетъ быть, я и не встрѣчу сочувствія.

— Что волостной старшина, ваше высокородіе! Смѣю такъ выразиться—идіотъ. Сами изволите видѣть. Только значитъ, что я себя не щажу, истинной преданностью руководимъ, однимъ словомъ, такъ сказать, ваше высокородіе, живота не щажу. Взгляните вокругъ, ваше высокородіе—хамлуи и ни одного интеллигентнаго лица.

— Какъ ты выразился? Хамлуи? Соединеніе хамовъ и халуевъ—во всякомъ случаѣ, оригинально,—сказалъ земскій начальникъ.—Да, да, что касается старшины, то, пожалуй, ты правъ. А себя ты черезчуръ расхваливаешь, но я все-таки доволенъ. Вотъ, вотъ, собираются!—вскричалъ земскій начальникъ и потеръ руки.

Онъ сѣлъ къ столику пить чай, а Уваръ Ивановичъ наливалъ и подавалъ стаканы. Онъ зналъ вкусы начальника. Было раздобыто деревенское масло, сливки, появилось полбутылки самаго лучшаго рома. Кромѣ того, въ домѣ волостного писаря жарилась уже утка, которую предполагалось начинить яблоками. Обо всѣхъ этихъ подробностяхъ въ лѣтописяхъ деревни Дягиловки сохранились указанія, благодаря тому, что Уваръ Ивановичъ вписалъ счетъ издержекъ, понесенныхъ волостью на угощеніе господина Караулова, въ особую книгу и когда впослѣдствіи господинъ Карауловъ палъ, разочаровавъ либеральныя газеты, то корреспонденты перепечатали дягиловскую книгу живота и что-то мѣсяца два подъ рядъ можно было, взявъ любую газету въ руки ради той или другой надобности, увидѣть слѣдующія строки: «Оказывается, что господинъ Карауловъ въ особенности любилъ утокъ, начиненныхъ яблоками. Любопытный счетъ сохранился въ книгахъ дягиловскаго волостного правленія. 13-го октября господинъ земскій начальникъ Карауловъ скушали одну утку съ пятью яблоками—1 рубль 10 копѣекъ. выпили полбутылки рому лучшаго—1 рубль 75 копѣекъ, потребили десятокъ яицъ изъ подъ курицы—20 копѣекъ, масла сливочнаго полфунта—30 копѣекъ, одеколономъ опрыскивали себя послѣ схода—8 гривенъ, дали сторожу на чай—10 копѣекъ. 15-го января куплена для господина земскаго начальника утка и десятокъ яблокъ—1 рубль 50 копѣекъ, изволили употребить одеколону на 6 гривенъ, баранковъ скушали и роздали ребятамъ на 70 копѣекъ. 12-го апрѣля опрыскивались одеколономъ—1 рубль, полбутылки рому лучшаго рубль 75 копѣекъ, утка съ яблоками—2 рубли, а также сливки, масло, яйца и бѣлый хлѣбъ—рубль и проч. и проч.

Все проходитъ и естественно, что прошло величіе земскаго начальника Караулова. Въ Дягиловкѣ онъ пересталъ ѣсть утокъ, начиненныхъ яблоками. Въ интересахъ правды и возстановленія несправедливо поруганной чести господина Караулова, я долженъ отмѣтить, что мрачный корреспондентъ, предавшій гласности вышеупомянутую книгу живота, умолчалъ о томъ, что дягиловскіе счета были своевременно погашаемы и затѣмъ еще разъ вторично погашены господиномъ Карауловымъ. Но не о прошломъ господина Караулова веду я рѣчь. Мнѣ хочется успѣть

набросать наиболѣе интересныя стороны дягиловской жизни. Я боюсь, что набѣгутъ тучи, поднимется туманъ и то видѣніе, которое рисуется мнѣ теперь передъ моимъ умственнымъ взоромъ, померкнетъ и новые образы займутъ его мѣсто. Можетъ быть, это будутъ изящные образы, ничего общаго не имѣющіе съ косматыми представителями русской сѣверной деревни, съ ихъ жалкими бабами, съ ихъ начальствомъ, съ ихъ міроѣдами, съ ихъ невѣжествомъ, съ ихъ глупостью, съ ихъ дикостью, съ ихъ пьянствомъ, съ ихъ умными тараканами. А все-же жаль было-бы не занести въ свой альбомъ дягиловскихъ картинокъ. Къ тому-же, я обѣщалъ докончить этотъ разсказъ и, если вамъ еще не стало скучно, прошу васъ «выйтить» мысленно вмѣстѣ со мной на крыльцо волостного правленія.

Земскій начальникъ уже произнесъ два слова:

— Здравствуйте, господа.

Онъ именно сказалъ: господа. Но мужики были убѣждены въ томъ, что они не господа, и въ то время, какъ земскій начальникъ не снялъ своей фуражки, они обнажили головы и низко поклонились—тѣ, которые стояли ближе, до самой земли.

— Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій прорубилъ окно...

На эту тему была сказана господиномъ Карауловымъ рѣчь дягиловскому народу. Сходъ былъ большой. Вдали стояли старики, опираясь на палки, которыя доходили до ихъ бѣлыхъ бородъ. Съ нѣкоторыхъ поръ крикуновъ совсѣмъ не было на сходахъ; по крайней мѣрѣ, они не заявляли о себѣ въ присутствіи господина Караулова. Едва онъ раскрылъ ротъ, какъ улыбка удовольствія и, можно сказать, счастія озарила лица дягиловцевъ. Каждое слово они глотали, близко принимали къ сердцу и на глазахъ у начальства усердно переваривали его и усваивали: онъ нѣсколько разъ протягивалъ руку къ волостному писарю, который лилъ ему на ладонь одеколонъ. Растеревъ духи, земскій начальникъ подносилъ ладонь къ носу и смачивалъ ими свои еноты. До крестьянъ долетали такія выраженія, какъ «цивилизація», «просвѣщенные взгляды», «выводы совре-менной науки», «точки зрѣнія», «школьное дѣло», «съ утки по десяти копѣекъ, съ курицы по пяти, съ мальчика по тридцати, съ дѣвочки по пятнадцати».

— Ну что-же, согласны?—спросилъ господинъ Карауловъ въ заключеніе.

Народъ, пріятно улыбаясь, безмолвствовалъ. Старики, которые были помудрѣе, стали чесать затылки. Первый планъ опустилъ глаза въ землю.

— Ну кто изъ васъ умнѣе пусть поговоритъ, выберите кого. Неужели нѣтъ сочувствующихъ?

Мужики стали подталкивать другъ друга.

— Не бойтесь меня. Я васъ люблю, надѣюсь, что и вы мнѣ отвѣчаете тѣмъ-же чувствомъ. Должна быть и взаимная связь и вза-

имное пониманіе. Да ну-же, что съ вами терять время и терпѣніе, неужто онѣмѣли? Экій народъ, право, болванъ, болванъ какъ есть! Ты что-ли хочешь говорить!—обратился земскій начальникъ къ Костятину, который отдѣлился отъ толпы и вышелъ на никѣмъ не занятую площадку передъ крыльцомъ, размахивая своей блинообразной шапкой.—Откуда ты сорвался?—обратился къ нему начальникъ.—Гдѣ ты валялся? Ты весь въ паклѣ. Пьяница, должно быть. Есть у тебя дворъ? Хозяинъ ты?

— Хозяинъ, хозяинъ,—послышались голоса.

Костятинъ вынулъ изъ жилетнаго кармана часы и посмотрѣлъ на нихъ.

— Ваше высокородіе,—началъ онъ и пристально глядѣлъ на нихъ, хотя они не шли:—я осмѣливаюсь, позвольте мнѣ... Прошу выслушать меня, какъ я дѣйствительно былъ подрядчикомъ и у меня народу было подъ командой по пятисотъ человѣкъ—по плотничьимъ работамъ я, ваше высокородіе—и есть у меня соображеніе. Я такъ полагаю, ваше высокородіе, что безъ принужденія не обойдется. Мы темный народъ, ваше высокородіе.

— Темный, темный,—послышалось со всѣхъ сторонъ; всѣ обрадовались, что Костятинъ заговорилъ, повидимому, дѣло.

— Безъ порки никакъ не обойдется, ваше высокородіе,—ободренный всеобщимъ сочувствіемъ сказалъ Костятинъ, отставляя ногу и размахивая картузомъ.—Давно я занимался, ваше высокородіе, самосѣкомъ. Машину я удумалъ на манеръ точила, что если, напримѣръ, одинъ вертитъ, а другой счетъ ведетъ, то третій отвѣчаетъ. И этакимъ манеромъ всю волость пересѣчь можно, просто и благородно, то есть, ни малѣйшаго тебѣ зазору, то есть, скажи—сраму не будетъ. И не токма что десять копѣекъ съ утки или пять съ курицы, а у кого рубль найдется—и тотъ принесутъ. Ежели теперь съ такой машиной по деревнямъ поѣхать, много можно пользы сдѣлать. Дозвольте подрядъ снять, ваше высокородіе, на машину самосѣкъ моего изобрѣтенія,—сказалъ онъ и низко поклонился.

— Поди сюда, любезный,—тихо сказалъ земскій начальникъ:—поди сюда.

Костятинъ ступилъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Сюда, сюда поди, на крылечко. Ты что-жъ это, шутки шутить вздумалъ?—грозно заговорилъ онъ.—Ты о чемъ-же это началъ?—заревѣлъ земскій начальникъ.—Да какъ-же ты смѣлъ!—рыкнулъ онъ.—Тебѣ развѣ неизвѣстно, что я противъ тѣлесныхъ наказаній? Васъ, подлецовъ, не дерутъ, такъ вы плачете, машину выдумываете, самосѣки, самодралы!

Народъ загалдѣлъ. Стали хохотать. Костятинъ быстро ступилъ шагъ назадъ и упалъ съ крыльца навзничь на землю. Крикъ поднялся, всѣ бросились къ Костятину. Земскій начальникъ никогда не видѣлъ народа

въ такомъ возбужденномъ состояніи. Черезъ нѣкоторое время только онъ сообразилъ, что это былъ подъемъ добраго и веселаго чувства.

— Негодяи, такъ вотъ какъ они встрѣчаютъ заботы объ ихъ благѣ. Хорошо, я покажу вамъ. Молчать!—закричалъ онъ, собравшись съ духомъ.—По мѣстамъ!

Его послушались. Костятинъ, между тѣмъ, всталъ на ноги. Толпа продолжала смѣяться. Земскій начальникъ успокоился.

— Зачѣмъ вы выпускаете говорить человѣка, который васъ позоритъ?—обратился онъ съ новой рѣчью къ дягиловцамъ. — Какъ не стыдно вамъ, братцы. Я думалъ, что и вы съ нимъ заодно. Да еще бабушка на двое сказала, можетъ и въ самомъ дѣлѣ вы... Ухъ вы, тупорылые, невѣжды вы, дикари! горло надрываешь тутъ, ночей не спишь, въ распутицу ѣздишь. Что-жь, неужели вамъ школы не надо?

— Не надо, не надо,—послышались голоса.—Зачѣмъ намъ школа? и такъ проживемъ. Безъ школы проживемъ, ваше высокородіе. Что толку—въ Дураковкѣ есть школа, въ Болвановкѣ есть школа, а сколько за то у нихъ недоимокъ.

— Да вѣдь вамъ за это льготы будутъ по воинской повинности.

— Однимъ будутъ, другимъ не будутъ—обидно какъ-то, ваше высокородіе. Нѣтъ, ужь пущай такъ по старинному, по хорошему. Намъ окна, ваше высокородіе, не надоть, мы безъ окна, ваше высокородіе.

— Молчать! Бунтовать? Да поймите-же, братцы,—мягче началъ начальникъ и опять сталъ долго и горячо говорить въ пользу просвѣщенія.—Меня пожалѣйте, — заключилъ онъ:—себя не щажу, все убѣждаю васъ. Вѣдь не моя выгода, ваша. Черти, не народъ, — сказалъ онъ, махнувъ рукой, и ушелъ въ правленіе чай пить.

Волостной писарь объявилъ, чтобъ никто не смѣлъ уходить. Было уже около двухъ часовъ. Солнце порядкомъ припекало. Послѣднія глыбы снѣга, если гдѣ онѣ были, растаяли.

Прошло съ полчаса. Въ народѣ продолжали посмѣиваться надъ Костятиномъ, но онъ уже оправился и велъ себя, какъ всегда, полный увѣренности въ своихъ духовныхъ силахъ и преимуществахъ.

— Мнѣ что? — огрызался онъ. — Я въ другую волость пойду, найду. Но я буду, если подрядъ не возьму. Эхъ, такое дѣло! Живое, только бери! Будутъ охотники и очень даже. Еще придете къ Костятину, да поклонитесь.

— Костятинъ, а слыхалъ ты, что Федька померъ? — сказалъ ему Афанасій.

— Вре?

— Ей ей. Я только что отъ его. Лежитъ голубчикъ!

«Какой это Федька?» хотѣлъ спросить Костятинъ, но заныло сердце у него и отпросился онъ у Афанасія пустить его взглянуть на друга.

XXI.

Показалась вдали телѣжка. Тощая старая бѣлая кляча съ огромными глазами на выкатѣ и съ обдерганнымъ желтымъ хвостомъ, брыкаясь, везла дьячка, на которомъ была рыжая ряса, широкополая истрепанная шляпа и мужицкіе сапоги. Сердито остановилъ онъ лошадь, не отвѣтилъ на поклоны мужиковъ и съ испуганнымъ видомъ сталъ взбираться, спотыкаясь, по ступенькамъ крылечка. Земскій начальникъ увидѣлъ его изъ окна и вышелъ. Дьячокъ снялъ свою шляпу.

— Что скажете? спросилъ земскій начальникъ.

Дьячекъ съ тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы сказать. Торопливо прервавъ земскаго начальника, онъ обернулся лицомъ къ народу и прокричалъ:

— Тараканы ползутъ!

Впечатлѣніе этого краткаго извѣстія было потрясающее. Господинъ Карауловъ отшатнулся въ испугѣ и ему прежде всего пришло въ голову, что почтенный дьячекъ помѣшался. А народъ, не сдерживаемый никакими сельскими урядниками, которые сами присоединились къ нему, бросился бѣжать въ разсыпную въ паническомъ страхѣ. Дьячекъ-же закричалъ съ крыльца вслѣдъ имъ:

— Въ Дураковку ползутъ!—и, забывъ проститься съ господиномъ Карауловымъ, сѣлъ поскорѣе въ телѣжку и сталъ бѣшено погонять своего одра.

Онъ что-то оборачивался и кричалъ земскому начальнику въ извинительномъ духѣ, но тотъ одиноко стоялъ на крыльцѣ и ничего н- понималъ, протирая глаза.

— Что я, гдѣ я? Что со мною? Я не сплю?—спрашивалъ онъ у волостного писаря, но, оглянувшись, онъ увидѣлъ, что и волостного писаря не было. Сторожъ тоже убѣжалъ.

Онъ подозвалъ кучера, сѣлъ въ экипажъ и велѣлъ ѣхать въ Дураковку.

— Зеленъ-зеленъ! Бимъ-бамъ! Ухъ! За тараканами, за тараканами, за тараканами!

XXII.

— А вы, братцы, надули меня,—торопясь вслѣдъ за земляками, говорилъ Василій Митричъ.—Тараканы-то ползутъ. Эхъ, увѣряли, будто совсѣмъ нѣтъ?!

— И Богъ ихъ знаетъ, отколѣ они взялись. Опять самъ разсуди, Василій Митричъ, все-жъ-таки жаль было до одного изводить. На заводъ-то надо было оставить, Василій Митричъ. Старики то что говорили: безъ таракана нѣтъ вамъ благословенія!

Бѣжали молодые, бѣжали и старики. Бѣжали младо-тараканники, сомнѣваясь уже въ справедливости и вѣрности своихъ принциповъ; поспѣшали, опираясь на посошки, старо-тараканники. Глаза ихъ метали молніи, бороды тряслись.

— Ихммм!—мычали они на тѣхъ, кто стоялъ за тараканій промыселъ.—Дождались! Ползутъ! Ахъ ты, Боже мой, горе наше! Какъ намъ горю пособить не знаемъ, горемышные мы старики, одинокіе! Изъ ума, говорятъ, выжили. Молокососы! Прочь, костылями изобьемъ! Ихмм!

— Кто-жъ его зналъ, дѣдушка,—оправдывался одинъ младо-тараканникъ передъ старикомъ Сысоемъ, который былъ такъ бѣлъ и такая большая извилистая борода была у него, что его смѣло можно было-бы назвать самимъ Сатурномъ.

— Кто-жъ его зналъ,—передразнилъ младо-тараканника дѣдушка Сысой.—Черти лѣшіе! Мы знали, мы упреждали. Позарились! Будетъ вамъ ужо!

Бѣжали женщины, бѣжали дѣти. Страшая вѣсть о томъ, что тараканы ползутъ изъ деревни, распространилась по Дягиловкѣ съ необыкновенной быстротой. Народъ валилъ на дураковскую дорогу. За избами, по улицамъ, по переулкамъ въ Дягиловкѣ можно было замѣтить необыкновенное движеніе таракановъ. Они шли по стѣнамъ и исчезали, когда къ нимъ приближались. Чѣмъ ближе къ Дураковкѣ, тѣмъ ихъ попадалось все больше и больше. Они соединялись въ отряды и ползли. Отряды сливались въ арміи. Одну такую армію первый увидѣлъ Костятинъ. Она заняла часть огорода. Забѣжавъ впередъ, Костятинъ схватилъ комъ сухой грязи и сталъ швырять въ бѣглецовъ.

— Назадъ! назадъ!—кричалъ онъ.—Кишь! кишь!

Но тараканы не слушались.

— Братцы мои, табакъ дѣло!—завопилъ Костятинъ.—А что въ Федькиной избѣ таракановъ, страсть. Я какъ вошелъ, изо-рта его таракан поползъ. Можетъ, душенька евонная, — сантиментально сказалъ Костятинъ и. несмотря на необычность окружающей обстановки и ужасъ, который могли внушать эти уползающія изъ деревни насѣкомыя, отеръ слезу, какъ дань дружбѣ.

— Ребята, что-жъ это мы такъ и позволимъ имъ уползти?—рыдающими голосами шамкали старо-тараканники.—Убѣдились? Помогитека намъ, помогайте. Машите зипунами, лопатами загребайте. Рыть надо канавы по дорогѣ, канавы рыть.

— Братцы, костры разложить надо, костры! У кого ноги быстрыя, костры разложимъ, да на дураковской дорогѣ перехватимъ ихъ!

Нѣсколько парней помоложе бросились исполнять предложеніе Костятина.

— Слава те Богу, есть у меня еще тутъ,—сказалъ Костятинъ и ткнулъ себя кулакомъ въ лобъ.—Есть чѣмъ подумать, небось!

Затрещали плетни, сухія вѣтки на деревьяхъ, тамъ и здѣсь поднялся дымокъ къ синимъ небесамъ.

Тараканы теперь двигались совершенно яснымъ для всякаго непредубѣжденнаго глаза потокомъ, чернымъ какъ смола. Это именно были тараканы, а не какія-нибудь другія насѣкомыя. Солнце отражалось въ ихъ полированныхъ членикахъ, и шорохъ, поднимаемый ими, слышенъ былъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Они тѣсно жались другъ къ другу. Казалось, ничто не можетъ ихъ остановить. Канава, которая была вначалѣ вырыта на ихъ пути, была ими наполнена. Они взбирались другъ на друга и, перейдя черезъ этотъ живой мостъ, опять растягивались въ длинную, безконечную ленту. Торопились они. Ихъ тараканьи души обуревало негодованіе. Чувствовалось сознательное отчаяніе въ ихъ движеніяхъ, въ ихъ опущенныхъ внизъ усахъ, и они походили на отрядъ легкой кавалеріи, который устремляется впередъ съ копьями на перевѣсъ. Со всѣхъ концовъ деревни слышались возгласы, исполненные удивленія и ужаса:

— Ползутъ! Еще ползутъ!

Шамкали и бранились старики, винились молодые. Крикъ стоялъ въ воздухѣ. Всѣ давали совѣты. Кто бѣжалъ съ ведромъ воды, кто съ багромъ, кто съ топоромъ. Всѣ растерялись. Только одинъ Костятинъ, подстрекаемый своимъ изобрѣтательнымъ геніемъ, гнулъ свою линію и уже на дураковской дорогѣ успѣлъ сложить третій костеръ, командуя, распоряжаясь и ругаясь, какъ настоящій подрядчикъ.

Отзывчивѣе мужчинъ оказались еще бабы. Молодыя, старыя, дѣвочки и дѣвки не хотѣли ничего соображать; онѣ знали только, что тараканы уползаютъ, что тараканы разгнѣвались на Дягиловку, что это великое и страшное горе, и не могли сдержать слезъ. Онѣ плакали навзрыдъ, простирали руки къ тараканамъ, причитали, падая на землю и хватая таракановъ, которые тутъ-же ускользали изъ ихъ рукъ.

— Таракашечки наши милые, жаланненькіе! На кого-жъ вы насъ покидаете, свѣтики вы наши, соколики, ненаглядные! Что-же вамъ, таракашечки, такъ не взлюбилося? Не будемъ, не будемъ мы васъ трогати. Не надо намъ васъ ни пареныхъ, ни жареныхъ, ни сухихъ, ни сырыхъ. А беречь мы васъ будемъ, таракашечки, ненаглядные таракашечки! Усатенькіе! Холошенькіе! У-у-у-у-у-у!

Сливаясь съ шумомъ мужскихъ голосовъ, бабій плачъ и визгъ сопровождался еще собачьимъ брехомъ и воемъ малыхъ ребятъ. Паническій ужасъ царилъ надъ всею Дягиловкой. Не быть добру, не быть. У всѣхъ ныло въ сердцѣ это предчувствіе и все, что было дорого крестьянской душѣ, къ чему она привыкла съ дѣтства, съ первыхъ взлетовъ сознанія — все это, казалось, теперь покидаетъ ее, закатывалось свѣтлое солнце прошлаго и въ грядущемъ разверзался какой-то мракъ, что-то невѣдомое, чреватое несчастіями и сулящее непонятныя и неисчислимыя бѣдствія.

— Быть худу, быть худу, — шамкали старо-тараканники, глотая слезы.

— Кабы знато, дѣдушка! — вопили въ отвѣтъ младо-тараканники и безпомощно хлопали себя по бедрамъ руками.

Костятинъ съ нѣсколькими смѣльчаками стоялъ у костра, собираясь его зажечь, и спорилъ съ подошедшимъ Сысоемъ, который укорялъ его.

— Ты, ты съ своей бабой подвелъ насъ! Тебя самого-бы въ костеръ бросить, пустого человѣка! Сжечь-бы тебя надо живьемъ за твои затѣи дурацкія! Что выдумалъ! И фершала этого надо-бы тоже, пойти-бы да запалить, негоднаго. Таракановъ скупать! Ахъ, времена послѣднія!

— Дѣдушка, не изволь сердиться, позволь тебѣ доложить все какъ есть по порядку, — слегка съ присвистомъ сказалъ Костятинъ.— Пойми ты, дѣдушка, что тутъ надо стеречь его.

— Что стеречь? Кого стеречь?

— Тараканьяго старшого. Онъ-то, родименькій, должонъ идти впереди!

— Ну, ну,—что-то припоминая, сказалъ старикъ, а можетъ быть и не желая ударить лицомъ въ грязь передъ Костятиномъ, который зналъ такія удивительныя вещи.

— Я то-то и говорю, что онъ идетъ впереди, его сейчасъ узнать можно, потому что у него усы золотые. Его какъ хватилъ, пымалъ, понесъ, тараканы всѣ назадъ за нимъ бросятся. Отойди, дѣдушка, не мѣшай, я его угляжу.

— Да полно, есть-ли у таракановъ старшой-то?—спросилъ другой мужикъ, кузнецъ Вавила, опиравшійся на огромный молотъ.

— Какъ-же у таракановъ-то да не быть старшому?

— Старшой должонъ быть,—рѣшилъ дѣдушка Сысой.

Искали старшого, стерегли, не могли углядѣть. Зародилась слабая надежда—и погасла.

Между тѣмъ, тараканы находились уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ костра. Тутъ по командѣ Костятина вспыхнула солома, повалилъ густой дымъ и тараканы совершили то, чего не могли предвидѣть крестьяне, потому что они были умнѣе: они повернули съ дороги въ поле и заставили Костятина широко раскрыть ротъ отъ удивленія. Дымъ валилъ, трещали сучья, летѣли искры, дулъ вѣтеръ.

— Ухъ! Ухъ! Динь-динь-динь! Тараканы-тараканы-тараканы! Стой!-ой-ой-ой!

Тройка земскаго начальника остановилась передъ костромъ. Замелькали еноты. Вокругъ экипажа земскаго начальника собралась вся Дягиловка, и старые, и молодые. Онъ выбивался изъ силъ, водворяя порядокъ и здравыя понятія. По временамъ коренная потрясала дугой и тогда колокольчикъ позванивалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Зеленъ, братъ! зеленъ, братъ!

Между тѣмъ тараканы раздѣлились на два потока и одна партія поползла въ Дураковку, а другая въ Болвановку. Это было на глазахъ

всѣхъ и никакія внушенія господина Караулова не могли убѣдить дягиловцевъ въ неосновательности и недѣйствительности того явленія, которое совершалось у нихъ на глазахъ. Уже онъ слышалъ (какъ онъ увѣрялъ потомъ) зловѣщія слова: «да что на него смотрѣть-то—въ костеръ его, братцы!» Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта распря. Какъ вдругъ позади надъ деревней взвились сѣробурые столбы, винтомъ къ небесамъ. Съ колоколенки раздался набатъ:

— Бимъ-бимъ—горимъ!-Бимъ-бимъ—горимъ!

ЭПИЛОГЪ.

Еслибы г. Карауловъ не донесъ объ этомъ тараканьемъ бунтѣ, то едва-ли мы узнали-бы о существованіи Дягиловки. Она выхвачена изъ мрака неизвѣстности этимъ выдающимся событіемъ. Мы почли своимъ долгомъ изложить, по возможности обстоятельно, эту правдивую исторію. Къ сожалѣнію, она отразилась роковымъ образомъ на судьбѣ господина Караулова. Такой добрый и прекрасный земскій начальникъ, такой истинный другъ просвѣщенія и врагъ деревенскаго невѣжества, и пострадалъ. А главное, взоры всей прессы вдругъ были обращены на Дягиловку и выплыли на поверхность всѣ эти счеты волостного писаря объ уткахъ съ яблоками, курицахъ и косметикахъ. Впрочемъ, счетамъ я лично не придаю такого большого значенія; можно сказать, я имъ совсѣмъ не придаю значенія. Меня занимали и занимаютъ до сихъ поръ эти непонятныя массовыя влеченія, которыя отъ времени до времени обнаруживаются черными тараканами, населяющими убогія деревни нашихъ сѣверныхъ губерній. Я живо былъ также заинтересованъ не столько изобрѣтеніемъ, сколько изобрѣтательностью Костятина. Славный русскій умъ, какъ ты гибокъ и глубокъ! Кстати мимоходомъ могу сообщить, что прахъ великаго пьяницы сгорѣлъ тогда въ общемъ дягиловскомъ пожарѣ, а остальное все нисколько не измѣнилось въ Дягиловкѣ. А фельдшеръ, пока еще господинъ Карауловъ былъ въ силѣ, переведенъ былъ, во избѣжаніе народной мести, въ другой участокъ.

Года два тому назадъ въ газетѣ «Сынъ Отечества» было напечатано любопытное сообщеніе о самосѣкущей машинѣ, которая будто-бы примѣняется въ одномъ изъ уѣздовъ Вологодской губерніи. Не имѣетъ-ли это какого-нибудь отношенія къ моему Костятину, о судьбѣ котораго я давно уже ничего не знаю?

На земскія деньги Дягиловка опять отстроилась и опять завелись въ ней тараканы. Но дягиловцы живутъ теперь въ большомъ мирѣ и дружбѣ съ этимъ племенемъ. Партія старотараканниковъ и партія младотараканниковъ слились въ одну единую сильную нераздѣльную партію, которую можно назвать, если угодно, тмутараканскою. Это нѣчто великое и совершенно безпросвѣтное.

Максимъ Бѣлинскій.

Новая русская музыка съ культурной точки зрѣнія.

Въ предъидущихъ статьяхъ о современной музыкѣ («Сѣверный Вѣстникъ» 1896 г., апрѣль и октябрь) мы старались выяснить основныя начала ново-французской и ново-германской музыки. Теперь насъ привлекаетъ гораздо болѣе трудная, но и болѣе интересная задача: охарактеризовать нашу русскую музыкальную школу. Эта задача труднѣе предъидущихъ, ибо съ одной стороны предстоитъ отречься отъ національныхъ и кружковыхъ предразсудковъ, что не всегда бываетъ такъ легко, съ другой—самъ объектъ изслѣдованія въ данномъ случаѣ гораздо сложнѣе предъидущихъ. Русская школа хотя и молода, но уже успѣла разростись въ такое сложное цѣлое, которое чрезвычайно трудно поддается обобщающей формулѣ. Кромѣ того, ново-французы и ново-германцы значительно уже выяснили свою физіономію—русская же музыка находится еще въ переходной фазѣ и слѣдовательно далеко не вполнѣ опредѣлилась. Необходимо также замѣтить, что ново-германцы, напр., сами помогли выясненію культурныхъ началъ своей школы, формулируя свое общее profession de foi или въ подробной программѣ симфоническихъ поэмъ (напр. послѣднее произведеніе Р. Штрауса «Also sprach Zarathustra»), или въ поэтическомъ текстѣ своихъ музыкальныхъ драмъ. Русская-же школа, въ силу своей непосредственности, примитивности, неотзывчивости на культурные запросы времени, о чемъ мы скажемъ впереди, не даетъ такихъ драгоцѣнныхъ указаній изслѣдователю. Прибавимъ, что мы здѣсь имѣемъ въ виду связь школы съ общей культурой, а не чисто-музыкальное profession de foi. Въ послѣднемъ-же отношеніи стоитъ назвать Ц. А. Кюи съ его книгой «La musique en Russie» и музыкальными статьями, чтобы понять, что наша школа съумѣла ясно и талантливо опредѣлить свои непосредственно-музыкальные идеалы. Наконецъ, наши композиторы настолько даровитѣе своихъ французскихъ и нѣмецкихъ собратьевъ (имѣемъ въ виду лишь современныхъ композиторовъ), что уже одна ихъ сильная талантливость оправдываетъ бо́льшій интересъ, вызываемый русской школой сравнительно съ западно-европейскими.

I.

Укажемъ на историческія условія, подготовившія нашу школу.

Необходимо отвѣтить прежде всего, что она явилась въ странѣ съ слабой общей и философской культурой. Мы просимъ читателя обратить вниманіе на слѣдующій фактъ: наивысшій разцвѣтъ музыки даетъ Германія, страна съ сильной духовной, а теперь и матеріальной культурой, съ сильнымъ философскимъ синтезомъ, и даетъ именно послѣ (отчасти и одновременно) блестящаго періода философской мысли въ лицѣ Лейбница, Канта, двухъ Фихте, Шеллинга и др. Не будь Шопенгауера, неизвѣстно еще, въ какую форму вылилось-бы творчество Вагнера, не будь автора «Also sprach Zarathustra»-ново-германецъ Штраусъ потерялъ-бы многое изъ своей индивидуальности и т. п. Мы не станемъ входить въ полемику по вопросу о томъ, есть-ли у насъ, русскихъ, культура, но что касается до культуры философской, спекулятивнаго мышленія, то мы попросили-бы читателя назвать хоть одну русскую философскую школу, хоть одного русскаго философа, который завладѣлъ-бы умами всего человѣчества, какъ это сдѣлали Спиноза, Кантъ и друг. Присоедините къ этому перекрещивающіяся вліянія Востока и Запада, дающія невыдержанность національнаго типа и вы получите факты-причины тѣхъ недостатковъ русской школы, о которыхъ мы скажемъ при дальнѣйшемъ изложеніи.

Современныя западныя школы явились результатомъ долгаго историческаго развитія, и какъ ни прогрессивны ихъ нѣкоторые лозунги, всетаки въ основѣ самихъ школъ лежитъ много традиціоннаго: новофранцузы прямо выставляютъ на своемъ знамени подражаніе примитивамъ XV и XVI вѣка (эпоха «великихъ нидерландцевъ»). Кромѣ того, эти школы явились на смѣну другихъ прежнихъ школъ: исторія западнаго музыкальнаго искусства знаетъ и эпохи романтизма, классицизма и т. д. Ничего подобнаго, ни историческихъ традицій, ни преемственности школъ нѣтъ у русскихъ. Русская школа въ лицѣ Глинки явилась какъ-то сразу, неожиданно для всѣхъ. Когда западно-европейская музыка въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX переживала блестящій періодъ геніальныхъ композиторовъ: Моцарта, Гайдна, Бетховена—русской національной музыки еще не было, ибо ни оперы, написанныя въ quasi-національномъ русскомъ духѣ пріѣзжими итальянцами Сарти и др., ни домашнія музыкальныя издѣлія въ родѣ оперъ Волкова, Ѳомина, Верстовскаго, не могли идти въ этомъ отношеній въ счетъ.

Отсутствіе исторической преемственности заставило русскихъ композиторовъ обратиться непосредственно къ народу, народной пѣснѣ—такимъ образомъ они съ перваго-же момента, сразу, не пройдя предъидущихъ школъ классицизма и романтизма, стали volens-nolens реалистами, народниками. Особенно это отсутствіе традицій сказалось въ томъ фактѣ, что русскіе композиторы послѣдней стадіи совершенно не восприняли

неоромантизма, столь рѣзко запечатлѣвшаго музыку и литературу современнаго Запада, не восприняли именно вслѣдствіи отсутствія въ нашей исторіи музыки романтической школы. Но если не было у насъ въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка настоящей, національной музыки, то музыкальное искусство фактически всетаки существовало. Если сравнить историческіе факторы нашего музыкальнаго искусства и искусства запада, мы увидимъ рѣзкую разницу.

Западно-европейскую музыку создавали главнымъ образомъ религія, папство, дворъ и аристократія. Начало ея чисто церковное: мессы, секвенціи, религіозные гимны. Сама церковь создаетъ цѣлые музыкальные жанры: ораторію, прелюдію, фугу, которыя впослѣдствіи пріобрѣтаютъ свѣтскій характеръ. Папство является могучимъ факторомъ музыкальнаго прогресса: римская папская капелла XV, XVI, XVII вѣковъ является главной законодательницей музыкальныхъ вкусовъ своей эпохи; извѣстно, какъ покровительствовалъ музыкѣ папа Юлій III (XVI вѣкъ). Папы и ихъ капеллы являются и главными потребителями произведеній римской и двухъ великихъ венеціанскихъ школъ XVI и XVII вѣковъ. Современная западно-европейская симфонія развилась изъ придворнаго менуэта XVIII вѣка. Симфоніи Гайдна создавались подъ контролемъ придворнаго вѣнскаго стола или графскаго стола Эстерхадзи, во время котораго онѣ и исполнялись. Если вспомнить конецъ XVI вѣка въ Италіи, то будетъ ясно, что европейской оперѣ положено основаніе итальянской аристократіей съ флорентинскомъ кружкомъ Барди-Строцци во главѣ. Не то въ русской музыкѣ. Хотя нашей музыкѣ и положилъ начало аристократъ и помѣщикъ Глинка, но его аристократизмъ не коснулся его эстетическаго «я» и можно сказать, что съ первыхъ-же шаговъ нашу музыку создавали народъ—народная пѣсня, народное міровоззрѣніе.

II.

Сильная народность, почти исключительная національная окраска музыки—одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ русской школы. Такой исключительный національзмъ прямо рѣдкость въ современной музыкѣ; лишь скандинавская (Григъ, Свендсенъ) и испанская (Педрейль и др.) современныя школы допускаютъ еще національные мотивы творчества: главныя-же европейскія школы—французская и германская—какъ мы видѣли въ предъидущихъ статьяхъ, совершенно не считаются съ ними.

Конечно, этому упадку націонализма въ музыкальномъ искусствѣ Запада способствовало, главнымъ образомъ, разложеніе народной западно-европейской пѣсни. Но безусловно для этого были и общія причины: развитіе индивидуализма, рядъ историческихъ событій, способствовавшихъ росту интернаціональной идеи. Крестовые походы, папство, сильныя религіозныя движенія, захватывавшія и подчинявшія себѣ людей безъ различія національностей (реформація, кальвинизмъ), вели-

кая французская революція съ своимъ космополитическимъ лозгуномъ, международное соціалистическое движеніе послѣдняго времени—все это была неудобная почва для культа національнизма.

Не то у насъ. Наши «религіозныя» движенія не выходили изъ предѣловъ различныхъ сектъ русской національности; наиболѣе сильныя общественныя движенія, какъ во времена Минина, и 1812 годъ—имѣли исключительно національную подкладку. Кромѣ того, наша примитивная культура не допускаетъ разложенія нашей богатой народной пѣсни или допускаетъ, но не въ такой степени, какъ на Западѣ. Все это создало исключительныя условія для торжества національнаго культа въ русской музыкѣ.

Существуетъ наіонализмъ и національнизмъ. Есть національнизмъ этнографическій, опредѣленный, ясный, пользующійся или непосредственными народными мелодіями, или-же мелодіями, сознательно скопированными съ первыхъ. Это—самая простая, легкая, первобытная стадія національнизма, когда характерность фактуры играетъ слабую роль и когда ненаціональный сюжетъ вызываетъ сомнѣніе въ истинвомъ національнизмѣ произведенія. Есть другой національнизмъ—національнизмъ высшаго порядка, національнизмъ музыкальной фактуры, характеризующей школу, національнизмъ оригинальныхъ пріемовъ, свойственныхъ извѣстной школѣ. Русская школа знаетъ оба эти вида національнизма, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Она настолько проникнута народнымъ національнымъ духомъ, что можно привести массу доказательствъ послѣдняго. Можно указать на то, что она удивительно вѣрно и послѣдовательно отразила основные элементы русской народной пѣсни. Возьмемъ-ли мы ея оригинальные, несимметричные ритмы въ семь, пять долей [1]), ея лады, ладовыя гармоніи, ея главный вокальный принципъ—строгое согласованіе текста съ музыкой,—мы увидимъ тѣ-же начала и въ русской народной пѣснѣ. Преобладаніе этнографическаго національнизма надъ національнизмомъ фактуры, самый выборъ оперныхъ сюжетовъ, рѣдко выходящій изъ круга національно-народныхъ, наконецъ—облюбованіе народныхъ сценъ въ оперѣ, переносъ на нихъ центра тяжести всего произведенія указываютъ несомнѣнно на исключительный національнизмъ и народность нашихъ композиторовъ.

Въ русской школѣ преобладаетъ пока національнизмъ этнографическій, а не національнизмъ фактуры. Говоримъ—*пока*, ибо и послѣдній даетъ себя знать все сильнѣе и сильнѣе. Но всетаки большинство русскихъ композиторовъ предпочитаетъ исключительный, неочищенный національнизмъ, національнизмъ, отражающій всю народность со всѣми ея достоинствами и недостатками. Наивысшее выраженіе себѣ народный національна-

---

[1]) Послѣдній актъ оперы «Снѣгурочки» Р.-Корсакова, женскіе хоры въ оперѣ «Князь Игорь» Бородина и т. д.

лизмъ нашелъ въ произведеніяхъ Мусоргскаго и Балакирева [1]: у Бородина и Римскаго-Корсакова—онъ является уже въ болѣе идеализированномъ видѣ.

Этнографическій націонализмъ даетъ выраженіе непосредственно народныхъ чувствъ; націонализмъ фактуры—глашатай интеллигенціи, высшихъ чувствъ и думъ. Наши музыкальные «зипунисты» или ультра-націоналисты никакъ не могутъ или не хотятъ понять, что и интеллигенція наравнѣ съ народомъ имѣетъ право на выраженіе своего «я» въ музыкѣ и что можно быть глубоко національнымъ, не прибѣгая къ непосредственно народной окраскѣ творчества. Мы приглашаемъ сомнѣвающихся читателей хорошенько прислушаться къ произведеніямъ ново-французской и новой нѣмецкой школы. Эти школы совсѣмъ не народны, между тѣмъ онѣ рѣзко отличаются другъ отъ друга: школа можетъ и внѣ народныхъ рамокъ, опираясь исключительно на интеллигенцію, выработать свою оригинальную физіономію. Шопенъ былъ глубоко націоналенъ, но три четверти его произведеній вовсе не проникнуты народнымъ духомъ. Сыграйте fis-dur'ное Impromptu любому поляку, славянину и онъ вамъ скажетъ: «да, это музыка славянская по своимъ пріемамъ'» Опера «Каменный Гость» Даргомыжскаго доказала возможность націонализма фактуры и на русской почвѣ, доказала именно, какъ превосходный компендіумъ основныхъ пріемовъ, принциповъ школы и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ произведеніе, въ которомъ нѣтъ ни одной «народной» нотки. Знамя, выброшенное Даргомыжскимъ, было поддержано Чайковскимъ и Кюи. Въ произведеніяхъ послѣдняго, напр., вовсе не замѣтно узко-народныхъ тенденцій въ русскомъ духѣ, между тѣмъ мы не знаемъ произведеній болѣе характерныхъ для русской школы, чѣмъ его оперы «Ратклиффъ» и «Анджело».

Нѣтъ школы, лучше и богаче изобразившей Востокъ въ музыкѣ, чѣмъ русская. Это не дѣланное изображеніе востока западно-европейскими композиторами Давидомъ, Шуманомъ и др.: это настоящій культъ Востока, его апоѳеозъ, глубокое проникновеніе въ его жизнь, сочувствіе ему, духовное родство съ нимъ! Разверните партитуры симфоній нашихъ композиторовъ,—и вы увидите, что Востокъ у нихъ выступаетъ на сцену даже тогда, когда менѣе всего ждешь этого, напр. какъ 2-ая часть—Andante—европейски построенной симфоніи (симфонія in Es-dur Бородина). Римскаго-Корсакова Востокъ вдохновляетъ на созданіе симфоніи «Антаръ», сплошь запечатлѣнной восточнымъ колоритомъ, несмотря на ея европейскія формы. Пойдите въ нашъ оперный театръ: можно держать пари, что если дается опера русскаго композитора, въ большинствѣ случаевъ вы встрѣтитесь съ противопоставленіемъ Востока русской жизни («Русланъ и Людмила», «Хованщина», «Князь Игорь» и т. д.). Русскій композиторъ положительно любовно относится къ Востоку и намъ

[1] Увертюра «1000 лѣтъ», двѣ увертюры на русскія темы и т. д.

представляется далеко не случайнымъ фактомъ, что лучшія мѣста въ «Князѣ Игорѣ» Бородина приходятся на долю Востока, что лучшей симфонической вещью Р.-Корсакова явился «Антаръ». Мы не знаемъ болѣе полнаго компендіума восточныхъ элементовъ, чѣмъ у русскихъ композиторовъ. При изображеніи Востока характерные мелодическіе обороты въ восточномъ духѣ подаютъ у нихъ руку ладовымъ гармоніямъ, однообразнымъ педалямъ на тоникѣ—что такъ прекрасно отвѣчаетъ восточному духу. Быстрая перемѣна ритма, виды ломаннаго ритма и сліяніе различныхъ ритмовъ (существенныя черты восточной народной пѣсни) соединяются съ чисто восточнымъ облюбованіемъ духовыхъ инструментовъ деревянной группы [1]). Свое восточное міровоззрѣніе, свои восточные вкусы они переносятъ и въ общую музыку, и западнаго слушателя должна удивить ея восточная, чувственная красота, ея сильные хроматизмы въ восточномъ духѣ, внезапная перемѣна настроеній, которая находитъ свое высшее выраженіе напр. въ Andante 1-го квартета Бородина.

III.

Мы уже сказали, что въ русской школѣ можно замѣтить два теченія: теченіе рѣзко-народное (въ узкомъ смыслѣ этого слова)—Бородинъ, Мусоргскій, Балакиревъ, Римскій-Корсаковъ и теченіе съ формулой націонализма фактуры. Замѣчательно, что представители послѣдняго: Кюи, Чайковскій, Глазуновъ, не отзываясь на требованія этнографическаго націонализма, не раздѣляютъ и восточныхъ вкусовъ школы. Наконецъ, въ произведеніяхъ представителей послѣдней группы даетъ себя значительно чувствовать тотъ духовный, идеальный подъемъ, тотъ гимнъ свободному духу, который роднитъ нашу школу съ искусствомъ Запада. Возьмите глубокую проникновенность «Tenèbres et lueurs» Кюи, возвышенный лиризмъ дуэта Ратклиффа и Маріи изъ «Ратклиффа» его-же, апоѳеозъ Идеала въ «Ромео» и «Франческѣ» Чайковскаго и т. д. — и вы согласитесь съ подобною формулистикой. Кюи, Чайковскій, Глазуновъ это — пальмовая вѣтвь примиренія, протягиваемая западнымъ школамъ русскою. Но эта группа играетъ, къ сожалѣнію, роль того «тона», который не дѣлаетъ еще музыки (не по значенію, а по количеству своихъ адептовъ): большинство-же русскихъ композиторовъ, культивируя исключительный, этнографическій націонализмъ и оріентализмъ, почти совершенно забываютъ о музыкѣ, какъ языкѣ идеальныхъ духовныхъ порывовъ, языкѣ психологическихъ проблемъ.

Ихъ музыка чувственна, примитивна по задачамъ, подчасъ дика по выраженію, красива въ звуковомъ отношеніи, блещетъ всѣми красками здоровой, простой, первобытной жизни. Это—музыкальные здоровяки и первобытники. Они не столько отражаютъ духовныя стремленія интел-

---

[1]) Восточные акты оперы Бородина «Князь Игорь» представляютъ этому блестящее доказательство.

лигенціи, боренія человѣческаго духа, сколько даютъ непосредственную концепцію жизни, природы. Устами ихъ какъ-бы глаголетъ наша суровая, безотрадная сѣверная природа, вѣковой сосновый боръ, широкая Волга, праздничный хороводъ въ селѣ! Но это первобытники совершенно въ другомъ смыслѣ, чѣмъ неофранцузы д'Энди и Франкъ: послѣдніе заставляютъ себя подражать примитивамъ XVI вѣка; первые—первобытники въ силу инстинкта, Божьей милостью. Примитивы наши, конечно, сознаютъ творимое ими, но ихъ сознаніе не проходитъ черезъ призму философской мысли, черезъ призму великихъ духовныхъ движеній человѣчества. Они страдаютъ, но можно побиться объ закладъ, что это скорѣе «грусть о потерянномъ грошѣ», грусть объ измѣнѣ «Лизетты», чѣмъ Weltschmerz. Съ другой стороны они конечно ставятъ себѣ цѣли: Мусоргскій прямо взывалъ «къ новымъ берегамъ»! Но есть-ли у нихъ такая философская формулировка эстетическаго міросозерцанія, такая система, какъ у Вагнера? «Цѣли», которыя они ставятъ себѣ, похожи, пожалуй, на непосредственныя «цѣли» дикаря, отправляющагося на охоту, чтобы накормить себя застрѣленной дичью. У нихъ нѣтъ суммированія опыта школы, философскаго кодекса ея тенденцій. Можно-ли подыскать тѣ культурныя теченія, которыхъ-бы наши примитивы явились выразителями? Ново-французовъ создали такія теченія современной европейской мысли, какъ нео-мистицизмъ, нео-романтизмъ; ново-германцы — результатъ Шопенгауера и его новѣйшихъ послѣдователей; у нашихъ-же первобытниковъ нѣтъ культурнаго, духовнаго знамени,—нѣтъ культурныхъ теченій, которыя-бы они выразили.

Сама музыка ихъ, оставаясь исключительно народной, національной, отбрасывая въ сторону культъ музыкальной мысли, никогда не возвышается до экстаза, до духовнаго подъема, до бетховенскаго, шопеновскаго или вагнеровскаго гимна идеалу, гимна свободному духу, не связанному никакими предразсудками. Отчего это могло произойти, почему такая разница съ Западомъ?

IV.

Прежде всего духовно-культурная бѣдность, скудость нашихъ композиторовъ (не мѣшающая непосредственно-музыкальному богатству) вызывается уже самимъ фактомъ исключительнаго національзма и отчасти и сама его вызываетъ. Искусство, пользующееся готовыми національными или народными трафаретками, рецептами, искусство, не могущее выдумать своихъ собственныхъ дорогъ, основанныхъ исключительно на культѣ духа, мысли, похоже на дюжинныхъ людей, слѣдующихъ въ жизни протоптанными дорожками и неумѣющихъ или лѣнящихся пролагать собственные новые пути. Національзмъ въ нашей музыкѣ— есть до извѣстной степени указаніе на нашу духовную лѣнь, вялость, есть указаніе на незрѣлость нашего искусства и культуры, не дошедшихъ еще до освобожденія творческой мысли отъ различныхъ условно-

стей, въ томъ числѣ и національныхъ. Кромѣ того, художники, задающіеся исключительно внѣшними національными задачами, беря отъ народа его простое, наивное, не сложное міросозерцаніе, сознательно идутъ прямо къ съуженію своего субъективнаго міра, къ его обѣдненію, къ опрощенію, несложности духовныхъ процессовъ.

Исторія медленно, но вѣрно подготовляла торжество духа на Западѣ и его сравнительное рабство у насъ. Мы не знали такихъ идейныхъ движеній, какими полна западно-европейская исторія. Даже аскетизмъ выливался въ Россіи совершенно въ другія формы, чѣмъ на Западѣ. На Западѣ это было мистическое исканіе новыхъ путей, это была жажда освобожденія духа отъ матеріи (Ѳома Аквинскій). Мы не знали такихъ могучихъ родниковъ идеализма, какъ идеалистическая философія Фихте, какъ романтическая школа въ искусствѣ Запада.

Самъ нашъ народный эпосъ, бѣдный духовными мотивами, игралъ немаловажную роль въ данномъ случаѣ. Западно-европейскій эпосъ выразилъ и трогательную идею искупленія, проникающую, напр., преданіе о Тангейзерѣ (Kunsteроs), норвежскую сагу о Гладгардахъ, нѣкоторыя саги Младшей Эдды и міровую скорбь («Нибелунги»), и, наконецъ, далъ рядъ женскихъ типовъ. Ничего этого не знаетъ русскій эпосъ, наполненный сказаніями о грубыхъ богатыряхъ и ихъ кулачной расправѣ, почти не знающій женскихъ типовъ и лишенный высшей идейности. Самъ являясь результатомъ народнаго міросозерцанія, такой эпосъ могъ вліять неблагопріятно на искусство и въ томъ числѣ и на музыку.

Кромѣ того, сами условія музыкально-историческаго развитія были въ данномъ случаѣ тоже противъ насъ. Западная музыка съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ стала въ тѣсную зависимость отъ церковной, но религіозный экстазъ первой эпохи,—религіозный экстазъ Палестрины, Баха, — могъ весьма свободно перейти потомъ — подъ вліяніемъ успѣховъ культуры—въ родственный ему глубокій субъективизмъ Бетховена и даже въ міровую скорбь Шумана. Наша-же художественная музыка во все время своего существованія не имѣла никакихъ непосредственныхъ точекъ соприкосновенія съ религіозной музыкой, она сразу вылилась въ народную формулу, въ формулу внѣшняго, показного, этнографическаго націонализма, что повлекло за собой внѣшность творчества.

V.

Перейдемъ къ опредѣленію чисто музыкальныхъ лозунговъ школы.

Русская музыка это всего болѣе культъ гармоніи, ритма, рисунка, колорита, поэзіи, красокъ и всего менѣе культъ музыкальной мысли, формы, контрапункта.

Мы не имѣли періода строгаго контрапунктическаго религіознаго стиля, который на Западѣ далъ Палестрину, Лассо, Жоскена де-Пре, Габріэли—и вытекалъ изъ общаго схоластическаго духа среднихъ вѣ-

ковъ. Отсутствіе контрапунктическихъ традицій заставило нашихъ композиторовъ обратить главное вниманіе на гармоническій элементъ и на выразительность музыки. Богатство-же и разнообразіе ритма нашихъ народныхъ пѣсней создало разнообразіе ритмическихъ комбинацій и нашей художественной музыки.

Далѣе, русскій композиторъ, благодаря своей удивительной талантливости, умѣетъ поразить слушателя глубокой поэтичностью замысла [1]), красотой, чувственной привлекательностью звука [2]), граціозностью музыкальнаго рисунка и богатымъ колоритомъ, въ томъ числѣ и оркестровымъ [3]). Богатое музыкальное содержаніе ему всегда присуще и онъ менѣе, чѣмъ западно-европейскій, прибѣгаетъ къ общимъ мѣстамъ. Но вмѣстѣ съ этимъ вы никогда (исключая, пожалуй, Чайковскаго) не встрѣтите у него культа чистой музыкальной мысли, чисто-симфоническаго развитія ея (тематическое-же встрѣтите довольно часто), которое замѣняется пейзажностью, мозаичностью, освѣщеніемъ одной и той-же темы различными гармоническими и ритмическими фокусами. Апоѳеозъ музыкальной мысли, выразившійся на Западѣ въ лицѣ трехъ гигантовъ— Бетховена, Шуберта и Шумана, могъ явиться лишь результатомъ философской мысли Германіи. Наша-же бѣдная отвлеченная мысль отразилась и въ музыкѣ соотвѣтственнымъ образомъ (не бѣдностью содержанія, а бѣднымъ развитіемъ музыкальной мысли).

Для культа музыкальной формы у насъ тоже не было надлежащей почвы. На Западѣ этотъ культъ обусловливался и кастово-феодальнымъ духомъ среднихъ вѣковъ, и вліяніемъ формалистской философіи Гоббса; создавался, наконецъ, и тѣмъ духомъ самодисциплины, который постепенно вырабатывала западно-европейская исторія. Немаловажное значеніе тутъ имѣетъ и тотъ историческій фактъ, что, напр., западно-европейская симфонія развилась изъ придворныхъ танцевъ, что зерно ея таится въ ея 3-ей части—менуэтѣ. У насъ-же при дворѣ танцы не носили національнаго характера и, слѣдовательно, не могли дать толчекъ образованію національныхъ музыкальныхъ формъ. Отсутствіе культа формы сказалось у русскихъ композиторовъ главнымъ образомъ въ томъ, что они не создали ни одной новой типической инструментальной формы, почти буквально перенося западныя формы на русскую почву и уклоняясь отъ нихъ лишь въ деталяхъ. Мы попросили-бы читателя назвать хоть одно выдающееся русское симфоническое произведеніе, гдѣ-бы видна была попытка создать новую форму. Новые ярлычки, въ видѣ «симфонической поэмы», «лирической поэмы» и т. д. есть, но новыя формы совершенно отсутствуютъ. Задаваясь программными цѣлями, наши композиторы тѣмъ не менѣе

---

[1]) Смерть Катерины и Тизбы въ оп. «Анджело» Кюи, дуэтъ «Ратклиффа» и Маріи въ оп. «Ратклиффъ», его-же; «Ромео и Юлія», «Буря», «Франческа да-Римини» — симф. поэмы Чайковскаго.

[2]) Симфоническія поэмы Р. Корсакова.

[3]) Симф. поэма «Тамара», Балакирева, «Испанское каприччіо», Р. Корсакова.

уклоняются отъ старой формы симфоніи или рондо лишь въ ничтожныхъ деталяхъ [1]).

Изо всего этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они во владѣніи этой формой не показали удивительнаго мастерства и гибкости.

Не то на Западѣ. Новое время принесло и новыя формы: фортепьянную балладу и прелюдію (Шопенъ), листовскій фортепьянный концертъ въ одной части, симфоническую поэму (Берліозъ и Листъ), при чемъ послѣдняя не является пустымъ ярлыкомъ, а напримѣръ, у Листа въ его послѣднемъ періодѣ [2]), у Цезаря Франка [3]) и Рихарда Штрауса [4]) является вполнѣ новой, свободной формой, повинующейся лишь указаніямъ вдохновившей композитора программы. Штраусъ-же въ своемъ послѣднемъ произведеніи «Also sprach Zarathustra» достигаетъ прямо апогея свободнаго, индивидуальнаго творчества формы.

Сильная склонность къ программной музыкѣ является одной изъ характерныхъ чертъ русской школы. Но программная музыка у насъ имѣетъ совершенно другія причины и совершенно другую окраску, чѣмъ на Западѣ. Тамъ она съ самаго начала была тѣсно связана съ романтизмомъ (Берліозъ, Листъ) и къ ней обратились съ цѣлью освободить человѣческій духъ отъ оковъ традиціонной схоластики; у насъ-же она была вызвана реалистическими тенденціями. Результатомъ явилось то, что программная музыка Берліоза, Листа, Штрауса глубоко субъективна, тогда какъ наша [5]) объективна, реалистична. Если въ «Прометеѣ», «Орфеѣ» Листа и «Манфредѣ» Штрауса мы констатируемъ психологическія задачи, если композиторъ здѣсь стремится изобразить свои прометеевскія и манфредовскія страданія, то русскій авторъ намъ преподноситъ вмѣсто этого пейзажъ, звуковую картину. Возьмите «Антара» Римскаго-Корсакова: въ первой части симфоніи полетъ птицы изображенъ, пожалуй, очень правдоподобно, но гдѣ-же духовный міръ Антара, его больная, израненная жизнью душа?

Рѣдко можно встрѣтить въ исторіи музыки такое соединеніе бѣдности культурныхъ мотивовъ съ большими чисто музыкальными богатствами, какое даетъ русская школа. Если-бы богатыя музыкальныя средства, которыми располагаетъ она, приложить къ осуществленію грандіозныхъ идей ново-германской школы, получилась-бы идеальнѣйшая школа въ мірѣ.

Гармоническая сторона является самой сильной въ разсматриваемой школѣ, какъ уже замѣчено, при чемъ въ обращеніи находятся по преимуществу диссонансы, пряныя сочетанія. Но глубокая эстетичность на-

---

[1]) «Антаръ», Р. Корсакова—скорѣе всего симфоническая форма; «Франческа да-Римини», Чайковскаго—форма рондо; въ сонатной формѣ написаны: «Тамара», Балакирева. «Стенька Разинъ» Глазунова, «Лѣсъ» его-же.

[2]) «Отъ колыбели до могилы».

[3]) «Эолиды» и др.

[4]) «Манфредъ» и др.

[5]) Симфоническія поэмы Р. Корсакова, Балакирева, Глазунова.

туры русскаго композитора, съ одной стороны, предохраняетъ его отъ тѣхъ злоупотребленій диссонансомъ, которыя не чужды, напр., Штраусу, съ другой—доводитъ выразительность диссонанса до предѣловъ, совершенно неизвѣстныхъ западно-европейской музыкѣ. Едва-ли послѣдняя знаетъ такой высшій апоѳеозъ выразительности (основанной на диссонансѣ), какъ смерть Катерины и Тизбы въ «Анджело» Кюи, какъ смерть Снѣгурочки въ оперѣ того-же имени Р. Корсакова. Мы-бы хотѣли указать еще на двѣ особенности «русской» гармоніи: на ея большей частью ладовой характеръ и облюбованіе педалей или выдержанныхъ басовыхъ тоновъ, столь характеризующее русскую фактуру. Не вдаваясь въ этотъ чисто техническій вопросъ, мы укажемъ на преобладаніе ладовыхъ гармоній, напр., въ «Борисѣ Годуновѣ» и «Хованщинѣ» Мусоргскаго и на частыя педали въ сочиненіяхъ Кюи и Бородина. Замѣтимъ еще, что ладовыя гармоніи подсказаны нашимъ композиторамъ русской народной пѣснью, а въ педаляхъ можно пожалуй видѣть результатъ вліянія восточныхъ пѣсней, сводящихъ басъ къ опредѣленнымъ выдержаннымъ тонамъ.

Ритмическое разнообразіе, несимметричный ритмъ точно также характерны для русскаго композитора. Почти нѣтъ того вида музыкальнаго размѣра, который не былъ-бы имъ культивированъ; размѣры семидольные и пятидольные кажутся ему легкими и онъ играетъ ими, какъ-бы шутя [1]). Исторія музыки, наконецъ, едва-ли знаетъ такую свободу обращенія съ ритмомъ, какую показываетъ Глазуновъ въ финалѣ V симфоніи.

Переходя къ опернымъ принципамъ школы, мы укажемъ на слѣдующіе четыре главные: α) строгое согласованіе текста съ музыкой, β) преобладаніе голоса надъ оркестромъ, γ) мелодическій речитативъ, δ) содержательность оперной музыки.

«Хочу правды въ звукахъ»—сказалъ еще Даргомыжскій, и этотъ лозунгъ былъ подхваченъ всѣми выдающимися русскими композиторами, исключая Чайковскаго. Пожалуй, многіе изъ нихъ могли-бы вмѣстѣ съ Глюкомъ сказать про себя: «когда я сажусь писать оперу, я позабываю, что я музыкантъ, а не поэтъ» — что, однако, не мѣшаетъ музыкѣ ихъ оперъ быть содержательной. Вѣрнѣе, впрочемъ, имъ было-бы сказать: «я помню, что я музыкантъ и поэтъ», ибо не подчиненіе музыки поэзіи выставляетъ своимъ девизомъ наша школа, но полное сліяніе двухъ элементовъ: музыкальнаго и поэтическаго. Русскихъ композиторовъ трудно назвать «глюкистами» или «пиччинистами»; болѣе всего (но далеко не совсѣмъ) ихъ формула приближается къ вагнеровской. Въ речитативной оперѣ Даргомыжскаго «Каменный гость» мы видимъ смѣлое воплощеніе этихъ принциповъ, въ «Борисѣ Годуновѣ» и «Хованщинѣ» Мусоргскаго—утрированное, ведущее къ однообразію, въ «Анджело» и въ «Ратклиффѣ» Кюи наиболѣе разумное, le juste milieu! Ц. А. Кюи со-

---

[1]) Р. Корсакова — хоры изъ «Снѣгурочки»; Бородина — романсы и хоры изъ «Игоря»; Чайковскаго—6-я симфонія; Лядова—фортепіанныя вещи.

здаетъ здѣсь рядъ свободныхъ оперныхъ формъ, вызываемыхъ лишь текстомъ, но онъ не отталкиваетъ отъ себя и законченную кантилену, и лирическій паѳосъ, тамъ, гдѣ это необходимо.

Преобладаніе голоса надъ оркестромъ тоже оперный лозунгъ школы, и въ этомъ отношеніи школа гораздо болѣе приближается къ Глюку. Но это преобладаніе не ведетъ къ глюковской бѣдности оркестра: напротивъ того послѣднему симфонически сложная партитура русскихъ композиторовъ удѣляетъ весьма много мѣста; преобладаніе выражается въ интенсивной силѣ звука. Какъ, напр., ни сложна полифонія оперъ Р.-Корсакова, но мы-бы затруднились указать мѣсто, гдѣ голосовъ такъ же не слышно, какъ у Вагнера.

Мелодическій речитативъ (нѣчто среднее между кантиленой и простымъ речитативомъ), столь частый гость нашихъ оперъ, является однимъ изъ результатовъ основного опернаго принципа школы: согласованія музыки съ текстомъ. Наибольшей силы, наибольшей выразительности онъ достигаетъ въ «Анджело» Кюи, въ «Князѣ Игорѣ» Бородина и т. д. Едва-ли этимъ образцамъ можно подыскать достойное pendant въ западно-европейской музыкѣ. Замѣтимъ еще, что мелодическій речитативъ обусловленъ роскошной, богатой гармоніей русскихъ композиторовъ и отчасти и самъ ее вызываетъ.

VI.

Изъ значительной національной замкнутости разсматриваемой школы еще не слѣдуетъ, однако, чтобы она не подчинялась постороннимъ вліяніямъ. Шопенъ и Шуманъ подсказывали ей нѣкоторые мелодическіе и гармоническіе обороты. Берліозъ и Листъ дали намъ образцы симфоническихъ поэмъ, новыхъ пріемовъ оркестровки, новыхъ гармоническихъ послѣдовательностей, преимущественно основанныхъ на энгармонизмѣ (Листъ). Гигантская фигура Вагнера бросила свою тѣнь (въ прямомъ смыслѣ) и на русскую школу: нѣкоторые пріемы оркестровки, хроматизмы, оперный лейтмотивизмъ (до нѣкоторой степени) послѣдней ведутъ свое происхожденіе прямо отъ байретскаго маэстро; но вагнеровскія *идеи* едва-ли коснулись школы.

Полные «національной гордости» мы укажемъ факты и противоположнаго вліянія, скажемъ, что въ музыкѣ ново-французовъ (особенно у Форе въ его фортепьянномъ квартетѣ) и скандинавовъ Грига и Свендсена есть чисто русскіе «отзвуки», выражающіеся и въ общихъ пріемахъ, и въ мелодико-гармоническихъ оборотахъ.

Теперь о «вкладѣ», сдѣланномъ русской школой въ исторію музыки, въ общую сокровищницу музыкальнаго прогресса. «Вкладъ» этотъ есть— и довольно большой.

Не создавъ новыхъ типическихъ инструментальныхъ формъ, русскіе композиторы, особенно въ лицѣ Римскаго-Корсакова, дали тѣмъ не менѣе рядъ превосходныхъ звуковыхъ иллюстрацій, дали превосходные образцы

детальной програмной живописи [1]) и, можно сказать, прямо создали этотъ жанръ. Но главныя побѣды были одержаны въ области романса и оперы. Прежнія рамки романса расширяются. Въ лицѣ Мусоргскаго романсъ достигаетъ силы музыкальной сатиры («Классикъ», «Семинаристъ» и др.), памфлета (Раекъ). Романсъ сходитъ съ почвы исключительно любовныхъ мотивовъ и задается грандіозными задачами: это уже цѣлый монологъ героя («Царь Саулъ» Мусоргскаго), завѣщаніе автора («Волны» Ц. Кюи изъ сборника Vingt Poêmes), пессиместическое раздумье («Къ Нѣману» Кюи), эпическій отрывокъ («Менискъ» Кюи), національной стонъ («Эоловы арфы» Кюи). Нѣкоторую аналогичность задачъ мы замѣчаемъ лишь у двухъ величайшихъ романсистовъ Запада: Шуберта и Шумана.

Что касается до оперы, то здѣсь русскіе композиторы, рѣдко прибѣгая къ вагнеровскому лейтмотивизму и будучи вѣрны традиціямъ Глинки, даютъ свои новые пріемы характеристики. Послѣдняя именно достигается черезъ придачу специфической мелодической, гармонической, ритмической и оркестровой окраски каждому оперному герою; такимъ образомъ создаются настоящіе оперные типы, характеры, музыкальныя лица, которыя можно всегда узнать, которымъ можно всегда сочувствовать! Типы, созданные кистью Кюи (Тизба и Галеофа въ «Анжело»), Мусоргскаго (напр. Варлаамъ въ «Борисѣ Годуновѣ»), Бородина (Игорь въ «Кн. Игорѣ») останутся навсегда образцами оперной характеристики для будущихъ школъ.

Стремясь строго согласовать слово съ музыкой, наши авторы создали рядъ свободныхъ оперныхъ формъ, которымъ будущее навѣрно придастъ и извѣстную типичность. Почти строгіе носители традицій классической формы въ инструментальной музыкѣ они являются вполнѣ оригинальными творцами самыхъ смѣлыхъ и разнообразныхъ формъ въ области оперы. «Каменный Гость»—эта опера речитативъ—останется навсегда величайшимъ tour de force, Монбланомъ по смѣлости и оригинальности оперныхъ пріемовъ! Достаточно этой оперы и оперъ Кюи, чтобы завоевать нашей школѣ самостоятельное, вполнѣ оригинальное мѣсто въ исторіи музыки [2]).

Русская школа теперь находится въ переходной фазѣ, которая выражается въ отыскиваніи новыхъ путей: старыя формулы этнографическаго національзма не совсѣмъ удовлетворяютъ нашу музыкальную молодежь. Глазуновъ является наиболѣе талантливымъ выразителемъ этого критическаго, переходнаго момента. Онъ—почти строгій адептъ національзма фактуры: въ его мелодіяхъ и гармоніяхъ нѣтъ показныхъ признаковъ русской народности, но стиль его, его пріемы вполнѣ русскіе. Особенно это справедливо относительно послѣдняго періода глазуновскаго творчества, давшаго 4-ую и 5-ую симфонію. Давая одну симфонію за другою,

[1]) «Антаръ», «Садко», «Шехерезада» Р.-Корсакова; «Тамара» Балакирева; «Море», «Лѣсъ» Глазунова и др.

[2]) Мы не вдаемся здѣсь въ техническія подробности, едва-ли интересныя неспеціалистамъ.

нашъ авторъ работаетъ надъ привитіемъ къ русской музыкѣ настоящей классической формы, надъ европеизированіемъ ея. Въ послѣднемъ отношеніи ему отчасти подаютъ руку и его молодые даровитые товарищи: Аренскій, Ф. Блюменфельдъ, Лядовъ, Ляпуновъ, Скрябинъ, Соколовъ. Щербачевъ. Это привитіе дастъ конечно толчекъ и выработкѣ самостоятельныхъ національныхъ формъ, самостоятельныхъ путей, чему не маловажный залогъ—богатство русской народной пѣсни. высокая даровитость русскаго композитора и тѣ признаки культурнаго пробужденія. которые онъ обнаруживаетъ. До сихъ поръ наша школа знала лишь двухъ представителей культа духа и идеала въ музыкѣ: Чайковскаго и Кюи, къ которымъ лишь отчасти можно причислить Глазунова. Нужно надѣяться. что это исключеніе станетъ общимъ правиломъ, типомъ.

Русская школа проявитъ все свое могущество лишь тогда, когда восприметъ и отразитъ въ себѣ духовное. философское движеніе современности, откликнется на культурные запросы времени, подыметъ свой духовный уровень, когда надъ ней пронесется духъ философской мудрости, когда эту пока духовно мертвую, но прекрасную Галатею оживитъ Пигмаліонъ мысли и духа. Это будетъ такой тріумфъ культуры, духа нашей эпохи, о какомъ только можно мечтать! Обратить талантливыхъ людей къ небу, идеалу, указать имъ, что надъ ними есть звѣзды—это-ли не великая культурная побѣда? На неминуемость подобнаго культурнаго завоеванія намъ позволяютъ надѣяться успѣхи на пути общей культуры, достигнутые уже теперь русскимъ обществомъ, тѣ данныя, которыя позволили Гансу Бюлову (еще въ 70-хъ годахъ) сказать: «рано или поздно русское духовное движеніе болѣе не будетъ игнорироваться ни въ одной отрасли!» [1]). Въ данный моментъ—будемъ откровенны, — русская *національная* музыка является большей частью лишь въ качествѣ курьеза въ концертной обстановкѣ лейпцигскаго гевандгауза, или-же парижскихъ концертовъ Ламуре. Тогда-же русская школа, имѣя обще-европейскую культурную окраску, войдетъ какъ равноправный членъ въ семью другихъ школъ.

Композитору не довольно набить себѣ руку упражненіями въ фугѣ. канонѣ, пройти консерваторскій курсъ. Иначе прійдется согласиться съ Шуманомъ, что музыканты спеціалисты всего менѣе способны понимать музыку. Композиторъ долженъ—пожалуй болѣе, чѣмъ кто-либо другой—быть отзывчивымъ, культурнымъ человѣкомъ. Его духовный міръ долженъ быть широкъ: его должна потрясать жизнь, увлекать философія и движенія мысли, заставлять мечтать поэзія. Расширяйте область духовныхъ стимуловъ вашего творчества, больше думайте, больше вглядывайтесь въ жизнь, въ ея трагическую загадочность, и вотъ вглядѣвшись въ нее и озаривши ее свѣтомъ философской мысли, возьмитесь за свое дѣло—и, вѣрьте, при вашей талантливости, вы дадите тогда произведенія, которыя будутъ имѣть значеніе не для одной націи, не для одного кружка, но для всего человѣчества.

А. Коптяевъ.

---

[1]) Ausgewählte Schriften, 1896, стр. 352.

Въ области уголовной репрессіи.

(По поводу новаго уголовнаго уложенія).

Судьба такъ называемыхъ законодательныхъ работъ бываетъ разная. Появляется коротенькій законопроектъ въ 5—10 статей, посвященный защитѣ трудящихся классовъ населенія, и онъ останавливаетъ на себѣ общее вниманіе мыслящей части общества и всѣхъ періодическихъ изданій. Но вотъ появляется проектъ цѣлаго «уложенія», состоящій изъ тысячи статей и параграфовъ, и о немъ почти ничего не говорятъ въ теченіе цѣлаго года со времени его опубликованія. Такая судьба постигла «уголовное уложеніе», проектъ котораго опубликованъ редакціонной комиссіей въ видѣ приложенія къ 9 № «Журнала М-ва Юстиціи» за прошлый 1895 годъ. Заблаговременное, предварительное опубликованіе проекта уголовнаго уложенія послѣдовало именно въ интересахъ его критики и всесторонняго обсужденія. Для разныхъ учрежденій (юридическихъ факультетовъ и судебныхъ мѣстъ) такая критика и доставленіе отзывовъ являются, до нѣкоторой степени, прямо обязательными. Всѣ эти отзывы и замѣчанія отдѣльныхъ юристовъ и юридическихъ корпорацій представляютъ собою нѣсколько объемистыхъ томовъ, въ свою очередь, опубликованныхъ для всеобщаго ознакомленія и критики. Однако, вмѣсто критики общая печать и мыслящая часть общества, слѣдящая исключително за этой печатью, ограничиваются проявленіемъ крайняго индиферентизма.

Въ нашихъ журналахъ можно было-бы указать развѣ на 2—3 статьи, посвященныхъ критикѣ новаго уголовнаго уложенія, и едва-ли можно указать хотя на одну статью, критикующую проектъ уложенія съ общественной, а не съ юридической точки зрѣнія и не во имя «принциповъ» той quasi-науки уголовнаго права, представители которой «писали» уложеніе. Наши криминалисты «писали» уложеніе съ глубокой вѣрой въ «принципы» науки уголовнаго права—смѣло писали его для 120—150 мил. народа! По своему предназначенію для такого громаднаго давленія уголовное уложеніе не лишено серьезнаго значенія для общественной жизни, если можно такъ выразиться, въ количественномъ отношеніи. Въ качественномъ же отношеніи великое, по числу статей, произ-

веденіе отечественныхъ криминалистовъ точно характеризуется однимъ заглавіемъ—*уголовное уложеніе.* Мы отказываемся указать на какой-либо иной терминъ, который такъ точно отвѣчалъ-бы своему назначенію и своему смыслу. Этотъ терминъ прекрасно и ясно характеризуетъ значеніе новой законодательной работы для общественной жизни и не можетъ быть признанъ ничего не говорящимъ о причинахъ отмѣченнаго индиферентнаго къ ней отношенія.

Юристы, повидимому, понимаютъ, что отрицательное предназначеніе уголовнаго уложенія должно быть нѣсколько сглажено хотя-бы то въ интересахъ представляемой ими науки, а чрезъ то и въ ихъ собственныхъ интересахъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи ихъ попытки превосходятъ порывы даже самаго болѣзненнаго воображенія: въ сочинительствѣ ихъ собратьями карательныхъ статей они желаютъ видѣть одно изъ «знаменательнѣйшихъ» проявленій народнаго духа и его творческой силы. Въ этомъ отношеніи достойны вниманія тѣ упреки, которые посылаетъ кіевскій юридическій факультетъ по адресу своихъ собратьевъ, писавшихъ уложеніе. Въ своемъ отзывѣ факультетъ говоритъ: «возможная связь закона съ господствующими въ обществѣ воззрѣніями составляетъ одно изъ основныхъ требованій кодификаціи. Кодификація не есть дѣло единичныхъ силъ человѣка одной эпохи, но результатъ прогрессивнаго развитія народа, одно изъ знаменательныхъ выраженій его духа и цивилизаціи, а потому законъ долженъ соотвѣтствовать нравамъ, характеру, политическому и религіозному положенію націи». Было-бы интересно видѣть на опытѣ, какъ-бы это кіевскій юридическій факультетъ, замѣнивъ редакціонную коммисію по составленію уголовнаго уложенія, ухитрился превратить его въ одно изъ знаменательнѣйшихъ проявленій народнаго духа. Думаемъ, что кіевскому юридическому факультету никогда не удалось-бы выдать свое «карательное» произведеніе за одно изъ знаменательнѣйшихъ проявленій народнаго духа.

Думаемъ, что кіевскому юридическому факультету не удастся отстоять и другой упрекъ, посылаемый имъ по адресу редакціонной коммисіи, составлявшей уложеніе. Въ своемъ отзывѣ факультетъ говоритъ, что «редакціонная коммисія нерѣдко упускаетъ изъ виду господствующія въ обществѣ воззрѣнія на право и считаетъ возможнымъ построеніе уголовнаго закона на чисто абстрактныхъ началахъ извѣстной доктрины». Мы положительно затрудняемся указать на тѣ абстрактныя начала доктрины, которыхъ придерживалась редакціонная коммисія и которыя дѣйствительно могли-бы быть названы абстрактными началами доктрины. Намъ кажется, что болѣе правъ одинъ изъ прокуроровъ, признающій въ своемъ отзывѣ новое уголовное уложеніе *конспектомъ* къ курсу уголовнаго права. Если въ курсахъ уголовнаго права нашихъ профессоровъ все, что достойно названія доктрины, едва просвѣчиваетъ, то въ конспектѣ къ курсу трудно усмотрѣть даже слабые слѣды какой-либо доктрины, заслуженно носящей такое названіе.

Впрочемъ, проектъ уголовнаго уложенія уже однимъ своимъ появленіемъ свидѣтельствуютъ о слѣдованіи весьма опредѣленной «доктринѣ» на счетъ значенія карательной системы. Авторы уложенія, очевидно, вѣрятъ въ громадное значеніе этой системы и притомъ значеніе положительное, а не отрицательное. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъвъ рядахъ нашихъ ученыхъ криминалистовъ имѣются сторонники даже той «доктрины», что наказаніе самоцѣльно и что карательная система имѣетъ оправданіе для своего существованія въ самомъ фактѣ такого существованія этой системы, хотя-бы ни одна изъ цѣлей ея предназначенія не оправдывалась въ дѣйствительности. Такъ, проф. с.-петербургскаго университета Сергѣевскій утверждаетъ, что «уголовное правосудіе не нуждается для своего обоснованія ни въ особыхъ абсолютныхъ принцапахъ. ни въ какихъ-либо спеціальныхъ цѣляхъ, къ служенію которымъ могутъ быть приспособлены отдѣльныя карательныя мѣры. Оно вытекаетъ изъ сущности правопорядка и заключаетъ цѣль съ самомъ себѣ, которая достигается самымъ фактомъ примѣненія наказанія»... Правда, проф. Сергѣевскій допускаетъ, что возможно и болѣе глубокое оправданіе карательной системы, но оно, по его мнѣнію, выходитъ за предѣлы уголовнаго права и «сливается съ общими біологическими и соціальными законами образованія и развитія общественныхъ группъ» [1]).

Быть можетъ, оправданіе дальнѣйшаго существованія карательной системы не только не «сливается», а прямо опровергается общими «біологическими и соціальными законами». Но прежде чѣмъ мы будемъ говорить о дальнѣйшемъ существованіи карательной системы, считаемъ не лишнимъ указать на тѣ результаты, которыми увѣнчалось ея прошлое существованіе вплоть до нашихъ дней. «Карательная система, говоритъ Принсъ, какъ и все на свѣтѣ, съ теченіемъ времени какъ-бы изнашивается отъ примѣненія. Нашимъ ощущеніямъ свойственно быть относительными; тепло является таковымъ по отношенію къ холоду, здоровье—по отношенію къ болѣзни, страданіе—по отношенію къ удовольствію, и какое-нибудь однообразное дѣйствіе, совершающееся на одинъ и тотъже ладъ, перестаетъ подъ конецъ производить то или другое впечатлѣніе. Всѣмъ извѣстенъ примѣръ, приводимый Бэномъ въ его книгѣ о соотношеніи духа и тѣла: часовщикъ привыкаетъ въ своей мастерской къ постоянному шуму, производимому часами, и совершенно не замѣчаетъ его; для того, чтобы онъ обратилъ на него вниманіе, необходимо внезапное и одновременное прекращеніе этого шума... Многочисленные приговоры судовъ всего міра, частымъ мелкимъ дождемъ ниспадающіе на массу, носятъ тотъ-же характеръ. Въ этомъ порядкѣ вещей есть что-то автоматическое и механическое, что-то напоминающее шумъ, производимый часами въ примѣрѣ Бэна, и преступные (?) классы свыкаются съ существующей практикой, какъ часовщикъ съ шумомъ, о которомъ мы гово-

[1]) Сергѣевскій. Русское уголовное право. 3-е изд. Спб., 1896 г., стр. 72—73.

рили выше. Самый острый мечъ притупляется, если имъ постоянно разсѣкаютъ узлы» [1]).

Проф. Сергѣевскій долженъ заступиться за свой самодовлѣющій мечъ. Вѣдь А. Принсъ прямо доказываетъ, что г. Сергѣевскій размахиваетъ мечомъ (т.-е. карательной системой), незамѣчая, что онъ притупился и что съ ударами его также свыклись, какъ часовщикъ привыкаетъ къ шуму часовъ. Если бы г. Сергѣевскій сталъ возражать противъ соображеній А. Принса о значеніи судебныхъ приговоровъ, частымъ мелкимъ дождемъ ниспадающихъ на массу, и продолжалъ бы твердить, что карательная система всетаки имѣетъ оправданіе въ самомъ фактѣ своего существованія, то, замахиваясь надъ массой своей сложной карательной системой, онъ являлся бы самымъ опаснымъ врагомъ культурнаго развитія массъ населенія. Вѣдь, карательная система, пріучившая массу къ наказаніямъ, ниспадающимъ на нее мелкимъ и частымъ дождемъ, превращается въ одно изъ сильныхъ орудій для деморализаціи массъ населенія. Въ виду этого, «доктрина» о самодовлѣющемъ значеніи каратальной системы можетъ быть раздѣляема только современными любителями каръ.

Было бы трудно утверждать, что уголовное уложеніе въ любой странѣ уже самимъ фактомъ своего появленія не является подтвержденіемъ еще не вымершей вѣры въ доктрину о самодовлѣющемъ значеніи карательной системы и въ своихъ тысячахъ статей не представляется облеченіемъ въ плоть и кровь этой «доктрины». Къ счастью, и въ нашу литературу проникаютъ иногда нѣкоторыя свѣжія теченія. Нашъ молодой профессоръ Піонтковскій выступилъ съ особой монографіей въ защиту института условнаго осужденія, т. е. возможно меньшаго примѣненія карательной системы. Это максимумъ пожеланій, мыслимыхъ въ устарѣвшихъ рамкахъ обреченной на смерть quasi-науки уголовнаго управа. Мы его признаемъ тѣмъ минимумомъ пожеланій, который не даетъ никакихъ положительно новыхъ результатовъ, но все же считаемъ не лишнимъ указать на тѣ выводы, которые люди усвоиваютъ, подышавъ чистымъ воздухомъ за предѣлами уголовной науки, въ которыхъ желаетъ пребывать проф. Сергѣевскій. Г. Піонтковскій приводитъ намъ избитыя, азбучныя истины изъ соціальной криминологіи, но они представляются чѣмъ-то весьма свѣжимъ по сравненію съ застѣночнымъ направленіемъ, царящимъ въ курсахъ русскаго уголовнаго права. Конечно, г. Піонтковскій, какъ человѣкъ, воспитанный на этихъ курсахъ, не могъ окончательно отъ нихъ отдѣлаться и робко отъ нихъ отступая, впадаетъ нерѣдко въ крупныя заблужденія на счетъ значенія уголовныхъ уложеній и воплощаемой въ нихъ карательной системы.

«Превентивное значеніе уголовного кодекса, говоритъ г. Піонтковскій, поддерживается не изобиліемъ драконовскихъ угрозъ, а неотвратимостью

---

[1]) Адольфъ Принсъ. «Преступность и общество». Переводъ съ франц. Фельдштейна. М. 1896 г., стр. 26.

осужденія». Вотъ эта послѣдняя добавка, помимо другихъ соображеній, сильно парализуется приведенными указаніями Принса на шумъ часовъ и приговоры судовъ. Кромѣ того, вѣра въ превентивное значеніе неотвратимости осужденія должна совпадать съ вѣрой въ силу карательной системы. Однако, самъ г. Піонтковскій этой послѣдней вѣры не питаетъ. «Что же касается устрашающаго значенія самыхъ карательныхъ средствъ,— говоритъ онъ,—то это значеніе крайне ограничено. Современныя намъ воззрѣнія не могутъ допустить построенія карательныхъ системъ исключительно на началахъ устрашенія массъ, тѣмъ болѣе, что такого рода устрашеніе къ желаннымъ результатамъ привести не можетъ». Допустимъ, что карательная система, не измѣняя своей природы, можетъ быть построена и не на началахъ устрашенія. Однако, и при такомъ едва-ли вѣроятномъ предположеніи смыслъ и значеніе примѣненія карательной системы, по словамъ самого г. Піонтковскаго, должны быть признаны, по меньшей мѣрѣ, проблематичными.

«Преступленіе, какъ и всякое соціальное явленіе, говоритъ г. Піонтковскій, подчинено всеобщему закону причинности. Оно не появляется, не образуется случайно. Его бытіе, ростъ и развитіе находятся въ зависимости отъ цѣлой серіи крайне разнообразныхъ причинъ. Въ виду этой зависимости, измѣненіе или устраненіе причинъ, обусловливающихъ бытіе преступной дѣятельности, влечетъ за собою соотвѣтствующее измѣненіе въ проявленіи и образованіи послѣдней. Поэтому, успѣшная борьба съ преступностью, возможное устраненіе ея развитія и проявленія... могутъ быть достигнуты лишь при посредствѣ соотвѣтствующаго воздѣйствія на воспроизводящія ее силы. Какъ ни многообразны эти силы, эти причины, тѣмъ не менѣе онѣ могутъ быть сведены, да и сводятся современной наукой къ взаимодѣйствію двухъ факторовъ: а) индивидуальныхъ (психо-физическихъ) особенностей преступнаго агента (индивидуальный факторъ) и б) условій внѣшней среды, способствующихъ образованію, развитію и проявленію вовнѣ этихъ особенностей (физическо-соціальный факторъ). Различіе природы этихъ факторовъ обусловливаетъ различіе средствъ борьбы съ ними, средствъ воздѣйствія на нихъ въ интересахъ ихъ устраненія. Эти средства воздѣйствія направляются то на улучшеніе въ томъ или иномъ отношеніи условій внѣшней среды и, такимъ образомъ, на посредственное пресѣченіе образованія индивидуальнаго фактора преступленія, то примѣняются они непосредственно къ этому фактору». Наказаніе, т. е. карательная система относится къ «числу средствъ непосредственнаго воздѣйствія на индивидуальный факторъ преступленія».

Г. Піонтковскій, очевидно, смѣшалъ непосредственное воздѣйствіе съ бездѣйствіемъ или отрицательнымъ воздѣйствіемъ. Непосредственное прочное воздѣйствіе на преступность мыслимо только при воздѣйствіи на тѣ условія внѣшней среды, которыя ее порождаютъ и содѣйствуютъ ея развитію. Такое значеніе можетъ имѣть воздѣйствіе на «физическо-

соціальный факторъ». Что же касается воздѣйствія на «индивидуальный факторъ» преступности, всецѣло обусловливаемый физическо-соціальнымъ факторомъ, то вся дѣятельность въ этомъ направленіи, въ виду указанной обусловленности, являлась бы бездѣйствіемъ по своей безрезультатности въ томъ случаѣ, еслибы она не сопровождалась неизбѣжнымъ деморализированіемъ массъ населенія. Самъ г. Піонтковскій раздѣляетъ давно установившіеся взгляды на взаимное отношеніе между указываемыми имъ двумя факторами. «Хотя дѣлу общей превенціи, дѣлу предупрежденія, развитія и образованія преступности, можетъ служить и служитъ,—говоритъ г. Піонтковскій,—съ большимъ успѣхомъ цѣлесообразное воздѣйствіе на физико-соціальный факторъ преступленій, факторъ, которому, собственно говоря, принадлежитъ доминирующее значеніе въ процессѣ образованія преступной дѣятельности, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что этому дѣлу служитъ также, *правда, въ крайне ограниченныхъ предѣлахъ*, самый фактъ существованія и возможности примѣненія уголовной кары» [1]).

Нѣтъ никакой надобности указывать на то, что любое уголовное уложеніе можетъ гарантировать *только* «самый фактъ существованія и возможности примѣненія уголовной кары», что достаточно характеризуетъ и его положительное значеніе, если только допустима мысль о какомъ либо возможномъ положительномъ его значеніи. Тутъ, помимо уже сдѣланнаго нами раньше замѣчанія, не мѣшаетъ остановиться на той самостоятельной роли, которую г. Піонтковскій приписываетъ индивидуальному фактору. Признавая доминирующее значеніе за физико-соціальнымъ факторомъ, г. Піонтковскій считаетъ индивидуальный факторъ второстепеннымъ, но всетаки самостоятельнымъ факторомъ, съ которымъ только и могло бы еще бороться уголовное уложеніе. Въ этомъ пунктѣ г. Піонтковскій безусловно неправъ. Мы готовы доказывать отмѣченную выше безусловную зависимость индивидуальнаго фактора отъ фактора соціальнаго. Все, что г. Піонтковскому было бы угодно разумѣть подъ индивидуальнымъ факторомъ преступности, въ результатѣ оказалось бы продуктомъ фактора соціальнаго, т. е. не дающимъ основанія для индивидуальной борьбы съ преступленіемъ, — борьбы, даже не сопряженной съ вмѣняемостью.

Какъ извѣстно, уголовно-антропологическая школа сильно выдвинула впередъ индивидуальный факторъ своими теоріями о невмѣняемомъ, но все же преступномъ типѣ. Сторонники этой школы признаютъ, что преступники представляютъ собою съ антропологической точки зрѣнія черты оскудѣнія (type de regression), дикаго состоянія, а съ точки зрѣнія психологической—черты нравственнаго помѣшательства. По ихъ мнѣнію, существуетъ особый классъ населенія—классъ преступниковъ, которые по своей физіологической и психологической структурѣ будутъ совершать пре-

---

[1]) Піонтковскій. Объ условномъ осужденіи, стр. 119, 118, 97, 98 и 116.

ступленія при какой вамъ угодно внѣшней средѣ, т. е. независимо отъ условій, создаваемыхъ соціальнымъ факторомъ. Противъ такого приниженія соціальнаго фактора возражаютъ люди болѣе широкихъ принципіальныхъ взглядовъ. «Не трудно замѣтить, говоритъ Лоріа, что попытки, направленныя къ тому, чтобы привязать преступные феномены къ антропологической причинѣ, изобличаютъ неполное разслѣдованіе дѣла. Болѣе свободное разслѣдованіе дѣла показываетъ, что эти феномены, не будучи результатомъ индивидуальныхъ причинъ, являются продуктомъ общихъ причинъ, которыя дѣйствуютъ на все общество въ совокупности. На самомъ дѣлѣ даже тѣмъ, которые желаютъ допустить существованіе преступнаго типа съ опредѣленными характерными чертами, самое не глубокое изслѣдованіе не замедлило бы показать, что характерныя психическія черты преступника не являются продуктомъ естественной и неустранимой необходимости, но являются результатомъ экономическихъ причинъ, которыя въ теченіе долгаго времени предопредѣляли вырожденіе преступника или его предковъ. Продолжительное бѣдствованіе, тяжелый трудъ, выполняемый женщинами во время беременности, плохія и грязныя жилища, недостаточное и антигигіеничное питаніе, алкоголизмъ—неизбѣжный спутникъ праздности у богатыхъ и страдальческаго труда, колеблящагося и неопредѣленнаго вознагражденія у бѣдныхъ—все это подготовляетъ глубокую деградацію, которая, усиливаясь при смѣнѣ одного поколѣнія другимъ, можетъ, безспорно, обнаруживаться во внѣшнихъ характерныхъ чертахъ, въ антропологическихъ аномаліяхъ и должна неизбѣжно вести къ преступленіямъ» [1]).

Конечно, трудно оспаривать тотъ фактъ, что представители криминальной антропологіи подмѣтили и отличили многія физическія и психическія особенности въ массѣ тѣхъ людей, которыхъ называютъ преступниками. Они сдѣлали бы свое дѣло, если бы во время остановились въ своихъ выводахъ. Однако, Ломброзо и его менѣе извѣстные послѣдователи, подмѣтивъ разныя неправильности въ строеніи черепа, туловища, ушей, челюстей, носа и т. д. приписываютъ имъ не только значеніе силъ, толкающихъ на путь такъ называемой преступности, но и роль факторовъ, воспроизводящихъ эту самую преступность. Къ такимъ страстнымъ выводамъ представители криминальной антропологіи пришли потому, что не остановившись во время, застряли на полдорогѣ. Они не дошли до вопроса о томъ, откуда и какимъ порядкомъ и по какой причинѣ развились подмѣченные ими антропологическія особенности. Они не видятъ, что «антропологическіе феномены являются послѣднимъ указаніемъ и внѣшнимъ признакомъ продолжительной обработки, законченной при содѣйствіи экономическихъ факторовъ, надъ человѣческимъ матеріаломъ (sur un materiel humain), измученномъ безъ сожалѣнія» [2]).

---

[1]) Loria. Les bases economiques de la constitution sociale, Paris. 1895 г., стр. 116—11

[2]) Loria. Ibid., стр. 117—118.

Такимъ образомъ даже тѣ индивидуальныя физическія и психическія особенности, которыя признаются фатальными и исключающими вмѣняемость и наказуемость по началамъ карательной системы, являются продуктомъ соціальнаго фактора. Если и существуетъ особый типъ преступнаго люда, то онъ выработался въ теченіе долгаго времени на почвѣ тѣхъ условій внѣшней среды, которыя поддерживаются соціальными факторами. «Соціальный законъ, говоритъ А. Принсъ, беретъ верхъ надъ антропологическимъ и необходимо признать, что типъ обществомъ создается и имъ же можетъ видоизмѣняться. Но должно замѣтить, что рѣчь здѣсь идетъ вовсе не о названіи, а о томъ, что общество не должно считать себя избавленнымъ отъ необходимости разрѣшенія вопросовъ, поставляемыхъ преступностью, ссылаясь на біологическую неизбѣжность и строеніе мозга. Было бы, на самомъ дѣлѣ, слишкомъ уже удобно для общества вообразить, что оно исполнило свою обязанность, изолировавъ, удаливъ и подавивъ преступника. Нѣтъ, общество должно идти дальше и, принимая во вниманіе, что преступность коренится въ причинахъ соціальнаго свойства, бороться противъ нея соціальными средствами» [1]).

Вотъ какой характеръ должна носить борьба съ такъ называемой преступностью. Оставляетъ ли она мѣсто для карательной системы и для уголовныхъ статей? Конечно, нѣтъ. Правда, карательная система и уголовныя статьи тоже носятъ характеръ соціальной борьбы съ преступностью и притомъ борьбы вовсе не отвѣчающей интересамъ тѣхъ классовъ, которые ее поддерживаютъ, опираясь на пошатнувшуюся опору уголовной наказуемости. Основныя особенности этой борьбы характеризуются даже въ буржуазныхъ лекціяхъ, читаемыхъ «рожденнымъ» руководителемъ интересами страны въ оксфордскомъ университетѣ. Недавно на русскомъ языкѣ появился переводъ небольшой брошюры оксфордскаго профессора Томаса Фаулера «Прогрессивная нравственность». Фаулеръ, высказывая шаблонныя и буржуазныя размышленія о санкціяхъ поведенія, посвящаетъ страничку выясненію характера «легальной санкціи». «Нужно указать, говоритъ Фаулеръ—на двѣ характерныя черты легальной санкціи. Первая то, что легальная санкція оказываетъ свое дѣйствіе почти исключительно путемъ наказанія... Другая характеристическая черта легальной санкціи заключается въ томъ, что, обращаясь, повидимому, ко всѣмъ гражданамъ, въ дѣйствительности, она гораздо болѣе оказываетъ вліянія *на низшіе и необразованные классы*, чѣмъ на высшіе и образованные. Это обстоятельство находится въ зависимости отчасти отъ того факта, что лица, пользующіяся въ жизни комфортомъ, испытываютъ меньше искушенія совершить наиболѣе обычныя, запрещаемыя закономъ преступленія, каковы, напр., кража, грабежъ и т. п.» [2]). Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что лица, пользующіяся

[1]) Преступность и общество. Стр. 20.

[2]) Фаулеръ. Прогрессивная нравственность. Спб. 1896 г. 6—7.

наименьшимъ комфортомъ, уже въ силу этого обстоятельства, имѣютъ наибольшее искушеніе совершить наиболѣе обычныя, запрещенныя закономъ преступленія и притомъ, конечно, не у себѣ равныхъ по комфорту.

Само собою понятно, что уголовная борьба, построенная на такихъ соціальныхъ эмоціяхъ далеко не этическаго характера, не можетъ подлежать радикальному усовершенствованію въ своемъ будущемъ развитіи и должна носить явные признаки регресса, не отвѣчающаго самымъ скромнымъ надеждамъ на улучшеніе соціально-этическихъ отношеній. Мы отказываемся понять мотивы, побудившіе Греефа къ размышленіямъ, не подходящимъ къ эрудиціи, предполагаемой у профессора общей соціологіи. «Криминалисты, кладущіе принципъ общественной защиты въ основу репрессивнаго права, говоритъ Греефъ,—совершенно ошибочно видятъ въ этомъ ученіи возвратъ къ первобытнымъ формамъ. Въ самомъ дѣлѣ, принципъ общественной защиты—это только первичный элементъ уголовнаго права, исходная точка его дальнѣйшей эволюціи, приведшей къ формамъ несравненно болѣе сложнымъ, чѣмъ естественный первобытный коллективный рефлексъ. Современное уголовное право требуетъ другихъ объясненій и оправданій, чѣмъ первобытная коллективная реакція на нападеніе индивидуальное или коллективное, а именно оно все болѣе и болѣе ищетъ своего обоснованія въ нравственныхъ факторахъ, представляетъ только частное приложеніе послѣднихъ къ опредѣленнымъ случаямъ и главное свое обоснованіе находитъ въ самомъ высокомъ нравственномъ факторѣ—справедливости, обнимающей какъ долгъ общества относительно индивидовъ, такъ и долгъ индивида относительно общества» [1]).

Эти разсужденія могутъ украшать только страницы такихъ «великихъ криминалистовъ», какимъ является профессоръ Сергѣевскій, но они представляются непонятными, когда они выходятъ изъ подъ пера профессора общей соціологіи и философіи въ брюссельскомъ университетѣ. Несомнѣнно, правы тѣ криминалисты, которые полагаютъ, что уголовная борьба, построенная на принципѣ весьма оригинальной «общественной защиты», должна идти путемъ возврата къ первобытнымъ формамъ. Тутъ всякій безпристрастный наблюдатель въ любой странѣ долженъ остановиться съ недоумѣніемъ надъ вопросомъ о томъ, а что-же дальше будетъ съ примѣняемой теперь «общественной защитой»? Вѣдь нельзя до безконечности умножать число уголовныхъ статей и количество тюремъ; между тѣмъ «общественная защита» развивается именно въ такомъ направленіи. Теперь въ любомъ государствѣ З. Европы неизбѣжно и неудержимо ростущая преступность побуждаетъ руководящіе классы къ интензивному напряженію «общественной защиты», къ усиленію карательной системы и къ созданію все новыхъ и новыхъ преступленій. Само собою понятно, что это фанатическое ослѣп-

---

[1]) Греефъ. Общественный прогрессъ и регрессъ. Перев. съ француз. Г. Паперна. Спб. 1896 г., стр. 322—330.

леніе только содѣйствуетъ дальнѣйшему росту преступности, противъ котораго тоже ослѣпленіе выдвигаетъ новые номера въ номенклатурѣ карательной системы и все новые и новые виды преступленій, фиксируемые въ статьяхъ уголовныхъ кодексовъ. Вразумленія доброжелательныхъ людей нисколько не мѣшаютъ этому чисто дикому рытью могилы для себя своими собственными руками. Въ фанатическомъ умоизступленіи не замѣчаютъ всѣхъ печальныхъ послѣдствій превращенія «общественной защиты» въ политику умноженія тюремнаго населенія.

По поводу этой политики Адольфъ Принсъ обращается съ слѣдующими вразумительными увѣщаніями: «Надо всѣми силами стремиться къ сокращенію времени пребыванія преступника въ тюрьмѣ, дабы не пріучать къ ней народъ, что было-бы равносильно умаленію его чувствъ чести и достоинства, умаленію его нравственнаго наслѣдія. Остановимся нѣсколько на происходящемъ на нашихъ глазахъ процессѣ постояннаго изобрѣтенія новыхъ преступленій и категорій преступниковъ... Взглянемъ, далѣе на эту массу осужденій, которая побуждаетъ правительства воздвигать тюрьмы за тюрьмами и употреблять все болѣе и болѣе усилій и затратъ безъ сколько-нибудь значительнаго измѣненія существующаго положенія дѣлъ» [1]).

Адольфъ Принсъ, видимо, чувствуетъ, что его увѣщанія теперь не найдутъ для себя благопріятной почвы. Наше время—не время благородныхъ порывовъ, направленныхъ къ ослабленію крайностей карательной системы. Въ этомъ отношеніи указанная выше возрастающая интензивность въ напряженіи «общественной защиты», вопреки мнѣнію Греефа о прогрессѣ въ области уголовной репрессіи, прямо выражается въ явномъ поворотѣ назадъ. «Недавно, говоритъ Генри Джорджъ, были возстановлены въ англійскомъ уложеніи о наказаніяхъ розги, какъ наказаніе за извѣстные проступки, причемъ ихъ очень настойчиво расхваливали въ нашей сторонѣ Атлантическаго океана. Я не стану рѣшать вопроса о томъ, насколько розги, какъ наказаніе за преступленіе, хуже или лучше тюремнаго заключенія, и указываю на этотъ фактъ только какъ на примѣръ того, что увеличивающееся количество преступленій и затрудненія въ содержаніи заключенныхъ (вещи очевидныя для настоящаго времени) могутъ повести за собой болѣе полный возвратъ къ физическимъ мученіямъ варварскихъ кодексовъ» [2]). Опасенія Генри Джорджа нельзя при-

---

[1]) Принсъ. Преступность и общество. стр. 26—27.

[2]) Генри Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Переводъ С. Д. Николаева, провѣренный М. И. Туганъ-Барановскимъ. Спб. 1896 г., стр. 408.

По особымъ соображеніямъ мы вынуждены цитировать русскій переводъ «Progress and Poverty» и оставляемъ его безъ исправленій. Однако, считаемъ нужнымъ замѣтить, что переводъ страдаетъ крупными недостатками. Сличеніе съ оригиналомъ по имѣющемуся у насъ лондонскому изданію «Progress and Poverty» 1889 г., въ которомъ всѣ цитаты, приведенныя въ нашей статьѣ, читатели могутъ найти на стр. 383. 384 и 385,—изобличило переводъ, просмотрѣнный г. Туганъ-Барановскимъ, въ неточности и даже безграмотности.

знать преувеличенными. Смертная казнь, находившая такую массу противниковъ среди парламентскихъ дѣятелей въ первой половинѣ текущаго столѣтія, теперь едва-ли не находитъ среди нихъ столько-же сторонниковъ. Отрицательное отношеніе къ смертной казни ослабѣло, и за послѣдніе годы чуть-ли не въ каждомъ государствѣ увеличено число случаевъ ея примѣненія и число дѣяній, могущихъ повлечь за собою смертный приговоръ.

Куда-же ведетъ это усиленное напряженіе карательной системы при явныхъ признакахъ возврата къ прошлымъ временамъ? Оно находитъ самую благопріятную почву для своего временнаго развитія и окончательнаго, такъ сказать, самопотопленія. Эта благопріятная почва создается тѣми условіями, о которыхъ мы говорили со словъ Лоріа, который, повидимому, въ данномъ случаѣ перефразировалъ размышленія Генри Джорджа. «Повсюду, говоритъ Генри Джорджъ, очевидно, что стремленіе къ неравенству, это необходимое слѣдствіе матеріальнаго прогресса тамъ, гдѣ земля монополизирована, не можетъ развиваться значительно далѣе, безъ того, чтобы не выдвинуть нашу цивилизацію на тотъ наклонный путь, на который такъ легко вступить и который такъ не легко покинуть. Возрастающая трудность борьбы за существованіе, увеличивающаяся необходимость напрягать каждый нервъ, чтобы не быть опрокинутымъ и растоптаннымъ подъ ногами въ погонѣ за богатствомъ, всюду высасываютъ тѣ силы, которыя должны были-бы служить прогрессу. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ увеличивается нищета, преступленія, сумасшествія и самоубійства. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ увеличиваются болѣзни, происходящія отъ чрезмѣрнаго напряженія нервовъ, отъ недостаточнаго питанія, отъ скверныхъ помѣщеній, отъ нездоровыхъ и однообразныхъ занятій, отъ преждевременной работы дѣтей, отъ трудовъ и преступленій, на которыя бѣдность обрекаетъ женщинъ» [1]). Это весьма благопріятная почва для роста тѣхъ дѣяній, которыя «общественной защитой» будутъ записываться въ уголовный кодексъ съ проставленіемъ соотвѣтствующихъ номеровъ въ номенклатурѣ карательной системы. Всѣ эти проявленія «общественной защиты» могутъ слиться въ одинъ цѣльный смертный приговоръ. «Мы увѣрены, говоритъ Генри Джорджъ, что цивилизація уже начала падать, если, по отношенію къ числу народонаселенія, люди теперь должны строить все больше и больше тюремъ, все больше и больше богадѣленъ, все больше и больше домовъ для умалишенныхъ, хотя-бы знанія росли, изобрѣтенія прибавлялись къ изобрѣтеніямъ, заселялись новыя страны и расширялись города» [2]).

Тутъ развертывается богатая тема для преній на разныхъ съѣздахъ и петенціарныхъ конгрессахъ. На послѣднемъ парижскомъ пенитенціарномъ конгрессѣ обсуждались нѣкоторые побочные и частные вопросы, соприкасающіеся съ этой богатой темой. На этомъ конгрессѣ, между

[1]) Ibid. 408.
[2]) Ibid. 409.

15*

прочимъ, спорили о двухчленномъ и трехчленномъ дѣленіи правонарушеній. Одни стояли за трехчленное дѣленіе, другіе—за двухчленное. Принсъ былъ правъ, убѣждая членовъ конгресса, что этотъ вопросъ о классификаціи уголовныхъ преступленій не лишенъ серьезнаго соціальнаго значенія. Наслушавшись преній, происходившихъ по этому вопросу на парижскомъ конгрессѣ, г. Гольденвейзеръ приводитъ ихъ въ связь съ нашимъ новымъ уголовнымъ уложеніемъ. «Въ новомъ, готовящемся для Россіи уложеніи, говоритъ г. Гольденвейзеръ, цѣльный проектъ котораго недавно опубликованъ, принято трехчленное дѣленіе. Статья 3-я въ немъ гласитъ: преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, смертная казнь, каторга или поселеніе, именуются преступленіями; преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, исправительный домъ, заточеніе или тюрьма, именуются проступками; преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ опредѣлены, какъ высшее наказаніе, арестъ или денежная пеня, именуются нарушеніями. Такія опредѣленія даютъ рѣшительную оцѣнку человѣческимъ поступкамъ не по внутреннему ихъ достоинству и значенію, а по чисто внѣшнему признаку, тѣхъ послѣдствій, которыя они за собою влекутъ: преступленіемъ по нимъ именуется не то, что обнаруживаетъ противоестественную натуру (?) совершающаго, что повергаетъ его ближнихъ въ ужасъ и негодованіе, а то, что по закону влечетъ за собою такое или иное взысканіе. По этому поводу всѣ докладчики сочувственно цитируютъ слова, сказанныя еще криминалистомъ Росси: «вѣдь это значитъ говорить публикѣ: не утруждайте себя оцѣнкою внутренней природы человѣческихъ поступковъ, а только глядите на начальство: отрубитъ оно человѣку голову,—заключайте изъ этого, что человѣкъ этотъ былъ большой злодѣй. Въ этомъ пріемѣ, замѣчаетъ Росси, содержится столько презрѣнія къ роду человѣческому, столько претензій на деспотизмъ во всемъ, даже въ морали, что можно безъ колебанія судить о всемъ кодексѣ по прочтеніи первой его статьи» [1]).

Г. Гольденвейзеръ привелъ намъ не первую, но одну изъ первыхъ, а именно—третью статью нашего новаго уголовнаго уложенія, заподозрѣннаго кіевскимъ юридическимъ факультетомъ въ тенденціяхъ, ему не присущихъ. Выше было сказано, что кіевскій юридическій факультетъ въ своемъ отзывѣ на проектъ уложенія обвиняетъ редакціонную коммисію въ особомъ поклоненіи абстрактнымъ началамъ какой-то доктрины, будто-бы достойной такого названія. Мы уже высказали свое удивленіе по поводу такого страннаго обвиненія и считаемъ не лишнимъ привести въ свое оправданіе чисто-документальную справку.

Кажется, трудно найти другой вопросъ, который былъ-бы теоретически такъ разработанъ, какъ вопросъ о смертной казни, въ пользу которой можно приводить только такія «абстрактныя начала доктрины»,

[1]) А. С. Гольденвейзеръ. Современная система наказаній и ея будущность по трудамъ парижскаго пенитенціарнаго конгресса. Кіевъ. 1896 г., стр. 16—17.

которыя явно не заслуживаютъ этого названія. Редакціонная коммисія «въ принципѣ», т. е. на бумагѣ, признала необходимымъ отстаивать нѣкоторую отмѣну смертной казни. Коммисія въ своихъ «соображеніяхъ» по поводу смертной казни говоритъ, что «о ней можетъ быть рѣчь только въ законахъ чрезвычайныхъ, воспріемлющихъ силу при совершенно особыхъ условіяхъ общественной жизни, когда нарушается обычное теченіе жизни и мѣры уголовныя отодвигаются на второй планъ: таковы, напр., законы, дѣйствующіе въ военное время въ виду непріятеля и т. п.» Конечно, въ этихъ соображеніяхъ сказано очень мало въ пользу безусловной отмѣны смертной казни, но и отъ нихъ коммисія рѣшила допустить рѣзкое отступленіе и «признала болѣе цѣлесообразнымъ, изложивъ приведенныя выше соображенія о возможности отмѣны смертной казни, представить рѣшеніе сего вопроса на благоусмотрѣніе государственнаго совѣта, а въ лѣстницу проектируемыхъ нынѣ наказаній внести и смертную казнь» для такъ называемыхъ государственныхъ преступленій.

М. Стиваль.

---

*
* *

Короткая радость сгорѣла,
И снова я грустенъ и нищъ,
И снова скитаюсь безъ дѣла
У темныхъ и чуждыхъ жилищъ.

Я пылъ вдохновенья ночного
Безсонной душой ощущалъ,
Видѣнья изъ міра иного
Я свѣтлымъ восторгомъ встрѣчалъ.

Но краткая радость сгорѣла,—
И городъ опять предо мной,
И вновь я блуждаю безъ дѣла
По жесткой его мостовой.

Ѳедоръ Сологубъ.

Плоскогорье.

Романъ.

Часть третья.

Свѣтлыя ночи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Въ передней раздался еще одинъ звонокъ. Вѣра Ермолаевна Глуховская, тетка Нины по отцу, только что сѣвшая за самоваръ и призывавшая къ чайному столу своихъ гостей, встрепенулась.

— Ахъ, Иванъ Петровичъ, голубчикъ, отворите, пожалуйста, дверь! Прислуги не дозовешься... Въ этихъ казенныхъ квартирахъ такъ все неудобно!.. Людская за тысячу верстъ...

Одинъ изъ гостей, круглолицый молодой человѣкъ съ длинными встряхивающимися на ходу вихрами и размашистыми движеніями, поднялся, оторвавшись отъ разговора съ курсистками, и пошелъ въ переднюю.

— Господа! господа! садитесь, пожалуйста,—говорила Вѣра Ермолаевна, постукивая маленькимъ кулачкомъ по дребезжащему подносу съ чашками.—Нина, душечка, скажи дядѣ, чтобъ онъ шелъ. Вѣдь, онъ обѣщалъ мнѣ, какъ только мы переѣдемъ въ эту квартиру, принимать участіе въ нашихъ средахъ.

Нина встала и пошла въ комнату дяди.

Въ большой квадратной комнатѣ, придавленной низкимъ потолкомъ, было разбросано нѣсколько группъ бесѣдующихъ и спорящихъ гостей. Говоръ гудѣлъ со всѣхъ сторонъ, отражаясь отъ пустыхъ стѣнъ: у Вѣры Ермолаевны не хватало мебели для большой новой гостинной.

— Ахъ! Семенъ Ивановичъ!—воскликнула Вѣра Ермолаевна, увидѣвъ вновь входящаго.—И вы на наше новоселье!

— Какже! Очень даже любопытно. Либеральный журфиксъ на новосельѣ въ казенной квартирѣ.

Голосъ у вошедшаго былъ низкій, медлительный, съ поскрипываніемъ. Длинное лицо его, съ бородою, но съ бритыми усами, имѣло застывшее сатирическое выраженіе. Когда онъ говорилъ, углы губъ оттягивались книзу.

Семенъ Ивановичъ Колонтаровъ потеръ руки, отогрѣвая ихъ, и увѣреннымъ движеніемъ поздоровался съ хозяйкой дома.

— Уфъ, вотъ такъ погодка! Настоящій петербургскій апрѣль! Тепло и сыро, а съ неба валитъ какая-то мокрая мерзость.

Колонтаровъ сѣлъ подлѣ хозяйки, черезъ уголъ стола и, приподнявъ брови, осмотрѣлъ собравшееся общество своими свѣтлыми, холодными глазами.

— Завсегдатаи!—небрежно промолвилъ онъ.—Ну, что новенькаго скажете, Вѣра Ермолаевна?

— Ахъ, не спрашивайте, Семенъ Ивановичъ! Я просто разбита это время... Этотъ переѣздъ на новую квартиру, вся эта уборка, ломка до того несносны!.. Во всѣхъ нашихъ обществахъ за послѣднее время тоже однѣ только непріятности... И главное, Нина! Вы не можете себѣ представить, какъ она меня огорчила!

— Нина Сергѣевна? Что такое? Выходитъ замужъ за консерватора?

— Ахъ, нѣтъ! Что замужъ! Нѣтъ, вы представьте: она хочетъ бросить курсы! Это такой дурной прецедентъ. Могутъ сказать, что какъ только хорошенькая дѣвушка попадаетъ на курсы, то оказывается, что это какъ-то случайно, а общій контингентъ—уроды. Нина именно то, что намъ теперь нужно: хорошенькая дѣвушка и съ тактомъ. Вы знаете,—послѣ всѣхъ непріятностей прошлыхъ лѣтъ мы всегда подъ угрозой. Мы должны доказать, что на курсахъ именно милыя дѣвушки,—милыя, женственныя, настоящія. Я ужъ давно говорю это на нашихъ собраніяхъ. Это единственное средство упрочить наше дѣло. Конечно, я никогда не была противъ стриженныхъ; напротивъ,—вы знаете мои среды. Но Нина, Нина... Подумайте, какой подрывъ!

Маленькая фигурка либеральной дамы, въ черномъ двубортномъ платьѣ свободнаго покроя, съ большими пуговицами, вся волновалась. Темные глазки Вѣры Ермолаевны блестѣли на раскраснѣвшемся лицѣ съ мелкими чертами. Она ежеминутно поправляла нервнымъ жестомъ черную кружевную косынку на головѣ, которую она носила, по ея словамъ, какъ женщина, сдавшая въ архивъ свою молодость и не имѣющая времени думать о завиткахъ и прическахъ.

— Любопытно!.. Впрочемъ, какъ разъ то, чего я ожидалъ. А гдѣ-же Нина Сергѣевна?

— Она пошла позвать къ чаю мужа. Не знаешь, какъ вытащить его на наши среды... Того и гляди сдѣлается настоящимъ чинушемъ. Вы знаете, это такъ легко въ наше время! Всѣ—чиновники. Настоя-

щая эпоха застоя. Только и отдыхаешь среди молодежи, на нашихъ средахъ. Ну, и потомъ въ нашихъ обществахъ. Все-таки работа продолжается, что ни говорите. Ахъ, курсы, курсы!.. Господа, да перебирайтесь-же къ чайному столу. Право, нашъ добрый русскій самоваръ ничему не мѣшаетъ. Знаете, Семенъ Ивановичъ,—я всегда говорю: самоваръ — это какой-то очагъ. Страшно подумать, что сталось-бы со всѣми нами, еслибы нельзя было обмѣниваться мыслями, по крайней мѣрѣ, вотъ такъ—за самоваромъ.

— Да, самоваръ—это прекрасная штука!—отвѣчалъ Колонтаровъ, улыбаясь.—Такъ вы говорите, что всѣ хорошенькія дѣвушки бѣгутъ съ курсовъ?..

— Ахъ нѣтъ, я совсѣмъ не говорю. Какъ вы всегда все толкуете, Семенъ Ивановичъ! Тамъ, кажется, опять звонятъ? Господа, будьте милы, отворите кто-нибудь! Куда это Нина провалилась? Знаете, Семенъ Ивановичъ, я разсчитываю на ваше вліяніе. Вы умѣете вліять. Ваша насмѣшка отрезвляетъ...

— Вѣроятно, Нина Сергѣевна просто къ экзамену не подготовилась?—сказалъ Колонтаровъ, насмѣшливо вытянувъ свою верхнюю бритую губу.

— Да, она говоритъ, что не готова къ экзамену. Какъ будто способная дѣвушка не можетъ въ нѣсколько дней перелистать всѣ эти лекціи. Какъ-же другія? Просто это въ ней гордость какая-то—что-то старое, дворянское, изъ дома моего брата, предводителя. Впрочемъ, онъ не предводитель въ этомъ трехлѣтіи. Про что я? Да, я говорю,—у Нины это просто гордость. Непремѣнно показать себя лучше всѣхъ, а если не могу, то бросить. Ахъ, здравствуйте, моя душечка!

И Вѣра Ермолаевна бросилась цѣловать вошедшую молодую дѣвушку, хорошенькую брюнетку, одѣтую съ кокетливой простотой въ черное суконное платье, перехваченное у пояса шелковымъ шнуромъ.

— Позвольте васъ познакомить... Господинъ Колонтаровъ.

Молодая дѣвушка, съ большими глазами и теплымъ румянцемъ на лицѣ,—какъ будто она только что проснулась,—томно наклонила голову и крѣпко пожала руку представляемаго ей кавалера.

— Вотъ здѣсь—съ правой стороны отъ меня!..—говорила хозяйка, усаживая гостью за руку на свободный стулъ. Вы знаете, Семенъ Ивановичъ, это моя новая пассія. Я недавно встрѣтила ее въ одномъ кружкѣ и просто влюбилась. Она на педагогическихъ курсахъ, но я непремѣнно хочу перетащить ее на наши. Педагогическіе, это не то. Господа, вы хотите дождаться, чтобы самоваръ совсѣмъ остылъ?..

Всѣ, наконецъ, встали и зашевелились. Вокругъ стола, на которомъ разставлены были блюда съ разноцвѣтными бутербродами, загрохотали стулья. Замелькали студенческіе сюртуки, тужурки технологовъ и путейцевъ, блузки курсистокъ. Два молодыхъ человѣка, сѣвъ къ столу, сейчасъ же сцѣпились, продолжая начатый споръ и, повернувшись другъ

къ другу, заговорили разомъ необыкновенно громкими голосами. Нѣсколько студентовъ были представлены Вѣрой Ермолаевной хорошенькой педагогичкѣ, и съ любопытствомъ посматривая на нее и переглядываясь между собою, сѣли поближе къ самовару.

— Боже мой! Это изъ рукъ вонъ!—говорила Вѣра Ермолаевна.— Ни мужа, ни Нины. Ахъ, вотъ она! Нина, голубчикъ, ты просто измучила меня.

— Здравствуйте!—сухо сказала Нина, подавая руку Колонтарову.— Голова болитъ, тетя. Я прошла къ себѣ. Дядя сказалъ, что не можетъ выйти сегодня, просилъ принести ему чаю въ кабинетъ.

— Посмотрите, пожалуйста, Семенъ Ивановичъ, на это блѣдное лицо! Первый годъ я была такъ довольна ею. Моментально расцвѣла, какъ только пріѣхала къ намъ. Но теперь — это одно отчаяніе, одно отчаяніе!

— Что это за новости я слышу?—сказалъ Колонтаровъ, отодвигая стулъ для Нины подлѣ себя.—Покидаете курсы?

Нина провела рукой по волосамъ, и, слегка откашлявшись, сказала:

— Не знаю еще, не рѣшила. Я просила тетю Вѣру пока помолчать.

Она бросила недовольный взглядъ на тетку, которая уже разговаривала съ группой гостей, подсѣвшихъ къ хорошенькой педагогичкѣ.

— Вотъ-какъ! Такъ что, можетъ быть, тетушка уговоритъ остаться?

Лицо Колонтарова было слишкомъ близко отъ Нины. Она попросила сосѣда съ другой стороны посторониться и отодвинула стулъ отъ Колонтарова.

— Ну, подождемъ вашего рѣшенія, барышня. А вѣдь выходитъ по моему. И пари я выиграю, это ужъ, можно сказать,—дѣло въ шляпѣ.

— Не понимаю, откуда у васъ эта увѣренность, Семенъ Ивановичъ!

— Согласитесь, однако, что я предложилъ вамъ пари, когда вы еще не думали покидать это почтенное учрежденіе, составляющее предметъ неусыпныхъ заботъ вашей тетушки. Вѣдь какой-нибудь мѣсяцъ тому назадъ вы доказывали, что кромѣ курсовъ нигдѣ и дышать нельзя. А теперь вотъ и налаживается по моему. Замѣтьте кстати— это очень часто бываетъ. Начнешь съ человѣкомъ держать пари о чемъ-нибудь такомъ, относительно чего онъ весьма крѣпко въ себѣ увѣренъ, а какъ возьмется онъ выдержать характеръ, начнетъ себя подтягивать да вытягивать—и лопнетъ.

— Какое красивое выраженіе!..

— Некрасивое выраженіе! Это-то и горе ваше, что вы, съ позволѣнія сказать, между двумя стульями оказались со своими курсами и тетушкиными либеральными журфиксами. Къ красивенькому васъ тянетъ. Вамъ-бы передъ обществомъ лебедемъ пройтись, себя показать и другихъ посмотрѣть,—и такъ, чтобы все это изящно было, комфорта-

бельно. А эта молодежь доблести гражданскія въ себѣ развиваетъ... положимъ, въ пустомъ пространствѣ...

— Чему-же это мѣшаетъ? Вы знаете, что я не противъ этого.

— Вотъ, вотъ! Я и говорю,—между двумя стульями. Какъ ужъ вы старались къ нимъ приладиться—даже блузку съ ремнемъ всю зиму носили. Только, вѣдь, это не на долго. Какъ ни разрывайтесь, а не соединить вамъ эти доблести съ вашими природными вкусами.

— Не понимаю.

— А вотъ вы разсудите сами... Вѣдь, эти всѣ молодые пѣтушки потому собственно и кричатъ, что на своемъ тѣлѣ даже рубашки не чувствуютъ. Голь! А попробуйте-ка, по ихнему,—какъ они мечтаютъ,—все уравнять да раздѣлить. Такъ вѣдь отъ вашего хорошенькаго сѣренькаго платьица съ мелкими пуговками только кусочекъ на вашу долю останется! Вотъ и приходится что-нибудь одно: либо красивенькое, либо добродѣтель...

— Семенъ Ивановичъ!—перебила Вѣра Ермолаевна.—Послушайте, мы тутъ придумали проектъ новаго кружка...

— Какого это, позвольте узнать?

— Кружка для собиранія хорошихъ старыхъ журналовъ... Ихъ рѣшительно нигдѣ не достанешь... Вотъ и составимъ свою библіотеку. Присоединитесь къ намъ?

Вѣра Ермолаевна была возбуждена и осматривала восхищеннымъ взглядомъ хорошенькую педагогичку и ея собесѣдниковъ студентовъ.

— А!.. Старые журналы? Это прекрасно... Только отъ присоединенія ужъ увольте. Не любитель кружковъ и обществъ! Я ужъ вамъ нѣсколько разъ объ этомъ докладывалъ, да вы все забываете,—по нервозности своей, вѣроятно, и по множеству разнородныхъ дѣлъ и обязанностей.

— Не понимаю васъ, Семенъ Ивановичъ, — загорячилась Вѣра Ермолаевна.—Вы не сочувствуете ничему живому!..

— Ну скажите, пожалуйста, чему тутъ сочувствовать и что тутъ живого? Кружки!.. Вертятся эти самые кружки, сливаются и расплываются, какъ на водѣ дождевые кружки! Отъ каждой капли по кружку... Даже въ глазахъ зарябитъ.

— Это ужасно, что вы говорите, Семенъ Ивановичъ,—еще больше заволновалась хозяйка.—Вы какой-то нигилистъ... современный нигилистъ!.. Я васъ не понимаю.

— Я и вижу, что не понимаете, если называете нигилистомъ. Хорошъ нигилистъ! Тѣ были мечтатели въ своемъ родѣ... Топорщились, всѣ блага жизни готовы были отрицать. А я, напротивъ, ничего не отрицаю, кромѣ пустыхъ мечтаній.

— Нѣтъ, *вы* отрицаете...

Нина перестала слушать разговоръ тетки съ Колонтаровымъ. Она чувствовала себя одинокой въ этомъ шумномъ обществѣ и съ грустной, утомленной улыбкой смотрѣла на противоположный конецъ стола, гдѣ студенты вели оживленный разговоръ о землячествахъ. Стулья были отодвинуты отъ стола. Нѣсколько человѣкъ стояло. Круглолицый, добродушный юноша, бѣгавшій отворять дверь, горячо ораторствовалъ передъ товарищами, встряхивая длинными волосами:

— Конечно, я къ своёму земляку скорѣй пойду, чѣмъ къ чужому— говорилъ онъ, выговаривая «своёму» съ удареніемъ на ё.

Курсистка, съ подстриженными, разбросанными въ обѣ стороны волосами, сочувственно смотрѣла на говорившаго, раздувая ноздри вздернутаго носика, и нѣсколько разъ пыталась вставить свое слово. Подлѣ нея, тщедушная и блѣдная дѣвушка неопредѣленныхъ лѣтъ, тоже остриженная, совсѣмъ бѣлокурая, рябоватая, съ дурными зубами и свѣтлыми озлобленными глазами, разсказывала своему сосѣду о Выборгской тюрьмѣ, гдѣ она недавно посѣщала одного товарища. Лицо у нея было измученное, голосъ сиповатый. Потрепанная ситцевая косоворотка точно прилипала къ ея плоской груди. Краснощекій, бородатый господинъ съ выступающей впередъ челюстью стремительно и крикливо говорилъ передъ группой молодыхъ людей и дѣвушекъ о современномъ ренегатствѣ. Хорошенькая педагогичка, съ томными глазами и теплымъ румянцемъ на лицѣ, спрашивала сидѣвшаго около нея апатичнаго студента:

— Я читала недавно Милля, тамъ есть одно слово... Я хотѣла васъ спросить... Интуиція. Что это значитъ?

— Это происходитъ отъ латинскаго слова «intueri» — отвѣчалъ студентъ глубокомысленно, послѣ нѣкотораго размышленія.—Это значитъ глядѣть, трогать, касаться.

— А-а! понимаю! — сказала педагогичка, кивнувъ головой, и съ кокетливой улыбкой обернулась къ Вѣрѣ Ермолаевнѣ, тянувшей ее за руку.

Нина усмѣхнулась на педагогичку и студента. Но наблюденія надъ посѣтителями теткиныхъ журфиксовъ не занимали ее больше. И разговаривать съ Колонтаровымъ ей сегодня не хотѣлось: ей было стыдно при мысли, что она проиграетъ ему пари относительно курсовъ. Этотъ человѣкъ постоянно раздражалъ ее, и въ то-же время, она чувствовала непріятную зависимость отъ его мнѣнія. Она сердилась на себя и тосковала.

— Нина Сергѣевна! О чемъ сія задумчивость?

Нина вздрогнула и подняла глаза на Колонтарова.

— Я съ вашего позволенія ухожу, благо на мое мѣсто еще кто-то идетъ. Опять звонятся. А мнѣ еще въ одинъ домъ зайти надо. Прикажете завтра явиться, чтобы вмѣстѣ идти на выставку?

— Пожалуйста! — сказала Нина и подумала, что лучше было-бы просидѣть хоть день въ одиночествѣ, чтобы окончательно рѣшить, держать-ли экзамены.

— А! Незванова, добрая душа! —проговорилъ Колонтаровъ при видѣ вновь входящей гостьи.—Лидія Степановна, позвольте сообщить интересную новость: Нина Сергѣевна выходитъ съ курсовъ.

II.

— Это правда? — удивленно спросила Незванова, поздоровавшись съ присутствующими и садясь подлѣ Нины.

— Не знаю, Лидія Степановна. Я еще не рѣшила. Сколько разъ я давала себѣ слово сначала дѣлать, а потомъ говорить! Это такъ тяжело, когда проболтаешься, и всѣ заговорятъ раньше времени.

Нина привыкла быть искренной въ разговорѣ съ Незвановой.

— Ну, полноте! Что вы такая!—замѣтила Незванова. Нина раздражительно взглянула на нее.

Лицо у Незвановой было правильное, хотя слишкомъ простое, чтобы назвать его красивымъ: круглое, но не полное, скорѣе нѣсколько плоское въ очертаніяхъ щекъ, съ узкимъ прямымъ носомъ, съ мягкимъ ртомъ и маленькой ямочкой на подбородкѣ. Прозрачно-сѣрые глаза ея твердо и ясно смотрѣли изъ-подъ тонкихъ русыхъ бровей. Не особенно подвижное, типичное русское лицо, чаще встрѣчающееся въ деревняхъ, чѣмъ въ городѣ. Одѣвалась Незванова аккуратно, но некрасиво. Волосы носила гладко зачесанными назадъ и свернутыми косою. Обыкновенно она имѣла способность успокаивать Нину. Ей одной не стѣснялась Нина высказывать неудовольствіе на самое себя, на тетку, на безпорядочную и суетливую жизнь, которая постепенно затягивала ее, не давая никакой радости. Незванова молча все выслушивала и отвѣчала съ сдержаннымъ прямодушіемъ. Нина уважала ее за это прямодушіе: оно позволяло Незвановой быть независимой и спокойной въ сношеніяхъ съ людьми. Но сегодня даже Незванова сердила Нину. Въ ея примирительномъ замѣчаніи Нинѣ почудилось что-то снисходительное.

— Что-же вы успокаиваете меня, Лидія Степановна!—сказала она.— Конечно, вы деликатны и не станете приставать ко мнѣ, какъ Колонтаровъ, или кипятиться, какъ тетя Вѣра, но вѣдь я отлично знаю, что вы думаете объ этомъ. Я какъ-то случайно проговорилась тетѣ, а теперь ужъ всему свѣту извѣстно.

— Какая чуднàя вы, право! Непріятно вамъ объ этомъ говорить, такъ и не говорите.

— Но вѣдь я знаю, что вы удивлены! Ну развѣ не правда? — говорила Нина, и синіе глаза ея съ большими зрачками лихорадочно блестѣли на похудѣвшемъ лицѣ, по которому разливался тонкій румянецъ. Она совсѣмъ обернулась къ Незвановой и смотрѣла на нее возбужденно и растерянно.

Незванова улыбнулась.

— Вовсе даже не особенно удивлена! Вы меня достаточно подготовили

— Какъ это?

Слова Нины были заглушены дружнымъ хохотомъ съ противоположной стороны стола: хорошенькая педагогичка, раскокетничавшись съ молодыми людьми, представляла имъ, голосомъ и манерами, извѣстную актрису Александринскаго театра. На другомъ концѣ стола шелъ оживленный и горячій споръ. Лица раскраснѣлись. Раздавались имена современныхъ журнальныхъ писателей.

— Лидія Степановна, душечка, я и забыла предложить вамъ—хотите чайку? Впрочемъ, одна вода осталась!—обратилась Вѣра Ермолаевна къ Незвановой. схвативъ ее рукой за локоть, и, не дожидаясь отвѣта, продолжала:—А вы знаете,—Нина! это ужасно! Подумайте: сколько все это стоило борьбы, жертвъ, усилій съ нашей стороны... И вотъ — молодое поколѣніе, цвѣтъ молодежи бѣжитъ!

— Ну, тетя, перестаньте пожалуйста!—рѣзко перебила Нина.—Говорили-бы кому-нибудь другому, а то Лидія Степановна какъ разъ теперь блистательно кончаетъ ваши курсы, а вы говорите, что цвѣтъ молодежи бѣжитъ!

— Ахъ, Боже мой! Не подумаетъ же Лидія Степановна... Она знаетъ, какъ я отношусь... Но скажите сами, Лидія Степановна—что это? Что это? Растолкуйте мнѣ! Я всегда была оптимистка. Мнѣ со всѣхъ сторонъ кричатъ, что у насъ упадокъ общественности, что молодежь не та... Не дѣлай пожалуйста такого лица, Нина! Какъ будто я угнетаю тебя!.. Вы понимаете тутъ что-нибудь, Лидія Степановна?

— Что-жъ тутъ понимать, Вѣра Ермолавна! Ну уходитъ Нина Сергѣевна, значитъ, не по вкусу ей! У нея натура... скорѣе артистическая.—Ей-бы въ консерваторію.

Хорошенькая педагогичка поднялась съ мѣста и за нею нѣсколько студентовъ.

— До свиданья, Вѣра Ермолаевна! Пора!

— Ахъ, полноте! такая рань!—засуетилась Вѣра Ермолаевна.—Что такое? Экзамены? Вотъ пустяки. Вы всѣ такіе способные!..

— Пойдемте въ мою комнату, Лидія Степановна!—замѣтила Нина, но въ голосѣ ея слышалась досада.

— Нѣтъ ужъ, Богъ съ вами! Сегодня не останусь. Вы устали. Дайте-ка мнѣ только лекціи по русской исторіи, благо вамъ не нужно.

— Вы, кажется, тоже уже рѣшили все за меня, какъ Колонтаровъ!—отвѣчала Нина, уводя Незванову въ свою комнату. — Не достаетъ только, чтобы вы сказали, что я «просто диллетантская натура», какъ онъ недавно заявилъ мнѣ, и что у меня — всѣ таланты русскихъ столбовыхъ дворянъ, изъ которыхъ никогда ничего не выходитъ.

— Это Колонтаровъ сказалъ? Ну знаете, я никогда не могла понять, почему вы такъ носитесь со всѣми разсужденіями этого господина. Неужели вы до сихъ поръ его не раскусили?

— Я вовсе не ношусь съ его разсужденіями, Лидія Степановна! Но у васъ самихъ точно какое-то предубѣжденіе противъ него. Нельзя-же отрицать, что Колонтаровъ уменъ.

— Большой толкъ отъ его ума! Служитъ въ своей транспортной конторѣ и надъ всякимъ порядочнымъ дѣломъ насмѣхается. Слышали-бы вы, что онъ говорилъ недавно объ учительницахъ воскресныхъ школъ. Даже спорить не хотѣлось.

Нина сидѣла на диванѣ, устало откинувшись къ спинкѣ, и ей тоже не хотѣлось спорить. Она оглядывала свою новую, слишкомъ большую комнату, въ которой и мебель была разставлена какъ-то мертвенно и неуютно, и думала о томъ, что лучше-бы Незванова ушла. Все было ей сегодня непріятно: тетка, разболтавшая о ея намѣреніи, шумные гости, споры которыхъ взрывами доносились изъ залы, даже Незванова съ ея замѣчаніями, которыя она высказывала безмятежнымъ, высокимъ и яснымъ голосомъ. Мысль о Колонтаровѣ, котораго она только что пыталась защищать, тоже мучила ее. Глупо и противно было то, что она видѣла его сегодня во снѣ. Она не помнила что именно было во снѣ,—осталось какое-то неуловимое воспоминаніе, отъ котораго ей было неловко. Засыпая съ вечера, она думала о томъ, какъ относится къ ней Колонтаровъ? Что скрывается подъ его насмѣшками? Онъ ходилъ такъ часто, любилъ оставаться съ нею наединѣ. Онъ часто говорилъ о ея красивой наружности, поддразнивалъ ее, называя кисейной барышней, и при этомъ упорно глядѣлъ на нее исподлобья свѣтящимися насмѣшливыми глазами.

— Ну, я пойду! Дайте-ка лекціи, — сказала Незванова, и снова въ ея мягкой улыбкѣ Нинѣ почудилось снисхожденье.

Она проводила Незванову до дверей и опять устало опустилась на диванъ. На душѣ у нея было такъ скверно, что хотѣлось-бы заплакать. Но слезы не накипали. Тяжесть остановилась въ глубинѣ груди. Мысли перескакивали съ одного предмета на другой. О чемъ-бы она ни подумала, сейчасъ-же начиналось чувство недовольства, недоумѣнія и тоски. Второй годъ уже шелъ съ тѣхъ поръ, какъ она пріѣхала въ Петербургъ. Прошлой весной она рано уѣхала въ деревню, отложивъ экзамены на осень: Петербургъ расшаталъ ея здоровье. Лѣтомъ она почти не занималась: лекціи казались сухими и скучными. Она осталась на томъ-же курсѣ. Съ самой осени Нина все время собиралась засѣсть за работу, но время какъ-то незамѣтно расползалось. Постоянно приходилъ то одинъ, то другой знакомый и, начавъ съ предупрежденія, что забѣжалъ только на минутку, просиживалъ цѣлыми часами въ шумныхъ разговорахъ и спорахъ. Сезонъ концертовъ былъ на этотъ разъ особенно удаченъ. Да и самое настроеніе на курсахъ мало влекло къ занятіямъ, по крайней мѣрѣ, ее. Другія занимались. Но Нина не сходилась ни съ кружкомъ усердныхъ студентокъ, аккуратно посѣщающихъ и торопливо записывающихъ лекціи, ни съ другими кружками, гдѣ пи-

тересовались политической экономіей и народнымъ образованіемъ. Нинѣ хотѣлось сначала принимать участіе въ оживленныхъ, взволнованныхъ разговорахъ, которыми увлекались эти дѣвушки. Но она не читала книгъ, съ которыми онѣ постоянно носились, и мнѣнія, которыя она иногда рѣшалась высказать, принимались какъ-то невнимательно, не въ серьезъ. Были на курсахъ еще разныя неопредѣленныя дѣвицы, вертлявыя, кокетливыя, восторженныя, увлекающіяся оперой. Были еще тихія и молчаливыя барышни, одѣтыя въ коричневыя платья, ходившія парочками подъ ручку и похожія на гимназистокъ. Но Нина чувствовала себя гораздо выше, старше и развитѣе ихъ. Въ прошломъ году она была выбрана депутаткой своего курса и завѣдывала кассой взаимопомощи. Она принялась за дѣло очень горячо: ей нравилось обращаться съ каѳедры къ многочисленной аудиторіи съ разными сообщеніями и заявленіями. Приходилось посѣщать на дому товарокъ, которымъ нужно было удѣлить денегъ изъ кассы. Но скоро это стало тяжело. Было какъ-то неделикатно ходить въ холодныя, дешевыя комнатки, на четвертый этажъ и выспрашивать о всѣхъ нуждахъ, на которыя въ кассѣ все равно не хватало денегъ. Одинъ разъ ей пришлось пойти къ заболѣвшей товаркѣ, которой курсъ посылалъ съ трудомъ собранные семь рублей. Нина шла, думая о томъ, какъ пріятно будетъ вручить эти деньги. Но съ первой-же минуты ее поразило холодное, озлобленное настроеніе больной дѣвушки. Она сидѣла—маленькая, блѣдная и растрепанная, на своей неприбранной постели и, непріязненно выслушавъ Нину, отвѣтила:

— Благодарствуйте! только-то семь рублей! За комнату ужъ три мѣсяца не плачено! Сгонятъ того и гляди... Уйдите, пожалуйста, тошно становится,—прибавила она.

Нина убѣжала безъ оглядки по темной, скверной лѣстницѣ, съ чувствомъ стыда и безсилія, и черезъ нѣсколько дней отказалась отъ депутатства.

Ничто не ладилось въ ея новой жизни. Если теперь не выдержать экзамена, то надо уйти. А времени осталось уже слишкомъ мало. Конечно, уйти. Но что—потомъ? Жутко и горько становилось. Что-же это? И здѣсь начиналось чувство одиночества, сознаніе напрасно и обидно уходящей молодости. Неужели она ошиблась, покидая родной домъ, и эти два года прошли совсѣмъ безплодно? Нѣтъ, она не хотѣла-бы вернуться къ прежнему. Не тамъ, а здѣсь нужно было устраиваться, добиваться, искать. Новое что-то наросло въ душѣ. Глухою, мертвою скукою вѣяло на нее отъ воспоминаній о послѣднихъ годахъ ея домашней жизни. И лѣтомъ ей некуда было-бы дѣться отъ тоски, еслибы не старыя липовыя аллеи сада, съ золотистыми трепещущими на землѣ кружками солнца, пробивающагося сквозь листву, еслибы не знойное жужжаніе пчелъ надъ душистыми клумбами цвѣтовъ, не облака, играющія на небѣ разноцвѣтными красками въ тихій часъ заката.

III.

— Въ другой разъ не пойду съ вами на выставку, Семенъ Ивановичъ,—говорила Нина, спускаясь съ широкой лѣстницы Академіи художествъ на набережную Невы и застегивая послѣднія пуговки своей плюшевой жакетки. — Я не понимаю этой манеры: не успѣешь найти мѣсто, откуда лучше смотрѣть на картину, а вы уже придрались къ какому нибудь пустяку и говорите разный вздоръ. Что я теперь могу сказать о выставкѣ?..

— Ну, это, извините меня, по-женски! Если вы находите мои замѣчанія нестоющими, такъ и не слушайте. Хотѣлъ-бы я видѣть, какъ-бы я измѣнилъ свое мнѣніе, если-бы мнѣ кто-нибудь нашептывалъ на ухо разный вздоръ, какъ вы изволите выражаться. Удивительно вы женственны...

— Ахъ, Семенъ Ивановичъ, вы ужъ сколько разъ говорили мнѣ это. И главное — при чемъ это? Я говорю о картинахъ. Вы ничего серьезнаго не умѣете цѣнить.

— Ахъ, Нина Сергѣевна! И вы уже столько разъ говорили мнѣ это! И почему вы полагаете, что я не умѣю цѣнить ничего серьезнаго? Конечно, я не стану восхищаться съ вами въ эрмитажѣ полинявшей Данаей или портретомъ какого-нибудь герцога съ круглымъ воротникомъ,—какъ у бебешекъ.

Нина невнимательно слушала разсужденія своего спутника. День былъ ясный. Нева, темносиняя, вздутая, важно текла въ гранитныхъ берегахъ. Мелкая рябь искрилась на солнцѣ. Небольшіе пароходы сновали наискось отъ одной плавучей пристани къ другой и съ ревомъ выпускали пары.

— Посмотрите, вода сегодня какая синяя! И весной немножко пахнетъ,—разсѣянно замѣтила Нина.

— А вы платье то свое подбирайте! Посмотрите, какія лужи на улицѣ по случаю пріятнаго запаха весны.

Нина поморщилась и приподняла платье.

— Кажется опять не угодилъ? Я ужъ сколько разъ замѣчалъ, что вы не любите, когда вамъ скажешь про вашъ костюмъ. Вамъ кажется, что это что-то такое особенное, интимное, о чемъ даже и говорить неприлично,—точно это часть вашего тѣла. Сказать барышнѣ, что ей пушинка сѣла на платье, значитъ такъ-же сконфузить ее, какъ если-бы сказать: у васъ на носу бородавка. Прежнія дѣвицы проще были. А теперь лицемѣріе какое-то. Сами только о томъ и думаютъ, какъ-бы ихъ замѣтили и пришли въ восхищеніе, а обратишь вниманіе, оказывается чуть не преступленіе совершилъ! Я увѣренъ, что и въ Гостинный Дворъ вы не иначе ходите, какъ украдкой: сохрани Богъ кто-нибудь изъ посѣтителей вашей почтенной либеральной тетушки увидитъ, что вы тоже грѣшите пристрастіемъ къ разнымъ фестончикамъ и прошивкамъ.

— Не слышу ничего, что вы говорите. Ужасный трескъ отъ этихъ извощиковъ. Зачѣмъ мы не перешли черезъ Николаевскій мостъ на ту сторону,—тамъ торцовая!—перебила Нина, слегка покраснѣвъ и отвернувшись.

— А такъ: вы пошли, я за вами. Забываешь, вѣдь, что за женщинами нужно присматривать, потому что у нихъ ноги сами по себѣ идутъ, а глазки смотрятъ не на дорогу, а на какую-нибудь зыбь воды. Ну, а какъ ваши планы?

— Какіе планы?

— Насчетъ курсовъ.

— Я вамъ говорила, что я еще не рѣшила. Можетъ быть, я въ консерваторію перейду,—прибавила Нина скороговоркой.

— Браво! Это, по крайней мѣрѣ, подвигаетъ насъ въ нашемъ пари. Если ужъ вы изволите разговаривать о консерваторіи...

— Интересно-бы узнать, который теперь часъ, — замѣтила Нина, чтобы прекратить непріятный разговоръ.

Колонтаровъ досталъ свои большіе серебряные часы.

— А часъ такой, что у вашей тетеньки ужъ, пожалуй, обѣдаютъ. Знаете, что я вамъ предложу: отпразднуемъ ваше освобожденіе, пойдемте обѣдать къ Мильбрету. Если я выигралъ пари, такъ могу на собственныя средства угостить васъ, даже на бутылку вина раскошелиться. На-на-на!.. Вы уже смутились. Благородная стыдливость предводительской дочки! Какъ это идти съ кавалеромъ въ дешевенькій ресторанъ и выпить на его счетъ бутылку вина.

— Да нѣтъ, у меня голова болитъ...

— Удивительное дѣло! который разъ замѣчаю: какъ вамъ предложишь что-нибудь, что вамъ не по вкусу, сейчасъ-же «голова болитъ»!.. Смотрите, опять лужа!.. Ахъ, я и забылъ, что мнѣ запрещено касаться этого щекотливаго вопроса. Можетъ быть угодно еще въ послѣдній разъ полюбоваться на Неву? Мы вѣдь сейчасъ разстанемся съ ней. Черезъ Невскій я думаю идти?

Нина, молча и не оборачиваясь, пошла за Колонтаровымъ, не слушая, что онъ говорилъ. Разговоры съ нимъ всегда оставляли въ ней чувство томительной, безсильной досады. Ни разу еще ей не удалось не только доказать ему что-нибудь противоположное его мыслямъ, но даже какъ слѣдуетъ высказать свои собственныя. Его грубыя, развязныя сужденія вносили смуту въ ея умъ, лишали ея прежней самоувѣренности. Прежде она всегда чувствовала въ себѣ самой мѣру для опредѣленія того, что хорошо и что дурно. Все, что было ей непріятно, что казалось некрасивымъ, неумѣстнымъ, было, по ея мнѣнію, дурно: она вѣрила въ свою чуткость. Колонтарову нѣсколько разъ удавалось осмѣять въ ея собственныхъ глазахъ, какъ предразсудокъ то, что она считала дѣломъ хорошаго вкуса и тонкаго пониманія. Нина чувствовала полное безсиліе побѣдить его образъ мыслей, отучить его отъ вульгарныхъ насмѣшекъ

надъ всѣмъ, что она любила. А сознаніе, что она до нѣкоторой степени была привлекательна для него, возбуждало въ ней тревогу, безпокойство, вызывало желаніе еще бороться съ нимъ, такъ или иначе добиться настоящаго вниманія. Иногда на нее находилъ страхъ. Чѣмъ это все кончится! Что если она увлечется борьбой и начнетъ страдать отъ его равнодушія? Полюбить такого человѣка—это было-бы недостойно ея. Ничего общаго не было между ними. Лучше какъ можно скорѣе порвать съ нимъ знакомство. Но вокругъ нея совсѣмъ не было людей, общество которыхъ было-бы ей интересно и пріятно. Правда, она сравнительно немногихъ и знала. Можетъ быть, гдѣ-нибудь есть другіе, настоящіе люди...

— Ну, что-жъ, барышня, какъ на счетъ Мильбрета?

— Нѣтъ, не пойду.

— Ну это ужъ что-то очень рѣшительно сказано. Надо думать, что въ концѣ концовъ согласитесь! А въ ожиданіи этого свернемте-ка на Морскую.

— Нѣтъ, право, я пойду домой. Можно даже на конкѣ поѣхать. Я устала.

Нина остановилась, чтобы посмотрѣть, скоро-ли подойдетъ конка отъ Адмиралтейства. Извощики, сдавленные въ узкомъ концѣ Невскаго, глухо грохотали по торцовой мостовой. По тротуару плыла сплошная масса народу. Черезъ широкія зеркальныя стекла цвѣточнаго магазина глядѣли корзины капризныхъ орхидей и розъ среди мелколистнаго оранжерейнаго папоротника, ряды ландышей на блѣдныхъ черенкахъ, выращенныхъ безъ солнечнаго свѣта. На противоположной сторонѣ улицы стоячія чучела бѣлыхъ медвѣдей протягивали впередъ свои когтистыя лапы черезъ окна, убранныя тигровыми шкурами. Хмурые дома съ вывѣсками корсетницы, дантиста фотографа по всѣмъ простѣнкамъ до самаго верху, съ цвѣтными гербами и золотыми орлами нотаріуса и разныхъ придворныхъ поставщиковъ поднимались къ прозрачному небу, которое по весеннему сіяло надъ головою искрящимся свѣтомъ.

Нина какъ будто еще не наглядѣлась на Петербургъ. Шумъ, грохотъ и гомонъ уличной жизни, особенно на этой улицѣ, всегда нѣсколько опьяняли ее, навѣвали мечтательное настроеніе. Извозчикъ проѣхалъ мимо. Кажется на пролеткѣ мелькнуло знакомое лицо—и уже скрылось. Не разобрать, знакомый это или чужой—одинъ изъ сотенъ тысячъ живущихъ въ этомъ городѣ. Обрывки чужихъ разговоровъ доносятся сбоку. «Я говорилъ объ этомъ въ правленіи»... «Нѣтъ, у нея очень миленькій голосокъ...» И опять медленно плывутъ молчаливыя лица, озабоченныя, разсѣянныя. Господинъ, съ скучающимъ одутловатымъ лицомъ въ цилиндрѣ, веселыя молодыя дѣвушки въ широкихъ фетровыхъ шляпахъ, толстый старикъ въ поношенномъ пальто съ пелериной, въ выгорѣвшемъ и помятомъ котелкѣ. Шаркаютъ ноги, сту-

чатъ палки по тротуару. Конка съ тревожнымъ, предупреждающимъ звономъ гулко прокатила мимо.

— Что-жъ, барышня, намечтались? Вы оцѣните мою деликатность: сколько времени молча стоялъ и даже добрыхъ прохожихъ помогалъ вамъ толкать и задерживать.

Нина очнулась и разсмѣялась.

— Нѣтъ, а главное, конки-то, конки! Всѣ три мимо проѣхали, пока вы изволили предаваться вашимъ дѣвическимъ размышленіямъ.

— Ахъ да, пойдемте.

— На Морскую?

— Зачѣмъ?

— Да, вѣдь, мы къ Мильбрету.

Нина засмѣялась.

— Знаете, право, сегодня такая хорошая погода! Я, пожалуй, согласна даже къ Мильбрету.

— Ну, вотъ, это дѣло! Я, вѣдь, зналъ...

«Я тутъ и не бывала никогда»,—говорила Нина, поднимаясь по темноватой лѣстницѣ ресторана.

— Достопримѣчательное учрежденіе. Ну-ка, не угодно-ли.

Они вошли въ низкую, длинную залу. Тамъ было людно и душно. У круглыхъ столиковъ сидѣли темныя и пестрыя фигуры привычныхъ посѣтителей и дамъ. Звонъ тарелокъ и ножей раздавался со всѣхъ сторонъ посреди глухого шума разговоровъ и громыханія отодвигаемыхъ стульевъ.

— Въ дальнюю комнату пройдемъ. Я тамъ постоянно обѣдаю...

Нина вдругъ остановилась. За однимъ изъ столовъ, у окна, она увидѣла блѣдное лицо—знакомое, далекое, измѣнившееся. Андрей Тропининъ сидѣлъ съ дымящейся папиросой въ рукѣ и разсѣянно смотрѣлъ на двигавшуюся толпу. Его каріе глаза выражали грустное утомленіе. Отросшіе бѣлокурые усы, опущенные книзу, прикрывали губы.

— Барышня, вы, кажется, и здѣсь собираетесь предаться мечтамъ? Дорога свободна.

— Что вы говорите?—спросила Нина измѣнившимся голосомъ.

Она прошла дальше, вмѣстѣ съ Колонтаровымъ, и сѣла за столъ.

— Удивляюсь измѣнчивости женскихъ лицъ. Неужели эта почтенная ресторація произвела на васъ такое удручающее впечатлѣніе? Господи прости! Да, вѣдь, не далѣе, какъ на Морской, вы были розовая и рѣшительно ничѣмъ не выдавали своей пресловутой головной боли!

— Перестаньте, пожалуйста, Семенъ Ивановичъ! Мнѣ какъ-то нехорошо.

Никогда еще болтовня Колонтарова не казалась Нинѣ такой навязчивой и раздражающей. Сердце вздрагивало и билось неровно. Было что-то чудесное въ этомъ внезапномъ воскресеніи человѣка, который существовалъ для нея только въ воспоминаніяхъ. Какъ отличить восно-

минаніе отъ вымысла, если среди всего окружающаго насъ не сохранилось никакого видимаго слѣда, никакого знака, который связанъ именно съ тою, теперь уже не существующею дѣйствительностью? Безмолвные и неуловимые, образы минувшаго постепенно блѣднѣютъ въ своихъ зыбкихъ очертаніяхъ и краскахъ... Но вдругъ разрывается полупрозрачный саванъ воспоминаній, — и живымъ, тѣлеснымъ встаетъ то, что казалось навѣки отошедшимъ отъ насъ и разплывшимся въ безконечности.

Самоувѣренная проницательность Колонтарова не помогла ему на этотъ разъ объяснить себѣ, что сдѣлалось съ Ниной.

IV.

Кончивъ обѣдъ, Андрей сидѣлъ погруженный въ свои мысли курилъ. За послѣднее время онъ незамѣтно втянулся въ эту привычк и находилъ въ ней облегченіе. Голубыя и сѣрыя струйки прозрачнаго дыма вились и переплетались въ воздухѣ, ежеминутно мѣняя очертаніуи и таяли между новыми летучими волнами и кольцами. Это успокаивали воображеніе.

Андрей сидѣлъ и смотрѣлъ сквозь клубы дыма на мелькающихъ посѣтителей, на лакеевъ, которые, быстро сѣменя ногами подъ длинными передниками, проносили тарелки съ розовой разогрѣтой лососиной, на стараго чиновника, медленно и съ апетитомъ жевавшаго мясо, на студента, который хлебалъ горячій супъ, заглядывая въ лежащій подлѣ него номеръ «Стрекозы». Андрею уже не казалось больше, что онъ долженъ для чего-то замѣтить, собрать въ свою душу и запомнить подробности несущейся мимо него жизни. Всѣ впечатлѣнія стали блѣдны, смутны и расплывчаты...

Въ первые же дни по пріѣздѣ въ Петербургъ, около года тому назадъ, его охватила горечь и словно какая-то обида. Онъ почувствовалъ себя жалкимъ, не нужнымъ въ этомъ громадномъ городѣ, на главныхъ улицахъ котораго шумѣла и грохотала пестрая жизнь, недоступная ему, послушная только своимъ собственнымъ законамъ. Онъ растерялся: ему показалось, что онъ умретъ здѣсь съ голода. По счастью, отыскалось два-три университетскихъ товарища, пристроившихся къ мѣстамъ и собиравшихъ у себя время отъ времени маленькое общество. Они помнили его, какъ способнаго, подающаго надежды студента, и доставили случайную неинтересную работу, которая помогла ему просуществовать нѣсколько мѣсяцевъ. Все лѣто и осень прожилъ онъ совсѣмъ по студенчески на Выборгской сторонѣ, питаясь неаккуратно, въ скверной кухмистерской, не находя въ себѣ силъ для умственной работы. Наконецъ онъ изнемогъ. Необходимо было предпринять что-нибудь, чтобы можно было спокойно дышать и думать. Онъ рѣшился хоть временно взять мѣсто въ одной частной банкирской кон-

торѣ, которое предложилъ ему добродушный университетскій знакомый, благополучно устроившій свою судьбу въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго и съ легкимъ сердцемъ прогуливающійся по праздникамъ на солнечной сторонѣ Невскаго.

Андрей служилъ около мѣсяца, получая такое жалованье, что можно было взять комнату получше въ центрѣ города. Онъ теперь не голодалъ: онъ получалъ у Мильбрета недорогіе обѣды въ четыре блюда, половину которыхъ съ отвращеніемъ отставлялъ. Послѣ обѣденное время оставалось свободнымъ. Можно было одуматься, разобраться въ самомъ себѣ среди давки и сутолоки окружающей жизни. Но ясность и свѣжесть мысли не приходили. Тоска одиночества щемила его. Въ общество Андрея, однако, не тянуло. Чуждыми и вздорными казались ему разговоры нѣсколькихъ, только что оперившихся помощниковъ присяжнаго повѣреннаго, которыхъ онъ встрѣчалъ въ одномъ мѣстѣ,— ихъ профессіональные разговоры, смахивающіе на сплетни о болѣе удачливыхъ товарищахъ, ихъ хохотъ за скромнымъ ужиномъ послѣ двухъ-трехъ рюмокъ англійской горькой. Томительнымъ пустословіемъ было все то, что говорилось за чайнымъ столомъ его сослуживцами по банкирской конторѣ.

Андрей сидѣлъ, куря одну папиросу за другой и смутно видя мелькающія озабоченныя или безпечныя лица людей, обѣдающихъ, идущихъ обѣдать и возвращающихся съ обѣда. Вдругъ онъ очнулся. Ему показалось, что прошелъ кто-то знакомый, какое-то любимое лицо, тонкое и красивое. Онъ оглянулся.

«Задремалъ я, что-ли?—подумалъ Андрей.—Какъ будто сонъ. Или это воспоминанія?.. Такъ живо... Да, просто, воспоминанія. Иногда они проносятся—Богъ знаетъ, въ какой связи съ тѣмъ, что мы видимъ. Можетъ быть, прошелъ кто-нибудь похожій на нее».

Онъ всталъ, оглянулъ еще разъ комнату, наполненную чужими, непріятными лицами, и пошелъ домой. Но въ душѣ сохранялось живое нѣжное ощущеніе, которое нельзя было принять за игру воспоминаній, какъ нельзя не отличить упавшаго на воду листка отъ листьевъ и деревъ, въ ней отраженныхъ. Что это? спрашивалъ себя Андрей, идя къ своей одинокой комнатѣ. Давно уже не испытывалъ онъ такого волненія. Этотъ день внезапно сдѣлался непохожимъ на предъидущіе.

Онъ вошелъ въ свою комнату и попросилъ прислугу дать ему чаю. Но когда она принесла чай, онъ взглянулъ на нее сосредоточенными глазами и продолжалъ неподвижно сидѣть на своемъ небольшомъ диванчикѣ. Теперь онъ живо вспомнилъ лицо Нины, которое столько лѣтъ не могъ воспроизвести въ памяти. Какъ будто именно теперь это воспоминаніе сдѣлалось нужнымъ ему, важнымъ для разрѣшенія какого-то вопроса. Можетъ быть, онъ просто старался объяснить себѣ свое неожиданное видѣніе. Да, онъ помнилъ ее, — нѣжную, живую, прекрасную. Помнилъ свое первое знакомство съ ней, прогулку въ

лунную ночь, пѣніе ея дяди. Его звали, кажется, Павелъ Ивановичъ. И этотъ самый Павелъ Ивановичъ объяснялся съ нимъ, когда все это кончалось. Письмо къ ней... Что онъ писалъ? Онъ вспомнилъ не самое письмо, но то, что говорилъ ему, упрекая его, Павелъ Ивановичъ. Звалъ ее на какіе-то подвиги! Тогда казалось, что нужно и можно все передѣлать по-своему, оставивъ только то, что хорошо, справедливо, свѣтло. Разрушить все дурное, старое, мѣшающее людямъ жить. Еслибы знать теперь, что именно такъ мѣшаетъ жить? Тогда онъ думалъ, что виноваты только немногіе злые люди, которые держатъ въ своихъ рукахъ все человѣческое счастье, и что нужно отнять у нихъ это счастье и раздѣлить между всѣми, чтобы всѣ были счастливы. Вѣрилось, что есть на землѣ и другіе, настоящіе люди, во всемъ правые, всѣмъ замѣтные и доступные, къ которымъ нужно только придти, — а въ союзѣ съ ними легко побѣдить злыхъ и виновныхъ. Такъ представлялось въ душѣ, хотя въ мысляхъ и на словахъ ничего не выходило. Онъ радовался, когда встрѣчалъ гдѣ-нибудь въ журналахъ фразы, хоть отчасти передающія его настроенія, какой-нибудь обрывокъ опредѣленной мысли, за которую можно было схватиться. Ему приходилось читать жалобы на недостатокъ просвѣщенныхъ людей, «дѣятелей». И вотъ онъ думалъ приготовить изъ себя такого «дѣятеля», настоящаго человѣка. И казалось, что другіе настоящіе люди обрадуются ему, когда онъ появится передъ ними... «Точно сюрпризъ имъ готовилъ!» подумалъ онъ съ горькой, нервной усмѣшкой.

Потомъ началась глупая и обидная путаница въ мысляхъ и въ собственной жизни... Но всетаки была еще вѣра въ себя. Постоянное волненіе и раздраженіе, которыя онъ въ себѣ чувствовалъ, представлялись доказательствомъ какихъ-то необычайныхъ силъ: только скверныя обстоятельства мѣшаютъ ему развернуть эти силы. Семья, нелѣпая мертвая служба, грошевая мѣщанская обезпеченность—вотъ были препятствія для настоящей, достойной его жизни. У него хватило духу разбить все это, чтобы искать своего настоящаго призванія.

Но теперь уже нельзя было обманываться: новая жизнь началась и въ ней было все такъ-же тѣсно, затхло и одиноко, какъ прежде. Петербургъ не спасъ его. И онъ носилъ въ душѣ глубокое недоумѣніе, горькую скорбь о томъ, что жизнь отвергла его, что неоткуда было ждать ни призыва, ни помощи. Минутами ему казалось, что ничего не стоитъ дѣлать, что нечего даже и понимать. Ничего нѣтъ. Все безсмысленно, безцѣльно крутится, переплетается и расплывается, какъ дымъ папиросы. Но самъ онъ? Развѣ онъ покорился, примирился съ этимъ? Откуда-же тогда это мучительное ощущеніе пустоты, жгучіе и мятежные порывы раздраженія противъ ничтожности и безсодержательности собственной жизни? Откуда это томленіе одиночества, какъ будто общеніе съ людьми всетаки можетъ привести къ чему-то? Зачѣмъ невольные укоры самому себѣ за всякій праздно проведенный день,—какъ будто есть что-то, что дѣй-

ствительно нужно и важно дѣлать. О, если-бы только понять, гдѣ начало этого важнаго и серьезнаго дѣла, какъ подступиться къ жизни, чтобы понять ее. Но въ головѣ чувствуется только физическая боль, давящая и тупая. Постоянная головная боль, постоянное недомоганіе. Докторъ говорилъ недавно, что это отъ дурного питанія въ предъидущіе годы, прописалъ лѣкарство и велѣлъ ежедневно гулять. Андрей засмѣялся. Гулять—при этомъ чувствѣ усталости, несмотря на бездѣлье, при этой апатіи, при раздраженіи на всѣхъ и, главное, на себя? Другіе гуляли, торопились куда-то, вся жизнь кругомъ создавалась суетливой дѣятельностью множества людей. Андрей сталъ думать о томъ, что заставляло быть дѣятельными другихъ. Эта мысль на время заинтересовала его. Онъ началъ разбираться. Захотѣлось попробовать написать объ этомъ статью. Были-же у него литературныя способности—всѣ говорили это. Но статья оборвалась на введеніи. Мысли перебивались, путались. Онъ обратился за матеріаломъ къ книгамъ. Ихъ было такъ много. Авторы ссылались другъ на друга, или утверждали противоположное. И Андрей чувствовалъ, что невольно подчиняется то одной, то другой чужой мысли. Онъ бросилъ статью, съ ожесточеніемъ перечеркнувъ чернилами карандашныя строчки. Вонъ она лежитъ на этажеркѣ: прислуга подобрала разсыпавшіеся по полу листки... Все больнѣе и острѣе скребутся вопросы: что это? безсиліе? но откуда-же тогда волнующія стремленія съ самаго дѣтства? откуда это негодованіе и раздраженіе противъ всего, что скверно, если не знаешь, что хорошо? Онъ пробовалъ говорить себѣ, что именно мечты его, надежды и стремленія были ложью, дѣтскимъ самообманомъ, что и онъ, и всѣ люди жалки и тупы, какъ животныя, что правда только въ этомъ. Но это все равно ничего не объясняло.

А голова все сильнѣе болѣла, какъ будто самый мозгъ переворачивался, раздавался и хотѣлъ взломать костяную крышку черепа. Неужели всѣ такъ жестоко страдаютъ? Неужели всѣ такъ-же чувствуютъ свое безсиліе, вѣчную тоску одиночества? Нѣтъ, другіе не могли быть такъ жалки, такъ безсильны. Даже по сравненію съ тѣми людьми, о которыхъ онъ зналъ, произведенія которыхъ онъ самъ читалъ, нужно было признать себя неспособнымъ, совсѣмъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Неужели совсѣмъ обыкновеннымъ?

Такъ вотъ чѣмъ объясняется нелѣпость и ничтожество всей его жизни. Тѣсныя узкія стѣны были уже не вокругъ него, а въ немъ самомъ: этотъ сросшійся костяной черепъ, подъ которымъ безсильно пробуетъ расшириться больной мозгъ.

Андрей съ ужасомъ поднялся и замѣтилъ, что въ комнатѣ стемнѣло. На улицѣ раздавался трескъ и грохотъ проѣзжающихъ экипажей. Пятна газоваго свѣта падали черезъ окна на потолокъ, колебались и скользили.

— Послушайте!—крикнулъ Андрей, быстро подойдя къ двери.

Онъ вдругъ забылъ въ эту минуту, какъ зовутъ прислугу.—Лампу дайте. Что-же вы не дали?

— А вы и не скажете, баринъ? Да вы никакъ спали?

— Да. Я заснулъ,—тихо сказалъ Андрей и почувствовалъ ознобъ. Какъ только въ комнату внесли свѣтъ, ему показалось, что онъ проснулся. Дѣвушка затопила, по его просьбѣ, печку. Онъ поставилъ стулъ передъ печкой и сталъ смотрѣть, какъ горѣли въ ней свѣжія потрескивающія дрова. Теплота, разливавшаяся по комнатѣ и проникавшая въ его тѣло, успокаивала его. Чувство полнаго одиночества, замкнутости, оторванности ото всего міра, проходило. Онъ долго сидѣлъ такъ, глядя, какъ маленькіе синіе язычки огня перебѣгали по краямъ нетронутыхъ полѣньевъ, какъ разгоралось яркое желтое пламя, какъ тлѣли и обрушивались обгорѣвшія дрова,—пока, наконецъ, все не разсыпалось красными, раскаленными угольями, все мельче дробившимися, потухающими, мѣняющими цвѣта и очертанія.

V.

Нина подошла къ этажеркѣ и стала выбирать книгу для чтенія. Ей хотѣлось читать какой-нибудь романъ... Только не французскій. И не англійскій. Извѣстныя вещи русскихъ авторовъ всѣ уже прочитаны. Было нѣсколько новыхъ книжекъ, принесенныхъ Колонтаровымъ. Она взяла съ полки и начала безучастно перебирать ихъ на колѣняхъ.

«Не несутъ письма изъ адреснаго стола!»—подумала она, считая. сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ она послала туда запросный бланкъ съ именемъ Андрея Васильевича Тропинина. И что за дикая мысль была разыскивать его? Да и онъ-ли это былъ въ ресторанѣ? Можетъ быть просто померещилось въ сутолкѣ? Мало-ли сходныхъ лицъ на свѣтѣ. И потомъ въ эти весенніе дни всегда чувствуешь въ душѣ безотчетную тревогу, и каждое лицо, которое не успѣлъ во время разсмотрѣть, кажется знакомымъ или интереснымъ. Когда они съ Колонтаровымъ прошли обратно по залѣ, на томъ мѣстѣ сидѣлъ уже совсѣмъ чужой человѣкъ. А если даже она не ошиблась, и ей пришлютъ адресъ,—что она сдѣлаетъ? Тогда, три дня тому назадъ, она была такъ взволнована весь вечеръ, такимъ близкимъ показалось давно прошедшее, и такъ захотѣлось узнать, что съ нимъ, какимъ онъ сталъ? Любила-ли она его прежде, давно,—она теперь сама не знала. Слишкомъ скоро заглохло это чувство отъ того грубаго толчка, какимъ окончилось ихъ краткое знакомство. И говорилъ онъ съ ней немного, такъ что она не могла-бы отдать себѣ отчета въ томъ, что онъ изъ себя представлялъ. Теперь послѣ многихъ знакомствъ съ людьми, бывавшими у тетки, Нина лучше понимала, о чемъ онъ писалъ ей въ своемъ письмѣ, котораго она такъ испугалась, на какіе подвиги онъ ее звалъ.

Дѣлалъ-ли онъ теперь то, что хотѣлъ тогда дѣлать? Едва-ли было въ немъ что-то нѣжное, по крайней мѣрѣ въ ея воспоминаніяхъ, хотя въ своемъ поведеніи онъ былъ сдержанъ и угловатъ. Но быть можетъ она ошибочно приписывала ему тѣ настроенія, которыми была полна сама въ первые дни своей молодости?

— Барышня, письмо вамъ,—сказала горничная, входя въ комнату.

Нина живо обернулась. Письмо было изъ адреснаго стола. На оборотѣ стоялъ адресъ Андрея Тропинина.

— Благодарю васъ, ступайте!—сказала Нина дѣвушкѣ и, опустившись на стулъ, стала лихорадочно читать и перечитывать справку адреснаго стола, какъ будто могла узнать изъ нея что-то большее, чѣмъ адресъ. Офицерская улица... Сколько разъ она тамъ проходила за эти два года и никогда не встрѣчала его. А можетъ быть, это еще не тотъ Тропининъ? Она не могла указать въ справкѣ его званія или занятій. Но нѣтъ, лицо видѣнное ею, было то-же: нельзя было ошибиться. Только оно было худѣе и грустнѣе прежняго. И длинные усы понуро спускались на углы губъ. Онъ не осуществилъ своей мечты, не сдѣлался извѣстнымъ писателемъ. Иначе, она что-нибудь слыхала-бы о немъ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ въ Петербургѣ, — значитъ пробился и какъ-нибудь устроился. Вдругъ Нина покраснѣла: ей пришла мысль, что онъ могъ быть женатъ. Тогда лучше больше не видѣть его... Но почему? Какъ это глупо! Что ей за дѣло до его личной жизни? И на что ей этотъ адресъ? Пойти въ тотъ домъ, гдѣ онъ живетъ и спросить, узнать... Что узнать? ну, все равно, узнать все, что можно. Теперь никто не можетъ помѣшать. Тетка совершенно равнодушна къ тому, кого она у себя принимаетъ. Она какъ будто даже считаетъ обязательнымъ для современной молодой дѣвушки имѣть знакомства среди мужской молодежи, какъ она выражается. Ничто не мѣшаетъ.

Нина встала и надѣла шляпу передъ зеркаломъ. Она была красива сегодня, и душа ея наполнилась радостью при этой мысли.

VI.

Занимаетъ одну комнату, живетъ одиноко—вотъ все, что Нинѣ удалось узнать. Возвращаясь съ Офицерской по Большой Морской, по которой было пріятнѣе и веселѣе идти, чѣмъ по глухимъ улицамъ, Нина припоминала свой разговоръ со швейцаромъ того дома, гдѣ жилъ Андрей Какъ глупо и робко она разспрашивала о немъ! Ей все казалось, что вдругъ онъ сойдетъ по лѣстницѣ и застанетъ ее. Сердце вздрагивало каждый разъ, когда сверху лѣстницы раздавалось щелканье отпираемой двери и слышались чьи-нибудь шаги. Она спросила, наконецъ, дома-ли онъ,—«Никакъ нѣтъ-съ, не приходили». Это почему-то успокоило и въ то же время нѣсколько разочаровало ее, хотя она вовсе не собиралась подняться наверхъ.

Нина шла по Морской, среди гуляющихъ и торопящихся по дѣламъ людей, и теплота весенняго солнца, прогрѣвающаго остывшій за зиму и сырой воздухъ, волновала ее. Такъ это правда! Это дѣйствительно онъ. И живетъ здѣсь,—думала она. Въ нервахъ ея сохранялось легкое содраганіе той минуты, когда она увидѣла лѣстницу, по которой онъ ежедневно ходилъ. Такъ необычаенъ былъ для нея самой ея поступокъ. Ни за что она не рѣшилась-бы на это какой-нибудь годъ тому назадъ. И теперь еще было въ душѣ такое ощущеніе, какъ будто она совершила что-то запретное, но это ощущеніе было не тягостное, а легкое, свѣтлое, дразнящее.

Ну, а дальше? Что-же теперь? Переходя Кирпичный переулокъ, Нина начала волноваться: ея дальнозоркіе глаза различили съ угла Морской вывѣску Мильбрета. Она подняла вуаль и стала разглядывать эту вывѣску, какъ будто и въ ней можно было прочесть что-нибудь, имѣющее отношеніе къ занимающимъ ее вопросамъ. Вдругъ дрожь пробѣжала по ея тѣлу, и что-то стянуло колѣни,—она почти перестала понимать, что съ ней дѣлается. Прямо навстрѣчу ей медленно шелъ Андрей. Онъ приближался, глядя внизъ, съ тѣмъ-же грустнымъ, усталымъ выраженіемъ, съ какимъ она видѣла его нѣсколько дней тому назадъ. Жесткій несовсѣмъ новый котелокъ и мѣшковатое пальто плохо шли къ нему, придавая ему видъ заброшенности... Нинѣ захотѣлось убѣжать, но было уже поздно. Ея пристальный, испуганный взглядъ издали заставилъ его поднять глаза. Она стояла прямо противъ него, и онъ съ изумленіемъ, не вѣря самому себѣ, смотрѣлъ на нее. Не было, однако, никакого сомнѣнія, что это она. Неподвижный взглядъ синихъ глазъ, съ расширенными зрачками, пронизалъ его тѣмъ-же трепетомъ, какъ и прежде, много лѣтъ тому назадъ, въ первый день ихъ знакомства. Они оба были серьезны, взволнованы и блѣдны.

Онъ нерѣшительно подошелъ къ ней, не зная, что сказать, глядя на нее съ натянутой, болѣзненной улыбкой, и пожалъ протянутую ему руку въ свѣтлой перчаткѣ.

— Боже мой, какъ странно!—проговорила Нина и засмѣялась, чувствуя подступающія слезы.

Она не глядѣла ему теперь въ глаза и онъ могъ свободнѣе смотрѣть на нее. Лицо ея нѣсколько вытянулось, похудѣло за эти годы. Оттѣнокъ кожи, по-прежнему гладкой и нѣжной, былъ иной, менѣе бѣлый. Подобранные сзади волосы и бархатная шапочка съ высокимъ орлинымъ перомъ на боку тоже очень измѣняли ее. Она была гораздо старше и смѣлѣе.

— Какъ я радъ васъ встрѣтить,—сказалъ Андрей, но тонъ его показался ей слишкомъ спокойнымъ. Голосъ его измѣнился съ тѣхъ поръ: въ немъ не было прежнихъ неровныхъ, вздрагивающихъ нотъ. Ей стало вдругъ не по себѣ. Показалось даже, что въ эту минуту, именно теперь, когда онъ былъ подлѣ нея, прошлое окончательно

умерло. Возбужденіе сбѣжало съ ея лица. Они пошли вмѣстѣ, перейдя черезъ Морскую, прямо по переулку.

— Вы обѣдаете здѣсь?—спросила Нина, удивляясь тому, что и ея голосъ звучитъ такъ мертвенно.

— Да. Я живу здѣсь недалеко.

— Я знаю,—хотѣла она отвѣтить, но промолчала.

— За послѣдніе дни я почему-то все время вспоминалъ васъ,— замѣтилъ Андрей.

Нина хотѣла сказать, что на-дняхъ она его видѣла и что онъ не узналъ ее, но вмѣсто этого она натянуто проговорила:

— Какъ это странно.

— Да. Я не думалъ встрѣтить васъ въ Петербургѣ.

— Почему? Я уже второй годъ здѣсь.

— Неужели?—воскликнулъ онъ.

— Что-жъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Всѣ съѣзжаются сюда.

— Конечно, городъ большой. Можно сто лѣтъ прожить и не встрѣтиться.

«Лучше было-бы и не встрѣчаться», подумала Нина.

— Вы служите?—спросила она, не теряя еще надежды, что онъ скажетъ о себѣ что-нибудь болѣе интересное.

— Да, служу.

— Гдѣ?

— Въ банкѣ, недалеко тутъ.

— Вотъ какъ!

«Лучше было-бы не встрѣчаться»,—подумала она еще разъ. Имъ обоимъ невольно вспомнились дѣтскія мечты о необыкновенной будущности и обоимъ стало неловко. Она не знала, о чемъ-бы еще спросить у него.

— А вы давно здѣсь?

Ей теперь это было безразлично.

— Около года.

— Вотъ какъ! Гдѣ-же вы жили до этого?

— Служилъ въ провинціи,—неохотно проговорилъ онъ.

— Тоже въ банкѣ?

Онъ замѣтилъ въ ея голосѣ холодность и разочарованіе.

— Нѣтъ. Да, вѣдь, это все равно. Развѣ не все равно, гдѣ человѣкъ зарабатываетъ себѣ деньги, Нина Сергѣевна?—сказалъ онъ, поморщившись и съ нотой раздраженія.

Она оживилась, услышавъ въ немъ этотъ незнакомый ей раздражительный тонъ.

— Вы еще помните мое имя?—спросила она мягко и нѣсколько вызывающе.

— Я не знаю, почему вы предполагаете, что я такъ легко забываю имена знакомыхъ.

«Знакомыхъ!» подумала она съ насмѣшливою горечью. Ее нѣсколько обидѣло это слово: какъ будто Андрей хотѣлъ подчеркнуть, что онъ признаетъ въ ней обыкновенную знакомую, о которой у него не сохранилось никакихъ особенныхъ воспоминаній.

Они дошли до ближайшаго перекрестка и остановились.

— Что-жь, вамъ, пожалуй, въ другую сторону?—сказала Нина— Я сяду въ конку на Невскомъ.

Для нея было неясно, какъ держать себя: продолжать-ли дальнѣйшія отношенія или теперь-же, сразу все оборвать? Если-бы ее не удивила его раздражительность, когда онъ сказалъ, что все равно, гдѣ ни служить, и не задѣло упоминаніе о ней, какъ о простой знакомой, она простилась-бы съ нимъ, какъ съ чужимъ. Но теперь она остановилась въ нерѣшительности и робко подняла на него глаза. Опять ее поразило усталое выраженіе его лица и тревога неудовлетворенности въ глазахъ.

— Можетъ быть, вы зайдете какъ-нибудь? — спросила Нина неожиданно для себя и посмотрѣла на него. — Я живу у своей тетки. Она сказала адресъ.

Онъ поднялъ на нее глаза и снова опустилъ ихъ:

— Благодарю васъ.

Она пожала его руку твердо и крѣпко, какъ научилась за послѣдніе годы въ Петербургѣ, но въ его отвѣтномъ рукопожатіи и въ тонѣ голоса, какимъ онъ поблагодарилъ ее за приглашеніе, она почувствовала непонятную ей, грустную сдержанность. Такъ какъ-же? значитъ теперь навсегда? Ей стало вдругъ до боли жаль потерять его изъ виду.

— Нѣтъ, серьезно. Зайдите какъ-нибудь. Я еще пробуду здѣсь всю весну.

Наканунѣ она говорила себѣ, что уѣдетъ домой, какъ только начнется настоящая весна.

— Я бываю дома каждый четвергъ.—Она назвала первый попавшійся день.

— Это у васъ журфиксы?—спросилъ онъ съ недоброй усмѣшкой.

— Вовсе нѣтъ. Я терпѣть не могу журфиксовъ.

Андрей опять взглянулъ на нее.

— Благодарю васъ,—повторилъ онъ, и ей показалось, что на этотъ разъ въ его словахъ прозвучало обѣщаніе.

— Такъ вы зайдете? Я буду ждать.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Она еще разъ пожала его руку и быстро, не оглядываясь, пошла къ конкѣ.

VII.

Второй четвергъ Нина ждала Андрея. Съ самого начала она сказала себѣ, что если онъ вообще рѣшилъ воспользоваться ея приглаше-

ніемъ, то придетъ въ ближайшій изъ назначенныхъ дней. Онъ не пришелъ. Это было досадно и обидно. Всю недѣлю она уговаривала себя забыть о немъ. Но теперь ей казалось, что онъ придетъ.

Длинные майскіе сумерки не позволяли зажечь огня. Нина сидѣла у письменнаго стола и, опустивъ голову на руки, прислушивалась къ звукамъ умирающаго дня, отъ которыхъ проникало въ душу тихое томленіе. Странная полоса въ ея жизни! Ни мракъ, ни свѣтъ. Будущее неопредѣленно и не влечетъ къ себѣ съ прежнею силой, какъ будто даже ничего не обѣщаетъ. И прошлое потеряло свою значительность. Какъ оцѣнить свои горделивыя мечты, свои надежды на какую-то исключительную судьбу, на радости успѣха? Неужели все ея юношеское честолюбіе было сродни обычному наивному тщеславію? Если чему-нибудь суждено блеснуть впереди, тогда и прошлое имѣетъ свой смыслъ. Но если уже поздно выбирать себѣ дорогу въ двадцать-пять лѣтъ, если ничего не будетъ, то прошлое окажется пустымъ самообманомъ, о которомъ стыдно будетъ вспоминать.

Нина вздрогнула, услышавъ въ сосѣдней комнатѣ густой голосъ Колонтарова.

— Что это? Нина Сергѣевна отсутствуетъ?

— Ахъ, это вы?—сказала Нина негостепріимнымъ тономъ, отыскивая спички на столѣ. — Стемнѣло ужъ. Будьте такъ добры, Семенъ Ивановичъ, скажите дѣвушкѣ, чтобы она зажгла лампу.

Досада взяла ее на неожиданный и неумѣстный приходъ этого человѣка. Лучше было-бы посидѣть одной впотьмахъ и подумать, если ужъ тотъ не хочетъ придти. Не хочетъ,—это ясно. Ну, и не надо.

Колонтаровъ вернулся вмѣстѣ съ дѣвушкой, которая зажгла лампу. Въ большой непріятной комнатѣ съ неподходящей къ ней круглой низкой мебелью разлился желтоватый свѣтъ.

— Что это у васъ за интересная блѣдность на лицѣ? — началъ Колонтаровъ, съ шумомъ подкативъ себѣ мягкое кресло и развалясь на немъ нога на ногу.—За послѣднее время я положительно начинаю думать, что вы влюблены.

— Это предположеніе тѣмъ болѣе несообразно, что вы знаете наперечетъ всѣхъ моихъ знакомыхъ.

— «Тотъ не придетъ»,—мелькнуло у нея еще разъ.

— Мало-ли! Почемъ я знаю? Вы, кажется, думаете, что я даю себѣ трудъ слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ, — замѣтилъ Колонтаровъ—и съ удивленіемъ взглянулъ на Нину, которая, вдругъ, поднялась, прислушиваясь къ шуму въ сосѣднихъ комнатахъ.

— Извините,—сказала она разсѣянно, выходя.

— Какой-то господинъ васъ спрашиваютъ, — доложила шедшая навстрѣчу дѣвушка.

— Попросите.

«Боже мой, какъ не во время этотъ Колонтаровъ!» думала Нина въ замѣшательствѣ.

Передъ ней, съ смущенной улыбкой стоялъ Андрей,

— Здравствуйте, Андрей Васильевичъ!

Она крѣпко стиснула его руку, какъ-бы ища поддержки отъ легкаго, внезапно набѣжавшаго головокруженія.

— Я ужъ думала, вы не соберетесь,—съ нѣжнымъ упрекомъ сказала она.

— Я... не могъ въ тотъ четвергъ.

— У меня, тамъ гость одинъ,—замѣтила она скороговоркой.— Но это ничего. Онъ скоро уйдетъ, вѣроятно.

Она пошла впереди его, и онъ невольно, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на ея измѣнившуюся фигуру. Она была нѣсколько выше чѣмъ прежде, стала тоньше въ таліи. Большой узелъ темныхъ, попрежнему золотящихся волосъ, вздрагивалъ на ходу. Опущенныя руки нѣсколько сгибались,—точно она была въ нерѣшительности.

Высокій, незнакомый человѣкъ, котораго Андрей засталъ въ комнатѣ Нины, сразу показался ему непріятнымъ.

— Въ первый разъ имѣю честь встрѣчать васъ въ этомъ домѣ,— проговорилъ Колонтаровъ, осматривая Андрея, послѣ того, какъ Нина представила ихъ другъ другу.

— Да, я только на этихъ дняхъ получилъ приглашеніе Нины Сергѣевны,—сказалъ Андрей, проводя рукой по лбу и волосамъ.

Нина чувствовала себя какъ будто виноватой передъ этими двумя людьми, столь не похожими другъ на друга, и это мѣшало ей говорить.

— Вѣроятно, встрѣтились у какихъ-нибудь общихъ знакомыхъ?— спросилъ Колонтаровъ, взглянувъ мелькомъ въ лицо Нины.

— Нѣтъ, мы старые знакомые,—отвѣтила Нина, нетерпѣливо сдвинувъ брови.—Вы ужъ давно не были въ нашемъ городѣ?—привѣтливо обратилась она къ Андрею.

— Съ окончанія гимназіи.

— А, такъ это дѣтское знакомство? безцеремонно—проговорилъ Колонтаровъ.—Очень интересно присутствовать при свиданіи друзей дѣтства.

«До чего онъ грубъ!» подумала Нина.

— Общія воспоминанія!..—продолжалъ Колонтаровъ.—У меня самого есть одна знакомая дѣвица, съ которой мы, будучи дѣтьми, вмѣстѣ горохъ воровали изъ сосѣдскаго огорода.

— Ну, знаете, не всѣ въ дѣтствѣ воруютъ горохъ,—засмѣялась Нина.

— А что-жъ? Будто-бы ужъ люди такъ различны! Въ особенности въ молодости. Всѣ собираются лѣтъ этакъ въ шестнадцать-семнадцать сдѣлаться Александрами Македонскими, какъ выражается Гоголь, а въ концѣ концовъ оказываются титулярными совѣтниками. Что вы думаете, вѣдь и я воображалъ себя геніемъ, такъ-таки рѣшительно

геніемъ, — продолжалъ Колонтаровъ въ то время, какъ Андрей и Нина сразу почувствовали какую-то неловкость. — Ну, а потомъ, знаете, поумнѣешь и приходится—дѣлать нечего—сказать себѣ, что дальше не пойдешь... Собственно въ настоящее время все человѣчество, кажется, достигло опредѣленнаго уровня, выше котораго не полѣзетъ... Нина Сергѣевна не любитъ этой моей теоріи, точно такъ же, какъ и почтенная хозяйка этого дома, Вѣра Ермолаевна. Послѣдняя мнѣ даже сцену недавно устроила, когда я осмѣлился замѣтить, что всѣ такъ называемыя человѣческія стремленія развиваются, такъ сказать, съ разбѣгу.

Колонтаровъ опять оглянулся на Нину.

— Какъ это вы говорите? — спросилъ Андрей, заинтересовавшись.

— Да съ разбѣгу, какъ теплота въ тѣлѣ развивается, если оно послѣ движенія вдругъ остановится. Съ дѣтства-то мы, изволите видѣть, рости привыкли, а какъ произойдетъ остановка,—у насъ и начинаютъ развиваться разныя эдакія идеи и стремленія — теплота въ своемъ родѣ. Только, къ сожалѣнію, мы никакъ не можемъ взять въ толкъ настоящей природы всѣхъ этихъ стремленій, и воображаемъ, будто намъ и впрямь суждено что-то необыкновенное. А между тѣмъ, отъ этого самообмана ничего, кромѣ вреда, не происходитъ, ибо для приведенія въ порядокъ нашей жизни нужно прежде всего успокоиться и отъ всякихъ бредней освободиться. Вы не изволите раздѣлять мои взгляды?

— Нѣтъ, я не совсѣмъ раздѣляю ваши взгляды, — отвѣтилъ Андрей, закуривая папиросу.—У васъ можно курить?—прибавилъ онъ обращаясь къ Нинѣ.

— Пожалуйста,—отвѣтила она ласково, принесла ему пепельницу и оживленно заговорила:

— Знаете, Андрей Васильевичъ, я была увѣрена, что вы не согласитесь съ теоріями Семена Ивановича.

— Почему вы были увѣрены?—задумчиво спросилъ Андрей, приводя въ порядокъ собственныя мысли. — Видите-ли... кое въ чемъ я, пожалуй, и согласенъ. Только не во всемъ,—поспѣшилъ онъ прибавить, опасаясь разочаровать Нину въ надеждѣ на его поддержку.—Но относительно отдѣльныхъ людей... Мнѣ кажется, что каждому изъ насъ дѣйствительно суждено остановиться...

— Почему остановиться?— перебила Нина. — Развѣ мы можемъ знать будущее и все, что ждетъ насъ?

Андрей замѣтилъ ея прежнюю привычку задавать по нѣскольку вопросовъ сразу и тихо улыбнулся.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—что наступаетъ такой моментъ когда мы чувствуемъ разочарованіе въ жизни... и въ себѣ,—прибавилъ онъ вполголоса, обращаясь къ Нинѣ и жалѣя, что высказываетъ ей

это въ присутствіи чужого человѣка. — Видите-ли... въ молодости мы все куда-то идемъ, съ усиліемъ и съ надеждами. Кажется, что мы перерostемъ другихъ, поднимемся надъ всѣми и тогда все въ жизни станетъ ясно и понятно.

— И что-же?

— А потомъ оказывается, что мы ошиблись, что если мы и выросли по сравненію съ тѣмъ, что было въ дѣтствѣ, то отъ этого мы все-таки не стали выше другихъ. И ничего не видно кругомъ, и ничто не ясно...

Нина внимательно и грустно слушала его.

— Какъ будто мы шли все въ гору и думали, что идемъ на вершину, а тамъ оказалось... плоско? Такъ вы думаете? — спросила она, стараясь уловить его мысль.

— Да. Такъ.

— Прекрасно-съ!—заговорилъ Колонтаровъ.—Вы значитъ изволите соглашаться со мною въ этомъ вопросѣ, который Нина Сергѣевна почему-то заблагоразсудила передать нѣкотораго рода поэтической метафорой. Очень недурное сравненье! признаюсь, не ожидалъ отъ васъ такой прозорливости.

— Да я совсѣмъ не согласна съ этимъ!—воскликнула Нина.—И мнѣ кажется, что и Андрей Васильевичъ...

— Вы полагаете. что другъ вашего дѣтства непремѣнно долженъ быть такимъ-же любителемъ разныхъ химерическихъ построеній, какъ вы? Не усматриваю этого въ его словахъ.

Нина бросила взволнованный взглядъ на Андрея.

— Вы тоже думаете, что людямъ не надо ни о чемъ лучшемъ мечтать? и ни къ чему стремиться?—взволнованно и вызывающе спросила она его съ разгорѣвшимися глазами. Ей казалось, что если Андрей согласится съ Колонтаровымъ, онъ сразу станетъ ей чужимъ, и ей дѣлалось страшно.

— Нѣтъ!—Этого я не думаю, — отвѣтилъ Андрей. По крайней мѣрѣ... я не утверждаю этого. Мнѣ кажется, что это вовсе не такъ просто. Мы слишкомъ многаго не знаемъ еще, и потому намъ нельзя успокоиться...

— Конечно!—проговорила Нина съ облегченнымъ вздохомъ.

— Ага! Такъ и вы оказываетесь изъ той-же породы безпокойныхъ,—замѣтилъ Колонтаровъ со своей обычной насмѣшливой гримасой.—Не очень-то однако это вяжется съ вашимъ собственнымъ утвержденіемъ, что жизнь плоска и что кругомъ ничего не видно. Что-же, башни вавилонскія что-ли строить, по вашему,—чтобы виднѣе было? Или прямо пуститься въ заоблачныя мечтанія?

— Нѣтъ, почему въ заоблачныя? Мнѣ кажется,—началъ Андрей. стараясь лучше уяснить самому себѣ свои мысли, — что мы должны опредѣлить для себя извѣстный кругъ, доступный человѣческому уму,

но въ этомъ кругу надо разобраться какъ-нибудь поглубже, потому-что иначе... нельзя жить,—тихо закончилъ онъ, обращаясь къ Нинѣ и забывая въ эту минуту о присутствіи Колонтарова.

Нина посмотрѣла на него, и сосредоточенный грустный взглядъ его глазъ, съ небольшими, съуженными зрачками, сказалъ ей больше, чѣмъ его слова. Все ея безпокойство о томъ, что онъ будетъ поддерживать Колонтарова, исчезло. Ей хотѣлось еще и еще глядѣть въ его глаза и знать все, что онъ думалъ.

— Такъ-съ!—громко сказалъ Колонтаровъ.—Раскопать поглубже, вы говорите. Прекрасно. У Нины Сергѣевны, какъ у барышни, преимущественное тяготѣніе къ небесамъ наблюдается, а у васъ—къ преисподней. Гробокопательскія, такъ сказать, стремленія. Ну, теперь ужъ легко предугадать и всѣ дальнѣйшія ваши сужденія о разныхъ жизненныхъ явленіяхъ.

— Какъ вы самоувѣренны!—запальчиво сказала Нина.—Откуда вы можете знать все, что думаетъ Андрей Васильевичъ. Полчаса говорите съ человѣкомъ и вамъ уже все такъ ясно.

— Вы сегодня, Нина Сергѣевна, необыкновенно бравурно и даже храбро настроены!—отвѣтилъ Колонтаровъ.—Вотъ что значитъ—вашего полку прибыло.

Нина съ гнѣвомъ обернулась къ Колонтарову, но вдругъ весело разсмѣялась и встала.

— Ну, знаете, Семенъ Ивановичъ, вы можете дѣлиться своими наблюденіями относительно меня съ Андреемъ Васильевичемъ, а я пойду поторопить съ чаемъ. Ужасно пить хочется.

— У васъ лихорадка сегодня. Это совершенно очевидно. Лицо въ огнѣ, глаза мечутъ какой-то гнѣвный пламень... Хотите я дамъ вамъ хины, у меня есть случайно при себѣ порошокъ?

Нина опять только засмѣялась. Она почувствовала, что разсужденія и насмѣшки Колонтарова никогда уже не будутъ оказывать на нее тягостнаго давленія.

VIII.

У Вѣры Ермолаевны были гости: нѣсколько скучающихъ дамъ, съ которыми она «работала» въ благотворительныхъ обществахъ, и два-три важныхъ чиновника, знакомыхъ ея мужа. Петръ Ивановичъ Глуховской, мужъ Вѣры Ермолаевны, хмурый человѣкъ, съ либеральными воспоминаніями юности, за послѣднее время сильно постарѣвшій, располнѣвшій и запустившій, вмѣсто бакенбардовъ, болѣе модную русскую бороду, присутствовалъ на этотъ разъ за чайнымъ столомъ и съ застывшей натянутой улыбкой слушалъ болтовню одного свѣтски-чиновнаго jeune homme'а, который разсказывалъ свои наблюденія надъ типами лакеевъ. По его мнѣнію, этихъ хамовъ нужно было держать въ большой строгости и

постоянно давать имъ острастку. Онъ называлъ это «подтягивать лакедроновъ».

На другомъ концѣ стола Вѣра Ермолаевна говорила съ двумя дамами и однимъ сановнымъ кавалеромъ о бѣлыхъ петербургскихъ ночахъ.

— Безсонница, безсонница... такая безсонница!—повторяла она въ своемъ обычномъ ажитированномъ тонѣ.—Лежу и просто глазъ сомкнуть не могу!..

Нина сидѣла за чайнымъ столомъ рядомъ съ Лидіей Незвановой, слушая ея разсказы о послѣднемъ курсовомъ экзаменѣ и объ одной фабричной воскресной школѣ, гдѣ она надѣялась начать съ осени преподаваніе. Она нѣсколько разсѣянно прислушивалась къ высокому, ясному голосу Незвановой и думала о томъ, какъ пріятно было бы выйти на воздухъ. Въ комнатѣ горѣла лампа, но сквозь шторы, спущенныя на открытыхъ окнахъ, проникалъ почти дневной свѣтъ. По улицѣ проносился летучій трескъ экипажей, раздавались звонки конокъ и ихъ долгое, замирающее гудѣніе по рельсамъ. Мѣрно хлопали подковы парныхъ лошадей, быстро катившихъ къ островамъ экипажи на резиновыхъ шинахъ. Повсюду слышался весенній гомонъ, чувствовалось почти праздничное оживленіе.

Вдругъ въ передней раздался звонокъ. Вѣра Ермолаевна ждала еще нѣсколькихъ приглашенныхъ, и всѣ оглянулись съ любезными улыбками, которыми встрѣчаютъ обыкновенно запоздавшихъ гостей, вносящихъ съ собой нѣкоторое оживленіе.

Въ комнату вошелъ Андрей Тропининъ. Нина встала, раскраснѣвшись отъ неожиданности, и представивъ его издали, мелькомъ, чужимъ гостямъ, посадила рядомъ съ собою. Разговоръ за чайнымъ столомъ возобновился по-прежнему вяло и натянуто. Андрей почувствовалъ непріятное стѣсненіе. Онъ былъ у Нины уже нѣсколько разъ, всегда встрѣчалъ у нея кого-нибудь, но до сихъ поръ не тяготился этимъ. Теперь онъ замѣтилъ, что, идя сюда, надѣялся почему-то застать Нину одну. Ему стало грустно. Онъ молчалъ, нехотя прислушиваясь къ тому, что говорили другіе. Даже Незванова, съ которой онъ уже былъ знакомъ и не разъ вступалъ въ разговоры, казалась ему сегодня скучной и досадной. Но когда всѣ поднялись и Нина предложила ему проводить, вмѣстѣ съ нею, уходившую Незванову, онъ сразу повеселѣлъ.

— Такъ хочется на воздухъ — сказала Нина, какъ-бы извиняясь за то, что не приглашаетъ его остаться.

— Да. Весна теперь,—отвѣтилъ онъ и улыбнулся ей.

Былъ уже одинадцатый часъ вечера, но на улицахъ стоялъ мягкій полусвѣтъ и фонарей не зажигали. Дневной шумъ стихалъ. Въ тепломъ влажномъ воздухѣ, подъ прозрачнымъ безцвѣтнымъ небомъ, всѣ краски, звуки туманились и расплывались. Прохожіе мелькали вдали, какъ тѣни, но у тѣхъ, которые попадались навстрѣчу

можно было видѣть даже выраженіе лица. Быстро и легко шла тоненькая барышня въ свѣтлой накидкѣ, встряхиваясь при каждомъ шагѣ. Мастеровые, болтая руками, громко переговариваясь, прошли мимо цѣлой ватагой, задѣвъ на ходу неподвижную пестро одѣтую особу, которая при этомъ крикливо и грубо выругалась. Рабочій съ измученнымъ и пьянымъ лицомъ ѣхалъ на извозчикѣ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону и хриплымъ голосомъ вытягивая глупую, срывающуюся отъ тряски пѣсню. Изъ-за ограды институтскаго сада пахнуло смолистымъ запахомъ распускающихся тополей. Потомъ опять потянулись сплошные высокіе дома съ лѣпными украшеніями. Окна верхнихъ этажей отражали свѣтъ невидной зари и бѣлаго неба.

— Какъ это у Пушкина хорошо!—сказала Нина. «И ясны спящія громады пустынныхъ улицъ»... Впрочемъ, теперь еще не совсѣмъ пусто. Часа въ два будетъ такъ...—Она обернулась, говоря, къ Незвановой, но сейчасъ-же подумала, что сказала это для Андрея.

— А вамъ развѣ приходилось бывать на улицахъ одной въ ночное время?—спросилъ Андрей.

— Одной? Нѣтъ. Нѣсколько разъ съ Колонтаровымъ ходила гулять...

— А, съ нимъ!

Въ голосѣ Андрея Нина замѣтила неудовольствіе, и ей было это пріятно.

Они подходили къ Невскому. Черезъ улицу видно было, какъ у Палкина мелькали огни маленькихъ переносныхъ лампъ на крытомъ балконѣ и лихорадочно блестѣли за окнами большія люстры. Надъ широкимъ подъѣздомъ ресторана два огромныхъ электрическихъ фонаря бросали яркій призывающій свѣтъ, и улица, которая только что казалась свѣтлою, была тускла и мертвенна по сравненію съ ихъ острыми голубоватыми лучами, пронизывающими матовые шары въ проволочныхъ сѣткахъ. По тротуару брели полупьяные мущины въ котелкахъ, бѣжали, посмѣиваясь, дѣвушки въ бѣлыхъ платочкахъ, два офицера съ говорливой кривляющейся дамой прошли навстрѣчу, звякая шпорами, и хлопнули тяжелой дверью. Широкій проспектъ уходилъ вдаль,—затихающій, безцвѣтный, открытый блѣдному небесному свѣту...

На углу Троицкой, у Филиппова, газовые рожки освѣщали калачи и крендели на окнахъ, а за окнами кишѣла масса оживленныхъ, толкающихся людей.

— Ну вотъ, мы и пришли!—сказала Незванова.—Заходите какъ нибудь, Нина Сергѣевна. И вы,—дружелюбно обратилась она къ Андрею.

— Вы проводите меня домой?—сказала Нина Андрею, когда они остались одни. — Пойдемте дальней дорогой—черезъ Фонтанку. Такой хорошій вечеръ сегодня, и я такъ рада веснѣ.

— Вы вернетесь на лѣто къ своимъ?—спросилъ Андрей.

— Да. Но я еще побуду здѣсь... Я получила недавно очень непріятное письмо отъ отца,—прибавила она въ тонѣ старой дружбы.—

Кажется, онъ до того запутался въ дѣлахъ, что ему придется продать имѣніе. Мнѣ такъ жалко. Вѣдь это Знаменка,—вы помните?

— Помню...

Нѣсколько времени они шли молча. Воспоминаніе встало передъ ними, и странно было чувствовать, что опять идутъ они вмѣстѣ, такъ далеко оттуда и послѣ столькихъ перемѣнъ.

— Нина Сергѣевна! — сказалъ вдругъ Андрей.—Мнѣ хотѣлось спросить у васъ... Только вы не сердитесь, если выйдетъ... ну однимъ словомъ, если это были не вы... Въ тотъ день, когда я васъ встрѣтилъ въ первый разъ, подлѣ Морской, швейцаръ говорилъ мнѣ, что про меня спрашивала одна дама...

— Ну что-же?—отвѣтила Нина, помолчавъ, и тихо засмѣялась.

— Неужели, въ самомъ дѣлѣ? Вы не можете себѣ представить, до чего это меня поразило!—воскликнулъ онъ.

— Почему?

— Да, вѣдь это... вообще это такъ неожиданно и не похоже на васъ!

— А вы думаете, я прежняя?—застѣнчиво возразила Нина.

— Но откуда вы могли узнать?..

— Я встрѣтила васъ незадолго передъ тѣмъ. Вы меня не замѣтили. Вы сидѣли, курили и думали о чемъ-то.

— У Мильбрета! — Боже мой! Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Представьте себѣ,—я вѣдь не зналъ, что вы были тамъ. И вдругъ я получилъ какой-то толчокъ, отъ котораго внезапно сталъ думать о васъ. Мнѣ показалось это до того непонятнымъ и страннымъ, что меня это мучило.

— Мнѣ кажется, напротивъ, что все странное и чудесное волнуетъ насъ, какъ радость.

Они опять замолчали. Какое-то затишье охватывало душу подъ вліяніемъ угасающаго дня, на мѣсто котораго не приходила ночь.

— Удивительная вещь!—заговорила наконецъ Нина, и остановилась. — Съ вами бываетъ это? Говоришь съ человѣкомъ, думаешь о немъ, считаешь его давно-давно знакомымъ и вдругъ спросишь себя: да кто-же онъ такой?Вотъ и съ вами. Вѣдь, если сказать правду, я и тогда, прежде, не умѣла васъ понять. Вы такъ и остались для меня чѣмъ-то неяснымъ и даже... немножко пугающимъ.

— Пугающимъ? Боже мой!—Андрей съ горечью усмѣхнулся.—Такъ просто все во мнѣ. Такъ обычно!

— Вы, кажется, напускаете на себя скромность?—замѣтила Нина.

— Нѣтъ не скромность, Нина Сергѣевна. Говорю что думаю. Право, я сегодня какъ-то необычайно настроенъ,—должно быть, отъ прогулки при этомъ свѣтѣ... Чувствуешь себя точно въ забытьѣ. Я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ этимъ ночамъ. Онѣ всегда возбуждаютъ тѣ настроенія, отъ которыхъ надо прежде всего отдѣлаться, чтобы сдѣлать изъ своей жизни что-нибудь опредѣленное.

— А вы развѣ не сдѣлали?

— Я? Мнѣ кажется, изъ того, что я вамъ говорилъ, вы моглибы вывести кое-какія заключенія!— отвѣтилъ Андрей съ неожиданною для Нины сухостью.

— Вы мнѣ ничего не говорили.

— Я, помнится, сообщалъ вамъ, что служу въ банкѣ...

— Такъ что-же? Вы сами сказали по этому поводу, что все равно, гдѣ человѣкъ ни служитъ.

— Ну, знаете, — воскликнулъ Андрей уже совсѣмъ раздражительно.—Думать такъ серьезно можетъ развѣ господинъ Колонтаровъ... Или женщины, которыя не испытали, что значитъ просидѣть пол-дня надъ идіотскими счетами.

Ее покоробило, что онъ говоритъ съ ней въ такомъ сорвавшемся, раздражительномъ тонѣ.

— Я васъ не понимаю,—сказала она обидчиво.

— Очень жаль.

Между ними прошелъ холодъ. Грусть сжала сердце Нины.

Что это? Неужели ужъ и кончено?—подумала она.—Онъ разсердился, я разсердилась... Изъ-за чего?

— Андрей Васильевичъ!—окликнула она.

Онъ замѣтилъ примирительную ноту въ ея голосѣ.

— Право, я не такъ глупа, какъ вы думаете. Я могу понять, что это недостойно васъ, — говорю про ваши занятія... Но отчего-же тогда...

— А вы не знаете, что человѣку ѣсть нужно?

— Да, но вѣдь можно что-нибудь другое... Помните, вы когда-то говорили мнѣ, что хотѣли быть...

— А, Нина Сергѣевна, мало-ли, что я хотѣлъ, что вы хотѣли! Развѣ это такъ просто дѣлается въ жизни? Хотѣлъ, да вотъ нѣтъ. А почему—развѣ я знаю! Должно быть, просто способностей нѣтъ.

— Не можетъ быть, что нѣтъ способностей!—воскликнула она.

— Я очень благодаренъ вамъ, что вы питаете на мой счетъ эти... мнѣнія, — сказалъ Андрей съ грустной усмѣшкой. — Только я не знаю, на чемъ вы основываете ихъ.

Она сама не могла-бы отвѣтить на этотъ вопросъ, но въ эту минуту ей стало страшно жаль его, и она искала, что-бы сказать ему утѣшительнаго и пріятнаго.

— Какъ еще много въ васъ наивности сохранилось, Нина Сергѣевна!

— Наивности?—повторила Нина задумчиво и съ огорченіемъ. Почему? Право, вы говорите, какъ будто вы старикъ. Подумайте,—вѣдь, впереди еще столько остается!

Въ ея голосѣ слышалась такая увѣренность за него, что онъ почувствовалъ благодарность. И ему показалось, что въ ея словахъ есть доля правды.

— Ну что-же, развѣ это не вѣрно?—переспросила Нина и заглянула ему въ лицо. Онъ улыбнулся въ отвѣтъ на ея свѣтлый взглядъ.

— До чего вы молоды!—проговорилъ онъ съ грустной нѣжностью.— Вы еще совсѣмъ не жили, вѣроятно.

— Не жила? Нѣтъ, жила. Вы думаете, мнѣ было такъ просто очутиться вотъ здѣсь?

— Но серьезнаго, тяжелаго врядъ-ли много испытали.

— А вы?—тихо спросила Нина и смутилась навязчивости своего вопроса.

— Я? должно быть, много... Должно быть, и въ самомъ дѣлѣ старикомъ сталъ,—прибавилъ онъ шутливо, чтобы не углублять разговора о томъ, что было имъ пережито за послѣдніе годы. — Вотъ видите,—вы идете легко, съ удовольствіемъ, а я усталъ до смерти. Правда, я еще къ вамъ пѣшкомъ пришелъ.

— О, такъ пойдемте скорѣе здѣсь! — воскликнула Нина направляясь въ боковую улицу.

— Полноте, я пошутилъ!—Ему хотѣлось еще погулять съ ней.

Но она уже увидѣла проѣзжающаго извощика, кликнула его и черезъ двѣ минуты они были у подъѣзда.

— Простите, что я васъ утомила, — сказала она, удерживая его руку въ своей. — И потомъ, знаете... — Она засмѣялась. — Вотъ что... приходите поскорѣй. Вѣдь, я бездѣльничаю и скоро мнѣ придется уѣхать.

Глаза ея ласково поднялись на него въ полутьмѣ.

— Придете?..

IX.

Придя домой, Андрей, утомленный ходьбою, сейчасъ-же раздѣлся и легъ. Но онъ долго не могъ заснуть. Тревожный свѣтъ бѣлой ночи проходилъ черезъ его закрытыя вѣки. Онъ вдругъ ощущалъ чье-то легкое, невидимое прикосновеніе, отъ котораго живѣе билось его сердце, и, закрывъ глаза руками, чтобы не чувствовать свѣта, начиналъ думать. Какое у нея лицо—молодое, нѣжное. И внимательные глаза съ большими зрачками. Она просила придти, завтра-же... Но вѣдь тамъ опять будетъ кто-нибудь—Незванова или Колонтаровъ. Это несносно. Андрей вспоминалъ свой послѣдній споръ у Нины съ Колонтаровымъ и начиналъ волноваться: онъ не съумѣлъ тогда какъ слѣдуетъ отвѣтить Колонтарову на его разсужденія о безплодности всякой борьбы. Онъ сердился и не находилъ возраженій. Теперь онъ мысленно продолжалъ неудачный споръ и радовался тому, что находилъ, наконецъ, вѣрныя и убѣдительныя слова. Ему казалось, что Нина слушаетъ и одобряетъ его. И опять онъ представлялъ себѣ ея лицо, внимательное и свѣтлое, перебиралъ въ памяти все, что она говорила ему сегодня. Онъ еще чувствовалъ довѣрчивое прикосновеніе ея руки, удержавшей его

руку, когда она, прощаясь, остановилась съ нимъ у подъѣзда. Пойти завтра?..

— Нѣтъ, не надо,—тихо, но рѣшительно сказалъ онъ вслухъ, глубоко, судорожно вздохнулъ и приподнялся на постели. И думать не надо. Зачѣмъ? Все равно... Лучше о чемъ-нибудь другомъ... Надо будетъ зайти къ Незвановой. Она въ сущности славная дѣвушка и такъ дружелюбно и просто позвала его. Онъ думалъ о Незвановой, о Колонтаровѣ и о другихъ людяхъ, которыхъ встрѣчалъ за послѣднее время у Нины. Ему хотѣлось видѣть ихъ, — слушать, говорить и спорить. Онъ чувствовалъ себя инымъ съ тѣхъ поръ, какъ встрѣчался съ людьми. И думать было легче,—особенно при ней и послѣ разговоровъ съ нею...

Ему представилось, въ полуснѣ, что черезъ него проходятъ какія-то свѣтлыя нити, которыя начинаются въ другихъ людяхъ или за ними—Богъ вѣсть гдѣ. Цѣлая сѣть живыхъ прозрачныхъ нитей. И казалось, что эта сѣть незамѣтно держитъ и тихо приподнимаетъ его. Ему становится все легче. Не нужно больше думать о томъ, что дѣлать и какъ быть. Все дѣлается само собою, безъ его усилій, такъ что онъ уже не знаетъ, что выйдетъ изъ всего этого... И опять онъ чувствовалъ чье-то неуловимо-нѣжное прикосновеніе къ самой душѣ. Мягкій, бѣлый, тревожный свѣтъ проникалъ сквозь закрытыя вѣки.

X.

Стоялъ конецъ мая. Деревья давно уже распустились, и листья на нихъ потеряли весеннюю яркость, стали темными и густыми.

Тетка Нины переѣхала на дачу, на Острова. Знакомые тоже разъѣзжались. Давно уже прошелъ тотъ срокъ, который Нина назначила себѣ, какъ время отъѣзда въ деревню. Но она все медлила и даже просила Вѣру Ермолаевну оставить ее временно на городской квартирѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно было обдумать кое-что на будущій годъ. Отъ родныхъ получались очень неутѣшительныя извѣстія. Дѣла Сергѣя Ермолаевича такъ запутались, что онъ принужденъ былъ продать Знаменку и переѣхать къ концу этого лѣта въ небольшое имѣніе жены. Письма, которыя Нина получала отъ отца и мачихи, были грустныя, встревоженныя. Нина ходила по опустѣвшимъ комнатамъ теткиной квартиры и тосковала. Но уѣзжать всетаки не хотѣлось.

Въ одинъ изъ теплыхъ, душныхъ вечеровъ въ послѣднихъ числахъ мая, когда Нина сидѣла въ своей комнатѣ съ Лидіей Незвановой, за ней заѣхала въ коляскѣ тетка, вмѣстѣ съ дядей, чтобы везти ее кататься на острова. Гостью тоже уговорили ѣхать.

Поздній закатъ потухалъ на небѣ. Нева, успокоенная, поблѣднѣвшая, почти безцвѣтная, съ отраженіемъ безцвѣтнаго неба, только съ одного берега отливала еще желтоватымъ блескомъ западныхъ облаковъ. Утих-

шее волненіе обозначалось на ея поверхности чуть замѣтными, тонкими штрихами, да за лодкой, чернѣвшей въ отдаленіи маленькимъ уголькомъ, бѣжали, расходясь, двѣ длинныя темныя полоски. Коляска катилась по торцовой мостовой. Дядя и тетка Нины, утомленные обѣдавшими у нихъ гостями, сидѣли, безмолвно откинувшись на сидѣньѣ. Незванова, помѣщавшаяся рядомъ съ Ниной на передкѣ, держалась прямо, съ серьезнымъ, озабоченнымъ выраженіемъ лица. Одна Нина смотрѣла вокругъ себя яснымъ, внимательнымъ взглядомъ. Ширь успокоенной рѣки и потускнѣвшаго неба, прикосновеніе остывающаго воздуха, плавное движеніе экипажа— все это разсѣивало мысли, оставляя въ душѣ неуловимую мечту, тихую и блѣдную. Большіе дома одинъ за другимъ развертывали передъ глазами свои фронтоны и быстро отступали въ даль, съуживаясь и умаляясь въ сокращеніи перспективы. По набережной двигались люди,— одни въ томъ-же направленіи, какъ коляска, постепенно отставая и превращаясь въ чуть замѣтные силуэты, другіе—навстрѣчу ей, неожиданно появляясь въ полѣ зрѣнія изъ-за спины кучера. Они тоже оставались позади и постепенно уменьшались.

Коляска проѣхала по Троицкому мосту. На встрѣчу катились экипажи, возвращавшіеся съ Островов. Нарядныя дамы съ господами въ цилиндрахъ и съ военными. Молодая счастливая парочка на захудаломъ извозчикѣ. Два угрюмыхъ, сановныхъ лица въ собственномъ экипажѣ, въ вытянутыми ногами, прикрытыми тигровымъ пледомъ. Спицы мелькали въ колесахъ, и кучеръ, вытянувъ руки, сдерживалъ откормленныхъ лошадей. Мрачная крѣпость, съ часовыми у воротъ и съ высокимъ тонкимъ крестомъ на шпилѣ собора, осталась позади. Въ паркѣ пахнуло зеленью. Блѣдный мальчишка, въ рваномъ картузѣ, бѣжалъ рядомъ съ экипажемъ, протягивая букетъ полураспустившихся ландышей. На скамейкахъ парка отдыхали мастеровые. Пищалъ грудной ребенокъ на колѣняхъ женщины въ платкѣ. Гармоника наигрывала неподалеку ухарскую фабричную пѣсню, которая вдругъ сбилась и перешла въ замедленный и грустный мотивъ.

Деревня вспомнилась Нинѣ. И захотѣлось прочь изъ города, на волю, въ тишину, въ запущенные уголки стараго сада, къ своимъ,— свѣжимъ, одиноко растущимъ ландышамъ. Зачѣмъ я только сижу здѣсь? подумала она. Бѣлые чехлы на мебели въ теткиной квартирѣ, закрытыя газетами картины и пыль, медленно осаживающаяся на столахъ, живо представились ей. Никогда солнце не заглядывало въ эти сѣрыя плоскія комнаты казенной квартиры, гдѣ она почти въ полномъ одиночествѣ коротала время. А въ деревнѣ душистые и солнечные дни убѣгали одинъ за другимъ, чтобы никогда болѣе не вернуться. Послѣдняя весна въ Знаменкѣ, и она ее пропускаетъ! Зачѣмъ?

Ей все казалось, что она должна поговорить о чемъ-то важномъ съ Андреемъ. Не все было ясно — въ немъ или въ ней самой и въ ея отношеніи къ нему. Она со многимъ не соглашалась изъ того, что онъ

говорилъ, и это волновало ее, какъ никогда не волновало разногласіе съ другими. Послѣдній разговоръ не выходилъ у нея изъ памяти. Нѣсколько дней тому назадъ она, Незванова и Андрей были въ зоологическомъ саду. Нина любовалась на львовъ и тигровъ, дразнила, посмѣиваясь, обезьянъ, а Незванова покупала хлѣбъ для слона и другихъ кроткихъ животныхъ. Андрей былъ грустенъ и задумчивъ. Нинѣ не удавалось расшевелить его.

— Покормите его! — сказала Незванова, указывая на слона и протягивая Андрею половину французской булки.

— Нѣтъ, Лидія Степановна, ужъ это вы сами дѣлайте, вамъ это больше къ лицу! — отвѣтилъ Андрей.

— Почему?

— Да такъ. Не умѣю я никого кормить. А вы добродѣтельная, вѣдь вы и призваніе себѣ хотите сдѣлать изъ того, чтобы подкармливать понемногу, если не звѣрей въ клѣткахъ, то людей, которые находятся приблизительно въ томъ же положеніи. Развѣ не то же самое ваши воскресныя школы.

— Вотъ вы какъ!..—воскликнула Незванова и остановившись серьезно и удивленно посмотрѣла на Андрея.—Что же, по вашему лучше, чтобы у нихъ совсѣмъ ничего не было? чтобы они и вовсе не учились?

— Нѣтъ, отчего же, нужно, чтобы учились. Кажется, нужно.

— Кажется нужно! повторила Незванова и укоризненно покачала головой.—Вы и въ этомъ сомнѣваетесь!

— Да. То-есть я не взялся бы этого дѣлать. Какъ-то все думалось-бы, что учу я ихъ, а для чего — неизвѣстно. Вѣдь они такъ и останутся въ своихъ скверныхъ клѣткахъ. Слаще-ли имъ будетъ? Да и чему учить? Сами-то мы ничего ровно не знаемъ.

— А что-же, по вашему лучше сидѣть сложа руки, пока мы не будемъ всего знать! — возразила Незванова.

— Кто можетъ, пусть дѣлаетъ! Только для этого нужно что-то имѣть, чего у нѣкоторыхъ должно быть не хватаетъ... Я вотъ задумалъ одну статью—о мотивахъ человѣческой дѣятельности...

— Правда? Это очень интересно! перебила Нина, все время молчаливо слушавшая Андрея.

— Не знаю только удастся ли, — отвѣтилъ онъ, поморщившись.

— Да и ничто не удастся, если вы будете сидѣть и искать начала всѣхъ началъ, — сказала Незванова своимъ спокойнымъ, убѣжденнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, Лидія Степановна, не начала всѣхъ началъ. Вѣдь я уже говорилъ какъ-то, при васъ, что намъ вовсе не надо лѣзть за тѣ предѣлы, которые положены...

— Знаете, — перебила съ волненіемъ Нина, — я все вспоминала то, что вы тогда говорили... Мнѣ кажется, что вы себѣ представляете какъ будто всѣ люди сидятъ въ какихъ-то клѣткахъ, или

даже не въ клѣткахъ, а въ ящикахъ, изъ которыхъ не видно никакого свѣта. А я думаю, что мы видимъ. Можетъ быть, не видимъ, но чувствуемъ, и намъ нельзя себя отгораживать...

— Вѣдь и такъ отгорожены, Нина Сергѣевна, безъ нашей воли. А на счетъ чувствъ — не знаю, мнѣ думается, такъ можно совсѣмъ сбиться. Вѣдь вы сами какъ то говорили, что мы чувствуемъ надъ собою только какія-то тайны.

— Да.

— Ну такъ вотъ я и говорю, что о тайнахъ лучше совсѣмъ не думать. Онѣ ни въ чемъ не могутъ намъ помочь. Богъ съ ними! Намъ бы только въ себѣ разобраться, да вокругъ себя что-нибудь понять...

Андрей сказалъ это нѣсколько раздражительно, съ злымъ и разстроеннымъ выраженіемъ лица. Теперь, вспоминая этотъ разговоръ, Нина искала словъ, чтобы возразить Андрею. Жить на землѣ, не заноситься въ небо, раздѣлить ихъ... Нѣтъ, онъ былъ неправъ.

Бѣлая ночь, разстилавшаяся надъ остывающею, успокоившеюся землею, говорила ей, что нѣтъ этого ограниченнаго земного пространства, о которомъ говорилъ Андрей. Ничего не было твердаго, непроницаемаго отбрасывающаго рѣзкія тѣни. Все залито было яснымъ свѣтомъ, исходившимъ изъ невидимаго источника. И казалось, что земля тихо, но замѣтно плыла надъ бездонною міровою бездной, и стоялъ тотъ библейскій день, когда уже начался свѣтъ, но еще не созданы были свѣтила...

Коляска мягко катилась по песчаной дорогѣ. За изгородью, около дачъ, раздавался неторопливый разговоръ, слышался веселый, звонкій смѣхъ молодыхъ голосовъ. Навстрѣчу попадались еще экипажи, возвращавшіеся въ городъ съ катанья, но немного. Было уже около полуночи, и шумная ѣзда затихла.

Когда экипажъ остановился подлѣ дачи Вѣры Ермолаевны, Нинѣ такъ не хотѣлось прерывать своего молчаливаго мечтанія, что она отказалась отъ чаю и, оставшись съ Незвановой, велѣла кучеру ѣхать на взморье.

Дорога пошла по берегу одного изъ рукавовъ Невы. Длинная узкая лодка яхтъ-клуба съ нѣсколькими гребцами быстро скользила вдоль рѣки, опережая экипажъ. Тонкія весла дружно взлетали надъ водою и неслышно опускались. Маленькій пароходикъ съ краснымъ и зеленымъ фонарями на носу испустилъ хриплый двойной гудокъ и суетливо, точно запыхавшись, побѣжалъ подъ мостъ. Волна гремящей музыки изъ увеселительнаго заведенія донеслась до слуха. Яркіе электрическіе фонари, среди гирлянды отражающихся въ рѣкѣ газовыхъ фонариковъ, глядѣли съ противоположнаго берега.

Лошади замедленнымъ шагомъ, глухо постукивая копытами о деревянный мостъ, выкатили экипажъ на берегъ, въ аллею густого стараго парка. Пахнуло деревенской свѣжестью, медовымъ запахомъ невидныхъ

въ травѣ цвѣтовъ. Музыка доносилась уже чуть слышно, отдѣльными взрывами и залпами соединенныхъ трубныхъ звуковъ. Потомъ и эти звуки стихли, и въ кустахъ тихо и робко посвисталъ и прищелкнулъ соловей. Опять вспомнилась деревня, и нетронутое лѣсное раздолье. Но петербургская сырость чувствовалась въ воздухѣ, и чуть замѣтный туманъ стлался надъ травою.

— Вы сегодня удивительно молчаливы,—замѣтила Незванова.

— Да, вѣдь, и вы не особенно стремитесь разговаривать. Вы навѣрное что-нибудь обдумываете. У васъ вѣчно разныя дѣла въ головѣ.

Незванова усмѣхнулась.

— Мнѣ приблизительно тоже самое говорилъ вчера Андрей Васильевичъ,—сказала она.

— Андрей Васильевичъ? вчера?

— Ну, да. Я вчера заходила къ нему.

— Вотъ какъ! Я не знала, что вы у него бываете.

— Онъ просилъ меня достать ему одну книгу, я и зашла.

Нина ничего не отвѣтила. Ей вдругъ стало завидно, что Незванова такъ просто и свободно рѣшается зайти къ нему. Нѣсколько разъ ей хотѣлось видѣть его, высказать то, что собиралось въ душѣ. Никого еще она не встрѣчала, кому-бы ей такъ хотѣлось передать всѣ свои мысли. Глаза у него были серьезные и задумчивые, и ей казалось, что онъ все можетъ понять. Но что-то стояло между ними. Столько разъ она звала его, а онъ не приходилъ. Почему? спрашивала она себя, и ей становилось грустно до боли. А когда онъ приходилъ, всегда бывалъ кто-нибудь третій. Ей не удавалось даже поговорить съ нимъ какъ слѣдуетъ. Не стоило оставаться въ Петербургѣ. Такая тоска въ эти долгія бѣлыя ночи.

Коляска подъѣзжала къ Стрѣлкѣ, тихой и почти пустой. Нина и Незванова вышли изъ экипажа и подошли къ периламъ, огораживающимъ приподнятый песчаный мысъ.

— Ужасная вы все-таки барышня, даже и теперь, — промолвила вдругъ Незванова, дружелюбно взявъ Нину подъ руку.

— Почему вы это говорите?

— Да такъ. Вы, кажется, до сихъ поръ не можете привыкнуть къ тому, что женщина можетъ зайти къ мужчинѣ по-просту, по-товарищески.

Нина смутилась. Ей показалось, что Незванова разгадала ея мысли, и она молча, задумчиво стала смотрѣть вокругъ.

Тусклый розовато-желтый свѣтъ, не то догорающей, не то занимающейся зари стоялъ на одномъ краю неба съ самаго сѣвера. Впереди, сдавленный чернѣющими берегами разстилался гладкій слабо отсвѣчивающій морской заливъ. Вблизи видны были отмели, и травы проростали съ неглубокаго дна. Но дальше заливъ расширялся и за нимъ чудилось настоящее безбрежное море. Оранжевый огонекъ съ отплывающаго ко-

рабля мерцалъ среди молочно-бѣлаго тумана, застилавшаго горизонтъ. Влажный прохладный вѣтерокъ дохнулъ съ моря. Огонь на кораблѣ скрылся изъ виду или погасъ. Прозрачная теплая ночь сдѣлалась еще свѣтлѣе.

Лошади нетерпѣливо зафыркали и затоптались.

— Поѣдемте,—тихо сказала Нина.

XI.

Андрею удалось, наконецъ, застать Нину наединѣ. Она собиралась гулять, но, увидѣвъ его, замѣтно смѣшалась, скинула шляпу и молча повела его къ себѣ. Въ комнатѣ у нея, не смотря на открытыя окна, пахло духами. На диванѣ было брошено платье. По полу разлетѣлись отъ дуновенія вѣтра какія-то письма. Нина сконфузилась при видѣ этого безпорядка и стала торопливо убирать все. Андрей сидѣлъ и невольно смотрѣлъ на ея тонкія руки, которыми она складывала въ пачку разсыпавшіяся письма. Письмо, полученное утромъ отъ жены, вспомнилось ему. Анюта смѣшно и тревожно писала ему о внѣзапной болѣзни дѣвочки. Если-бы она знала!—подумалъ Андрей, не отводя глазъ отъ рукъ Нины. Она вдругъ обернулась и внимательно взглянула на него.

— Андрей Васильевичъ, что съ вами?

— Нѣтъ, ничего.

— У васъ какія-то нехорошія мысли.

Она продолжала смотрѣть на него встревоженными, ласковыми глазами.

— Какъ вы тонко замѣчаете!—сказалъ онъ.

— Да, я всегда чувствую настроеніе людей. Какъ всѣ женщины,—прибавила она, чтобы смягчить обрадовавшую ее похвалу.

— Да. Но другія подмѣчаютъ это только у тѣхъ, кого онѣ... только у близкихъ, а не у чужихъ.

Она застѣнчиво опустила глаза. Ея похудѣвшее лицо казалось спокойнымъ, но на губахъ играла чуть замѣтная счастливая улыбка.

— Вы говорите—чужіе,—начала она. — Я не знаю... Для меня всѣ люди раздѣляются на два вида. Одни всегда чужіе, а другіе нѣтъ,—съ самаго начала. Я ихъ чувствую и меня все въ нихъ занимаетъ, хотя умомъ я ихъ не понимаю. Мнѣ все кажется, что они—какъ-бы это сказать?.. что ихъ слова вовсе ихъ не выражаютъ, такъ что на слова не стоитъ даже вниманія обращать. Слова—это можетъ быть что-нибудь случайное: такъ—плывутъ откуда-то по поверхности. Они не со дна. А то, что на днѣ, темно и интересно. Иногда кто-нибудь говоритъ, я слушаю и думаю, что это говорится нарочно для того, чтобы не показать правду...

Онъ молча слушалъ ее.

— Вы не понимаете, кажется? Я очень плохо выражаюсь. Вотъ, напримѣръ, Колонтаровъ... Онъ иногда говоритъ мнѣ въ глаза разныя дерзости и за послѣдніе дни даже больше прежняго, а самъ... Впрочемъ, нѣтъ... Зачѣмъ я это?..

Она раскраснѣлась и отвела глаза въ сторону.

— Кажется онъ очень дорожитъ вашимъ обществомъ? — спросилъ Андрей, внимательно слѣдя за нею. Его непріятно задѣло, что именно Колонтарова она привела въ примѣръ интересующихъ ее людей. — Вы раньше говорили о немъ довольно неодобрительно. Или, можетъ быть, ваши слова тоже были—какъ вы говорите—случайныя, и только прикрывали правду?

— Какую правду?—Нина удивленно раскрыла глаза.—О, нѣтъ! Какъ вы могли подумать!—Она засмѣялась, смущаясь при мысли, что онъ спрашиваетъ ее о такихъ вещахъ, встала и начала перешпиливать волосы.

— Вѣдь, вы сами сказали, что люди для васъ раздѣляются на чужихъ и на такихъ, которые неясны и привлекательны.

— Да, но не онъ-же одинъ. Вотъ, напримѣръ, Незванова, — заговорила она другимъ тономъ, стараясь успокоить себя и его. — Я ее очень люблю... то есть, она очень хорошая дѣвушка... Серьезно,—прибавила она.—Вы не думайте, что я говорю это такъ, по-пусту, какъ иногда говоришь про безцвѣтныхъ людей, — чтобъ отдѣлаться. Она и не глупая. Она все замѣчаетъ и критикуетъ.

— Вы почему заговорили о ней?

— О ней? Да, я вамъ хотѣла сказать, что я ее очень люблю, но она чужая... То есть, понимаете-ли, между нею и мною ничего нѣтъ такого... живого, — того, что живетъ, мѣняется каждый день... И потому я ее понимаю, но не чувствую. Мнѣ иногда интересно знать, что она выскажетъ о томъ или о другомъ, и я очень рада, когда она приходитъ. Но самой мнѣ лѣнь къ ней идти. Вы у нея бываете? — спросила она быстро.

— Да, я заходилъ къ ней на дняхъ, книгу отнесъ, Спенсера.

— Книгу? которую она вамъ сама принесла?

— Она вамъ говорила?

— Говорила. И знаете...

Нина начала волноваться.

— Она смѣялась надо мной. Ей показалось, будто я не допускаю, что можно зайти... по-просту, по-товарищески.

— Ну и что-же?—съ трудомъ проговорилъ Андрей.

— Я ей сказала, что это пустяки, что я теперь совсѣмъ не такая, какъ прежде...

Она замолчала, выжидая, что онъ скажетъ ей, но видя, что онъ смотритъ въ сторону, вдругъ измѣнилась въ лицѣ, и безсильно, покорно опустила голову на руки.

Въ комнатѣ стало тихо.

«Такъ, значитъ, не хочетъ. Отчего это?» спрашивала себя Нина. Среди наступившаго молчанія, она еще яснѣе ощущала какое-то препятствіе, стоявшее между ними. Въ прозрачномъ сумракѣ іюньскаго вечера она видѣла лицо Андрея, по которому пробѣгали недоступныя ей, неуловимыя думы. Прежде, давно, еще не зная его, почти съ перваго часа знакомства, она чувствовала и понимала его настроенія. Онъ открыто, съ острой грустью смотрѣлъ на нее, и въ сердцѣ ея поднималась отъ этого волнующая радость: его грусть принадлежала ей, зависѣла отъ нея одной. Теперь въ его карихъ глазахъ съ небольшими зрачками тоже была грусть, но иная, сухая, скрытная. Они не открывали, а заслоняли его душу. Онъ не хотѣлъ или не могъ чувствовать то, что прежде. Онъ словно нарочно удерживалъ ее на разстояніи отъ себя. Отчего? — съ болью повторяла она. — Неужели я тогда была лучше? Исторія ихъ разрыва живо вспомнилась ей, — грубое вмѣшательство взрослыхъ, ея собственное малодушіе. Онъ не пришелъ больше въ ихъ домъ. Можетъ быть это стояло между ними? Ей захотѣлось оправдаться, загладить свою вину, немедленно, сейчасъ-же. Невозможно было оставлять дольше эту мучительную неясность.

— Андрей Васильевичъ!—робко позвала она, превозмогая стѣсненіе.—Я хотѣла васъ спросить одну вещь... Мнѣ стыдно говорить объ этомъ... Тогда, помните, вы написали мнѣ письмо—вы знаете, о чемъ я говорю... Какъ случилось, что потомъ... однимъ словомъ... что мы раззнакомились?

— Нина Сергѣевна! Да развѣ вы не знаете?—воскликнулъ онъ, ужаленный этимъ воспоминаніемъ.

— Нѣтъ. Мнѣ было больно и гадко спрашивать у своихъ... Я не знаю, говорилъ тогда съ вами кто-нибудь?.. Или какъ все это?..

— Вашъ дядюшка имѣлъ со мной объясненіе.

— Дядя Поль? Боже мой!—Она вспыхнула и закрылась руками.— Боже мой!

— А вы не знали? Такъ, значитъ... Впрочемъ, зачѣмъ объ этомъ говорить? Зачѣмъ вы говорите обо всемъ этомъ, Нина Сергѣевна?

Онъ поднялся, чувствуя, какъ трепетало его сердце.

— Вы уходите?—воскликнула она, увидѣвъ его протянутую руку.

— Да.

— Зачѣмъ? Погодите.

— Нѣтъ, мнѣ надо идти, право.

— Вамъ непріятно, что я стала говорить объ этомъ? Извините меня.

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло, увѣряю васъ. Прощайте.

Ей показалось, что онъ уходитъ навсегда—такое странное лицо у него было.

— Нѣтъ, ради Бога, Андрей Васильевичъ!.. Ради Бога. Я весь вѣкъ мучиться буду.

— Вы? мучиться? Чѣмъ?

— Я не могу думать, что сдѣлала вамъ непріятность. Я не могу... Мнѣ больно...

Она прижала обѣ руки къ своимъ щекамъ.

— Нина Сергѣевна! Не говорите этого. Мнѣ нестерпимо. Вы не знаете... Не будьте такая.

— Какая? — спросила она настойчиво, невольно приближаясь къ нему.

— Такая... милая.

Онъ растерянно сжалъ ея руку и быстро пошелъ изъ комнаты.

XII.

Неужели онъ не придетъ, несмотря на мою записку? Почему? Почему это такъ страшно... если даже и суждено чему-нибудь случиться? — думала Нина, безпокойно переходя изъ комнаты въ комнату, заглядывая на улицу, перекладывая ноты на роялѣ и не находя въ себѣ силъ за что-нибудь приняться. Уже девять часовъ. Какъ неравномѣрно идетъ время—то медленно, то скоро.

Хлопнула тяжелая дверь въ швейцарской. Вотъ, сейчасъ звонокъ. Нина прислушалась. Въ самомъ дѣлѣ, звонокъ. Она сама побѣжала отворить.

У дверей стояла Незванова.

— Ахъ, это вы?—сказала Нива упавшимъ голосомъ.

— Да, я на минутку.

— Отчего-же? Пойдемте.

Какъ только я развлекусь разговоромъ и забуду, онъ сейчасъ-же придетъ, это всегда такъ бываетъ,—подумала Нина.

Она взглянула на Незванову и замѣтила въ ея лицѣ какую-то особенную сосредоточенность.

— Я была сейчасъ у Тропинина,—заговорила Незванова. — Онъ просилъ меня передать вамъ, что не можетъ придти сегодня.

Не можетъ придти? И это черезъ Незванову! Черезъ чужихъ!.. Злая обида сжала сердце Нины.

— Я ему сказала, уходя, что иду къ вамъ, спросила, не надо-ли чего-нибудь передать...

Нина отвернулась и молчала, чувствуя приливъ грусти. Эта грусть обострялась съ каждой минутой, туманила сознаніе.

— Онъ ничего больше не велѣлъ передать?

— Андрей Васильевичъ былъ очень разстроенъ сегодня. Онъ получилъ очень тяжелое письмо. Я не знаю, имѣю-ли я право...

— Какое письмо? Развѣ у васъ есть съ нимъ секреты?—воскликнула Нина, охваченная внезапнымъ негодованіемъ при мысли, что онъ могъ говорить Незвановой то, чего не говорилъ ей.

— Секреты? Нѣтъ. Иначе я и говорить-бы не стала. — Незванова подняла на Нину свои серьезные сѣрые глаза.—Я думаю, что Андрей Васильевичъ сказалъ-бы и вамъ, еслибы вы тамъ были, и скажетъ, навѣрное...

— О чемъ скажетъ?

— Видите-ли, у него ребенокъ умеръ отъ дифтерита.

— Ребенокъ? у него?—переспросила Нина, точно оглушенная изумленіемъ.

— Да. Я сама не знала раньше, что онъ женатъ.

— Не можетъ быть! — Нина поднялась съ легкимъ холоднымъ смѣхомъ.—То-есть, конечно... Онъ самъ сказалъ вамъ это?

Ей стало трудно дышать.

— Да. И мнѣ не приходилось раньше слышать отъ него объ этомъ. Но тутъ какъ-то такъ вышло. Письмо подали при мнѣ. Онъ сначала не хотѣлъ читать его. Я просила не церемониться, настаивала... Онъ былъ очень пораженъ и невольно сказалъ. Я не знаю, можетъ быть, я все-таки дѣлаю нескромность?..

— Нескромность? Вотъ я не понимаю! Развѣ это должно быть тайной, что человѣкъ женатъ? Было-бы гораздо естественнѣе...

Нина то вставала, то садилась, мяла въ рукахъ платокъ и проводила рукой по лбу. Она сознавала, что мѣняется въ лицѣ, краснѣетъ и блѣднѣетъ, что Незванова должна замѣчать это и что нужно постараться овладѣть собою. Ей казалось, что она сейчасъ разрыдается.

Все было кончено. Такъ вотъ почему онъ такъ... Можетъ быть, онъ любитъ свою жену?—мелькнуло у нея въ сознаніи съ жгучей болью.

Нина растерянно взглянула на Незванову и замѣтила въ ея глазахъ безпокойство. Она видитъ. Какой стыдъ! Ей нужно было какъ-нибудь показать Незвановой, что ея волненіе произошло только отъ неожиданности. Она хотѣла что-то сказать, но губы ея сжимались, точно застывшія.

— Послушайте, Лидія Степановна,—заговорила она, наконецъ,— Что я васъ хотѣла спросить... вы говорите, что онъ былъ очень рзастроенъ?

— Да, конечно. Вѣдь, это естественно.

— Еще-бы!—откликнулась Нина съ горечью.

Ребенокъ, его ребенокъ! — проносилась въ ея душѣ трепещущая мучительная мысль, съ которой она не могла освоиться.

— Вы не знаете... Конечно, я увѣрена, что Андрей Васильевичъ самъ сказалъ-бы мнѣ. Вы не знаете, гдѣ она, его жена?

— Мнѣ неловко было его разспрашивать,—отвѣтила Незванова.— Онъ только прочелъ письмо и сказалъ это, какъ-то внезапно. Кажется ему самому было потомъ непріятно.

— Да, конечно.

Ни откуда ничего нельзя было узнать болѣе, а онъ самъ...—она не увидитъ его больше. Уѣхать.

Она почувствовала внезапную усталость.

— А я думала уѣхать завтра,—проговорила она разсѣянно.

— Уѣхать? Что вы! Развѣ у васъ устроилось?

— Что устроилось?

— Да, вѣдь, вы говорили, что у васъ тамъ какія-то дѣла съ имѣньемъ и что вы изъ-за этого...

— Ахъ, да, да, устроилось.

Ѣхать въ Знаменку, которая продается, видѣть отчаяніе отца,—думала Нина. Она показалась себѣ безпріютной и одинокой. Все равно, надо уѣхать. Здѣсь невозможно больше.

— Вотъ какъ!—сказала Незванова. — Завтра! Съ которымъ-же поѣздомъ? Я-бы васъ проводила.

— Благодарю васъ. Я не знаю еще. Я сообщу вамъ. Нужно еще къ теткѣ заѣхать, собрать вещи.

— Такъ мы еще увидимся?—Незванова поднялась.

— Да, да, непремѣнно. Я извѣщу...

Она отпустила Незванову, не проводивъ ее даже до дверей.

Мысли вихремъ кружились въ ея головѣ. Ребенокъ! повторяла она съ недоумѣніемъ, прижавъ ладони къ сухимъ, горячимъ глазамъ. А, какъ больно и какъ стыдно!.. Ни разу и не подумала даже объ этомъ. Не разспросила, какъ онъ жилъ за послѣдніе годы. А онъ—женился. Любилъ можетъ быть, конечно, любилъ, — иначе зачѣмъ бы? Послѣ нея, зная ее! О, конечно, то было дѣтское... Но теперь, теперь не сказать ей!—Злое чувство пронизывало ее, досада на него и на себя, и отчаяніе, и смертельная тоска одиночества... Онъ долженъ былъ сказать ей. Она достаточно показывала ему свою дружбу, онъ не могъ не видѣть. Высказать ему все сейчасъ же и успокоиться.

Нина отыскала почтовую бумагу и начала писать. Ничего не выходило. Упрекать его, когда онъ въ горѣ! У него ребенокъ умеръ. Ей вдругъ представилась смерть ребенка отъ дифтерита, и жалость охватила ее. Слезы брызнули изъ глазъ.

— О, Боже мой!—простонала она, закрываясь руками.—Все-таки надо написать, чтобы онъ только зналъ, чтобъ онъ понялъ, что не долженъ былъ скрывать, не долженъ былъ... это ужасно...

Она опять взяла перо, сразу, не думая, написала нѣсколько строкъ и подписала свое имя:

«Андрей Васильевичъ. Незванова сказала мнѣ, что вы очень разстроены. Мнѣ больно. Я ничего не знаю,—вѣдь вы ничего не сказали мнѣ... Прощайте навсегда, я уѣзжаю».

Когда дѣвушка ушла съ письмомъ, Нина смутно припоминала, что было въ немъ сказано. Можетъ быть, неладно что-нибудь. Все равно. Теперь ужъ не вернуть.

На слѣдующій день она уѣхала съ раннимъ поѣздомъ, забывъ извѣстить объ этомъ Незванову.

XIII.

Въ ночь послѣ полученія письма отъ жены съ извѣстіемъ о смерти ребенка, Андрей долго не ложился спать. Онъ ходилъ по комнатѣ, стараясь отогнать тревожныя мысли. Вопросъ о томъ, какъ онъ долженъ былъ поступить относительно жены, неотступно стоялъ передъ нимъ. Онъ не могъ написать ей того, чего она теперь навѣрное ждала, что одно только могло бы сколько нибудь утѣшить ее въ горѣ. Онъ ничего не могъ для нея сдѣлать. Но мучительное, неугомонное безпокойство не прекращалось. Ему казалось, что кто-то стоитъ надъ его душою и жестоко, безпощадно требуетъ разрѣшенія непосильной для него задачи. — Но вѣдь я же не могу, это не въ моей власти, — отвѣчалъ онъ, оправдываясь и сердясь на того, кто мучилъ его... Минутами ему казалось, что эти мучители его — были какіе-то живые люди, — въ томъ городѣ, гдѣ онъ оставилъ жену. Они думаютъ, что я долженъ жить съ нею всю жизнь, потому только, что я когда-то связалъ себя съ нею!—злобно думалъ онъ объ этихъ воображаемыхъ людяхъ.—Не разлучаться, быть вѣрнымъ ей, любить ее,—какъ будто человѣкъ можетъ удержать себя на томъ, что самъ призналъ ошибкой!.. Онъ вспомнилъ все пережитое за послѣднее время, все, что онъ перечувствовалъ со вчерашняго дня, послѣ разговора съ Ниной. Развѣ все это въ его власти? Чего же они требуютъ отъ него? Ему захотѣлось сейчасъ же написать имъ, чтобы они ничего не ждали, чтобы они оставили его въ покоѣ... Кому написать?

Андрей остановился и провелъ рукою по холодному влажному лбу. Что это съ нимъ? На кого сердиться? Письмо Анюты—простое, растерянное сообщеніе о болѣзни и смерти дѣвочки, представилось ему. Она ничего не требовала, ни о чемъ даже не просила. И никто не мучилъ его. Онъ самъ мучился, — хотѣлъ и не могъ забыть о своемъ прошломъ. Къ чему это безплодное раскаяніе? Вѣдь онъ уже ушелъ отъ своего прошлаго, выросъ изъ него, жилъ другимъ, настоящимъ. И вдругъ опять все это изжитое, ненужное входило въ него, ощущалось въ немъ самомъ, не вытѣсняя настоящаго и не укладываясь вмѣстѣ съ нимъ. Вотъ отчего такое стѣсненіе, такая боль въ душѣ и въ головѣ. Человѣкъ не можетъ вмѣстить въ себя такъ много. Онъ едва можетъ овладѣть настоящимъ. Зачѣмъ-же и откуда эти испытанія, на которыя все равно не хватаетъ силъ? Зачѣмъ эта связь съ тѣмъ, что уже далеко отъ насъ и стало чуждымъ намъ? Нужно оторвать отъ себя прош-

лое, освободиться отъ него. Жить только настоящимъ. Оно одно едва по силамъ. Не вспоминать пережитаго, ничего не обѣщать на будущее, ни съ чѣмъ себя не связывать. Какъ можно что-нибудь обѣщать, за что-нибудь ручаться, если мы и самихъ себя не знаемъ и не можемъ представить себѣ, что будетъ съ нами завтра.

Онъ нѣсколько успокоился, придя къ этой опредѣленной мысли, и почувствовалъ физическое изнуреніе. Свѣтлая іюньская ночь была томительно душною. Стѣны комнаты раскалились за день. Андрей раздѣлся, разсчитывая заснуть. Но какъ только онъ легъ, письмо жены опять вспомнилось ему. Онъ подумалъ, что письмо это шло до Петербурга нѣсколько дней и что теперь дѣвочку уже похоронили. Словно что-то острое и холодное прошло при этомъ черезъ его сердце. Лялечка — вспомнилъ онъ имя дѣвочки, и сразу почувствовалъ всю боль, все отчаяніе Анюты, потерявшей ее. «А Лялечка плачетъ-плачетъ»—слышался ему ея голосъ. Онъ теперь ясно представлялъ себѣ ту убогую квартирку, гдѣ онъ оставилъ ихъ, уѣзжая; и ночь передъ отъѣздомъ, когда онъ подошелъ къ колясочкѣ и осторожно прикрылъ разметавшуюся во снѣ дѣвочку одѣяломъ. Всѣ воспоминанія отъѣзда прошли передъ нимъ, и изъ нихъ самое болѣзненное—тотъ моментъ, когда Анюта подошла къ отъѣзжающему тарантасу и потянулась поцѣловать его, а онъ отдернулся и не далъ ей проститься. Онѣ были живыя, совсѣмъ живыя въ его воображеніи—Анюта и дѣвочка. И мысль, что дѣвочки уже не было на свѣтѣ, охватила его страхомъ и жалостью. Слезы сдавили ему горло и подступили къ глазамъ... Неразрушимая связь сохраняется между нами и всѣмъ, что окружаетъ насъ,—и ужасно сознавать, что люди, которые когда-то были подлѣ насъ, а теперь стали намъ ненужны, все еще мысленно живутъ съ нами и страдаютъ изъ-за насъ. Нельзя порвать неуловимыхъ, но болѣзненныхъ отношеній съ ними. Мы временно забываемъ о нихъ, потому что жизнь наша ограничена тѣснымъ кругомъ. Но приходитъ минута, когда безпощадное воображеніе возсоздаетъ ихъ лица — такъ, какъ будто они и теперь стояли передъ нами, какъ будто-бы мы не были отдѣлены отъ нихъ сотнями и тысячами верстъ. И жалость наполняетъ нашу душу—нѣжный, но безсильный порывъ сдѣлать то, на что намъ не дано достаточно воли и свободы. Зачѣмъ-же и откуда эти чувства, съ которыми намъ нечего дѣлать, эти задачи, съ которыми мы не можемъ совладать? Насъ едва хватаетъ на то, чтобы удержать собственное равновѣсіе въ каждую отдѣльную минуту... Андрей засыпалъ, мысли его путались, безсвязные и неожиданные образы затмевали сознаніе, но они были такъ-же прозрачны и такъ-же томительны, какъ душная бѣлая ночь. Ему приснилось, что онъ лѣзетъ куда-то по веревочной лѣстницѣ высоко надъ землей и со всѣхъ сторонъ протянуты канаты и сѣти. Онъ съ трудомъ сохранялъ равновѣсіе и старался не глядѣть внизъ. Тамъ была толпа и въ толпѣ Нина. Ему было стыдно, что онъ неловокъ, и страшно

было свалиться. Ноги его тяжелѣли, и онъ все время думалъ о томъ, зачѣмъ здѣсь протянуто столько сѣтей со всѣхъ сторонъ, не только внизу, но и съ боковъ и сверху. Это была какая-то проволочная клѣтка, какъ тѣ, въ которыхъ сидѣли птицы и обезьяны. Онъ вспомнилъ во снѣ, что видѣлъ все это въ зоологическомъ саду. Но тамъ сѣтки были только внизу, а теперь они окружали его со всѣхъ сторонъ, и онъ мучился, не понимая, зачѣмъ были здѣсь эти сѣтки. Загадки, подумалъ онъ, не сѣтки, а загадки и сейчасъ-же сообразилъ, что это сонъ, и хотѣлъ проснуться. Но онъ зналъ, что проснется тогда, когда упадетъ внизъ—на глазахъ у всѣхъ, на глазахъ у Нины. Ему было стыдно ея. Какъ только онъ упадетъ, она все узнаетъ — и про смерть дѣвочки. Голова у него закружилась. Онъ хотѣлъ схватиться за веревку, но сорвался и полетѣлъ внизъ... Смерть дѣвочки.

Андрей проснулся въ холодномъ поту и у него такъ захватывало духъ, какъ будто онъ, въ самомъ дѣлѣ, сорвался съ высоты. Было совсѣмъ свѣтло. Онъ не могъ больше заснуть, но долго лежалъ въ постели, отгоняя сны и дремотные образы, мѣшавшіе думать. Они все наползали, и онъ видѣлъ вокругъ себя веревки и сѣтки.

— Баринъ, письмо вамъ.

Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

Передъ нимъ стояла дѣвушка съ письмомъ.

Андрей отослалъ дѣвушку, прочелъ записку Нины, и, смявъ ее, упалъ лицомъ на подушку.

Главное, что онъ понялъ изъ этой короткой, растерянной записки, было не то, что Нина уѣзжала, а то, что она была такъ взволнована, что она считала его своимъ, что онъ былъ нуженъ ей такъ-же, какъ она была нужна ему.

Л. Гуревичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* * *

Бѣгутъ томительные дни,
Бѣгутъ за днями годы.
Цвѣтутъ цвѣты, блестятъ огни
На праздникѣ природы.

Шумитъ, гремитъ изъ года въ годъ
Суетъ игра живая,—
И смерть торопитъ свой обходъ,
Добычу намѣчая.

Смотрю—вотъ-вотъ ея костыль,
Коснется насъ съ тобою.
И претворимся въ прахъ и пыль
И станемъ вновь землею!

О, другъ, не станемъ-же грустить,
И жизнь злословить въ шутку;
Мы станемъ чувствовать и жить
Полнѣй на зло разсудку.

Смѣлѣе взоры подними:
На встрѣчу непогоды,
И всё, что можешь взять—возьми
На пиршествѣ природы!

Живи, люби и пой! Когда-жъ
Придетъ къ намъ смерть нѣмая,—
Закроемъ взоръ усталый нашъ,
Живыхъ благословляя.

К. Фофановъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Н. С. Лѣсковъ [1]).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Первые шаги Лѣскова на литературномъ поприщѣ.—Полемика по вопросу о пожарахъ.—Артуръ Бенни.—Стрѣлы сатирическихъ газетъ.—Женская эмансипація, нигилисты и романъ Чернышевскаго.—Лѣсковъ, какъ художникъ.—„Соборяне“.

I.

Свою литературную дѣятельность Лѣсковъ началъ небольшими газетными статьями. Цѣлый рядъ его писемъ и корреспонденцій, напечатанныхъ за разными подписями, обращали на себя вниманіе и, какъ мы увидимъ ниже, даже возбуждали въ литературныхъ кругахъ оживленные полемическіе толки. Въ самыхъ коротенькихъ его замѣткахъ чувствовалась особенная злость, которая выдѣляла ихъ изъ массы обычнаго журнальнаго матеріала. При этомъ всѣмъ долженъ былъ броситься въ глаза стиль молодого писателя, отмѣченный своеобразною красотою въ старинномъ, церковно-славянскомъ духѣ. Несмотря на нѣкоторыя черты гражданскаго протеста, статейки Лѣскова мало походили на обычныя журнальныя писанія того времени. Ничто органически не связывало Лѣскова съ типичными дѣятелями начала шестидесятыхъ годовъ. Ожесточенный ненавистникъ всякихъ пошлыхъ комизмовъ, которыми кишѣла литература и современное ему общество, Лѣсковъ долженъ былъ сразу занять въ журналистикѣ воинствующее положеніе. Партія «Современника» не могла принять его въ свои ряды. А между тѣмъ, молодой писатель съ артистическимъ темпераментомъ, но безъ признака нравственнаго фанатизма, вдаваясь въ литературную полемику, никогда при этомъ не хотѣлъ терять расположенія либеральныхъ русскихъ читателей. Издѣваясь надъ нигилизмомъ, Лѣсковъ не переставалъ надѣяться,

---

[1]) *Н. С. Лѣсковъ*. Полное собраніе сочиненій. Новое второе изданіе въ 12 томахъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1897.

что рано или поздно онъ долженъ оказаться въ центрѣ прогрессивнаго теченія эпохи. Лѣсковъ хотѣлъ совмѣстить несовмѣстимое, такъ что даже при глубокомъ талантѣ его публицистическая дѣятельность не могла не производить на одностороннихъ людей раздражающаго впечатлѣнія нѣкоторой нравственной двойственности—впечатлѣнія, которое болѣзненно отражалось въ немъ самомъ и придавало его работамъ оттѣнокъ чрезмѣрной напряженности.

II.

Оставивъ безъ разбора замѣтки Лѣскова, лишенныя въ настоящее время живого интереса, займемся тѣми, которыя имѣли значеніе въ его литературной карьерѣ. Начнемъ съ небольшой статьи, напечатанной въ № 143 «Сѣверной Пчелы» 1862 г. (отъ 30-го мая). Несмотря на то, что статья эта не подписана именемъ Лѣскова, съ нея начинается его литературная извѣстность. Появившись во дни великихъ тревогъ, она произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ жителей столицы. Газета обсуждаетъ явленіе, уже ставшее предметомъ оживленныхъ толковъ на страницахъ другихъ петербургскихъ изданій. А между тѣмъ, перечитывая статью спустя 30 лѣтъ, нельзя не понять, почему она возбудила негодованіе въ либеральной печати шестидесятыхъ годовъ. Статья написана безъ политической осторожности, съ благонамѣреннымъ паѳосомъ. Повидимому, не сознавая, что каждое слово, неосторожно произнесенное при всеобщемъ смятеніи столичныхъ классовъ, можетъ создать рядъ опасныхъ событій, редакція газеты не ограничивается однимъ пересказомъ того, что дѣлается въ Петербургѣ. Оповѣщая своихъ читателей о пожарахъ, охватившихъ многіе кварталы столицы, газета заноситъ на свои страницы темные слухи и толки, имѣющіе характеръ тяжелаго уголовнаго обвиненія по невѣдомому адресу. «Среди всеобщаго ужаса, говорится въ статьѣ, который распространяютъ въ столицѣ почти ежедневные большіе пожары, лишающіе тысячи людей крова и послѣдняго имущества, въ народѣ носится слухъ, что Петербургъ горитъ отъ поджоговъ и что поджигаютъ его съ разныхъ концовъ триста человѣкъ». Этими словами начинается статья Лѣскова. За ними слѣдуютъ патріотическія соображенія, идущія на добровольческую подмогу бдящимъ чинамъ столичной полиціи. Надо сдѣлать такъ, чтобы поджигатели были найдены въ самомъ скоромъ времени, потому что народъ взволнованъ и можетъ, въ справедливомъ гнѣвѣ на злодѣевъ, сдѣлать жертвою своей ярости людей невинныхъ. Общественная ненависть къ поджигателямъ, пишетъ Лѣсковъ, ростетъ съ неимовѣрною быстротою, и вотъ почему должно положить предѣлъ равнодушному поведенію, которое можетъ быть сочтено за солидарность «съ членами той корпораціи, изъ среды которой, по народной молвѣ, происходятъ поджоги». Еще нѣсколько строкъ, и газетное разсужденіе о важныхъ событіяхъ столичной жизни можетъ превратиться въ вещественное доказательство,

полезное для судебнаго разбирательства по старымъ, дореформеннымъ уставамъ. «Насколько основательны всѣ эти подозрѣнія въ народѣ, говорится въ статьѣ, и насколько умѣстны опасенія, что поджоги имѣютъ связь съ послѣднимъ дерзкимъ и возмутительнымъ воззваніемъ, приглашающимъ къ разрушенію всего гражданскаго строя, мы судить не смѣемъ. Произнесеніе такого суда—дѣло такое страшное, что языкъ нѣмѣетъ и ужасъ охватываетъ душу... Но какъ-бы то ни было, если-бы и въ самомъ дѣлѣ петербургскіе пожары имѣли что-нибудь общее съ безумными выходками политическихъ демагоговъ, то они нисколько не представляются намъ опасными для Россіи, если петербургское начальство не упуститъ изъ виду всѣхъ средствъ, которыми оно можетъ располагать въ настоящую минуту. Одно изъ такихъ могущественнѣйшихъ средствъ: общественная готовность содѣйствовать прекращенію пожаровъ». Въ пожарную команду должны быть допущены волонтеры. Потомъ для спокойствія общества и устраненія безпорядковъ полиція должна огласить «всѣ основательныя соображенія, которыя она имѣетъ насчетъ происхожденія ужасающихъ столицу пожаровъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ-же было назначено самое строгое и тщательное слѣдствіе, результаты котораго опубликовались-бы во всеобщее свѣдѣніе». Обратившись въ заключеніе съ маленькимъ совѣтомъ къ оберъ-полицеймейстеру столицы и къ Штиглицу и Ламанскому, какъ представителямъ русскаго государственнаго банка, авторъ кончаетъ статью слѣдующими энергическими словами: «Скрываться нечего. На народъ можно разсчитывать смѣло, и потому смѣло-же должно сказать: основательны-ли сколько-нибудь слухи, носящіеся въ столицѣ, о пожарахъ и о поджигателяхъ? Щадить адскихъ злодѣевъ не должно, но и не слѣдуетъ рисковать ни однимъ волоскомъ ни одной головы, живущей въ столицѣ и подвергающейся небезопаснымъ нарсканіямъ со стороны перепуганнаго народа. Мы не выражаемъ всего того, что мы слышали. Полиція должна знать эти слухи лучше насъ, и на ней лежитъ обязанность высказать ихъ, если она хочетъ заслужить себѣ довѣріе общества и его содѣйствіе». Въ томъ-же номерѣ другъ и товарищъ Лѣскова, Артуръ Бенни, печатаетъ замѣтку, писанную второпяхъ, въ десять часовъ вечера, послѣ личной усердной работы на пожарѣ. Вернувшись въ редакцію, онъ рѣшилъ обратиться къ обществу съ благимъ совѣтомъ. Дипломатъ и политикъ по темпераменту, прозорливый агитаторъ, готовый употребить въ дѣло каждое случайное соприкосновеніе съ толпою, Бенни не могъ не посмотрѣть на петербургскіе пожары съ своей особенной точки зрѣнія. Мысль о волонтерахъ внезапно загорѣлась въ его мечтательной головѣ. Довѣряя политическимъ талантамъ своего товарища по редакціи, Лѣсковъ одобрилъ эту мысль, и вотъ на страницахъ «Сѣверной Пчелы» появились двѣ статьи: одна передовая, о которой мы говорили, а другая въ видѣ небольшого обращенія Артура Бенни къ издателю газеты подъ тревожнымъ названіемъ: «Слово во время». Бенни увѣренъ, что тысячи молодыхъ людей, кото-

рыхъ онъ видѣлъ въ теченіи дня, съ радостью поспѣшатъ въ канцелярію оберъ-полицеймейстера, чтобы записаться въ число волонтеровъ. Онъ готовъ тотчасъ разработать подробный планъ, чтобы дать ходъ исключительнымъ и скорымъ мѣрамъ. Замѣтка Артура Бенни коротка и проста. Однако, при видимой солидарности двухъ рядомъ стоящихъ статей, одна изъ нихъ должна была возбудить страстное негодованіе въ образованныхъ классахъ петербургскаго общества, а другая могла привлечь въ редакцію газеты огромную толпу людей, готовыхъ поддержать проектъ молодого журналиста. Въ разсужденіяхъ Лѣскова смѣшаны въ одно цѣлое безтактныя извѣстія о темныхъ слухахъ, распространенныхъ среди простого народа, съ доброжелательными указаніями, совѣтами и предостереженіями, изложенными съ обывательскою напыщенностью. Небольшое обращеніе Артура Бенни, при неточности отдѣльныхъ фразъ, кажется живымъ словомъ, идущимъ отъ откровеннаго, до тонкихъ мелочей выдержаннаго и прямолинейнаго человѣка. Никакихъ постороннихъ разговоровъ о злодѣяхъ, заслуживающихъ жесточайшаго уголовнаго наказанія, ни единаго намека на «молодую Россію»,—отъ первой до послѣдней строки простое воззваніе къ горячимъ людямъ, къ демократически настроеннымъ массамъ, безъ малѣйшаго упрека, брошеннаго въ ту или другую сторону.

Съ каждымъ новымъ днемъ вопросъ о пожарахъ разростался и пріобрѣталъ на страницахъ «Сѣверной Пчелы» характеръ настоящаго газетно-политическаго скандала. Въ слѣдующемъ №, 144, газета опять обращается къ правительственнымъ чиновникамъ съ патріотической рѣчью. «Мы просимъ, мы умоляемъ, говорится въ передовой статьѣ, начальство столицы обратить вниманіе на соблюденіе узаконеннаго порядка въ Петербургѣ и на опасность жителей». Не будучи органомъ русскаго правительства, «Сѣверная Пчела» заявляетъ себя врагомъ «демагогическихъ» стремленій, охватившихъ нѣкоторые слои петербургскаго общества. Три начала русской жизни она считаетъ необходимымъ оберегать при всѣхъ обстоятельствахъ: государя, законъ и народъ. Съ «умниками», занимающимися подпольною литературою, газета не хочетъ имѣть ничего общаго. Подойдя къ концу своихъ разсужденій на опасную тему, анонимный авторъ съ новою силою дѣлаетъ оглушительный залпъ по тѣмъ безумцамъ, которые предаются разнымъ химерическимъ размышленіямъ относительно переустройства государственнаго быта Россіи. На этотъ разъ статейка должна была показаться особенно внушительною, потому что на той-же страницѣ «Сѣверной Пчелы» напечатано нѣсколько строкъ отъ лица петербургской полиціи, которыми оповѣщается, что 31 мая, въ 8 часовъ утра, «назначено публичное объявленіе на Мытнинской площади, въ Рождественской части, бывшему отставному гвардіи поручику, Владиміру Обручеву, Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта». За политическое преступленіе Обручевъ долженъ былъ выслушать приговоръ, который лишалъ его всѣхъ правъ состоянія и ссылалъ

въ каторжную работу на заводахъ... За второю статьею послѣдовало нѣсколько другихъ, написанныхъ въ томъ-же духѣ, съ такими-же обращеніями къ начальству. Въ это время Бенни успѣлъ разработать въ подробностяхъ проектъ организаціи охотницкихъ пожарныхъ командъ, который особеннаго успѣха, однако, не имѣлъ. По прежнему не вдаваясь ни въ какія отвлеченныя разсужденія, онъ заботился только о томъ, чтобы двинуть на общую работу свободныя силы столицы, склонныя, при отсутствіи надлежащаго руководительства, дѣйствовать въ разсыпную. Газета изливалась въ умѣренно либеральныхъ фразахъ, творила одну печатную безтактность за другою, ненамѣренно сообщая вредное направленіе бдительности полицейскихъ властей, а молодой человѣкъ, съ политическою выправкою, побѣждая опасности, прокладывалъ интеллигентнымъ людямъ пути для кратковременной самодѣятельности. Газета собирала частные факты, обобщала ихъ, давала событіямъ тревожное освѣщеніе. Увлекаясь странной для литературнаго изданія ролью полицейскаго обличителя, она уже не видѣла предѣловъ своимъ откровенностямъ. Такъ, въ фельетонѣ, напечатанномъ въ № 148, невѣдомый авторъ бросаетъ новыя обвиненія по адресу цѣлаго класса петербургскихъ жителей, обвиненіе, которое вызвало шумный протестъ въ другихъ газетахъ. Фельетонистъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ пожаровъ съ игривостью легкомысленнаго юмориста. На пожарахъ, пишетъ онъ, появляются настоящіе мошенники, которые дѣйствуютъ систематически, хорошо организованными партіями. Эти люди врываются въ загорѣвшіеся дома, безстрашно кидаются въ огонь, выламываютъ двери запертыхъ квартиръ, чтобы подъ шумъ всеобщей суматохи воспользоваться чужимъ имуществомъ. «Такимъ способомъ, разсказываетъ фельетонистъ, въ Троицкомъ переулкѣ, у одного изъ нашихъ извѣстныхъ литераторовъ, была вынесена неизвѣстной коалиціей *изъ нѣмцевъ* чуть не половина драгоцѣнностей, по рѣдкому и многочисленному собранію рукописей, особенно раскольническихъ, библіотеки. Къ счастію, мошенничество было обнаружено солдатами лейбъ-гвардіи московскаго полка». «Коалиція изъ нѣмцевъ»—это было уже прямымъ обвиненіемъ, направленнымъ въ опредѣленную сторону, обвиненіемъ, крайне легкомысленнымъ, потому что въ фельетонѣ не приведены никакія обличительныя доказательства. Наконецъ, газета разразилась еще двумя статьями. Пожары прекратились и надо было подвезти итогъ собственной дѣятельности за нѣсколько дней. Не обращая никакого вниманія на патріотическіе вопли сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы», правительственные чиновники держали въ строжайшемъ секретѣ имена людей, привлеченныхъ къ отвѣтственности за пожары. Слухи, получившіе широкое распространеніе, благодаря огласкѣ, сдѣланной Лѣсковымъ, никѣмъ не опровергнутые, продолжали тревожить и волновать всю Россію. Чуждая по своимъ цѣлямъ политическому подстрекательству, газета своимъ опрометчивымъ поступкомъ сыграла въ руку темной ре-

акціи. Она заговорила о поджогахъ и поджигателяхъ. Никого не называя по имени, она придала пожарамъ характеръ оффиціально удостовѣреннаго политическаго событія, съ оттѣнкомъ злодѣйской крамолы. Среди трагическихъ восклицаній, она рѣшилась произнести публично, предъ цѣлой Россіей, слово, которое при данныхъ обстоятельствахъ должно было произвести потрясающее впечатлѣніе: студенты. Несмотря на обильныя краски самобытнаго либерализма, она одна заговорила жаргономъ полицейскихъ протоколовъ и прокурорскихъ бумагъ. Грубо ненавистническая фраза о «коалиціи *изъ нѣмцевъ*» (съ курсивомъ въ оригиналѣ) довершила впечатлѣніе небывалаго легкомыслія. Вотъ въ какомъ положеніи очутилась газета. Дѣятели «Сѣверной Пчелы» должны были оправдаться какъ можно скорѣе передъ общественнымъ мнѣніемъ. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что заключительныя объясненія «Сѣверной Пчелы», писанныя, какъ мы думаемъ, либо самимъ Лѣсковымъ, либо при его ближайшемъ литературномъ участіи, должны были окончательно погубить ея репутацію. Съ прежнею неосторожностью авторъ выдвигаетъ впередъ политическій смыслъ извѣстнаго воззванія того времени. Желая оставаться на почвѣ законности, газета презрительно отзывается «о химерическихъ нуждахъ и потребностяхъ» русскихъ людей. Нѣкоторымъ теченіямъ, которыя вдругъ обнаружились въ образованныхъ классахъ общества, она готова оказать энергическое противодѣйствіе. Но возвращаясь къ вопросу о пожарахъ, газета беретъ назадъ свои слова о поджогахъ и поджигателяхъ, о темныхъ слухахъ, будто-бы распространенныхъ среди народа, потому что здравый умъ публики, растерявшейся въ первыя минуты, постигъ, наконецъ, нелѣпость прежнихъ сказокъ, волновавшихъ столицу нѣсколько дней. Съ прекращеніемъ пожаровъ выяснилось, что распространеніе зловредныхъ слуховъ можетъ быть объяснено только малою привычкою общества къ самодѣятельности и отсутствіемъ «всякаго регулятора общественнаго мнѣнія». Мысль объ участіи студентовъ въ событіяхъ послѣдняго времени слѣдуетъ отбросить съ негодованіемъ. «Грѣшно, безбожно думать на студентовъ!»—восклицаетъ газета. При очевидной хитросплетенности этихъ объясненій, газета должна была воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы еще разъ заговорить о пожарахъ. Въ печати раздавались негодующіе голоса. Было ясно, что въ разсужденіяхъ о петербургскихъ пожарахъ «Сѣверная Пчела» вышла на очень скользкую дорогу. Если, при добросовѣстномъ чтеніи, газету и нельзя было упрекнуть въ политическомъ доносительствѣ и подстрекательствѣ, то не подлежало, однако, сомнѣнію, что ея неосторожное поведеніе должно было создать и создало переполохъ въ интеллигентнѣйшихъ кругахъ столицы, что оно должно было вызвать недоумѣніе властей, которыя, по собственному сознанію «Сѣв. Пчелы», вовсе не нуждались въ помощи со стороны общества при исполненіи чисто полицейскихъ обязанностей. Обращаясь къ бюрократическимъ канцеляріямъ съ просьбою о различныхъ объясненіяхъ, газета обнаружила

непониманіе своей литературной задачи. Было очевидно, что сотрудники «Сѣверной Пчелы», при благонамѣренности своихъ стремленій, незамѣтно для себя, но замѣтно для читающей публики, готовы смѣшать свободную публицистическую дѣятельность съ работою по казеннымъ шаблонамъ. Редакція искала разумныхъ, мѣткихъ и смѣлыхъ объясненій, которыя могли-бы сразу облегчить ея полемику съ многочисленными врагами, возбудить къ ней довѣріе читающей публики. Но такія объясненія какъ-то не приходили въ голову. Статьи, написанныя съ нѣкоторымъ задоромъ, обнаруживали знакомство съ народомъ, съ условіями русской жизни, но показывали при этомъ отсутствіе нравственной стойкости, раздраженную нетерпимость по отношенію къ мечтаніямъ и надеждамъ, которыми жили многіе русскіе люди. Желая оправдаться передъ обществомъ, газета своими длинными разсужденіями охранительнаго характера окончательно отрывалась отъ общелиберальнаго духа господствующихъ партій. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, что писала «Сѣверная Пчела» въ пространной статьѣ, напечатанной 13 іюня 1862 года. Оглядываясь назадъ, на событія прошедшихъ двухъ недѣль, она высказываетъ много общихъ сужденій, имѣющихъ теоретическій характеръ. Разсказы о поджигателяхъ, ею же распространенные въ публикѣ, она теперь считаетъ смѣшными до уродливости. Дорожа судомъ исторіи, она считаетъ своимъ долгомъ отмѣтить въ событіяхъ черту, не ускользнувшую отъ ея бдительнаго вниманія. Пожары показали, пишетъ она, что народъ относится очень непріязненно къ охотникамъ до безпорядковъ, что онъ не довольствуется «законными мѣрами преслѣдованія подозрѣваемыхъ въ поджигательствѣ», что, разъярившись, онъ бьетъ безъ суда и расправы. Чтобы дать понять, до какой степени справедливы ея обобщенія, газета разсказываетъ о томъ, что происходило на Мытнинской площади 31 мая во время исполненія приговора надъ офицеромъ Обручевымъ. Когда въ народѣ распространились слухи, что Обручевъ сдѣлалъ политическое покушеніе, толпа стала выражать звѣрское желаніе, чтобы ему отрубили голову или наказали кнутомъ, или, по крайней мѣрѣ, повѣсили на позорномъ столбѣ внизъ головой. «Нѣтъ основанія сомнѣваться, заявляетъ газета, что покушеніе, приписываемое народомъ осужденному, имѣло крайнее значеніе, и потому выражалось крайними-же заявленіями». Несмотря на грамматическую неясность этой фразы, смыслъ ея не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, въ связи съ послѣдующими строками, гдѣ съ оттѣнкомъ угрозы доказывается, что по народнымъ понятіямъ «нѣтъ политическихъ преступленій, а есть убѣжденіе въ справедливости кроваваго возмездія за кровавыя покушенія». Но не эта потребность народа въ зрѣлищахъ кроваваго возмездія приводитъ въ смущеніе нервную редакцію «Сѣверной Пчелы». Продолжая сообщать о томъ, какъ исполненъ былъ приговоръ надъ офицеромъ Обручевымъ, газета рѣшается послать упрекъ толпѣ только за дикій хохотъ, которымъ она разразилась, когда на осужденнаго надѣли арестантскую свитку и шапку, опустившуюся ниже глазъ.

«Этотъ хохотъ есть единственный поступокъ, пишетъ она, въ которомъ народъ, стоявшій 31 мая на площади, долженъ принести сердечное раскаяніе». Въ заключеніе своей статьи газета заступается за студентовъ и поляковъ, подозрѣваемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ, и нѣсколькими тонкими штрихами, обличающими литературную манеру Лѣскова, юмористически обрисовываетъ наивную склонность русской публики ко всякимъ запретительнымъ актамъ при тѣхъ или другихъ общественныхъ и частныхъ катастрофахъ. «Каждый удивляется, говорится подъ самый конецъ статьи, какъ чего-нибудь не запрещаютъ. Одни говорятъ, что надо запретить погорѣвшимъ разрывать пожарища, другіе, что надо запретить ѣздить по погорѣлымъ мѣстамъ, — просто, какъ будто всѣмъ только *и думки*, какъ-бы что-нибудь запретить другъ другу! Страсть къ запрещеніямъ охватываетъ такъ, что во время самаго сильнаго пожара находились люди, которые запрещали входить въ переулокъ, который имъ вздумалось считать себѣ подвѣдомымъ»...

Такова заключительная статья «Сѣверной Пчелы» по вопросу о пожарахъ.

Разобравшись въ документахъ, теперь уже всѣми забытыхъ, мы должны сдѣлать нѣсколько выводовъ съ тѣмъ историческимъ безпристрастіемъ, къ которому «Сѣверная Пчела» взывала въ передовой статьѣ № 157. Ясно до очевидности, что замѣтка Лѣскова, которою начинается эта печальная исторія съ петербургскими пожарами, представляла и въ литературномъ, и въ политическомъ отношеніи поступокъ неосторожный, необдуманный, не взвѣшенный съ надлежащею серьезностью. Выйти на многолюдную площадь въ тревожную для столицы минуту и съ таинственнымъ видомъ заговорить о поджигателяхъ, крамолѣ, о злодѣяхъ, желающихъ разрушить весь государственный строй Россіи, — заговорить съ драматическими жестами дурнаго тона, значило, безъ сомнѣнія, совершить великую безтактность по отношенію къ обществу и печати. При такихъ обстоятельствахъ каждая двусмысленная фраза можетъ вызвать опасныя соціальныя бури и произвести катастрофу. Такой человѣкъ, какъ Лѣсковъ, ни въ началѣ, ни подъ конецъ своей литературной карьеры не былъ способенъ на дѣяніе, имѣющее хотя-бы самое отдаленное отношеніе къ тому, что называется политическимъ доносомъ. Но въ ту минуту, когда онъ писалъ свою злосчастную статью для «Сѣверной Пчелы», онъ неумышленно, однимъ громогласнымъ заявленіемъ о существующихъ въ народѣ слухахъ создавалъ терроръ по отношенію къ образованнымъ классамъ петербургскаго общества. Растерянно взывая къ помощи квартальныхъ надзирателей, Лѣсковъ измѣнялъ призванію свободной публицистики, которая никогда не отождествляетъ своей задачи съ обязанностями оффиціальныхъ учрежденій. Нельзя было удержаться отъ недоумѣнія, смѣшаннаго съ негодованіемъ, при чтеніи этихъ длинныхъ статей, въ которыхъ «Сѣверная Пчела» проситъ и умоляетъ начальство придти на

помощь перепуганному населенію столицы,—какъ будто могло быть сомнѣніе въ томъ, что органы, не имѣющіе никакого иного дѣла, кромѣ внѣшняго блюстительства, не забудутъ своихъ обязанностей въ рѣшительную минуту. Сдержанный Бенни, агитаторъ съ европейскимъ воспитаніемъ, собиралъ волонтеровъ, взывалъ къ самодѣятельности общества, ставилъ толпу на мѣсто полиціи, а взволнованный Лѣсковъ хлопоталъ о томъ, чтобы полиція аккуратно исполняла то, что ей предписано точнѣйшимъ образомъ разными общими и административными узаконеніями. Браня съ ожесточеніемъ всѣхъ, кто склоненъ къ «химерическимъ мечтаніямъ», Лѣсковъ невольно ставилъ оппонентовъ «Сѣверной Пчелы» въ положеніе неудобное и опасное при всеобщемъ замѣшательствѣ. Вмѣсто простыхъ разсужденій съ изысканіемъ причинъ постигшаго столицу бѣдствія, газета занялась ненужными и невозможными разсужденіями о «молодой Россіи». Излагая свои мысли о пожарахъ, газета не имѣла права угрожать кому-бы то ни было народнымъ самосудомъ. Потерявъ хладнокровіе, редакція «Сѣверной Пчелы» не только не оказала никакой услуги русскому обществу, но своими статьями могла содѣйствовать только продолженію общей сумятицы, ничего не измѣняя къ лучшему, ничего не освѣщая и не объясняя. Все это было понято всѣми органами тогдашней печати. «Искра» негодовала открыто, громко, и несмотря на нѣкоторую преувеличенность полемическихъ выраженій, ея нападки на «Сѣверную Пчелу» по настоящему вопросу кажутся намъ справедливымъ протестомъ противъ очевидной, грубой и опасной безтактности. Въ нѣсколькихъ номерахъ сатирическая газета, не называя имени Лѣскова, бросаетъ мѣткія стрѣлы въ автора статей, напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Лѣсковъ придалъ широкую извѣстность темнымъ слухамъ о поджигателяхъ, но во время общественныхъ бѣдствій, справедливо замѣчаетъ «Искра», не слѣдуетъ печатать никакихъ слуховъ,—ни слуховъ какого-нибудь маленькаго кружка, ни слуховъ достовѣрно общихъ. «Сѣверная Пчела» сообщала, что народная масса ставитъ поджоги въ связь съ прокламаціею къ молодой Россіи, но, основательно замѣчаетъ «Искра», такая мысль могла возникнуть только среди интеллигентныхъ людей, а не въ сѣрой толпѣ, необученной никакой грамотѣ. Эта мудрая мысль, соединившая пожары съ прокламаціями, могла родиться только въ интеллигентной головѣ и тамъ-же должна была остаться на вѣки, потому что оглашать ее посредствомъ печати значило придавать ей не только логическую, но и фактическую достовѣрность, на что газета не имѣла ни малѣйшаго права. Отрекшись въ № 151 отъ собственныхъ заявленій, предположеній и хитроумныхъ истолкованій, «Сѣверная Пчела» неумѣстно для себя заговорила о томъ, что общество растерялось при первыхъ извѣстіяхъ о пожарахъ. Но должно считать за несомнѣнную истину, обязательную для всякаго, кто обращается къ обществу съ печатнымъ словомъ, что на публичную арену надо выходить въ полномъ

логическомъ вооруженіи, не теряясь, не краснѣя, не жестикулируя съ напускнымъ изступленіемъ, ни на одну минуту не забывая отвѣтственнаго положенія свободнаго глашатая истины. Если дѣятели «Сѣверной Пчелы», узнавъ о пожарахъ, потеряли необходимое душевное равновѣсіе, они должны были закрыть газету на время, пока бѣлая горячка обывательскаго возбужденія не исчезнетъ окончательно. Растерявшись и раструбивъ на цѣлую Россію таинственные, темные слухи о поджигателяхъ, о какихъ-то прокламаціяхъ, газета водворяла хаосъ среди своихъ еще болѣе растерявшихся читателей, пугала ихъ призраками политическихъ покушеній, требующихъ кровавыхъ возмездій—по народному взгляду на государственныя преступленія. «Безбожно думать на студентовъ»,—восклицала «Сѣверная Пчела». Но, спрашивается, зачѣмъ газета, не вѣря кѣмъ-то распущеннымъ слухамъ, легкомысленно произнесла это зажигательное слово: студенты? Газета писала, какъ мы видѣли выше, о «неизвѣстной коалиціи изъ нѣмцевъ», грабящихъ дома во время пожаровъ! *Неизвѣстная* коалиція *изъ нѣмцевъ*,—какая странная логика объяснимая только растерянностью тогдашнихъ публицистовъ «Сѣверной Пчелы». Но оставляя вопросъ о логикѣ, позволительно спросить заодно съ тѣми, которые въ 1862 году громко негодовали на эту скверную выходку газеты: какъ могли рѣшиться люди съ умомъ заговорить словами, которыя въ невѣжественной толпѣ должны были распалить низменныя страсти? Не одна только «Искра» оцѣнила по достоинству странную фразу газеты о «неизвѣстной коалиціи изъ нѣмцевъ». Довольно извѣстные нѣмцы, издававшіе въ то время «Petersburger Zeitung», взбѣшенные поступкомъ «Сѣверной Пчелы», потребовали отъ нея объясненій въ тонѣ справедливаго негодованія.

Вотъ какъ разыгралась исторія съ пожарами, неловко затѣянная талантливой рукой Лѣскова. Неожиданно для себя газета, проникнутая благонамѣренными тенденціями, оказалась въ двусмысленномъ положеніи и передъ обществомъ, и передъ другими столичными литературными дѣятелями. Однако, серьезные люди, которые никогда не переводились въ русскомъ обществѣ, негодовали, пожимали плечами, недоумѣвали, можетъ быть, не щадили Лѣскова въ личныхъ словесныхъ объясненіяхъ, но никогда откровенно не обвиняли ни его, ни редакцію въ намѣренномъ подстрекательствѣ полиціи на студентовъ. Въ суматохѣ полемической борьбы, къ которой, по обыкновенію, пристали и мелкіе литературные пустоплясы, эта убійственная сплетня распространилась сама собой съ необычайной быстротой. Откликаясь на пикантный скандалъ, версификаторы раскричали эту сплетню съ непритворною радостью. «Люблю *Пчелы* я листъ большущій и *сикофантовъ* въ ней люблю!»—восклицаетъ Владиміръ Монументовъ въ стихотворномъ диѳирамбѣ «современной русской прессѣ», напечатанномъ 28-го іюня 1862 г. въ «Искрѣ». Сикофантъ—несправедливое, дерзкое слово, брошенное по адресу почтенной газеты, на которое Лѣсковъ, при громадномъ превос-

ходствѣ таланта и сознаніи своего политическаго благомыслія, не могъ въ то время отвѣтить съ негодованіемъ оскорбленной невинности. Сдѣлавъ безтактность, онъ самъ поставилъ себя подъ стрѣльбу нечистыхъ газетныхъ клеветниковъ. Вообще должно сказать, что газета не обнаружила ни ума, ни таланта въ полемикѣ съ органами печати, возмущенными ея поступкомъ. Отвѣчая «Искрѣ» безъ малѣйшаго самообладанія, она разсказываетъ смѣшные анекдоты, повторяетъ затверженную логику своихъ старыхъ статей, надрывается въ безплодныхъ попыткахъ бросить въ противника остроумнымъ словцомъ, но къ прежнимъ соображеніямъ не прибавляетъ ни единаго простого и убѣдительнаго довода. Такой именно характеръ имѣетъ передовая статья, напечатанная 23-го іюня 1862 года. Черезъ нѣсколько дней появилось и длинное возраженіе анонимнаго фельетониста по поводу «неизвѣстной коалиціи изъ нѣмцевъ». Новая статья его отличается площадною грубостью. Съ необузданною пылкостью авторъ накидывается на петербургскую нѣмецкую газету. «Есть въ Петербургѣ невинная газетка, пишетъ онъ, доставляющая не мало удовольствія колбасникамъ, булочникамъ, сапожникамъ и другимъ почтеннымъ ремесленникамъ изъ нѣмцевъ». Что побудило эту невинную газетку, прибавляетъ онъ черезъ нѣсколько строкъ, метать въ «Сѣверную Пчелу» «гнилые перуны, скованные изъ ржаваго чухонскаго желѣза молоточкомъ нѣмецкой работы?» Остроумный фельетонистъ готовъ оказать уваженіе «германской націи», но онъ не хочетъ пощадить «пришельцевъ», которые, «найдя кровъ и пищу въ гостепріимной странѣ нашей», занимаются воровствомъ. По его убѣжденію, честные нѣмцы не могли оскорбиться его фельетономъ—честные нѣмцы, «живущіе подъ сильнымъ кровомъ великаго русскаго народа, пріютившаго ихъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ». Такими и подобными словами, обличающими высокую степень національнаго самочувствія, «Сѣверная Пчела» могла только усилить негодованіе въ мыслящихъ людяхъ. Газета должна была потерять кредитъ и довѣріе во всѣхъ слояхъ общества. Сдѣлавъ очевидную неловкость, она не съумѣла потомъ, въ полемической перестрѣлкѣ съ оппонентами, дать почувствовать чистоту и благородство своихъ публицистическихъ намѣреній. Съ каждой новою статьею она сама забивала себя въ темный уголъ русской прессы, сама создавала цѣлыя тучи недоразумѣній, изъ которыхъ никогда не могла выйти съ честью.

Черезъ много лѣтъ самъ Лѣсковъ разсказалъ въ печати о томъ, какую роль онъ игралъ въ исторіи съ пожарами. Но испытавъ многочисленныя непріятности и огорченія упорной журнальной травли, онъ придалъ своему разсказу нѣкоторыя невѣрныя черты. До послѣднихъ дней жизни въ немъ кипѣла мстительная страсть по отношенію къ людямъ, которые обезславили первыя проявленія его литературнаго таланта. Побѣждая болѣзненную одышку, онъ горячо и долго говорилъ о своемъ участіи въ «Сѣверной Пчелѣ», когда однажды петербургскій фельетонистъ Буренинъ, съ привычною безцеремонностью, по-

вторилъ знаменитую сплетню о подстрекательствѣ на студентовъ. Въ злыхъ глазахъ его вспыхивали тревожные огоньки. Старая неловкость никогда не переставала мучить его совѣсть. Бесѣдуя о пожарахъ, Лѣсковъ почти невольно обходилъ молчаніемъ наиболѣе опасные пункты, а выдвигалъ впередъ ничтожныя обстоятельства. Въ немъ не было нравственныхъ силъ для открытаго покаянія и прямодушнаго объясненія. Даже въ обществѣ людей, которые горячо любили его удивительный талантъ и превыше всякихъ недоразумѣній ставили его художественную дѣятельность, у него не хватало силы духа для обезоруживающей откровенности. Ошибка, сдѣланная въ молодые годы, какъ-бы сжилась съ его душой. Не довѣряя журнальнымъ судьямъ Россіи и по натурѣ не склонный къ правдивымъ откровенностямъ, онъ предпочиталъ постоянную самозащиту, со всѣми ея крайностями, съ запальчивою и горячею полемикою, нравственнымъ выгодамъ вдохновеннаго самообличенія. Повторяемъ, въ его разсказѣ о литературныхъ событіяхъ 1862 года есть неточности, которыхъ мы не стали-бы отмѣчать, еслибы въ нихъ не рисовалась до извѣстной степени душа Лѣскова, скрытная и подозрительная, временами склонная къ боязливому заметанію старыхъ слѣдовъ. Не желая понести всю отвѣтственность за статью, напечатанную въ № 143 «Сѣверной Пчелы», онъ разсказываетъ, ничѣмъ не подтверждая свои слова, что Артуръ Бенни былъ на ея сторонѣ, одобрялъ общее мнѣніе редакціи, рѣшившей огласить темные слухи о поджигателяхъ. Статья эта была напечатана «съ общаго согласія», настойчиво подчеркиваетъ Лѣсковъ. Но внимательно прочитавъ два письма самого Артура Бенни, напечатанныхъ въ №№ 143 и 146 «Сѣверной Пчелы», мы не нашли въ нихъ ни единаго неосторожнаго слова ни о народѣ, ни о поджигателяхъ, ни о прокламаціяхъ. При полной распущенности всѣхъ другихъ писаній газеты на тему о пожарахъ, только эти два письма отличаются безукоризненною осторожностью выраженій. Ни единаго произвольнаго обобщенія, ни малѣйшаго политическаго оттѣнка въ нихъ нѣтъ. Бенни говоритъ только о волонтерахъ, только о томъ, что общество должно, не взирая на усердіе петербургской полиціи, добиться возможности собственными руками оберегать и тушить горящіе дома. Ничего другого нельзя вычитать въ этихъ простыхъ письмахъ, отражающихъ, какъ и прочія его работы, сдержанный умъ и благородный характеръ Артура Бенни. Затѣмъ, переходя къ собственной своей статьѣ, Лѣсковъ слѣдующимъ образомъ приводитъ ее «отъ слова до слова»: «Во время пожара въ толпахъ народа слышались нелѣпыя обвиненія въ поджигательствѣ противъ людей извѣстной корпораціи. Не допуская ни малѣйшаго основанія подобнымъ слухамъ, мы полагаемъ, что, для прекращенія ихъ, полиція столицы обязана назвать настоящихъ поджигателей, буде они ей извѣстны». Было сказано, прибавляетъ онъ тутъ-же, «не болѣе, не менѣе, какъ именно то, что здѣсь приводится». А между тѣмъ, если обратиться къ знаменитой статьѣ Лѣскова, занимающей два газетныхъ столбца, мы

не найдемъ въ ней этихъ простыхъ и твердыхъ словъ. Очевидно, авторъ приводитъ ихъ на память, даже не справляясь съ текстомъ, напечатаннымъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Здѣсь нѣсколько строкъ съ невиннымъ содержаніемъ, а тамъ таинственные намеки, выраженные съ лихорадочнымъ возбужденіемъ, среди хаоса консервативнаго краснорѣчія. Наконецъ, еще одна курьезная подробность. Сообщая о полемикѣ тогдашнихъ газетъ противъ «Сѣверной Пчелы», Лѣсковъ пишетъ: «Всегда отличавшаяся близорукостью и полнымъ отсутстіемъ политическаго такта, сатирическая газета *Искра* хохотала надъ этой затѣею учредить волонтеровъ, и мало того, что издѣвалась надъ нею въ прозѣ и стихахъ, она еще рисовала Бенни разъѣзжающимъ на пожарной трубѣ, вмѣстѣ съ другими сотрудниками *Пчелы*, которые не принимали въ этихъ хлопотахъ Бенни ни малѣйшаго непосредственнаго участія». Но, во-первыхъ, «Искра» совсѣмъ почти не хохотала надъ сотрудниками «Сѣверной Пчелы», а откровенно негодовала на нихъ—не въ стихахъ, а въ прозѣ, какъ мы видѣли выше. Кромѣ двухъ приведенныхъ строкъ Владиміра Монументова, мы не нашли въ «Искрѣ» 1862 года никакихъ другихъ издѣвательскихъ версификацій по адресу опрометчивой газеты. Во-вторыхъ, въ «Искрѣ» нѣтъ той карикатуры, о которой упоминаетъ съ насмѣшкою Лѣсковъ. Въ № 26 помѣщено забавное «пугало, созданное воображеніемъ Сѣверной Пчелы», художника Степанова. Отвратительная фурія съ кинжаломъ въ правой рукѣ и пылающимъ факеломъ въ лѣвой, утвердившись на деревянной палкѣ, что-то кричитъ трусливо извивающемуся передъ нею человѣку, съ тонкими ногами пчелы и съ лицомъ, напоминающимъ одного изъ сотрудниковъ растерявшейся газеты. Подъ карикатурой — три шутливыхъ строки о молодомъ поколѣніи и пожарной командѣ. Другой карикатуры на ту-же тему въ «Искрѣ» нѣтъ. Лѣсковъ забылъ, что упомянутое имъ изображеніе сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы» находится въ № 22 сатирическаго листка «Гудокъ» 1862 г. Одиннадцать сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы» ѣдутъ, въ видѣ пожарныхъ волонтеровъ, на колесницѣ, везомой тремя ослами. Отдѣльно отъ нихъ, на четвертомъ ослѣ, скачутъ два другихъ сотрудника газеты, изъ которыхъ одинъ, переодѣтый арлекиномъ, держитъ въ правой рукѣ длинный багоръ для ловли поджигателей. Шутливо отстрѣливаясь отъ этой карикатуры, «Сѣверная Пчела» писала, что ея сотрудники изображены пожарными волонтерами, ѣдущими на колесницѣ, «везомой редакціей *Русскаго Міра*». Но «Гудокъ» не оставилъ этого юмористическаго замѣчанія газеты безъ отвѣта, и въ № 25 объявилъ редакціи «Сѣверной Пчелы», что, рисуя трехъословъ, авторъ карикатуры не имѣлъ въ виду ничьихъ личностей, а желалъ олицетворить въ нихъ «убѣжденія, направленіе и стремленіе» газеты, писавшей въ извѣстномъ тонѣ о пожарахъ. Четвертый осликъ понадобился для самостоятельнаго намека, который можетъ быть понятъ только сотрудниками «Сѣверной Пчелы».

Несмотря на острую память и привычку передумывать дѣла минув-

шихъ дней, Лѣсковъ многое забылъ и смѣшалъ въ событіяхъ, связанныхъ съ его участіемъ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1862 года.

III.

Когда Лѣсковъ напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» свою статью о пожарахъ, онъ не былъ уже новичкомъ въ литературѣ. Близко знакомый съ разными бытовыми сторонами русской жизни, онъ иногда помѣщалъ интересныя замѣтки въ такихъ изданіяхъ, какъ «Указатель Экономическій», «Отечественныя Записки», «Книжный Вѣстникъ» и др. въ теченіи 1860 и 1861 годовъ. Вступая постояннымъ сотрудникомъ въ редакцію «Сѣверной Пчелы», Лѣсковъ, помимо обширнаго знанія, могъ сослаться на свои прежнія работы, которыя охотно принимались и печатались въ названныхъ журналахъ. Тонкая, чуткая натура, Лѣсковъ умѣлъ откликаться на вопросы дня. Его волновала современность съ ея гражданскими реформами и броженіемъ умовъ на огромномъ пространствѣ Россіи, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды. Но не будучи ни по духу, ни по темпераменту естественнымъ сторонникомъ прогрессивнаго лагеря, руководимаго Чернышевскимъ, Лѣсковъ не обладалъ достаточнымъ мужествомъ, чтобы открыто занять свое особое мѣсто въ журналистикѣ. Ни въ одной изъ раннихъ своихъ статей онъ не излагаетъ собственныхъ мыслей въ свободной отъ всякой полемики формѣ. Почти не скрывая своего негодованія, онъ борется съ крайностями журнальнаго либерализма, но при этомъ постоянно отбиваетъ отъ него разныя модныя темы, въ опрометчивомъ разсчетѣ на собственныя умственныя силы и литературный талантъ. Вотъ почему публицистическія статьи Лѣскова, несмотря на обширную освѣдомленность въ житейскихъ дѣлахъ и вопросахъ, не производятъ яснаго и цѣльнаго впечатлѣнія. Обиліе коварныхъ отступленій, оговорокъ и уступокъ, перемежаясь съ тихоструйнымъ краснорѣчіемъ въ обычномъ патріотическомъ стилѣ, должно было возбуждать недовѣріе въ читателяхъ, пріученыхъ къ рѣзкой, яркой и прямолинейной публицистикѣ. Какую-бы тему ни разрабатывалъ Лѣсковъ, онъ постоянно высказываетъ не одно, а два мнѣнія, примиренныя между собою только наружнымъ образомъ. Его дѣйствительное чувство, пробиваясь въ отдѣльныхъ словахъ, исчезаетъ въ туманѣ многочисленныхъ разсужденій, отливающихъ модными цвѣтами. Нигдѣ никакой твердости и логической стройности. Такъ еще въ 1861 году Лѣсковъ напечаталъ въ «Русской Рѣчи» довольно большую статью: «Русскія женщины и эманципація». Если не вникнуть въ смыслъ отдѣльныхъ фразъ, статья эта можетъ показаться либеральнымъ заявленіемъ газеты о солидарности съ новыми стремленіями общества. Многія тирады этой статьи написаны въ духѣ прогрессивной школы того любопытнаго времени. Авторъ защищаетъ настоящую, разумную эмансипацію, съ учеными ссылками на Сѣверо-

американскіе штаты и на извѣстныя разсужденія Дж. Ст. Милля. Не подлежитъ сомнѣнію, что женщина должна получить широкія права и доступъ въ различныя сферы общественной дѣятельности. Но высказываясь такимъ образомъ за «настоящую», «разумную» эмансипацію женщины, Лѣсковъ тутъ-же съ разными предосторожностями льетъ на страницу газеты разлагающій ядъ полемики противъ другихъ поборниковъ женской эмансипаціи. *Они* защищаютъ развратъ, а не эмансипацію, попраніе семейныхъ основъ, ломку священныхъ устоевъ гражданственности. Воюя съ ними, Лѣсковъ хотѣлъ-бы сохранить репутацію солиднаго прогрессиста, не склоннаго ни къ какимъ житейскимъ и умственнымъ утопіямъ. Женщина не должна нарушить «добросовѣстно принятыхъ обязанностей» и, чуждаясь «растлѣвающей пропаганды французскихъ эманципаторовъ», должна свято хранить завѣты семейнаго благонравія. Таковъ въ немногихъ словахъ смыслъ довольно пространной статьи Лѣскова. У автора не хватило смѣлости твердо заявить свой протестъ противъ эмансипаціи. Изловчаясь придать своимъ словамъ особенный характеръ, несходный съ современнымъ либерализмомъ, но тѣмъ не менѣе либеральный по существу, Лѣсковъ не могъ найти настоящихъ доводовъ въ защиту своей довольно банальной мысли. Даже доводы старозавѣтнаго характера, которые, при его талантѣ и особенной манерѣ выражаться, могли-бы показаться самобытными и глубокими, здѣсь—въ соединеніи съ ходячими либеральными фразами—производятъ очень тусклое впечатлѣніе. Для всякаго ясно, что Лѣсковъ не позволяетъ себѣ никакой откровенности, что его настоящая мысль спрятана глубоко отъ либеральнаго читателя, нетерпимаго къ ретроградныхъ сужденіямъ о женскихъ правахъ. Авторъ презираетъ литературные пріемы нѣкоторыхъ журналовъ, но бичуя «шутовство», «гаерство», «паясничество», «некраснѣющую наглость» крайнихъ органовъ, въ другихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Русской Рѣчи», онъ все еще надѣется завоевать сочувствіе либеральной публики. Грязныя руки «съ запачканными ногтями», пишетъ онъ въ статьѣ подъ названіемъ «О замѣчательномъ, но неблаготворномъ направленіи нѣкоторыхъ современныхъ писателей», никого не щадятъ. Каждое новое имя обругивается всякими кличками, которыя журналисты считаютъ «букетомъ живой народной рѣчи». Студенты перестаютъ заниматься, авторитеты попраны. Въ фельетонахъ раздается распущенный идіотическій смѣхъ. Давая такую характеристику господствующему направленію журналистики—характеристику во многихъ отношеніяхъ правдивую, смѣлую, даже при плоскихъ словахъ объ авторитетахъ и студенчествѣ, — Лѣсковъ долженъ былъ разорвать открыто съ либерализмомъ и никогда не заигрывать двусмысленно съ людьми, въ которыхъ онъ самъ порицалъ и преслѣдовалъ именно то, что дѣлало ихъ сильными передъ толпою, героями прогрессивной эпохи. Не приставая ни къ Чернышевскому, ни къ Каткову, онъ могъ-бы явиться носителемъ идей, имѣющихъ право на самостоятельное

существованіе. Но такого независимаго положенія Лѣсковъ, по отсутствію нравственной выдержанности и умственной цѣльности, занять не могъ. Годы шли за годами, смѣнялись событія, а публицистика Лѣскова постоянно сохраняла характеръ внутренней двойственности, производившей впечатлѣніе лицемѣрія и фальши. Его разсужденія о женской эмансипаціи, которая бурно обсуждалась на страницахъ либеральныхъ журналовъ, какъ-то плохо примирялись съ гнѣвными нападками на шутовство, гаерство именно либеральныхъ писателей. Неосторожное обличеніе поджигателей и горячихъ сторонниковъ гражданственныхъ химеръ, не давало ни малѣйшаго права на сочувствіе молодой Россіи, которяя съ энтузіазмомъ рукоплескала сотрудникамъ «Современника» и «Русскаго Слова». Его неумѣренная злоба противъ нигилистовъ, давшая пищу разнымъ сквернымъ толкамъ въ современной журналистикѣ, не могла и не должна была искать себѣ никакихъ путей къ примиренію съ особеннымъ видомъ очищеннаго нигилизма, въ духѣ романа Чернышевскаго. А между тѣмъ Лѣсковъ, не замѣчая фальшивости собственнаго пріема, выступилъ въ 63 году снисходительнымъ истолкователемъ этого характернаго произведенія, въ обширномъ фельетонѣ, написанномъ неряшливо, отрывочными фразами, безъ малѣйшей умственной послѣдовательности и безъ нравственнаго изящества. Разсказывая исторію нигилизма, авторъ сообщаетъ, что «рудинствующіе импотенты» замѣнились теперь «импотентами базарствующими». Это люди, которые всѣмъ надоѣли своими «гадостями». Грубая, ошалѣлая и грязная толпа, нигилисты исказили здоровый типъ Базарова и «опрофанировали идеи нигилизма». Идеи нигилизма подвергались профанаціи — это значитъ, что есть настоящій нигилизмъ, который пользуется сочувствіемъ Лѣскова. Понадобилось нѣсколько газетныхъ столбцовъ, чтобы, предавъ поруганію современную толпу, лукаво подойти къ роману Чернышевскаго и выразить ему свое убѣжденное сочувствіе за честное изображеніе настоящихъ нигилистическихъ героевъ. Самый романъ, по мнѣнію Лѣскова, въ художественномъ отношеніи не стоитъ никакого вниманія. Какъ произведеніе искусства, онъ ниже всякой критики. Но Чернышевскій съумѣлъ показать такихъ людей, которые знаютъ, къ чему приложить свои силы въ современномъ русскомъ обществѣ, и за это онъ. Лѣсковъ, писатель съ инымъ умственнымъ кругозоромъ, готовъ принести ему свою горячую благодарность. Но въ нигилистическую толпу авторъ фельетона мечетъ громы и молніи. Это старые типы, пишетъ онъ, — обернувшіеся другою стороной. Это Ноздревы, возбуждающіе отвращеніе въ серьезныхъ людяхъ. Они ничего не признаютъ, ни предъ чѣмъ не останавливаются. Смѣшавъ воедино справедливыя и несправедливыя обвиненія, Лѣсковъ вдругъ упоминаетъ совершенно некстати о поджигателяхъ. Склонный временами къ повторенію старой безтактности, онъ вновь бросаетъ въ общество неосторожныя слова. Весь фельетонъ о Черны-

шевскомъ, съ игрою талантливаго автора на два фронта, кажется намъ новымъ опрометчивымъ въ литературномъ отношеніи поступкомъ. Въ эпоху, которая требовала отчетливыхъ и рѣзкихъ мнѣній, никакія двойственныя разсужденія не могли имѣть успѣха. При этомъ двусмысленное поведеніе Лѣскова принимало иногда довольно широкія размѣры. Только что выступивъ защитникомъ Чернышевскаго, онъ черезъ три недѣли пишетъ сильную полемическую замѣтку, направленную противъ оруженосцевъ Чернышевскаго за ихъ пріемы въ борьбѣ съ Юркевичемъ. Онъ обвиняетъ ихъ въ деспотическихъ притязаніяхъ на литературную неприкосновенность. Разрѣшая себѣ «гаерскую ругню», сотрудники «Современника» хотѣли-бы, чтобы ихъ противники не смѣли обличать матеріализмъ, будто-бы находящійся подъ цензурнымъ запретомъ. «Обижать, бранить человѣка, касаться самыхъ нѣжныхъ струнъ его сердца, бросать на него обвиненія въ продажности, въ лакействѣ,—позволительно, терпимо, даже прилично. А назвать вещи ихъ настоящими именами безчестно», восклицаетъ Лѣсковъ. Но возбуждая борьбу съ философскимъ направленіемъ Чернышевскаго, Лѣсковъ не видитъ, что между литературнымъ нигилизмомъ и житейскимъ нѣтъ никакой принципіальной разницы, что одинъ былъ правдивымъ отраженіемъ другого, что оба они стояли на одинаковой умственной высотѣ, что нельзя одновременно осмѣивать общество, восторженно принявшее романъ Чернышевскаго и расхваливать «Что дѣлать», въ которомъ это общество увидѣло правдивое отраженіе собственныхъ гражданственныхъ идей и стремленій...

Таковы главные моменты въ публицистической дѣятельности Лѣскова. Какъ сказано выше, мы обошли молчаніемъ множество статей, написанныхъ на разныя текущія темы, потому что въ нихъ не выступаетъ съ такою полнотою индивидуальность Лѣскова, его темпераментъ, внутренняя раздвоенность его натуры. Напротивъ того, разсмотрѣнныя замѣтки перваго литературнаго трехлѣтія Лѣскова обнаружили передъ нами черты крайне характерныя для всей его писательской дѣятельности и чрезвычайно важныя при оцѣнкѣ его художественныхъ работъ.

IV.

Изученіе беллетристической дѣятельности Лѣскова мы начнемъ съ «Соборянъ». По таланту — это одно изъ лучшихъ его произведеній. Нигдѣ художественная изобразительность Лѣскова не достигаетъ такого совершенства, чистоты и ясности, какъ въ этомъ пространномъ сказаніи о жизни русскаго духовенства. Не только главныя фигуры, но даже второстепенныя обрисованы вдохновенно. При этомъ повѣсть проникнута наивнымъ чувствомъ первобытной религіозности, безъ слѣда сектантства или фанатизма, и скорбнымъ юморомъ, который плѣняетъ читателя. Цѣлая драма — тяжелая, житейская — проходитъ передъ глазами, но ни въ единомъ случайномъ эпизодѣ не видно ника-

кой жесткости, или раздражающей рѣзкости. Вскрывая предъ нами своеобразный бытъ русскаго духовенства, Лѣсковъ обливаетъ его мягкимъ свѣтомъ трогательнаго сочувствія, идущаго отъ сердца. Жизнь протопопа Савелія Туберозова развивается на нашихъ глазахъ съ неспѣшною постепенностью, достигая подъ конецъ разсказа высокаго трагизма. Не слышно никакихъ фальшивыхъ звуковъ, потому что писатель вникаетъ осторожно и вдумчиво въ каждую подробность, въ каждую черту, которою онъ отмѣчаетъ характеръ Туберозова, движенія и страсти его благочестиво настроенной души. Можетъ быть, между всѣми фигурами, изображенными Лѣсковымъ въ этомъ и другихъ его произведеніяхъ, фигура протопопа Савелія Туберозова одна изъ самыхъ плѣнительныхъ по красотѣ и прелести ея внѣшнихъ и внутреннихъ достоинствъ. Художникъ явно очарованъ собственнымъ созданіемъ. Какъ бы не желая разстаться съ нимъ, онъ умножаетъ безъ особенной надобности событія и страданія, черезъ которыя должна пройти душа протопопа Туберозова, и повсюду съ необычайною тщательностью отражаетъ тончайшіе переходы его сердечныхъ и умственныхъ настроеній.

Предъ нами русскій священникъ въ идеальномъ образцѣ. Между его внѣшнимъ и внутреннимъ обликомъ чувствуется полное согласіе. Высокаго роста и тучный, отецъ Туберозовъ кажется бодрымъ и подвижнымъ человѣкомъ, несмотря на старые годы. Волосы его, густые и бѣлые, художественно поднимаются «могучимъ чубомъ» надъ его высокимъ лбомъ и тремя крупными волнами падаютъ назадъ, не достигая плечъ. Въ большіе, смѣлые и ясные глаза его, которые никогда не теряютъ способности «освѣщаться присутствіемъ разума», открыто смотритъ прямая и честная душа протопопа. Савелій Туберозовъ бездѣтенъ. Непобѣдимо и спокойно онъ борется съ обстоятельствами жизни, а въ скорбныя минуты огорченій и разочарованій онъ ищетъ опоры только въ двухъ вещахъ: въ невинномъ ласковомъ сочувствіи своей протопопицы и въ безмятежномъ размышленіи наединѣ съ собственной совѣстью. Что-бы ни случилось, онъ послѣ вечерней закуски и молитвы передъ уходомъ на покой дѣлаетъ скромную «нотатку» въ демикотоновой книгѣ, которая сберегла для него пріятныя и горькія воспоминанія его прошедшей жизни. До поздней ночи онъ записываетъ свои впечатлѣнія, побѣждая страсти и призывая на помощь только спокойную, вразумляющую мудрость, чуждую раздраженія и гнѣва. Эта книга знакомитъ насъ со всѣми происшествіями провинціальной жизни, среди которыхъ фигура благочестиваго протопопа кажется прекраснымъ, свѣтлымъ видѣніемъ совсѣмъ иного міра. Приготовляясь раскрыть передъ читателемъ эту книгу, авторъ испытываетъ нѣкоторый священный трепетъ. Будемъ осторожны и деликатны, пишетъ онъ. «Надѣнемъ легкія сандаліи, чтобы шаги ногъ нашихъ не встревожили задумчиваго и грустнаго протопопа, положимъ сказочную шапку-невидимку себѣ на голову, дабы любопытный зракъ нашъ не смущалъ серьезнаго взгляда чиннаго старца, и станемъ имѣть

ши наши отверстыми ко всему, что отъ него услышимъ». Почтительно онъ хочетъ слушать шепотъ его старческихъ устъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта демикотоновая книга, при разнообразіи разсказанныхъ въ ней происшествій и пестротѣ изображенныхъ фигуръ, кажется тихою, смиренною молитвою, обращенною къ небу. Несмотря на горячность вѣры, оскорбленной въ своихъ правахъ, нигдѣ не слышно шумной борьбы между протопопомъ и властями. Не видно никакихъ взрывовъ фанатической страсти, которыя производятъ почти оскорбительное впечатлѣніе тамъ, гдѣ люди воюютъ не за тѣ или другія земныя блага, не «подъ знаменемъ соціальной свободы», а во имя Бога. При необычайной силѣ сопротивленія могущественнымъ учрежденіямъ, протесты этого «маніакальнаго» протопопа никогда не достигаютъ оскорбительной дерзости, нигдѣ не принимаютъ оттѣнка профаннаго обличенія мірскихъ пороковъ, никогда не притязаютъ на какую-бы то ни было авторитетность. «Вездѣсущій пріялъ и мое недостоинство подъ свою десницу», говоритъ онъ себѣ послѣ чудесной проповѣди въ церкви, которая вызвала слезы умиленія въ слушателяхъ. Съ глубокимъ сочувствіемъ онъ намекнулъ на человѣка, который тутъ-же стоялъ въ толпѣ и слушалъ его проповѣдь. Не гоняясь за величавыми образами геройской добродѣтели, онъ вывелъ въ рѣчи единаго отъ малыхъ и добродушно излилъ на него свое вдохновенное краснорѣчіе. Но этотъ единый отъ малыхъ смутился отъ неожиданной похвалы и незамѣтно исчезъ изъ церкви. Тогда вдохновенному протопопу показалось, что онъ недостойно повелъ себя въ такую торжественную минуту. Смиренная скромность невѣдомаго человѣка изъ толпы, отвернувшаго лицо отъ свѣта похвалъ, возбудила въ немъ на одно мгновеніе тихій экстазъ молитвеннаго огорченія. Достопочтенные и именитые сограждане, собравшіеся послушать благочестивую проповѣдь, должны простить его за то, что не «стратига превознесеннаго» вспомнилъ онъ въ своей бесѣдѣ, но единаго отъ малыхъ. Онъ одинъ отвѣчаетъ за ихъ смущеніе и недоумѣніе, зане «грѣшный попъ Савелій, назирая сего малаго, не разъ чувствовалъ, что самъ онъ предъ нимъ не іерей Бога вышняго, а въ ризахъ сихъ, покрывающихъ мое недостоинство—гробъ повапленный». Этимъ смиреніемъ протопопъ Савелій проникнутъ насквозь. Какъ-бы далеко ни заходилъ онъ въ сопротивленіи оффиціальнымъ людямъ, слова и помыслы его остаются всегда свѣтлыми и чистыми, какъ хрусталь. Почти не видно самой личности протопопа, хотя она обрисована Лѣсковымъ съ мельчайшими подробностями и художественнымъ мастерствомъ высокаго достоинства. Описана его походка, фигура, лицо, глаза, даже костюмъ, даже отдѣльныя характерныя для него привычки, и при всемъ томъ на первомъ планѣ нѣчто другое, почти заслоняющее протопопа Савелія, какая-то едва уловимая правда, которая звенитъ въ каждомъ его словѣ и слышна въ цѣломъ строѣ его жизни. Почти геніальное искусство участвовало въ созданіи этой фигуры, но какъ произведеніе, воплотившее великую мысль, оно

не возбуждаетъ никакихъ вопросовъ о техническомъ талантѣ автора. Черты индивидуальности, доведенныя до настоящаго совершенства, исчезаютъ, чтобы не мѣшать главнымъ стремленіямъ и намѣреніямъ автора—открыть и показать читателю человѣческую душу въ ея волненіяхъ и смятеніяхъ. Какъ совершенная красота, внѣшній обликъ протопопа Савелія производитъ обаятельное дѣйствіе своимъ духовнымъ содержаніемъ,—не отдѣльными подробностями, а тѣмъ, что оживляетъ эти подробности, придаетъ имъ высокій смыслъ, озаряетъ ихъ свѣтомъ мягкимъ и нѣжнымъ. Но нигдѣ, можетъ быть, талантъ Лѣскова не достигаетъ такой красоты, какъ въ описаніи семейной жизни протопопа. Трогательная любовь протопопицы къ своему мудрому супругу передана съ благоуханнымъ изяществомъ, и по великолѣпію поэтическихъ подробностей должна занять мѣсто рядомъ съ лучшими романическими описаніями въ европейской литературѣ. Кроткая протопопица производитъ почти волшебное впечатлѣніе. Но обрисовавъ въ деталяхъ эту чудесную фигуру, Лѣсковъ и здѣсь таинственно отвлекаетъ вниманіе читателя отъ очаровательныхъ внѣшнихъ подробностей къ тому, что вѣетъ надъ ними, освѣщаетъ ихъ съ высоты, въ нихъ проявляется, ими производитъ простыя чувственныя впечатлѣнія. Ни на одну минуту мы не перестаемъ слѣдить за развитіемъ одной большой, сверхчувственной правды, которая невидимыми путями приближается къ намъ и неслышно плѣняетъ нашу душу. Идеальныя чувства наглядно выступаютъ въ отношеніяхъ супруговъ. Когда протопопъ возвратился изъ церкви послѣ названной проповѣди, протопопица встрѣтила его на порогѣ съ букетомъ изъ рѣчной лиліи и садоваго левкоя. «Ну, еще-ли не коварная послѣ этого ты женщина, Наталія Николаевна?»—сказалъ онъ ей. Но она шутливыми словами протопопа не обидѣлась: понявъ его намекъ, она обняла протопопа и тихо и горько заплакала. «Да, токмо рѣчною лилеею и садовымъ левкоемъ встрѣтило меня въ этотъ день ея отверстое въ любви и благоволеніи сердце! Въ тихой грусти, оба бездѣтные, сѣли мы за чай, но былъ то не чай, а слезы наши растворялись намъ въ питіе... Наташа послѣ открылась, что она какъ-бы слышала нѣкое обѣтованіе черезъ ангела, и я хотя понималъ, что это плодъ ея доброй фантазіи, но оба мы стали радостны, какъ дѣти». Нѣсколько разъ мы встрѣчаемъ въ демикотоновой книгѣ этотъ нѣжный штрихъ, которымъ передается семейная печаль протопопа и протопопицы. Уже привыкнувъ въ теченіи многихъ лѣтъ къ ошибочнымъ предвосхищеніямъ своей протопопицы, отецъ Савелій, однако, волнуется слегка при каждомъ новомъ ея намекѣ. Съ оттѣнкомъ меланхолической горечи онъ заноситъ постоянно краткія потатки о томъ, что протопопица опять и опять обманулась и обманула вспыхнувшую въ немъ надежду. «Попадья Наталья Николаевна намекнула мнѣ, что она чувствуетъ себя не порожнею. Подай, Господи, намъ сію радость!» Но уже черезъ нѣсколько дней онъ заноситъ новую потатку о томъ, что протопопица ошиблась. Слушая его

проповѣдь въ церкви, протопопица даетъ торжественный обѣтъ пѣшкомъ идти въ Кіевъ, если почувствуетъ себя въ тягости. Но предвидя будущія затрудненія и опасности пѣшеходнаго путешествія, протопопъ собирается на рукахъ понести свою протопопицу, когда она будетъ уставать. Слѣдуютъ новыя трогательныя нотатки, которыхъ нельзя читать безъ умиленія. Наконецъ, еще одна нотатка, въ которой простота и наивность, смѣшанныя съ глубокимъ цѣльнымъ чувствомъ, достигаютъ возможнаго въ художественномъ изображеніи совершенства. Какъ-бы отчаявшись въ своихъ надеждахъ, протопопица готова найти себѣ и протопопу иное утѣшеніе въ этомъ дѣлѣ. Съ превосходною скромностью и «со всею женскою кокетеріею» она вдругъ стала коварно обольщать протопопа воспоминаніями о его минувшей юности. Мало-ли что случается. Не было-ли у протопопа гдѣ-нибудь на сторонѣ незаконнаго ребенка. Она его отыщетъ, потому что она его любитъ и жалѣетъ. Дѣлая эту безподобную нотатку, протопопъ, обыкновенно смиренный и скромный въ изложеніи своихъ чувствъ, уже не заботится о словахъ. Настоящая нотатка можетъ записаться такъ, какъ случится. «Какое благодушіе!—восклицаетъ онъ.—Я, какъ ужаленный слѣпнемъ волъ, сорвался съ своего мѣста, бросился къ окну и вперилъ глаза мои въ небесную даль, чтобы даль одна видѣла меня, столь превзойденнаго моею женою въ добротѣ и попеченіи». Но неугомонная протопопица легкой поступью подошла къ нему и, положивъ на его плечи свои малыя лапки, сказала:

— Вспомни, голубь мой: можетъ быть, гдѣ-нибудь есть тотъ голубенокъ и, если есть, пойдемъ и возьмемъ его!

Тогда потрясенный до глубины души протопопъ палъ передъ протопопицей на колѣни и, поклонившись ей до земли, зарыдалъ тѣмъ рыданіемъ, которому «нѣтъ на свѣтѣ описанія». «Да и вправду,—продолжаетъ вспоминать и разсуждать въ своей нотаткѣ благочестивый протопопъ,—повѣдайте мнѣ, времена и народы, гдѣ, кромѣ святой Руси нашей, родятся такія женщины, какъ сія добродѣтель? Кто ее всему этому училъ? Кто ее воспитывалъ, кромѣ Тебя, всеблагій Боже, который далъ ее недостойному изъ слугъ Твоихъ, дабы онъ могъ ближе ощущать Твое величіе и благость?..» Здѣсь въ дневникѣ отца Савелія почти цѣлая страница была залита чернилами и внизу этого чернильнаго пятна начертаны, между прочимъ, слѣдующія слова: «Ни пятна сего не выведу и нѣкоей нескладицы и тождесловія, которыя въ послѣднихъ строкахъ замѣчаю, не исправлю. Пусть все такъ и останется, ибо все, чѣмъ сія минута для меня обильна, мило мнѣ въ настоящемъ своемъ видѣ и таковымъ должно сохраниться». Нотатка записалась такъ, какъ велѣлъ Богъ. Не будучи въ силахъ сразу излить свои чувства, протопопица не перестаетъ донимать своего протопопа. Отложивъ на минуту попеченіе о дѣтяхъ, она сама превращается въ игриваго ребенка. Какъ кошка, она ластится къ протопопу, заигрываетъ съ нимъ и, не желая заснуть

безъ обычнаго поцѣлуя, изъ другой комнаты дразнитъ благочестиваго протопопа разными утонченно кокетливыми выдумками. Когда, наконецъ, протопопъ, догадавшись въ чемъ дѣло, готовъ подняться съ мѣста, въ комнатѣ протопопицы слышится тихій и радостный смѣхъ. «Моя лилейная и левкойная подруга! восклицаетъ протопопъ. Моя роза бѣлая, непорочная, благоуханная и добрая!» Художникъ неистощимъ въ придумываніи отдѣльныхъ подробностей, чтобы придать этимъ двумъ фигурамъ величіе простоты. Окончательно расходясь на покой, протопопъ и протопопица крестятъ одинъ другого одновременно, причемъ руки ихъ, легко и быстро совершая обычное дѣйствіе, ни на секунду не зацѣпляются одна за другую—невинная черта, которая вмѣстѣ съ другими сообщаетъ разсказу нѣкоторую таинственную внушительность. Когда уже подъ конецъ жизни протопопъ, постигая страданія своей подруги, готовъ пойти на ломку собственныхъ убѣжденій и привычекъ, протопопица останавливаетъ его словами твердыми, несмотря на безграничную нѣжность, которая слышится въ нихъ. «Что ты, что ты! восклицаетъ она.— Тебя-ли мнѣ учить! Ты все знаешь, что къ чему устрояешь!»—почти неожиданная деталь въ жизни бунтливаго протопопа, производящая трагическое впечатлѣніе. Не смиряясь ни предъ чѣмъ, онъ готовъ прекратить борьбу съ людьми при одномъ словѣ протопопицы—такъ безмѣрно велика его любовь. На нѣсколько мгновеній разсказъ Лѣскова, передъ самою развязкою, горитъ небесными красками, какъ крестъ надъ куполомъ церкви въ лучахъ заката. Несмотря на умственное превосходство, протопопъ не чувствуетъ разстоянія между нимъ и протопопицей. Однажды помѣщица Мароа Андреевна Плодомасова, бесѣдуя съ протопопомъ, откровенно сказала ему, что одиночество есть удѣлъ не заурядно умнаго человѣка. «Развѣ твоя жена, говорила она, все понимаетъ, чѣмъ ты, какъ умный человѣкъ, можешь поскорбѣть и поболѣть?» Но мудрый протопопъ, почувствовавъ пронзительную остроту замѣчанія, быстро встрепенулся и твердо возразилъ собесѣдницѣ: «Я съ женою моею счастливъ и люблю ее». Однако, достойная собесѣдница не смирилась и отвѣтила на возраженіе протопопа словами, которыя упали куда-то глубоко въ его душу: «Любишь? насмѣшливо сказала она.—Но ты ее любишь сердцемъ, а помыслами души всетаки одинокъ стоишь. Не жалѣй меня, что я одинока»... Черезъ много лѣтъ протопопъ вспомнилъ слова остроумной помѣщицы. Однажды ночью онъ долго и пространно изливался передъ протопопицей. Говорилъ онъ о вѣрѣ, которая стала улетучиваться изъ общества. Съ просвѣтленнымъ чувствомъ онъ доказывалъ ей, присѣвъ на край ея кровати, свою правоту въ борьбѣ за вѣру. Казалось, что протопопица слушаетъ внимательно. Не встрѣчая никакихъ возраженій, протопопъ приводилъ одно доказательство за другимъ и, разгорячаясь, металъ обличительныя молніи въ своихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. А протопопица не прерывала возвышенныхъ и страстныхъ рѣчей мужа ни однимъ звукомъ. Но вдругъ, по случайному

слову, сказанному ею невпопадъ, взволнованный протопопъ догадался, что онъ говорилъ къ спящему человѣку. По лицу его пробѣжала болѣзненная улыбка и въ памяти воскресли слова помѣщицы Плодомасовой.

— Да, одинокъ, всемѣрно одинокъ, прошепталъ старикъ. И вотъ когда я это особенно почувствовалъ,—когда наиболѣе не хотѣлъ-бы быть одинокимъ, потому что, маніакъ-ли я или не маніакъ, но я рѣшился долѣе ничего этого не терпѣть, и на что рѣшился, то совершу.

Тихо поднявъ свою бѣлую голову, протопопъ перекрестилъ протопопицу и, набивъ трубку, вышелъ на дворъ, чтобы присѣсть на крылечкѣ. Въ цѣломъ разсказѣ Лѣскова это единственное мѣсто, въ которомъ любовь протопопа къ протопопицѣ тронута нѣкоторымъ скорбнымъ оттѣнкомъ...

Нѣжная ласковость протопопицы не прекращалась до послѣдняго мгновенія ея жизни. Многіе годы она утѣшала и поддерживала протопопа, ободряла его въ тяжелые дни «житія», когда онъ велъ мучительную борьбу съ учрежденіями и лицами. Но вотъ пробилъ послѣдній часъ, и надъ головою старой протопопицы пронеслось прохладное дуновеніе смерти. Только на двухъ страницахъ художникъ описываетъ, какъ умирала протопопица, и надо сказать, что по легкости настроенія и прелести наивно-религіознаго экстаза, страницы эти принадлежатъ самому высокому искусству. Что-то малое, но безмѣрно красивое въ своей малости тихо расплылось въ лучахъ послѣдняго освобожденія, — такое впечатлѣніе производитъ на насъ безоблачная смерть протопопицы. Насквозь проникнутая свѣтомъ, она легко и безшумно унеслась съ земли на небо. Нѣсколько замѣчаній художника кажутся мистическимъ откровеніемъ иного міра. Однажды протопопица, уже пораженная болѣзнью, свернулась калачикомъ и заснула. Тогда показалось ей, что дьяконъ Ахилла внесъ ее на рукахъ въ церковный алтарь помолиться о протопопѣ Савеліи. Осмотрѣвшись кругомъ, протопопица замѣтила, что алтарь огромный-преогромный, что столбамъ конца не видно и что престолъ до самаго неба сіяетъ яркими огнями. А позади предметы и люди вдругъ сдѣлались маленькими. Но вотъ не стало ни Ахиллы, ни престола, ни сіянія. Протопопица просыпается и съ удивленіемъ видитъ, что вещи остаются маленькими, какъ во снѣ. Въ это время пришелъ Туберозовъ и что-то сказалъ ей. Протопопица замахала на него руками:

— Тише, тише: вѣдь я скоро умру.

— Что ты, Наташа, Богъ съ тобой!

— Нѣмъ, умру, дружочекъ, умру: я уже вполовину умерла.

Между протопопомъ и протопопицей разыгрывается маленькая сцена, освѣщенная неземнымъ юморомъ. Желая испытать протопопицу, отецъ Савелій показываетъ ей завѣтную двадцати-пяти-рублевую ассигнацію, и на его лукавый вопросъ протопопица отвѣчаетъ: двѣнадцать съ полтиной. Туберозовъ пугается, но умирающая протопопица, съ улыбкою закрывъ глаза, шепчетъ ему: «ты шутишь и я шучу». Не чувствуя зем-

ной тяжести, протопопица играетъ словами, улыбается и радостно вдыхаетъ прохладу близкаго освобожденія. «Славно мнѣ, славно, не будите меня!» произноситъ она шопотомъ послѣднія слова. Такъ умираетъ протопопица. Доведя художественное изображеніе до тонкаго совершенства, Лѣсковъ не уронилъ на этихъ страницахъ ни единаго рѣзкаго штриха, чтобы придать картинѣ смерти трагическій характеръ. Безсознательнымъ чутьемъ, которое открываетъ передъ художникомъ свѣтлый горизонтъ освобожденія, онъ постигаетъ, что для протопопицы, какою она обрисована на предыдущихъ страницахъ, пришествіе смерти должно было показаться безболѣзненнымъ возвращеніемъ къ Богу. Закрывъ глаза, она увидѣла предъ собою нѣчто великое и нѣжно протянула руки впередъ...

Иначе умираетъ протопопъ Савелій. Несмотря на глубокое благочестіе, онъ всю жизнь изнывалъ отъ внутреннихъ сомнѣній и недоумѣній, которыя толкали его то на одну, то на другую дорогу. Побѣждая порывы страстной натуры, онъ умѣлъ придать борьбѣ съ людьми оттѣнокъ божественной кротости. Неустрашимымъ воиномъ выступалъ онъ на жизненномъ поприщѣ. Но отдаваясь своимъ убѣжденіямъ, протопопъ не могъ избѣгнуть обидныхъ для духа разочарованій и терзаній. Той простоты вѣры, какою обладала протопопица, онъ не обрѣлъ. Увлекаясь минутными чувствами, онъ иногда доходилъ до поступковъ, о которыхъ потомъ самъ-же дѣлалъ скорбныя нотатки въ демикотоновой книгѣ. Однимъ словомъ, душа протопопа Савелія, скромная, честная и правдивая, не могла разстаться съ жизнью такъ, какъ разсталась съ нею душа протопопицы. Со слезами на глазахъ священникъ Захарія умоляетъ его простить да конца своихъ враговъ. Надъ нимъ уже вѣетъ крыло смерти, но душа его горитъ въ огнѣ, бунтуетъ и волнуется, не открываясь для освободительнаго свѣта. Онъ прощаетъ поруганіе собственной личности, но никому не можетъ простить униженія вѣры ради мертвой буквы закона. Смиренный священникъ Захарія умоляетъ до тѣхъ поръ, пока Савелій не произноситъ, наконецъ, нѣсколько словъ примиренія и прощенія. «Отходящій съ послѣднимъ усиліемъ перенесъ свою руку на голову Ахиллы, и съ этимъ уже громкій колоколецъ заигралъ въ его горлѣ, мѣшаясь съ журчаніемъ словъ тихой отходной, которую читалъ сквозь слезы Захарія. Протопопъ Туберозовъ кончилъ свое житіе». Такъ умираетъ главный герой разсказа—черезъ короткое время послѣ того, какъ безшумно улетѣла на небо протопопица. Тѣмъ-же чутьемъ, которое помогло художнику найти подходящія слова и краски для изображенія послѣднихъ минутъ протопопицы, Лѣсковъ открылъ достойныя черты для передачи послѣднихъ настроеній протопопа. Картина дышетъ вдохновеніемъ. Каждая фраза падаетъ прощальнымъ лучемъ на умирающую жизнь большого человѣка, который боролся, страдалъ, молился съ глубокимъ довѣріемъ къ небу, но въ своихъ мысляхъ окончательно освободился отъ земного праха только за одно мгновеніе передъ тѣмъ, какъ пришла смерть.

Смерть дьякона Ахиллы довершаетъ идейную картину, нарисованную съ рѣдкимъ талантомъ на трехъ примѣрахъ. Ахилла Десницынъ, человѣкъ съ богатырскими физическими силами и съ кроткою душою, долженъ былъ умереть не такъ, какъ умерла протопопица, и не такъ, какъ умеръ протопопъ. Свободная отъ всякаго бремени, протопопица легко переступила за черту земной жизни, и мы видѣли, какое бѣлоснѣжное сіяніе пролито въ описаніи ея кончины. Несмотря на убѣжденное смиреніе, жизнь протопопа Савелія прошла среди страстной борьбы не только съ обстоятельствами, но и съ самимъ собой — и мы видѣли, съ какимъ напряженіемъ описаны послѣдніе предсмертные порывы его души. Эти страницы читаются съ волненіемъ, но безъ того умиленія, съ какимъ невольно слѣдишь за безгромнымъ угасаніемъ великой нравственной силы въ тѣлесной женской оболочкѣ. Описывая смерть Ахиллы, Лѣсковъ ни на одну секунду не нарушаетъ общаго тона разсказа и кладетъ послѣднюю черту, достойную проникновеннаго художника. Ахиллу начинаютъ терзать галлюцинаціи и странное самочувствіе. Иногда ему кажется, что онъ ростетъ, ширится, пышетъ зноемъ и исчезаетъ. Тѣло его простирается куда-то въ безконечность и сладостно перегораетъ «въ огневомъ недугѣ». Уже объятый предсмертною агоніею, онъ издаетъ протяжные звуки, приподнимается, взмахиваетъ руками. «Кто ты, огнелицый? Дай путь мнѣ!»—кричитъ онъ, пугая священника Захарію. Но вотъ онъ послѣдній разъ взмахиваетъ руками, что-то сбрасываетъ съ себя и—освобождается. Такъ умираетъ человѣкъ съ физическими силами титана, дьяконъ Ахилла Десницынъ, и въ этомъ коротенькомъ описаніи два-три слова обнаруживаютъ необычайную остроту духовнаго и философскаго ясновидѣнія автора. Взмахивая руками, Ахилла Десницынъ что-то стряхивалъ съ себя, отъ чего-то освобождался, — вотъ выраженія, прекрасно передающія нетерпѣливые порывы измученной души къ прохладной стихіи божества. Одна фраза, сказанная умирающимъ дьякономъ о несообразности его прошлыхъ терзаній, бореній и волненій, вызываетъ въ смиренномъ священникѣ Захаріи умиленную похвалу его мудрости. На невидимыхъ, но слышныхъ крыльяхъ приносится послѣдняя свобода, и дьяконъ Ахилла, который цѣлую жизнь стоналъ подъ тяжестью собственной дикости, рвется къ ней навстрѣчу съ тѣмъ нетерпѣніемъ, съ какимъ въ душные, знойные дни онъ сбрасывалъ съ себя одежду, чтобы кинуться въ рѣку.

Еще нѣсколько строкъ, и картина смерти дополнится послѣднимъ штрихомъ, который довершаетъ впечатлѣніе неистощимаго разнообразія писательскаго таланта. «Тихій старикъ Захарія не долго пережилъ Савелія и Ахиллу. Доживъ до великаго праздника весны, до Свѣтлаго Воскресенія, онъ тихо уснулъ во время самаго богослуженія». *Тихій* старикъ *тихо* уснулъ во время церковнаго богослуженія — никакія слова не могли-бы проще отразить нѣжную мысль художника.

Савелій, протопопица, Ахилла Десницынъ, Захарія Бенефактовъ—

таковы главныя дѣйствующія лица «Соборянъ». Но на широкомъ холстѣ картины имѣется цѣлый рядъ второстепенныхъ фигуръ, производящихъ впечатлѣніе надуманнаго контраста тому, что дѣлается на первомъ планѣ разсказа. «Соборяне» появились въ такое время, когда литературная дѣятельность Лѣскова, послѣ скандала съ петербургскими пожарами, уже не могла разсчитывать на справедливую оцѣнку со стороны либеральной русской партіи. Волны нигилизма бурно метались въ тогдашней журналистикѣ, затопляя прославленныя писательскія репутаціи. Сдѣлавшись неумышленно врагомъ передовыхъ стремленій въ литературѣ, Лѣсковъ и въ разсказѣ о «Соборянахъ» далъ излиться полемическимъ страстямъ, которыя не переставали кипѣть въ немъ со времени «Сѣверной Пчелы». Не сдерживая фантазіи, онъ рисуетъ развратную акцизничиху Бизюкину, которая гордится своими эмансипаціонными убѣжденіями, дрянного нигилиста Варнаву Препотенскаго, негодяя Термосесова и разныхъ либеральныхъ дѣльцовъ, склонныхъ къ доносу и сыску—съ очевиднымъ намѣреніемъ осмѣять до конца прогрессивное движеніе 60-хъ годовъ. Рядомъ съ уродливымъ нигилистомъ, Лѣсковъ ставитъ фигуру его старушки матери, при чемъ онъ дѣлаетъ изъ этой трогательной до слезъ фигуры настоящій перлъ художественнаго созданія, хотя Препотенская написана мелькомъ, случайными штрихами, на третьемъ планѣ огромной бытовой картины. Нигилизмъ волновалъ, терзалъ и кусалъ Лѣскова, не позволяя спокойно развиваться его умственнымъ силамъ. Давая благородные портреты русскихъ священниковъ, онъ тутъ-же портитъ картину уродливымъ изображеніемъ второстепенныхъ лицъ, выхваченныхъ изъ жизни безъ художественнаго безпристрастія, съ дрожью внутренняго негодованія и мстительнымъ экстазомъ обозленной и не всегда возвышенной натуры. При всей справедливости отрицанія отдѣльныхъ сторонъ нигилистическаго движенія, отвратительная фигура Варнавы Препотенскаго производитъ впечатлѣніе беллетристическаго пасквиля на молодое поколѣніе тогдашняго времени. Несмотря на несомнѣнные штрихи комизма въ эмансипаторской обработкѣ женскаго вопроса, глупая и пошлая акцизничиха Дарья Николаевна Бизюкина могла быть принята только за литературное издѣвательство, съ цѣлью извратить, оболгать и опозорить невинные побѣги женской самодѣятельности въ русскомъ обществѣ. Нарушая спокойное созерцаніе жизни въ ея незаконченныхъ и временами разсыпающихся проявленіяхъ, Лѣсковъ не давалъ своему таланту открыться съ полною свободой, сокращалъ и останавливалъ работу своей острой художественной мысли, создавалъ карикатуры вмѣсто художественныхъ явленій, унижался до шаржа, который многихъ раздражалъ, но никого не побѣждалъ. Нигилизмъ, какъ сложное соціальное событіе, выступилъ въ «Соборянахъ» въ своихъ чисто внѣшнихъ очертаніяхъ—грубо, рѣзко, антихудожественно. Лѣсковъ съ неумѣреннымъ раздраженіемъ предаетъ поруганію представителей молодого поколѣнія такъ, какъ это сдѣлалъ-бы

односторонній публицистъ, не захватывая въ изображенной картинѣ скрытыхъ причинъ и основъ широкаго массоваго движенія. Можно сказать, что нигилизмъ не предсталъ въ этой удивительной хроникѣ именно какъ *явленіе*, т.-е. какъ художественное цѣлое, имѣющее внѣшнюю и внутреннюю сторону, — безобразное и шумливое на поверхности, но многозначительное и смиренное въ своихъ глубинахъ. Базаровъ одно изъ величайшихъ явленій въ русской литературѣ, именно потому, что при внѣшней жесткости онъ таитъ въ душѣ своей возвышенное тяготѣніе къ красотѣ, которая и превратила его жизнь въ трагедію. Въ романѣ Тургенева внѣшнія черты извѣстнаго теченія жизни выступили въ тревожномъ освѣщеніи міровыхъ идей, и предъ глазами читателя разыгрывается романическая исторія, не только не оскорбляющая чувства справедливости, но расширяющая взглядъ на одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи общества. Въ произведеніи Лѣскова мы видимъ только внѣшніе факты, сами по себѣ мертвые, не углубленные анализомъ до степени художественнаго явленія. Чувство читателя постоянно оскорбляется подчеркнутымъ уродствомъ нигилистическихъ героевъ, не находя ни въ чемъ, ни въ единомъ указаніи, ни въ малѣйшемъ намекѣ, просвѣта въ область душевной красоты, которая никогда не умираетъ въ человѣкѣ. Писатель, поднявшійся очень высоко въ созданіи такихъ типовъ, какъ Туберозовъ, протопопица, Ахилла Десницынъ и Захарія Бенефактовъ, здѣсь, въ обрисовкѣ либеральной волны тогдашняго времени, падаетъ до уровня легкомысленнаго шаржиста, воюющаго съ современниками посредствомъ издѣвательства и ехидной сплетни. Но для потомства, для вѣчнаго читателя, не ищущаго въ произведеніяхъ искусства мимолетныхъ событій, которыя быстро высыхаютъ, какъ пѣна отхлынувшей морской волны, въ этихъ образахъ Варнавы Препотенскаго, Бизюкиной и другихъ не осталось ни слѣда оживленнаго проникновенія въ душу и смыслъ историческаго факта. Преклонившись передъ явной красотою въ лицѣ трехъ представителей русскаго священства, Лѣсковъ бросилъ хулу на уродство, которое надоѣдливо металось передъ его глазами, раздражало и волновало его совѣсть со времени «Сѣверной Пчелы». Онъ узналъ и призналъ Бога въ явномъ и несомнѣнномъ его выраженіи, но не обнаружилъ той остроты художественнаго зрѣнія, которое открываетъ Бога подъ маскою житейскаго безобразія. Онъ оказался при этомъ на одной высотѣ съ толпою, которая, при собственномъ безобразіи, не даетъ пощады никакому уродству и способна привѣтствовать явленіе божества только въ обаяніи ослѣпительной внѣшней красоты. Злорадно издѣваясь надъ физическимъ и нравственнымъ несовершенствомъ, толпа, сама того не понимая, предается кощунству надъ трагическою святынею міра.

Эта грубая ошибка, сдѣланная художникомъ, особенно рѣжетъ глаза въ произведеніи, гдѣ съ удивительною тонкостью показаны черты настоящаго внутренняго смиренія и настоящей внутренней красоты. Со-

видая людей съ глубокими религіозными чувствами и настроеніями, Лѣсковъ придаетъ своему повѣствованію отпечатокъ нѣкотораго эпическаго равновѣсія и великой художественной тишины. Главные герои хроники волнуются, страдаютъ, падаютъ подъ тяжестью своего креста, иногда даже впадаютъ въ юродство и чудачество, собирающія вокругъ нихъ любопытствующія массы народа, но при всемъ томъ вамъ постоянно кажется, что настоящее дѣйствіе разсказа происходитъ въ благоговѣйной тишинѣ. На глазахъ читателя совершается художественное таинство, граничащее съ таинствомъ религіознымъ. Ни единаго крикливаго звука, никакихъ оскорбительныхъ и раздирающихъ воплей ни къ небу, ни къ людямъ. По мѣрѣ того, какъ мы проникаемся настроеніемъ автора, мы начинаемъ чувствовать, что здѣсь, передъ нами, надъ зыбью неширокой захолустной рѣки, носится прохладное вѣяніе успокоительной и освободительной правды. Гдѣ-то совсѣмъ близко Богъ. Въ хроникѣ Лѣскова безсознательно отразилось характернѣйшее явленіе русской религіозности, дошедшей въ своей простотѣ до той великой тишины, которая одна имѣетъ право называться религіознымъ экстазомъ. Личное начало смиренно замираетъ передъ беззвучнымъ глаголомъ божества. Сосредоточенно внимая ему, человѣкъ связываетъ въ себѣ звѣря и, съ чувствомъ радостнаго умиленія, скромно торжествуетъ побѣду надъ собою передъ лицомъ невѣдомаго Бога.

Замѣчательно, что Лѣсковъ создаетъ для читателя настроеніе благороднаго спокойствія, постоянно прибѣгая, при самыхъ разнообразныхъ описаніяхъ, къ умиротворяющему эпитету «тихій». Какіе-бы факты ни прошли въ его изображеніи, онъ непремѣнно оттѣняетъ свое скрытое художественное отношеніе къ нимъ именно этимъ, а не другимъ какимъ-либо словомъ. Вольно или невольно онъ окутываетъ ихъ мягкимъ покровомъ, который заглушаетъ шумъ напряженнаго движенія и стихійной борьбы. Протопопъ Савелій *тихо* цѣлуетъ жену въ лобъ, *тихо* снимаетъ рясу. «Очутясь между протопопомъ Савеліемъ и его прошлымъ, пишетъ Лѣсковъ, переходя къ изложенію демикотоновой книги, станемъ *тихо* и почтительно слушать *тихій* шопотъ его старческихъ устъ, раздающійся въ глухой *тиши* полуночи». Въ короткой фразѣ одно и то-же слово, повторенное три раза и оттѣненное столь-же умиротворяющими эпитетами «почтительно» и «глухо», звучитъ какъ скорбный, но утѣшительный напѣвъ панихиды. Обнимая мужа, протопопица, тронутая его проповѣдью, «тихо, но прегорько заплакала». Когда протопопицѣ удается привлечь къ себѣ вниманіе отца Савелія, который обидно забылъ отдать ей привычный поцѣлуй передъ уходомъ на покой, она *тихо* и радостно смѣется. Раздался «*тихій* и радостный хохотъ», пишетъ Лѣсковъ, рисуя сильное душевное движеніе въ мягкой и облагороженной формѣ. Дочитавъ послѣднія строки демикотоновой книги, гдѣ долго сдерживаемая страстность вѣры прорывается въ восторженныхъ хваленіяхъ и восклицаніяхъ, Туберозовъ обливается *тихими* слезами, и въ это-же самое время,

какъ-бы откликаясь на волненіе благочестивой души, природа освѣжается *тихимъ*, безгромнымъ дождемъ. Старая просвирня, мать Варнавы Препотенскаго, потрясенная его святотатствомъ, облегчаетъ свою душу *тихимъ* рыданіемъ. Въ дремотномъ мечтаніи, передъ надвигающейся въ лѣсу грозою, Туберозову чудится, что «кто-то прохладный и *тихій* стоялъ возлѣ него въ длинной одеждѣ цвѣта зрѣющей сливы». Даже жалкій уродливый карликъ, при видѣ возвратившагося изъ ссылки протопопа, *тихо* и благодатно плачетъ въ свой прозябшій кулачекъ. *Тихій* старикъ Захарія Бенефактовъ, какъ мы видѣли выше, *тихо* уснулъ во время самого богослуженія... Въ этой глубоко скрытой внутренней тишинѣ озлобленнаго писателя выразилась лучшая сторона его сильнаго и проникновеннаго таланта, и въ ней-же сказалась коренная черта безсознательной народной мудрости.

А. Волынскій.

ОБЛАСТНОЙ И ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Наши земскія дѣла.

Ходатайства земствъ о расширеніи избирательныхъ правъ крестьянъ. — Право земствъ избирать постоянныя комиссіи.—Школьный вопросъ въ аткарскомъ и переяславскомъ земствахъ.—Земскія ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.

Ограниченія избирательныхъ правъ крестьянъ, введенныя въ земскую жизнь новымъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, вызываютъ въ практикѣ нашихъ земствъ различныя неудобства, сталкиваясь съ которыми, земства вынуждены обращаться къ правительству съ ходатайствомъ объ измѣненіи соотвѣтствующихъ статей земскаго положенія въ смыслѣ расширенія избирательныхъ правъ крестьянъ. Такъ весьма существенное ограниченіе правъ крестьянъ по земскимъ выборамъ въ новомъ земскомъ положеніи заключается въ пунктѣ 5-мъ ст. 26-й, на основаніи котораго крестьяне, принадлежащіе къ составу сельскихъ обществъ уѣзда, не могутъ участвовать на избирательныхъ собраніяхъ и съѣздахъ, не только на первыхъ (дворянскихъ), но даже и на вторыхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе, между прочимъ, представители благотворительныхъ, ученыхъ и учебныхъ учрежденій, торговыхъ и промышленныхъ обществъ, товариществъ и компаній. Иными словами, крестьянинъ даннаго уѣзда не можетъ быть представителемъ благотворительнаго или промышленнаго общества на избирательномъ собраніи своего уѣзда. Между тѣмъ, весьма вѣроятно, что всѣ имущественные интересы крестьянина, находящагося въ числѣ членовъ торговаго или промышленнаго товарищества, гораздо тѣснѣе связаны съ дѣлами этого товарищества, чѣмъ съ условіями и бытомъ крестьянскаго сословія, къ которому онъ принадлежитъ только формально.

По поводу такого именно случая въ прошломъ году и пришлось высказаться корчевскому уѣздному и тверскому губернскому земскому собранію. Въ засѣданіи корчевскаго уѣзднаго земскаго собранія. 7 октября

1895 г., гласный Коноваловъ заявилъ, что новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, коснувшись избирательныхъ правъ различныхъ сословій, совершенно измѣнило составъ гласныхъ. «Такъ, ему лично пришлось на себѣ испытать несправедливость новаго закона и перенести много непріятностей, благодаря лишь принадлежности его по рожденію къ крестьянскому сословію. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: торговый домъ «И. Е. Коновалова сыновья», владѣющій въ уѣздѣ земельной собственностью въ 2,500 десятинъ и стеклянным заводомъ, оцѣненнымъ земствомъ въ 18 тыс. руб., по закону (ст. 16 и 22 полож. о земск. учр.) имѣетъ право участія въ избирательномъ съѣздѣ. Правленіе торговаго дома и уполномочило его, Коновалова, явиться въ избирательный съѣздъ». Но къ участію въ выборахъ онъ допущенъ не былъ. На запросъ губернатора по этому поводу «министръ внутреннихъ дѣлъ разъяснилъ, что члены торговаго дома, въ виду принадлежности ихъ къ крестьянскому обществу уѣзда, не могутъ быть избирателями, и такимъ образомъ торговый домъ, неся крупныя земскія повинности, лишился права каждаго плательщика—быть въ числѣ избирателей. Жалоба его на разъясненіе министра оставлена безъ послѣдствій и сенатомъ. Держась крестьянскаго званія единственно по традиціямъ семьи и находя переходъ въ купеческое сословіе, избавляющій ихъ, какъ избирателей, отъ этихъ мытарствъ, для себя неудобнымъ, а законъ 12 іюня 1890 г. въ этомъ случаѣ несправедливымъ, онъ просилъ земское собраніе ходатайствовать о дополненіи ст. 16 и 22-й земскаго положенія примѣчаніемъ, по которому торговыя и промышленныя общества, товарищества и компаніи, хотя-бы и изъ лицъ крестьянскаго сословія, пользовались-бы всѣми правами представительства въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, предоставляемыми указанными статьями положенія, безъ всякаго исключенія или ограниченія, ст. 26 п. 5-мъ предусмотрѣннаго». Уѣздное собраніе вполнѣ согласилось съ доводами г. Коновалова и рѣшило возбудить предложенное ходатайство, которое потомъ и разсматривалось въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Губернское собраніе, соглашаясь съ основательностью ходатайства уѣзднаго земства, признало болѣе справедливымъ и цѣлесообразнымъ расширить его и выразить такъ: «ходатайствовать о дополненіи и измѣненіи подлежащихъ статей земскаго положенія въ томъ смыслѣ, чтобы крестьяне, принадлежащіе къ составу сельскихъ обществъ уѣзда и владѣющіе цензомъ, указаннымъ въ 16 и 24 статьяхъ земск. полож., имѣли право участвовать во вторыхъ (не дворянскихъ) избирательныхъ собраніяхъ и съѣздахъ, а равно и быть на этихъ собраніяхъ и съѣздахъ представителями ученыхъ, учебныхъ, благотворительныхъ, торговыхъ и промышленныхъ обществъ, товариществъ и компаній, по уполномочію послѣднихъ, при чемъ такіе крестьяне уже не участвуютъ въ выборѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ волостными сходами».

Въ Вятской губерніи разсматриваемое ограниченіе, лишая значительную часть крестьянъ возможности принимать участіе въ земской работѣ,

при общемъ недостаткѣ земскихъ работниковъ, особенно чувствительно отзывается на ходѣ земскаго дѣла. Зато здѣсь вопросъ о расширеніи избирательныхъ правъ крестьянъ получаетъ болѣе широкую и болѣе правильную постановку. Вятской губернской земской управой, — какъ сообщаетъ «Вятскій Край»,—на обсужденіе предстоящаго губернскаго собранія вносится докладъ о предоставленіи права участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ для выбора земскихъ гласныхъ землевладѣльцамъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Такъ-какъ въ Вятской губерніи для выбора гласныхъ отъ землевладѣльцевъ и городовъ существуетъ только одно избирательное собраніе, то проектируемое ходатайство земства имѣетъ въ виду предоставить мѣстнымъ крестьянамъ по земскимъ выборамъ тѣже самыя права, которыми пользуются лица привиллегированныхъ сословій. Вопросъ этотъ впервые поднятъ на малмыжскомъ уѣздномъ собраніи по предложенію управы, которая въ своемъ докладѣ по этому поводу высказала слѣдующее: «по дѣйствующему положенію о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, въ избирательныхъ собраніяхъ мѣстные крестьяне - землевладѣльцы участвовать не могутъ, хотя правомъ этимъ пользуются мѣщане и крестьяне другихъ уѣздовъ. Благодаря этому, интересы крупныхъ землевладѣльцевъ изъ мѣстныхъ крестьянъ остаются не представленными, тогда какъ это было-бы очень желательно, какъ въ видахъ привлеченія къ участію въ земской дѣятельности бо̀льшаго числа лицъ, такъ и въ видахъ предоставленія крупнымъ землевладѣльцамъ-крестьянамъ возможности лично защищать свои интересы въ земскихъ собраніяхъ». Малмыжское уѣздное земское собраніе, руководствуясь этими соображеніями, и постановило возбудить вышеприведенное ходатайство о расширеніи избирательныхъ правъ крестьянъ. Вполнѣ увѣрены, что ходатайство это, встрѣтивъ сочувствіе и въ вятскомъ губернскомъ собраніи, будетъ имъ поддержано.

Отъ земскихъ ходатайствъ и предположеній перейдемъ къ области свершившихся фактовъ и остановимся на недавно состоявшихся разъясненіяхъ правительствующаго сената относительно правъ земства учреждать постоянныя коммиссіи.

При обширности и сложности земскаго дѣла правильное и успѣшное его веденіе силами одного исполнительнаго органа, т.-е. управы, является почти невозможнымъ. Земскимъ положеніемъ обстоятельство это предусмотрѣно и земскому собранію предоставлено право, съ одной стороны, выбирать для предварительнаго разсмотрѣнія подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ особыя коммиссіи изъ гласныхъ (ст. 72), а съ другой—для ближайшаго завѣдыванія отдѣльными отраслями земскаго хозяйства и управленія, въ помощь земскимъ управамъ избирать особыхъ лицъ какъ изъ гласныхъ, такъ и изъ владѣльцевъ, имѣющихъ право непосредственнаго голоса въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ (ст. 105). Помимо этого, земскія собранія для провѣрки земской отчетности избираютъ изъ среды

своей особыя ревизіонныя комиссіи, заключенія которыхъ поступаютъ на утвержденіе земскихъ собраній; въ частности, на особыя комиссіи изъ гласныхъ собраніе можетъ возложить и предварительное разсмотрѣніе земскихъ смѣтъ и раскладокъ (п. 10 прилож. къ ст. 6 полож. о земск. учрежд.).

Изъ сопоставленія этихъ статей земскаго положенія совершенно ясно вытекаетъ, какимъ сравнительно широкимъ правомъ пользуются земскія собранія при выборѣ, въ помощь управѣ, особыхъ комиссій для разработки различныхъ вопросовъ земскаго хозяйства.

Къ сожалѣнію, не вездѣ земства пользуются этимъ правомъ во всей его полнотѣ или по собственной инертности или вслѣдствіе тѣхъ затрудненій, какія приходится земству преодолѣвать при проведеніи своихъ постановленій чрезъ мѣстную «кассаціонную» инстанцію, обсуждающую эти постановленія со стороны ихъ правильности и законности. При выборѣ ревизіонной комиссіи или комиссіи для предварительнаго разсмотрѣнія подлежащихъ вѣдѣнію земства дѣлъ очень важное значеніе имѣетъ тотъ срокъ, на который комиссія избирается. Провѣрка отчетности управъ, предварительное разсмотрѣніе представленныхъ собранію докладовъ и вообще разработка земскихъ вопросовъ, особенно интересующихъ земство въ извѣстный моментъ,—все это такія задачи, которыя не могутъ успѣшно быть выполненными комиссіями въ теченіе того краткаго періода времени, на которое обыкновенно созывается земское собраніе. Поэтому въ практикѣ многихъ земствъ давно установился вполнѣ нормальный порядокъ избранія, на ряду съ временными, и постоянныхъ комиссій, дѣйствующихъ въ теченіе всего года или всего трехлѣтняго избирательнаго періода: а) для предварительнаго разсмотрѣнія представленныхъ управою докладовъ въ такихъ земствахъ обыкновенно избирается тотчасъ по открытіи собранія на все время его засѣданій такъ наз. «редакціонная» комиссія, которая и вноситъ въ собраніе свои заключенія по переданнымъ на ея обсужденіе вопросамъ; б) для провѣрки отчетности управы (денежной и общей) избирается на цѣлый годъ или чаще на трехлѣтіе комиссія ревизіонная, которой предоставляется право собираться по своему усмотрѣнію и производить ревизію управы, но которая преимущественно работаетъ передъ открытіемъ собранія и подготовляетъ фактическій матеріалъ для сужденія о годичной дѣятельности управы и о положеніи земской кассы; в) наконецъ, для спеціальной разработки различныхъ вопросовъ, касающихся земской дѣятельности, въ помощь управѣ избираются на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, обыкновенно на трехлѣтіе, особыя комиссіи—школьныя, сельско-хозяйственныя, страховыя и др.

Конечно, и при дѣйствіи прежнихъ земскихъ учрежденій возникали недоразумѣнія по поводу этихъ комиссій: при чемъ сенатомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ свое время были даны необходимыя указанія относительно порядка дѣйствій такихъ комиссій. Такъ въ 1881 г.

министерство внутреннихъ дѣлъ сообщеніемъ по департ. общ. дѣлъ, за № 17.865, разъяснило, что въ виду закона, дозволяющаго земскимъ собраніямъ избирать для повѣрки земской отчетности изъ среды своей особыя ревизіонныя комиссіи безъ ограниченія времени существованія этихъ комиссій какимъ-либо опредѣленнымъ срокомъ, назначеніе для упомянутой цѣли *постоянныхъ* или *временныхъ* ревизіонныхъ комиссій зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія самихъ земскихъ собраній. Въ 1883 году относительно порядка дѣйствій комиссій, учреждаемыхъ земскими собраніями для обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся предметовъ вѣдомства земства, указомъ правительствующаго сената отъ 1 марта, за № 3.828, разъяснено, что эти комиссіи, если-бы встрѣтили, по ходу своихъ занятій, надобность въ какихъ-либо свѣдѣніяхъ, могутъ собирать ихъ при посредствѣ земской управы.

Какъ мы видѣли раньше, новымъ земскимъ учрежденіямъ относительно выбора комиссій предоставлены тѣ-же самыя права, какими пользовалось и дореформенное земство, а потому, кажется, и не должно-бы теперь встрѣчаться какихъ-либо недоразумѣній при учрежденіи постоянныхъ комиссій. Однако, нѣкоторымъ земствамъ пришлось съ ними встрѣтиться.

Такъ, тверское очередное губернское земское собраніе 1893—94 года избрало, на основаніи ст. 72 полож. о земск. учр., комиссію для предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію собранія, изъ тѣхъ-же лицъ, изъ которыхъ состоитъ ревизіонная комиссія, и, признавъ эту комиссію постояннымъ органомъ земскаго собранія, предоставило ей право собираться, по ея усмотрѣнію, и производить ревизію какъ дѣлопроизводства управы, такъ и фактическую. Постановленіе это было опротестовано губернаторомъ; съ нимъ, конечно, согласилось и состоящее подъ его предсѣдательствомъ губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, но не согласилось губернское собраніе, обжаловавшее постановленіе губернскаго присутствія въ установленномъ порядкѣ. Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что такъ какъ существующій законъ (п. 14 ст. 62 полож. о земск. учр. и п. 10 прилож. къ ст. 6 того-же полож.), предоставляя земскимъ собраніямъ право повѣрки дѣйствій земскихъ управъ и отчетовъ, не содержитъ указанія на время и способъ такой повѣрки, а равно не содержитъ воспрещенія поручать комиссіи, избранной собраніемъ для повѣрки отчета, производить ревизію дѣйствій земскихъ управъ въ періодъ времени между двумя земскими собраніями, то *собранія могутъ избирать постоянныя ревизіонныя комиссіи*, при условіи, чтобы такія комиссіи имѣли чисто ревизіонный характеръ, безъ права вмѣшательства въ распорядительную дѣятельность управы. Постановленіе тверского губернскаго присутствія, конечно, было отмѣнено.

Въ практикѣ того-же земства недавно встрѣтилось новое, по поводу избранія школьной комиссіи, недоразумѣніе, разъясненное сенатомъ опять

въ пользу земства. Разсмотрѣвъ жалобу тверского губернскаго земства на опредѣленіе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, отмѣнившаго постановленіе земскаго собранія объ учрежденіи коммиссіи для разработки вопроса о состояніи народнаго образованія въ губерніи, правительствующій сенатъ пришелъ къ слѣдующему рѣшенію. На основаніи ст. 72 полож. о земск. учр. земскимъ собраніямъ предоставлено, между прочимъ, право образовывать для предварительнаго разсмотрѣнія подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ коммиссіи изъ гласныхъ; а такъ какъ по ст. 2 п. 10 того-же положенія къ предметамъ вѣдомства земскихъ учрежденій отнесено и попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія, то избраніе коммиссій изъ гласныхъ для предварительной разработки вопросовъ о состояніи народнаго образованія въ предѣлахъ правъ, предоставленныхъ земскимъ учрежденіямъ, и съ тѣмъ, чтобы по окончаніи разработки коммиссіи эти прекращали свою дѣятельность, не можетъ быть признано противозаконнымъ. Въ виду этого сенатъ постановленіе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія отмѣнилъ.

Мы сравнительно долго остановились на вопросѣ о выборѣ земскихъ коммиссій съ цѣлью возможно полнѣе выяснить право земства на учрежденіе постоянныхъ коммиссій (ревизіонной и особыхъ для разработки различныхъ земскихъ вопросовъ) и указать на необходимость ихъ для правильнаго хода земскаго дѣла.

Въ то время, когда мы въ предыдущей хроникѣ писали объ организаціи земской школы и высказывали горячее желаніе, чтобы наши земства, поставивъ на очередь вопросъ о расширеніи программы народной школы, стремились къ организаціи школъ болѣе совершеннаго типа и критически отнеслись къ упрощеннымъ школамъ грамотности,—въ одномъ изъ уѣздныхъ земскихъ собраній Саратовской губерніи велись жаркіе дебаты по предложенію нѣкоторыхъ гласныхъ передать земскія школы въ вѣдѣніе духовенства или, по крайней мѣрѣ, приступить къ широкому распространенію школъ грамоты. Уѣздъ этотъ—Аткарскій, а иниціаторы предложенія о передачѣ школъ епархіальному вѣдомству—гласные: Н. А. Павловъ, Гладышевъ, другой Павловъ и Гардеръ. Г. Гладышевъ, сочувствуя предложенію г. Павлова, рѣшительно высказался за передачу земскихъ школъ духовенству, прибавивъ приэтомъ, что «наша (т. е. земская) школа не даетъ духовно-нравственнаго образованія». Гласные Гардеръ и Гладышевъ не были такъ рѣшительны: они стѣснялись высказаться за огульную передачу всѣхъ школъ въ руки духовенства, но рекомендовали это дѣлать исподволь, путемъ широкаго распространенія школъ грамотности, которыя, какъ извѣстно, находятся теперь не въ вѣдѣніи земства. «Это будетъ шагъ ко всеобщему обученію»,—увѣрялъ аткарское собраніе гласный А. Павловъ.

Къ счастью, большинство собранія держалось въ этомъ вопросѣ

другого взгляда и рѣшительныя заявленія гг. Павлова и Гладышева встрѣтили столь-же рѣшительный отпоръ со стороны представителей этого большинства. Гласный Усачевъ, сдѣлавъ упрекъ противникамъ, что они своими предложеніями тормозятъ развитіе одного изъ насущныхъ земскихъ вопросовъ, безусловно отказался признать за земской школой отсутствіе нравственнаго образованія. По его мнѣнію, духовенство и въ земской школѣ играетъ довольно значительную роль и если плохо справляется съ своей задачей, такъ просто потому, что слишкомъ обременено своими прямыми обязанностями, оставляющими очень мало досуга для занятій школьнымъ дѣломъ. Отвѣчая своимъ противникамъ, указавшимъ на разорительность будто-бы расхода на школы, гласный прибавилъ: «не расходъ на школы насъ разоряетъ; разоряетъ насъ то, что мы (земцы)— только сборщики и расходчики и что земство безсильно бороться противъ экономическихъ недуговъ». Гласный Немировскій призналъ «прямо неблаговиднымъ сваливать съ себя свои коренныя обязанности», а гласный Рославлевъ сослался на печальные результаты опыта вольскаго земства, передавшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ свои школы въ вѣдѣніе духовенства. Предсѣдатель собранія, резюмируя пренія, также высказался противъ мѣры, предложенной гл. Павловымъ, и въ результатѣ аткарскіе земцы постановили своихъ школъ въ вѣдѣніе духовенства не передавать, но... поручили управѣ къ будущему собранію разработать вопросъ о школахъ 3-го разряда, т. е. о школахъ упрощеннаго типа, очень похожихъ на школы грамотности, но находящихся въ вѣдѣніи земства.

Остается только пожелать, чтобы, работая надъ порученной задачей, управа убѣдилась въ безполезности и даже вредѣ устройства школъ «числомъ поболѣе—цѣною подешевлѣ» и занялась-бы разработкою вопроса о возможно широкомъ распространеніи среди сельскаго населенія школъ нормальнаго типа, которыя дадутъ въ руки населенія, можетъ быть, болѣе сильное орудіе въ близкой сердцу аткарскихъ земцевъ борьбѣ съ экономическими недугами, чѣмъ излюбленное ими стремленіе къ экономіи въ земскихъ расходахъ или организація бездѣятельнаго экономическаго совѣта, о которомъ шла рѣчь въ томъ-же собраніи.

Саратовской губерніи, вообще говоря, очень посчастливилось въ смыслѣ особаго расположенія и сочувствія къ церковной школѣ со стороны земства. Но въ послѣднее время, по словамъ «Недѣли», и тамъ обнаруживается замѣтный поворотъ во взглядахъ земцевъ на народное образованіе. Четыре года тому назадъ, когда особенно въ модѣ были нападки на земство и земскую школу, вольское и хвалынское земства, Саратовской губ. пришли къ рѣшенію отъ земскихъ школъ отказаться и передать ихъ духовному вѣдомству съ земскою субсидіею. Особенно стоялъ тогда за церковную школу вліятельный гласный Столыпинъ. Послѣ такого рѣзкаго перелома, выдѣлившаго названныя земства изъ ряда другихъ, началось испытаніе опытомъ. Въ прошломъ году тотъ-же гласный Столыпинъ уже заявилъ, что церковныя школы вовсе не замѣ-

нили земскихъ, уровень образованія въ новыхъ школахъ понизился и онѣ вызываютъ не мало нареканій; прежде онъ былъ горячимъ поборникомъ приходскихъ школъ, а присмотрѣвшись къ ходу дѣла, измѣнилъ свой взглядъ. Вольское земское собраніе рѣшилось на новый опытъ: оставляя школы по-прежнему, выбрать комиссію для основательнаго разсмотрѣнія нуждъ народнаго образованія. А теперь, по прошествіи еще одного года, уже цѣлая группа гласныхъ заговорила о необходимости измѣнить положеніе школьнаго дѣла. При этомъ гласный Нессельроде высказалъ, что оба типа школъ достаточно извѣданы, и если неудобно производить новыя крутыя ломки, то, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ опять вводить земскія школы, вдобавокъ къ существующимъ, и на первый разъ учредить ихъ четыре. Противъ этого высказался только одинъ гласный Уваровъ, но и тотъ, въ подкрѣпленіе своей мысли, указывалъ лишь на сравнительную дешевизну приходской школы. Всѣ-же остальные, признавъ прежній опытъ неудавшимся, единодушно рѣшили открыть четыре земскихъ школы...

Въ числѣ регрессивныхъ, по школьнымъ вопросамъ, постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній минувшей сессіи первое мѣсто, безъ сомнѣнія, займетъ рѣшеніе переяславскаго земства (Полтавской губ.) ввести платное обученіе въ своихъ школахъ. Въ то время, когда громадное большинство земствъ трудится надъ разработкою и осуществленіемъ плана всеобщаго обученія, разумѣя подъ нимъ обученіе непринудительное и безплатное, переяславскіе земцы додумались до геніальной мысли замѣнить въ своихъ школахъ съ нынѣшняго учебнаго года даровое обученіе платнымъ, взимая съ каждаго ученика по 1 рублю. Результаты получились совсѣмъ неожиданные для земцевъ. По словамъ «Кіевлянина», налогъ этотъ вызвалъ сильнѣйшее неудовольствіе среди сельскихъ обществъ и отливъ учащихся изъ земскихъ школъ: однѣ изъ нихъ совсѣмъ опустѣли, а другія хотя и посѣщаются дѣтьми, но лишь очень немногими. Земская управа, желая предотвратить дальнѣйшій упадокъ школьнаго дѣла въ уѣздѣ, обратилась недавно къ волостнымъ правленіямъ съ циркуляромъ, въ которомъ предлагаетъ имъ разъяснить на сельскихъ сходахъ «истинную цѣль, какую земское собраніе имѣло въ виду, устанавливая сказанный школьный налогъ». Констатируя значительное сокращеніе числа учащихся въ школахъ, послѣдовавшее съ введеніемъ платы за обученіе, управа полагаетъ, что это явленіе вызвано не самымъ фактомъ назначенія платы, а лишь неправильнымъ толкованіемъ цѣли ея, а потому въ своемъ циркулярѣ она излагаетъ тѣ данныя, изъ коихъ будто-бы явствуетъ, что установленная плата за ученіе введена на пользу самихъ-же крестьянъ и вызвана исключительно заботами земства объ улучшеніи ихъ быта въ будущемъ. Заботы эти также очень характерны и заслуживаютъ быть отмѣченными. Земство, видите-ли, стремится распространить въ населеніи профессіональныя знанія, которыя «могутъ представить для населенія гораздо большій инте-

ресъ, чѣмъ знанія общеобразовательныя». Но такъ какъ средствъ на открытіе ремесленныхъ школъ у переяславскаго земства нѣтъ, то оно и сочло возможнымъ часть расхода по содержанію проектируемыхъ школъ покрыть платою за обученіе въ общеобразовательныхъ училищахъ. Но неблагодарное сельское населеніе разрушило этотъ, хитро задуманный земствомъ планъ: оно перестало посылать своихъ дѣтей въ земскія школы и, повидимому, совершенно равнодушно относится къ заботамъ земства объ обученіи населенія различнымъ ремесламъ.

Въ этомъ мѣропріятіи переяславскаго земства не знаешь, чему больше удивляться: той-ли смѣлости, съ которой земство рѣшаетъ за крестьянъ вопросъ, что для нихъ важнѣе—общее или профессіональное образованіе, или тому легкомыслію, съ которымъ давно установившаяся въ уѣздѣ система безплатнаго обученія вдругъ замѣняется платной и для осуществленія ея вводится новый и явно несправедливый налогъ, который ложится на того-же мужика... Остается вѣрить, что убѣдившись горькимъ опытомъ настоящаго года, переяславское земство поспѣшитъ отказаться отъ крайне неудачнаго своего нововведенія и возстановитъ прежнее безплатное обученіе въ своихъ школахъ.

Отъ вопросовъ о народномъ образованіи перейдемъ къ вопросу... о тѣлесномъ наказаніи. Во всякой культурной странѣ постановка рядомъ этихъ двухъ взаимно исключающихъ вопросовъ общественной жизни была-бы дикой и нелѣпой, но у насъ она является вполнѣ естественной и, по мнѣнію многихъ, неизбѣжной. Такъ было и на послѣднемъ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Въ засѣданіи 15 ноября, послѣ того, какъ всѣ доклады по народному образованію были разсмотрѣны собраніемъ, по словамъ «Саратовск. Листка», гласный Н. О. Никольскій сдѣлалъ слѣдующее предложеніе. Въ нынѣшнемъ году собраніе ассигновало на народное образованіе болѣе 35.000 р., кромѣ ссудъ съ возвратомъ, а съ 1887 г. земство израсходовало на народно-школьное дѣло около 250.000 р. Теперь въ уѣздѣ функціонируетъ 80 земскихъ школъ, значительное количество субсидируемыхъ земствомъ школъ грамоты и церковно-приходскихъ, нѣсколько библіотекъ, организованы народныя чтенія. Все это даетъ намъ право обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Мы всѣми средствами стремимся поднять умственный и нравственный уровень населенія, но въ уѣздѣ есть 26 темныхъ пятенъ и они могутъ подорвать значеніе всѣхъ нашихъ заботъ о народномъ просвѣщеніи. Гласный говоритъ о волостныхъ судахъ, которые приговариваютъ крестьянъ къ позорному тѣлесному наказанію, и предлагаетъ ходатайствовань передъ правительствомъ объ отмѣнѣ для волостныхъ судовъ права примѣнять тѣлесное наказаніе вообще ко всему населенію, Рядомъ съ нами, говорилъ гласный, засѣдаютъ въ собраніи гласные-крестьяне; они какъ-бы равноправны съ нами, но внѣ собранія къ нимъ можетъ быть примѣнено дикое, варварское наказаніе розгами. Всѣ

наши затраты на народное просвѣщеніе не достигнутъ цѣли, пока розга не будетъ совсѣмъ отмѣнена; всегда и при всякихъ условіяхъ тѣлесное наказаніе вліяетъ деморализующимъ образомъ. Мы призваны заботиться о физическомъ и духовномъ развитіи народа — и обязаны ходатайствовать объ отмѣнѣ деморализующаго, убивающаго человѣческое достоинство, тѣлеснаго наказанія. Вѣроятно, наше ходатайство не будетъ одинокимъ,—къ нему примкнутъ и другія земства.

На выраженное предсѣдателемъ собранія сомнѣніе въ томъ, что подобное ходатайство можетъ пройти безъ протеста администраціи, гл. Никольскій возразилъ ссылкой на недавнее разъясненіе сената, признавшаго, по жалобѣ тамбовскаго губернскаго земства, что подобныя ходатайства непремѣнно должны представляться на усмотрѣніе комитета министровъ. Въ возникшихъ затѣмъ оживленныхъ и очень любопытныхъ преніяхъ приняли участіе и гласные отъ крестьянъ. Одинъ изъ нихъ, Мирошниковъ, заявилъ: «крестьяне желаютъ, чтобы тѣлесное наказаніе было отмѣнено для всѣхъ, а если этого нельзя, такъ не слѣдуетъ дѣлать исключеній и для другихъ сословій. А то теперь наблюдается страшная неравноправность: проживающій въ одинхъ условіяхъ съ крестьянами мѣщанинъ освобожденъ отъ тѣлеснаго наказанія, а крестьянъ порютъ»... Другой гласный отъ крестьянъ, нѣкто г. Володинъ, держится совершенно иного мнѣнія о тѣлесномъ наказаніи и думаетъ, что «если запретить розгу, то въ деревнѣ нельзя будетъ и жить: пойдутъ ломать амбары, уводить лошадей,—нужна эта острастка». Конечно, это старый, давно всѣмъ въ деревнѣ надоѣвшій припѣвъ выжившихъ изъ ума стариковъ, прошедшихъ крѣпостную школу и неспособныхъ уже разочароваться въ спасительной силѣ розги. Между тѣмъ въ ней уже разочаровались и представители современной сильной власти въ деревнѣ.

Гл. Гриммъ, земскій начальникъ, поддерживаетъ предложеніе г. Никольскаго, такъ какъ на практикѣ убѣдился, что должный порядокъ въ деревнѣ вполнѣ возможно поддерживать и безъ розги, въ особенности, при сильной административной власти, какая предоставлена земскимъ начальникамъ. Въ саратовскомъ уѣздѣ до введенія земскихъ начальниковъ розга примѣнялась очень часто, а теперь почти изгнана—и дѣло идетъ лучше. Противъ особенно порочныхъ членовъ сельскія общества имѣютъ и безъ того страшную власть—ссылать такихъ общественниковъ въ Сибирь.

Гл. Никольскій настаиваетъ на своемъ предложеніи. Если земскимъ начальникамъ фактически приходится изгонять розгу—значитъ, сама жизнь этого требуетъ; но теперь это зависитъ отъ личности земскаго начальника, а слѣдуетъ законодательнымъ путемъ совсѣмъ запретить розгу. Возражая гл. Володину, г. Никольскій напоминаетъ, что за розгу стоитъ старикъ, переживщій крѣпостное право и воспитанный въ дореформенныхъ традиціяхъ; такимъ-то людямъ законъ и ввѣряетъ ужасное право—сѣчь другихъ. Обращаясь къ крестьянамъ, гласный говоритъ: «розга не

спасетъ васъ отъ порочныхъ членовъ; берегитесь именно тѣхъ, кого вы выпороли: ему ужъ не страшны ни замки, ни тюрьмы, ему мѣсто за Ураломъ... Другими мѣрами слѣдуетъ воспитывать населеніе, и земство избрало эти мѣры воспитанія народа». («Саратов. Лист.», № 251).

Предложеніе гл. Никольскаго было энергично поддержано и нѣкоторыми другими гласными, и собраніе въ заключеніе *единогласно* постановило ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ вообще крестьянъ Саратовскаго уѣзда.

Саратовское уѣздное земство, какъ видимъ, рѣшило поставленный вопросъ безъ всякихъ ограничительныхъ оговорокъ. Между тѣмъ, въ недавнее прошлое, когда предсѣдатели земскихъ собраній по непонятнымъ причинамъ относились съ особенной нетерпимостью къ возбужденію вопроса объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія вообще, во многихъ случаяхъ земства прибѣгали къ компромиссу и возбуждали подобное ходатайство только по отношенію къ крестьянамъ, прошедшимъ начальную школу. Прошлогоднее царицынское уѣздное земское собраніе (Саратовской губ.), напр., постановило ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлесныхъ наказаній бывшихъ учениковъ начальныхъ школъ. Губернское присутствіе, признавъ постановленіе земства выходящимъ изъ предѣловъ его компетенціи, опротестовало его. Но послѣднее очередное собраніе рѣшило принести правительствующему сенату жалобу. («Р. В.», № 324).

Въ «Одесскій Листокъ» недавно писали изъ Кишинева, что, въ виду недавняго разъясненія сената по вопросу о земскихъ ходатайствахъ, бессарабское губернское земство намѣрено въ настоящее время санкціонировать свое, сдѣланное два года назадъ, единогласное постановленіе о возбужденіи предъ правительствомъ ходатайства объ освобожденіи отъ телѣснаго наказанія бывшихъ учениковъ народныхъ школъ, отъ представленія котораго земская управа сочла тогда необходимымъ воздержаться, въ виду безуспѣшности подобныхъ-же ходатайствъ другихъ земствъ, и дать ему надлежащій ходъ. («Р. В.», № 305).

По поводу двухъ послѣднихъ извѣстій можно сказать только одно, что ужъ пора-бы земству отдѣлить вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія отъ вопроса о привиллегіи грамотныхъ. Право, какъ-то ужъ «стыдно» доказывать, что тѣлесное наказаніе, какъ пережитокъ крѣпостничества, составляетъ явленіе позорное, унижающее человѣческое достоинство и развращающее не только наказываемаго, но и тѣхъ, кто можетъ наказывать, и что по одному только этому должно всѣми силами стремиться къ скорѣйшему изъятію этой мѣры изъ практики волостнаго суда.

К. Доброшинскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Недугъ современной деревни.—Юридическая безпомощность деревни.—Побольше бы свѣта.—Винная монополія.—† В. О. Португаловъ.

Много неотложныхъ нуждъ у современной деревни, многими недугами болѣетъ она, но самою страшною болѣзнью ея является право «человѣка» подвергать «человѣка» же позорнѣйшему и унизительнѣйшему изъ наказаній—тѣлесному. Противъ этого варварскаго обычая, привитаго намъ татарщиной и воспитаннаго крѣпостничествомъ, много уже написано горячихъ статей, много выставлено убѣдительнѣйшихъ доводовъ, такъ что скромному провинціальному обозрѣвателю, чтобы не повторять того, что гораздо убѣдительнѣе и сильнѣе высказано писавшими объ этомъ прежде его, остается говорить фактами, приводить изъ жизни примѣры, громко вопіющіе о томъ страшномъ злѣ, которое царитъ въ деревнѣ въ видѣ права волостныхъ судовъ приговаривать крестьянъ къ тѣлесному наказанію, и о ненормальности тѣхъ условій общественной жизни, при которыхъ это страшное зло является терпимымъ.

Объ одномъ изъ такихъ фактовъ разсказываетъ въ газетѣ «Крымъ» мелитопольскій корреспондентъ, присутствовавшій на волостномъ судѣ, приговорившемъ крестьянскаго парня къ розгамъ, по жалобѣ свой матери. Сущность дѣла,—говоритъ корреспондентъ,—самая обыкновенная семейная неурядица, разладъ невѣстки съ своею свекровью, вмѣшательство въ ссору мужа первой и т. п. Подсудимый призналъ себя виновнымъ въ обидѣ матери на словахъ въ состояніи раздраженія, раскаявался въ своемъ поступкѣ, кланялся ей въ ноги и просилъ прощенія. Но обиженная мать не захотѣла простить сына. Судъ постановилъ обвинительный приговоръ, которымъ подсудимый былъ присужденъ къ двадцати ударамъ розогъ. Я пристально всматривался въ его лицо при чтеніи резолюціи и помню, какъ онъ поблѣднѣлъ при словѣ «розга». Нѣсколько секундъ онъ стоялъ съ открытымъ отъ удивленія ртомъ и какъ-будто-бы не вѣрилъ тому, что услышалъ собственными ушами. Еще нѣсколько секундъ онъ, повидимому, что-

то соображалъ и наконецъ, обратившись къ судьямъ, сказалъ: «Лучше-бы вы, господа старики, порѣшили мою голову, чѣмъ переносить мнѣ такой стыдъ». Корреспондентъ прибавляетъ къ этому, что есть надежда на замѣну въ высшихъ инстанціяхъ этого наказанія арестомъ или штрафомъ. Но, во-первыхъ, надежда эта можетъ и не оправдаться, и тогда молодому крестьянину придется перенести тотъ стыдъ, съ которымъ никакъ не мирится развившееся въ человѣкѣ сознаніе своего достоинства; во-вторыхъ, въ какомъ же состояніи духа будетъ находиться этотъ крестьянинъ все время, пока дѣло его будетъ проходить всѣ инстанціи и пока, наконецъ, ему объявятъ, что онъ свободенъ отъ тѣлеснаго наказанія? Приведенный примѣръ наглядно свидѣтельствуетъ, какъ далеко ушло молодое поколѣніе деревни въ отношеніи развитія чувства собственнаго достоинства. Тридцать пять лѣтъ свободы и доступная и понятная населенію земская школа сдѣлали свое дѣло: мѣсто забитаго и угнетеннаго раба крѣпостной эпохи постепенно занимаетъ поколѣніе крестьянъ, не знающее ни принудительнаго труда, ни сопровождавшихъ власть одного человѣка надъ личностью другого ужасовъ. Ростъ личности прежде всего сказался въ семейной жизни. «Отцы» современной деревни, воспитанные въ затхлой атмосферѣ крѣпостничества, по свойственному старикамъ преувеличенію хорошихъ сторонъ прошлаго и непониманію новыхъ запросовъ жизни, упорно навязываютъ служившіе руководствомъ въ ихъ жизни идеалы «домостроя» и своимъ «дѣтямъ», воспитаннымъ уже при другой обстановкѣ и другихъ условіяхъ. Въ семьѣ прежде всего и начинается та глухая и упорная борьба, которую ведетъ молодая деревня съ отживающей и дряхлѣющей съ каждымъ годомъ крѣпостной деревней. Но у старой, родившейся въ эпоху рабовладѣльчества, деревни есть очень надежный союзникъ въ лицѣ волостныхъ судовъ, составленныхъ, конечно, изъ болѣе старшихъ сверстниковъ и единомышленниковъ отцовъ деревни. Въ такомъ судѣ всегда останется правъ «отецъ» и будетъ обвиненъ «сынъ». И не только въ интересахъ крестьянскаго населенія, но и въ интересахъ всего общества и страны нужно стремиться къ тому, чтобы эта страшная власть отцовъ скорѣе отошла въ область преданій.

А пока съ горькимъ чувствомъ обиды за человѣческое достоинство остановимся еще на возмутительномъ случаѣ наказанія розгами женщины, имѣвшемъ мѣсто въ одномъ изъ уѣздовъ юго-западныхъ губерній. Въ № 246-мъ газетѣ «Волынь» напечатано слѣдующее сообщеніе изъ г. Ровно. «Изъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ текущей сессіи луцкаго окружнаго суда, обращаетъ вниманіе дѣло по обвиненію волостныхъ судей высоцкаго волостного правленія Ровенскаго уѣзда Мартына Рожко, Степана Бовгыра и Павла Мойсейчука въ томъ, что они, вопреки существующему закону, воспрещающему подвергать лицъ женскаго пола тѣлесному наказанію, приговорили Ульяну Снитову къ 15 ударамъ розогъ. Подсудимые на вопросъ предсѣдательствующаго заявили, что они

не виноваты, такъ какъ волостной писарь убѣдилъ ихъ, людей неграмотныхъ, въ томъ, что судьямъ предоставлено право приговаривать виновныхъ, въ томъ числѣ и лицъ женскаго пола, къ наказанію розгами до 20 ударовъ. Подсудимые, за силою Высочайшаго манифеста, освобождены отъ наказанія».

Примѣръ этотъ очень характеренъ. Мудрые старцы, призванные чинить судъ и правду въ волости, оказываются незнакомыми съ очень важными узаконеніями, касающимися спеціально крестьянъ. Это лишній разъ указываетъ также на одну изъ крупныхъ нуждъ современной деревни, на ея юридическую безпомощность, на незнаніе не только законовъ общегражданскихъ, но и «крестьянскихъ». Вопросъ этотъ не новый, и въ правительственныхъ сферахъ не разъ строились проекты о созданіи для деревни такихъ органовъ, которые могли-бы оказать крестьянамъ существенную юридическую помощь. Въ свое время предполагалось, что задача эта съ успѣхомъ можетъ быть выполнена близкою къ народу властью—земскими начальниками; но надеждамъ этимъ не суждено было сбыться... Существовалъ также проектъ учрежденія спеціальныхъ крестьянскихъ адвокатовъ, съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, при уѣздныхъ съѣздахъ, но тоже остался въ области предположеній.

Въ послѣднее время газетами отмѣчено было нѣсколько частныхъ и земскихъ попытокъ объ организаціи юридической консультаціи для мѣстнаго населенія. Въ Московской губерніи задачу эту взялъ на себя кружокъ молодыхъ адвокатовъ изъ состоящей при московскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Члены этой консультаціи уже нѣсколько лѣтъ оказываютъ посильную помощь неимущему населенію г. Москвы и ведутъ борьбу съ подпольными адвокатами и малограмотными и несвѣдущими «ходоками». Теперь они задались цѣлью распространить свою дѣятельность на всю губернію. Организовать это дѣло предполагается такъ: съ января 1897 г. ежемѣсячно два члена консультаціи обязуются навѣщать каждый уѣздъ для подачи на мѣстѣ совѣтовъ и составленія дѣловыхъ бумагъ. Время выѣздовъ будетъ пріурочено къ воскресному или праздничному дню, предшествующему засѣданію съѣзда въ каждомъ уѣздѣ. Пользуясь праздничнымъ досугомъ, населеніе, извѣщенное о дняхъ пріема особыми объявленіями, заблаговременно разсылаемыми въ волостныя правленія, можетъ получать въ уѣздномъ городѣ посильную юридическую помощь. Нѣкоторое затрудненіе предвидится въ недостаткѣ средствъ для осуществленія этого проекта: стоимость всѣхъ предполагаемыхъ за годъ поѣздокъ во всѣ уѣзды, примѣрно, опредѣлена въ 3,600 р., часть этой суммы можетъ быть покрыта небольшой платой за совѣты (по 25 к.), а на пополненіе недостающихъ 2,000 р. консультаціи придется обратиться за помощью извнѣ. Вѣроятно, мѣстныя земства не откажутъ въ этомъ пособіи, тѣмъ болѣе, что съ уѣзда придется только около 167 р., а между тѣмъ годичный опытъ юридической консультаціи можетъ дать

земству практическія указанія къ организаціи постоянной и болѣе совершенной юридической помощи населенію. Въ самомъ дѣлѣ, при всемъ сочувствіи къ начинанію московскихъ адвокатовъ, нельзя не отмѣтить, что проектируемая ими организація юридической помощи населенію по своей отдаленности отъ него и по тому, что будетъ дѣйствовать только кратковременными выѣздами на мѣста, представляетъ много неудобствъ, которыя могутъ быть устранены только организаціей постоянной и очень близкой къ нуждающемуся въ помощи населенію.

Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ попытка Лохвицкаго уѣзднаго (Полтавской губ.) земства, постановившаго на послѣднемъ собраніи организовать при уѣздной управѣ, въ видѣ опыта на одинъ годъ, юридическую консультацію. По предположенію земства, юридическая консультація должна быть построена на тѣхъ же началахъ, какъ и земская медицина, т. е. должна удовлетворять потребности всѣхъ земскихъ плательщиковъ, должна быть безплатной и, по возможности, очень близкой къ населенію. Не имѣя возможности, однако, сразу поставить дѣло очень широко и открыть въ уѣздѣ нѣсколько пунктовъ, лохвицкое земство рѣшило пока ограничитьтя однимъ пунктомъ и сдѣлать помощь безплатной только для бѣдныхъ, а съ остальныхъ кліентовъ предположено взимать небольшую плату.

Въ Тамбовѣ также сдѣланъ опытъ подобной организаціи мѣстными адвокатскими силами при содѣйствіи уѣзднаго земства.

Вообще организація доступной народу юридической помощи вся еще впереди и отмѣченныя попытки тѣмъ и дороги, что могутъ дать рядъ практическихъ указаній о наилучшемъ ея осуществленіи.

Отсутствіе всякихъ юридическихъ знаній у нашего сельскаго населенія, крайне слабое развитіе у него даже элементарныхъ правовыхъ понятій, зависящее конечно отъ цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій, создаютъ такую почву, на которой роскошно развиваются цвѣты всяческихъ злоупотребленій, вымогательствъ и вообще крупныхъ и мелкихъ правонарушеній со стороны мѣстныхъ властей. Несмотря на то, что о такихъ злоупотребленіяхъ, при царящихъ у насъ обычаяхъ «не выносить сора изъ избы», публика узнаетъ только изъ отчетовъ о судебныхъ засѣданіяхъ, провинціальныя газеты очень часто отмѣчаютъ подобные факты.

Такъ, по сообщенію «Волыни», въ срединѣ ноября выѣздной соссіей кіевской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, разсматривались два дѣла о полицейскихъ урядникахъ Овручскаго уѣзда, обвинявшихся въ вымогательствѣ.

Первый изъ нихъ, Степанъ Занозовскій, при производствѣ разнаго рода дознаній всегда требовалъ или отъ виновныхъ или отъ потерпѣвшихъ вознагражденія. Составляя, напримѣръ, протоколъ о кражѣ и получивъ вознагражденіе, онъ протоколы уничтожалъ, не представляя ихъ по принадлежности. Также поступалъ, отнимая ружья у лицъ, не имѣющихъ

билета на право держанія оружія. Получивъ вознагражденіе, онъ ружья возвращалъ; лучшія-же изъ ружей, не представляя по принадлежности присваивалъ себѣ. Словомъ, вымогательства Занозовскимъ производились при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1893 года у одного крестьянина утонулъ ребенокъ; пользуясь этимъ несчастнымъ случаемъ, Занозовскій потребовалъ у крестьянина 5 рублей за выдачу удостовѣренія на погребеніе ребенка, хотя подобныя удостовѣренія выдаются приставомъ, а не урядникомъ. Принималъ Занозовскій вознагражденія не только деньгами, но и разнаго рода продуктами: ему доставляли овесъ, муку, крупу, сало и проч. Всѣ незаконныя дѣянія Занозовскаго подтвердились на судѣ множествомъ свидѣтельскихъ показаній, и судъ, признавъ его виновнымъ, приговорилъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ Томскую губернію, безъ права выѣзда изъ предѣловъ Сибири въ теченіе 12-ти лѣтъ.

Въ томъ-же родѣ преступленій обвинялся и второй урядникъ, Евгеній Щербинскій. Онъ, напр., на ярмаркѣ 1895 г. въ м. Виледникахъ требовалъ съ торговцевъ яблоками по 2 рубля, иначе онъ грозилъ подвергнуть яблоки уничтоженію, какъ недоброкачественные продукты. Когда Щербинскій съ подобнымъ-же требованіемъ обратился къ торговцамъ Шмершену и Кипнису, то они, находя, что ихъ продукты вполнѣ доброкачественны, отказались дать уряднику по 2 рубля; тогда послѣдній приказалъ облить ихъ яблоки керосиномъ. Судебная палата, признавъ Щербинскаго виновнымъ въ приписываемыхъ ему незаконныхъ дѣяніяхъ, приговорила его, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ поселенію въ Олонецкой губерніи. («Вол.» № 250).

Нельзя удивляться, если злоупотребленія сельскихъ властей, при общемъ низкомъ уровнѣ культурнаго и правоваго развитія сельскаго населенія, остаются подолгу нераскрытыми. Но зато заслуживаетъ большого вниманія сообщенное недавно въ «Кіевск. Словѣ» извѣстіе о разоблаченіи крупныхъ злоупотребленій кременчугскаго податнаго инспектора П., систематически въ теченіе 8-ми лѣтъ обиравшаго торговое населеніе г. Кременчуга. Цѣлыхъ 8 лѣтъ городскіе обыватели, въ томъ числѣ и крупные торговцы, фабриканты и заводчики, покорно исполняли требованія податнаго инспектора объ уплатѣ различныхъ мифическихъ налоговъ, и только благодаря инпціативѣ мѣстнаго жандармскаго полковника дѣло объ этихъ злоупотребленіяхъ было раскрыто и надъ виновнымъ наряжено слѣдствіе. Г. Левицкій, собравши массу уличающихъ инспектора фактовъ, донесъ обо всемъ прямо въ Петербургъ, и тогда уже въ Кременчугъ былъ командированъ для разслѣдованія дѣла членъ полтавской казенной палаты г. Балышевъ.

По единогласному заявленію всѣхъ мѣстныхъ торговцевъ, П., самопроизвольно облагая ихъ колоссальными налогами якобы въ пользу города, самъ-же взыскивалъ ихъ, не выдавая по нимъ установленныхъ квитанцій и мотивируя свои дѣйствія какими-то таинственными инструк-

ціями казенной палаты, которыхъ никто никогда не читалъ. Какъ теперь выяснилось, добрая часть этихъ суммъ шла въ карманъ П., составившаго себѣ такимъ образомъ громадное состояніе: думаютъ, что имъ получено незаконнымъ образомъ съ горожанъ до 150 тыс. руб. На предварительномъ слѣдствіи, произведенномъ г. Балышевымъ, фигурировало больше ста свидѣтелей, но ихъ число все ростетъ и до окончанія слѣдствія, вѣроятно, увеличится втрое. Замѣчательно, что П. состоялъ въ городѣ членомъ многихъ учрежденій и комиссій, гдѣ тоже успѣлъ проявить свои выдающіяся способности то въ формѣ подтасовки цифръ въ отчетахъ, то въ видѣ полученія суммъ безъ выдачи установленныхъ квитанцій и т. п. Говорятъ, П. пользовался довѣріемъ своего начальства, былъ у него на прекрасномъ счету и даже ставился въ примѣръ другимъ, какъ исполнительный и аккуратный служака. Теперь, конечно, онъ устраненъ отъ должности и подвергнутъ предварительному заключенію. Дѣло о немъ будетъ разбираться выѣздной сессіей полтавской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей («Кіевск. Сл.» отъ 20 ноября, № 3183).

Казенная винная монополія введена уже въ 12 губерніяхъ, а въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, распространится и на остальныя мѣстности Россіи. Введеніе ея сопровождается учрежденіемъ многочисленныхъ должностей сидѣльцевъ въ казенныхъ винныхъ лавкахъ; и вездѣ на эти должности, сравнительно хорошо оплачиваемыя, является масса кандидатовъ, въ числѣ которыхъ очень часто можно встрѣтить сельскихъ учителей и учительницъ, промѣнявшихъ скромную свою роль «сѣятелей» на болѣе заманчивое, въ смыслѣ матеріальнаго обезпеченія, положеніе «чиновника» министерства финансовъ съ аккуратно получаемымъ по 20-мъ числамъ содержаніемъ. Изъ Заславльскаго уѣзда, напр., пишутъ въ «Жизнь и Искусство», что въ этомъ уѣздѣ сидѣльцами въ казенныхъ винныхъ лавкахъ оказались: учителя, урядники, волостные писаря, чиновники разныхъ вѣдомствъ и не малое число женщинъ. Какъ велико число учителей, ушедшихъ на новыя должности, видно изъ того, что въ описываемомъ инспекторскомъ районѣ оказалось 20 свободныхъ вакансій на должности учителей и ихъ помощниковъ,—вакансій, которыхъ пока и замѣстить некѣмъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ, откуда ушли помощники, учителя, оставшись одинокими и не будучи въ силахъ справиться со всѣми группами учениковъ, должны были временно распустить первую группу и прекратить занятія съ нею. Однимъ словомъ, дѣло дошло почти до учительскаго кризиса. Въ Вятской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, приступившихъ къ организаціи всеобщаго обученія, также замѣчается сильный недостатокъ въ учителяхъ для народныхъ школъ, но учительскій кризисъ тамъ вызванъ совсѣмъ иными причинами; кромѣ того, тамъ школьное дѣло находится въ надежныхъ рукахъ земства, которое, безъ сомнѣнія, скорѣе выйдетъ изъ затрудненія; сообщеніе-же заславльскаго

корреспондента касается того обойденнаго судьбою края, гдѣ до сихъ поръ земства не существуетъ и гдѣ школьное дѣло находится въ рукахъ дирекціи народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія съ одной стороны, и епархіальнаго вѣдомства—съ другой.

Точно также и въ губерніяхъ, стоящихъ на ближайшей очереди по введенію винной монополіи, теперь уже нѣтъ отбою отъ «кандидатовъ на должности по продажѣ питей». Въ смоленское акцизное управленіе, по словамъ мѣстнаго «Вѣстника», подано уже до 2.000 прошеній отъ желающихъ торговать казенными питіями съ открытіемъ въ будущемъ году казенной винной монополіи. Несмотря, однако, на то, что предложеніе рабочихъ рукъ при введеніи монополіи значительно превышаетъ спросъ на нихъ, выборъ служащихъ изъ массы кандидатовъ представляетъ большія трудности: нѣкоторые изъ принятыхъ на службу, разочаровавшись въ ней, сами покидаютъ ее, другихъ само акцизное вѣдомство признаетъ не подходящими для дѣла и увольняетъ; остающійся-же на мѣстахъ составъ служащихъ нерѣдко тоже далекъ отъ совершенства. Въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ, по сообщенію «Самарск. Газеты», группа сидѣльцевъ въ казенныхъ винныхъ лавкахъ расчленилась на двѣ: сидѣльцевъ-господъ и сидѣльцевъ-слугъ. Во многихъ лавкахъ посажены люди, для которыхъ исполненіе черной лавочной работы въ тягость, и они прибѣгаютъ къ найму лицъ, которыя могли-бы ихъ замѣнять, конечно, за очень скромное вознагражденіе. Хотя противъ подобнаго ненормальнаго явленія акцизное вѣдомство и принимаетъ свои мѣры, но не всегда успѣшно.

Волынское акцизное управленіе, какъ передаетъ мѣстная газета, примѣнило слѣдующій оригинальный способъ приглашенія сидѣльцевъ въ казенныя винныя лавки. «Оно сдало всѣ мѣста отвѣтственныхъ сборщиковъ на откупъ одной московской биржевой артели, внесшей 100 тыс. руб. залога и поставившей 50 служащихъ. Для артели эта операція оказалась очень выгодной: она получаетъ за каждаго поставленнаго служащаго «по штату» 1.500 р., а сама платитъ только 50 р. въ мѣсяцъ, и экипажъ съ парою лошадей для разъѣздовъ. Но всѣ эти сборщики набраны изъ мелкихъ приказчиковъ и весьма плохо справляются съ своими обязанностями. Для многихъ изъ нихъ, напр., обращеніе ведеръ въ градусы и градусовъ въ деньги представляется непосильной задачей. Точно также большинство этихъ сборщиковъ не имѣютъ понятія о дробяхъ, съ которыми, между тѣмъ, здѣсь постоянно приходится имѣть дѣло. Теперь нѣкоторые изъ нихъ начали обучаться ариѳметикѣ у народныхъ учителей». При громадномъ предложеніи услугъ по продажѣ вина въ казенныхъ лавкахъ можно было-бы, конечно, сдѣлать болѣе строгій выборъ служащихъ, чѣмъ это сдѣлано въ Волынской губерніи.

Винная монополія—мѣропріятіе для казны далеко не безвыгодное. Но за тѣми денежными выгодами, какія получаетъ отъ монополіи казна, нельзя забывать, что питейная реформа невыгодно отразилась на финан-

совомъ хозяйствѣ земствъ, городовъ и сельскихъ обществъ. До реформы земства и города получали довольно значительный доходъ въ видѣ патентнаго сбора съ заведеній, изготовляющихъ и торгующихъ питіями; съ введеніемъ-же монополіи сборъ этотъ отмѣненъ и хотя онъ выполняется временнымъ пособіемъ отъ казны, но уже не въ прежнемъ размѣрѣ. Кромѣ того, винная монополія почти совсѣмъ лишила города особаго сбора съ трактирныхъ заведеній, число которыхъ, послѣ открытія казенныхъ винныхъ лавокъ, не уплачивающихъ городскихъ сборовъ, страшно сократилось. Отмѣненный въ районѣ дѣйствія винной монополіи патентный сборъ такъ или иначе возмѣщается земствамъ и городамъ; вопросъ-же объ убыткахъ городовъ, происшедшихъ вслѣдствіе сокращенія трактирнаго сбора, совсѣмъ упущенъ изъ виду. Поэтому весьма важное значеніе имѣютъ ходатайства нѣкоторыхъ городскихъ думъ (напр., Стародубской) объ отчисленіи изъ доходовъ государственнаго казначейства по казенной продажѣ вина извѣстной суммы въ возмѣщеніе тѣхъ крупныхъ потерь, которыя несутъ города съ введеніемъ питейной реформы.

Тоже самое произошло и съ сельскими обществами, пользовавшимися до монополіи доходными статьями отъ сдачи права на открытіе въ селеніяхъ питейныхъ заведеній. Для многихъ сельскихъ обществъ эти расходы играли громадную роль: въ однихъ мѣстахъ ими покрывались государственныя повинности, въ другихъ на нихъ содержались народныя училища. Такъ, въ газету «Волынь» изъ Житомірскаго уѣзда пишутъ: «Пособія на содержаніе народныхъ школъ выдавались обыкновенно сельскими обществами изъ суммъ, получаемыхъ отъ содержателей питейныхъ заведеній. Этотъ расходъ даже не вносится въ общую раскладку мірскихъ сборовъ, а прямо покрывался изъ указанныхъ выше суммъ». Въ видѣ примѣра корреспондентъ указываетъ на пятковскую волость, въ которой всѣ общества удовлетворяли свои школьныя нужды изъ одного и того-же источника. «При открытіи школъ крестьяне имѣли въ виду именно этотъ источникъ доходовъ и прямо указывали на него въ своихъ общественныхъ приговорахъ. Со введеніемъ казенной продажи вина крестьянскія общества лишились указанныхъ доходовъ и теперь нѣкоторыя изъ нихъ уже отказываются вносить деньги на содержаніе школъ. Это побудило волостное правленіе мѣст. Пятки обратиться къ волынскому акцизному управленію съ ходатайствомъ возмѣстить сельскимъ обществамъ тѣ убытки, которые послѣднія несутъ, лишившись прежнихъ постоянныхъ доходовъ. Акцизное управленіе отказало въ удовлетвореніи ходатайства, такъ какъ правила о казенной продажѣ питей не даютъ права на такое вознагражденіе». («Волынь», № 247).

Если земства и города, лишившіеся, съ введеніемъ питейной реформы патентнаго сбора, въ возмѣщеніе его получаютъ нѣкоторое пособіе отъ казны, то было-бы вполнѣ справедливо, какъ намъ кажется, сдѣ-

лать тоже и по отношенію къ сельскимъ обществамъ, т. е. покрыть изъ доходовъ отъ монополіи тѣ убытки, какіе крестьяне понесутъ отъ уничтоженія доходныхъ статей по сдачѣ питейныхъ заведеній.

Какъ извѣстно, на введеніе казенной винной монополіи возлагались большія надежды въ смыслѣ сокращенія народнаго пьянства и уничтоженія неприглядныхъ сторонъ кабацкой обстановки. Дѣйствительность далеко не оправдала этихъ надеждъ.

«Съ введеніемъ (съ 1 іюля) въ Таврической губерніи казенной продажи напитковъ,—говорятъ «Одесскія Новости»,—въ виду недозволенія распивать таковые въ казенныхъ винныхъ лавкахъ, покупатели, преимущественно изъ низшаго класса, нерѣдко располагаются для распитія купленныхъ напитковъ у самыхъ лавокъ, на улицахъ или площадяхъ, а равно у этихъ лавокъ останавливаются въ большомъ числѣ проѣзжающіе въ фаэтонахъ и на подводахъ, напиваясь иногда здѣсь до пьяна. Въ виду этого, г. таврическій губернаторъ призналъ необходимымъ безусловно воспретить лицамъ, покупающимъ изъ казенныхъ винныхъ лавокъ напитки, распивать таковые какъ у самыхъ лавокъ, такъ и вообще на улицахъ или площадяхъ, а равно воспретить скопленіе у этихъ лавокъ фаэтоновъ и подводъ». Конечно, одного воспрещенія и предписанія здѣсь мало: съ улицы распитіе водки перенесется въ ближайшіе темные углы и закоулки, и вмѣсто прежняго явнаго кабака возникнутъ нѣсколько тайныхъ, болѣе опасныхъ и вредныхъ. «Несмотря на обязательныя постановленія, запрещающія распитіе водки на улицахъ,—говоритъ оренбургскій корреспондентъ «Самарской Газеты»,—это ненормальное явленіе не устраняется, по крайней мѣрѣ, у насъ, въ Оренбургѣ».

Еще болѣе мрачныя извѣстія сообщаютъ изъ одного села Самарской губерніи въ мѣстный «Вѣстникъ»: «У насъ нѣтъ винной лавочки оффиціальной, но за то много «подпольныхъ», гдѣ спаиваютъ и обираютъ крестьянъ. Кромѣ того, есть слухи, что нѣкоторые профессіональные «шинкари» дошли до такойвиртуозности, что сами поддѣлываютъ вино; эта фальсификація происходитъ такимъ образомъ: разбавивъ водку водой, для крѣпости подбавляютъ купоросу (сѣрнокислая мѣдь), и т. п. Крестьянинъ А. П. на свадьбѣ, между прочимъ, выпилъ вновь изобрѣтеннаго вина, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправился къ праотцамъ». («С. В.», 246).

На тотъ же вопросъ: уничтожился ли кабакъ съ введеніемъ монополіи?—даетъ отрицательный отвѣтъ и екатеринославскій корреспондентъ «Недѣли».

«Обстановка кабака была такъ незатѣйлива,—пишетъ онъ,—а посѣтители такъ нетребовательны, что ее вполнѣ замѣнила теперь улица: въ городахъ тротуары, скамьи и парадные подъѣзды сосѣднихъ домовъ, въ деревняхъ просто улица и тѣнь забора. Улица съ винной лавкой сдѣлалась открытымъ кабакомъ, по ней нельзя теперь пройти по тротуару,

ибо на каждомъ шагу можно услышать брань, увидѣть грязную сцену и даже получить болѣе существенную непріятность. Прежде иной только посмотритъ на кабакъ и пройдетъ мимо, а теперь его еще издали встрѣчаютъ пріятели и полупріятели со шкаликами въ рукахъ,—соблазнъ великъ, избѣжать его почти невозможно. Пьетъ и любитель, пьетъ и случайный прохожій, пьютъ безпардонно и много, безъ всякой закуски, обязательно до дна, чтобы сейчасъ же возвратить посуду въ лавку и получить обратно залогъ. Какой характеръ приметъ зимою эта уличная распивочная, когда холодъ и слякоть вступятъ въ свои права, угадать не трудно: къ услугамъ потребителей всегда найдутся помѣщенія, гдѣ за нѣсколько копѣекъ можно будетъ распить бутылку. Такихъ предпріимчивыхъ господъ не занимать. Создалась же цѣлая профессія предложенія гвоздей и штопоровъ для откупориванія бутылокъ. Присосѣдились вблизи лавокъ и пауки, принимающіе въ залогъ и покупающіе всякую рухлядь и вещи сомнительнаго происхожденія. Кабакъ какъ будто расчленился на составныя части: въ одномъ мѣстѣ продаютъ, въ другомъ распиваютъ, въ третьемъ раздѣваютъ и обираютъ. Вліяніе кабака-улицы сказалось. Хроника дѣлается обильнѣе уличными скандалами иногда уголовнаго характера. Екатеринославъ, Маріуполь, Лугансkъ чувствуютъ какъ бы нарожденіе новыхъ нравовъ».

Съ такой стихійной силой народной некультурности, пожалуй, трудно бороться и организуемымъ въ губерніяхъ, гдѣ введена казенная винная монополія, попечительствамъ и комитетамъ народной трезвости, тѣмъ болѣе, что большинство подобныхъ комитетовъ и обществъ, состоящихъ преимущественно изъ мѣстныхъ служилыхъ людей, у насъ очень скоро обращаются въ мертвыя, далекія отъ живого дѣла учрежденія съ процвѣтающимъ канцеляризмомъ.

Въ концѣ октября въ Самарѣ скончался одинъ изъ неутомимыхъ провинціальныхъ дѣятелей, извѣстный врачъ и публицистъ Веніаминъ Осиповичъ Португаловъ. Окончивъ университетъ и начавъ свою врачебную дѣятельность въ Полтавской губерніи, В. О. вскорѣ неожиданно долженъ былъ поселиться въ глуши Пермской губерніи. Здѣсь онъ съ юношеской, никогда не покидавшею его энергіей занялся медицинской практикой и теоретической разработкой вопросовъ общественной гигіены. Живо интересуясь общественными вопросами и принимая участіе въ практическомъ разрѣшеніи мѣстныхъ санитарныхъ задачъ, сначала въ качествѣ городового, заводскаго и затѣмъ земскаго врача, онъ въ то же время выступилъ дѣятельнымъ сотрудникомъ петербургскихъ журналовъ и газетъ («Дѣло» и «Недѣля») и скоро обратилъ на себя вниманіе читающей Россіи своими горячими публицистическими статьями. Вопросы народнаго здравія, общественнаго благоустройства и неустройства, общины, кулачества, адвокатуры служили главными темами его провинціальныхъ сообщеній. Перебравшись потомъ въ Самару

и по прежнему продолжая заниматься врачебной практикой, которая сдѣлала его особенно популярнымъ среди неимущаго люда, В. О. также живо интересовался общественными дѣлами и сочувственно откликался на всякую общественную нужду словомъ и дѣломъ.

«Въ Португаловѣ умеръ,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ г. Михневичъ,—одинъ изъ симпатичнѣйшихъ и популярнѣйшихъ представителей провинціальной интеллигенціи — той истинной «соли земли», которая, близко стоя къ народу, изучаетъ его, помогаетъ ему своими знаніями, роднится съ нимъ на почвѣ культурныхъ и гуманитарныхъ интересовъ, вноситъ въ его жизнь просвѣщеніе и порядокъ и находитъ чуткую, благодарную отзывчивость своимъ добрымъ начинаніямъ въ его свѣжихъ, бодрыхъ, пробуждающихся силахъ».

Почти всѣ поволжскія газеты посвятили памяти В. О. Португалова сочувственныя статьи и некрологи. Искренно оплакивала безкорыстнаго врача и самарская бѣднота. Только въ Самарской думѣ кончина популярнаго дѣятеля встрѣчена была равнодушно. Въ «Самарской Газетѣ» разсказывается любопытный инцидентъ, происшедшій въ томъ засѣданіи думы, когда одинъ изъ гласныхъ (г. Смирновъ) внесъ предложеніе достойнымъ образомъ почтить память покойнаго. Предсѣдательствовавшій въ засѣданіи думы и. д. городского головы г. Арычкинъ сперва даже вовсе не хотѣлъ дать слова г. Смирнову и уступилъ только настойчивому требованію послѣдняго, не преминувъ прибавить при этомъ, что «дума не можетъ въ настоящемъ засѣданіи разсматривать какое-либо предложеніе, не поставленное въ повѣсткѣ». Гласный Смирновъ, обративъ вниманіе думы на печальный фактъ—кончину В. О. Португалова, выразилъ сожалѣніе, что отъ города не было возложено вѣнка на гробъ покойнаго, и предложилъ возложить вѣнокъ уже на могилу покойнаго. Г. Смирнова поддержали еще только двое гласныхъ, а остальные хранили гробовое молчаніе.

К. В.

За предѣлами Европейской Россіи.

Дѣла и нужды Сибири.

Басня о сибирякѣ-американцѣ.—Сибирская косность и спячка. — Сибирь подъ Нижнимъ.—Выставочные итоги.—Торгово-промышленный съѣздъ и сибирскіе ротозѣи.—Почтово-телеграфные порядки въ Сибири. — Вопросъ на торгово-промышленномъ съѣздѣ о распространеніи фабричнаго законодательства на Сибирь.—Къ вопросу объ учрежденіи въ Сибири института фабричныхъ инспекторовъ.

Сибирскіе патріоты любятъ называть своихъ земляковъ американцами. Многіе россійскіе обыватели молчаливо соглашаются въ этомъ съ ними. Въ дѣйствительности-же ходячая молва о сибирякѣ-американцѣ, это только одна нелѣпая басня, плодъ не въ мѣру усердныхъ звонарей своего прихода и слабаго знакомства россійскихъ обывателей съ отечественной географіей. Американецъ и сибирякъ, это двѣ полныхъ противоположности. Первый уменъ, образованъ, энергиченъ, предпріимчивъ и изобрѣтателенъ. Второй, хотя и не глупъ, но въ массѣ своей глубоко невѣжественъ, апатиченъ, консервативенъ и т. д. Вся жизнь и дѣятельность американца,—систематическая и упорная борьба съ природой и окружающими его неблагопріятными условіями. Жизнь сибиряка, — лѣнивое, полусонное существованіе, вся его дѣятельность, легкій примитивный трудъ и хищническое пользованіе дарами природы. Въ настоящее время американецъ—царь природы и всего его окружающаго, счастливый обладатель высокой культуры и промышленности, громадныхъ матеріальныхъ богатствъ, цивилизованныхъ путей сообщенія, чудныхъ городовъ и селеній. Ничего подобнаго мы не видимъ въ Сибири. Тамъ, даже въ наши дни, попрежнему продолжается полудикое и полусонное существованіе, вѣрнѣе прозябаніе; почти нѣтъ никакихъ признаковъ настоящей культуры: большинство природныхъ богатствъ края лежитъ втунѣ, если незначительная часть изъ нихъ и разрабатывается, то крайне примитивно, неумѣло и хищнически; заводско-фабричная и обрабатывающая промышленность почти отсутствуетъ; населеніе края не обладаетъ зна-

чительными матеріальными богатствами; пути сообщенія отвратительны, города и селенія поражаютъ своей неустроенностью и безобразіемъ. Столь печальная картина прошлаго и настоящаго состоянія Сибири вполнѣ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у населенія энергіи, самодѣятельности и иниціативы. Она убѣждаетъ насъ только въ томъ, что въ прошломъ и настоящемъ основной чертой характера сибиряка были и есть косность и только косность. Съ особенной силой и ясностью черта эта проявилась въ отношеніи сибиряковъ къ нижегородской выставкѣ и торгово-промышленному съѣзду, а также и въ самомъ «Сибирскомъ отдѣлѣ» и его экспонатахъ.

«Сибирскій отдѣлъ» на нижегородской выставкѣ взялся организовать извѣстный знатокъ Сибири, сенаторъ П. П. Семеновъ. Притомъ онъ задался широкой цѣлью, а именно: «задача сибирскаго XIII отдѣла,— говорится въ «путеводителѣ по XIII отдѣлу всероссійской выставки»,— полное и всестороннее изображеніе природы края, его естественныхъ богатствъ и способовъ ихъ эксплоатаціи, полное изображеніе хозяйства и быта его разноплеменнаго населенія. Основательное изученіе Сибири, въ томъ видѣ, въ какомъ является она въ настоящій, критическій для нея моментъ, должно опредѣлить направленіе и указать размѣры той культурной работы, которая предстоитъ краю». Поставивъ себѣ столь широкую задачу, почтенный П. П. Семеновъ, когда состоялось рѣшеніе о всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ завѣдующій сибирскимъ отдѣломъ, обратился къ сибирякамъ съ предложеніемъ принять въ ней участіе. Послѣднимъ, если-бы они дѣйствительно обладали лучшими и положительными чертами американца, слѣдовало-бы горячо отозваться на это предложеніе, прійти г. П. П. Семенову на помощь въ полномъ своемъ составѣ, т.-е. такъ называемой интеллигенціи, торгово-промышленному классу, городскимъ самоуправленіямъ, ученымъ, просвѣтительнымъ, благотворительнымъ и другимъ обществамъ и т. п., и широко, ярко и детально представить на выставкѣ свой родной край во всѣхъ отношеніяхъ. Къ крайнему сожалѣнію, этого не случилось. Большинство сибирскихъ обывателей на приглашеніе П. П. Семенова отвѣтило рѣшительнымъ отказомъ. Сочувственно отозвалось только нѣсколько лицъ, изъ такъ-называемой интеллигенціи и торгово-промышленнаго класса. Притомъ, въ числѣ первой группы лицъ было нѣсколько не коренныхъ сибиряковъ. Затѣмъ, предложеніе П. П. Семенова было горячо поддержано нѣкоторыми сибирскими отдѣленіями Императорскаго русскаго географическаго общества, какъ напримѣръ, востоко-сибирскимъ, особенно много потрудившимся надъ устройствомъ «Сибирскаго отдѣла» на выставкѣ. Также заявилъ себя въ этомъ отношеніи и тобольскій вспомогательный комитетъ, образовавшійся изъ нѣсколькихъ лицъ мѣстной интеллигенціи, среди которыхъ также были и некоренные сибиряки. Вотъ, при содѣйствіи этихъ-то немногихъ общественныхъ учрежденій и лицъ и былъ организованъ на выставкѣ XIII «Сибирскій отдѣлъ», состояв-

шій изъ пяти группъ: Западной Сибири, Алтайскаго и Нерчинскаго горныхъ округовъ, Степного генералъ-губернаторства, Восточной Сибири и Пріамурскаго генералъ-губернаторства. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ другихъ, спеціальныхъ отдѣлахъ выставки находились экспонаты, такъ-же относившіеся къ XIII «Сибирскому отдѣлу», а именно: амурская и сибирская золотопромышленность и горное дѣло вообще, сибирская желѣзная дорога, торговля Сибири съ Китаемъ и Японіей и, наконецъ, дѣло народнаго образованія въ Сибири.

XIII «Сибирскій отдѣлъ» имѣлъ значительный успѣхъ. Онъ охотно посѣщался публикой. въ особенности россійскими обывателями, въ столичной и провинціальной прессѣ вызвалъ къ себѣ горячія похвалы, даже восторги. Дѣйствительно, XIII «Сибирскій отдѣлъ», сравнительно, былъ удовлетворителенъ и интересенъ. Но онъ далеко не удовлетворялъ вышеуказаннымъ задачамъ г. П. П. Семенова. Посѣтители выставки не видѣли всесторонней, подробной картины современнаго дѣйствительнаго состоянія Сибири, такъ-какъ XIII «Сибирскій отдѣлъ» являлся не болѣе, какъ только научно-этнографической выставкой. Онъ довольно удовлетворительно знакомилъ посѣтителей съ бытомъ сибирскаго населенія, какъ крестьянскаго, такъ и инородческаго. Но и съ точки зрѣнія научно-этнографической XIII «Сибирскій отдѣлъ», строго говоря, не былъ вполнѣ удовлетворителенъ. Онъ заключалъ въ себѣ рядъ существенныхъ пробѣловъ, на которые въ свое время указали болѣе безпристрастныя сибирскія газеты. Такъ, напримѣръ. «Восточное Обозрѣніе», дѣлая обзоръ переселенческаго отдѣла въ залѣ Западной Сибири, замѣчаетъ слѣдующее: «что касается общихъ свѣдѣній, подробныхъ и основательныхъ, насколько требуетъ важность вопроса, о томъ, какъ устраиваются переселенцы въ первое время въ новой странѣ, въ какомъ положеніи переселенческое дѣло въ губерніи, какія у него нужды и т. д., то по этому поводу мы не находимъ ничего ни въ самихъ коллекціяхъ, ни въ объясненіяхъ къ нимъ». («Вост. Обозр.», № 89, 1896 г.). Въ заключеніе-же своего обзора залы Западной Сибири, названная газета говоритъ: «впрочемъ, надо сказать правду, эта жизнь (т.-е. жизнь Западной Сибири) все-таки представлена крайне слабо, и инородческія коллекціи Западной Сибири бѣдны. Все въ этихъ коллекціяхъ отрывочно, и ни въ чемъ не видно цѣльности: немного одежды, немного промысловъ, немного культа». «Многія модели пришли въ разрушеніе; инородческія одежды сбросаны въ безпорядкѣ; звѣриный и рыбный промысла тоже въ жалкомъ видѣ; обстановки никакой нѣтъ; въ общемъ до того мнѣ тяжело, больно было за свою губернію,—писала частная корреспондентка «Сибирскаго Листка». Тобольской губерніи—что я ушла съ выставки сейчасъ-же и болѣе не приходила въ тотъ день». («Сибирск. Лист.», № 75, 1896 г.). Экспонаты Томской губерніи также были крайне незначительны и плохи. Пчеловодство-же, значительно развитое въ Томской губерніи, на выставкѣ, по словамъ «Сибирск. Вѣстн.», «блистало своимъ отсутствіемъ». («Сибирск.

Вѣстн.», № 214). «Изученіе скотоводства степного генералъ-губернаторства, занимающаго едва-ли не первое мѣсто въ Сибири, по словамъ «Степного Края», для публики (выставочной) было невозможно, вслѣдствіе отсутствія какихъ-бы то ни было записей, таблицъ, объяснительныхъ записокъ, діаграмъ и др.» («Степной Край», №№ 85—86). Кожевенное производство у крестьянъ Иркутской губерніи было представлено на выставкѣ довольно бѣдно. Залъ Пріамурскаго генералъ-губернаторства также заключалъ въ себѣ цѣлый рядъ существенныхъ пробѣловъ. Скотоводство,—главный промыселъ въ пріамурскомъ краѣ, по словамъ «Вост. Обозр.»,—на выставкѣ не было «рѣшительно ничѣмъ представлено». Затѣмъ, изъ естественныхъ горныхъ богатствъ даннаго края на выставкѣ были «лишь отдѣльные и случайные образцы, преимущественно тѣхъ минераловъ, которые уже эксплоатируются». «Первоначальное населеніе края, аборигены его, инородцы, буряты, орочаны, гальды, якуты и др., и до сихъ поръ составляющіе довольно значительный процентъ населенія, по словамъ той-же газеты, въ амурско-приморскомъ подъотдѣлѣ выставки нисколько не представлены». Въ томъ-же подъотдѣлѣ переселенческое дѣло, играющее въ жизни Пріамурскаго края значительную роль, также «нисколько не отразилось». («Вост. Обозр.», № 102). Наконецъ, сельскіе промыслы крестьянскаго и инородческаго населенія Пріамурскаго края, по словамъ «Сибирск. Вѣстн.», были представлены на выставкѣ «довольно слабо». Что-же касается экспонатовъ крупныхъ промышленниковъ Сибири, то ихъ на выставкѣ было крайне мало. Вотъ что, напримѣръ, относительно нихъ пишетъ «Енисей», имѣя въ виду Западную Сибирь: «хотя въ Томской губ. фабрично-заводской промышленностью занято 13,000 человѣкъ, а въ Тобольской 8,000, однако, всѣ эти фабрики и заводы мелки, незначительны и на выставкѣ отсутствуютъ почти всѣ. Изъ Тобольской губ., напр., можно отмѣтить только двухъ экспонентовъ, болѣе крупныхъ и серьезныхъ: писчебумажную фабрику Щербакова и суконную Андреева. Изъ Томской два крупныхъ винно-заводчика—Платоновъ и Ерофеевъ выставили свои экспонаты, Кухтеринъ свои спички, мыло и сальныя свѣчи; Колосовъ—сукно и мыло. Остальные экспонаты—скорѣе мастерскія средняго калибра. Изъ степного края всю обрабатывающую промышленность составляетъ лишь одна золотошвейная мастерская изъ Омска». Экспонаты фабрично-заводской промышленности Енисейской губерніи вызываютъ у корреспондента «Сибирскаго Вѣстника» «чувство неудовлетворенности», такъ какъ, по его словамъ, «слишкомъ ужъ ихъ мало въ сравненіи даже съ ничтожнымъ числомъ заводовъ Восточной Сибири» (№ 214). Корреспондентъ-же «Восточнаго Обозрѣнія» по этому поводу говоритъ почти то же: «Да, бѣдна фабрично-заводская промышленность въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ, но еще бѣднѣе она представлена на нижегородской выставкѣ» (№ 119).

Экспонаты по учебному дѣлу въ Сибири были крайне жалки. «Соб-

ственно на выставкѣ, замѣчаетъ по этому поводу «Восточное Обозрѣніе»,— за ничтожнымъ исключеніемъ, нѣтъ экспонатовъ по учебному дѣлу въ Сибири... Сибирь буквально отсутствуетъ на выставкѣ. Въ научно-учебномъ отдѣлѣ, гдѣ сосредоточены экспонаты по народному образованію, мы находимъ, сообщаетъ газета, двѣ карты изъ Сибири: карту Иркутской губ. г. Заостровскаго, на которой нанесены всѣ пункты съ городскими, уѣздными и сельскими жилищами, школами грамоты и церковно-приходскими школами; карту Якутской области съ 26 народными школами минист. народ. просв. и духовнаго вѣдомства. Среди экспонатовъ церковно-приходскихъ школъ еще имѣются карты-діаграмы изъ епархій якутской, томской и тобольской». Тюрьма и ссылка, имѣющія столь громадное значеніе для Сибири, по словамъ той-же газеты, были представлены на выставкѣ «крайне слабо». На выставкѣ совершенно не было экспонатовъ, характеризующихъ современное дѣйствительное состояніе въ Сибири врачебнаго и санитарнаго дѣла, общественной благотворительности, дѣятельности городскихъ обществъ, ученыхъ и частной общественной инициативы. Ни въ одномъ изъ отчетовъ сибирскихъ газетъ, посвященныхъ обзору XIII отдѣла, ничего не говорится объ экспонатахъ періодической сибирской прессы, на основаніи чего мы заключили, что на выставкѣ ихъ также не было.

Какъ-бы не были значительны пробѣлы въ XIII «Сибирскомъ отдѣлѣ», однако, онъ далъ нѣкоторую картину современнаго состоянія Сибири. Картина эта во всѣхъ отношеніяхъ крайне печальна. Современная Сибирь—полудикая страна. Ея населеніе—полудикари, изъ которыхъ многіе до сихъ поръ еще, даже въ земледѣльческой полосѣ Сибири, не перешли къ земледѣльческому хозяйству. Земледѣльческій промыселъ ведется примитивнѣйшимъ способомъ. Скотоводство, занимающее одинаково важное и значительное мѣсто съ земледѣліемъ, также ведется крайне рутинно. Сибирскій скотъ мелкій, слабосильный; удойность его —низкая, молочные продукты—плохого качества. Рыболовный и звѣроловный промыслы, имѣющіе важное значеніе въ краѣ, отличаются столь-же низкой техникой производства, благодаря чему изъ нихъ извлекается населеніемъ незначительная выгода [1]). Всюду съ каждымъ годомъ оба эти промысла все болѣе и болѣе падаютъ. Данное печальное явленіе обусловливается хищническимъ истребленіемъ звѣрей, а также — уничтоженіемъ и выгораніемъ лѣсовъ. Кустарные и домашніе промыслы въ Сибири мало развиты, незначительны и не играютъ серьезной роли въ экономической жизни населенія. Фабрично-заводская промышленность въ Сибири крайне ничтожна по своимъ размѣрамъ, и рутинна по своему характеру. Она зародилась только лишь за самое послѣднее время въ Сибири. Въ этомъ

---

[1]) По изслѣдованіямъ оказалось. сообщаетъ въ своей лекціи «Восточная Сибирь на всеросс. выст. въ 1896 г.» г. помощн. завод. сибирск. отд. И. И. Поповъ, что во всей Сибири оборотъ рыбнаго промысла меньше, чѣмъ оборотъ на одномъ только Сапожниковскомъ промыслѣ въ Астрахани. («Вост. Обозр.», № 105, 96 г.).

отношеніи особенно выдѣляются Амурскій край и Восточная Сибирь. Въ Западной Сибири фабрично-заводская промышленность возникла нѣсколько раньше. Въ Сибири, въ ряду фабрично-заводскихъ предпріятій, по словамъ «Степного края», первое мѣсто занимаетъ винокуренное дѣло. Горно-заводское, кожевенное, мукомольное, крупчатное и др. дѣла также играютъ большую роль. Въ Сибири писчебумажныя, суконныя, фарфоро-фаянсовыя и др. фабрики и заводы—единичное явленіе. Большая часть сибирскаго сырья обыкновенно идетъ въ Россію и за-границу. Сибиряковъ, занимающихся фабрично-заводскимъ трудомъ, еще крайне мало. Отношеніе фабрично-заводскаго сибирскаго населенія къ землевладѣльческому, по словамъ вышеназванной газеты, въ различныхъ раіонахъ колеблется отъ 1:100 до 2:100. Особенно важную роль для Сибири играетъ добывающая промышленность и, главнымъ образомъ, золотопромышленность. Рудныя и другія минеральныя богатства Сибири до сихъ поръ еще мало разрабатываются. Исключеніе составляетъ только золото, но и оно разрабатывается большею частью, примитивнѣйшимъ хищническимъ способомъ. Въ нѣкоторыхъ раіонахъ Сибири съ каждымъ годомъ золотопромышленное дѣло падаетъ и падаетъ. Золотопромышленники горько плачутся на свои плохія дѣла, безденежье и нерѣдко закрываютъ свою лавочку. Торговля, больше частью, ведется по старо-завѣтному и также—хищнически. Что-же касается современнаго состоянія природы края и его естественныхъ богатствъ, то и съ ними, какъ выяснилось на выставкѣ, дѣло обстоитъ плохо. «Въ Сибири, въ настоящее время,—говорилъ въ своей лекціи «Восточная Сибирь на всеросс. выставкѣ въ 1896 г. г. И. И. Поповъ, —переселенецъ встрѣчаетъ тѣсноту, а земледѣлецъ, послѣ цѣлаго ряда неурожайныхъ годовъ, долженъ былъ и на этихъ «богатѣйшихъ» земляхъ прибѣгнуть къ искусственному орошенію и удобренію полей». «Горныя и желѣзнодорожныя изысканія показали, говоритъ лекторъ, что неисчерпаемыя богатства Сибири въ значительной степени раздуты: петровскій желѣзнодѣлательный заводъ періодически прекращаетъ свою дѣятельность за недостаткомъ руды, николаевскій (Ирк. губерн.)—тоже самое. Насколько мала производительность этихъ заводовъ, видно изъ слѣдующаго факта: прошлой осенью и зимой Иркутскъ остался безъ желѣза и во всемъ городѣ нельзя было достать ни вьюшки, ни желѣзной скобы, ни другихъ т. п. издѣлій» («Вост. Обозр.», № 105, 1896 г.). Наконецъ, сибирскія рѣки значительно обмелѣли, лѣса порѣдѣли. Поразительное народное невѣжество, отвратительныя санитарныя условія края и почти полное отсутствіе медицинской помощи дополняютъ всю непривлекательность выше набросанной картины современнаго состоянія Сибири.

Казалось-бы, что при такомъ поистинѣ печальномъ положеніи своей родины, сибирскіе обыватели должны были пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ и энергично заявлять объ этомъ. Въ дѣйствительности, къ сожалѣнію, мы этого не видѣли и не видимъ. За послѣднее время

сибирскимъ обывателямъ представлялось нѣсколько крайне удобныхъ случаевъ коллективно заявить о своихъ насущныхъ нуждахъ. Особенно удобно было это сдѣлать на бывшемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ торгово-промышленномъ съѣздѣ. Мы не допускали мысли, что сибирское общество, въ видѣ своихъ городскихъ самоуправленій, ученыхъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ, не воспользуется названнымъ съѣздомъ. Мы ожидали увидѣть на этомъ съѣздѣ десятки сибирскихъ общественныхъ дѣятелей и услышать ихъ громкій голосъ за введеніе въ Сибири земства, какъ могущественнаго фактора, способнаго обновить всю матеріально-духовную жизнь края; за земскую школу и библіотеку-читальню и вообще за возвышеніе средствъ къ просвѣщенію Сибири; за земскую медицину; наконецъ, за полную отмѣну ссылки въ Сибирь. Такъ мы мечтали, но обманулись, жестоко обманулись въ сибирскомъ обществѣ и возлагаемыхъ нами на него надеждахъ. На торгово-промышленномъ съѣздѣ по поводу всѣхъ этихъ вопросовъ почти ничего не говорилось. Правда, на немъ были сдѣланы доклады и говорились рѣчи, касающіяся Сибири, но большинство изъ нихъ имѣло спеціальный, сравнительно узкій интересъ и значеніе. Такъ, напримѣръ, профессоръ Позднѣевъ сдѣлалъ докладъ «О торговлѣ съ Монголіей и Китаемъ», инженеръ Тимановъ «О мѣрахъ къ улучшенію условій пользованія водными путями Пріамурскаго края», г. И. И. Поповъ «О порто-франко или таможенномъ тарифѣ на Амурѣ». Тотъ-же г. И. И. Поповъ сдѣлалъ на торгово-промышленномъ съѣздѣ еще два доклада: «О почтово-телеграфныхъ сообщеніяхъ въ Сибири»[1]) и «О распростране-

---

[1]) Въ pendant къ сообщеннымъ въ докладѣ г. Попова фактамъ, характеризующимъ современные почтово-телеграфные порядки въ Сибири, приведемъ еще нѣсколько. Такъ, напримѣръ, по словамъ «Сибирск. Вѣст.», высчитано было, что одна депеша братьевъ Зензиновыхъ шла со скоростью $13^1/_3$ верстъ въ часъ. Въ г. Иркутскъ, въ редакцію газеты «Вост. Обозр.», однажды была доставлена депеша изъ Нижнеудинска (разстояніе между этими городами не превышаетъ 480 верстъ), спустя 10 сутокъ, т. е. депеша эта проходила *по 2 версты въ часъ*! Въ Томскѣ городское письмо доставляется по адресу,—по словамъ «Сибирс. Вѣст.», ни болѣе, ни менѣе какъ черезъ *три съ половиною дня*. Въ почтово-телеграфной конторѣ того-же города однажды висѣла телеграмма на имя г. Бухгалтера и долгое время ждала адресата. Между тѣмъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ г. Бухгалтеръ живетъ почти вблизи почтово-телеграфной конторы и съ нетерпѣніемъ, но тщетно, ждетъ этой телеграммы. Телеграмма изъ Петербурга, отъ 23 іюля.—по словамъ «Енисея», получается во Владивостокѣ 15 августа. Посылая срочную депешу въ Красноярскъ и интересуясь узнать на владивостокской станціи,—когда „*дотащится*“ ваша телеграмма по назначенію,—вы слышите въ отвѣтъ:—«А кто ее знаетъ!.. Въ дня три, надо думать, будетъ на мѣстѣ!» *Передача телеграммъ* (простыхъ) *въ одинъ конецъ въ теченіе 12—14 дней.—явленіе у насъ*,—заключаетъ названная газета,—*самое обыкновенное*». Здѣсь мы могли-бы привести массу не менѣе поразительныхъ въ этомъ отношеніи фактовъ, переполняющихъ сибирскія газеты, но, думаемъ, достаточно и выше сообщенныхъ. Полная неудовлетворительность почтово-телеграфнаго дѣла въ Сибири это—давно общепризнанный фактъ, даже не требующій новыхъ доказательствъ и комментаріевъ.

Авторъ.

нія фабричнаго законодательства на Сибирь». Оба эти доклада имѣютъ общесибирскій интересъ и затрагиваютъ настолько серьезныя и научныя нужды края, что заслуживаютъ со стороны общества, печати и правительства полнаго вниманія. Мы позволимъ себѣ познакомить нашихъ читателей съ сущностью этихъ докладовъ и затѣмъ показать всю важность предложеній г. докладчика и принятыхъ относительно нихъ постановленій съѣзда.

Въ Сибири давно уже почтово-телеграфные порядки стали притчею во языцѣхъ. О нихъ и повѣдалъ г. Поповъ торгово-промышленному съѣзду. «Мы, живущіе въ Иркутскѣ, говорилъ онъ, въ обыкновенное время получаемъ почту изъ столицъ на 23—25-й день, тогда какъ проѣзжающіе дѣлаютъ это разстояніе въ 16—18 дней; въ распутицу мы по цѣлымъ недѣлямъ сидимъ безъ почты и получаемъ ее на 40—50 день Для характеристики телеграфнаго сообщенія въ Сибири г. Поповъ сослался на газету «Волгарь», напечатавшую кондуитный списокъ телеграммъ, полученныхъ г. Зензиновымъ. По этому списку оказалось, что нѣкоторыя телеграммы съ Амура были получены г. Зензиновымъ на 25 день. Въ февралѣ текущаго года, по сообщенію г. докладчика, было, оказывается, передано изъ Иркутска въ Томскъ до 1,000 телеграммъ съ эстафетой, а не по проволокѣ, т.-е. ни одна изъ этихъ телеграммъ не была получена съ иркутской телеграфной станціи ранѣе, чѣмъ черезъ 8—9 сутокъ. Притомъ, очень часто страшно извращается самый текстъ телеграммы и трудно бываетъ добиться истиннаго смысла. Такое анормальное явленіе переживается сибиряками ежегодно по три раза и уже въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Столь поразительную медленность въ передачѣ телеграммъ, когда отвѣтъ получается на 8—40-й день, г. Поповъ объяснилъ: 1) скудостью телеграфныхъ проводовъ, 2) устарѣлостью телеграфныхъ аппаратовъ и 3) малымъ количествомъ служащихъ въ сибирскихъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ; почтово-телеграфнымъ чинамъ, по словамъ г. докладчика, приходится работать *въ среднемъ по 17 часовъ въ сутки*. Въ Сибири даже срочныя телеграммы передаются не своевременно и очень часто не достигаютъ своей цѣли. Послѣдствія такихъ почтово-телеграфныхъ порядковъ очевидны: несвоевременная уплата по векселю, опротестованный вексель, несостоявшаяся торговая сдѣлка и т. д. Затѣмъ, г. Поповъ коснулся телеграфной таксы. Заграничныя телеграммы прямо изъ Сибири уплачиваются, напр., по 70—80 коп. со слова. Каждое слово телеграммы въ Японію и Китай—3 рубля. Свое сообщеніе г. докладчикъ резюмировалъ въ слѣдующихъ тезисахъ, по которымъ и предложилъ возбудить ходатайство: 1) улучшеніе почтовыхъ сообщеній по Сибири въ сторону отъ большого тракта и проведеніе почтоваго тракта отъ Байкала къ Кяхтѣ по комерческой дорогѣ; 2) пониженіе почтоваго и телеграфнаго тарифовъ и введеніе однообразнаго тарифа для телеграммъ, посылаемыхъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи; 3) увеличеніе телеграфныхъ проводовъ и комплекта почтово-телеграфныхъ служащихъ; 4) проведеніе те-

леграфной линіи въ Якутскъ и, наконецъ, 5) облегченіе пересылки періодическихъ изданій. По окончаніи преній, по всѣмъ предложеніямъ г-на Попова рѣшено было возбудить ходатайство, съ тѣмъ, чтобы устарѣлые порядки и неудобства, нетребующія затратъ, немедленно были устранены.

Ходатайство торгово-промышленнаго съѣзда по всѣмъ вышеприведеннымъ предложеніямъ г. И. И. Попова, какъ касающееся одной изъ насущнѣйшихъ современныхъ нуждъ Сибири, заслуживаетъ полнаго уваженія. Съ нашей точки зрѣнія торгово-промышленному съѣзду даже не слѣдовало-бы дѣлать къ предложеніямъ г. Попова оговорки объ немедленномъ устраненіи только тѣхъ устарѣлыхъ порядковъ и неудобствъ, которые не потребуютъ затратъ. Данная оговорка — крайне существенна. Благодаря ей, всѣ предложенія г. И. И. Попова въ практическомъ отношеніи могутъ свестись къ нулю. Радикальная реорганизація почтово-телеграфныхъ порядковъ въ Сибири въ настоящее время— жгучій, неотложный вопросъ. Его необходимо разрѣшить возможно скорѣе и удовлетворительнѣе. Передъ неизбѣжными затратами останавливаться не слѣдуетъ. Онѣ крайне производительны и, кромѣ выгоды, ничего не могутъ принести съ собою для общества и правительства. Экономія-же въ расходахъ на улучшеніе почтово-телеграфнаго дѣла въ Сибири окажется крайне неразумной и прямо безвыгодной. Наблюдающіяся замедленія въ почтово-телеграфныхъ сношеніяхъ сильно нарушаютъ правильный ходъ экономической, торгово-промышленной и духовной жизни края. Кромѣ того, онѣ порождаютъ цѣлый рядъ личныхъ непріятностей, недоразумѣній и столкновеній. Безъ нѣкоторыхъ-же новыхъ затратъ трудно будетъ обойтись. Одно увеличеніе комплекта почтово-телеграфныхъ служащихъ въ Сибири потребуетъ новыхъ расходовъ. Почтово-телеграфный сибирскій чиновникъ почти цѣлые сутки привязанъ къ своему телеграфному аппарату или почтамтскому столу. Естественно, что полусонные, физически и нравственно измученные почтово-телеграфные служащіе въ Сибири не могутъ стоять на высотѣ своего крайне отвѣтственнаго положенія. Во имя справедливости, правительство и общество не должны и нравственно не могутъ требовать отъ нихъ этого, такъ какъ неаккуратность, ошибки и другія наблюдающіяся теперь въ Сибири почтово-телеграфныя неурядицы — ихъ самая прямая и единственная вина, истекающая изъ неразумной экономіи и вообще малаго вниманія къ интересамъ и нуждамъ Сибири.

Распространеніе фабричнаго законодательства на Сибирь, предложенное на торгово-промышленномъ съѣздѣ тѣмъ-же г. И. И. Поповымъ,— столь-же неотложный и серьезный вопросъ. Сибирь въ отношеніи фабрично-заводскаго законодательства, была несправедливо обездолена. Въ горномъ дѣлѣ, какъ извѣстно, широко распространенномъ въ Сибири, до сихъ поръ продолжаетъ дѣйствовать устарѣлое законодательство, обезпечивающее только предпринимателя. Опубликованный въ прошломъ году новый законъ о наймѣ рабочихъ на золотые и платиновые пріиски

только далъ рабочему право на воскресный отдыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ повлекъ за собою одно новое серьезное зло, это—цынгу, развившуюся съ поразительной быстротой. Здѣсь вина новаго закона состоитъ въ томъ, что, согласно ему, пріисковые рабочіе были переведены съ хозяйскаго содержанія на свое и, экономя въ расходахъ на пищу, часто не доѣдали. Современное положеніе пріисковыхъ рабочихъ было обрисовано почтеннымъ ораторомъ въ довольно мрачныхъ краскахъ. Пріисковый рабочій, обыкновенно, несетъ каторжный трудъ, плохо питается и одѣвается, живетъ въ ужасныхъ санитарныхъ условіяхъ, часто бываетъ лишенъ необходимой медицинской помощи, въ молодыхъ еще годахъ надрываетъ здоровье и лишается способности къ работѣ; во время старости и на случай несчастій онъ оказывается совершенно ничѣмъ не обезпеченнымъ. Правда, два года тому назадъ И. М. Сибиряковъ, сдѣлалъ крупное пожертвованіе (400 тыс.) для оказанія помощи на случай старости и болѣзни, но только для рабочихъ олекминско-витимской тайги. Такимъ образомъ, бо̀льшая часть золотопромышленнаго раіона попрежнему остается въ этомъ отношеніи совершенно необезпеченной. Положеніе рабочихъ въ другихъ отрасляхъ сибирской промышленности и даже въ кяхтинскихъ рабочихъ артеляхъ,—по словамъ г. И. И. Попова,—не лучше. «Въ виду этого,—заключилъ свою рѣчь почтенный ораторъ,—всероссійскому торгово-промышленному съѣзду необходимо придти на помощь сибирскимъ рабочимъ и ходатайствовать, чтобы всѣ мѣропріятія, имѣющія цѣлью здоровье, жизнь и обезпеченіе фабрично-заводскихъ рабочихъ на случай старости, увѣчья или болѣзни; наконецъ, мѣропріятія, стремящіяся къ поднятію умственно-нравственнаго уровня, о которыхъ ходатайствуетъ съѣздъ, а также и фабричныя законодательства были распространены и на Сибирь». По предположенію г. И. И. Попова, функціи фабричныхъ инспекторовъ въ Сибири могутъ исправлять горные исправники, податные инспектора и губернскіе техники. «Но если неудобно предоставить упомянутыя функціи даннымъ лицамъ,—замѣтилъ докладчикъ, — и въ Сибири невозможно введеніе института фабричныхъ инспекторовъ, то и одно распространеніе на Сибирь фабричнаго законодательства будетъ крупнымъ шагомъ впередъ по пути улучшенія быта рабочихъ, особенно, въ виду введенія въ Сибири судебныхъ уставовъ Александра II и учрежденія съ будущаго года института мировыхъ судей». («Вѣстн. Обозр.», № 113).

Съѣздъ принялъ предложеніе докладчика единогласно и постановилъ также ходатайствовать о распространеніи на Сибирь фабричнаго законодательства и всѣхъ выработанныхъ съѣздомъ мѣропріятій, клонящихся къ улучшенію быта рабочихъ вообще.

Горячо привѣтствуя предложенія г. Попова и постановленія ходатайства относительно ихъ съѣзда, мы, съ своей стороны, особенно настаиваемъ на необходимости ихъ скорѣйшаго практическаго осуществленія. Хотѣлось-бы вѣрить, что данное ходатайство съѣзда не

только будетъ принято къ свѣдѣнію, каковая судьба у насъ обыкновенно постигаетъ вообще всякія ходатайства, исходящія путемъ частной общественной инпціативы, но въ самомъ ближайшемъ времени осуществлено на дѣлѣ. Въ Сибири, въ этой классической странѣ косности и хищничества, чувствуется жгучая необходимость въ учрежденіи правовыхъ нормъ вообще и въ законной гарантіи всѣхъ униженныхъ и обиженныхъ отъ произвола и алчныхъ аппетитовъ разныхъ «сибирскихъ коршуновъ», въ особенности. Одного-же распространенія фабричнаго законодательства на Сибирь, не смотря на введеніе тамъ института мировыхъ судей, по нашему крайнему убѣжденію, недостаточно. Тогда можетъ случиться такъ, что законодательство это не будетъ имѣть никакого практическаго значенія или-же, по крайней мѣрѣ, не будетъ играть той роли, какая выпадаетъ ему въ Россіи, при существованіи тамъ института фабричныхъ инспекторовъ. Въ виду этого, *мы категорически высказываемся за обязательность и крайнюю неотложность названнаго института.* Также мы не можемъ согласиться съ предложеніемъ докладчика комплектовать институтъ фабричныхъ инспекторовъ въ Сибири изъ горныхъ исправниковъ, податныхъ инспекторовъ и губернскихъ техниковъ. Обязанности фабричнаго инспектора, при серьезномъ и добросовѣстномъ отношеніи къ нимъ, настолько сложны, трудны и отвѣтственны, что совмѣщать ихъ, безъ ущерба дѣла, прямо немыслимо. Да и вообще принципъ совмѣстительства здѣсь является неподходящимъ, какъ и во всякомъ столь-же трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ. Возложить обязанности фабричнаго инспектора на податныхъ инспекторовъ и губернскихъ техниковъ прямо фактически будетъ невозможно—у нихъ самихъ слишкомъ много дѣла. Что-же касается горныхъ исправниковъ, то они по самому своему положенію менѣе всего пригодны для роли фабричныхъ инспекторовъ, въ особенности на золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ. Въ Сибири, въ большинствѣ случаевъ, горные исправники—народъ полуобразованный, мало свѣдующій относительно существующихъ у насъ правовыхъ нормъ и нерѣдко не считающійся съ ними, часто зависящій отъ гг. золотопромышленниковъ. Мы твердо убѣждены въ томъ, что изъ нихъ выйдетъ плохой институтъ фабричныхъ инспекторовъ въ Сибири и едва-ли его будутъ благословлять и уважать сибирскіе рабочіе. Въ Сибири отвѣтственныя обязанности фабричныхъ инспекторовъ должны быть возложены на лицъ образованныхъ, гуманныхъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ безупречныхъ. Въ отправленіи своихъ обязанностей они, также какъ и податные инспектора, не должны быть зависимы отъ мѣстной мелкой администраціи. Также не слѣдуетъ ихъ ставить въ какую-бы то ни было зависимость отъ гг. фабрикантовъ и золотопромышленниковъ, въ особенности, въ матеріальную, что иногда случалось и, кажется, случается съ гг. горными исправниками. Намъ могутъ, правда, возражать, что такого характера институтъ фабричныхъ инспекторовъ въ Сибири окажется крайне обременительнымъ

для казны. Но, вѣдь, теперь, какъ намъ говорятъ, мы переживаемъ эпоху «блестящихъ финансовъ» и было-бы большой несправедливостью не удѣлить отъ «избытка» нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Не слѣдуетъ забывать, что въ Сибири на одныхъ золотыхъ промыслахъ въ 1893 году работало 92,000 человѣкъ. Неужели эти люди, численность которыхъ поднялась, навѣрное, теперь уже до 100,000 или даже болѣе, должны быть лишены государственной охраны?

П. Арефьевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Разногласіе въ опредѣленіи размѣровъ урожая.—Положеніе дѣлъ въ пострадавшихъ мѣстностяхъ. — Заботы херсонскаго земства о народномъ продовольствіи и ихъ результаты.—Земство и земскіе начальники въ дѣлахъ народнаго продовольствія.—Подавленіе уѣздныхъ земствъ губернскими.—Экстренныя сессіи земскихъ собраній.—Рѣшеніе Сената по дѣлу полтавской уѣздной земской управы.—Узаконеніе крестьянской жизни и солидарность либеральной «Русской Мысли» съ гг. Щеглятьевыми. — Коммисія по составленію положенія объ артеляхъ.

Казенныя вѣдомства разошлись въ оцѣнкѣ послѣдней жатвы. Отдѣлъ сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики опубликовалъ собранныя имъ данныя, которыя, по справедливому мнѣнію отдѣла, приближаютъ послѣднюю жатву къ неурожайному 1892 г. На дняхъ центральный статистическій комитетъ опубликовалъ *свои* данныя о сборѣ озимныхъ хлѣбовъ болѣе утѣшительнаго характера. Комитетъ прямо не опровергаетъ что настоящій сборъ озимныхъ хлѣбовъ близко подходитъ къ неурожаю 1892 г., а утверждаетъ, что онъ вполнѣ отвѣчаетъ среднему размѣру сбора за пятилѣтіе 1891—1895 г. Можно себѣ представить, какую низкую норму беретъ комитетъ для сравненія, если мы вспомнимъ, что въ указанное пятилѣтіе вошли два крайне недородныхъ года 1891 и 1892. Разница между цифрами о сборѣ ржи, опубликованными центральнымъ комитетомъ и отдѣломъ сельской экономіи, достигаетъ до 15—14 процентовъ. Проставляя свои болѣе радужныя цифры (на 13—14%), центральный статистическая комитетъ категорически утверждаетъ, что сборъ ржи въ 15 губерніяхъ Евр. Россіи стоитъ ниже средней цифры даже за указанное пятилѣтіе 1891—1895 гг.

Въ виду такихъ данныхъ о сборѣ ржи, представляются вполнѣ понятными частыя сообщенія провинціальныхъ газетъ. Такъ «Одесскому Листку» пишутъ изъ Ананьевскаго уѣзда Херсонской губерніи: «Какъ извѣстно, въ текущемъ году полнѣйшій неурожай хлѣба; только десятая часть крестьянъ возвратила затраченныя сѣмена, остальные не получали ровно ничего». Херсонская губернія вообще принадлежитъ къ числу наиболѣе пострадавшихъ. Въ этой губерніи уже давно началась весь-

ма оживленная переписка съ центральными вѣдомствами. Херсонское губернское земство, въ виду неурожая хлѣбовъ, постановило ходатайствовать объ отпускѣ 550 тыс. рублей для выдачи нуждающимся въ хлѣбѣ для продовольствія и для обсѣмененія полей. По поводу этого ходатайства херсонскій губернаторъ извѣстилъ херсонскую губернскую земскую управу, что имъ изъ Петербурга получено разъясненіе, въ которомъ сказано, что «по принятому въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ порядку помощь на продовольствіе будетъ оказана не выдачей изъ общаго продовольственнаго капитала денежной ссуды въ распоряженіе земства, а представленіемъ потребнаго количества зерна, которое или будетъ получено изъ имѣющихся въ распоряженіи министра финансовъ запасовъ ржи, или пріобрѣтено по непосредственному распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ». Кромѣ того, министерство внутреннихъ дѣлъ считаетъ опредѣленіе размѣровъ ссуды по разсчету изъ 18 пуд. на душу въ теченіи года «крайне преувеличеннымъ» и не находитъ въ земскомъ ходатайствѣ указаній на то, «исключены-ли изъ общаго числа душъ, на которое разсчитана ссуда, лица рабочаго возраста и въ какой мѣрѣ удостовѣрено отсутствіе собственныхъ средствъ къ пропитанію у пострадавшаго отъ неурожая населенія». Считая необходимымъ, чтобы изъ общаго продовольственнаго капитала выдавалось не болѣе 30 фунт. въ мѣсяцъ на ѣдока, за исключеніемъ лицъ рабочаго возраста, которыя могутъ снискивать пропитаніе заработками, министерство затребовало отъ херсонскаго губернатора свѣдѣнія о количествѣ необходимаго для продовольствія населенія губерніи хлѣба по разсчету 30 фунт. на ѣдока на время не свыше 6-ти мѣсяцевъ, а также о срокѣ доставки и пунктахъ, въ которые хлѣбъ долженъ быть направленъ.

Этотъ отвѣтъ на ходатайство херсонскаго земства «Саратовская Земская Недѣля» признаетъ вызывающимъ рядъ недоразумѣній. «Понятнымъ является желаніе дать употребленіе имѣющимся у правительства запасамъ ржи, но непонятно,—говоритъ «Недѣля»,—почему земство устраняется отъ закупокъ хлѣба въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость или преимущества покупки допускаются и министерствомъ. Земства не уклоняются отъ принадлежащей имъ роли, заявляютъ, ходатайствуютъ и выносятъ всякіе конфликты. Въ области народнаго продовольствія конфликты чаще всего возникаютъ между земскими начальниками и земствомъ. Эти конфликты охарактеризованы въ указѣ сената по дѣлу полтавской уѣздной земской управы. Мы изложимъ это дѣло, передавая содержаніе указа почти съ дословной точностью.

Въ мартѣ 1891 года общества казаковъ и крестьянъ мѣстечекъ Старыхъ Сенжаръ и Кунчанъ, Полтавскаго уѣзда, составили приговоры, которыми просили мѣстную уѣздную земскую управу о разрѣшеніи нѣкоторымъ изъ ихъ однообщественниковъ ссуды озимаго и яроваго хлѣба для продовольствія и на обсѣмененіе полей. Приговоры были своевременно повѣрены членомъ управы въ присутствіи волостного старшины,

сельскихъ старостъ и сторонихъ понятыхъ, а затѣмъ въ концѣ того-же мѣсяца управою была разрѣшена ссуда изъ общественнаго запаснаго магазина. Но тотчасъ же по полученіи старосенжаровскимъ волостнымъ правленіемъ увѣдомленія объ этомъ, мѣстный земскій начальникъ запретилъ отпускать хлѣбъ, разрѣшенный управою къ выдачѣ, и вошелъ въ полтавскій уѣздный съѣздъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ указанныхъ приговоровъ въ той части, которая касается выдачи озимаго хлѣба. Уѣздный съѣздъ, въ засѣданіи 1-го апрѣля, безъ участія предсѣдателя земской управы, уничтожилъ эти приговоры даже во всемъ ихъ объемѣ. Однако, земскій начальникъ черезъ пять дней сдѣлалъ распоряженіе объ отпускѣ ярового хлѣба. Такимъ образомъ, отмѣнивъ распоряженіе управы, земскій начальникъ одновременно нарушилъ и постановленіе съѣзда. Полтавская уѣздная земская управа усмотрѣла въ дѣйствіяхъ земскаго начальника и уѣзднаго съѣзда нарушеніе предѣловъ вѣдомства земскихъ учрежденій и обратилась въ губернское присутствіе съ жалобою, въ которой просила «принять мѣры къ отмѣнѣ постановленія уѣзднаго съѣзда и выясненію порядка дѣятельности мѣстныхъ крестьянскихъ установленій во избѣжаніе пререканій ихъ съ земскими учрежденіями». Губернское присутствіе, признавъ опредѣленіе съѣзда превышающимъ его компетенцію, представило это опредѣленіе въ сенатъ, для отмѣны. Дѣло слушалось первоначально во 2-мъ департаментѣ сената, но,—какъ сказано въ указѣ сената,—«за разногласіемъ гг. сенаторовъ 2-го департамента и г. товарища министра внутреннихъ дѣлъ», было перенесено въ первое общее собраніе. Общее собраніе сената нашло, что «отъ усмотрѣнія земскаго начальника вполнѣ зависѣло-бы признать приговоры обществъ казаковъ и крестьянъ мѣстечекъ Старыхъ Сенжаръ и Кунчанъ объ испрошеніи у земской управы ссуды хлѣба на продовольствіе и обсѣмененіе полей несоотвѣтствующими интересамъ этихъ обществъ и, пріостановивъ исполненіе оныхъ, т. е. подачу ихъ въ управу, разрѣшенію которой подлежало заключающееся въ нихъ ходатайство, предоставить эти приговоры, въ подлинникѣ съ своимъ заключеніемъ, на разсмотрѣніе съѣзда. Такое распоряженіе земскаго начальника въ указанный моментъ, т.-е. до принесенія приговоровъ земской управѣ, которой они по закону (ст. 19 прил. къ ст. 5 прим. 1 уст. прод. т. XIII, по прод. 1886 г. и ст. Уст. прод. изд. 1889 г. и 1892 г.) представляются самими нуждающимися лицами или цѣлыми обществами, было-бы вполнѣ правильно и могло-бы для уѣзднаго съѣзда служить законнымъ основаніемъ къ отмѣнѣ означенныхъ приговоровъ. Но въ данномъ случаѣ, въ моментъ представленія земскимъ начальникомъ съѣзду объ отмѣнѣ этихъ приговоровъ, содержащееся въ нихъ ходатайство было уже удовлетворено земскою управою, почему сами по себѣ приговоры сіи не имѣли въ это время никакого значенія, какъ замѣненные состоявшимся вслѣдствіе подачи ихъ распоряженіемъ земской управы о выдачѣ казакамъ и крестьянамъ хлѣба въ ссуду. Такимъ

образомъ, земскій начальникъ, обращаясь къ съѣзду съ просьбой объ отмѣнѣ указанныхъ приговоровъ, былъ при этомъ лишенъ фактической возможности соблюсти требованіе 31 ст. пол. о зем. нач., какъ о представленіи самыхъ приговоровъ, такъ и о предварительномъ пріостановленіи ихъ исполненія, которое, какъ заключавшееся лишь въ подачѣ оныхъ управѣ, было во время заявленія той просьбы уже осуществлено на дѣлѣ.—Очевидно, съѣздъ не имѣлъ права «ни входить въ разсмотрѣніе представленія земскаго начальника по существу, ни постановлять по сему представленію опредѣленія объ отмѣнѣ приговоровъ». Кромѣ того, съѣздъ долженъ былъ воздержаться отъ постановленія и по другой причинѣ. Изъ дѣла явствовало, что земскій начальникъ нарушилъ ст. 31 Полож. 12-го іюля 1889 года, пріостановивъ исполненіе не сельскихъ общественныхъ приговоровъ, а распоряженіе земской управы. Дѣйствуя такимъ образомъ, земскій начальникъ «несомнѣнно вышелъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти». Поэтому первое общее собраніе сената, отмѣнивъ опредѣленіе съѣзда, какъ незаконное, указало губернскому присутствію, что отъ него зависитъ разсмотрѣть въ порядкѣ надзора жалобу уѣздной земской управы на незаконное вмѣшательство земскаго начальника въ распоряженіе ея о выдачѣ крестьянамъ хлѣба въ ссуду.

Этотъ указъ сената, при опубликованіи его для всеобщаго свѣдѣнія и руководства, принесетъ пользу тѣмъ земскимъ начальникамъ, которые искренно желаютъ постичь предѣлы своей власти и своей компетенціи. Мы, конечно, не будемъ касаться вопроса о томъ, насколько одно сенатское разъясненіе заблужденій на счетъ предѣловъ власти можетъ побуждать къ дальнѣйшему соблюденію предѣловъ власти и компененціи.

Забвеніе предѣловъ компетенціи теперь глубоко проникаетъ въ земскую среду. Губернскія земства, видимо, склонны увлекаться поглощеніемъ и регламентированіемъ дѣятельности уѣздныхъ земствъ со стороны губернскихъ земскихъ учрежденій. Намъ не хотѣлось бы думать, что предсѣдатели губернскихъ управъ, совѣщавшіеся въ Нижнемъ «относительно болѣе активнаго участія губернскихъ земствъ въ дѣлѣ постановки въ уѣздахъ важнѣйшихъ отраслей земскаго хозяйства, какъ напр. медицины, народнзго образованія и т. д.»,—этимъ болѣе активнымъ участіемъ губернскихъ земствъ не имѣли въ виду замѣнить болѣе активное участіе и самодѣятельность уѣздныхъ земствъ въ дѣлѣ постановки въ уѣздахъ медицины, народнаго образованія и т. д. Работу уѣздныхъ земствъ никто не замѣнитъ. Губернское земство можетъ помогать уѣздному земству и уѣздное земство можетъ помогать губернскому земству, но ни уѣздное земство не можетъ замѣнить губернское земство, ни губернское земство не можетъ замѣнить уѣздное земство. Стремленіе губернскихъ земствъ къ замѣщенію уѣздныхъ земствъ въ самыхъ важныхъ отрасляхъ земской дѣятельности, въ предѣлахъ уѣзда, равносильно признанію со стороны губернскихъ земствъ безполезности уѣздныхъ земскихъ учрежденій. Въ самой земской средѣ теперь оказалось немало людей, враждебно относящихся къ развитію земскаго само-

управленія. Относясь безъ всякаго уваженія къ коллегіальному обсужденію и разрѣшенію вопросовъ, они желаютъ ставить свое мнѣніе выше взглядовъ большинства земскихъ гласныхъ и нерѣдко успѣваютъ въ этомъ. Предсѣдатели земскихъ собраній и земскихъ управъ въ послѣднее время стали питать особую симпатію къ созыву экстренныхъ собраній. На очередныя собранія, происходящія осенью и зимой, являются почти всѣ земскіе гласные и людямъ съ властными замашками не нравится «возня» съ цѣлымъ собраніемъ. Они предпочитаютъ оттягивать вопросъ для экстренныхъ сессій, назначаемыхъ въ лѣтнее время, когда можетъ съѣхаться скромное число гласныхъ, едва достаточное для открытія собранія. Въ такомъ малолюдномъ собраніи властолюбивые люди легко проводятъ свои взгляды и навязываютъ свои мнѣнія, не встрѣчая сильной оппозиціи. Несомнѣнно, что такимъ искуснымъ маневромъ нарушаются права земскихъ собраній и обрѣзывается ихъ компетенція въ пользу отдѣльныхъ лицъ, въ сущности устраняющихъ отъ разрѣшенія того или другого вопроса земское собраніе путемъ перенесенія его на экстренную сессію.

Такіе порядки остановили на себѣ вниманіе руководящихъ сферъ. Еще въ іюнѣ истекшаго 1896 г. по этому поводу было разослано особое циркулярное предложеніе. "Въ послѣдніе годы,—сказано въ этомъ предложеніи,—значительно увеличилось число поступающихъ ходатайствъ о созывѣ чрезвычайныхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній. Изъ разсмотрѣнія предполагаемыхъ къ обсужденію на этихъ собраніяхъ дѣлъ найдено, что въ большинствѣ случаевъ эти чрезвычайные созывы испрашиваются не для разсмотрѣнія экстренныхъ, нетерпящихъ отлагательства дѣлъ, какъ это имѣлось въ виду Полож. о зем. учр. 1890 г., а для обсужденія такихъ, касающихся мѣстныхъ пользъ и нуждъ, вопросовъ, которые *подлежали-бы собственно разсмотрѣнію въ очередныя сессіи земскихъ собраній*, но которые или вовсе не были предложены на обсужденіе собранія, хотя и могли быть своевременно предусмотрѣны, или же, за недостаткомъ времени и въ виду поздняго поступленія соотвѣтствующихъ по нимъ докладовъ, не могли быть разсмотрѣны собраніемъ своевременно. Независимо отъ сего, такія чрезвычайныя земскія собранія часто испрашиваются въ лѣтнее время; между тѣмъ созывъ гласныхъ въ горячую рабочую пору съ одной стороны вызываетъ неудовольствіе лицъ, отрываемыхъ отъ ихъ прямыхъ занятій, а съ другой стороны лишаетъ многихъ гласныхъ возможности явиться на засѣданія собраній, вслѣдствіе чего собранія часто не могутъ вовсе состояться. Въ виду этого, и въ предотвращеніе, по возможности, столь часто повторяющихся случаевъ неявки на собранія достаточнаго числа гласныхъ, земствамъ предлагается принять на будущее время мѣры къ тому: 1) чтобы чрезвычайныя земскія собранія созывались лишь въ исключительныхъ случаяхъ, для обсужденія нетерпящихъ отлагательства вопросовъ и 2) чтобы собранія эти созывались, по возможности, въ свободное от-

полевыхъ работъ время [1]). Было-бы весьма желательно, чтобы такое отношеніе къ экстреннымъ сессіямъ укоренилось въ земской практикѣ и возстановило земское собраніе въ его правахъ, нарушавшихся безъ формальнаго нарушенія закона. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что земства въ пострадавшихъ мѣстностяхъ не должны прибыть къ частому созыву экстренныхъ собраній для разрѣшенія продовольственныхъ дѣлъ. Помощь нужна своевременно, и земство за свой счетъ, пожалуй, оказало-бы имъ нѣкоторую помощь, но земскія кассы не страдаютъ отъ переполненія ихъ деньгами.

Наши либералы въ своемъ преступномъ добродушіи полагаютъ, что дѣлу можно помочь изданіемъ новаго продовольственнаго устава. Либералы вообще большіе любители упорядоченія жизни законами и чуть-ли не каждая статья либеральнаго изданія заканчивается пожеланіями и надеждами на то, что будетъ изданъ такой-то новый законъ. Государственная типографія не успѣвала-бы печатать всю тьму тѣхъ законовъ, которыхъ они желаютъ и на которые они надежды возлагаютъ. Но что сталось-бы съ жизнью, если-бы въ одинъ прекрасный моментъ на нее свалили-бы всѣ законы, желаемые нашими либералами? Мы думаемъ, что отъ ихъ тяжести задохлись-бы даже законолюбивые либералы, которые, радѣя о меньшемъ братѣ, наибольшую массу законовъ желали-бы издать для мужика. Читатели, быть можетъ, помнятъ, что этотъ вопросъ о законѣ и мужикѣ недавно подробно обсуждался въ нашемъ журналѣ г. Стиваленъ въ его статьѣ «Узаконеніе крестьянской жизни».

По поводу грандіознаго проекта объ узаконеніи крестьянской жизни во внутреннемъ обозрѣніи послѣдней ноябрьской книги «Русской Бесѣды» напоминается, что, еще года два тому назадъ, въ правящихъ сферахъ поставленъ былъ вопросъ о пересмотрѣ положеній 19 февраля 1861 г. съ цѣлью «согласованія дѣйствующаго законодательства съ вновь выяснившимися мѣстными потребностями». Для этого образованы были, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, губернскія совѣщанія изъ губернскихъ предводителей дворянства и должностныхъ лицъ по приглашенію губернаторовъ. Этимъ совѣщаніямъ предложено было высказаться по цѣлому ряду вопросовъ, касающихся надѣловъ, повинностей, а также крестьянскаго самоуправленія. Собранные матеріалы разрабатываются нынѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ мы будемъ обладать крестьянскимъ «кодексомъ». Такъ по крайней мѣрѣ, сообщаютъ газеты; оффиціальныхъ-же свѣдѣній о предстоящей реформѣ пока не имѣется. Признаться, послѣднее обстоятельство нѣсколько колеблетъ нашу вѣру въ газетныя сообщенія, хотя россійскій обыватель нерѣдко узнаетъ о новомъ законѣ лишь по «Собранію узаконеній», но намъ кажется маловѣроятнымъ, чтобы цѣлый кодексъ, да еще «крестьянскій», можно было-бы состряпать канцелярскимъ спосо-

[1]) См. «Вѣстникъ Владимірскаго Губернскаго Земства», № 17 1896 г., 917 стр.

бомъ. Газеты, повидимому, преувеличиваютъ, однако, едва-ли можно сомнѣваться, что предстоитъ нѣкоторое болѣе или менѣе значительное введеніе крестьянской жизни въ рамки придуманныхъ для нея законовъ. Объ этомъ давно хлопочутъ, и хлопоты уже увѣнчались нѣкоторыми плодами. Во второй половинѣ прошлаго десятилѣтія и началѣ нынѣшняго изданъ былъ цѣлый рядъ законовъ, противорѣчащихъ духу Положенія о крестьянахъ, усиливающихъ съ одной стороны охрану помѣщичьяго хозяйства (законъ 12 іюня 1886 г. о наймѣ сельскихъ рабочихъ), а съ другой—опеку надъ крестьянами—законъ 13 марта о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ, 8 іюня 1893 г. о передѣлахъ и въ особенности 12 іюля 1889 г. о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Вопли, однако, о деревенскомъ беззаконіи, объ испорченности народа не утихаютъ».

Эти вопли находятъ свой откликъ даже на страницахъ либеральной «Русской Мысли». Полемизируя съ г. Стивалемъ по поводу указанной его статьи, «Русская мысль» (ноябрь) старается убѣдить всѣхъ въ томъ, что онъ не правъ, и что «наша деревня, насквозь проѣденная всяческими язвами невѣжества, эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, ожесточенной борьбы», идеализируется имъ въ мистическомъ духѣ стараго народничества. Во взглядахъ на степень деморализаціи нашей деревни «Русская Мысль» примкнула къ членамъ проскуровскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ. «На проскуровскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, читаемъ въ «Русской Бесѣдѣ», при единодушныхъ почти рукоплесканіяхъ (!!), нѣкто г. Щеглятьевъ провозглашалъ, что «крестьяне потеряли совѣсть, лгутъ, цѣлуя крестъ и евангеліе, не питаютъ никакого уваженія къ чужой собственности, лѣнивы, праздны, какъ голодные волки на дорогу идутъ къ землевладѣльцу, нанимаясь на работу...» Этого типа господа, продолжаетъ «Рус. Бесѣда», болѣе всего ратуютъ за «узаконеніе» крестьянской жизни, въ разсчетѣ, конечно, что узаконеніе это совершится непремѣнно въ ихъ щеглятьевскихъ интересахъ. Они питаютъ сладкія надежды, что этого зазнавшагося мужичка снова «скрутятъ», «свяжутъ» и отдадутъ въ ихъ полное распоряженіе—«на, молъ, пользуйся». Спорить съ ними и противно, и неразумно, ибо они, исходя изъ интересовъ своего кармана и не признавая за крестьяниномъ человѣческихъ правъ, доходятъ до своихъ заключеній вполнѣ логично».

«Русская Мысль» тоже вполнѣ логично доходитъ до солидарности съ гг. Щеглятьевыми и думаетъ нравственно упорядочить деревню при помощи законовъ. Г. Щеглятьевъ и «Русская Мысль» разошлись-бы только въ редактированіи законовъ. Щеглятьевскіе законы были-бы редактированы щеглятьевскимъ грубымъ, грознымъ стилемъ. «Русская Мысль» выпустила-бы свои законы приглаженными и написанными тѣмъ крючкотворнымъ юридическимъ стилемъ, который въ себѣ таитъ тѣ-же самыя щеглятьевскія воззрѣнія на отношенія между жизнью и закономъ. Впрочемъ, въ длинной замѣткѣ, посвященной разбору статьи г. Стиваля,

«Русская Мысль» проявила и нѣкоторое пониманіе той основной идеи, которая проходитъ во всѣхъ статьяхъ г. Стиваля. «Русская Мысль», допуская въ видѣ предположенія, что г. Стиваль правъ, говоритъ: «Можетъ быть, и совершенная правда, что деревня, просвѣщенная и просвѣтленная въ своей совѣсти, и главное, знавшая (?), т.-е. пріобрѣвшая надлежащія свѣдѣнія, создала-бы сама изъ себя, своими собственными силами порядокъ, который можно было-бы признать желательнымъ. Но вѣдь деревня въ этомъ случаѣ не представляетъ, разумѣется, какого-либо провиденціальнаго исключенія. Тоже самое можно утверждать и о населеніи не деревенскомъ...» Точки принадлежатъ «Русской Мысли» и она совершенно вѣрно въ этихъ словахъ оцѣнила основную мысль статей г. Стиваля, который одинаково ее примѣняетъ и къ деревнѣ и къ недеревенскому населенію. Онъ говоритъ чаще о деревнѣ потому, что на деревню чаще всего либералы сваливаютъ тьму желаемыхъ ими законовъ въ интересахъ защиты крестьянскихъ интересовъ. Къ частому возвращенію къ деревнѣ г. Стиваля побуждаетъ, какъ онъ самъ, быть можетъ, своевременно скажетъ «Русской Мысли», не бредъ народничества, а преступно добродушное отношеніе либераловъ къ крестьянскимъ интересамъ и нуждамъ крестьянской жизни, т.-е. *жизни массъ населенія.*

Соціальная гомеопатія разъѣдаетъ нашу либеральную печать, занимающуюся поистинѣ безплодной работой прикрѣпленія заплатъ къ заплатамъ, расползающимся въ разные концы и раздирающимъ послѣдніе клочки той цѣльной матеріи, къ которой нѣкогда прикрѣплялись самыя первыя заплаты. Этотъ процессъ раздиранія послѣднихъ ризъ въ интересахъ упорядоченія и благоустройства вызываетъ истинное сожалѣніе о томъ младшемъ братѣ, котораго приглашаютъ отдохнуть подъ сѣнью либеральнаго зонтика.

Для либеральныхъ благихъ пожеланій теперь открывается широкій просторъ. Образована цѣлая коммисія для пересмотра законодательства объ артеляхъ. Вѣдь, одно слово «артель» вызываетъ мечтательную улыбку на устахъ добродушнаго либерала. Онъ еще на школьной скамьѣ слыхалъ отъ либеральнаго профессора, что еслибы крестьяне объединились въ артели, то Россія мгновенно процвѣла-бы и обогатилась. Съ тѣхъ поръ онъ во всѣхъ своихъ писаніяхъ, полныхъ благихъ пожеланій, рѣдко избѣгалъ искушенія высказать завѣтную мысль о томъ, что самый процессъ объединенія въ артель голодающихъ и обнищавшихъ превращаетъ и тѣхъ и другихъ въ довольныхъ, счастливыхъ и благоденствующихъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ этотъ процессъ, по мнѣнію либераловъ, задерживается тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что въ числѣ нашихъ разныхъ положеній нѣтъ нормальнаго положенія объ артеляхъ, по которому эти самыя артели могли-бы возникать, развиваться, функціонировать и крѣпнуть. Образованіе коммисіи объ артеляхъ и есть прямой отвѣтъ на это послѣднее либеральное «нельзя не пожелать», чтобы наше законодательство обогатилось нормальнымъ положеніемъ объ артеляхъ.

Нѣтъ особой надобности выяснять тѣ преступно наивныя надежды, которыя либералы поселяютъ въ читателяхъ своими благими размышленіями объ артеляхъ. Артель для своего превращенія въ средство, пригодное для поднятія экономическаго и моральнаго положенія объединяющихся въ нее членовъ, требуетъ, чтобъ *вообще* были подходящія условія среды для экономическаго и моральнаго развитія массъ населенія. Если-же артель предназначается для преодолѣнія діаметрально противоположныхъ условій, что эти послѣднія условія потянутъ ее за собою, а главное—никогда не привьютъ желанія сплачиваться въ артель, такъ какъ въ артели и безъ артели отъ труда и заботъ они (условія) оставляютъ очень мало для личнаго благополучія. Послѣднія условія слишкомъ настоятельно эмансипируютъ и отдѣльныхъ лицъ членовъ артелей отъ продуктовъ труда и даже отъ самой возможности приложить руки къ нему. Тутъ напомнимъ, что либералы насчетъ развитія артелей поддерживаютъ чисто податные планы. Либералы съ одинаковымъ доброжелательствомъ (какъ и казна) объединяютъ въ своихъ планахъ крестьянъ въ артели и, какъ результатъ этого объединенія, рисуютъ появленіе на горизонтѣ новыхъ податныхъ силъ.

По отношенію къ артелямъ либералы вообще не стѣсняются. Они даже жизненность артели обусловливаютъ полной возможностью для ея членовъ, по привычкѣ къ нищетѣ, бѣдствовать и въ самой артели. Артель и потому еще можетъ соперничать съ частно-капиталистическими предпріятіями, говорятъ либералы, что для послѣднихъ необходима прибыль, которая покрываетъ личные расходы хозяина, между тѣмъ какъ артельщики, живя на заработную плату, могутъ при застоѣ въ дѣлахъ обходиться безъ прибыли, сбывать свои издѣлія, понижая ихъ цѣну на всю сумму барыша. Нечего сказать, пріятное соперничество.

Либералы попали и въ комиссію для составленія нормальнаго положенія объ артеляхъ. Судя по списку членовъ этой комиссіи, опубликованному во всѣхъ газетахъ либералы (конечно, не изъ чиновниковъ) составляютъ большинство. Нѣтъ ничего удивителънаго, что и дебаты на засѣданіяхъ комиссіи приняли по своей неожиданности чисто либеральный характеръ. По словамъ «Бирж. Вѣд.» (323), во второмъ засѣданіи коммисіи имѣли мѣсто «продолжительныя пренія, главнымъ образомъ, вращавшіяся вокругъ вопроса: что должно называться артелью. Пренія, какъ и въ предшествовавшемъ засѣданіи, не привели ни къ какимъ результамъ, а потому, чтобы не задерживать работы комиссіи, было рѣшено отложить выясненіе опознавательныхъ признаковъ артели на будущее время, теперь-же заняться выработкою основныхъ положеній объ артеляхъ. Постановивъ отложить выясненіе опознательныхъ признаковъ артели, комиссія перешла къ обсужденію остальныхъ, слѣдующихъ пунктовъ положенія объ артеляхъ: 1) составъ артелей; 3) средства артелей; 4) управленіе дѣлами артелей; 5) отчетность артелей, наконецъ, 6) закрытіе артелей». Говоря другими словами, закрытіе того, что самой комис-

сіи неизвѣстно. Это по истинѣ либеральный пріемъ разрѣшенія вопросовъ. Отчего же не выработать положеніе о той самой артели, которая для самихъ составляющихъ положеніе представляется явленіемъ неизвѣстнымъ и неопредѣленнымъ по своимъ признакамъ? Вся «неизвѣстность» артелей нисколько не мѣшаетъ проектировать статьи и параграфы о составѣ, правахъ и обязанностяхъ неизвѣстнаго собранія, то-есть артели. Такъ вообще пишутся нашими либералами проекты разныхъ положеній для жизни, которая, послѣ ихъ изданія, отказывается ихъ усвоить и идетъ своимъ путемъ, подчиняясь болѣе глубокимъ законамъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

«Неинтересный» годъ.

Еще годъ канулъ въ Вѣчность, какъ говорятъ поэты, которые не въ силахъ освободиться отъ чарующихъ миѳовъ глубокомысленной Эллады.

Для насъ съ вами, читатель, лично это — еще шагъ къ могилѣ. Но неужели намъ плакаться на «жалкій удѣлъ» человѣка, или какъ тамъ еще говорятъ поэты скорби? Предоставимъ себялюбцамъ пессимизмъ, эту жизнебоязнь, которою, бывало, красовались люди великіе самомнѣніемъ и нищіе разумомъ и знаніями. Лучше обратимся за поученіемъ къ толпѣ, которая жаждетъ жизни, несмотря ни на что. Не знаменателенъ-ли тотъ фактъ, что послѣдній захолустный обыватель и самый глубокій старецъ поздравляютъ другъ друга съ новымъ годомъ, приближающимъ ихъ къ смерти? Они вѣрятъ въ «новое счастье»—если не за себя лично, то за своихъ потомковъ. А это люди темные, совсѣмъ слѣпые для всего, что живетъ внѣ ихъ крошечнаго кругозора. съ его жалкою обстановкой...

Неужели же не вѣрить въ новое счастье намъ, счастливцамъ, озирающимъ съ высоты нашего развитія и знаній цѣлый міръ, съ его гигантскими усиліями жить и улучшать свой бытъ, съ его небывалой страстью къ уходу за своими птенцами, которые вчера еще жили поросятами, а то и прямо-таки были пожираемы свиньями? Вѣдь, ни одно поколѣніе не было такъ счастливо, какъ мы, уже потому. что навстрѣчу нашей жаждѣ жить идетъ новая великая наука, хранящая въ себѣ главный запасъ орудій всеобщаго благоденствія! Соціологія, устраняющая такіе субъективные капризы, такую игру пустопорожняго ума, какъ угрюмый пессимизмъ и смѣшной оптимизмъ, строится теперь на объективномъ, фактическомъ доказательствѣ прогресса и на проповѣди его основы—миролюбія, любви къ человѣку. А она никогда еще не шла такими твердыми шагами, не подымала такъ высоко своего горделиваго знамени, чувствуя подъ собой крѣпкую почву—лучшія вожделѣнія луч-

шихъ людей конца вѣка. Въ прошломъ году, помимо массы статей и брошюръ, она украсилась рядомъ прочныхъ истинно-научныхъ трудовъ. И въ нихъ-то возводится почти въ догматъ мысль о безсмертіи обществъ...

Но еслибы у жизни и не было такой непобѣдимой союзницы, какъ новая наука, еслибы даже стародумы возобладали, хихикая насчетъ новыхъ «теорій», то ихъ же излюбленная «практика» заставила-бы ихъ замолчать. Достаточно однихъ крупныхъ, общеизвѣстныхъ фактовъ за прошлый годъ, чтобы принудить самаго ослѣпленнаго пессимиста убраться въ свою берлогу для одиночнаго брюжжанья.

1896-й годъ тѣмъ важнѣе для нашей точки зрѣнія, что онъ былъ, съ виду, зауряднымъ, сѣренькимъ, за исключеніемъ своего конца, ознаменованнаго кровавыми «великими октябрьскими днями» въ Стамбулѣ и шумнымъ появленіемъ новорожденной «Двойственницы» (Duplice) подъ бокомъ у старухи Тройственницы (Triplice). Такъ мало было «интереса» въ смыслѣ стародумовъ, что политиканы цѣлые мѣсяцы трактовали (какъ въ былое время о «христиносахъ» и «карлистахъ») о молодецкомъ набѣгѣ англійскаго кондотьера, Джемсона на трансваальскую республику, хотя онъ и окончился для африканскаго казака тюрьмой и вызвалъ чуть не войну между Англіей и Германіей. Въ августѣ Англія дала-было политиканамъ новую пищу: взяла да и разгромила дворецъ занзибарскаго султана и... поставила на его мѣсто его кузена: присоединить Занзибаръ не удалось; опять нѣмецъ подгадилъ. И все вдругъ затихло. Въ сентябрѣ Англія дала новый спектакль — суданскую экспедицію. Но и тутъ покуда вдругъ все затихло: Джонъ Буль, который преспокойно стянулъ на экспедицію 5 милл. руб. изъ общей египетской кассы, наткнулся на сопротивленіе державъ и даже принужденъ былъ возвратить похищенное. А тутъ подошелъ восточный вопросъ, съ которымъ слилась судьба не только суданской «экспедиціи», но и самой египетской «оккупаціи».

Еще давала представленія Испанія. Но если даже джингоизмъ британскаго льва не породилъ «великихъ событій», то чего ждать отъ нищей родины хидальговъ, Торквемадъ и донъ-Жуановъ! Ея спектакли состояли не въ новыхъ захватахъ, а въ отстаиваніи давно сцапаннаго. Испанія явила примѣръ омерзительнаго правленія въ колоніяхъ, соперникомъ котораго могутъ служить только порядки въ Турціи по отношенію къ гяурамъ. Ея «генералъ-капитаны» просто по міру пускаютъ и туземцевъ, и метисовъ, и переселенцевъ изъ Европы и Азіи. Какъ саранча, пожираютъ они сахаръ, табакъ—все, чѣмъ питался спеконъ вѣка мѣстный людъ, который подвергается за это еще ихъ же истязаніямъ, хотя тамъ, подлѣ «алкадовъ» (полицейскихъ), есть и какія-то подобія парламентиковъ. И вотъ, по всей колоніальной линіи поднялся крикъ объ «автономіи», а за нимъ — и кровавыя возстанія. Загорѣлось даже въ Порто-Рикѣ — главномъ изъ Антильскихъ острововъ, по торговлѣ и милліонному населенію, состоящему изъ андалузскихъ переселенцевъ.

Важнѣе возстаніе Филиппинскихъ о-въ: инсургенты уже нападаютъ на Манилью, резиденцію отважнаго палача, генералъ-капитана Бланко. А мятежъ на Кубѣ расшатываетъ испанское правительство въ корнѣ. Поддерживаемый энергичными янки, онъ цѣлый годъ былъ для Мадрида сочившеюся раной. Испанскія войска, при всей своей свирѣпости, терпѣли пораженія отъ Масео, талантливаго вождя туземцевъ. Провидѣніе Испаніи, консервативный министръ Кановасъ, приписалъ неудачи «мягкости» своего полководца и послалъ на несчастный островъ чистаго разбойника, Вейлера. Вейлеръ пыталъ и истреблялъ мятежниковъ, хвастался, что возьметъ ихъ измором: онъ запрещалъ фермерамъ засѣвать поля, выжигалъ хлѣба и всякую растительность. Но Масео билъ его и уже припиралъ къ стѣнѣ, когда Вейлеру удалось предательски убить или отравить его, 15-го декабря. Но эта мерзость окончательно возмутила американцевъ. А въ Мадридѣ встрепенулись карлисты: ихъ вожди вышли изъ кортесовъ, вмѣстѣ съ республиканцами, т.-е. возвратились отъ парламентской оппозиціи къ своему «преданію», подготовляя гверилью въ родныхъ горахъ Наварры, въ то время, какъ 150.000 лучшихъ войскъ Испаніи заняты и позорятся на Кубѣ.

Повторяемъ, все это, въ глазахъ стародумовъ, — пустяки, лишь ручейки крови, и гдѣ-то тамъ, далеко, за морями, за долами. А у себя дома... нѣтъ, положительно неинтересный годъ! Скажите на милость—ни одной формальной потасовки въ Европѣ! Подконецъ порадовало-было такое первостатейное по «интересу» чудище, какъ восточный вопросъ. Но и тутъ все кончилось вздоромъ: перерѣзали только, какъ барановъ, десятки тысячъ какихъ-то торгашей въ мерлушковыхъ высокихъ колпакахъ.

II.

Общественно-экономическій вопросъ.

Гораздо важнѣе, и не для однихъ стародумовъ, затишье, въ прошломъ году, на другомъ, безкровномъ, поприщѣ міровой борьбы. Замѣтили ли вы, читатель, любопытное явленіе? Какъ мы не разъ объясняли, историками признано считать девяностые годы 19-го в. новою эпохой, по силѣ интереса къ внутренней политикѣ, которая выдвинулась впередъ насчетъ внѣшней. Намъ самимъ приходилось, ведя лѣтописное дѣло года три, съ трудомъ справляться съ нею, удѣляя мало мѣста дипломатіи: постоянно наше вниманіе приковывалось преніями и рѣшеніями законодательныхъ органовъ всѣхъ странъ, обнимающими все внутренніе вопросы. При этомъ намъ приходилось неотступно указывать на связь между этими вопросами повсюду: словно слагалось какое-то новое международное право на небывалыхъ началахъ. Этою связью, какъ извѣстно, служилъ *общественно-экономическій* вопросъ, этотъ Геркулесъ реальныхъ интересовъ, о которомъ мы обѣщали говорить еще въ октябрѣ, при во-

зобновленіи нашей публицистической дѣятельности. Во всякомъ парламентѣ работа сосредоточивалась, прямо или косвенно, именно на немъ. Онъ нерѣдко рѣшалъ и судьбу кабинетовъ: во Франціи министерство Перье пало, весной 1894 г., вслѣдствіе затрудненій, которыя оно ставило съѣзду синдикатовъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, въ угоду хозяевамъ. И съ тѣхъ поръ въ Парижѣ разрабатываются такіе основные вопросы экономической политики, какъ подоходный налогъ и выкупъ государствомъ желѣзныхъ дорогъ. Послѣднее дѣло привело, въ Америкѣ, лѣтомъ того же 1894 года, къ образованію крупной рабочей партіи, съ извѣстнымъ Генри Джорджемъ во главѣ,—партіи, которая уже заявляетъ свою силу въ избирательной борьбѣ, какъ увидимъ ниже. Въ Англіи торіи громили прежде нью-кестльскую программу Гладстона только для того, чтобы низвергнуть своихъ соперниковъ по власти: министерство Сольсбери само продолжало дѣло «великаго старца». А въ несчастной Италіи, доходившей до голодовки, благодаря разбойническому правленію г-дъ Криспи, загоралась цѣлая революція на экономической почвѣ.

Знаменитый со временъ «колоніальныхъ войнъ» (первая половина 18-го в.) *колоніальный* вопросъ сталъ теперь чисто экономическимъ. Это ясно изъ работъ новаго важнаго учрежденія — Международнаго Колоніальнаго Института, который изучаетъ его основательно, какъ видно изъ его органа—Bibliothèque coloniale internationale. Да и безъ него дѣло очевидно. Довольно углубиться мыслью въ массу колоніальныхъ «недоразумѣній», которыми кишитъ наше время. Не этотъ ли смыслъ въ изображенной выше картинѣ положенія Африки, которую рвутъ на клочки европейскія государства, ищущія исхода своему обнищанію отъ милитаризма да отъ перепроизводства не только товаровъ, но и людей?

Такъ, вотъ, не удивительно ли, что прошлый годъ словно измѣнилъ назначенію «конца вѣка» служить эпохой господства внутреннихъ, и именно общественно-экономическихъ дѣлъ? Онъ какъ будто оказался сѣренькимъ и съ этой стороны. Не было ни такихъ громкихъ катастрофъ и стачекъ, какъ въ Бельгіи и Англіи въ началѣ 90-хъ годовъ, такихъ великихъ событій, какъ нью-кестльская программа Гладстона и ея проведеніе въ парламентѣ, какъ эрфуртскій съѣздъ рабочихъ, комиссія Вильгельма II о рабочихъ и торговые договоры Каприви, или какъ низверженіе министерствъ во Франціи изъ-за рабочаго вопроса, какъ сицилійскій голодный бунтъ. Сольсбери, при поддержкѣ лордовъ, старался свести свои соціальныя обѣщанія къ нулю; въ другихъ мѣстахъ палаты только «изучали» старые вопросы.

Конечно, тутъ виновата, прежде всего, естественная потребность вздохнуть послѣ усиленной борьбы прошедшихъ лѣтъ; а съ лѣта общее вниманіе было поглощено такими Голіаѳами внѣшней политики, какъ восточный вопросъ и двойственница. Но дѣло-то въ томъ, что это— лишь кажущееся бездѣлье. Основа современной жизни не можетъ провалиться куда-то... Мы вправѣ ожидать вновь блестящаго проявленія но-

выхъ силъ общественной жизни въ палатахъ, отдохнувшихъ за праздники, особенно когда проснется, въ январѣ, отъ осенней спячки такой Левіаѳанъ внутренней политики, какъ англійскій парламентъ. На это указываютъ тѣ негромкія, но поучительныя явленія, которыми не былъ бѣденъ и прошлый годъ.

III.

Право уроженцевъ. Всеобщая подача голосовъ. Кооперація.

Не будемъ говорить объ отрицательной подготовкѣ рѣшенія общественнаго вопроса: она, увы! не требуетъ доказательствъ. Отъ голодовки массъ въ Бомбеѣ до арміи нищихъ въ Европѣ, которой вездѣ дѣлался подсчетъ передъ Рождествомъ [1],—все слишкомъ громко свидѣтельствуетъ о ней. Не будемъ указывать и на такія «несчастья», какъ сотни труповъ въ разныхъ копяхъ, особенно въ Австріи. Отмѣтимъ только одинъ трогательный фактъ, особенно возмутительный при нашихъ заботахъ о поднятіи—прежде говорили «прекрасной», теперь—злополучной половины рода человѣческаго. Въ странѣ «нравственности» par excellence (ниже мы познакомимся съ однимъ омерзительнымъ образцомъ этой нравственности), у прославленныхъ «носителей культуры»,—словомъ, въ Берлинѣ, въ февралѣ прошлаго года, весь рейхстагъ и сами министры признали «позоромъ» Германіи такое зло, какъ положеніе швей и портнихъ, стоящихъ внѣ рабочаго законодательства: они обѣщали сдѣлать все, чтобы закрыть этотъ смрадный источникъ не только вопіющей нищеты и несправедливости, но и вынужденнаго разврата. Ихъ пробрали такіе совѣты фабрикантовъ работницамъ: «вы молоды и миловидны и можете по вечерамъ выходить на улицу...»

Вотъ болѣе крупные признаки движенія общественно-экономическаго вопроса за истекшій годъ. Какъ извѣстно, съ этой стороны, «веселая» Вѣна—одно изъ главныхъ пятенъ на блестящей цивилизаціи Европы. Тамъ прозябаетъ до 900,000 (на 1½ милл. всѣхъ жителей) «иногороднихъ», т.-е. рабочихъ изъ деревень. Изъ нихъ обнищалые (до 10,000 ежегодно) подвергаются, подобно бродягамъ и преступникамъ, жестокой операціи «выпихиванія» (Abschiebung) на родину, гдѣ зачастую ихъ вовсе не знаютъ. Въ октябрѣ австрійскій парламентъ, потрясенный свѣдѣніями о горькой участи этихъ строителей Вѣны, издалъ законъ о правѣ уроженцевъ (Heimathsrecht): отнынѣ не будутъ тревожить тѣхъ «лишнихъ», которые потратили свои силы на украшеніе столицы, если... если они прожили въ городѣ не менѣе 10 лѣтъ. Въ Австріи-же теперь готовятся къ выборамъ въ рейхратъ по новой системѣ, которая выдвигаетъ четвертый чинъ, приближаясь къ всеобщей голосовкѣ (suffrage universel).

---

[1]) См. рядъ статей Свирска о («Новости» съ 16 декабря) о классификаціи нищей братіи.

Эта основа новой общественности проникла въ жизнь, въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, въ Нидерландахъ. Въ сентябрѣ тамъ принятъ законъ, дарующій избирательныя права всякому 23-лѣтнему гражданину, грамотному и могущему содержать семью (до сихъ поръ ими пользовался буржуа, платившій не менѣе 40 фр. прямого налога). Этотъ актъ, въ связи съ проектомъ закона о безопасности и здоровьѣ рабочихъ на фабрикахъ, увеличивающій число избирателей съ 300 до 800 тысячъ, послужитъ увѣнчаніемъ дѣятельности министра внутреннихъ дѣлъ, Тана, который началъ съ реформы налоговъ въ пользу бѣдняковъ. Министерство и королева Эмма, въ своей тронной рѣчи, всячески доказывали пользу новаго закона: въ такой консервативной странѣ, какъ Нидерланды, всѣ верхи общества, не исключая «либераловъ», считаютъ его «вырываніемъ зуба». За нихъ говорило само дѣло: многолѣтняя комиссія, составившая 20 фоліантовъ [1]), доказала, что рабочіе сильно развились за послѣднее время, особенно благодаря коопераціямъ, а заработная плата, всегда низкая въ Нидерландахъ, стала смѣшной, въ виду ростущей дороговизны и прилива сельчанъ въ большіе города.

Упомянутая кооперація или артельное начало становится основой экономическаго быта не въ однихъ Нидерландахъ. Ея значеніе уяснилось въ октябрѣ, въ Парижѣ, на второмъ съѣздѣ международнаго кооперативнаго союза. Этотъ съѣздъ былъ завершеніемъ движенія, которое идетъ уже около 15 лѣтъ. По мѣрѣ расширенія всякихъ кооперативныхъ обществъ (не только потребительныхъ, самыхъ обычныхъ и старыхъ, но и производительныхъ, земледѣльческихъ и др.), въ Англіи, съ 1884 г., собиралось 5 ихъ съѣздовъ. Въ 1895 г., въ Лондонѣ, состоялся уже первый «международный» съѣздъ. Между тѣмъ, новое начало быстро овладѣвало французами. Въ 1893 г. парижскій сенатъ горячо сталъ за него, прежде даже, чѣмъ одумалась палата, бывшая тогда съ нимъ на ножахъ и уже около 10 л. «разрабатывавшая» вопросъ. Почтенные сенаторы, требовавшіе даже освобожденія кооперативныхъ обществъ отъ обычныхъ налоговъ, доказали стародумамъ, что кооперація не только не убиваетъ «собственности», но даже не трогаетъ ни «личной инціативы» (теперь, всюду появляется новобранцы въ дѣлѣ защиты личной свободы), ни мелкой буржуазіи, «живущей посредничествомъ». Напротивъ, кооперація есть именно новое орудіе освобожденія личности и общества отъ вопіющихъ пережитковъ экономической неправды. Она-то пріучаетъ трудящіяся массы къ сбереженіямъ, т.-е. къ созданію мелкой собственности; она воспитываетъ въ нихъ духъ порядка, общественной дисциплины, а слѣдовательно служитъ разсадникомъ политическаго смысла, оплотомъ противъ всякихъ революцій.

Такъ, Парижъ былъ достоинъ стать вторымъ средоточіемъ благодѣтельнаго движенія, зародившагося въ многоумной Англіи. Состоявшійся въ немъ

[1]) Англійская постоянная комиссія изслѣдованія труда сдѣлала изъ нихъ теперь отличное извлеченіе въ 40 страницъ.

второй международный съѣздъ кооперативнаго союза, руководимый однимъ англійскимъ лордомъ и однимъ французскимъ графомъ, представлялъ собой уже 6 милліоновъ кооператоровъ, къ которымъ примыкаетъ 20-милліонное населеніе почти всѣхъ странъ свѣта (встрѣчаются и русскіе, и австрійцы, и антильцы). Онъ поставилъ цѣлью союза водвореніе «общественнаго мира» путемъ единенія между трудомъ и капиталомъ, распространенія кооперативнаго обученія, борьбы съ пьянствомъ и т. под. Эта широкая задача должна быть достигнута, главнымъ образомъ, чрезъ ознакомленіе между собой кооператоровъ всѣхъ странъ и при особомъ вниманіи къ улучшенію быта рабочихъ частными средствами, безъ обремененія государствъ. Съѣздъ образовалъ комитетъ союза изъ членовъ 16-ти государствъ и назначилъ свое слѣдующее засѣданіе, черезъ годъ, въ Нидерландахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, такъ развилось теперь кооперативное дѣло.

IV.

Земледѣльцы и нищіе.

Рабочій вопросъ теперь все тѣснѣе связывается съ земледѣльческимъ. Мы видѣли, что уже и Нидерланды жалуются на приливъ сельчанъ въ города. Въ Англіи уже давно большинство населенія скучивается въ городахъ, въ Германіи—наполовину; къ тому же дѣло идетъ во Франціи, да и вездѣ; это роковое, и опять экономическое, движеніе замѣчается даже у насъ. Городскому рабочему становится все труднѣе жить; а земледѣліе падаетъ всюду, чему есть конечно и другія причины. Даже въ такой «житницѣ», какъ Россія, сельскій «кризисъ» становится хроническимъ катарромъ, который издѣвается надъ починкой путемъ разныхъ благихъ «мѣропріятій». Пора было внимательно изслѣдовать новую страшную міровую болѣзнь—и явился знаменательный «международный» сельско-хозяйственный съѣздъ, въ сентябрѣ истекшаго года, въ Пештѣ, которому вообще посчастливилось, въ послѣднее время, по части съѣздовъ,—и по заслугамъ, какъ мы говорили въ прошлый разъ. Помимо членовъ разныхъ обществъ и свѣтилъ науки, на немъ присутствовали представители 15-ти правительствъ, въ томъ числѣ русскаго, австралійскаго и бразильскаго. Цѣль съѣзда выяснилась изъ первой рѣчи, принадлежавшей венгерскому министру земледѣлія: это—устраненіе «общихъ невзгодъ и бѣдствій» или «тяжелаго кризиса», переживаемаго сельскимъ хозяйствомъ и ощущаемаго «всѣми народами». Цѣны на сельскіе продукты падаютъ «прогрессивно» уже въ теченіе 20-ти лѣтъ! А такъ какъ нищающій сельчанинъ и потребляетъ все меньше, то кризисъ отражается также на промышленности и торговлѣ, прибавимъ и на здоровьѣ, нравственности, даже на приплодѣ народныхъ массъ. Отсюда того и жди «другихъ соціальныхъ невзгодъ, пожалуй, еще болѣе страшныхъ».

Вопросъ болѣе, чѣмъ коренной: вопросъ Прометеевскій! Самъ министръ

указалъ, что тутъ замѣшиваются такіе громадные под-вопросы, какъ перепроизводство и отношенія между сословіями, пошлины и торговые договоры, государственное вмѣшательство и биметаллизмъ. Шутка сказать! Ну, и наговорили же ораторы цѣлыхъ трехъ секцій. Кто сваливалъ вину на ипотеки, кто—на машины, кто—на пекарей (требовали устройства государственныхъ пекарней), кто—на золото и биржевую игру, кто—на хлѣбную торговлю, кто—на «недостатокъ» производства хлѣба, кто—на его «перепроизводство», кто—на невѣжество и раздоры между сельскими хозяевами. И всѣ—съ «несомнѣнными» фактами, съ «неопровержимою» статистикой въ рукахъ! А еще забыли—быть можетъ, изъ деликатности—человѣческія страсти, ну, хоть бы интрижки бранденбургскихъ «аграріевъ». Невольно припомнишь «Логику» Милля: «Если всѣ средства науки не даютъ намъ возможности вычислить съ совершенною точностью взаимодѣйствіе *трехъ* другъ къ другу тяготѣющихъ тѣлъ, то каковы же наши надежды на успѣхъ, когда рѣчь идетъ о вычисленіи слѣдствій противоборствующихъ стремленій въ обществѣ?» Конечно, пештскій съѣздъ не обнялъ необъятнаго. Но онъ выставилъ много любопытныхъ фактовъ и намѣтилъ важныя задачи. Къ сожалѣнію, онъ не коснулся великаго вопроса объ отношеніяхъ между городомъ и селомъ, безъ котораго врядъ ли можно постигнуть и судьбу сельскаго хозяйства.

Такъ прошлый годъ заботился о жалкой людской долѣ, такъ сказать, по частямъ, въ ея специіальныхъ проявленіяхъ. Онъ задумывался надъ нею и въ цѣломъ. Добрые люди собирались, въ томъ же сентябрѣ, для обсужденія вопросовъ о призрѣніи бѣдныхъ вообще да о попеченіи о дѣтяхъ. Эти «международные» съѣзды происходили, тотчасъ послѣ женскаго конгресса, въ той мирной Женевѣ, которая издавна служитъ пріютомъ для лучшихъ общечеловѣческихъ стремленій. Эти чисто-благотворительные съѣзды ведутся уже съ 1889 г., когда въ Парижъ съѣхались, съ этою цѣлью, представители почти всѣхъ цивилизованныхъ государствъ и рѣшили учредить всемірный союзъ для борьбы съ нищенствомъ. Затѣмъ образовалось международное общество для изученія призрѣнія, которое собираетъ всестороннія свѣдѣнія по этому вопросу. Къ сожалѣнію, и тутъ радѣтелей встрѣчаетъ нѣчто необъятное. Много хорошаго наговорили они, а главное рѣшеніе состояло въ повтореніи стараго: необходимо—де всячески бороться съ бѣдностью и... опять образовать для этого всемірный союзъ. Нынѣшній конгрессъ словно сознавался въ своемъ безсиліи: онъ былъ немноголюденъ; рѣшенія его отличаются больше доброжелательствомъ, чѣмъ практичностью.

V.

Любовь и правда.

Все сказанное свидѣтельствуетъ не объ одномъ значеніи истекшаго года для внутренней политики, съ общественно-соціальнымъ вопросомъ

во главѣ. Тутъ для насъ дороже всего *нравственный* источникъ указанныхъ явленій. Въ основѣ послѣднихъ явственно лежитъ всеобщее стремленіе къ любви и правдѣ, подъ якобы грубымъ покровомъ «матеріализма». Да, кажется, что матеріалистичнѣе этихъ коопераций, земледѣлія, лохмотьевъ нищихъ! А развѣ вы не чувствуете, какъ подъ ихъ оболочкой бьется доброе, благородное сердце обновляющагося человѣчества? Развѣ не трогательно слышать, какъ члены кооперативнаго съѣзда, послѣ разговоровъ о производствѣ и потребленіи, разошлись, унося каждый въ своей груди сладкое сознаніе, что онъ помогалъ «водворенію общественнаго мира, на началахъ братства. свободы и справедливости»? Развѣ не утѣшительно, что чуть не всѣ новыя добрыя учрежденія и собранія людскія, даже новые журналы украшаются именемъ «международный»? Вѣдь это—та «утопія» всеобщей федераціи, о которой такъ мечтаютъ всѣ скорбящіе о человѣчествѣ.

Любовь и правда проявлялись въ прошломъ году и во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ. Первая сквозитъ вездѣ, начиная сборомъ пожертвованій на голодныхъ бомбейцевъ даже у насъ, кончая тѣмъ всеобщимъ взрывомъ общественнаго негодованія и тою помощью жертвамъ турецкихъ «звѣрствъ», которыя скрашивали мрачный призракъ восточнаго вопроса. Посмотрите, какъ сейчасъ орудуютъ «холодные» англичане! У нихъ уже рядъ обществъ помощи армянамъ, которыя имѣютъ 26 отдѣленій въ Турціи и всюду собираютъ пособія, чтобы «не отстать» въ милосердіи отъ другихъ націй, особенно отъ энергичныхъ янки. Но особенно блещетъ христіанская любовь въ томъ замѣчательномъ явленіи, что приходится уже выбросить изъ языка цивилизованнаго человѣчества недостойное слово «антисемитизмъ» или жидоморство: антисемитизмъ издыхаетъ въ своемъ послѣднимъ убѣжищѣ, въ Австріи, гдѣ недавніе муниципальные выборы показали, что онъ уже претворяется въ исключительно экономическій, соціальный интересъ. Да, армія «людей» растетъ на счетъ полчища «животныхъ», какъ мы замѣтили раньше по поводу рѣчи Морриса!

Правда-же, кажется, никогда еще не одерживала такихъ громкихъ побѣдъ надъ своею вѣчною соперницей, ложью. Мы имѣемъ въ виду ея, такъ сказать, международное торжественное проявленіе. Въ прошломъ году какъ-бы совершалось погребеніе старой политики, основанной на макіавализмѣ. Почти исчезла «государственная тайна» передъ требованіями парламентовъ. Всеобщее омерзеніе вызывали тѣ мошенническіе извороты Порты передъ державами, которые вчера еще служили обычными пріемами дипломатіи и принимались за «тонкость ума». Съ чувствомъ презрѣнія относилась интеллигенція къ подобнымъ-же махинаціямъ маркиза Сольсбери въ Египтѣ; и всюду радовались мужественному слову о «чистыхъ рукахъ», сказанному «честнымъ Джономъ», этимъ преемникомъ «великаго старца» по нравственности. Всѣ вознегодовали на малодушную Испанію за измѣнническое убійство Масео; и троглодитъ

Вейлеръ этимъ самъ себя поразилъ, судя по сильному раздраженію среди американцевъ. Наконецъ, не въ одной Италіи съ ненавистью произносится имя «Уличнаго Фонаря», который на-дняхъ добился-таки, опять обманомъ, аудіенціи у Гумберта, чтобы излить ядъ на своихъ враговъ и даже присовѣтовать «государственный переворотъ». И у всѣхъ какъ гора свалилась съ плечъ, когда узнали, что король спросилъ у полоумнаго экс-палача о здоровьѣ и указалъ ему дверь, а парламентъ рѣшилъ обнародовать изумительные документы о воровствѣ Фонаря, по поводу суммъ для пострадавшихъ отъ землетрясенія въ Калабріи. Бѣдные архи-плуты и высокіе мошенники! Имъ просто теперь нигдѣ житья нѣтъ! Такъ хочется дать имъ дружескій совѣтъ: умирайте поскорѣй, пока еще найдется горсть прихлѣбателей, чтобы схоронить ваши заживо разложившіяся тѣла!..

Но самымъ отраднымъ и знаменательнымъ признакомъ было нравственное искупленіе Германіи, которой стало стыдно своихъ кровавыхъ кумировъ—и она принесла всенародное покаяніе. Она казнила, наконецъ, истиннаго героя старой политики «крови, желѣза» и обмана. Она развѣнчала своего «отставного генія» и поставила его на свое мѣсто—въ рядъ вождей обмана и даже шпіонства. Правда, она могла сдѣлать это только при усердной помощи самого желѣзнаго канцлера. Въ прошлый разъ мы видѣли, какъ Бисмаркъ самъ себя изобличилъ во лжи и какъ нѣмцы обрадовались, когда Маршаль защитилъ ихъ нравственное достоинство торжественнымъ протестомъ противъ макіавелизма и милитаризма. Вслѣдъ затѣмъ вскрылась новая и еще болѣе омерзительная «язва» стараго режима въ Германіи, который былъ теперь окончательно побитъ новою, болѣе правдивою и чистой эрой, былъ изобличенъ просто какъ преступникъ, на публичномъ судѣ.

VI.

Машинка подстрекательства. «Великій незнакомецъ» и бѣглянки.

Подобно рогоносцамъ, добродушный Михель, одинъ только онъ, не зналъ того, что было извѣстно всѣмъ, т.-е. что такой режимъ, какъ бывшій у него до 1890 г., немыслимъ безъ самыхъ гнусныхъ орудій лжи и предательства. Но, признаться, и эти всѣ были изумлены и скандализованы новымъ разоблаченіемъ: за человѣка становилось страшно!

«Геній» Михеля, среди всѣхъ прелестей макіавелизма, завелъ такое милое учрежденіе, какъ «тайная политическая полиція», конечно мастерски устроенное съ помощью «фонда для рептилій». Но даже въ его время внесеніе въ общество такого развратнаго элемента оправдывалось хоть государственною пользой; а Бисмаркъ направилъ свое изобрѣтеніе на разрушеніе правительства, т.-е. прямо на путь государственной измѣны: онъ поручилъ его клеветникамъ, интриганамъ и «подстрекателямъ» (agents provocateurs) Съ помощью этой простой машинки, побѣ-

доносный князь держалъ въ своихъ рукахъ не только всѣ партіи, всѣхъ министровъ, но и самого императора; а Михель изумлялся неисповѣдимой глубинѣ «ума» своего генія! Когда Бисмаркъ былъ низверженъ, его полиція получила приказъ истреблять его соперниковъ, дѣятелей «новаго курса». И пошли загадки. Только-что утвердится въ высшемъ довѣріи новый правитель, какъ возникаютъ недоразумѣнія съ какою-то «камарильей»—и правитель летитъ въ разгаръ своей славы и могущества, по поводу какой нибудь «таинственной» исторіи. Такъ было съ министрами Бёттихеромъ, Бронсаромъ, Келлеромъ и другими; такъ случилось и съ самимъ Каприви. Въ обществѣ утвердилось сказочное представленіе о «личномъ и безконтрольномъ правительствѣ» Вильгельма II, объ его Луканусѣ и Ганке, изъ которыхъ одинъ орудуетъ его гражданскимъ, другой—военнымъ «кабинетами»: пришелъ внезапно Луканусъ—значитъ, капутъ тебѣ! Та-же участь грозила нынѣшнему канцлеру Гогенлоэ и министру иностранныхъ дѣлъ, Маршалю фонъ-Биберштейну. Но тутъ изветшавшая машинка не выдержала.

Мы уже видѣли въ прошлый разъ мужество и тонкость ума Маршаля, творца новаго международнаго права. Сначала скромный совѣтникъ баденскаго посольства, этотъ дѣлецъ занялъ мѣсто Герберта Бисмарка: понятно, что съ 1890 г. онъ служитъ краснымъ звѣремъ для травли тайной полиціи, тѣмъ болѣе, что въ Германіи министры—не больше, какъ высшіе чиновники: они имѣютъ дѣло только съ имперскимъ канцлеромъ и лишены прямыхъ сношеній съ императоромъ (вѣдь, самъ Бисмаркъ писалъ имперскую конституцію!). Маршалю надоѣла 6-лѣтняя пытка,—и онъ возсталъ, къ крайнему изумленію Михеля, который не знаетъ теперь, считать-ли его новымъ кумиромъ, или измѣнникомъ, или отчаяннымъ сумасбродомъ. Ему уже удалось сбить рога Бисмарку, по поводу гамбургскихъ «разоблаченій». Вслѣдъ затѣмъ онъ притянулъ къ суду двухъ юркихъ его маленькихъ рептилій, журналиста Лекерта и полицейскаго агента Лютцова, за интриги, клевету, доносы, шпіонство,—словомъ, за всякую мерзость, направленную противъ него и противъ всего министерства иностранныхъ дѣлъ.

На судѣ Маршаль ловко и мужественно вскрылъ язву негласнаго правительства, жалкой камарильи, которая, какъ настоящая предательница подрывала и правительство оффиціальное. Онъ обнаружилъ, что она занималась низверженіемъ «довѣренныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, подстрекательствомъ и даже сочиненіемъ тѣхъ самыхъ статей, авторовъ которыхъ ей поручали отыскивать для законнаго возмездія. Онъ показалъ, на поученіе всего міра, что «всѣ доклады агентовъ тайной полиціи ложны отъ начала до конца». Маршаль, какъ искусный охотникъ, напалъ на слѣдъ краснаго звѣря или, какъ говорятъ нѣмцы, *гинтермана*, «великаго незнакомца», стоящаго «позади» (hinter) мелкихъ рептилій. Онъ довелъ опытнаго и ловкаго комиссара тайной полиціи, Тауша, до такого самообличенія, что тотъ изъ свидѣтеля превратился

въ арестанта. Вскорѣ предстоитъ особый судъ надъ этимъ молодцомъ, между прочимъ и за оскорбленіе величества: эта архи-рептилія доставляла между прочимъ ложныя свѣдѣнія о здоровьѣ императора. И только это сдерживаетъ негодованіе нѣмцевъ, которыхъ мало интересуетъ то, что такая тварь, какъ Лютцовъ, осуждена полтора года высидѣть въ тюрьмѣ: они боятся, какъ-бы не ускользнулъ настоящій гинтерманъ.

Но для совѣсти націи и для суда исторіи довольно и того, что сдѣлано героемъ правды. Маршаль уже вытянулъ, за три традиціонные волоска, изъ-за спины Тауша жалкую физіономію «великаго гинтермана». Нужды нѣтъ, что глава сыщиковъ, Виндгеймъ, воспретилъ своимъ альгвазиламъ выдавать на судѣ имя «незнакомца». Таушъ воскликнулъ, когда его арестовали: «теперь я все открою!» «Berliner Tageblatt», вокругъ котораго такъ и ходили тайные агенты, какъ выяснилось на судѣ, предполагаетъ, en connaissance de cause, что послѣ дѣла Тауша начнется еще третій процессъ. А главное—факты, эти неопровержимые свидѣтели! Оказалось, что Гербертъ имѣлъ частыя тайныя свиданія съ Таушемъ въ одной изъ гостинницъ Берлина. Къ этой милой компаніи принадлежали также главари «соколиковъ» (юнкеровъ и аграріевъ) и антисемитовъ, — германскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Эйленбургъ, навѣсившій орденъ Таушу, осужденные за интриги, мошенничества и даже за поджогъ Альвардтъ, Штекеръ, Гаммерштейнъ (бывшій редакторъ ретроградной «Kreuzzeitung») и надняхъ судившійся редакторъ газетки «Bank—und Handelzeitung», который, вдобавокъ, раскрылъ новую гнусную ложь Бисмарка по поводу бреславльскаго свиданія... Въ то-же время газетныя рептиліи, надѣявшіяся сначала на торжество лжи, стали-было превозносить режимъ Бисмарка вообще и Тауша въ частности, а Маршаля разносить, какъ «идола либерализма»: теперь они уже стараются оправдать Тауша «психологически» и поносятъ Маршаля за то, что онъ этимъ судомъ «опозорилъ» Германію передъ иностранцами. Затѣмъ стало извѣстно, что, въ началѣ процесса Лютцова, во Фридрихсруэ собирался премудрый «фамильный» совѣтъ для рѣшенія вопроса «о спасеніи Тауша». Наконецъ, газеты возвѣстили, что «многія высокія лица чувствуютъ себя нехорошо»—и сразу заболѣли оба bêtes noirs нѣмцевъ, и Лукanусъ, и Ганке.

Съ хорошею компаніей въ Берлинѣ познакомилъ насъ конецъ года. Какъ радовались нѣмцы, съ высоты своей «нравственности», когда гремѣла Панама среди «растлѣнной» Франціи! А Панама—только сонмъ обычныхъ плутишекъ, возведенный шумливыми французами въ перлъ сатанинскаго созданія. Нѣмецкая гинтерманія наводитъ на еще болѣе грустныя мысли. Какъ тогда про Артона, такъ теперь про Тауша всѣ спрашиваютъ: ну, а какъ не выдастъ настоящихъ злодѣевъ? На-дняхъ телеграфъ извѣстилъ, что берлинскій совѣтъ министровъ займется «преобразованіемъ» тайной полиціи,—той машинки, которая, по словамъ

Маршаля, «только приноситъ вредъ государству», какъ организованная ложь и специальное орудіе интригъ.

Но что-бы ни сказали рептиліи, мы радуемся уже несомнѣнному торжеству правды. Бисмаркизмъ погибъ, разоблаченный со всѣхъ сторонъ. Прошлый годъ начался скандаломъ съ его созданіемъ, Нѣмецкою имперіей: празднованіе ея 25-лѣтія вышло оффиціальнымъ; народъ не принималъ въ немъ участія; государства Германіи отклонили приглашеніе въ Берлинъ. Затѣмъ скандалъ во время коронаціи въ Москвѣ, когда баварскій кронпринцъ отказался участвовать въ «свитѣ» прусскаго принца. И никогда еще партикуляризмъ въ Германіи не поднималъ головы такъ высоко. А окончился годъ позорнымъ процессомъ: теперь вынутъ ключъ въ сводѣ старой лжи. Даже Левъ XIII недавно жаловался, въ тайномъ засѣданіи своей консисторіи, что «папство переживаетъ тяжелыя времена». И св. отецъ устыдился бисмарковщины: онъ не знаетъ, какъ выманить у наслѣдниковъ недавно умершаго кардинала Гогенлоэ (брата имперскаго канцлера) интересные документики, связанные и съ Ватиканомъ, и съ «отставнымъ геніемъ». Но, кажется, ему не изловить добычи—и 1897-й годъ, вѣроятно, подаритъ насъ еще такими «разоблаченіями», что отъ нихъ окончательно затрещитъ знаменитый «старый режимъ» въ мірѣ.

Пережиткамъ этого милаго режима остается довольствоваться такими археологическими маскарадами, какъ матримоніальное торжество Орлеановъ въ Вѣнѣ, о которомъ мы говорили въ свое время. Да и со свадьбами у нихъ неладно. Орлеанскую молодую чету, которую Габсбургъ вѣнчалъ чуть не короной Франціи, по всѣмъ правиламъ древняго придворнаго искусства, помѣстили, при ея проѣздѣ черезъ Бельгію, въ гостинницѣ; и католическимъ патерамъ были запрещены всякія демонстраціи въ честь ея. А, вотъ, другая надежда «режима», съ балладнымъ именемъ,—Эльвира, чахоточная и истеричная дочь жестокаго донъ-Карлоса, сбѣжала съ женатымъ художникомъ и... съ фамильными бриліантами. Непоколебимый столпъ старины, ея родитель, издалъ манифестъ къ своей гвардіи: считать бѣглянку умершей и молить Бога о помилованіи ея грѣшной души. А іезуиты давай убѣждать ее пойти въ монастырь. Но королевна не для того бѣжала: она ждетъ въ Нью-Іоркѣ развода своего возлюбленнаго. А Левъ XIII возвѣстилъ, что «отецъ наказанъ въ дѣтяхъ за свою частную жизнь». У смѣлой экс-предводительши карлистовъ явилась подражательница. На-дняхъ богатая американка, жена чуть не вѣнценоснаго бельгійскаго князя Шимэ, сбѣжала въ Пештъ съ цыганскимъ теноромъ. Неутѣшный супругъ умоляетъ ее возвратиться къ пенатамъ, но «она ѣдетъ съ своимъ цыганомъ въ Америку», какъ торжественно гласитъ телеграфъ, а затѣмъ она уже «дебютируетъ въ орфеумѣ, въ качествѣ шансонетной пѣвицы, причемъ ея цыганъ аккомпонируетъ ей».

VII.

Марсъ и Минерва.

Сказаннаго достаточно, чтобы признать истекшій годъ интереснымъ съ точки зрѣнія новой политики. Но все это—лишь отдѣльныя струи того великаго, самаго плодотворнаго и отраднаго движенія во всемъ мірѣ, которое должно назвать широкимъ именемъ *миротворенія*. Мы уже наталкивались не разъ прямо на слова «миръ, братство, справедливость». Всѣ указанные подвиги любви и правды сливаются съ тою-же коренною страстью современной жизни. Загляните въ любую область идеальной культуры: вы встрѣтите ее вездѣ. Гдѣ она не высказывается прямо, ею согрѣтъ общій характеръ явленій. Не станемъ говорить о наукахъ и искусствахъ: это завело-бы насъ далеко; да тутъ нечего и подсказывать читателю. Замѣтимъ только, что въ прошломъ году нв Западѣ много сдѣлано для соціологіи (отчасти уже переведеннаго у насъ), а въ этой наукѣ всѣ авторы словно сговорились, трубя осанну миру и человѣколюбію. Изящная словесность и театръ славословятъ миръ, наперерывъ съ публицистикой, которая открыла, къ концу года, въ лицѣ газеты «Indépendance Belge», цѣлый обширный отдѣлъ «Мирной Литературы», посвященный обзору соотечественныхъ изданій на одномъ только французскомъ языкѣ. Всюду особенно въ Германіи, издается масса книгъ и брошюръ мирнаго содержанія; есть и спеціальные журналы, число подписчиковъ у которыхъ все ростетъ.

Тѣмъ-же стремленіемъ проникнуты такія торжества науки, какъ возвращеніе Нансена изъ-подъ полюса и открытіе парижскаго университета, перестроеннаго въ надлежащемъ видѣ изъ старыхъ факультетовъ, или такія заботы о высшемъ образованіи, какъ знаменательныя пренія въ австрійскомъ рейхсратѣ объ улучшеніи быта профессоровъ [1]). Миролюбіе сквозитъ и во всѣхъ «международныхъ» съѣздахъ, которые умножаются съ каждымъ годомъ и возвѣщаютъ о новыхъ «союзахъ» всякаго рода. Въ прошломъ году состоялся цѣлый рядъ съѣздовъ юристовъ, психологовъ, химиковъ, медиковъ, историковъ искусства, геодезистовъ и др. И въ такихъ собраніяхъ, какъ съѣздъ членовъ Нравственнаго Союза, прямо говорилось о просвѣщеніи массъ, о Широкомъ Университетѣ именно для «борьбы съ милитаризмомъ», для водворенія «соціальнаго мира».

Мы обязаны только указать на непосредственные факты мира, которыми такъ переполненъ 1896-й годъ, что не знаешь, съ чего начать. Не будемъ говорить о заявленіяхъ правительствъ всего свѣта: любопытно только, что такая горячая тронная рѣчь въ пользу мира, какъ сказанная, 5-го октября, въ Вѣнѣ, вызвала вовсе не офиціальную бурю восторговъ

---

[1]) Между прочимъ, тутъ возобладало то мнѣніе о гонорарѣ, которое высказывалось раньше германскими профессорами и нами. См. нашу статью о нѣмецкомъ студентѣ, въ сентябрьской книжкѣ «Сѣверный Вѣстника».

со стороны всего парламента. Необычайно и то, что газеты даже враждебныхъ странъ поздравляли другъ друга при малѣйшемъ проявленіи миролюбія, и всѣ обсуждали Двойственницу именно съ этой, общечеловѣческой, а не узко-національной точки зрѣнія. Особенно поучительно видѣть возростающую ненависть къ военному духу въ очагѣ милитаризма, гдѣ онъ дошелъ до преступленій: въ Карлсруэ лейтенантъ Брузевицъ зарубилъ мирнаго бюргера изъ-за кабацкаго спора; въ Помераніи поручикъ тяжело ранилъ на улицѣ 14-ти-лѣтняго мальчика; и по всей Германіи господа военные, кромѣ попоекъ, только и дѣлаютъ, что дерутся на дуэляхъ изъ-за выѣденнаго яйца.

И среди покорныхъ нѣмцевъ поднялся, наконецъ, вопль негодованія на «звѣрства» уже свои, а не турецкія. Газеты наполнились горячими протестами, а юмористическіе листки—карикатурами на подвиги военныхъ на мирномъ положеніи. Рейхстагъ былъ заваленъ тысячами петицій съ массой подписей противъ дуэлей. И онъ подвергъ безпощадному осужденію самый принципъ средневѣкового суда Божія. Онъ, сверхъ того, горячо протестовалъ противъ впервые заговорившаго каменнаго столба, военнаго министра, пытавшагося защищать Брузевица; онъ освисталъ его за оправданіе дуэли «корпоративнымъ духомъ офицеровъ». Въ то-же время профессора всякихъ партій устроили митингъ негодованія противъ дуэлей. Наконецъ всѣ заговорили о благородствѣ покойнаго супруга королевы Викторіи, который своимъ словомъ укротилъ смертоубійства въ англійской арміи: и Вильгельмъ II высказался, въ кавалерійской школѣ, въ томъ-же духѣ, безусловно осуждая такихъ героевъ, какъ Брузевицъ. Въ то-же время дуэль была формально отмѣнена въ баварской арміи, и одинъ ея поручикъ уже засаженъ на два года въ крѣпость за убійство на поединкѣ. Немудрено, что разсыпались прахомъ требованія каменнаго столба о 177 милл. марокъ на передѣлку всѣхъ пушекъ и мечты Вильгельма II о 39-ти милліонахъ на увеличеніе флота. Изъ-за нихъ поднялась цѣлая буря въ рейхстагѣ, который съ ужасомъ увидѣлъ, что новый бюджетъ на 57 милл. увеличиваетъ государственный долгъ, который и безъ него достигъ уже двухъ милліардовъ, благодаря бисмаркизму. Такое-же фіаско потерпѣли каменные столбы въ Англіи и Италіи. Въ Лондонѣ, за отсутствіемъ теперь парламента, министръ финансовъ возсталъ противъ желанія Молоха увеличить войска на 8 батальоновъ и флотъ — «по правилу, чтобы всегда британскій флотъ равнялся соединеннымъ флотамъ двухъ какихъ-нибудь державъ». А въ Италіи министръ финансовъ привелъ палату въ восхищеніе, объявивъ, что воинственная мегаломанія (правительственное «горделивое помѣшательство») прекращается, что «съ окончаніемъ африканскаго предпріятія завершится эра долговъ, и послѣ многихъ бурь и для Италіи проглянетъ лучъ разсвѣта». Этому можно повѣрить: король объявилъ парламенту, отказавшему въ суммѣ на удѣлъ наслѣднику престола, что самъ будетъ вносить ее ежегодно въ казначейство. Скоро кажется, совершится даже чудо—примиреніе Квиринала съ Ватиканомъ

Гумбертъ отдалъ Льву XIII великолѣпный монастырь въ Ассизи, этотъ перлъ искусства 13-го в.

Съ Италіи-же начнемъ обзоръ цѣлаго ряда мирныхъ договоровъ, которыми ознаменовался прошлый годъ. «Африканское предпріятіе» завершилось миромъ съ Абиссиніей, который скоро будетъ закрѣпленъ и торговымъ трактатомъ. И въ парламентѣ такъ энергично говорятъ о полномъ отреченіи отъ злополучной Эритреи, что, по всеобщему мнѣнію, весной лозунгомъ на выборахъ будетъ именно эта мѣра. Италія счастливо развязалась и съ другою болячкой: торговый договоръ съ Тунисомъ, какъ вассаломъ Франціи, призналъ протекторатъ послѣдней надъ этимъ берегомъ Африки. А это сблизило Италію съ Франціей: министръ Висконти прямо заявилъ, что теперь возможны «дальнѣйшія сдѣлки къ обоюдной выгодѣ двухъ странъ въ области мира и благоденствія». Италія еще утвердила договоръ съ Швейцаріей о прорытіи Симплона и снова примирилась съ Бразиліей, задѣвшей ее безчинствомъ своихъ моряковъ, причемъ много помогъ третейскій судъ. Недавно подписанъ торговый договоръ между Сербіей и Болгаріей; налаживаются такія-же сдѣлки между Англіей и Россіей, съ одной стороны, и Болгаріей — съ другой; но надняхъ утвержденъ договоръ между Австріей и Болгаріей. Того-же можно ожидать между Россіей и Германіей, которыя возобновили-было таможенную войну: послѣ бреславльскаго свиданія въ Берлинѣ начались совѣщанія русско-нѣмецкихъ делегатовъ по торговымъ дѣламъ. Германія, продолжая благое дѣло Каприви, заключила торговый договоръ съ отдаленной Никарагуей и примирилась съ Португаліей, которая затронула ея знамя гдѣ-то въ Африкѣ, обмѣнявшись салютами съ ея судами. Гордая Англія выказала неимовѣрное миролюбіе уже тѣмъ, что вошла въ переговоры съ Соединенными Штатами, по поводу Венецуэлы, т.-е. признала ученіе Монроэ для *всей* Америки, государства которой даже на просили ее объ этомъ. И 9-го ноября совершилось крупное событіе въ быту миротворцевъ. Подписанъ договоръ третейкаго суда между Англіей и Соед. Штатами, состоявшаго изъ 4-хъ представителей сторонъ, избравшихъ супер-арбитра. Рѣшено считать право владѣнія колонизаціонною землей по 50-лѣтней давности. Важнѣе всего прибавка въ приговорѣ: отнынѣ всѣ спорные вопросы между говорящими на англійскомъ языкѣ націями рѣшать третейскимъ судомъ! Можно изумляться и умиляться. Давно-ли стародумы считали третейскій судъ въ политикѣ «утопіей» и фантасмагоріей «либеральничающихъ мальчишекъ?» А вотъ онъ уже охватываетъ почти половину цивилизованнаго міра, и половину самую крѣпкую. И она уже подготовляетъ такое же рѣшеніе между Испаніей и кубанцами. А въ Германіи третейскій судъ благополучно рѣшилъ мудреное дѣло о престолонаслѣдіи въ княжествѣ Липпе, причемъ были отвергнуты притязанія шурина Вильгельма II. Прибавимъ договоры между Россіей и Китаемъ и между такими злѣйшими врагами, какъ Японія и Небесная имперія, да еще подписанный въ Гаагѣ 14-го ноября *между-*

народный договоръ о частномъ правѣ (пока именно о гражданскомъ судопроизводствѣ),—и мы задумаемся о глубокомъ значеніи истекшаго года. Этотъ годъ предстаетъ предъ потомствомъ во всеоружіи не армій и флотовъ, а мирнаго соперничества. Послѣ идейной федераціи всего человѣчества, о которомъ сказано выше, это уже матеріальная унія, при которой, пожалуй, можно и не особенно заботиться о мудреной федераціи политической. И мы снова наталкиваемся на душу 90-хъ годовъ, на экономическій интересъ, это лучшее орудіе мира. Припоминая, что дѣлаетъ онъ теперь въ Африкѣ, закончимъ эту величественную картину, охватывающую міръ, Востокомъ, этимъ вѣчнымъ родникомъ богатствъ. Скупой на пушки и на броненосцевъ нѣмецкій райхстагъ съ глубокимъ вниманіемъ выслушалъ рѣчь министра торговли о необходимости усилить пароходныя сообщенія. А тотъ показывалъ, какъ всѣ народы, съ французами и русскими во главѣ, бросились теперь на сказочный Востокъ, чтобы пріобрѣсти новые рынки для избытка плодовъ ихъ рабочей силы.

VIII.

«Километритъ» и миротворцы.

При такихъ обстоятельствахъ уже не трудно лѣчить подсыхающую язву, удачно окрещенную нашимъ соціологомъ, Новиковымъ [1]), словомъ *километритъ*, которое уже пошло гулять по свѣту, какъ видно изъ иностранныхъ газетъ. Это—своего рода дифтеритъ, въ видѣ страсти къ километрамъ или верстамъ. Снадобье, убивающее эту бактерію стараго режима, найдено. То, на что вчера еще рѣшались лишь отважные теоретики, не боясь титула простофиль отъ премудрыхъ политикановъ, продѣлывается уже законодателями. Мы знаемъ о старинномъ предложеніи (въ 1887 г.) американскаго правительства и членовъ англійскаго парламента насчетъ всеобщаго третейскаго суда. Въ 1894 г. вдругъ вся печать Запада заговорила съ восторгомъ о «всеобщемъ разоруженіи», будто-бы предложенномъ нето Даніей, нето Россіей или Австріей. А въ прошломъ году сначала генеральный совѣтъ сенскаго департамента, потомъ радикалы парижской палаты просили свое правительство созвать международный конгрессъ для всеобщаго разоруженія. Здѣсь пока дѣло не нашло дальше разговоровъ. Но въ Вѣнѣ на практикѣ пришли къ миру съ другого конца. Здѣсь палата депутатовъ еще въ октябрѣ просила правительство войти въ переговоры съ державами насчетъ международныхъ третейскихъ судовъ. Правительство похоронило дѣло въ военной коммиссіи. 3-го декабря неугомонные депутаты возобновили его, придравшись къ вопросу... о разграниченіи между Галиціей и Венгріей. Какъ ни просилъ ораторовъ президентъ палаты «не выходить изъ предѣловъ вопроса», они долбили свое—и додолбились, при общемъ вос-

[1]) Его статья „La kilométrite“ помѣщена въ „Indep. Belgi“ 4 ноября.

торгѣ собранія: предложеніе о международныхъ третейскихъ судахъ принято.

Послѣ этого спеціальныя орудія мира, мировыя общества и ихъ съѣзды, уже теряютъ свое первоначальное значеніе. Для насъ нѣтъ ничего отраднѣе, какъ это сознаніе. Вѣдь, всего года три назадъ мы сами, на страницахъ этого-же журнала, распинались за эти проблески прогресса, какъ за главное орудіе мира, а теперь можемъ ограничиться лишь краткимъ указаніемъ на нихъ: идея вошла въ жизнь, воплотилась въ парламентахъ, проникла отчасти въ правительства—и честь и слава ея первымъ мученикамъ, провозвѣстникамъ, но они уже становятся менѣе интересными. Зато они будутъ менѣе страдать!..

Въ прошломъ году мирныя общества имѣли множество засѣданій по всему свѣту. Они не мало содѣйствовали устраненію войны между Англіей и Америкой изъ-за Венецуэлы. Въ день рожденія Вашингтона, 22 февраля, они вездѣ требовали третейскаго суда. Въ апрѣлѣ американскія общества собирались на конвентъ и подали записку о томъ-же Кливеленду, и по всему Новому Свѣту праздновался этотъ день, а духовенство всѣхъ религій служило молебны. Лѣтомъ Сольсбери получилъ такую-же записку отъ англійскихъ обществъ мира. Тогда-же французскіе миротворцы основали, въ Брюсселѣ, «международную лигу противъ дуэлей».

Наконецъ, въ сентябрѣ, состоялся обычный, уже седьмой, съѣздъ миротворцевъ въ Пештѣ. Предсѣдательствовалъ маститый генералъ Тюрръ, который открылъ засѣданіе тою оцѣнкой нынѣшняго международнаго положенія, которая лежитъ и въ основаніи нашей лѣтописи. Онъ сказалъ, что и здѣсь ясна идея миротворцевъ: «пять великихъ державъ уже образовали два союза, изъ которыхъ каждый отстаиваетъ интересы мира (и которые, прибавимъ, уравновѣшиваютъ другъ друга); если эти двѣ группы войдутъ между собою въ соглашеніе, то мелкія государства должны будутъ присоединиться къ нимъ—и союзъ европейскихъ государствъ готовъ».

Пештскій съѣздъ, повторяемъ, представлялъ уже мало интерес по существу: ему приходилось повторять требованія о международномъ третейскомъ судѣ и о всеобщемъ разоруженіи, — истины, которыя къ счастью, уже стали аксіомами. Онъ только немного расширялъ ихъ практическое примѣненіе, да и тутъ больше напоминалъ о рѣшеніяхъ прежнихъ съѣздовъ. Такъ, миротворцы опредѣлили: всячески облегчать участіе рабочихъ въ ихъ трудахъ; устроить постоянную международную комиссію для улаженія столкновеній державъ въ Африкѣ; учредить европейскій таможенный союзъ на началахъ наиболѣе свободной торговли; заботиться объ отмѣнѣ дуэлей. Интересъ съѣзда сосредоточивается для насъ на смотру арміи миротворцевъ. Оказывается, что теперь уже развелось столько мирныхъ обществъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, что за ними трудно услѣдить: въ одной Германіи, у этой заводчицы и главной

жертвы милитаризма, ихъ полсотни. Но особенно могущественно движеніе у англосаксонской расы, гдѣ оно носитъ глубоко демократическій характеръ, съ религіознымъ оттѣнкомъ. Это видно, между прочимъ, изъ міроваго плебисцита, устроеннаго недавно газетой «Daily Chronicle»: редакцію завалили массой писемъ въ пользу мира со всего свѣта; и во главѣ ихъ красуется посланіе кардинала Рамполлы съ благословеніемъ папы. Правительства, въ свою очередь, всячески поощряютъ миротворцевъ: такія бѣдныя изъ нихъ, какъ швейцарское, датское и норвежское, не жалѣютъ денегъ на нихъ.

По обычаю, вслѣдъ за съѣздомъ, въ Пештѣ собралась его неизбѣжная спутница, межпарламентская мирная конференція. На этотъ разъ она представляла собой всѣ рѣшительно парламенты Европы, кромѣ румынскаго, который, однако, прислалъ заявленіе своего сочувствія и желанія присоединиться къ миротворцамъ всюду, лишь кромѣ Пешта (!). Подобно съѣзду, конференція отличалась приподнятымъ, горделивымъ тономъ. Но и ей пришлось повторять зады. Она лишь напомнила о выработанномъ на прошлой (брюссельской) конференціи планѣ международнаго третейскаго суда, идея котораго принадлежитъ «великому старцу» Англіи. Этотъ планъ былъ разосланъ всѣмъ правительствамъ, и многія изъ нихъ одобрили его въ принципѣ. Такъ какъ въ ихъ числѣ оказалась и Россія, то нынѣшняя конференція воспользовалась случаемъ, чтобы расширить свою дѣятельность. Она рѣшила обращаться къ государственнымъ совѣтамъ... Этотъ эпизодъ тѣмъ трогательнѣе и знаменательнѣе, что онъ былъ возбужденъ графомъ Аппоньи, вождемъ мадьярской національной партіи, словно въ благодарность за то, что Россія недавно возвратила Венгріи саблю ея героя, Ракоци: такъ примирились два искони враждебныхъ народа! Аппоньи горячо говорилъ о томъ, что Россія, занимающая треть Европы, составляетъ могучую силу уже не только въ матеріальномъ, но и въ умственномъ отношеніи, и что она—одинъ изъ оплотовъ мира: покойный князь Лобановъ-Ростовскій отвѣтилъ сердечнѣе всѣхъ другихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ на предложеніе брюссельской конференціи.

Изъ новинокъ на конференціи обращаютъ на себя вниманіе только два человѣчныя рѣшенія: выработать мудреный вопросъ о свободномъ провозглашеніи нейтралитета со стороны любого государства и предложить правительствамъ даровать иностранцамъ равныя права съ туземцами да примѣнять начала, провозглашенныя институтомъ международнаго права для допущенія и высылки иностранцевъ. Но главнымъ интересомъ и здѣсь, какъ на съѣздѣ, былъ смотръ арміи миротворцевъ. По отчету постояннаго межпарламентскаго бюро въ Бернѣ, за истекшій годъ сильно возросло число членовъ конференціи, особенно въ Германіи и Италіи: послѣдняя прислала въ Пештъ цѣлую массу депутатовъ, изумившую всѣхъ и показавшую, что̀ значитъ Адуя, этотъ абиссинскій Седанъ. Парламенты Бельгіи и Нидерландовъ запрашивали свои прави-

тельства насчетъ международнаго суда; а баварскій сеймъ занимался проектомъ о разоруженіи.

Годъ окончился рожденіемъ новаго орудія мира. 12-го декабря, консулы разныхъ державъ открыли въ Ниццѣ 450-е общество мира. Его президентъ, генералъ Тюрръ, воскликнулъ: «Намъ дѣлаютъ визиты министры, ободряя насъ: стало быть, наше дѣло уже не утопія!»

Укажемъ, въ заключеніе, на только-что заявленный намъ телеграфомъ фактъ изъ частнаго быта, проникнутый тѣмъ-же духомъ новой жизни. Недавно скончавшійся въ Швеціи Нобель завѣщалъ всѣ свои 35 милліоновъ кронъ на *международный* фондъ для научныхъ изслѣдованій и на награды за наилучшую дѣятельность на пользу «мира». А давно-ли пожертвованія шли только на «колокольный патріотизмъ», какъ говорятъ французы! Просмотрите хоть въ нашей «Исторіи» параграфы, посвященные «понятіямъ», — и вы увидите, съ какимъ трудомъ совершались прежде превращенія въ мозгахъ. А какъ быстро ростетъ теперь новое міровоззрѣніе на нашихъ глазахъ! Тысячу разъ была права баронесса Суттнеръ, когда говорила, на съѣздѣ въ Пештѣ, припоминая значеніе экономическаго вопроса: Напрасно называютъ насъ, миротворцевъ, *оптимистами и утопистами*. Напротивъ, простые матеріалистическіе и экономическіе интересы ведутъ къ миру. Мы, стало быть, стоимъ на реальной почвѣ, а утопистами оказываются защитники войнъ и вооруженій.

Послѣднія уже становятся, кажется, просто игрой, выгодной для заказчиковъ. Войны, отъ которыхъ Европа была избавлена даже въ пору реакціи 80-хъ годовъ, вовсе не къ лицу Возрожденію конца вѣка. Къ тому-же ведетъ то, что совершалось, въ истекшемъ году, въ Новомъ Свѣтѣ. Встрѣтимъ-же Новый Годъ такъ, какъ встрѣтилъ его весь оффиціальный міръ въ сердцѣ міра, въ Парижѣ. Сейчасъ мы прочли въ «Figaro», что *никогда еще* поздравленія у президента французской республики не отличались такимъ свѣтлымъ, радостнымъ, спокойнымъ настроеніемъ, какъ 1-го января 1897 года!

IX.

Душа миротворенія.

Миротвореніе тѣмъ болѣе забираетъ силу, что поднялась женщина, чтобы встать между жерлами крупповскихъ изобрѣтеній и грудью ея сыновей, мужей и отцовъ. Посѣдѣвшій въ бояхъ генералъ Тюрръ сказалъ въ мирномъ обществѣ въ Ниццѣ: «Будемъ всѣми силами распространять дѣло всеобщаго разоруженія. Въ особенности привлечемъ *женщинъ*: вѣдь, только съ ихъ помощью мы достигнемъ цѣли. Взгляните на Красный Крестъ: онъ пріобрѣлъ мощь лишь съ того времени, когда за него взялись женщины». Нравственный Союзъ выдвинулъ ту-же мысль, признавъ равноправность женщины съ мужчи-

ной и требуя не жалѣть средствъ на ея духовное совершенствованіе. Истинная душа миротворенія, извѣстная сочинительница романа «Долой оружіе» и издательница журнала того-же имени, баронесса Берта Суттнеръ, чествовалась на конгрессахъ въ Пештѣ и Вѣнѣ особыми, безкорыстными проявленіями любви общества. Ея романъ, имѣющій болѣе широкій смыслъ, чѣмъ «Хижина дяди Тома», благодѣтельницы однихъ черныхъ, и переведенный на всѣ европейскіе языки, изданъ въ прошломъ году англичанами неимовѣрно дешево (3 коп. за книжку) и уже разошелся въ 250.000 экземпляровъ.

Не станемъ завидовать доброй Бертѣ. Лучше преклонимся, въ ея лицѣ, передъ молчаливымъ вѣковѣчнымъ страданіемъ рабыни материнскаго долга и своего, болѣе сильнаго физически, товарища. Она много перенесла въ прошломъ изъ-за насъ. Пусть-же теперь, когда насчетъ тѣла подымаются силы нравственныя, когда все взываетъ къ любви и правдѣ, она порадуется больше нашего. Пусть она по праву пожинаетъ плоды своихъ тайныхъ слезъ и подавленныхъ стоновъ въ искренней благодарности выношеннаго ею человѣчества. Она утѣшала и ободряла насъ въ житейской борьбѣ; она лечила насъ, какъ сестра милосердія, на противныхъ ей поляхъ битвъ, которыя мы суевѣрно считали священными. Пусть-же она торжествуетъ теперь, какъ истребительница этихъ полей, какъ свѣтлая укротительница «людоѣдовъ». Вотъ ея торжество за прошлый годъ. Чтобы не утомить читателя, укажемъ бѣгло лишь на самые характерные факты. Да русскому читателю нечего и особенно подсказывать: тутъ онъ самъ не пропуститъ въ газетахъ ни соринки.

Всякому извѣстно, что на Западѣ женщина, словно по какой-то игрѣ жизненныхъ противорѣчій, очеловѣчивается прежде всего у чопорнаго, ветхозавѣтнаго пуританина, у ледяного, угрюмаго Джона Буля. Достойная его подруга по характеру, она отличается непреклонностью и желѣзною энергіей. Подобно ему, она, разъ взявшись за дѣло, идетъ напроломъ, до чудачествъ. Достигнувъ царственнаго положенія, завоевавъ себѣ и почти всѣ поприща, и высшее образованіе, она жаднымъ взоромъ ищетъ еще не занятаго мѣстечка—и... И англичанка поступила на военную службу. Неутомимая поборница правъ своего пола, учредившая еще въ 1869 г. первый дамскій клубъ въ Лондонѣ, миссъ Гетерли заводитъ *военно-медицинскій отрядъ* изъ женщинъ. Ей мало сестеръ милосердія. Тѣ, вѣдь, работаютъ лишь на перевязочныхъ пунктахъ, да въ госпиталяхъ: нужно, чтобы женщина вполнѣ стала мужчиной, т. е. орудовала на самомъ полѣ битвы, подъ огнемъ пушекъ и ружей, подъ ударами штыковъ и сабель, подъ копытами бѣшеныхъ коней. Главная сотрудница г-жи Гетерли, миссъ Стоксъ, желала-бы завести прямо-таки женскую армію—и совершенно безкорыстно: она молода, красива, образована, писательница, словомъ—вправѣ разсчитывать на кучу жениховъ. Но покуда воительницы ограничатся подготовкой полевыхъ фельдшеровъ: будутъ обучаться ружейнымъ пріемамъ, собираться въ лагери

и т. д. Одѣнутся онѣ въ шаровары или въ юбочки, какъ у шотландцевъ. Почтенныя миссъ забыли одно: для доказательства своей равноправности, вовсе не требуется возвращаться ко временамъ баснословныхъ амазонокъ въ «концѣ вѣка», когда и мужчина-то не хочетъ идти на войну, поглощенный болѣе производительными работами. И если онѣ считаютъ «людоѣдство» необходимою прелестью, то неужели имъ лестно стать, по уму, на одинъ уровень съ гг. Мало? Такія стремленія особенно удивительны въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ образованная женщина находитъ такой просторъ и почетъ на литературномъ поприщѣ. Именно теперь, готовясь къ 60-лѣтнему юбилею царствованія Викторіи, англичане съ гордостью стали перечислять свои успѣхи и, найдя, что выше была развѣ только эпоха Елизаветы, вспоминаютъ съ признательностью имена такихъ новѣйшихъ писательницъ, какъ Шарлота Бронте, Джорджъ Элліотъ, Броунингъ, Мартино, Уардъ и поэтесса королевы, Матильда Блиндъ, которая умерла недавно, завѣщавъ сжечь ея тѣло.

На материкѣ не то. Положеніе женщины у такой бойкой, архи-передовой націи во многомъ, какъ французы, лучше всего доказываетъ здѣсь силу пережитковъ стараго режима. Трудно повѣрить, что у разрушителей Бастиліи еще уцѣлѣли такіе драконовы законы: между тѣмъ, какъ мужчина даже безграмотный можетъ быть свидѣтелемъ, женщина лишена этого первичнаго гражданскаго долга, наравнѣ съ малолѣтками, идіотами и преступниками; а главное, замужняя женщина лишена всякихъ имущественныхъ правъ, т. е. даже правъ на собственный заработокъ, который зачастую пропивается ея хозяиномъ, мужемъ! Но зато теперь и въ этомъ полярномъ льдѣ сдѣлана большая прорубь. И она увеличивается съ каждымъ днемъ: недаромъ французы, послѣ Седана, начали понемногу обучать свою кокетливую одалиску по-человѣчески, т. е. давать ей похожее на мужское гимназическое образованіе и даже допускать ее въ университеты, хотя это у нихъ еще далеко не стало à la mode. Вотъ уже лѣтъ пять какъ кружокъ передовыхъ парижанокъ горячо взялся за дѣло, устроивъ особое общество Avant-Courrière для добыванія именно двухъ помянутыхъ правъ. И въ прошломъ февралѣ право собственности признано за француженкой, хотя покуда со стороны палаты: сенаторы еще разжевываютъ этотъ непостижимый для нихъ вопросъ.

Конечно, почтенные стражи каменнаго вѣка сдадутся. Вѣдь, на практикѣ француженка спѣшитъ за англичанкой: не говоря про частныя заведенія, она проникла уже на телеграфы, въ почтовыя конторы и желѣзно-дорожныя правленія; одна занимаетъ даже мѣсто начальника станціи. И именно въ Парижѣ сама наука выступила во всеоружіи на защиту «слабаго пола». Да еще какъ! Горячій потомокъ галловъ или молчитъ, или, коли заговоритъ, старается перекричать всѣхъ. Женское человѣчество можно поздравить съ открытіемъ новой великой каѳедры, о которой давно слѣдовало подумать. Въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли? Захвативъ всѣ

поприща жизни, женщина доходитъ уже до амазонства; спеціализація знаній доходитъ до каѳедръ бактеріологіи, исторіи, каменныхъ орудій и чуть не теорій эдиссоновыхъ лампочекъ; а про исторію цѣлой половины человѣческаго рода у насъ имѣются лишь отрывочныя, брошюрныя свѣдѣнія! Конецъ прошлаго года ознаменовался открытіемъ, въ Collège de France, университетскаго публичнаго курса о положеніи женщины во Франціи. Въ своей вступительной лекціи, профессоръ сравнительнаго законодательства, Фляшъ, разоблачилъ основное зло пресловутаго Наполеоновскаго Кодекса, который «звѣрски» (brutalement) остановилъ «естественную эволюцію» женщины, уже далеко уходившей отъ тѣхъ временъ, когда она была предметомъ «простого торга или похищенія, смотря по степени честности захватчика». Профессоръ заявилъ себя рѣшительнымъ приверженцемъ правъ женщины, и «не только гражданскихъ, но и политическихъ». На первый разъ Фляшъ, съ великодушіемъ героя, отказался за всѣхъ насъ, мужчинъ, отъ права на нашъ главный, вѣковѣчный грѣхъ: онъ потребовалъ внесенія въ скрижали мужскихъ преступленій, т. е. въ законы, права жертвъ нашего безстыдства, несчастныхъ дѣвушекъ-матерей, на отысканіе отцовъ ихъ дѣтей.

Стало быть, дѣло назрѣло, когда стало стыдно зубоскалить насчетъ «нашихъ ангеловъ, богинь» (алькова) даже такимъ дипломатамъ ожирѣвшихъ «принциповъ 1789 года», какъ наисерьезнѣйшій «Temps». Эта газета, конечно, не преминула обозвать Фляша «смѣлымъ философомъ» и даже «радикаломъ»; но она посвятила ему передовицу, назвала его дѣло «серьезнымъ» и припомнила, что въ этомъ «славномъ домѣ» (Coll. de Fr.) уже встрѣчались такіе поборники «женской эмансипаціи», какъ Мишлэ и Легувэ. Вѣроятно отнынѣ исчезнетъ во Франціи тотъ позорный для нея бульварный тонъ, который всегда принимали даже столь серьезныя газеты, говоря о «феминизмѣ»—новомъ негодномъ словечкѣ, котораго Литтрэ никакъ не хотѣлъ ввести въ свой научный словарь: оно одного корня съ такими истинно парижскими пошлостями, какъ feminiser и femelle...

Франція—вождь романской породы. У остальныхъ романцевъ съ женщиной совсѣмъ плохо: тамъ нѣтъ и феминизма. Это удостовѣрили сами тамошнія женщины на берлинскомъ конгрессѣ. Тамъ было мало итальянокъ, которыя заявили, что онѣ только-что начинаютъ просыпаться, и лишь въ Ломбардіи. Изъ Португаліи явилась только одна дѣвушка, да и то какой-то случайной волонтеркой. И достанется-же бѣднягѣ за эту вылазку на милой родинѣ, гдѣ, «благодаря клерикаламъ» (если вѣрить ея словамъ), только 250,000 женщинъ еле грамотныхъ (изъ $2^1/_2$ милліоновъ), гдѣ нѣтъ и помина о разводѣ, гдѣ мужъ вправѣ даже запрещать женѣ писать и печататься. Гречанки и румынки блистали отсутствіемъ: въ ихъ отечествѣ, которое такъ долго подчинялось туркамъ, женихи еще такъ первобытны, что жаждутъ даже не приданаго, а мол-

чаливой, отъ торричеліевой пустоты подъ черепомъ, красавицы, съ яблочками на щекахъ и черносливами подъ бровями дугой.

Переходомъ отъ романцевъ къ германцамъ служитъ двуязычная Швейцарія. Это—мать для чужихъ дщерей и мачиха для своихъ. Она много сдѣлала для высшаго образованія русскихъ, англичанокъ, американокъ и другихъ, но смотритъ на нихъ (особенно въ кальвинской и буржуазной французской части), какъ на пропащихъ созданій, которыхъ не грѣхъ обдирать за ученье зачастую не первой свѣжести и не академической высоты. Но международное положеніе и экономическій интересъ дѣлаютъ свое дѣло и тутъ. Особенно послѣдній, какъ это обнаружилось на съѣздѣ друзей женщины всей страны, въ Женевѣ, въ прошломъ августѣ. Тутъ больше всего говорилось о хлѣбѣ насущномъ. Необходимо-де, чтобы всѣ женщины обучались разнымъ спеціальностямъ, въ особенности-же кулинарному дѣлу; нужно улучшить положеніе работницы, завести фабричныхъ инспектриссъ, правительственныя конторы для прiисканія работы и т. под. Не забыли и судьбу прислуги, живущей зачастую въ конурахъ. Любопытнѣе всего, что съѣздъ отнесся съ особою сердечностью къ участи проститутокъ. Важнѣе всего, что родина Песталоцци положительно стала за одинакое, и даже за совмѣстное обученіе дѣвочекъ и мальчиковъ. Нашлись крупные голоса и за университетское образованіе женщинъ. Наконецъ и женевскіе профессора громили отсталость и несправедливость законовъ по отношенію къ женщинѣ. Они точно сговорились съ Фляшемъ. И немудрено. Юридически швейцарка немногимъ лучше тѣхъ безправныхъ тварей, которыя живутъ подъ Наполеоновскимъ Кодексомъ (француженка, бельгійка, голландка): вдова находится подъ опекой, хотя-бы ей было за пятьдесятъ! Конгрессъ единогласно принялъ предложенія профессоровъ о юридическомъ равенствѣ половъ.

У германцевъ женщина прежде всего начала задумываться надъ своимъ пропитаніемъ, а слѣдовательно и надъ своими правами. Она еще не допускается до общественныхъ должностей. Правда, нѣмка уже выступила на многихъ частныхъ поприщахъ, но, любопытно, ея почти не видно въ педагогіи; а каковы эти поприща—лучше умолчать, въ виду пренебреженія женщинъ фабричнымъ законодательствомъ, въ виду выше описанной участи швей и портнихъ. Нѣмецъ тугъ: онъ дѣлаетъ уступки своихъ привилегій лишь по необходимости, отвѣшиваетъ своей подругѣ по золотникамъ, хоти въ Берлинѣ онъ, кажется, уже не запрягаетъ ее парой съ собакой въ телѣжку, какъ мы сами видѣли въ 60-хъ гг. Онъ еще не даетъ ей даже имущественныхъ правъ; а прошлымъ лѣтомъ онъ поднесъ ей ретроградную «реформу» гражданскаго уложенія, вопреки протестамъ лучшихъ юристовъ. Памятуя своего Лютера, Михель обязательно обучаетъ своихъ дѣвочекъ 8 лѣтъ въ общинныхъ школахъ, наряду съ мальчиками, и отчасти въ ремесленныхъ школахъ. Но для средняго ихъ образованія онъ устроилъ Mädchenschule, которыя доказы-

ваютъ его невысокій взглядъ на женщину. А высшее образованіе... Тутъ Михель недалеко ушелъ отъ своего «прирожденнаго врага» за Рейномъ: только у него идеалъ—не альковный ангелъ, а балладная Гретхенъ, съ которою Фаустъ можетъ также продѣлывать что ему угодно, а она только боязливо вопрошаетъ, вперяя въ него голубые глазки: «а какъ, сокровище мое, насчетъ церкви?» Германія отстала здѣсь на 10—30 л. отъ Англіи, Швеціи, Даніи, Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи, даже Франціи и Италіи.

Правда, такое могучее Возрожденіе, какъ 60-е годы, пробило—было брешь и тутъ: кое-гдѣ въ германскихъ университетахъ показались дамы. Но нравственный Михель скоро одумался, замѣтивъ, что у него картошка подгораетъ, а пивопіеніе встрѣчаетъ презрительные взгляды голубыхъ глазокъ. Всеобщая реакція характеризовалась въ Германіи цѣлымъ потокомъ гнѣвныхъ писаній мужчинъ, во главѣ которыхъ стояли профессора и ученые: тогда оттуда перепали крупицы и на долю нашей женщины. 90-е годы естественно и здѣсь оказались эрой «новаго курса» Пользуясь своею извѣстной автономіей, а, пожалуй, и подчиняясь духу «партикуляризма», университетская мелкота (первый—Геттингенъ, за нимъ — Гейдельбергъ, Іена, Лейпцигъ и отчасти Страсбургъ) раскрыли свои двери «слушательницамъ», въ пику берлинскому университету, который, какъ Церберъ, охранялъ храмъ науки отъ безнравственности, поддѣлываясь подъ вкусъ министра «культуры», Боссе. Когда на послѣдняго насѣдали женщины, онъ дипломатически допустилъ «слушательницъ», но... каждый разъ съ его разрѣшенія, съ согласія профессоровъ и если онѣ окончатъ классическую женскую гимназію, которой не было нигдѣ въ Германіи. Нѣмки, конечно, отступили отъ такъ защищенной твердыни, но въ нее сразу проникло до 40 отчаянныхъ американокъ и русскихъ. А весной прошлаго года среди берлинскихъ дѣвушекъ нашлось 8 такихъ крѣпкихъ череповъ, что онѣ выдержали классицизмъ (нѣмецкій, не русско-чешскій!), отлично сдавъ экзаменъ зрѣлости въ мужской гимназіи. Счастливицы уже потребовали зачисленія ихъ въ «студентки» (съ правами); но Боссе, уже недипломатично, а просто, отказалъ. Но его стали заваливать десятками прошеній—и онъ допустилъ нахалокъ, на прежнихъ условіяхъ, но лишь слушательницами. Лѣтнимъ семестромъ ихъ было уже 70. Тогда-же профессоръ анатоміи, Вальдейеръ, выдалъ аттестатъ женскимъ мозгамъ. Въ публичной рѣчи онъ торжественно оповѣстилъ міръ о своемъ открытіи: прекрасная половина способна не только къ воспріятію университетскихъ лекцій, но и къ отправленію обязанностей врача и юриста!

Подобный-же ходъ дѣла былъ въ Вѣнѣ. Но тамъ женщины дотого слѣдовали евангельскому правилу, что, наконецъ, отверзлось: конецъ года ознаменовался рожденіемъ первой въ Австріи женщины-врача, графини Гугонай (судя по имени, мадьярка?). И пора. Не совсѣмъ деликатно чужими руками жаръ загребать, какъ дѣлалъ до сихъ поръ австрійскій нѣ-

мецъ: сохраняя своихъ Гретхенъ для своего домашняго обихода, онъ посылалъ (ограбляя отчастя и Россію) иностранокъ въ женскія палаты своихъ госпиталей, особенно въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ много мусульманокъ.

X.

Женскій смотръ.

Нѣмецкое движеніе завершилось, въ сентябрѣ, громкимъ *международнымъ* женскимъ конгрессомъ въ Берлинѣ. Его подробности описаны въ декабрьской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника»: насъ интересуетъ лишь его общее значеніе. Люди практическіе ставятъ его невысоко: находятъ даже, что швейцарскій конгрессъ больше «сдѣлалъ», а въ Берлинѣ — больше «говорили». Это несовсѣмъ вѣрно: «сдѣлано» кое-что и въ Берлинѣ. Чего сто́итъ одно небывалое постановленіе,—чтобы женщины состояли въ присяжныхъ, когда судятъ женщину! А такая резолюція, какъ— составить международный союзъ всѣхъ женскихъ обществъ на свѣтѣ! По серьезности, берлинскій конгрессъ неизмѣримо выше перваго международнаго женскаго съѣзда, въ Парижѣ, весной. Конечно, тутъ пришлось много говорить: на «международномъ» съѣздѣ было до 2.000 делегатокъ со всего свѣта, даже съ Кавказа, изъ Египта и Австраліи; онѣ задыхались отъ жары въ роскошной залѣ думы. Но отсюда-то вытекла та широта въ постановкѣ вопроса, которая сообщаетъ общее значеніе съѣзду, при всѣхъ его явныхъ недостаткахъ.

То былъ первый поистинѣ всемірный смотръ женскому вопросу: изъ массы докладовъ самихъ туземокъ нарисовалась яркая картина положенія женщины во всемъ свѣтѣ въ переживаемую минуту. Мало того: выступили характерныя черты и коренныя причины великаго движенія, которыя доселѣ скрывались подъ массой мелочей, разбиравшихся отдѣльно. И, прежде всего, отрадно было видѣть, съ одной стороны, приподнятый, праздничный духъ въ делегаткахъ, съ другой—теплый, дружескій тонъ, который былъ нарушенъ на минуту только разъ, и по самой серьезной причинѣ. Затѣмъ мы обязаны берлинскому съѣзду возможностью сдѣлать теперь-же тѣ любопытные соціологическіе выводы, которые сами собой бросаются въ глаза.

Женское движеніе идетъ у *всѣхъ народовъ* одинаково, какой-бы расѣ они ни принадлежали. Вездѣ оно не есть плодъ досужихъ фантазій, а вызывается нуждой, которая, по нѣмецкой поговоркѣ, «дробитъ и желѣзо». Таковъ и, повидимому, пустой вопросъ объ одеждѣ, надъ которымъ любятъ глумиться стародумы, забывая, что они-же придали значеніе слову «юбка». Кто вдумывался въ исторію одежды, тотъ не удивится, что юбка, шляпка и корсетъ, стѣснявшіе уже такихъ женщинъ, какъ г-жа Сталь и Жоржъ Зандъ, теперь снова стали злобой дня.

Итакъ и здѣсь передъ нами все тотъ-же Геркулесъ 90-хъ г., *общественно-экономическій* вопросъ. Онъ особенно выступилъ въ столицѣ той націи философ-

фовъ, которая больше всѣхъ разсуждала о женщинѣ теоретически, такъ-же какъ о педагогическомъ классицизмѣ, и такъ-же, какъ тамъ, только затемняла вопросъ, увлекаясь недостойными выходками различныхъ женоненавистниковъ Въ Германіи дѣло только и пошло ходко и по надлежащему пути, когда, въ отчаяніи, заговорили голодныя, когда вскрылась участь швей, портнихъ и работницъ, когда союзъ нѣмецкихъ женскихъ обществъ подалъ (1893) петицію въ рейхстагъ объ упраздненіи проституціи. На берлинскомъ съѣздѣ оказалось, что уже вездѣ миновало доброе старое время, когда, бывало, не успѣла дѣвушка созрѣть, какъ ее уже и «взяли» замужъ. Миссъ Гетерли засвидѣтельствовала, что даже въ богатой Англіи 200.000 женщинъ лишены жениховъ, число которыхъ убываетъ съ каждымъ годомъ; и многія работницы «близки къ голодной смерти». Немудрено, что, по докладу англійскаго доктора Винслоу на послѣднемъ медицинскомъ съѣздѣ въ Лондонѣ, среди самоубійцъ отъ любви женщинъ вдвое больше, чѣмъ мужчинъ, а отъ неудовлетвореннаго честолюбія —- вчетверо. Женщина, развиваясь, все больше желаетъ содержать сама себя не униженіемъ, а возвышеніемъ рода человѣческаго; но для этого ей недостаетъ образованія. Правительство препятствуетъ послѣднему, какъ видно лучше всего опять-таки въ Германіи, гдѣ на женское образованіе идетъ всего $2^1/_4$%, а на мужское—болѣе 97%: макіавелизмъ Пруссіи и Австріи былъ побѣжденъ частными обществами, которыя устроили недавно (еще не было выпусковъ) классическія гимназіи въ Карлсруэ и Пештѣ.

Движеніе *ростетъ* съ *необыкновенной быстротой*: Геркулесъ вездѣ усердно подготовляетъ ему почву. Даже въ Германіи, въ нѣсколько лѣтъ, число женскихъ обществъ дошло до 75, съ 50.000 членовъ, а давленіе работницъ на выборы поразило всѣхъ уже въ 1892 г. Въ такой передовой странѣ, какъ Англія, скоро трудно будетъ перечислять эти общещества; и они уже создали международный совѣтъ женщинъ. Въ послѣдніе дни вдругъ тронулись даже гречанки, румынки и турчанки. И между тѣмъ какъ на армянской почвѣ мужчины рѣжутся между собой, какъ людоѣды, женщины тянутся къ свѣту человѣчности, обливаясь кровью: у армянокъ уже много гимназій, и до 120 ихъ учатся въ иностранныхъ университетахъ. И идутъ со всего свѣта все густѣющіе ряды этихъ піонерокъ цивилизаціи на самое трудное, «не женское» дѣло, наполняютъ смрадныя препаровочныя медицинскихъ факультетовъ. Словно онѣ задались цѣлью доказать, что нѣжность, утонченность, изящество, физическая и духовная слабость,—словомъ, всѣ прелести «женственности» навязаны имъ ловеласами, и притомъ неискренно: развѣ мужчина не наваливалъ всегда на нихъ работы на фабрикахъ и поляхъ за половинную плату? Развѣ и сейчасъ не требуетъ онъ отъ нихъ исполненія «обязанностей» и даже содержанія «незаконныхъ дѣтей», не дѣлясь съ ними правами, сравнивая ихъ съ собой только въ уголовной отвѣтственности?

Поразительно направленіе движенія. Вопреки ходячимъ понятіямъ о распространеніи цивилизаціи, оно идетъ *съ сѣвера на югъ*, и неуклонно, не взирая на разницу въ пониженіи и развитіи попадающихся на пути народовъ. Сѣверное сіяніе освѣщаетъ путь смѣлыхъ труженицъ. Тутъ не лыкомъ шито и скалистое, угрюмое убѣжище туранцевъ: у финляндки быстро развиваются свои общества, захватывающія и крестьянокъ. Тутъ можетъ похвастаться, безъ кваснаго патріотизма, и Россія, съ ея юридическими правами для женщинъ, съ ея „курсистками" и особенно «медичками», этими баловнями общества, несмотря на всю грязь сплетенъ, взваливаемыхъ на нихъ, впрочемъ, добродушными стародумами! Та-же картина въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, гдѣ женщины уже давно даже участвуютъ въ городскихъ и сельскихъ выборахъ. А въ Англіи, гдѣ есть даже священнослужительница, хотя имущественныя права пріобрѣтены лишь въ 1882 г., женщины избираютъ въ школьные и муниципальные совѣты, а съ 1894 года—и въ приходскіе и окружные совѣты; и въ слѣдующемъ году за ними обезпечено большинство въ палатѣ, гдѣ въ 14-й разъ пойдетъ билль объ ихъ правѣ на избраніе депутатовъ. Чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ положеніе женщинъ первобытнѣе, пока мы не доходимъ до bella и donna или до одалискъ турка. И если итальянка двинулась теперь, то опять на сѣверѣ, въ Ломбардіи, гдѣ и типъ-то населенія не совсѣмъ романскій. Мы исключаемъ такія самыя южныя страны, какъ Австралія, гдѣ женщина обладаетъ полными политическими правами: то, вѣдь, англійская колонія, развившаяся на свободѣ отъ пережитковъ Стараго Свѣта!

XI.

Новый Свѣтъ.

Безъ Новаго Свѣта нашъ прошлый годъ остался-бы недосказаннымъ словомъ, торсомъ безъ головы, ногъ и рукъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ восточныхъ вопросовъ и «отставныхъ геніевъ», гдѣ жизнь кипитъ, сравнительно даже съ неугомоннымъ Западомъ, гдѣ насъ встрѣчаетъ величавая природа и богатырскіе характеры, гдѣ все такъ широко, необычайно, гдѣ все такъ отважно несется въ безконечное будущее,—тамъ-то ставятся ребромъ затронутые нами основные вопросы человѣчества; и на судьбѣ всего міра отразится ихъ рѣшеніе безстрашнымъ янки. Какъ разъ теперь передъ нами вся великая нація въ сборѣ: приглядимся, какъ она надняхъ выбрала своего новаго главу. Въ этомъ дѣлѣ сосредоточились всѣ ея страсти, вожделѣнія и идеи.

Но прежде укажемъ на ту новую истину, которая въ прошломъ году особенно побѣждала старый предразсудокъ относительно Соединенныхъ Штатовъ. Принято утверждать, что янки — народъ практическій, нація-матеріалистъ, питающаяся духовной жизнью Стараго Свѣта. Указывали даже на извѣстное сходство и симпатіи между янки и русскими,

объясняя разительную разницу въ политикѣ тою случайностью, что штаты основаны борцами за ту матерь конституцій, которой уже тогда было 400 л. Быть можетъ, оно и такъ: обоимъ народамъ суждено бороться съ могучей природой и со всякою дичью; они и поотстали въ идеальной культурѣ. Но теперь даже русскіе начинаютъ привлекать міръ и съ этой стороны; а янки сами шлютъ свои духовные дары своему учителю, Старому Свѣту. Въ прошломъ году они сдѣлали особенно много успѣховъ на этомъ поприщѣ.

Ограничимся указаніемъ на то богатое развитіе, которое приняла у нихъ такая великая новая наука, какъ соціологія [1]. Еще болѣе поучительна картина развитія у нихъ женскаго вопроса, этой основы ближайшаго будущаго. Она развернулась передъ нами во всемъ величіи въ докладѣ одной американки на берлинскомъ конгрессѣ. Недаромъ девизомъ янки считается—go ahead (впередъ!). У него-то началось женское движеніе не далѣе, какъ въ 1848 г.; и еще мужъ Бичеръ Стоу, по закону, отнималъ у нея доходы съ «Хижины дяди Тома» и чуть не билъ ее. А теперь уже до 4 милл. американокъ занимаютъ всевозможныя должности: тутъ есть врачи и профессора, газетчицы и педагоги, художницы и музыкантши, адвокаты, чиновницы даже на «высшихъ мѣстахъ» и священнослужительницы; а студентокъ—до 150.000; и въ одномъ прошломъ году болѣе 2.000 женщинъ удостоились ученыхъ степеней. Въ большинствѣ штатовъ женщины избираются въ школьные совѣты и въ городскія думы, а въ пяти — и во всѣ мѣстныя должности. Американкамъ, да и то не всѣмъ, недостаетъ только права избирать сенаторовъ, депутатовъ и президента республики. Но, вѣдь, у нихъ на лицо уже до 500 женскихъ обществъ, которыя и показали себя на послѣднихъ президентскихъ выборахъ.

Эти выборы происходили 3-го ноября. Борьба была жестокая: замѣшались принципы. Но и тутъ прогрессъ: почти не было тѣхъ безобразныхъ потасовокъ, которыми отличались и менѣе важныя избирательныя «кампаніи». Неузнаваемы и партіи. Далеко ли то время, когда «республиканцы» и «демократы« были столь понятными орудіями борьбы за власть между сѣверомъ и югомъ, осложненной только присутствіемъ негрскаго элемента? Теперь же эти клички спутались, и въ основаніи дѣла показались новыя силы,—великія, но еще невполнѣ постижимыя. Республиканцевъ, которые властвовали цѣлое поколѣніе (за исключеніемъ 1885—1889 г.), постигла участь всѣхъ побѣдителей. Постепенно тускнѣло сіяніе идеализма, озарявшее ихъ колыбель. Забывалась прелестная сказка объ освобожденіи злополучнаго «дяди-Тома». Напротивъ, видя, что черный плодится втрое быстрѣе бѣлаго, властный янки уже помышлялъ объ ассирійскомъ выселеніи негровъ въ Мексику, а тѣ воскликнули, на своемъ

---

[1]) См. наше предисловіе къ только-что вышедшему переводу *Вормса:* Общественный организмъ.

митингѣ въ Бальтиморѣ, въ 1895 г.: «будемъ рѣзаться до тѣхъ поръ, пока одна изъ двухъ породъ не сотрется съ лица земли»!

Республиканцы опускались въ омутъ матеріализма. Они задыхались подъ бременемъ золота, превращались въ «молодцовъ» (stalwarts), которые жадно пожирали заработокъ народа, гоняясь за прибыльными мѣстами: парижская «панама»—панамочка въ сравненіи съ тѣмъ грабительствомъ, которое создало американскихъ Крезовъ, невиданныхъ даже во времена англо-индійскихъ «набобовъ». Какъ лютые звѣри, стремились они монополизировать весь міръ—и дошли, въ 1890 г., до чудовищнаго тарифа Мак-Кинлея (пошлины съ иностранныхъ товаровъ доходили до 150% ихъ цѣны!), какого не видалъ и Старый Свѣтъ со временъ континентальной системы Наполеона I. Рядомъ разгорался джингоизмъ и мегаломанія или километритъ, которымъ кстати думали отвлечь вниманіе негодующаго народа отъ внутреннихъ язвъ. Народился «американскій Бисмаркъ», Бленъ. Чтобы захватить весь Новый Свѣтъ, онъ устроилъ (1889) «конгресъ трехъ Америкъ», какъ зорю «панамериканизма» всѣхъ 15-ти заантлантическихъ республикъ. Чтобы задержать Старый Свѣтъ, которому не прожить безъ эмиграціи въ Америку, онъ страшно расширилъ ученіе Монроэ, которое въ свое время (1823 г.) означало только огражденіе Новаго Свѣта отъ такихъ прелестей, какъ идея Священнаго союза. А затѣмъ пошли и законы, подрывающіе европейскую эмиграцію, которая дѣйствительно дѣлалась страшной: въ Америкѣ становилось меньше земли, а въ Европѣ—земледѣльцевъ; и потянулся на новыя мѣста опасный рабочій пролетаріатъ.

А и своимъ массамъ все тяжелѣе жить, при указанномъ развитіи въ Америкѣ прелестей Стараго Свѣта. Ихъ ропотъ поддерживался совѣстью націи—лучшими людьми, этими тружениками перваго чина: благородные поэты поры освобожденія, эти Лоуэли и Уайтиры, уносили съ собой въ могилу послѣдніе клочки пурпура, которыми прикрывалась голь республиканцевъ въ глазахъ новаго поколѣнія. Это поколѣніе рвалось къ очищенію Авгіевыхъ конюшенъ: оно все громче требовало честности, общественной справедливости, соціальной реформы. Представителемъ этихъ стремленій сталъ честный вождь демократовъ, Кливелендъ,—и онъ удержался два срока (1885—1889 и съ 1893 г.) въ Бѣломъ Домѣ Вашингтона. Его президентство, поддерживаемое и значительною частью республиканцевъ, окончательно доказало, что въ Соединенныхъ Штатахъ уже совсѣмъ искоренились понятія «сѣверянинъ» и «южанинъ»; а слово «демократъ», прежде столь противное, какъ кличка плантатора и ретрограда, стало внушать совсѣмъ иныя чувства: теперь тамъ, какъ и въ Старомъ Свѣтѣ, есть только сторонники капитализма да друзья соціальной реформы.

XII.

Биметалисты и капиталисты.

Кливелендъ искоренялъ мѣстную панаму, защищалъ даже краснокожихъ отъ грабительства янки и назвалъ высокій тарифъ «ошибочнымъ, несправедливымъ и нелогичнымъ источникомъ ненужнаго обложенія». Благодаря ему, демократы провели въ палатѣ (1894) законъ объ отмѣнѣ тарифа Мак-Кинлея и даже о подоходномъ налогѣ. Но оплотъ капитализма, сенатъ, отвергъ его. Въ то-же время Кливеленду пришлось считаться съ плодами хозяйства республиканцевъ. Обнищавшая, особенно отъ тарифа, масса (оказалось полмилліона безработныхъ) зашумѣла: возникли анархисты-динамитчики, голодные бунты, колоссальныя стачки, а рядомъ — невиданные съ 1873 г. крахи банковъ и финансовыхъ предпріятій. Наконецъ, обнаружилась новая великая злоба дня: выступилъ грозный *биметализмъ* (двумонетчики), т.-е. вопросъ о золотѣ и серебрѣ въ монетѣ.

Америка—одна изъ главныхъ производительницъ серебра на свѣтѣ; а серебро стало падать въ цѣнѣ съ 1877 г., вслѣдствіе перепроизводства. Чтобы поднять его, правившіе тогда республиканцы ввели обязательную чеканку серебрянаго доллара, а потомъ скупку лишнихъ монетъ въ казну. Кливелендъ вообразилъ, что ему, какъ демократу, должно идти противнымъ путемъ. Онъ отмѣнилъ обѣ мѣры своихъ противниковъ въ пользу серебра и возстановилъ чеканку золота. Серебряники подняли бурю: они грозили Кливеленду судомъ и даже революціей. Штатъ Колорадо (центръ серебрянаго производства) готовился выйти изъ союза: такъ снова подымалъ голову партикуляризмъ, который съ 1861 г. борется съ централизаціей вашингтонскаго правительства. Къ биметализму присоединяется соціальный вопросъ и еще міровой: отъ его рѣшенія зависятъ участь массъ и монетное равновѣсіе въ цѣломъ свѣтѣ. Вотъ какой народился новый Голіаѳъ! Теперь все дѣло въ правильномъ отношеніи къ нему политическихъ партій; а этого-то и нѣтъ, вслѣдствіе его новизны, невыясненности.

Это-то и дало почти случайную побѣду республиканцу Мак-Кинлею надъ демократомъ Брайеномъ, на выборахъ 3-го ноября. Отмѣтимъ любопытное знаменіе времени. Будущее очевидно принадлежитъ демократамъ: они стоятъ за интересы массъ. Оттого даже въ 1889 г. народъ выбралъ собственно Кливеленда большинствомъ ста тысячъ голосовъ. Онъ ошибся только въ своихъ выборщикахъ, которые поставили республиканца Гаррисона: волею судебъ (а, можетъ быть, и того еще золотого тельца), среди нихъ оказалось большинство капиталистовъ и «молодцовъ». Къ демократамъ примыкаетъ и биметализмъ: его цѣль — охранить земледѣльческій, бѣдный капиталами и богатый серебряными копями, западъ республики и четвертый чинъ вездѣ отъ гнета капита-

листическаго востока и тарифа Мак-Кинлея. Поэтому теперь уже не годится Кливелендъ, ставшій за золото, увлекаясь чистополитическими соображеніями и забывъ соціальный вопросъ, чѣмъ пользовались тѣ-же молодцы, отъ которыхъ онъ сначала очищалъ реопублику. Демократы и выставили новаго кандидата.

Брайенъ по плечу новой, живой силѣ въ Америкѣ. Довольно взглянуть на его костлявое лицо, съ поднятымъ подбородкомъ, съ тонкими губами, съ гордыми, острыми глазами и высокимъ лбомъ, чтобы убѣдиться, что это—настоящій янки ahead (это слово значитъ и впередъ, и—не въ свою голову). Такая-же, говорятъ, и его жена. Брайенъ привелъ въ восхищеніе даже противниковъ своею энергіей, неутомимостью и твердостью, можно сказать, рѣзкостью убѣжденій. Этотъ пылкій ораторъ—истый демократъ въ нашемъ смыслѣ слова. Честный. небогатый, еще молодой (36 л.) адвокатъ и журналистъ, онъ всѣмъ обязанъ своему таланту и желѣзному характеру. Чтобы непосредственно слиться съ народомъ, онъ исколесилъ, передъ выборами, до тысячи миль, объѣхалъ 25 штатовъ и 435 городовъ, произнесъ 599 рѣчей, иногда выпуская ихъ залпомъ, по десятку въ день, тогда какъ Мак-Кинлей, какъ прилично финансисту, тарифныхъ дѣлъ мастеру и бывшему губернатору родного штата, сидѣлъ въ своемъ Кантонѣ (городокъ въ Огайо) и только принималъ безконечныя депутаціи. И вездѣ его гракховая рѣчь гремѣла противъ капиталистовъ, банкировъ, фабрикантовъ, всякихъ «молодцовъ»; вездѣ она превозносила «свободное серебро», какъ орудіе пролетарія вообще и земледѣльца въ частности.

Брайенъ сдѣлалъ все, что только было въ человѣческихъ силахъ. Но борьба была слишкомъ тяжела. Республиканцы и «честный долларъ» (такъ называютъ капиталисты золото) превзошли себя наканунѣ своего издыханія. На ихъ сторонѣ стояли могучіе фабриканты, финансисты, газеты, расаалявшіяся на «демагога и соціалиста», самъ Кливелендъ, интеллигенція съ Эдиссономъ во главѣ, даже студенты; и проповѣдники служили въ Нью-Іоркѣ молебны объ избавленіи республики отъ Сатаны-Брайена. Правда, велика была и армія Брайена: здѣсь числились колоссальные рабочіе «союзы и ордена», да еще женщины, которыя голосовали за него въ трехъ штатахъ (Утахъ, Колорадо, Вайомингъ). Но его сгубилъ расколъ среди демократовъ. Какъ сила новая, и въ виду великой отвѣтственности передъ будущимъ, они не тверды даже во взглядахъ на основы соціальной реформы. А тутъ возсіялъ блескъ золота. Среди демократовъ образовалась партія «монометаллистовъ» или одномонетчиковъ, которая называетъ золото «здоровою (sound) монетой» и сочувствуетъ протекціонизму Мак-Кинлея. Эти «золотые демократы»—промышленники и торгаши: въ пику отчаянному биметалисту, Брайену, они выставили собственнаго кандидата, Пальмера. Тѣмъ не менѣе противники очень трусили. Въ ихъ средоточіи, въ Нью-Іоркѣ, передъ выборами, процентъ за срочныя ссуды вдругъ поднялся съ 6 до 97! Тамъ-же

образовалось отлично нажившееся за 2 недѣли «общество страхованія отъ серебряной валюты», которое обязывалось, за извѣстный взносъ, уплатить золотомъ застрахованныя цѣнности, въ случаѣ избранія Брайена.

3-го ноября столкнулись двѣ великія общественныя силы, отживающая и новорожденная, отъ борьбы которыхъ зависѣла судьба всего міра. Кто за кого подавалъ голосъ—видно для всякаго изъ бытовой сценки въ Чикаго, наканунѣ событія. Когда прибылъ туда Брайенъ, его восторженно привѣтствовала уличная толпа, всѣ эти безработные, «рыцари труда» (есть такой «орденъ» въ Америкѣ), земледѣльцы, должники,—словомъ вся эта черноземная сила, которая дрожитъ при словахъ «sound money» и trusts (синдикаты или стачки богачей); а молодцы ожесточенно свистали, сидя за своими раззолоченными прилавками и конторками...

Брайенъ получилъ 4 милл. голосовъ, Мак-Кинлей—9.700,000. Противъ царя обдѣленныхъ на жизненномъ пиру возстала сама природа. Онъ горячо проповѣдовалъ, что цѣны на хлѣбъ не подымутся, пока не будетъ установлено правильное и твердое отношеніе между золотомъ и серебромъ (какъ 16 къ 1). А въ Индіи случился неурожай—и американскій хлѣбъ пошелъ въ гору.

Мак-Кинлей—отчаянный протекціонистъ и такой-же монроистъ, второй Бленъ. Кажется, чему-бы радоваться? А между тѣмъ столь богатое учрежденіе, какъ телеграфъ, разноситъ радость по всему міру. Рады въ самой Америкѣ всѣ поклонники золотого тельца и торгашескаго «порядка»: въ Нью-Іоркѣ иллюминаціи, музыка, танцы; «биржа оживилась и ликуетъ»; разныя акціи поднялись на 2—7%; насталъ сильный сбытъ желѣза заграницу. Во Старомъ Свѣтѣ особенно рады англичане: у нихъ на 100 милл. фунт. ст. капиталовъ въ Америкѣ. Ихъ газеты радуются почти поголовно, хотя онѣ ясно видятъ «тѣнь» отъ Мак-Клинея для промышленности Европы, какъ выразился консервативный «Standard». Нѣмецкія газеты менѣе богатыя, считаютъ, что Мак-Кинлей, по крайней мѣрѣ, меньшее изъ двухъ золъ. А одна изъ нихъ воскликнула: «камень свалился съ груди всего цивилизованнаго міра», не поясняя—на чью спину.

Но неизвѣстно, что скажутъ природа и люди въ январѣ, когда выборщики станутъ выбирать президента: голоса ихъ коллегіи могутъ не совпасть съ народными голосами, какъ случилось въ 1889 году. Во всякомъ случаѣ, великій «демагогъ» не унываетъ. Юристы предлагаютъ ему предсѣдательство у себя за 25,000 долларовъ въ годъ; торговыя и промышленыя фирмы просятъ его вести ихъ дѣла за баснословный гонораръ. Но онъ аключилъ контрактъ на 50 лекцій за 50,000 да пишетъ, вмѣстѣ съ женой книгу, о биметализмѣ. Брайенъ увѣренъ, что ужъ въ 1900 году онъ навѣрно попадетъ хозяиномъ въ Бѣлый Домъ. А солидный «Daily Telegraph» въ Лондонѣ пророчитъ уныло: «къ концу вѣка въ Новомъ Свѣтѣ произойдетъ настоящее столкновеніе между трудомъ и капиталомъ, которое разрѣшится революціей».

А. Трачевскій.

КРИТИКА.

Францискъ Ассизскій. Его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ Пименовой (Біографическая библіотека Ф. Павленкова). Спбургъ, 1896.

Личность Франциска Ассизскаго имѣетъ такое глубокое значеніе въ духовной исторіи человѣчества, что всякое изданіе, посвященное ему, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Біографія Франциска Ассизскаго, появляющаяся на русскомъ языкѣ, не выясняетъ отношенія Франциска къ эпохѣ Возрожденія, которую онъ начинаетъ собою, не выясняетъ основного мотива, связывающаго его духовный міръ со всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ Ренессанса. Но самые факты жизни приведенные въ систему біографомъ, обрисовываютъ личность католическаго святого и показываютъ, въ чемъ его историческое значеніе. Въ средніе вѣка религія, т. е. общеніе человѣка съ божественнымъ началомъ бытія, заслонена была католической церковью и ея неумолимой дисциплиной. Все сводилось къ повиновенію отдѣльнымъ представителямъ духовной іерархіи и подчиненію власти, которую церковь проявляла по отношенію къ своей паствѣ. Слѣдствіемъ такой постановки вопроса о религіи являлся прежде всего индиферентизмъ христіанскаго общества. Всякій откупался отъ притязаній церкви платой извѣстныхъ повинностей и непосредственнаго отношенія къ жизни завѣты церкви не имѣли. Такое поверхностное отношеніе къ христіанству проявлялъ въ своей молодости и Францискъ Ассизскій, сынъ богатаго купца Бернардоне. Онъ провелъ бурную молодость вмѣстѣ съ своими сверстниками изъ знатныхъ родовъ Умбріи и умѣлъ внушать къ себѣ уваженіе, несмотря на свое буржуазное происхожденіе. Онъ сорилъ деньгами, былъ неутомимъ въ кутежахъ, радуя сердце отца, которому пріятно было сознаніе, что сынъ его вращается въ знатномъ рыцарскомъ кругу. Но увлеченіе разгуломъ продолжалось недолго и было скорѣе слѣдствіемъ внѣшнихъ условій, чѣмъ внутренней потребностью юноши. Еще въ періодъ веселой жизни Францискъ отличался, во-первыхъ, необычайной щедростью, а, во-вторыхъ, странными, непонятными для его товарищей приступами задумчивыхъ настроеній и равнодушія къ общему веселью.

Критика.

Начало проповѣднической миссіи Франциска окружено сказаніями о таинственныхъ видѣніяхъ и голосахъ, указывавшихъ святому на его призваніе. Несомнѣнно то, что онъ очень круто оборвалъ свою разгульную жизнь, сталъ воспитывать въ себѣ силу воли и смиреніе, становился съ нищими на паперти церквей и просилъ подаянія у своихъ прежнихъ друзей. Потомъ, призвавъ своихъ сверстниковъ на веселый пиръ обрученія, онъ встрѣтилъ ихъ необычайными рѣчами о своемъ духовномъ призваніи. Обрученіе, о которомъ онъ говорилъ, было символическое, и невѣстой своей онъ назвалъ нищету. Особенно трудны были первые шаги подвига Франциска. Ему пришлось бороться съ семьей, которая употребляла насиліе, чтобы вернуть его къ прежней жизни и помѣшать ему позорить семейную честь своимъ нищенствомъ. Мистическая натура Франциска выказала въ борьбѣ склонность къ символическимъ поступкамъ. Существуетъ извѣстный разсказъ, не разъ вдохновлявшій художниковъ Возрожденія, о томъ, какъ Францискъ разорвалъ окончательно съ своимъ отцомъ. Старикъ Бернардоне пожаловался мѣстному епископу на строптивость сына и на то, что онъ раздаетъ имущество, принадлежащее отцу. Тогда Францискъ, призванный на судъ епископа, явился предъ нимъ нагимъ, держа въ рукахъ свою одежду. Онъ отдалъ послѣднюю отцу, говоря, что отрекается отъ земныхъ родителей и земного имущества и посвящаетъ себя небесному отцу. Съ этой минуты началась для Франциска подвижническая жизнь, полная экстаза непосредственной вѣры и протеста противъ всякихъ ограниченій религіозной свободы. Онъ собиралъ вокругъ себя единомышленниковъ, требуя отъ нихъ отрѣшенія отъ всякаго обладанія и создалъ свободный орденъ нищенствующихъ монаховъ. Онъ глубоко сокрушался тѣмъ, что приходилось считаться съ католической церковью и что братство миноритовъ не могло оставаться свободнымъ, а должно было стремиться къ освященію своего устава папской властью. Великая кротость Франциска одержала побѣду и тутъ, хотя папство имѣло много основаній бояться монашескихъ орденовъ. Францискъ добился отъ папы Иннокентія III буллы, посвящающей его въ настоятели ордена, и съ этого времени всѣ его стремленія направлены были на то, чтобы соблюдалась основная простота и безкорыстность въ общинахъ его послѣдователей. Онъ самъ жилъ жизнью внѣ міра, занятый постройкой церквей, или, вѣрнѣе, поддержкой и исправленіемъ падающихъ церковныхъ зданій. (И тутъ сказался символизмъ его подвига: чистотой своей вѣры и простотой своей жизни онъ думалъ поддержать падающее зданіе церкви). Такъ велика была непосредственность и умильность натуры Франциска, что онъ ближе всего чувствовалъ себя къ природѣ, къ животнымъ и растеніямъ. Его лирическія писанія, собранныя въ сборникѣ «Fioretti» («Цвѣточки»), изобилуютъ истинно пантеистическими обращеніями къ природѣ. Его «Гимнъ къ солнцу» полонъ высокаго экстаза и вся чистота его мистицизма вылилась въ «Проповѣди къ голубямъ», ко-

торымъ онъ сталъ проповѣдывать любовь, какъ проповѣдывалъ ее людямъ. Такъ велико было обаяніе Франциска, что при жизни его вся братія сливалась съ нимъ въ восторженномъ служеніи Богу; число францисканскихъ общинъ, мужскихъ и женскихъ (первый женскій монастырь св. Клары былъ основанъ Францискомъ для его духовной сестры Клары), все болѣе возростали, не уклоняясь отъ проповѣдуемой имъ простоты и смиренія. Послѣдніе годы Франциска ознаменовались величайшимъ торжествомъ религіознаго экстаза. На тѣлѣ его, вслѣдствіе вѣчныхъ думъ о страданіяхъ Христа, выступили сигматы Христовыхъ ранъ. Фактъ этотъ, объясняемый въ настоящее время научными данными изъ области самовнушенія, никѣмъ не оспаривается и во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о глубинѣ мистическихъ настроеній Франциска. Смерть его тоже окружена тѣмъ-же нравственнымъ величіемъ, которымъ проникнута была его жизнь. Онъ предвидѣлъ заранѣе смерть, ждалъ ее спокойно и, чувствуя потребность сліянія съ природой, велѣлъ вынести себя въ монастырскій садъ, и тамъ, окруженный своими учениками, при звукахъ «Гимна къ солнцу», спокойно умеръ, давъ въ своемъ лицѣ величайшій образецъ духовной свободы, для которой смерть является чѣмъ-то столь-же прекраснымъ, какъ жизнь.

Русскій біографъ Франциска Ассизскаго, разсказывая всѣ эти факты жизни святого, не отмѣчаетъ того вліянія, которое оказала эта живая проповѣдь религіозной свободы на весь идейный міръ Возрожденія. То, что позднѣйшіе поэты, какъ Данте, проповѣдывали въ образахъ поэтическаго вымысла, Францискъ Ассизскій создалъ своею жизнью, и поэтому легенда о немъ оказалась почти столь-же плодотворной для идеалистическаго искусства Возрожденія, какъ евангельскіе сюжеты. Первые художники Возрожденія видѣли осуществленіе всѣхъ своихъ религіозныхъ идеаловъ въ личности Франциска, столь близкой къ ихъ времени, что, изображая отдѣльные эпизоды его житія, они сами становились какъ-бы апосталами новаго, жившаго на ихъ памяти учителя. Нѣтъ той подробности внѣшней жизни Франциска, которая не отразилась-бы въ итальянской живописи Возрожденія, наложивъ на нее отпечатокъ наивнаго мистицизма. Въ этомъ взаимодѣйствіи жизненныхъ дѣятелей, создавшихъ идейный міръ Ренессанса, съ искусствомъ, отражающимъ ихъ міросозерцаніе, великое культурное значеніе Ренессанса. Вотъ почему Франциска Ассизскаго нужно всегда разсматривать въ связи съ художниками, писавшими въ краскахъ его жизнь и главнымъ образомъ съ Джіотто, писавшимъ жизнь святого въ Ассизахъ и создавшимъ безсмертные фрески въ церкви св. Креста во Флоренціи. Однимъ изъ величайшихъ памятниковъ идеалистической живописи является изображеніе смерти Франциска на фрескѣ, написанной Джіотто. Въ ней художнику удалось воспроизвести съ необычайной силой экстазъ на умершемъ лицѣ святого, Картина изображаетъ скорбь всей братіи, окружившей узкое ложе только-что умершаго Франциска. Нѣсколько монаховъ склонилось надъ ранами

рукъ и ногъ, они погружены въ скорбь объ утратѣ. Со всѣхъ сторонъ смертнаго ложа стоятъ монахи и послушники, и звуки похороннаго пѣнія отражаются на ихъ сосредоточенныхъ, печальныхъ и торжественныхъ лицахъ. Но какое-то высшее ликованіе заглушаетъ скорбь, и источникомъ свѣта, отраженнаго на лицахъ братіи, является лицо самаго Франциска: глаза его закрыты, узкія, аскетическія черты покрыты блѣдностью смерти, но въ нихъ свѣтится просвѣтленная душа и онѣ полны экстаза. Весь духовный подвигъ святого постигнутъ отразившимъ его художникомъ, и въ этомъ высокомъ произведеніи искусства слились въ вѣчной гармоніи красота и сила духовнаго порыва.

Г. Брандесъ. Литературные портреты. Спб. 1896.

Въ очеркахъ, составляющихъ «Литературные портреты» Брандеса датскій критикъ отчасти возвращается къ темамъ, уже разработаннымъ имъ въ его обширномъ трудѣ о литературѣ XIX в. Брандесъ давалъ тамъ характеристику такъ называемой «молодой Германіи» и въ особенности Гейне. Къ послѣднему онъ отнесся съ необычайной строгостью и справедливо указывалъ на поэтическіе недостатки Гейне, бѣдность красокъ, монотонность и отвлеченность образовъ и т. д. Теперь онъ снова возвращается къ Гейне—но на этотъ разъ дѣло идетъ объ остроуміи и юморѣ Гейне и критику приходится прежде всего сказать, что «Гейне, по всей вѣроятности, остроумнѣйшій человѣкъ, когда-либо жившій на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ въ новое время».

Статья «Гейне и Аристофанъ» въ литературномъ отношеніи самая интересная въ сборникѣ Брандеса. Сравненіе юмора Гейне съ политическими сатирами Аристофана напрашивается само-собою при чтеніи «Зимней сказки», «Атта Тролль», политическихъ насмѣшекъ въ «Путевыхъ картинахъ» и т. д.; кромѣ того, самъ Гейне говоритъ въ «Зимней сказкѣ», что его лиру настроили благороднѣйшія граціи, что это та самая лира, изъ которой нѣкогда извлекалъ звуки «отецъ его, покойный Аристофанъ, любимецъ каменъ». Въ то время, когда жилъ и писалъ Гейне, Аристофанъ былъ въ модѣ въ Германіи—запутанность и мелочность политическихъ распрей въ раздробленной на микроскопическія княжества и герцогства Германіи должна была возбуждать наклонность къ сатирѣ; самъ Гете передѣлывалъ «Птицъ» Аристофана на нѣмецкіе нравы, причемъ, впрочемъ, пародировалъ главнымъ образомъ, литературныхъ дѣятелей, выводилъ Клопштока подъ видомъ совы и т. д. Другіе, какъ графъ Плато, подражали фактурѣ аристофановской комедіи, сохраняли его стихъ и пріемы, стараясь въ то-же время сгладить разнузданность его языка и сочетать аристофановскую безпощадность сатиры съ безупречной салонностью выраженій—результатомъ этихъ усилій были нынѣ забытыя произведенія, полныя условнаго юмора. Значеніе Гейне въ томъ, что онъ не подражалъ Аристофану, а былъ изъ семьи Аристофана, въ

немъ геній греческаго сатирика возродился при новыхъ условіяхъ и въ совершенно новой формѣ. Брандесъ справедливо заключаетъ, что Гейне никогда не былъ въ состояніи подражать чужой художественной формѣ—поэтому его политическія сатиры написаны по совершенно иному, болѣе свободному стихотворному типу, чѣмъ строго выдержанная классическая форма аристофановскаго комическаго стиха. Но самый духъ ихъ политической сатиры общій—Брандесъ показываетъ это сопоставленіемъ «Птицъ» Аристофана и «Атта Троль» Гейне. Оба сатирика велики своимъ сочетаніемъ комизма и фантастичности. Аристофанъ такъ строитъ свою комедію, что зритель съ первой минуты вступаетъ въ какой-то фантастическій міръ, гдѣ все происходитъ на изнанку, и всякую дальнѣйшую глупость, совершающуюся на его глазахъ, принимаетъ уже какъ нѣчто должное, выходящее изъ основного безумія. Если можетъ быть городъ, построенный мудрецами на тучахъ, то счастливо живущіе въ немъ птицы являются достойными его жителями и дополняютъ картину общества, гдѣ все свершается вопреки разуму и природѣ. Нужно уже отвлечься отъ фантастической обстановки и подумать о томъ, гдѣ можетъ летать этотъ превратный міръ, въ которомъ торжествуетъ политическая беззастѣнчивость и глупость—тогда только открывается сатирическій замыселъ комедіи. Въ потѣшавшемъ его зрѣлищѣ глупыхъ птицъ смущенный аѳинскій зритель узнавалъ родные Аѳины.

Столь-же выдержанъ фантастическій замыселъ «Atta Troll», гдѣ героемъ является медвѣдь, произносящій рѣчь противъ правъ человѣка во имя болѣе древнихъ правъ, медвѣдей, и танцующій при лунномъ свѣтѣ предъ своими дѣтенышами. Во всѣхъ своихъ насмѣшкахъ надъ людьми и событіями Гейне соблюдаетъ фантастическую форму и отъ этого комизмъ и нелѣпость того, что онъ высмѣиваетъ, кажется тѣмъ болѣе убѣдительными. Въ «Зимней сказкѣ» описывается фантастическое жилище Барбаросы въ Киффгейзерѣ, сонъ стараго героя короля и совершенное въ это время убійство златокудрой дочери короля, пасшей гусей—и наконецъ пробужденіе Барбаросы, который призываетъ своихъ воиновъ къ оружію и бою, чтобы отомстить за позоръ, навлеченный на златокудрую Германію убійцами. «Чувствуется аристофановскій полетъ», говоритъ Брандесъ, «и въ поэтическомъ описаніи стараго арсенала, пустыхъ орудій, изодранныхъ знаменъ, спящихъ солдатъ и, далѣе, въ призывѣ къ пробуждающейся силѣ и мольбѣ лучше водворить назадъ средніе вѣка вмѣсто современной Пруссіи этой «смѣси изъ нелѣпостей старыхъ и новыхъ идей».

Другая черта, роднящая Гейне съ Аристофаномъ, — это безпощадность, безцеремонность и мѣткость его личныхъ нападокъ. Брандесъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Гейне былъ болѣе сдержанъ, чѣмъ Аристофанъ, писавшій для аѳинской черни. Несомнѣнно, однако, что изъ писателей новаго времени никто не доходилъ до такой безцеремонности, какъ Гейне,—стоитъ вспомнить его шутки надъ гр. Платэ,

Менцелемъ, отчасти надъ Берне и въ особенности надъ пріятельницей послѣдняго, Жанетой Вало, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ борьбѣ съ литературными и политическими врагами Гейне не стѣснялся ничѣмъ, даже спокойно сочинялъ небывальщины, вѣрный только одному—вдохновеніямъ своего юмористическаго генія. Брандесъ приводитъ также, какъ образчикъ литературной сатиры Гейне, настойчивость его насмѣшекъ надъ однимъ неудачнымъ стихотвореніемъ Фрейлиграта. Послѣдній въ стихотвореніи «Tohrenfürst», описывая негритянскаго вождя, выходящаго изъ бѣлой палатки, обмолвился нелѣпымъ сравненіемъ: «Такъ изъ-за сверкающихъ тучъ выступаетъ темный мѣсяцъ». Этого Гейне никакъ не могъ простить несимпатичному ему поэту. У него красный языкъ медвѣдя виснетъ изъ его черной пасти, подобно мѣсяцу, показывающемуся среди бѣлыхъ тучъ. Надсмотрщикъ въ Jardin de plantes тоже уподобляется фрейлиградовскому негру, потому что онъ женатъ на бѣлокурой эльзасской кухаркѣ, которая откормила его такъ, что его упитанное черное тѣло выглядываетъ изъ-за бѣлья,—какъ черный мѣсяцъ изъ-за бѣлыхъ тучъ и т.д.

Говоря о чертахъ общихъ у Аристофана и у Гейне, Брандесъ не говоритъ о томъ внутреннемъ сходствѣ, которое существуетъ между этими двумя великими представителями комизма въ всемірной литературѣ. Общность эта въ скептицизмѣ или, можно сказать, нигилизмѣ ихъ міросозерцанія. Въ своихъ насмѣшкахъ надъ современностью какъ Аристофанъ такъ и Гейне не исходили изъ болѣе высокихъ идеаловъ, не носили въ душѣ святыни, оскорбленной зрѣлищемъ окружающей жизни. Оба они разрушители par excellence, не стремившіеся пересознать окружающее по своему, потому что этого своего у нихъ не было. И Аристофанъ и Гейне смѣялись надъ истиннымъ величіемъ такъ же, какъ и надъ призрачнымъ, и не отличали въ своемъ стихійномъ юморѣ святого отъ пошлаго. Поэтому Аристофанъ смѣялся надъ Сократомъ, а Гейне высмѣивалъ англійскую культуру. Гейне еще увлеченъ былъ одно время культомъ Наполеона, но и то главнымъ образомъ потому, что это давало ему удобное орудіе для насмѣшекъ надъ Германіей.

Изъ другихъ дѣятелей молодой Германіи Брандесъ останавливается еще на Лассалѣ которому посвященъ очень интересный и обстоятельный очеркъ. Берне датскій критикъ ставитъ очень высоко, но справедливо усматриваетъ въ немъ пагубное отсутствіе художественнаго вкуса; этимъ Брандесъ объясняетъ причину того, что Берне забытъ на своей родинѣ. Въ очеркѣ о Берне интересны страницы, посвященныя описанію интеллектуальной жизни Берлина въ началѣ вѣка и характеристикѣ выдающихся женщинъ того времени, какъ напр. г-жи Герцъ, которую Берне любилъ въ юности.

Очерки о Зудерманѣ и Гауптманѣ, помѣщенные въ сборникѣ, довольно поверхностны. Да и странно печатать въ 1896 г. статью о Гауптманѣ, помѣченную 1891 г. Все развитіе талантливаго нѣмецкаго драматурга завершилось именно за эти годы. Брандесъ заканчиваетъ

разборомъ «Ткачей», относящихся еще къ реалистическому перiоду дѣятельности Гаутмана. Съ тѣхъ поръ онъ пошелъ по совершенно новому пути, нашелъ источники мистицизма въ грубой обстановкѣ нищеты и страданій полуголодныхъ рабочихъ, написалъ «Ганнеле», сочетая реализмъ и стремленіе воплотить отвлеченную красоту душевнаго міра, написалъ глубоко задуманную историческую драму «Florian Geyer», наконецъ, въ послѣднемъ своемъ произведеніи, «Die Versunkene Glocke» вернулся къ сказочному міру, заимствуя изъ него образы для своего пониманія жизни. Познакомившись съ этими послѣдними произведеніями Гауптмана, Брандесъ не повторилъ-бы своего приговора о томъ, что у Гауптмана есть даръ наблюденія, но нѣтъ оригинальныхъ идей.

Русское изданіе книги Брандеса поражаетъ своей крайней внѣшней неряшливостью, которой соотвѣтствуетъ крайняя небрежность перевода. Такія выраженія, какъ «комикъ Гейне», вмѣсто «юмористъ» или «аттикъ» въ смыслѣ жителя Аѳинъ—постоянно рѣжутъ ухо. Или еще, когда переводчикъ не справляется съ текстомъ, онъ прямо приводитъ непонятное датское слово. Говоря о жаргонѣ берлинскихъ кружковъ, русскій перевочдикъ говоритъ, что этотъ жаргонъ соотвѣтствуетъ тому, что по датски характеризуется эпитетомъ «Bakkehus». Что это значитъ? Это напоминаетъ латинскія диссертаціи дерптскихъ студентовъ медиковъ, которые употребляютъ выраженіи вродѣ: id, quod lingua teutonica Blutsturz nominatur.

«**Внѣшкольное образованіе народа**», В. П. Вахтерова. Москва, Изд. 1896 г.

Книга г. Вахтерова представляетъ прекрасно изданный внушительнаго объема томъ, въ которомъ заключаются три статьи: «Сельскія библіотеки», «Книжные склады въ провинціи» и «Воскресныя школы и повторительные классы». На тѣсную связь этихъ статей между собою указываетъ самъ г. Вахтеровъ, на стр. 85-й своей книги, такъ опредѣляя систему современной «народообразовательной» дѣятельности: «московскій комитетъ грамотности рекомендуетъ школьныя и народныя библіотеки, книжные склады, народныя чтенія, воскресныя школы и повторительные классы. И въ самомъ дѣлѣ, только совокупность всѣхъ этихъ мѣропріятій можетъ повести къ удовлетворительному разрѣшенію важнѣйшей задачи нашего времени—широкому распространенію образованія среди народныхъ массъ. Между всѣми перечисленными учрежденіями существуетъ самая тѣсная связь. Чтобы убѣдить безграмотнаго крестьянина въ пользѣ книги, заставить его полюбить грамоту и школу,—лучшее средство народныя чтенія. Но гдѣ есть школа, тамъ необходима библіотека, потому что, какъ говоритъ народъ—«нечего и грамотѣ учиться, коли нечего читать». Книга, полученная въ библіотекѣ крестьяниномъ, можетъ оказаться для него необходимою, какъ настольная книга,—онъ захочетъ купить ее, а

для этого нуженъ книжный складъ. Съ другой стороны, понравившаяся книга въ складѣ можетъ оказаться недоступною по своей цѣнѣ для крестьянина, и онъ можетъ прочесть ее только въ безплатной библіотекѣ. Примѣръ заразителенъ. Безграмотный взрослый, глядя на своихъ дѣтей, слушая ихъ чтеніе, пожелаетъ самъ научиться грамотѣ, а для этого нужна воскресная или вечерняя школа для безграмотныхъ взрослыхъ. Курсъ начальной школы ограниченъ, но онъ достаточенъ для того, чтобы разбудить въ учащихся любознательность, стремленіе къ дальнѣйшему образованію, а для этого нужны повторительные классы съ расширенною программою преподаванія».

Изъ этой длинной выписки видно, что книга г. Вахтерова трактуетъ о вопросахъ, которые интересны для всякаго, кто хоть сколько-нибудь занимается вопросомъ народнаго образованія, и надо пожалѣть, что въ нее не вошла статья «О народныхъ чтеніяхъ». Тогда въ ней были-бы разсмотрены всѣ ступени намѣченной авторомъ системы внѣшкольнаго образованія народа и, конечно, еще ярче выступила-бы руководящая идея статей. Идея эта—призывъ къ честному труду, на пользу «объятой мракомъ деревни», по отношенію къ которой культурные центры напоминаютъ евангельскаго богача, со стола котораго подаютъ крохи бѣдному Лазарю (Слова автора)

На сколько широкія задачи ставитъ авторъ воскресной, а особенно повторительной школѣ—можно видѣть изъ намѣченной имъ программы будущей постановки естествознанія и законовѣдѣнія въ воскресной школѣ (стр. 333—342), изъ мечтаній его о руководствѣ чтеніемъ учащихся. Эти мечтанія такъ ярко рисуютъ отношенія автора къ дѣлу и его манеру изложенія, что нельзя не привести ихъ въ выпискѣ. Рисуется въ моемъ воображеніи такая картина, говоритъ онъ. Пройдетъ пять-десять лѣтъ. Въ Россіи станетъ совершившимся фактомъ всеобщее обученіе. Библіотеки будутъ учреждены всюду. Но между начальною школою и высшими источниками знаній останется пространство, которое надо наполнить. Эту работу мы, не задумываясь поручили-бы нынѣшнимъ руководителямъ воскресныхъ школъ. Пусть они руководятъ чтеніемъ вчерашнихъ школьниковъ до тѣхъ поръ, пока эти послѣдніе не будутъ въ силахъ сами пріобщить себя къ источникамъ высшаго знанія. Воскресная школа тогда возьметъ на себя роль свободной, средней школы, а гдѣ условія благопріятствуютъ, гдѣ есть подготовительные учителя и высокія требованія читателей, то и university extension. Не даромъ учителя и учительницы воскресныхъ школъ находятся въ общеніи съ учащимися и учившимися въ школѣ. Но что мѣшаетъ учителямъ воскресныхъ школъ не ограничивать свои сношенія только учащимися? почему не распространить ихъ и вообще на читателей и посѣтителей библіотекъ въ городѣ, въ волости, въ уѣздѣ? Почему нельзя примкнуть къ нимъ и всѣмъ другимъ интеллигентнымъ людямъ, желающимъ послужить образованію народа? Почему въ каждомъ городѣ, гдѣ есть какое-нибудь общество грамотности, общество трезвости, комитетъ народныхъ

чтеній или просто общественная библіотека, не образовать при этихъ учрежденіяхъ маленькой коммиссіи домашняго чтенія? Почему лицамъ, входящимъ въ составъ такой коммисіи, не взять на себя составленія программы для лицъ, прошедшихъ курсъ начальной школы, но еще не достигшихъ умственной зрѣлости, а тамъ, гдѣ возможно и для этихъ послѣднихъ? Почему не высылать имъ книгъ, не отвѣчать на ихъ запросы, не давать имъ темъ для письменныхъ и иныхъ работъ, не просматривать этихъ работъ и не дѣлать ихъ критической оцѣнки? Чѣмъ это не университетъ, если программы чтенія будутъ носить университетскій характеръ, и чѣмъ это не средняя школа, если по составу читателей придется понизить уровень чтенія до пониманія гимназиста средней руки?.. Разница между ею и учебнымъ заведеніемъ будетъ главнымъ образомъ въ свободѣ—въ свободѣ отъ ограниченій мѣстомъ, срокомъ, временемъ, программой, школьными правилами. Учатся когда хотятъ и сколько хотятъ, и какъ хотятъ и что хотятъ. Между такими отдѣльными коммисіями могла-бы установиться связь путемъ сношеній. Онѣ мѣнялись-бы другъ съ другомъ опытомъ, пособіями, коллекціями, программами, помогали-бы одна другой въ затруднительныхъ случаяхъ. Это дало-бы возможность примѣнить къ дѣлу распространенія чтеній принципъ раздѣленія труда.

Пока это мечты, «только мечты» и авторъ самъ сознается иногда въ ихъ эфемерности, но въ книгѣ есть нѣсколько трогательныхъ разсказовъ (стр. 184, 185, 186, 296, 297) о людяхъ, все забывающихъ ради служенія темнымъ массамъ; есть нѣсколько свѣтлыхъ картинъ того, какое вліяніе оказываетъ воскресная школа и въ настоящемъ своемъ положеніи (ст. 209—229, 333, 339, 352).

Что касается фактическаго матеріала въ книгѣ г. Вахтерова, то онъ очень обширенъ, но разработка его страдаетъ многими несовершенствами: факты не сгруппированы, а потому не возсоздаютъ яркой картины дѣйствительности. У автора какъ будто нѣтъ опредѣленнаго плана въ изложеніи, а потому онъ самъ запутывается въ подробностяхъ, повторяется, вслѣдствіе чего теряется цѣльность впечатлѣнія. Такъ въ самой длинной и интересной статьѣ «Воскресныя школы и повторительные классы»— авторъ, приведя рядъ сочувственныхъ отзывовъ 13-ти земствъ о воскресной школѣ (отзывы эти не заключаютъ въ себѣ ничего характернаго и являются въ сущности наборомъ «хорошихъ словъ») вдругъ прерываетъ себя разсказомъ о томъ, какія насмѣшки приходится переносить ученицамъ воскресныхъ школъ отъ парней, а учительницамъ—отъ свѣтскаго общества, потомъ (какъ-бы продолжая прерванный разсказ о сочувствіи населенія къ школѣ) приводитъ анекдотъ изъ школьной дѣятельности барона Корфа, доказывающій любовь крестьянъ къ школѣ, а послѣ этого вдругъ переходитъ къ описанію неудачъ воскресныхъ школъ въ Казанской губ. и Днѣпровскомъ уѣздѣ, тогда какъ нѣсколькими страницами выше приведенъ отзывъ днѣпровской земской управы о необыкновенномъ успѣхѣ воскресныхъ школъ среди мѣстнаго населенія.

Центромъ статьи «Воскресныя школы и повторительные классы» является проектъ устройства въ сельскихъ школахъ только одного изъ трехъ типовъ воскресныхъ школъ—1) низшей воскресной школы для совершенно неграмотныхъ взрослыхъ, 2) высшей повторительной школы для взрослыхъ, окончившихъ курсъ сельскаго училища или имѣющихъ равную съ ними подготовку и 3) средней — повторительной воскресной школы для лицъ, выбывшихъ изъ начальнаго училища ранѣе окончанія курса или имѣющихъ съ ними равную подготовку. Только въ такомъ устройствѣ школъ г. Вахтеровъ видитъ возможность избѣжать дробленія учениковъ на группы при одномъ учителѣ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что будетъ счастливъ, если настоящая его работа «хотя до нѣкоторой степени освѣтитъ только первые шаги того пути, на который должна вступить деревенская воскресная школа». Придавая такое значеніе своему проекту, авторъ излагаетъ его весьма обстоятельно, касаясь условій открытія каждаго отдѣльнаго типа школъ, разсматривая отдѣльно и организацію ихъ, и время занятій въ нихъ, высчитывая и расходы на школу каждаго типа, и возрастъ учениковъ, опредѣляя, наконецъ, и число учениковъ на каждую школу. Но и среди этого обстоятельнаго обсужденія есть масса отступленій, только затрудняющихъ чтеніе и мѣшающихъ слѣдить за мыслью автора. Такъ, разсматривая аккуратность посѣщеній классовъ учениками сельской воскресной школы, авторъ переходитъ къ разсказу о причинахъ манкировокъ въ городскихъ воскресныхъ школахъ и при томъ не только со стороны учениковъ, но и со стороны учителей и учительницъ (что беретъ уже 6 страницъ текста), сообщаетъ попутно анекдотъ о невѣжествѣ народной массы, а потомъ вдругъ переходитъ къ вопросу о томъ, при какомъ числѣ учениковъ можно открывать сельскую воскресную школу. Безспорно, что однимъ изъ лучшихъ средствъ охарактеризовать вліяніе школы и книги являются разсказы изъ подлинной жизни школы и, когда авторъ, опредѣляя значеніе воскресной школы, приводитъ рядъ выписокъ изъ дневниковъ учителей и учительницъ воскресныхъ школъ или изъ сочиненій и писемъ учениковъ и ученицъ такихъ школъ, то картина получается яркая и поучительная. Но когда такія выписки приводятся для подтвержденія какой-нибудь общеизвѣстной истины, и въ приведенныхъ словахъ не заключается еще ничего характернаго, то это только мѣшаетъ слѣдить за мыслью автора. А г. Вахтеровъ очень любитъ дѣлать и такія выписки.

Статья «Книжные склады въ провинціи» представляетъ болѣе фактическихъ данныхъ и менѣе отвлеченій въ сторону, но и тутъ значительные факты не выдѣлены изъ ряда мелкихъ и встрѣчаются повторенія. Такъ, напр., на стр. 88-й авторъ обѣщаетъ разсказать исторію харьковскаго книжнаго склада, и посвѣщаетъ ей дѣйствительно 4 страницы, потомъ, не кончивъ о харьковскомъ складѣ, переходитъ къ разсказу о другихъ складахъ, о лубочной литературѣ и т. д., и только черезъ много страницъ опять возвращается къ харьковскому земскому складу.

Опытъ александровскаго земства производить розничную продажу книгъ по деревнямъ и на ярмаркахъ почему-то разсказанъ на 5 страницахъ, при чемъ сдѣланы выписки (ничего характернаго не представляющія) изъ отчетовъ 10-ти мѣстныхъ складовъ, отчего получается только пестрота именъ собственныхъ, а объ интересной попыткѣ черниговскаго земства—расширить дѣятельность и значеніе книжнаго губернскаго склада—сказано всего нѣсколько словъ.

Самой обстоятельной статьею является статья «Сельскія библіотеки». Факты, въ ней сообщаемые, крайне интересны, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и весьма утѣшительны. Такъ, авторъ разсказываетъ объ опредѣленіи вятскаго земства открыть 3,000 библіотекъ, а затѣмъ приводитъ рядъ постановленій волостныхъ правленій объ открытіи библіотекъ на собственныя средства крестьянъ, что, конечно, лучше всякихъ громкихъ словъ доказываетъ, насколько сильна въ народѣ любовь къ чтенію и вѣра въ великое значеніе книги. Но сообщая самые отрадные факты въ дѣлѣ народнаго образованія, авторъ не даетъ читателю успокоиться на этомъ, а приводитъ сравненія постановки дѣла у насъ и заграницею, ставитъ каждому мѣропріятію на пользу народнаго образованія болѣе широкіе идеалы, чѣмъ тѣ, которые достигаются у насъ. Такъ, напр., разсказавъ о томъ, какъ ведутся вопросные листки въ библіотекѣ мужской воскресной школы при московско-казанской желѣзной дорогѣ и приведя образецъ этого листка, повидимому исчерпывающій все, что нужно для ознакомленія съ желаніями и вкусомъ читателей—авторъ прибавляетъ: «Въ сущности даже и эта статистика московской школы не можетъ быть названа полною. Она даетъ понятіе о читателѣ, даетъ возможность вѣрнѣе и лучше руководить его чтеніемъ. Но каждая библіотека имѣетъ дѣло съ двумя объектами: съ читателемъ и книгою. Чтобы изучить другой объэктъ—книгу, надо на ряду съ первыми, вести и другія записи. Завести особые листы для каждаго ученика — это необходимо; но если есть свободныя силы, надо завести особые листы и для каждой книги. Чтобы знать отношеніе къ ней читателя, надо писать на этомъ листѣ послѣ заголовка книги, когда она была взята, когда возвращалась, и на ряду съ отмѣтками о выдачѣ и возвращеніи отмѣчать лѣта читателей, ихъ полъ, ихъ степень образованія (напр. число лѣтъ обученія), понравилась-ли книга, самъ-ли читатель ее взялъ, и другіе вопросы. Если-бы такихъ записей было много, то это было-бы драгоцѣннымъ матеріаломъ для рѣшенія вопроса о томъ, что читаетъ народъ и чего онъ ищетъ въ книгѣ для чтенія».

Въ статьѣ «Книжные склады» авторъ говоритъ, что «дѣло распространенія книгъ путемъ продажи не встрѣтитъ особыхъ затрудненій и оно можетъ имѣть успѣхъ даже при незначительныхъ затратахъ», но тутъ-же прибавляетъ: «Если-бы изъ этого рода сообщеній кто-нибудь вывелъ заключеніе, что дѣло это и теперь поставлено удовлетворительно, что движеніе въ нашемъ обществѣ, направленное къ просвѣщенію на-

родныхъ массъ, приняло широкое развитіе—это было-бы большою ошибкою. Такое движеніе можно разсматривать только, какъ очень слабый отголосокъ того, что дѣлается въ этомъ направленіи на земномъ шарѣ. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ число періодическихъ изданій доходитъ до 20.000; въ крошечной, едва замѣтной на картѣ Бельгіи — 917, въ Голландіи до 700, въ Швейцаріи до 600. Обращаясь изъ Европы въ Азію, находимъ Японію, гдѣ число періодическихъ изданій достигаетъ 2.000. У насъ это всемірное движеніе выражается на все необъятное пространство въ 300 газетахъ, изъ коихъ большая часть приходится на правительственныя изданія: губернскія, областныя и полицейскія вѣдомости. Между тѣмъ, принимая въ соображеніе количество населенія, мы должны были-бы имѣть болѣе 40,000 періодическихъ изданій, чтобы идти въ уровень съ Соединенными Штатами и болѣе 6,000 изданій, чтобы сравняться съ Японіею».

Приведя нѣсколько примѣровъ удачныхъ попытокъ ознакомленія крестьянъ съ законами, устройствомъ крестьянской общины, артели и т. д. — авторъ сейчасъ-же разсказываетъ о томъ, какъ поставлено законовѣдѣніе въ Финляндіи, подчеркивая этой параллелью всю скудость нашихъ мѣропріятій.

Въ изложеніи программъ по отдѣльнымъ предметамъ преподаванія въ воскресной школѣ г. Вахтеровъ ставитъ много пока вовсе неосуществимыхъ задачъ. Но всѣ стремленія его ясны, свѣтлы и тверды. Если они и не могутъ быть приняты къ руководству для настоящаго момента, то намѣчаютъ путь, который должно пройти русское общество, чтобы имѣть право называться культурнымъ обществомъ. Недостатки книги г. Вахтерова—нѣкоторая сбивчивость и безсистемность изложенія, недостаточная разработка фактовъ,—вполнѣ искупаются ея выдающимися внутренними достоинствами.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Чествованіе М. М. Антокольскаго.

Сегодня, 29-го декабря, въ залѣ Императорскаго общества поощренія художествъ друзья и почитатели знаменитаго скульптора М. М. Антокольскаго чествовали его, по случаю исполнившагося 25-лѣтія его художественной дѣятельности. Къ 8 часамъ вечера въ большомъ залѣ общества собрались въ ожиданіи виновника торжества многочисленные его почитатели, среди которыхъ находились сенаторы А. Ѳ. Кони и В. И. Лихачевъ, гофмейстеръ Балашевъ, директоръ музея общества поощренія художествъ Д. В. Григоровичъ, вице-президентъ Императорской академіи художествъ гофмейстеръ И. И. Толстой, директоръ Императорскаго эрмитажа г. Сомовъ, А. Н. Майковъ, А. Н. Пыпинъ, Д. В. Стасовъ, О. К. Нотовичъ, В. А. Крыловъ, баронъ Г. О. Гинцбургъ, проф. Римскій-Корсаковъ, Я. С. Поляковъ, художники: П. Е. Рѣпинъ, А. И. Куинджи, І. С. Китнеръ, Альб. Н. Бенуа, В. К. Маковскій, Соколовъ, М. П. Боткинъ, Гинцбургъ, Бернштамъ и мн. др. Въ числѣ присутствовавшихъ было также много дамъ. Въ 8½ часовъ вечера пріѣхалъ юбиляръ въ сопровожденіи В. В. Стасова и былъ встрѣченъ у входа членами совѣта Императорскаго общества поощренія художествъ. При входѣ въ залъ М. М. былъ встрѣченъ долго несмолкавшими аплодисментами. Первымъ привѣтствовалъ юбиляра Д. В. Григоровичъ прочтеніемъ рескрипта Августѣйшей предсѣдательницы общества, Ея Императорскаго Высочества принцессы Евгеніи Максимиліановы Ольденбургской слѣдующаго содержанія:

«Маркъ Матвѣевичъ

«На всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ моемъ, по званію Предсѣдателя Императорскаго общества поощренія художествъ, о награжденіи васъ, за вашу двадцатипятипятилѣтнюю плодотворную дѣятельность на художественномъ поприщѣ, Государю Императору благоугодно было положить слѣдующую Собственноручную резолюцію: «Наградить чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника».

«Поздравляю васъ съ такою Монаршею милостію, выражаю вамъ при этомъ пожеланіе, отъ имени предсѣдательствуемаго Мною учрежденія, дальнѣйшихъ успѣховъ на избранномъ вами пути».

Привѣтствуя М. М. отъ себя лично, Д. В. Григоровичъ припомнилъ, какъ въ 1870 г. однажды утромъ пришелъ къ нему В. В. Стасовъ и съ радостью сообщилъ, что встрѣтилъ чрезвычайно талантливаго юношу, который вскорѣ послѣ этого и пришелъ къ оратору. «И. вотъ — спустя 25 лѣтъ,—сказалъ Д. В.,—я имѣю счастье привѣтствовать въ вашемъ лицѣ большого европейскаго художника!». Вице-президентъ императорской академіи художествъ, графъ И. И. Толстой, передавая юбиляру поздравленіе отъ alma mater, заявилъ, что М. М. Антокольскій не только великій художникъ, но и гордость того учрежденія, которое его воспитало, что онъ великій художникъ не только въ Россіи, но и передъ лицомъ всей Европы. Какъ-бы въ подтвержденіе своихъ словъ, графъ Толстой прочиталъ только-что полученную привѣтственную телеграмму отъ директора парижской художественной школы. Затѣмъ В. Матэ прочиталъ привѣтственный адресъ отъ художниковъ (адресъ подписанъ И. Е. Рѣпинымъ, В. К. Маковскимъ и мног. друг.). Далѣе слѣдовали адреса и привѣтствія отъ русскихъ женщинъ (рисунки г-жъ Бемъ и Полѣновой: первый изображаетъ будущихъ скульпторовъ, занимающихся пока лѣпкою снѣжныхъ болвановъ; второй — Ивана царевича, вырвавшаго изъ хвоста Жаръ-птицы волшебное перо—символъ счастья и удачи); отъ дамскаго художественнаго кружка; отъ общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи (баронъ Г. О. Гинцбургъ, М. А. Варшавскій и др.); отъ общества русскихъ акварелистовъ (Альб. Н. Бенуа); отъ родныхъ, друзей и т. д. В. В. Стасовъ поднесъ юбиляру отъ имени публики адресъ слѣдующаго содержанія:

«Дорогой Маркъ Матвѣевичъ!

«Мы всѣ собрались здѣсь сегодня для того, чтобы праздновать одно изъ самыхъ крупныхъ событій русской художественной исторіи—нарожденіе русской скульптуры. Русскій народъ сильно талантливъ. Это одинъ изъ талантливѣйшихъ народовъ въ мірѣ. Поэтому онъ уже давно высказалъ свои творческія стремленія и способности по части разнообразныхъ искусствъ. Это всего ранѣе выразилось одновременно съ народной поэзіей—въ архитектурѣ. Еще съ эпохи среднихъ вѣковъ русскіе архитекторы выступили впередъ и показали свою оригинальность. Въ XVI вѣкѣ они достигли высшаго своего предѣла, а въ нашъ вѣкъ цвѣтутъ ихъ многочисленные высоко-даровитые продолжатели. Съ конца прошлаго XVIII вѣка стали появляться на свѣтъ талантливые русскіе живописцы, и полный расцвѣтъ этихъ художниковъ блестящимъ образомъ совершался и совершается на нашихъ глазахъ. Съ 30 годовъ нашего вѣка мы обладаемъ великою самостоятельною школою русской музыки. Одной скульптуры недоставало. Она одна таилась въ тайникахъ народнаго духа и не появлялась на свѣтъ. То, что даже и появлялось по этой части, были все только слабые опыты робкаго копированія и блѣднаго поддѣлыванія подъ чужія, иностранныя творенія. Но четверть вѣка тому назадъ и для скульптуры пришла у насъ пора. Явился юноша не только съ своеобразнымъ талантомъ, но еще и со своеобразныхъ духомъ. Онъ почувствовалъ призваніе творить у насъ и для насъ то, чего другіе не могли—выражать лучшія помышленія и глубочайшія чувствованія свои въ скульптурныхъ формахъ красоты и вдохновенія. Этотъ смѣлый, рѣшительный юноша былъ Маркъ Антокольскій, вы, передъ кѣмъ мы стоимъ теперь съ удивленіемъ, восторгомъ и благодарностью. Въ теченіи этихъ послѣднихъ 20-ти лѣтъ вашъ художественный путь

былъ путемъ торжества и завоеванія. Вы шли все впередъ и впередъ, ничѣмъ не развлекаясь, не взирая не единымъ глазомъ на все, что по сторонамъ у васъ встрѣчалось иной разъ непріязненнаго и даже враждебнаго. Вы наполнили наши музея высокими созданіями, на которыя смотрѣли съ признательностью и душевнымъ почтеніемъ всѣ лучшіе русскіе люди и многочисленные лучшіе люди Европы. Вы много разъ играли на всемірныхъ выставкахъ самую яркую, самую значительную роль. На нѣкоторыхъ изъ этихъ выставокъ голосъ Европы признавалъ васъ *первымъ* изъ всѣхъ выступавшихъ тамъ скульпторовъ цѣлаго міра. Мы-же, сводя вмѣстѣ все, что мы видѣли, чувствовали, цѣнили и любили, принуждены признаться себѣ, что нѣтъ среди созданій всего искусства такого «Ивана Грознаго», такого «Петра Великаго», такого «Нестора» и такого «Ермака», какихъ вы создали. Рядомъ съ этими высокими произведеніями, имѣющими для насъ самое главное, *національное* значеніе, вами создано еще много другихъ, крупныхъ вещей, каковы: «Христосъ передъ народомъ», «Сократъ», «Спиноза», «Мефистофель», «Мученица христіанка», «Надгробный памятникъ княжны Оболенской», «Ангелъ» и другія. Все это такъ высоко-поэтично, полно таланта, красоты и мастерства, что мы смотримъ на васъ, какъ на одного изъ самыхъ *первыхъ* скульпторовъ нашего вѣка, и провозглашаемъ вамъ: Слава»!

Адресъ дамскаго художественнаго кружка—слѣдующаго содержанія:

«Многоуважаемый Маркъ Матвѣевичъ!

«Комитетъ перваго дамскаго художественнаго кружка съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуетъ васъ въ знаменательный день вашего XXV лѣтняго юбилея и желаетъ вамъ еще на долгіе годы съ такимъ-же успѣхомъ продолжать вашу талантливую художественную дѣятельность».

Оригинальный адресъ въ художественномъ футлярѣ (серебряный, съ эмалью и золотымъ орнаментомъ, работы И. П. Ропета) поднесенъ М. М. Антокольскому барономъ Д. Г. Гинцбургомъ. Приводимъ текстъ этого адреса, написаннаго въ строго выдержанномъ стилѣ псалмовъ:

«Богомъ ты намъ данъ, Маркъ, сынъ Богдана, мужъ мудрый умомъ, сподобившійся отъ Господа думать думу для работы въ золотѣ, въ серебрѣ и въ мѣди, и въ изваяніи мрамора, чтобы творить художественныя произведенія, вдохновенныя свыше, съ знаніемъ и сметливостью: ты вдунулъ въ истуканъ дыханіе жизни. Ты началъ съ изображенія бѣднаго портного и ты кончилъ бюстомъ Русской Царицы, идеалъ женской красоты. Державныхъ Повелителей ты воспроизвелъ на славу, равно справедливаго законодателя и грознаго своевольнаго Царя. Ты поставилъ передъ нами Великаго Императора, крѣпко, какъ скала, о чемъ вѣщаетъ и его имя: Петръ, побѣдоносецъ и геніальный преобразователь; рядомъ съ нимъ—богатыря-полководца, который покорилъ цѣлыя царства и ихъ повергъ къ стопамъ своего властелина. Изъ тьмы вѣковъ ты вывелъ обездоленныхъ судьбою и съ потрясающей правдой возсоздалъ молодую христіанскую мученицу, страдающую за вѣру въ Бога,—и маррановъ подъ страшнымъ гнетомъ инквизиціи. Ты проникъ до глубины сокровенныхъ думъ эллинскаго праведника-мыслителя, который изрекъ: «Познай самого себя», и насупротивъ его ты воздвигнулъ памятникъ главѣ новѣйшихъ философовъ, чье имя Benidictus благословенно устами всякаго, кто мыслитъ. Ты вспомнилъ о тѣхъ несчастныхъ, чье земное поприще прервано было въ полномъ расцвѣтѣ юности: ребенокъ превратился въ чуднаго херувима; прелестная дѣвушка окрылилась и ты возвратилъ ей чары молодости; живописцу, отошедшему въ вѣчность на 20 году жизни, ты вручилъ излюбленную кисть на вѣки вѣковъ. Наконецъ, въ смѣломъ полетѣ фантазіи, ты остановилъ волну морскую и на нее помѣстилъ земную сферу, которую ты облекъ въ самоцвѣтную ризу созвѣздій небесныхъ, а надъ нею высится пословица Неба, возвѣщающая миръ и благословеніе вселенной и Царской Четѣ, предмету нашей беззавѣтной преданности.

Итакъ. 25 лѣтъ ты трудился, а память про тебя уже не исчезнетъ никогда. Гордясь тобою, мы дружно провозглашаемъ: Слава! мы свидѣтели твоего торжества, дорогого всѣмъ тѣмъ, кто любитъ Россію. Маркъ Матвѣевичъ, предводитель всѣхъ ваятелей, излюбленный своими братьями, ты привѣтствуешь миромъ все твое поколѣніе; продолжай-же свое священное служеніе искусству. Благодать полилась на руки твои и Господь твой Богъ тебя этимъ благословилъ. Да сопровождаетъ тебя счастье во все время твоей жизни; «да будетъ супруга твоя въ твоемъ домѣ, какъ плодовитая лоза, а дочери твои словно масличныя вѣтви вокругъ трапезы твоей». Да возвеличитъ Господь и дальше твое великое имя».

На имя юбиляра вчера получено было много телеграммъ, изъ которыхъ приводимъ лишь нѣкоторыя.

Изъ Выборга.

«Горячо привѣтствую славнаго художника, всегда соединявшаго высокую мысль съ красотою формы.

Владиміръ Соловьевъ.

Изъ Москвы:

«Съ чувствомъ глубокой радости привѣтствуетъ васъ московское еврейское общество въ торжественный день празднованія 25-лѣтія вашей славной дѣятельности. Въ переживаемое нами тяжелое время умственной розни, сомнѣній и измельчанія идеаловъ вашъ неустанный трудъ, озаренный свѣтомъ истиннаго генія, поддерживаетъ въ каждомъ изъ насъ сознаніе, что въ сердцѣ нашемъ живо стремленіе къ прекрасному, доброму и вѣчному. Народъ, на долю котораго выпадаетъ честь считать своими людей, подобныхъ вамъ, Маркъ Матвѣевичъ, безбоязненно можетъ предаться мирной работѣ съ твердою вѣрою въ свѣтлое будущее. Горячо присоединяясь къ многочисленнымъ, обращеннымъ къ вамъ привѣтствіямъ и поздравленіямъ, желаемъ вамъ еще долгіе, долгіе годы творить и работать на славу великаго дѣла, братства и любви».

Слѣдуетъ двѣсти подписей.

Изъ Парижа:

«Envoie mes voeux et félicitations au grand artiste Antocolsky.

Paul Dubois»

На вышеприведенныя привѣтствія М. М. Антокольскій, глубоко тронутый, сердечно благодарилъ собравшихся, упомянувъ при этомъ тѣхъ лицъ, которымъ онъ обязанъ развитіемъ своего таланта.

Послѣ антракта, во время котораго присутствовавшимъ были предложены чай и фрукты, въ большомъ залѣ были показаны на экранѣ снимки съ работъ М. М., а также его портреты и виды дома, гдѣ онъ родился. Картины показывались въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Домъ въ Вильнѣ, гдѣ родился въ 1843 году и работалъ Антокольскій; 2) его портретъ 1872 г., въ Римѣ; 3) Натанъ Мудрый (изъ «Сцены инквизиціи»); 4) Иванъ Грозный; 5) Петръ I; 6) Христосъ; 7) надгробный памятникъ княжнѣ Оболенской (въ Римѣ); 8) Сократъ; 9) Мефистофель; 10) голова Іоанна Крестителя, отрубленная; 11) молодой баронъ Гинцбургъ, художникъ, рано скончавшійся; 12) портретъ Антокольскаго 1882 г.; 13) Ангелъ (похоронный момументъ дочери г-жи Терещенко); 14) Христіанская мученица; 15) Ярославъ Мудрый (голова); 16) портретъ Антокольскаго 1893 г.; 17) Несторъ; 18) Ермакъ; 19) Сестра милосердія (надгробный памятникъ); 20) «Волна» (surtout de table) изъ

серебра и эмали, поднесенный Государю Императору Николаю II еврейскими общинами; 21) портретъ Антокольскаго, въ его мастерской въ Парижѣ, работа Рѣпина.

Объясненія давалъ В. В. Стасовъ.

Громъ аплодисментовъ вызвало неожиданное появленіе передъ собравшимися статуи Антокольскаго «Иванъ Грозный». Какъ только В. В. Стасовъ прочиталъ адресъ, занавѣсъ былъ отдернутъ и глазамъ присутствовавшихъ предсталъ первый капитальный трудъ геніальнаго скульптора, окруженный живыми растеніями.

Чествованіе закончилось въ 12 ч. ночи («Новости», 30 декабря).

Эпизодъ изъ жизни гр. Л. Н. Толстого.

Въ «Русскомъ Обозрѣніи» за ноябрь г. Овсянниковъ разсказанъ любопытный эпизодъ изъ жизни гр. Л. Толстого, относящійся къ 1866 г. Вотъ что пишетъ г. Овсянниковъ:

Штабъ 2-й роты нашего полка расположился въ небольшой, крайне угрюмой и непривѣтливой деревушкѣ «Озерки», верстахъ въ 3—4 влѣво отъ Ясенковъ. Командиромъ этой роты былъ недавно прибывшій въ полкъ, окончившій академію генеральнаго штаба съ золотымъ академическимъ значкомъ на груди, молодой капитанъ N., полякъ. Средняго роста, сухощавый блондинъ, скорѣе даже рыжеватый, съ тонкими, правильными, но также сухими чертами лица и холоднымъ, стальнымъ взглядомъ сѣровато-карихъ глазъ, N. производилъ какое-то непріятное впечатлѣніе. Ротнымъ писаремъ во 2-й ротѣ числился только что переведенный туда, числящійся въ разрядѣ штрафованныхъ, рядовой Василій Шибунинъ, поступившій въ военную службу «охотникомъ», т. е. нанявшійся за другого рекрута. Ему было 24 года. Роста онъ былъ небольшого, коренастый, съ толстою красною шеей и нѣсколько рыжеватыми волосами—вообще фигура его не производила особенно пріятнаго впечатлѣнія. Незаконнорожденный сынъ, по слухамъ, какого-то довольно значительнаго барина, Шибунинъ началъ помнить себя въ деревнѣ одной изъ центральныхъ губерній, куда онъ былъ отданъ двухлѣтнимъ ребенкомъ «на воспитаніе». Въ ноябрѣ 1862 года онъ появился въ N—скомъ рекрутскомъ присутствіи въ качествѣ «охотника», то-есть, наемника за какого-то мѣщанина. Если выдавалась свободная минута, любимымъ времяпровожденіемъ Шибунина было лечь на постель и, потягивая изъ горлышка деревенскую сивуху, помечтать объ «отцѣ», а на ночь почитать «требникъ» или евангеліе, которые онъ давно зналъ наизусть. Во фрунтъ его, какъ слабосильнаго, отправить сразу было нельзя, а потому новый батальонный командиръ назначилъ его писаремъ 2-й роты къ капитану N. Капитанъ видимо старался пріучить къ работѣ своего писаря, Шибунинъ не выдержалъ и запилъ. Ротный командиръ замѣтилъ это, и писарь очу-

тился въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ. По выходѣ оттуда 6 іюля, часовъ около 12 утра, Шибунинъ получилъ запиской приказаніе капитана N.— составить какую-то очень нужную бумагу для командира батальона.—Въ карманѣ у него было цѣлыхъ два рубля денегъ, и потому, предчувствуя вновь «тяжелую» работу, онъ послалъ вѣстового въ сосѣднюю деревушку за водкой, приказавъ купить «на весь цѣлковый». Вѣстовой принесъ цѣлыхъ два штофа и Шибунинъ, натощакъ весьма быстро опорожнивъ одну изъ принесенныхъ посудинъ, принялся за свое писаніе. Ровно въ 4 часа дня, передъ ученьемъ, капитанъ зашелъ въ канцелярію въ сопровожденіи Бобылева и на этотъ разъ какъ-то особенно раздраженный. Не снимая фуражки, онъ обратился къ Шибунину:

— Ты приготовилъ рапортъ батальонному командиру?

Шибунинъ, не отвѣчая, блѣдный, трясущимися руками подалъ требуемую, начисто переписанную бумагу. Ротный командиръ посмотрѣлъ на него, но, очевидно, не замѣтивъ ничего особеннаго, принялся читать приготовленный рапортъ. Шибунинъ воспользовался этою минутой и, выскользнувъ изъ избы, въ сѣняхъ прямо изъ горлышка влилъ въ себя еще новую бутылку водки, наскоро вытеръ губы полой шинели и, какъ ни въ чемъ не бывало, вошелъ въ канцелярію. Такіе необычные пріемы въ поведеніи писаря возбудили подозрѣніе капитана, и онъ опять на него посмотрѣлъ, затѣмъ, не говоря ни слова, смялъ въ кулакъ приготовленный рапортъ и съ силой бросилъ его по направленію къ писарю. Шибунинъ тупо и зло взглянулъ на него. Явилась моментальная рѣшимость «объясниться».

— Я стараюсь, изъ силъ выбиваюсь, чтобы угодить вашему благородію, а вы всякую мою работу съ насмѣшкой бросаете мнѣ обратно перемаранною, или безъ словъ, прямо въ лицо, какъ сейчасъ, за что? За что-же это вы такъ меня мучаете? Я буду батальонному командиру на васъ жаловаться... Такъ нельзя... Позвольте мнѣ во фронтъ... Цѣлый день во фронтѣ, на ученьи, а когда люди отдыхаютъ—сиди пиши; такъ нельзя—это хуже каторги.

Капитанъ понялъ вспышку Шибунина:

— Фельдфебель! — онъ опять пьянъ... Отправь его сейчасъ въ карцеръ, а послѣ ученья приготовь розогъ.

И N. спокойно, надѣвая на-ходу свою бѣлую замшевую перчатку, круто повернулся и вышелъ изъ избы. Слѣдомъ за нимъ въ сѣни какъ-то проскользнулъ и Шибунинъ:

— За что, за что вы меня мучаете?

N., конечно, не удостоилъ его отвѣтомъ и скоро, не останавливаясь, прошелъ на улицу. Въ это время вышелъ изъ избы и Бобылевъ. Какъ кошка бросился изъ сѣней на улицу и Шибунинъ.

— Молчите?—хрипло крикнулъ ему Шибунинъ. Меня розгами?! Такъ вотъ-же тебѣ, поляцкая харя!.. и звонкая пощечина громко раздалась по улицѣ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Капитанъ устоялъ

на ногахъ, но изъ носа у него хлынула кровь, и онъ быстро схватился рукой за щеку. Бѣлое кепи валялось на землѣ, прямыхъ свидѣтелей совершеннаго Шибунинымъ преступленія не было, хотя улики были на лицо. Вѣсть объ этомъ преступленіи быстро облетѣла всѣ окрестности. Капитанъ N. подалъ въ этотъ-же день два рапорта: одинъ о преступленіи Шибунина, другой о своей болѣзни, а командиръ полка донесъ «по начальству», и черезъ пять дней было получено предписаніе командующаго войсками московскаго военнаго округа генералъ-адъютанта Гильденштуббе, на основаніи 604 ст. военно-полевыхъ законовъ, предать Шибунина военно-полевому суду. Одинъ изъ офицеровъ, нѣкто Стасюлевичъ, самъ когда-то испытавшій на себѣ тяжесть военной дисциплины въ видѣ разжалованія въ рядовые, принялъ къ сердцу интересъ обвиняемаго и немедленно отправился вмѣстѣ съ подпоручикомъ Колокольцевымъ въ «Ясную Поляну» къ графу Льву Николаевичу Толстому.

Разсказавъ Льву Николаевичу всю суть этого происшествія, оба молодыхъ офицера обратились къ нему съ просьбой принять на себя защиту несчастнаго Шибунина.

Графъ выслушалъ ихъ очень внимательно, и съ полною готовностью изъявилъ свое согласіе принять всѣ зависящія «отъ человѣка» мѣры, если не къ оправданію, то хотя-бы къ облегченію участи подсудимаго.

Военно-полевой судъ, какъ извѣстно, не ожидаетъ сроковъ, и дѣло ведется быстро, а потому, когда на другой день графъ поѣхалъ къ командиру полка, обвинительный актъ Шибунина былъ уже готовъ, но еще не врученъ обвиняемому. Нечего и говорить, что полковникъ Юноша съ величайшимъ удовольствіемъ изъявилъ свое согласіе на предложеніе графа принять на себя защиту Шибунина.

Самъ отставной артиллеристъ, самъ участникъ долгой, мучительной обороны Севастополя, гр. Л. Толстой отлично сознавалъ отчаянное положеніе дѣла Шибунина, какъ солдата, но онъ вѣрилъ въ возможность его защиты, какъ человѣка, и если не оправданія, то значительнаго смягченія наказанія. Засѣданіе суда было назначено въ 11 часовъ утра, но Л. Н. прибылъ туда цѣлымъ часомъ раньше. Часъ этотъ ему былъ нуженъ. Онъ желалъ ободрить и подкрѣпить духъ подсудимаго. Сравнительно большой залъ огромнаго помѣщичьяго дома квартиры полкового командира наскоро превратили въ залъ судебныхъ засѣданій, и вотъ здѣсь-то было назначено разбирательство дѣла Шибунина. Предсѣдателемъ военно-полевого суда былъ назначенъ командиръ полка, полковникъ Юноша, а прочіе судьи были мѣстные полковые офицеры. Прокуроръ прибылъ изъ Москвы. Немногіе изъ окружныхъ помѣщиковъ знали о днѣ засѣданія полевого суда, объ участіи въ процессѣ въ качествѣ защитника подсудимаго гр. Л. Толстого да и время было жаркое для землевладѣльца — разгаръ рабочей поры, но кто зналъ — воспользовались случаемъ и пріѣхали въ судъ. Было нѣсколько пріѣзжихъ изъ Тулы, но въ общемъ «публики» присутствовало немного. Предсѣдатель объя-

вилъ о предстоящемъ разборѣ дѣла и приказалъ ввести подсудимаго. Прочитали опредѣленіе о преданіи Шибунина военно-полевому суду, замѣнявшее собою обычный обвинительный актъ, удостовѣрявшее, что подсудимый, питая злобу къ капитану N., давно задумалъ свое намѣреніе и осуществилъ его только въ тотъ злополучный день 6 іюня, для чего умышленно натощакъ выпилъ полтора штофа водки.

Судебное слѣдствіе скоро окончилось. Слово было предоставлено представителю обвиненія. Прокуроръ сказалъ сухую, совершенно формальную рѣчь, всю пересыпанную статьями закона. ссылкой на нихъ и пр.

Прошло нѣсколько томительныхъ мгновеній общаго напряженнаго вниманія и графъ Л. Н. приподнялся.

Рѣчь его, увѣренная, спокойная, ясная сразу настолько овладѣла общимъ вниманіемъ, что задніе ряды привстали и придвинулись къ переднимъ:

— Гг. судьи! Рядовой Василій Шибунинъ, обвиняемый въ умышленномъ и сознательномъ нанесеніи удара по лицу своему ротному командиру, избралъ меня своимъ защитникомъ. и я принялъ на себя эту обязанность, несмотря на то, что преступленіе. въ которомъ обвиняется Шибунинъ, есть одно изъ тѣхъ. которыя, нарушая связь военной дисциплины, не могутъ быть разсматриваемы съ точки зрѣнія соразмѣрности вины съ наказаніемъ и всегда должны быть наказываемы особенно строго. Я принялъ на себя эту обязанность. несмотря на то, что обвиняемый написалъ свое сознаніе, а потому фактъ. устанавливающій его виновность, не можетъ быть опровергнутъ. и не смотря на то, что онъ подвергается наказанію по 604 ст. законовъ полевого военнаго суда, которая опредѣляетъ одно только наказаніе за преступленіе, совершенное Шибунинымъ,—наказаніе это—смертная казнь, и потому казалось-бы, что участь его не можетъ быть облегчена, но я принялъ на себя его защиту потому, что нашъ законъ, написанный въ духѣ предпочтительнаго помилованія десяти виновныхъ предъ наказаніемъ одного невиннаго, предусматриваетъ все въ пользу милосердія и, конечно. не для одной только формы опредѣляетъ, что ни одинъ подсудимый не выходитъ въ судъ безъ защитника, слѣдовательно, безъ возможности, если не полнаго оправданія, то болѣе или менѣе значительнаго смягченія наказанія. Шибунинъ—душевно-больной, лишенный одной изъ главныхъ способностей человѣка—соображать послѣдствія своего поступка. Если наука о душевныхъ болѣзняхъ, въ лицѣ полковыхъ врачей, не признала этого душевнаго состоянія болѣзнью, то я полагаю прежде, чѣмъ произносить смертный приговоръ, мы обязаны взглянуть присталь нѣе на это явленіе и убѣдиться. есть-ли то. о чемъ я говорю, пустая отговорка защитника или дѣйствительный, несомнѣнный фактъ. Я только что здѣсь, на судѣ, во время судебнаго слѣдствія, уже имѣлъ честь останавливать вниманіе суда на этомъ явленіи, замѣчаемомъ у подсудимаго: здѣсь-же, на судѣ, мы слышали показанія всѣхъ свидѣтелей, выставлен-

ныхъ по этому дѣлу, и, не сомнѣваюсь, у всѣхъ составилось убѣжденіе въ ненормальности свободной воли у подсудимаго. Такъ неужели-же, въ самомъ дѣлѣ, только потому, что полковые врачи, далеко не спеціалисты по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, да еще такого обманчиваго на видъ характера, какъ мы это замѣчаемъ у подсудимаго, сказали:—«да, онъ здоровъ», этотъ приговоръ ихъ, хотя безъ сомнѣнія, совершенно искренній, можетъ быть въ то-же время смертнымъ приговоромъ Шибунина? Ну, а если здѣсь откроется ошибка, роковая, прискорбная, уже ничѣмъ не поправимая ошибка, если мы на основаніи такого вердикта, въ моихъ глазахъ, можетъ-быть, и очень почтенныхъ и дѣльныхъ врачей, но все-таки рѣшительно не компетентныхъ въ дѣлѣ психіатріи, казнимъ этого несчастнаго больного, этого идіота, казнимъ его смертью только потому, что мы повѣрили имъ и не пожелали спросить объ этомъ-же фактѣ у другихъ, болѣе компетентныхъ людей, которымъ-бы мы могли повѣрить безусловно? Было-бы очень прискорбно быть свидѣтелемъ такого явленія. Казнить Шибунина мы всегда успѣемъ, но, казнивши его, уже будетъ внѣ нашей власти призвать его къ новой жизни,—и вотъ почему именно теперь, въ эту роковую для подсудимаго минуту, я такъ тщательно и подробно останавливаю на этомъ важнѣйшемъ фактѣ настоящаго судебнаго разбирательства особенное вниманіе ваше, гг. судьи, и еще разъ обращаюсь къ вамъ съ просьбой: подумайте, обсудите этотъ вопросъ—не судите-ли вы вмѣсто преступника, вмѣсто злодѣя—просто душевно-больного человѣка? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ является жизнь человѣка.

Далѣе Л. Толстой перешелъ на выясненіе деталей настоящаго дѣла. Доказавъ съ математическою точностью и ясностью отсутствіе всякой преднамѣренности со стороны обвиняемаго въ нанесеніи оскорбленія капитану N., онъ мастерски нарисовалъ ту картину сплошного несчастія, которое преслѣдовало его кліента со дня рожденія и ту тяжесть обстановки, въ которой онъ находился въ моментъ совершенія преступленія, быть можетъ и ошибочно, но болѣзненно видя въ своемъ ротномъ комадирѣ того заклятаго, хотя и безпричиннаго врага, отъ преслѣдованія котораго несчастный штрафованный ротный писарь, конечно, не могъ укрыться.

Ораторъ представилъ слѣдующую диллему:

— Судъ въ настоящемъ случаѣ противорѣчія между статьями 109, т. е. уменьшеніемъ наказанія, если, конечно, мои соображенія о полной его невмѣняемости могутъ быть отвергнуты, и ст. 604, полагающей единственное наказаніе—смертную казнь, имѣетъ только два выбора: отступить отъ буквы ст. 109 и приговорить Шибунина къ разстрѣлянію или отъ буквы ст. 604 и уменьшить ему наказаніе. Для окончательнаго рѣшенія въ этомъ выборѣ суду слѣдуетъ руководствоваться, конечно, прежде всего и главнѣе всего, духомъ нашего законодательства, заставляющаго всегда вѣсы правосудія склоняться на сторону мило-

сердія, и смысломъ ст. 81, которая говоритъ, что судъ долженъ оказывать себя больше милостивымъ, чѣмъ жестокосердымъ, памятуя, что и судья—человѣкъ.

Здѣсь графъ незамѣтно перешелъ къ евангельскому ученію Христа... Рѣчь его сдѣлалась вдохновенною. «Съ этимъ высокимъ и строгимъ напоминаніемъ о законахъ Божескомъ и человѣческомъ, подсудимый вручаетъ свою участь рѣшенію правосудія», сказалъ онъ въ заключеніе.

Какъ разсказывается дальше въ статьѣ г. Овсянникова, рядовой Шибунинъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Гр. Л. Толстой хлопоталъ при посредствѣ нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ предъ высшимъ правительствомъ о смягченіи участи подсудимаго, но это ходатайство успѣха не имѣло.

Окрестное населеніе селъ и деревень съ быстротой телеграфа разнесло вѣсть о приговоренномъ «къ разстрѣлу».

Къ узнику начали собираться цѣлыя толпы, слезно умолявшія «караульнаго унтера хоть однимъ глазкомъ взглянуть на несчастненькаго». Но просьбы ихъ были напрасны: и «несчастненькаго» не показывали имъ. Но онѣ не огорчались этою неудачей и оставляли у караульнаго, для Шибунина, кто что могъ, по силѣ своихъ средствъ и достатковъ. Кто горшокъ молока, кто яичекъ, кто ржаныхъ сдобныхъ лепешекъ. Были и такія, которые приносили большіе куски домашняго деревенскаго холста.

По совершеніи казни народъ неудержимою волной бросился къ свѣжей могилѣ. Черезъ часъ явился кѣмъ-то приглашенный деревенскій священникъ и началось почти непрерывное служеніе заказныхъ панихидъ. Къ вечеру на могилу были накиданы восковыя свѣчи, куски холста и мѣдные гроши. На завтра исторія съ панихидами повторилась. Даже изъ дальнихъ деревень сталъ собираться на эти панихиды народъ и несъ свою лепту. Дошла вѣсть и до мѣстнаго станового пристава. Онъ пріѣхалъ лично и приказалъ сравнять могилу казненнаго. Около опушки лѣса поставили деревенскій караулъ съ приказомъ «отнюдь не допускать любопытныхъ», а служеніе панихидъ было «наистрожайше» воспрещено.

М. П. Мусоргскій и его опера «Борисъ Годуновъ».

(По поводу постановки оперы Обществомъ музыкальныхъ собраній на сценѣ консерваторіи).

Пожалуй, не будетъ большимъ парадоксомъ сказать, что о Мусоргскомъ столько же мнѣній, сколько и лицъ. Когда г. Пьеръ д'Альгеймъ познакомилъ въ этомъ году Парижъ съ произведеніями этого композитора, онъ получилъ среди массы другихъ писемъ два такіе совершенно контрастирующіе отзыва: «Мусоргскій, не напиши онъ даже ничего, кромѣ единственной партитуры «Борисъ Годуновъ», писалъ ему проф.

Бурго-Дюкудре,—«заслуживалъ-бы и тогда причисленія къ наиболѣе смѣлымъ и наиболѣе оригинальнымъ музыкантамъ творцамъ нашей эпохи!» Но композиторъ Липпашэ, школы д'Энди, уже даетъ совершенно уничтожающій отзывъ. «Въ музыкальномъ отношеніи», пишетъ онъ про исполненныя сочиненія Мусоргскаго, «это несвязно, спутано, неровно—однимъ словомъ, выдержано въ характерѣ дома умалишенныхъ».

Я не знаю композитора, котораго такъ трудно было-бы втиснуть въ какую-нибудь формулу, какъ Мусоргскій. Былъ-ли онъ реалистъ? Помимо того, что такое опредѣленіе предполагаетъ принадлежность къ извѣстному «цеху»—къ чему не была склонна натура Мусоргскаго—оно не совсѣмъ правильно по отношенію къ нему и по другимъ причинамъ. Не то, чтобы нашъ композиторъ былъ непремѣнно «выше» этого опредѣленія, но что онъ покрываетъ его собою—это несомнѣнно. Я первый готовъ восхищаться глубокимъ реализмомъ сцены корчмы, мѣтко схваченными чертами народнаго юмора въ сценахъ насмѣшливаго величанія народомъ боярина Хрущова (послѣдній актъ оп. «Борисъ Годуновъ»), я первый содрогаюсь при шепотѣ Бориса «чуръ, чуръ дитя!» [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ я все-таки остаюсь при слѣдующемъ мнѣніи: Мусоргскій настолько сблизилъ искусство съ жизнью, что границы между первымъ и второй у него совершенно теряются. И потомъ онъ вводитъ насъ въ сферу магическихъ заклинаній Мареы въ «Хованщинѣ», даетъ потрясающую сцену галлюцинацій въ «Борисѣ Годуновѣ» [2]), заставляетъ насъ въ оркестровой фантазіи «Ночь на Лысой горѣ» подняться на Лысую гору въ общество вѣдьмъ и кикиморъ.

Сказать-ли, что онъ былъ романтикъ? Пожалуй, можно указать, что этотъ терминъ идетъ также къ Мусоргскому—этому музыкальному врагу мечтательности и грезъ—какъ дамская шляпа къ головѣ солдата. Но я первый отказываюсь признать, что въ творчествѣ Мусоргскаго совсѣмъ нѣтъ романтическихъ элементовъ: возьмите, помимо упомянутой сферы «ужаснаго», это облюбованіе сѣдой старины, которое видно и въ «Борисѣ», и въ «Хованщинѣ», этотъ религіозный экстазъ послѣдняго монолога Бориса и финальнаго хора раскольниковъ въ «Хованщинѣ» и вы согласитесь со мной.

Думаютъ подойти къ Мусоргскому со стороны техники и говорятъ, что онъ былъ нехорошій техникъ. Я не подпишусь подъ фразой о Мусоргскомъ француза Барона (R. Baron): «не въ пріемы просодіи, ни въ двойные контрапункты, ни въ смѣлыя сопоставленія непредвидѣнныхъ тональностей... ни во что подобное не втиснуть вамъ такого гиганта, какъ Мусоргскій» — не подпишусь потому, что это отзываетъ преувеличеніемъ. Я не скажу, далѣе, чтобы ряды квинтъ «игры въ

---

[1]) Монологъ II акта.

[2]) Монологъ Бориса изъ II акта.

хлестъ»[1]) особенно ласкали слухъ, что нельзя было-бы найти лучшихъ техническихъ средствъ для выраженія богатыхъ идей послѣдняго монолога Бориса. Но я поставилъ-бы вопросъ: всегда-ли эти нарушенія техническихъ правилъ такъ ужъ безсознательны у Мусоргскаго, не являются-ли онѣ скорѣй результатомъ его художественнаго credo, выразившагося въ одномъ изъ его писемъ между прочимъ слѣдующимъ образомъ: «Намъ скажутъ: «Вы попрали законы Божія и человѣческіе!» Мы отвѣтимъ: «Да», и подумаемъ: «То-ли еще будетъ»[2]). Мнѣ кажется, Мусоргскій слишкомъ неотдѣлимъ отъ своей техники.

Я хотѣлъ-бы уклониться отъ вопроса, почтительно-ли относится нашъ авторъ къ богинѣ чистой красоты, чистаго искусства и не сбрасывалъ-ли онъ ее скорѣе съ пьедестала—хотѣлъ-бы уклониться именно потому, что мѣрило красоты также едва-ли приложимо къ Мусоргскому. Что храмъ чистой красоты готовъ былъ отворить свои двери нашему художнику, это онъ доказалъ польскимъ актомъ въ «Борисѣ». Я слишкомъ люблю Мусоргскаго. чтобы долго настаивать на томъ, что отсутствіе способностей къ звуковой красотѣ, къ шопеновской или листовской идеальной красотѣ звука заставило его создать въ своемъ родѣ культъ некрасоты — культъ строго мотивированный. Вотъ нѣсколько цвѣтовъ на алтарь этого культа: «Художественное изображеніе одной красоты въ ея матеріальномъ значеніи—грубое ребячество, дѣтскій возрастъ искусства». писалъ онъ 13 іюля 1872 года. «Тончайшія черты природы человѣка и человѣческихъ массъ, назойливое «ковыряніе» въ этихъ малоизвѣданныхъ странахъ и завоеваніе ихъ — вотъ настоящее призваніе художника». Но творчество Мусоргскаго едва-ли укладывается и въ рамки соціальныхъ проблемъ, соціальной пропаганды—точка зрѣнія, съ которой преимущественно смотрятъ на Мусоргскаго нѣкоторыя лица. Мусоргскій былъ слишкомъ сильной, простой, примитивной натурой, чтобы удѣлять въ своемъ творчествѣ мѣсто тенденціи. Что онъ любилъ придавать соціальную окраску своему творчеству, мотивировать его—съ этимъ трудно не согласиться; гораздо труднѣе признать, что это случалось ante, а не post factum. Я-бы хотѣлъ подчеркнуть здѣсь еще то, что художникъ съ истинной натурой борца, агитатора, не примииулъ-бы хоть немного пошалить литературнымъ перомъ, удариться въ литературу. чего мы не видимъ у Мусоргскаго.

Я понимаю Мусоргскаго какъ непосредственный взрывъ народнаго генія, какъ фокусъ, многогранную призму, въ которой отразилось все пѣсенное творчество народа. Я понимаю его какъ суроваго баяна нашего народа, какъ послѣднюю, пожалуй, страницу нашего эпоса. какъ до апогея доведенный культъ внѣшняго націонализма. Въ концѣ XIX вѣка онъ съумѣлъ разсказывать ужасы съ спокойной улыбкой на устахъ. Какъ

---

[1]) II актъ «Бориса Годунова».

[2]) Письмо къ В. В. Стасову 2 января 1873 г.

истый духовный сынъ народа, онъ умѣетъ поразить безстрастіемъ смерти и говорить о послѣдней, какъ о должномъ и чуть-ли не прекрасномъ. Возьмите разсказъ Шуйскаго [1]), гдѣ упоминается о разлагающихся мертвыхъ тѣлахъ, и вслушайтесь въ спокойные гармоническіе ходы этого мѣста—не скажете-ли вы, что это—безстрастность первобытнаго, эпическаго творчества? Возьмите самосожженіе раскольниковъ въ «Хованщинѣ»—оно прямо превосходно, ибо авторъ умѣетъ заставить признать ужасное.

Я понимаю Мусоргскаго, какъ великаго мистика; при этомъ я подчеркиваю народную окраску мистицизма Мусоргскаго. Не согласитесь-ли вы, прослушавъ «Бориса», что авторъ очень любитъ, между прочимъ, колокольный звонъ, который онъ передаетъ не стенографически, но воспроизводя его загадочное обаяніе; не согласитесь-ли вы далѣе, что сцена въ кельѣ Пимена, этой загадочной личности, заставляетъ насъ проникнуться мистическимъ величіемъ монастырской жизни, чему особенно способствуетъ гармонія этого мѣста, тщательно избѣгающая септаккордовъ. А сцена съ галлюцинаціями?

Я понимаю, наконецъ, Мусоргскаго, какъ глубоко талантливаго поэта состраданія, давшаго рядъ трогательныхъ музыкальныхъ образовъ несчастныхъ людей: юродивыхъ, нищихъ, сиротъ. Я-бы хотѣлъ указать на ту лѣстницу или скалу человѣческихъ страданій, изображенныхъ имъ, которая, начинаясь съ картины полукомическихъ невзгодъ ребенка (вокальный сборникъ «Дѣтская»), доходитъ чуть-ли не до соціальнаго анализа въ «Хованщинѣ». А эти юродивые («Савишна», «Борисъ» и т. д.), протягивающіе къ намъ руки, причитывающіе, укающіе! Пожалуй, Мусоргскій воспринялъ въ себя много элементовъ поэзіи состраданія Льва Толстого и Достоевскаго.

Я не знаю композитора, котораго музыкальный языкъ былъ-бы такъ убѣдителенъ, который такъ подчинялъ-бы своему эстетическому credo. Мусоргскій умѣетъ заставить полюбить, помимо своихъ привлекательныхъ сторонъ и свои—не скажу дикости, но экстравагантныя выходки. Прослушавши его «Бориса», говоришь себѣ: «да, тѣ національно-народныя задачи, которыя преимущественно поставилъ себѣ авторъ, выполнены имъ превосходно!»

Мусоргскій силою своего таланта заставляетъ насъ помириться и съ немного грубой концепціей «пѣсни о комарѣ» и «игры въ хлестъ» [2]) и съ своимъ ультра-націонализмомъ, прибѣгающимъ къ совершенно внѣшнимъ пріемамъ характеристики польской національности—ритмомъ мазурки [3])—и придающимъ даже любовному чувству, свободному лирическому изліянію національную окраску [4]). И трудно не сказать, что въ

---

[1]) II актъ «Бориса Годунова».

[2]) II актъ «Бориса Годунова».

[3]) III актъ.

[4]) ibidem.

этомъ слушателю особенно помогаетъ и глубокая оригинальность мелодическаго склада композитора, хотя и не исключающая нѣкоторой монотонности, и вѣрный взмахъ художественной кисти въ передачѣ сильныхъ драматическихъ моментовъ (всѣ монологи Бориса), и, наконецъ, мѣтко схваченная психологія толпы, давшая захватывающую картину народнаго бунта [1]).

Я только что коснулся вопроса объ оригинальности. Мнѣ хотѣлось-бы закончить эту замѣтку констатированіемъ, что трудно указать композиторовъ, рѣшительно повліявшихъ на Мусоргскаго—въ этомъ отношеніи и въ нѣкоторыхъ другихъ онъ напоминаетъ Берліоза—онъ имѣлъ завидное право, въ концѣ XIX вѣка, назвать себя оригинальнымъ, независимымъ, почти свободнымъ отъ постороннихъ вліяній. Съ этимъ отчасти связано слѣдующее. Не легко указать міросозерцаніе, которое такъ-бы стройно и логично вылилось, было-бы такъ договорено до конца; въ этомъ отношеніи Мусоргскій неуязвимъ. Можно лишь поставить вопросъ о качествахъ этого міросозерцанія, вопросъ: пойдемъ-ли мы за нимъ?

А. К.

Диспутъ или комедія.

Такой вопросъ невольно возникалъ въ умѣ лицъ, присутствовавшихъ 8-го декабря въ актовомъ залѣ с.-петербургскаго университета на диспутѣ приватъ-доцента г. Чечулина, защищавшаго диссертацію на степень доктора русской исторіи. Диссертація г. Чечулина («Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II») еще до диспута вызвала въ печати критическіе отзывы, отмѣтившіе такіе недостатки въ трудѣ докторанта, которые лишаютъ его работу серьезнаго научнаго значенія. Многочисленная публика, собравшаяся въ университетъ, слѣдила съ тѣмъ большимъ интересомъ за ходомъ преній, чѣмъ сомнительнѣе вырисовывался благопріятный для г. Чечулина исходъ диспута. Оффиціальные оппоненты, профессора В. И. Ламанскій и С. О. Платоновъ, указали на незнакомство автора диссертаціи съ польскимъ языкомъ, необходимымъ для изученія дипломатическихъ сношеній, завершившихся раздѣломъ Польши; кромѣ того, г. Чечулина уличали въ искаженіи общаго характера политики Екатерины II и Панина и въ тенденціозномъ приписываніи имъ націоналистическихъ замысловъ. Кромѣ того, г. Платоновъ поставилъ докторанту въ упрекъ неряшливость и запутанность изложенія. Послѣ такихъ замѣчаній, сдѣланныхъ оффиціальными оппонентами, посыпался на г. Чечулина цѣлый градъ обвиненій со стороны частныхъ оппонентовъ. Оказалось, что и съ французскимъ языкомъ онъ ознакомленъ болѣе, чѣмъ поверхностно, начитанность его не только въ

---

[1]) IV актъ.

польской, но и въ современной иностранной и русской исторической литературѣ страдаетъ многими существенными пробѣлами... Мы считаемъ излишнимъ вдаваться въ подробную оцѣнку возраженій, которыя были направлены по адресу г. Чечулина; диссертація его будетъ разсмотрѣна обстоятельно на своемъ мѣстѣ. Изъ состязанія въ университетѣ, во всякомъ случаѣ, выяснилось съ полною очевидностью, что изслѣдованіе г. Чечулина не представляетъ никакой научной цѣнности, а защита его показала непригодность для лекторской дѣятельности съ университетской кафедры. Очевидцамъ диспута, незнакомымъ съ академической рутиной, могло казаться, что послѣ такихъ нападокъ на диссертацію со стороны лицъ, приглашенныхъ высказаться самимъ университетомъ, она будетъ признана неудовлетворительной. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ давать высшую ученую степень автору изслѣдованія, обнаружившему на публичномъ состязаніи свою бездарность и научную несостоятельность? Скептики выражали, однако, увѣренность, что факультетъ, удалившійся по окончаніи преній для совѣщанія, все таки удостоитъ докторанта искомой имъ степени, такъ какъ исходъ диспута всегда бываетъ *предрѣшенъ*. И дѣйствительно, факультетъ большинствомъ голосовъ одобрилъ только-что раскритикованную диссертацію, возбудивъ своимъ рѣшеніемъ шиканье и свистки въ университетской залѣ. «Храмъ науки» превратился въ залъ театра, въ которомъ разочарованная публика шумно выражаетъ свое неудовольствіе по адресу автора провалившейся комедіи. Если диспутъ самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія, если защита докторанта нисколько не вліяетъ на исходъ преній, если факты, выясненные во время живого состязанія не влекутъ за собой никакихъ практическихъ выводовъ,—то во что-же обращается вся эта процедура, какъ не въ лицемѣрный самообманъ и турниръ мелкихъ самолюбій? Зачѣмъ, спрашивается, такъ старательно уязвляютъ другъ друга представители ученой корпораціи, сознающіе лучше, чѣмъ кто-либо, безплодность своихъ пререканій? Почему хранятъ невозмутимую серьезность эти университетскіе авгуры, внушая присутствующей на диспутахъ публикѣ обманчивую увѣренность, будто передъ ней рѣшается важное, многозначительное дѣло?.. Для образованнаго общества, конечно, далеко небезразлично, какими дѣятелями заполняются университетскія кафедры, въ чьи руки переходитъ завѣдываніе высшимъ образованіемъ. Оно не можетъ относиться безучастно къ пристрастной раздачѣ ученыхъ степеней, дающихъ широкую власть надъ умами нарастающихъ поколѣній. Бездарный книжникъ и буквоѣдъ, достигнувъ профессуры, явится не распространителемъ просвѣщенія, а источникомъ умственной заразы, подавляющей всякое свѣтлое и живое начинаніе. Инстинктъ самосохраненія заставитъ его поддерживать и выдвигать себѣ подобныхъ; еслибы не было такого «подбора», откуда взялось бы странное *большинство голосовъ*, признавшее за докторантомъ мнимыя научныя заслуги? Отчего молчали эти голоса, когда подготовлялось рѣ-

шеніе? Отчего они не вступились открыто за своего избранника, когда тотъ изнемогалъ подъ бременемъ яростныхъ и, увы, не отпарированныхъ нападокъ? Чѣмъ-же, какъ не вопіющею предвзятостью можно объяснить комплиментарную для докторанта отмѣтку послѣ состязанія, завершившагося въ дѣйствительности посрамленіемъ?

Прискорбнѣе всего въ данномъ случаѣ, какъ мы уже отмѣтили, коренной разладъ между церемоніаломъ диспута и его внутреннимъ содержаніемъ. Отстаивая по внѣшности свободу научнаго обсужденія, наиболѣе заинтересованныя въ этой свободѣ лица наносятъ ей изподтишка предательскій ударъ, превращая поприще умственнаго состязанія въ арену лицемѣрной борьбы ничтожныхъ самолюбій. Еслибы публика знала, что исходъ диспута бываетъ предрѣшенъ, она врядъ ли интересовалась-бы такъ отзывчиво перипетіями псевдо-научнаго спорта, предоставивъ любителямъ его упражняться въ тиши академическаго уединенія. Диспутъ, который ведется не для безпристрастной критической оцѣнки, а для безцѣльнаго самоуслажденія—не диспутъ, а комедія, недостойная людей, призванныхъ служить наукѣ и добру.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» втеченіе декабря мѣсяца.

Альбовъ М. Н. Приключенія одвого скитальпа. Москва. 1897. Ц. 1 р.

Арбузовъ. Сказки. Рига. 1896. Ц. 60 к.

Багешотъ. Научные законы развития народовъ въ связи съ наслѣдственностью и естественнымъ подборомъ. Переводъ съ четвертаго франц. изданія. Харьковъ 1896. Ц. 75 коп.

Балобнова Е. Рейнскія легенды. Спб. 1897. Ц. 1 р. 40 коп.

Барацъ С. М. Задачи вексельной реформы въ Россіи. (По поводу проекта устава вексельнаго 1893 г.). Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Белохъ Ю. Исторія Греціи. Переводъ М. Гермензона, т. I. Москва. 1897. Ц. 2 р.

Беръ В. В. Стихотворенія. Спб. 1897. Ц. 2 руб.

Бертенсонъ Л. О бальнеологическихъ средствахъ Россіи. Спб. 1896. Ц. 20 коп.

Бехтеревъ В. М. О локализаціи сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка. Спб. 1896.

Бобынинъ приватъ-доц. В. В. Изслѣдованія по исторіи математики. выпускъ II, III. Москва 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Брандтъ Б. Ф. Борьба съ пьнствомъ заграницей и въ Россіи. Кіевъ. 1897. Ц. 60 к.

Бѣлоконскій И. П. Народное начальные образованіе въ Курской губерніи. Съ діограммою и картограммою. К. 1897.

Васневскій Г. Гипнотизмъ у животныхъ. Цереводъ Теселкана. Хвалывскъ. 1896. Ц. 35 коп.

Введенскя Е. В. Ради дѣтей. Спб. 1897. Ц. 1 руб.

Волконскій князь Сергѣй. Очерки русской исторіи и русской литературы. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Герасименко П. П. Миньятюри. Харьковъ. 1896. Ц. 1 р.

Глаголевъ, проф. С. Запретныя идеи. Сергіевъ—Посадъ 1897. Ц. 40 коп.

Гнѣдичъ П. Исторія искусствъ, томъ I. выпускъ 1, съ 4 раскрашенными таблицами и 163 рисунками въ текстѣ. изд·А. Ф. Маркса. Цѣна за все изданіе въ 12 выпускахъ 12 р.

Гофманъ Августъ. Начальная хрестоматія нѣмецкаго языка. выпускъ I. Спб. 1897. Ц. 50 коп.

Грибовскій приватъ-доцентъ В М. Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Гротъ П. Физическая кристаллографія, перевелъ А. П. Нечаевъ подъ ред. и съ примѣчаніями Ф. Ю. Левенсона-Лессинга. Часть II и III. Спб. 1897.

Гурьевъ А. Матеріалы для библіографіи русской-экономической литературы по денежному вопросу. Спб. 1896. Ц. 50 коп.

Г. Михаилъ. Конспектъ описательной анатоміи человѣка. Выпускъ I. Москва. 1897. Ц. 20 коп.

Дарвинъ Чарльзъ. Выраженіе душевныхъ волненій. Переводъ д-ра философіи Филиппова. Спб. 1896.

Для путешествующихъ по Европейской Россіи и Азіи. Изданіе Ф. Сурина. Казань. 1896. Ц. 75 к.

Догановичъ Анна. Ѳомка-дуракъ. Москва. 1896. Ц. 15 коп.

Душечкинъ Я. Раздѣльная азбука. Новгородъ. 1895. Ц. 15 коп.

— 15 таблицъ объ обученіи грамоты. Ц. 60 коп.

— Объясненіе и дополненіе къ таблицамъ и къ раздѣльной азбукѣ. Ц. 10 к.

Жбанковъ Д. К. Отхожіе промыслы въ Смоленской губерніи въ 1892 — 1895 гг. Смоленскъ. 1896.

Ивинъ А. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Москва. 1896. Ц. 15 коп.

Ивановъ В. В. Обычное право крестьянъ. Харьковской губерніи. Выпускъ I. Харьковъ. 1896.

Ипопечный кредитъ въ Австро-Венгріи. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 коп.

Итогъ жизни. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Кайгородовъ Димитрій. Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Изданіе третье. Спб. 1892. Ц, 1 р.

— Собиратель грибовъ, изд. 2-е. Спб. 1891.

— Изъ зеленаго царства. Спб. 1895.

— О нашихъ перелетныхъ птицахъ. Спб. 1896. Ц. 20 к.

— Черная семья. Изд. 2-е. Спб. 1894. Ц. 25 коп.

— «Лепестки». Разсказы, оьерки и картинки. Спб. 1876.

— 4-й Стѣнной календарь Петербургской весны. Спб. 1896.

Калымовъ В. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Москва. 1896. Ц. 15 коп.. книжки I и II.

Ковалевскій Максимъ. Происходеніе современной демократіи. т. IV. Москва. 1897. Ц. 2 р,

Колеръ проф. Право, какъ элементъ культуры. Переводъ А. Э. Вормса. Москва. 1896. Ц. 20 коп.

Корженевскій Борисъ. По востоку. Москва. 1897. Ц. 2 р. 75 коп.

Кукъ Дж. П. Новая химія. Переводъ А. В. Алехина. Подъ редакціею М. И. Коновалова. Москва. 1897. 1 р. 75 коп.

Ловоссъ Эрнестъ. Очерки по исторіи Пруссіи. Переводъ А. Тимофеевой. Москва. 1897. Ц. 1 р.

Левенецъ В. А. Альбомъ узоровъ.. для вышиванія по канвѣ крестикомъ и гладью. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 2 р.

Лейкинъ Н. А. Среди причта. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Лоранъ Эмиль, д-ръ. Тюремный міръ. Переводъ съ франц. С. Шклявера. (Юридическая библіотека. № 13). Спб. Изд. Я. Канторовича. Ц. 1 р. 60 коп.

Маминъ-Сибирякъ Д. Н. Аленушкины сказки Москва. 1897. Ц. 75 коп.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Вып. X. Балахнинскій уѣздъ. (Отд. II. Изслѣдованіе доходности земельн. угодій) Изд. Нижегородск. губ. земства. Н.-Н. 1896 г.

Менделевичъ. Р. А. Святочныя поэмы. Москва. 1897. Ц. 50 коп.

Мироновъ, С. П. Оспа. Хвалынскъ. 1897. Ц. 15 коп.—Дифтеритъ. Ц. 15 коп.—День добраго міра, Ц. 5 коп.

Moulé, L. Исторія ветеринарной медицины. Переводъ подъ ред. Гр. Кириллова. Часть I. Казань 1896. Ц. 65 коп.

Наша мать природа. Москва. 1896. Ц 1 р.

Объяснительная записка къ отчету Государственнаго Контроля по исполненію государственныхъ росписей и финансовыхъ смѣтъ за 1895. Спб. 1896.

Отчетъ о дѣятельности бывшаго Спб. комитета грамотности за 1895. Спб. 1896.

Отчетъ прилукскаго общества сельскихъ хозяевъ за 1895. Прилуки 1896.

Отчетъ государственнаго Контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1895. Часть I, II. III. Спб. 1896.

Путешествіе въ Италію. Спб. 1896.

Путеводитель по Волгѣ, Камѣ. Изданіе Ф. Сурина. Спб. 1896. Ц. 75 коп.

Поѣздки къ бывшимъ Волжскимъ Столицамъ. Изд. Ф. Сурина. Казань 1896. Ц. 75 коп.

По замѣчательнымъ мѣстамъ Поволжья. Изд. Ф. Сурина. Казань 1896. Ц. 1 р.

Ратгаузъ, Д. Пѣснь сердца. Москва. 1897. Ц. 1 р.

Сагарадзе, М. I. Значеніе А. С. Грибоѣдова въ умственномъ развитіи русскаго общества и вліяніе монгольскаго ига на Россію. Кутаисъ 1895. Ц. 40 коп.

Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1895 г. Изд. Нижегородскаго губ. земства. Н.-Н. 1896 г.

Сѣргѣевъ, С. Вопросы русской промышленности. Одесса. 1897. Ц. 40 коп.

Сибирское переселеніе. Спб. 1896. Ц. $1^1/_2$ коп.

Станюковичъ, К. М Среди моряковъ. Москва. 1897. Ц. 60 коп.

Тихомировъ, Д. И. Записки о губернскихъ краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ въ Твери 1896 г. Изд. редакціи журн. «Дѣтское Чтеніе». Въ пользу Общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимся въ Тверск. губ. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Трухачевскій. Записки. Крейцерова Соната исполнителя. Спб. 1896. Ц. 50 коп.

Туръ, Н. А. Австрійскій уставъ гражданскаго судопроизводства 1895 года, въ сопоставленіи съ нашимъ уставомъ. Спб. 1896

Фаулеръ Томасъ. Прогрессивная нравственность. Переводъ съ англійскаго А. Погодина, подъ ред. Владиміра Соловьева. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Цицеронъ Туллій. De Suppliciis (о казняхъ). Рѣчь противъ Г. Верреса. Казань. 1896.

Цицеронъ Туллій. Рѣчь за Л Мурену. Перевелъ съ латинскаго Н. Черняевъ. Ревель. 1895.

Шараповъ. С. Ѳ. Цифровый анализъ разсчетнаго баланса Россіи за пятнадцатилѣтіе 1881—1897. Спб. 1897.

Шахрай. Л. М. Маккавеи. Историческій этюдъ для еврейскаго юношества. Изданіе второе. Одесса. 1896. Ц. 15 к.

Шерръ I. Всеобщая исторія литературы. Переводъ подъ ред. П. И. Вейнберга. Выпускъ XIV и XV.

Шмуклеръ, д-ръ А. К. Онанизмъ у дѣтей Кіевъ. 1896. Ц. 30 коп.

Шмулевичъ. Я. М. Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ, съ особеннымъ отдѣломъ о содержаніи и уходѣ за ними. Спб. 1896. Ц. 3 р.

Шидловскій, Владиміръ. Къ ученію о дифференціяхъ и интегралѣ. Спб. 1896. Ц. 40 коп.

Шмелевъ, Иванъ. На скалахъ Валаама Москва 1897. Ц. 80 коп.

Шперкъ Ѳедоръ. Діалектика бытія. Аргументы и выводы моей философіи. Спб. 1897. Ц. 40 к.

Эварницкій Д. И. Исторія запорожскихъ казаковъ. 1686—1734. Томъ III. Спб. 1897. Ц. 4 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

„БРОКГАУЗА и ЭФРОНА"

(начатый проф. **И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ**),

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. **Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО**,

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. **А. Н. Бекетовъ** (біологич. науки).
С. А. Венгеровъ (исторія литературы).
Проф. **А. И. Воейковъ** (географія).
Проф. **Н. И. Карѣевъ** (исторія).
А. И. Сомовъ (изящн. искусства).
Проф. **Д. И. Менделѣевъ** (химико-техн. и фабрично-завод.).
Проф. **В. Т. Собичевскій** (сельско-хозяйственный и лѣсоводство).
Владиміръ Соловьевъ (философія).
Проф. **Н. Ѳ. Соловьевъ** (музыка).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ выходитъ каждые два мѣсяца полутомами. въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 34 полутома. Всего полутомовъ предполагается до пятидесяти. Цѣна за каждый полутомъ въ (переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

СЛОВАРЬ обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ литературы. исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарѣ статей составляется самостоятельно русскими учеными и спеціалистами. причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболѣе полно и тщательно. Значительная часть русской географіи обрабатывается членами географическихъ экспедицій, посѣтившими съ научными цѣлями описываемыя ими мѣстности. Для каждой губерніи и области дается спеціальная карта. Кромѣ географическихъ картъ. приложены разнообразныя иллюстраціи, служащія наглядной составной частью энциклопедическаго цѣлаго.

По соглашенію редакціи „ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ" и редакціи журнала „СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ", заявленія на подписку принимаются въ Главной конторѣ журнала „СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ": С.-Петербургъ, Троицкая улица, д. № 9.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится задатокъ 20 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся на лицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ трехъ рублей. Правительственныя и частныя учрежденія задатка не вносятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

ЮЖАНИНЪ

газету литературную, политическую и общественную.

Выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ праздниковъ.

Условія подписки съ дост. и перес.: на 1 м.—1 р., на 2 м.—1 р. 75 к., на 3 м.—2 р. 50 к., на 4 м.—3 р., на 5 м.—3 р. 50 к. на 6 м.—4 р., на 7 м. — 4 р. 60 к., на 8 м.—5 р. 20 к., на 9 м.—5 р. 80 к., на 10 м.—6 р. 30 к., на 11 м. — 6 р. 70 к., на 12 м.—7 руб. За границу къ подписной платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяцъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, въ два срока: съ доставкою: къ 1 января—4 р. и къ мая—3 р.: безъ доставки: къ 1 января 3 р. 50 к. и къ 1 мая 2 р. 50 к.

Подписка и объявленія принимаются: въ гор. Николаевѣ (Херсон. губ.), въ конторѣ редакціи «Южанина», уголъ Соборной и Спасской ул., д. О. И. Рюминой. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца.

Редакторъ-издатель генер.-маіоръ **М. В. Рюминъ.**

Газета политическая, общественная и литературная

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія: 1. передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 3. Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 4. Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.). 5. Телеграммы. 6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7. Корреспонденціи. 8. Новости науки, литературы и искусства. 9. Театръ и музыка. 10. Внутреннія извѣстія. 11. Земская и городская хроника. 12. Внѣшнія извѣстія. 13. Судебный отдѣлъ. 14. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критическія статьи, научные очерки и проч.). 15 Библіографическія замѣтки. 16. Смѣсь. 17. Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьк. Вѣд.“.

Условія подписки: съ перес. иногор. На 12 мѣс. 10 р., на 11 мѣс. 9 р. 50 к., на 10 мѣс. 9 р., на 9 мѣс. 8 р., на 8 мѣс. 7 р., на 7 мѣс. 6 р. 20 к., на 6 мѣс. 5 р. 75 к., на 5 мѣс. 5 р., на 4 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 3 р., на 2 мѣс. 2 р. 10 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

Открыта подписка на 1897 годъ

на ежедневную политическую, литературную и общественной жизни газету

ВОЛЫНЬ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На одинъ годъ 6 р., на полгода 3 р. 60 к., на 3 мѣсяца 2 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ 1 р.

Для годовыхъ подписчиковъ, служащихъ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, допускается слѣдующая разсрочка: къ 1-му января 2 р., къ 1-му іюня 2 р., и къ 1-му октября 2 р., для всѣхъ остальныхъ—полугодовая съ платой 3 р. при подпискѣ и 3 р. къ 1-му іюня.

Съ новаго года мѣстный отдѣлъ „Волыни“ будетъ значительно расширенъ, для чего приглашены спеціальные корреспонденты изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ юго-западнаго края.

Издатель А. М. Когенъ.
Редакторъ Е. А. Фидлеръ.

ЖИЗНЬ и ИСКУССТВО

КІЕВСКАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА

съ пояснительными къ тексту рисунками и съ двухъ-недѣльными художественными приложеніями, будетъ издаваться въ 1897 г. по прежней программѣ.

Условія подписки: на 1 годъ—8 руб., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—4 руб., къ 1 мая—2 р. и къ 1 іюля—2 р., а для служащихъ въ администр., судебн., обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 р. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная улица, № 8—А (Музыкальный переулокъ).

Редакторъ-Издатель М. Е. Краинскій.

Открыта подписка на 1897 г. (годъ III)

на единственную во всей Средней Азіи съ ежемѣсячн. иллюстрир. приложеніями, ежедневн., политическую, обществен., торгово-промышлен. и литературную газету

ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Основная задача газеты—возможно полное изученіе Закаспійскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

„Закаспійское Обозрѣніе" въ 1897 году будетъ издаваться въ томъ-же духѣ и видѣ, какъ и въ 1896 году: правдивость, возможная полнота и разнообразіе мѣстныхъ и общихъ извѣстій: отклики на событія дня: живое обозрѣніе областной и городской жизни и фельетонъ для легкаго чтенія будутъ стоять на первомъ планѣ.

Кромѣ того будутъ выдаваться ежемѣсячно при газетѣ „Художественныя Приложенія", въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ. Въ этихъ приложеніяхъ, между проч. будутъ помѣщаться портреты выдающихся обществ. дѣятелей, виды и типы городовъ и народовъ Средней Азіи вообще и Закаспійской области въ особенности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—8 руб.; на полгода—5 руб.; на три мѣсяца 3 руб. 50 к. За границу—12 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи газеты „Закаспійское Обозрѣніе" (Асхабадъ, Анненковская улица, домъ К. М. Ѳедорова).

Редакторъ-Издатель *К. М. Федоровъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый журналъ литературный, научный и политическій

ЖИЗНЬ.

Журналъ будетъ выходить съ 1 января 1897 г. въ С.-Петербургѣ, три раза въ мѣсяцъ (1, 11 и 21) книгами большого формата in 8° въ 10—12 печатн. листовъ (162—200 стр.) каждая.

Въ программу журнала войдутъ слѣдующіе отдѣлы: I. Романы, повѣсти, разсказы (преимущественно русскихъ авторовъ), стихотворенія и пр. II. Научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанья и искусствъ, въ популярномъ изложеніи. III. Статьи по общественнымъ вопросамъ. IV. Критика и библіографія. V. Русская жизнь. VI. Заграничная жизнь. VII. Театръ, музыка, живопись. VIII. Смѣсь.

Подписная цѣна за годовое изданіе «ЖИЗНИ», состоящее изъ тридцати шести книгъ, **семь** рублей съ доставкой и пересылкою. Заграницу—**7** р. золотомъ.

При обращеніи непосредственно въ контору «ЖИЗНИ» (**С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. № 30**) допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные. По особому соглашенію съ конторой допускается разсрочка на болѣе льготныхъ условіяхъ (отъ 1 рубля ежемѣсячно).

Контора редакціи: С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. № 30.

Редакторъ-Издатель **С. В. Воейковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г. (Годъ VII).

На издающуюся въ Ростовѣ на Дону ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ

Условія подписки въ Россіи съ дост. и перес.: на годъ 9 р., 11 м. 8 р. 50 к., 10 м. 8 р., 9 м. 7 р. 25 к., 8 м. 6 р. 50 к., 7 м. 5 р. 75 к., 6 м. 5 р., 5 м. 4 р. 25 к., 4 м. 3 р. 50 к., 3 м. 2 р. 75 к., 2 м. 2 р., 1 м. 1 р. За пересылку газеты за-границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 к. въ мѣсяцъ. За перемѣну адреса платится 50 к.

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа. въ Ростовѣ на Дону въ главной конторѣ газеты «Приазовскій Край». Въ отдѣленіяхъ конторы: въ Таганрогѣ—у А. Б. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія, по Итальянск. пер., № 19. Въ Новочеркасскѣ—у Н. В. Туркина, Комитетская ул. Въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Т. Галладжіанца. Въ Маріуполѣ—у П. Н. Фалькевича. Въ Ейскѣ—у Ѳ. С. Куцева. Въ Новороссійскѣ—у Э. А. Маринаки. Въ Азовѣ—у В. В. Золотарева. Въ Луганскѣ—у П. Е. Кочетова. Въ Александровскѣ-Грушевскомъ—у Б. М. Файвишевича. типографія. Въ Пятигорскѣ—у А. М. Мануилова, типографія. Въ Грозномъ—у Е. П. Садовникова. Въ Бахмутѣ—у И. Р. Грилихесъ. Въ Армавирѣ—у Р. Ф. Уманцевой. Въ ст. Каменской—у В. И. Волокитина, типографія. Въ ст. Константиновской обл. в. Д.—у М. И. Кучерова.

Редакторъ-издатель С. Х. Арутюновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

на издающуюся въ г. Казани большую ежедневную общественную, литературную политическую и торгово-промышленную газету

КАМСКО-ВОЛЖСКІЙ КРАЙ.

Самая подробная разработка текущихъ вопросовъ общественной жизни мѣстнаго края и возможно полное отраженіе его дѣйствительныхъ нуждъ и интересовъ ставятся основной задачей изданія.

Въ поясненіе нѣкоторыхъ статей и событій общественной жизни будутъ помѣщаться время отъ времени иллюстраціи въ текстѣ газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для иногород. подписч.: На годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣс.—2 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 руб.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Главной Конторѣ Редакціи (Казань, Воскресенская, Пассажъ, № 22. Телефонъ редакціи № 366). Иногородніе адресуютъ: Казань, редакція «Камско-Волжскаго Края».

За редактора профессоръ **Н. П. Загоскинъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА МОРСКУЮ И ГОРОДСКУЮ ГАЗЕТУ

КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ

Подписная цѣна: съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 11 м.—7 р. 50 к., на 10 м.—7 р. 25 к., на 9 м.—6 р. 50 к., на 8 м.—6 р., на 7 м.—5 р. 25 к., на 6 м.—5 р., на 5 м.—3 р. 75 к., на 4 м.—3 р., на 3 м.—2 р. 50 к., на 2 м.—1 р. 75 к.. на 1 мѣс.—1 руб.

Подписка принимается: въ Кронштадтѣ: въ конторѣ редакціи. Въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ Стасюлевича, «Новаго Времени», Фену, Риккера и въ конторѣ объявленій Метцль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г. (Годъ X).

на ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

издающуюся въ гор. СЕВАСТОПОЛѢ.

Газета, выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, является самой большой въ Таврической губерніи. Въ случаѣ особенно важныхъ событій, въ дни послѣпраздничные, городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

Условія подписки: *Съ дост. и перес.*: На годъ 8 р., на $^1/_2$ г. 5 р., на $^1/_4$ г. 3 р. на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р., къ 1-му іюля—остальные 2 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. *Севастополѣ* — въ редакціи «Крымскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Спиро, въ гор. *Симферополѣ*—въ отдѣленіи конторы, на Екатерининской улицѣ, домъ Спиро, въ *Ялтѣ*—въ магазинѣ г-на Синани, въ *Мелитополѣ*—въ отдѣленіи конторы въ «Центральномъ» аптекарск. магазинѣ О. Г. Гинцбурга, въ *Бахчисараѣ* — у г-на Колтуна, въ *Бердянскѣ* — въ книжномъ магазинѣ Г. А. Эдигера и Комп., въ *Ѳеодосіи* — въ отдѣленіи конторы «Крымскаго Вѣстника», Полицейская улица, домъ Карабанова.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

на ежемѣсячный земскій журналъ

ВѢСТНИКЪ ПСКОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА,

Издаваемый при Псковской Губернской Земской Управѣ.

Программа Вѣст.: 1. Законы и распоряженія Правительства, до земскихъ учрежденій относящіяся. 2. Рѣшеніе Псковскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствія. 3. Земская хроника. 4. Постановленія городскихъ Думъ и хроника городскихъ общественныхъ управленій. 5. Статьи и замѣтки по земскимъ вопросамъ. 6. Сельско-хозяйственный отдѣлъ. 7. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Одна книжка постановленій губернскаго земскаго собранія и 8 книжекъ постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній Псковской губерніи. Сельско-хозяйственный обзоръ Псковской губерніи.

Подписная цѣна: Съ дост. и перес. во всѣ города Россіи на годъ 1 р. 50 к.

Подписка принимается: Псковъ. Губернская Земская Управа, а также и во всѣхъ уѣздныхъ управахъ Псковской губерніи.

Открыта подписка на 1897 г. (Годъ XXII).

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ"

Вступая въ XXII годъ изданія, «Оренбургскій Листокъ» попрежнему будетъ придерживаться характера мѣстной лѣтописи, или мѣстной хроники, такъ какъ редакція, съ самаго основанія газеты поставила себѣ задачей вести «*Оренбургскій Листокъ*» такъ, чтобы онъ былъ «мѣстнымъ» органомъ печати не по названію только, а дѣйствительно «*Оренбургскимъ*»—по своему содержанію.

„Листокъ Объявленій"

Газета «*Оренбургскій Листокъ*» выходитъ по воскресеньямъ, а «*Листокъ Объявленій*» въ будни, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна на годъ 5 руб., съ дост. и перес. 5 руб. 20 коп.

Адресъ редакціи: Оренбургъ, Перовская улица, домъ № 40.

Редакторъ-издатель И. И. Евфимовскій-Мировицкій.

«РУСАЛКА» въ СИЛУЭТАХЪ,

или подпишитесь въ 1897 г., на юмористическій журналъ

„БУДИЛЬНИКЪ“.

ФЕЕРІЯ въ одномъ явленіи.

Подписчикъ (безпомощно разсматривая журналы).—Журналы, журналы, очень много мурналовъ!.. На какой только подписаться?

Мефистофель (появляясь изъ массы журналовъ)—Если ищете нѣчто серьезно-юмористическое, то подпишитесь на журналъ «Будильникъ». Еженедѣльно обозрѣваетъ Москву, Петербургъ, особенно провинцію и заграницу; все смѣш ое и заслуживающее осмѣянія изображаетъ въ стихахъ, въ прозѣ, въ рисункахъ, перомъ, карандашомъ и красками.

Подписчикъ.—Ба, знакомый! я видѣлъ тебя на Всерос. выставкѣ..: А какая премія на 1897 г.?

(Шумъ и трескъ. Является „Русалка“ въ силуэтахъ).

Подписчикъ.—Что вижу? О, чудное созданье! (Мефистофелю). Ты опять за старыя шутки: Фауста соблазнилъ Маргаритой, а меня—русалкой...

Мефистофель.—Но какой русалкой!.. Вѣдь это «Русалка» А. С. Пушкина, въ 12 силуэтахъ художника Изенберга, съ полнымъ текстомъ поэмы великаго поэта...

Подписчикъ.—Неужели, какъ Фаусту, мнѣ нужно душу отдать?

Мефистофель.—Нынче души не въ цѣнѣ. Обойдется дешевле: Подпишитесь на журналъ «Будильникъ». Подписка принимается въ Москвѣ въ редакціи «Будильника». За годъ съ преміей и перес. 10 руб. Живущимъ въ Москвѣ—на 1 рубль дешевле.

Подписчикъ.—Нельзя-ли въ разсрочку?

Мефистофель.—Если такъ скупы, уплатите 5 руб. при подпискѣ, а 5 руб. въ іюнѣ 1897 года.

Подписчикъ.—Шучу, не нуждаюсь. Уплачу 10 руб. Гораздо больше тратимъ часто на одинъ обѣдъ или ужинъ, а тутъ за 10 рублей я буду «питаться» цѣлый годъ и еще получу „Русалку“, въ силуэтахъ...

Мефистофель.—Разумныя рѣчи пріятно слушать!.. Не забудьте адресъ: Москва, редакція «Будильника».

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“.

(34-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой:		На города съ пересылкой:		За границу съ пересылкой:	
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.
» 6 »	5 » 50 »	» 6 »	6 » — »	» 6 »	9 » — »
» 3 »	3 » — »	» 3 »	3 » 50 »	» 3 »	4 » 80 »
» 1 »	1 » — »	» 1 »	1 » 20 »	» 1 »	1 » 90 »

«Русскія Вѣдомости» будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору **«Русскихъ Вѣдомостей»**, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногородныхъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при перемѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ *въ Москвѣ съ доставкой* на 1 мѣсяцъ—85 коп., съ пересылкой *въ другіе города* на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Годъ изд. 3-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897

дешевое ежемѣсячное литературное изданіе

выходитъ въ форматѣ и объемѣ большихъ дорогихъ литературныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ составъ книжекъ входятъ: новые романы, повѣсти и разсказы (историческія и современные) русскихъ и иностранныхъ писателей.

„ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА" даетъ обильный и полезный матеріалъ для семейнаго чтенія, какъ для городскихъ и сельскихъ подписчиковъ, такъ и вообще для лицъ, не имѣющихъ возможности выписывать дорого стоющіе журналы.

Въ книжкахъ „ДОМАШНЕЙ БИБЛЮТЕКИ" помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатки старыхъ сочиненій. Въ каждой книгѣ обязательно помѣщаются одинъ или два законченныхъ романа, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи и смѣсь.

Встрѣтивъ со стороны читателей какъ матеріальную поддержку, такъ и выраженіе сочувствія въ многочисленныхъ письмахъ, мы не остановимся и въ дальнѣйшихъ расходахъ, чтобы поставитъ журналъ въ рядъ лучшихъ и полезныхъ изданій. Съ этою цѣлью мы пригласили къ участію въ нашемъ изданіи извѣстныхъ писателей и журналистовъ, новыя литературныя произведенія которыхъ начнутся печатаніемъ съ первыхъ же книжекъ журнала.

Для книгъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» пріобрѣтены слѣдущія новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ), „Лѣсъ дремучій" большой романъ.—Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ „Сергѣй Горбатовъ" и др.). „Угасшая звѣзда", романъ.—Полевой, П. Н. „Страшный анекдотъ". большая повѣсть.—Ясинскій, I. I. („Максимъ Бѣлинскій") „Ясное утро", большой романъ.—Случевскій, К. К. „Мой дядя", разсказъ.—Голицынъ, Д. П. князь („Муравлинъ") „Рѣсанновы", ром. изъ свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. „Чужое", повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ „Нивы"). „Дуэль", повѣсть.—Станюковичъ, К .М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ.—Тихановъ, В. А. (бывшій редакторъ „Сѣвера") „Нехорошее дѣло", романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ, И. Л. „Неудача", повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева) „Любимица", повѣсть.—Величко, В. Л. „Принципы", разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. „Часъ", повѣсть.—Мережковскій, Д. С. „Святой городъ", повѣсть.—Назарьева, К. В. „Болотные огоньки", большой романъ.—Рышковъ, В. А. „Старыя дѣвы". повѣсть.—Тангіева, Е. А., княгиня. „Чужая тайна", большой романъ.—Лебедевъ, В. П. „Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича", историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. „Подвигъ", бол. ром.—Ѳедоровъ, А. М. „Въ степи", больш. ром.—Яковлева, З. Ю. „Кто виноватъ?", романъ.—Чюмина, О. Н. „Злыя чары", пов.—Красновъ, П. Н. „Между двухъ огней", романъ.—Максимовъ, А. К. „Такъ суждено", большой ром.—Свѣтловъ, В. А. „Чорный призракъ", повѣсть.—Заринъ. А. Е. „Призваніе", больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. „Рѣка Калхансъ". повѣсть.—Ежовъ, М. Н. „Случайные гости", повѣсть.—Меньшиковъ, Н. „Игра судьбы", повѣсть.—Уманецъ, Е. О. „За что?", повѣсть.—Гербановскій, Т. М. „Солнышко пригрѣло", разсказъ.—Якупинъ-Захарьинъ, И. Н. „Сноха", разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. „Бродяжка". разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. „Неуловимая", разсказъ.—Майковъ. Н. „Друзья-соперники", разсказъ.—Измаиловъ („Смоленскій"), А. А. „На зарѣ жизни".—Иловайскій, П. I. Дочь ростовщика", романъ.—Сѣверцевъ, Г. Т. „Нравственныя калѣки", повѣсть.—Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Афанасьевъ, И. И. „Позорное наслѣдство", романъ и проч. Въ приложеніяхъ журнала „ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА" будетъ между прочимъ, напечатанъ новый большой романъ ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Подписная цѣна на „ДОМАШНЮЮ БИБЛІОТЕКУ" (съ дост. по Имперіи). На годъ (за 12 кн.) **четыре** р. На полгода (на 6 кн.) **два** р. **50** к. Заграницу (на годъ)—**восемь** рублей. Съ подпиской просятъ обращаться въ главную контору: С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

За редактора А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ). Издатель С. Добродѣевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1897** г. (Годъ XVII).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы. Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна на 1897 г.:

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ИНОГОРОДНИМЪ:

На 12 мѣс. **11** руб., на 11 мѣс. **10** руб. **50** коп., на 10 мѣс. **10** руб., на 9 мѣс. **9** руб. **20** коп., на 8 мѣс. **8** руб. **50** коп., на 7 мѣс. **7** руб. **80** коп., на 6 мѣс. **7** руб., на 5 мѣс. **6** руб., на 4 мѣс. **5** руб., на 3 мѣс. **4** руб.. на 2 мѣс. **3** руб., 1 мѣс. **1** руб. **50** коп.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель **А. А. Іозефовичъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г. (Годъ VIII).

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ,

Научно-популярный журналъ, предназначенный для родителей и воспитателей, имѣющій цѣлію—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ: 1) Оригинальныя и переводныя статьи.—2) Критика и библіографія.—3) Мелкія сообщенія (рефераты).—4) Хроника.—5) Приложенія—литературно педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д.—6) Объявленія. Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ перес. 6 р., полгода 3 р.; съ пересылкой за границу въ годъ 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры за 1891, 1892 и 1894 г. продаются по 2 руб. за годъ и по 3 руб. съ пересылкой Контора редакціи переведена на Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова. Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи и во всѣхъ лучшихъ кн. магаз. обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

За редактора д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

За Издателя наслѣдники Е. А. Покровскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА

XVI г. СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ XVI г.

ПРОГРАММА: 1) Руководящія статьи: 2) Внутреняя хроника: 3) Иностранная хроника: 4) Библіографія: 5) Фельетонъ: Замѣчательныя рѣчи юридическаго содержанія: біографіи выдающихся дѣятелей на юридическомъ поприщѣ. 6) Справочный листокъ: бюллетени судебныхъ мѣстъ; засѣданія ученыхъ обществъ и т. д. 7) Отвѣты редакціи: отвѣты редакціи научнаго характера по всѣмъ вопросамъ судопроизводство и судоустройства и тюрьмовѣдѣнія отвѣты по вопросамъ, касающимся лично редакціи. 8) Юридическая арена: здѣсь будутъ печататься вопросы и отвѣты на оные со стороны читающей публики.

ПРОСИМЪ ОБРАТИТЬ ВНИМАНІЕ НА СЛѢДУЮЩЕЕ:

Въ каждомъ № „Судебной газеты" подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департ. Правительств. Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными и о подъопечныхъ лицахъ, циркуляры минист. юст. и минист. внутр, дѣлъ, воспослѣдовавшіе по соглашенію съ минист юстиціи,—то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты".

Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ кассаціонныхъ и другихъ департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 разъ въ годъ.

Подписчикамъ въ разсрочку и на сроки справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

Желающіе получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще стоимость телеграммы.

Юридическая консультація: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи" или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ **7** р.; на 6 мѣсяцевъ **4** р. **50** к.; на 3 мѣсяца **3** р. и на **1** мѣсяцъ **1** р.
За границу **10** р. въ годъ.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца. За границу подписка въ разсрочку не принимается. Разсрочка въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится **4** рубля к остальные **3** рубля не позже 20-го іюня.

Иногородные адресуются исключительно въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Моховая улица, № 42; городскіе—въ отдѣленіе Конторы: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ юридической литературы Н. К. Мартынова, Б. Садовая № 50 въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая ул., домъ Коха. За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

Редакторъ-издатель *Ф. В. де Векн.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г. (ГОДЪ XXX) НА ГАЗЕТУ

ДОНЪ.
(ВЪ ВОРОНЕЖѢ).

Съ 1897 года газета «Донъ» начинаетъ 30-лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 29-ть лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила больше четверти столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1897 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты, то будетъ сдѣлано.

Условія подписки: съ перес. на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на 1 мѣс. 1 р.

1897 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ 58-й г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО
и
МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1-го Января 1897 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ въ **58-й** годъ своего существованія и будетъ выходить какъ и прежде, аккуратно перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями большого нотнаго формата.—Цѣль изданія „НУВЕЛЛИСТА“, доставить каждому семейству и каждому любителю музыки возможность получать по самой дешевой цѣнѣ, большой выборъ новыхъ, лучшихъ музыкальныхъ сочиненій, по степени трудности доступныхъ для большинства.

ПРОГРАММА „НУВЕЛЛИСТА“: 1) Салонныя пьесы русскихъ и иностранныхъ композиторовъ, въ двѣ и четыре руки (средней трудности). 2) Новые любимые танцы (вальсы, польки, мазурки, кадрили). 3) Русскіе романсы. 4) Легкія пьески для дѣтей для фортепіано. 5) Легкія пьесы для скрипки съ фортепіано. 6) Дѣтскія пѣсенки.

Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ въ 400 страницъ—до 100 музыкальныхъ номеровъ.

Музыкально-театральная газета „НУВЕЛЛИСТЪ будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона и дастъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области музыки и театра.

Редакторъ-Издатель Н. Бернардъ.

ПРЕМІЯ

Каждый подписчикъ на „НУВЕЛЛИСТЪ“ получитъ безплатную премію **полную оперу** въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти нумеровъ и **два портрета** выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна на годъ **5** руб. Съ перес. или дост. 6 руб. За границу съ пересылкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „НУВЕЛЛИСТА“ при музык. магаз. М. Бернарда, Бол. Морская, № 26. Въ Москвѣ у П. И. Юргенсона, Неглинный проѣздъ, № 10.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА“

съ безплатнымъ приложеніемъ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ

безъ предварительной цензуры

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою **семь** руб.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—**4** руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—**3** рубля.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор. прав.)—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящиха подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскіи объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, *внесшіе полную годовую плату за газету,* могутъ обращаться въ контору „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ.

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

на ежедневную литературную, общественно-экономическую и политическую газету

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Выходитъ ежедневно, кромѣ послѣпраздничныхъ дней.

Основная задача газеты—разработка общихъ, областныхъ и мѣстныхъ вопросовъ, съ освѣщеніемъ какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ сторонъ русской общественной жизни, и представительство нуждъ края.

Для этого редакція имѣетъ корреспондентовъ, кромѣ главныхъ пунктовъ Поволжья во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и торговыхъ пунктахъ по линіямъ Самаро-Златоустовской, Оренбургской, и Западно-Сибирской жел. дор., а именно: Оренбургѣ, Уфѣ, Златоустѣ, Міассѣ, Челябинскѣ, Троицкѣ, Кочкарѣ, Курганѣ, Уральскихъ горныхъ заводахъ.

Газета издается при ближайшемъ участіи Н. Гарина (Н. Г. Михайловскаго). Составъ редакціи увеличенъ новыми сотрудниками.

Въ «Самар. Вѣст.» приним. участіе слѣдующія лица: А. Алексѣевъ (псевд.), М. Р. Бейлинъ, Е. А. Валле-де-Барръ, Н. Гаринъ, (Н. Г. Михайловскій), Б. Гермесъ (псевд.), Р. Гвоздевъ, (псевд.), М. М. Гранъ, В. С. Голубевъ, Dixi (псевд.), П. П. Инфантьевъ, В. А. Іоновъ, Д. Кузнецовъ, И. А. Керчикеръ, М. Н. Корнѣевъ, А. К. Клафтонъ, Крыловъ, П. В. Левашевъ, П. П. Масловъ, А. И. Матовъ, Мефистофель (псевд.), А. М. Михайловъ, А. Невскій (псевд.), С. С. Неуструевъ, С. П. Неуструевъ, Онъ (псевд.), Д. Пгвловскій, Перо (псевд.), Н. П. Подбѣльскій, К. Г. Прибытковъ (Раз—евъ), А. Н. Потресовъ. В. В. Португаловъ, Рудинъ, А. А. Санинъ, Самарецъ (псевд.), Сащинъ Сфинксъ (псевд.), П. Н. Скворцовъ, А. Степной (псевд.), П. Б. Струве, М. И. Туганъ-Барановскій, В. П. Ушаковъ, А. Яблоновскій, Н. Е. Ѳедосѣевъ и др.

„Самарскій Вѣстникъ" будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ въ размѣрѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна прежняя: на годъ 6 р., 6 мѣс., 3 р. 50 к., 5 мѣс. 3 р., 4 мѣс. 2 р. 40 к., 3 мѣс. 1 р. 80 к., 2 мѣс. 1 р. 20 к., 1 мѣс. 60 к.

Редакторъ-издатель *Н. К. Реутовскій.*

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ ГЛАВНОМЪ УПРАВЛЕНІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Программа и сотрудники остаются прежніе.

Въ неофиціальной части 1896 г. были помѣщены между прочимъ, слѣдующія статьи: Русская педагогика XVIII вѣка. М. И. Демкова.—Къ вопросу о чистотѣ русскаго языка. К. Житомірскаго.—«Изъ записокъ по русской грамматикѣ» проф. А. А. Потебни. В. Яковлева.—Современныя направленія въ методикѣ иностр. языковъ. П. Киппера.—Изъ области высшей ариѳметики. Е. Ф. Литвиновой.—Въ чемъ сущность алгебры, проф. В. Ермакова.—Учебный цвѣтникъ. А. Князева.—Къ вопросу о классномъ черченіи географическихъ картъ А. П. Михневича.—Замѣтка объ умноженіи и дѣленіи дробей. И. П. Долбня.—Къ вопросу о курсахъ для заикающихся. Д-ра Н. В. Берлинскаго.—Описаніе приспособленій для электр. освѣщенія въ классахъ Александровскаго кадетскаго корпуса. Д-ра А. Смирнова.—Обзоръ дѣтскихъ книгъ. М. В. Соболева.—Рефераты, критика и библіографія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно.

Подписная цѣна за годъ: съ доставкой и пересылкой—5 р. Заграницу 6 р. 50 к. Иногородные адресуютъ: въ редакцію Пед. Сб. Спб. Уголъ Фурштадтской и Друскеникскаго пер., д. 12—4, кв. 9.

Редакторъ Алексѣй Острогорскій.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1897 (девятый годъ).

НА ГАЗЕТУ

„МЕДИЦИНА"

Подъ редакціей профессора Юрьевскаго Университета Степана Михайловича Васильева.

Изданіе, посвященное всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены выходитъ въ объемѣ—2-хъ листовъ (лѣтомъ 1-го листа) четыре раза въ мѣсяцъ по прежней программѣ: 1) Самостоятельныя статьи, лекціи и предварительныя сообщенія русскихъ авторовъ и переводныя статьи и лекціи иностранныхъ авторовъ по всѣмъ отраслямъ клинической медицины, по всѣмъ отдѣламъ общественной и частной гигіены, эпидеміологіи, судебной медицины и гидрологіи, а также по общей патологіи, фармакологіи, анатоміи, физіологіи и патологической анатоміи. 2) Общіе обзоры по различнымъ медицинскимъ вопросамъ. 3) Статьи по исторіи медицины. 4) Новости медицины изъ русской и иностранной литературы. 5) Статьи и замѣтки по народной, особенно русской, медицинѣ. 6) Критика и библіографія медицинскихъ книгъ, статей больничныхъ отчетовъ и изданій, могущихъ чѣмъ либо интересовать врачей. 7) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и и о защитѣ диссертацій. Научныя корреспонденціи, хроника и мелкія извѣстія объ ученыхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ, слухи и выдержки изъ газетъ, имѣющіе исключительно научный интересъ, а также правительственныя распоряженія, могущія чѣмъ либо интересовать врачей. 9) Частныя объявленія и публикаціи, за исключеніемъ рекламъ, о вновь вышедшихъ медицинскихъ книгахъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: пр.-доц. Г. М. Герценштейнъ, проф. Н. Ө. Голубовъ, проф. А. П. Губаревъ, проф. Г. А. Захарьинъ, проф. Ковалевскій, проф. Курчинскій, проф. Мухинъ, д-ръ Нечаевъ, проф. Патенко. проф. Подрезъ, проф. Поспѣловъ, прив.-доц. Д. Д. Поповъ, проф. Н. М. Поповъ, д-ръ Рудневъ, проф. Скворцовъ, проф. Снегиревъ, проф. Тарновскій, прив.-доц. Ө. К. Трапезниковъ, проф. Шилтовъ, проф. Ясинскій, пров. А. В. Якобсонъ, д-ръ С. С. Яковлевъ, проф. В. Ө. Чижъ, проф. В. В. Чирковъ и др.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—редакція, Гороховая, д. № 40.

Съ будущаго 1897 года подписная цѣна понижается вмѣсто *восьми* рублей на *пять* рублей за годовой экземпляръ съ доставкой и пересылкой, причемъ программа и объемъ изданія остаются прежнія.

Статьи высылаются въ редакцію газеты «МЕДИЦИНА» С.-Петербургъ, Гороховая, д. № 40. Оставшіеся экземпляры за 1895 и 1896 гг. продаются въ редакціи по 5 рублей съ пересылкой.

Годъ XV. **Открыта подписка на 1897 г.** Годъ XV.

на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

выходящую въ г. Казани ежедневно. (Съ 1-го января газета будетъ выходить и по понедѣльникамъ).

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГАЗЕТЫ — возможно полное изученіе мѣстнаго Камско-Волжскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: для иногород. На годъ 9 р., па полг. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 р.

Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ **3** руб., 1 апрѣля **3** руб., 1 іюля **3** руб., для городскихъ — 2 руб., 1 марта 2 руб., 1 апрѣля 2 руб., 1 іюня **1** руб.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1897 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1-го января 1897 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ „Волжскаго Вѣстника" въ Казани, на Покровской ул., домъ Пермяковой.

Редакторъ **Н. Рейнгардтъ.**
Издательница **С. Рейнгардтъ.**

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ). **1897.**

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ. Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата, съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями. Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета „Сынъ Отечества“ въ первомъ (большомъ) изданіи

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получать 52 нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ. 2) Двѣнадцать нумеровъ „Моды и Рукодѣлія“, замѣняющіе „Модный Журналъ“. 3) Стѣнной календарь разсылается, какъ прибавленіе при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты „**Сынъ Отечества**“ (первое изданіе), въ 1897 г., получатъ: Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя А. Михайлова—„**ГРѢХИ ПРОШЛАГО**“. Большой романъ, не вошедшій въ „Полное собраніе сочиненій“.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на первое изданіе (съ дост.): На годъ **8** р.—На полгода **4** р.—На три мѣсяца **2** р.—На одинъ мѣс. 1 р. Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

4

Второе изданіе газеты „Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.

Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

2

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на второе изданіе (съ дост. и перес. по Россіи): на годъ **4** руб. На полгода **2** руб. На три мѣсяца **1** руб.
Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“, въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТЕННЫЙ АЛЬБОМЪ.

„БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ“

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ дост.) одинъ руб. 50 коп.

Главная контора: СПБ., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.
Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

1897 г. Открыта подписка на журналъ годъ VIII.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

На 1897 годъ „Вопросамъ Философіи и Психологіи" вновь обѣщали свое сотрудничество слѣдующія лица: Н. А. Абрикосовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, В. Анри, Н. Н. Баженовъ, А. Н. Бекетовъ, А. Н. Бернштейнъ, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ, В. Р. Буцке, А. С. Бѣлкинъ, В. А. Вагнеръ, В. Вальденбергъ, А-дръ И. Введенскій, Ал-ѣй И. Введенскій, Д. Викторовъ, П. Г. Виноградовъ, Н. Д. Виноградовъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, В. А. Гольцевъ, Н. Я. Гротъ, Л. О. Даркшевичъ, Н. А. Звѣревъ, Ѳ. А. Зеленогорскій, В. Н. Ивановскій, Н. А. Иванцевъ, А. П. Казанскій, П. А. Каленовъ, М. И. Каринскій, В. О. Ключевскій, А. А. Козловъ, Я. Н. Колубовскій, М. С. Корелинъ, С. С. Корсаковъ, Н. Н. Ланге, Л. М. Лопатинъ, П. Н. Милюковъ, П. В. Мокіевскій, Л. Е. Оболенскій, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, В. П. Сербскій, В. С. Серебренниковъ; П. П. Соколовъ, Вл. С. Соловьевъ, С. А. Сухановъ, А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, Г. И. Челпановъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. И. Шишкинъ.

Программа журнала: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи. Въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографіи. 4) Философская психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1897 г. по 1-е января 1898 г.) безъ доставки—**6** р., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., заграницу—8 р. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ „Новаго Времени" (Спб., Москва, Одесса и Харьковъ). Карбасникова (Спб., Москва, Варшава), Вольфа (Спб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ, принимается въ конторѣ журнала: Большая Никитская, д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала «Русская Мысль»).

Редакторы {**Л. М. Лопатинъ.** / **В. П. Преображенскій.**}

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества **Н. Я. Гротъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

Уральскій Листокъ.

газета литературно-политическая и экономическая.

Газета выходитъ въ Н.-Уральскѣ (областномъ) ДВА раза въ недѣлю, съ безплатнымъ приложеніемъ для городскихъ подписчиковъ ежедневныхъ телеграммъ „Росс. Тел. Агентства".

Подписная цѣна для городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ: на годъ—6 р., на полгода—3 р., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—75 к.

Допускается разсрочка подписной цѣны для сельскихъ учителей и учительницъ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка на «Уральскій Листокъ» и объявленія принимаются въ Н.-Уральскѣ, въ редакціи газеты и при типо-литографіи М. А. Жаворонковой, Казанская площадь, домъ № 14-й.

Редакторъ-издательница *М. А. Жаворонкова.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 годъ (годъ XXIX).

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

большой еженедѣльный художественно-литературный журналъ, занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первыхъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ журналовъ всей Европы. **Ни одинъ журналъ въ Россіи не можетъ сравниться** со „Всемірной Иллюстраціей" ни по изяществу, ни по полнотѣ, ни по объему.

Въ будущемъ, 1897 году, „Всемірная Иллюстрація" останется вѣрна своему высокому призванію—быть строго художественнымъ изданіемъ и живымъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни всего міра—и будетъ издаваться по прежней программѣ, на прежнихъ основаніяхъ, въ томъ-же направленіи и при прежнемъ стремленіи къ постоянному улучшенію во всѣхъ отношеніяхъ, при участіи лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ.

Превзошедшій всякія ожиданія, успѣхъ экстренныхъ приложеній ко „Всемірной Иллюстраціи" прошлыхъ лѣтъ—„Сочиненій Кольцова", „Книги пѣсенъ Гейне" и „Пѣсенъ Беранже"—побуждаютъ ее предложить подписчикамъ на будущій, 1897 г., **два изящныхъ подарка**, какъ бы въ pendant къ прежнимъ художественно-литературнымъ изданіямъ. Чтобы угодить разомъ любителямъ и серьезнаго и веселаго чтенія, „Всемірная Иллюстрація" дастъ двѣ отдѣльныя книги двухъ корифеевъ западной литературы: **„Натанъ-мудрецъ"**, драматическую поэму Готгольда-Эфраима Лессинга въ новомъ переводѣ В. С. Лихачева, извѣстнаго переводчика произведеній Мольера и Корнеля, переводы котораго были неоднократно премированы и **„Декамеронъ-Боккачіо"**, избранныя новеллы въ переводѣ русскихъ писателей. **Обѣ книги съ великолѣпными иллюстраціями знаменитыхъ европейскихъ художниковъ.**

„Натанъ-Мудрецъ" представляетъ собою источникъ эстетическаго наслажденія, источникъ мудрости, изъ котораго могутъ черпать и люди преклоннаго возраста, и юноши, начинающіе жить осмысленной жизнью.

Избранныя новеллы изъ „Декамерона" Боккачіо блещутъ свѣжимъ, совершенно своеобразнымъ, юморомъ, брызжутъ веселостью, способной расшевелить самаго серьезнаго человѣка. Кромѣ того. будутъ даны

Отдѣльныя художественныя приложенія разнообразнаго содержанія.

Такимъ образомъ „Всемірная Иллюстрація" за 1897 г. будетъ драгоцѣннымъ и вполнѣ современнымъ изданіемъ для каждой русской семьи, интересъ котораго будетъ прогрессивно увеличиваться.

Подписная цѣна журнала „Всемірная Иллюстрація" со всѣми приложеніями и преміей съ доставкой въ С.-Петербургѣ 17 руб., безъ дост. 15 руб., съ перес. 18 руб. При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ. Въ Одессѣ, въ отдѣленіи конторы при редакціи журнала „Вѣстникъ Винодѣлія" В. Е. Таирова, Канатная, 13. **Цѣна роскошному изданію** (на веленевой бумагѣ) безъ дост. 20 р., съ дост. и перес. 25 р.; въ Москвѣ безъ дост. 22 р.; за границу 30 р.

Допускается разсрочка при подпискѣ 7 руб., затѣмъ къ 1 мая 6 р. и къ 1 сентября остальные 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Всемірной Иллюстраціи". С.-Петербургъ, Садовая, 22.

ГОДЪ II. **Открыта подписка на 1897 г.** *ГОДЪ II.*

на ежедневную газету въ **Ростовѣ на-Дону**

ЮЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 4 руб., за 3 мѣсяца 1 руб.

Объявленія и подписка адресуются въ Ростовѣ на-Дону, въ контору газеты „Южный Телеграфъ".

Редакторъ-издатель **И. Я. Алексановъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1897** г. (Годъ IV).

на выходящее два раза въ недѣлю политико-общественное и литературное изданіе

„ПРИБАЛТІЙСКІЙ ЛИСТОКЪ“

газету мѣстныхъ и общерусскихъ интерессовъ съ ежедневными, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, приложеніями телеграммъ, новостей дня смѣси и объявленій.

Открывая подписку на 1897 г. «**Прибалтійскій Листокъ**» вступаетъ въ 4-й годъ своего существованія и по прежнему остается вѣрнымъ своей программѣ. Ставя своей задачею содѣйствіе сближенію Прибалтійской окраины съ центромъ на началахъ примиренія народностей и взаимнаго ознакомленія культурнымъ путемъ, онъ намѣренъ держаться строго исторической объективной почвы, отстаивая интересы и нужды всѣхъ народностей, населяющихъ Прибалтійскій край, и одинаково внимательно изучая ихъ національныя свойства и особенности.

Новая программа „ПРИБАЛТІЙСКАГО ЛИСТКА“:

1) *Передовыя статьи по разнымъ вопросамъ,* 2) *Телеграммы,* 3) *Новости дня,* 4) *Фельетонъ:* періодическія обозрѣнія русской и иностранной жизни, общественно-житейскія замѣтки, статьи научнаго характера, преимущественно историческія и этнографическія, 5) *корреспонденціи,* 6) *маленькій фельетонъ:* бесѣды на мѣстныя злобы дня. 7) *обзоръ русской и мѣстной печати,* 8) *Извѣстія о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ,* 9) *Беллетристика,* 10) Вопросы изъ области языка, 11) Статьи о сельскомъ хозяйствѣ и промышлености, 15) Статьи художественнаго и научнаго содержанія, 16) *Статьи о театрѣ и музыкѣ,* 17) *Торговый отдѣлъ,* 18) *Справочный,*— *Смѣсь,* 19) *Иллюстраціи,* 20) *Объявленія.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ дост. и перес.: Съ приложеніями **5 р. въ годъ, помѣсячно 50 к.**

Подписная плата вносится впередъ. *Отсрочка* перваго взноса подписной платы *не допускается.*

Адресъ редакціи: г. Рига, Больш. Грѣшная ул., № 11, кв. 5.
« **конторы:** « уг. Кузнечной и Крѣпостной ул. № 1/2.

Редакторъ: М. М. ЛИСИЦИНЪ.
Редакторъ-Издательница: В. В. ТРОИЦКАЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ въ 1897 г. ЖУРНАЛА

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

вмѣстѣ съ газетою

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

Съ Высочайшаго соизволенія, въ 1897 году *„Русскій Инвалидъ“*, издаваемый подъ одною общею редакціею съ *„Военнымъ Сборникомъ“*, будетъ выходить, по прежнему, ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, а *„Военный Сборникъ“*—ежемѣсячно, книжками до 20 листовъ каждая.

Высочайше утвержденныя программы обоихъ изданій остаются прежнія.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи означенныхъ изданій: на Надеждинской, домъ № 21.

Военно-служащіе и войсковыя части, подписывающіеся на *„Русскій Инвалидъ“* и *„Военный Сборникъ“*, т. на оба изданія вмѣстѣ, платятъ съ дост. и перес. **тринадцать рублей.**

Отдѣльная подписка на газету „Русскій Инвалидъ“ въ Россіи съ дост. и перес. на годъ 9 р., на 11 мѣс. 8 р. 50 к., на 10 мѣс. 8 р., на 9 мѣс. 7 р 50 к. на 8 мѣс. 7 р., на 7 мѣс. 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 6 р., на 5 мѣс. 5 р., на 4 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 3 р. 50 к., на 2 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к. За границей на годъ 15 р., на 11 мѣс. 14 р., на 10 мѣс. 13 р., на 9 мѣс. 12 р., на 8 мѣс. 11 р., на 7 мѣс. 10 р.. на 6 мѣс. 9 р. на 5 мѣс. 8 р., на 4 мѣс. 7 р., на 3 мѣс. 6 р., на 2 мѣс. 4 р., на 1 мѣс. 3 р.

1835. — ОТКРЫТА ПОСДПИСКА — 1897.

БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Возростающая къ каждымъ годомъ распространенность журнала «Живописное Обозрѣніе». даетъ возможность. въ 1897 году. сдѣлать важныя и существенныя улучшенія въ изданіи. не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіеся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что. въ общемъ дастъ гг. подписчикамъ—

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

1) Еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ—52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата. отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается: I. 52 Нумера—„Хроника событій за недѣлю".—II. 12 нумеровъ „Парижскихъ новѣйшихъ модъ" съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья; платьевъ, костюмовъ; шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ.

Ежемѣсячно будетъ выданъ одинъ нумеръ журнала съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками. 2) Ежемѣсячное литературное приложеніе, двѣнадцать большихъ томовъ, въ составъ которыхъ входятъ: новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти. разсказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также стихотворенія, научныя, сельско-хозяйственныя статьи. смѣсь и проч.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

На годъ съ дост. и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. 7 р.—въ Москвѣ **7** р, **75** к. На полгода (съ дост. по Имперіи) **4** р.—На три мѣс. **2** р.—За границу: на годъ—**16** р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—«Библія въ картинахъ знаменитаго художника г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ обёрткѣ), уплачиваютъ **1** р. **50** к. за экземпляръ съ доставкою. а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб., Невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

„ВРАЧЪ".

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1897 году подъ тою-же редакціею и по той-же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Авксентьевича Манасеина (Петербургъ, Симбирская, д. 12. кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе. какъ съ перес. въ др. города, такъ и съ дост. въ Петербургѣ. 9 р.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣс. 2 р. 25 к. Подписка принимается у издательницы—Ольги Александровны Риккеръ (Петербургъ, Невскій, 14)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 годъ НА

ВѢСТНИКЪ

ФИНАНСОВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ,

указатель правительственныхъ распоряженій по министерству финансовъ

И

торгово-промышленную газету.

Програма еженедѣльнаго изданія—Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли сохраняется и на 1897 годъ въ прежнемъ объемѣ. Подписчикамъ „Вѣстника Финансовъ", за небольшую добавочную плату, предоставляется получать Сводъ Тиражей и Торгово-Промышленную Газету.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА

(выходящая ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками)

имѣетъ задачей предоставить торгово-промышленному міру возможно полныя и своевременныя свѣдѣнія о всѣхъ имѣющихъ отношеніе къ торговлѣ и промышленности событіяхъ текущей жизни. Сообразно этому, въ программу „Торгово-Промышленной Газеты" входятъ: постановленія и распоряженія правительства, статьи по вопросамъ финансовъ и экономической жизни; внутреннія и иностранныя извѣстія; свѣдѣнія о главнѣйшихъ ярмаркахъ; телеграммы и торговыя корреспонденціи; биржевые обзоры и бюллетени; свѣдѣнія о состояніи посѣвовъ, торги и поставки. Кромѣ собственныхъ коммерческихъ телеграммъ, въ „Газетѣ" даются и политическія телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

Сводъ тиражей выходитъ по воскресеньямъ и состоитъ изъ совершенно точныхъ таблицъ очередныхъ тиражей и вышедшихъ уже въ тиражъ; но еще не предъявленныхъ къ оплатѣ всѣхъ русскихъ процентныхъ бумагъ. На „Сводъ Тиражей" принимается и отдѣльная отъ „Вѣстника Финансовъ" подписка.

Подписная цѣна:	На годъ.			На полгода.			На три мѣсяца.			
	Съ доставк.	Безъ дост.	За гран.	Съ доставк.	Безъ дост.	За гран.	Съ доставк.	Безъ дост.		За гран.
	Р.	Р.	Р.	Р.	Р.	Р.	Р.	Р.	К.	Р.
Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли	8	7	15	5	4	8	3	2	50	5
съ приложеніемъ Свода Тиражей.	10	9	16	6	5	9	4	3	—	6
съ приложеніемъ Свода Тиражей и Торгово-Промышленной Газеты.	12	11	20	8	7	12	5	4	—	7
Сводъ Тиражей	5	—	8	3	—	4	—	—	—	—
съ приложеніемъ Торгово-Промышленной Газеты.	9	—	18	5	—	10	—	—	—	—

Торгово-Промышленная Газеты: Безъ дост. на 12 мѣс. 5 р., на 11 мѣс. 4 р. 75 к., на 10 мѣс. 4 р. 35 к., на 9 мѣс. 4 р., на 8 мѣс. 3 р. 65 к. на 7 мѣс. 3 р. 35 к., на 6 мѣс. 3 р., на 5 мѣс. 2 р. 50 к., на 4 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 2 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 60 к. Съ дост. на 12 мѣс. 6 р., на 11 мѣс. 5 р. 75 к., на 10 мѣс. 5 р. 35 к., на 9 мѣс. 5 р., на 8 мѣс. на 4 р. 60 к., на 7 мѣс. 4 р. 30 к.. на 6 мѣс. 4 р., на 5 мѣс. 3 р. 40 к., на 4 мѣс. 2 р. 70 к., на 3 мѣс. 2 р., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Загран. на 12 мѣс. 12 р.. на 11 мѣс. 11 р. 50 к. на 10 мѣс. 11 р.. на 9 мѣс. 10 р., на 8 мѣс. 9 р., на 7 мѣс. 8 р., на 6 мѣс.

7 р., на 5 мѣс. 6 р., на 4 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 4 р., на 2 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 2 р.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ—въ редакціи „Вѣст. Фин." (уг. Галерной и Замятина пер., д. Мин. Фин.); въ Москвѣ—въ москов. отд. конторы „Вѣст. Фин." (Малая Лубянка, 7); въ Варшавѣ у Б. Б. Вернера (Королевская, 8); въ Н.-Новгородѣ у П. И. Лелькова: въ Рыбинскѣ у А. В. Шишова; въ Чистополѣ у Е. И. Вихарева; въ Ельцѣ у И. А. Иванюшенкова: въ Казани у А. А. Калинина; въ Костромѣ у Г. В. Шабанова; во всѣхъ губерн. и уѣзд. казначействахъ Имперіи, на биржахъ, а также въ Банкахъ и ихъ отд.: Азовско-Донскомъ, Волжско-Камскомъ Коммерческомъ и Московскомъ Международномъ Торговомъ,

Редакція принимаетъ также подписку на доставленіе по телеграфу или телефону свѣдѣній о цѣнахъ и настроеніи товарныхъ и фондовыхъ рынковъ, русскихъ и иностранныхъ. Условія подписки высылаются по требованію.

Открыта подписка на 1897 г. (годъ VI) на

„ВѢСТНИКЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ"

и

ГОРНАГО ДѢЛА ВООБЩЕ.

Журналъ имѣетъ выходить, по прежнему, 2 раза въ мѣсяцъ, въ размѣрѣ отъ одного до трехъ печатныхъ листовъ, считая въ томъ числѣ и чертежи.

Въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе члены редакціоннаго комитета, состоящаго изъ гг. горныхъ инженеровъ: Н. С. Боголюбскаго, В. Е. Власова, Н. С. Волконскаго, М. В. Гирбасова, В. Д. Коцовскаго, Н. Г. Лебедева, В. С. Реутовскаго, Э. К. Фреймана, М. А. Шостакъ и Г. М. Яцевича. На сотрудничество изъявили согласіе профессора Императорскаго Томскаго унивеситета: А. М. Зайцевъ и Ф. Я. Капустинъ и многіе изъ горныхъ инженеровъ.

Задача изданія,—возможно полное удовлетвореніе потребностей золотопромышленниковъ въ смыслѣ знакомства ихъ со всѣмъ новымъ и выдающимся какъ въ области техники, такъ и въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ хозяйства, исторіи и статистики. Въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи и по другимъ отраслямъ горнаго дѣла и, въ особенности по тѣмъ, которыя дѣлаютъ болѣе яснымъ положеніе золотопромышленности.

Согласно поставленной задачи, въ справочномъ отдѣлѣ журнала будутъ своевременно помѣщены свѣдѣнія о всѣхъ заявкахъ, о пріискахъ, зачисленныхъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и объявленныхъ свободными для новыхъ заявокъ (въ Сибири и на Уралѣ), также всевозможныя распоряженія начальства Восточной и Западной Сибири и Урала.

Кромѣ того, въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ будутъ помѣщены свѣдѣнія о количествѣ добытаго золота въ 1896 году во всей Имперіи по каждому пріиску отдѣльно.

Программа журнала: I. Общее обозрѣніе. II. Горное и заводское дѣло. III. Прикладныя: минер., геологія и геогноз. IV. Исторія, хозяйство и статистика золотопромышленнаго и горнаго дѣла вообще. V. Механика золотого дѣла. VI. Горное законовѣдѣніе. VII. Узаконенія и распоряж. правительства. VIII. Новости и извѣстія. IX. Финансовое положеніе пріисковъ и золоторуднаго дѣла. X. Корреспонденціи. XI. Почтовый отдѣлъ. XII. Библіографія. XIII. Справочный листокъ. XIV. Объявленія.

Въ поименованное содержаніе журнала войдутъ какъ оригинальныя статьи, такъ и переводныя. Все лучшее, уже имѣющееся на иностранныхъ языкахъ или могущее появиться, составитъ, по возможности, необходимый матеріалъ журнала. Статьи, помѣщаемыя въ журналѣ, будутъ изложены общедоступно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: (съ перес. и дост.) На годъ 9 руб., на полгода 5 руб. на 3 мѣс. 3 руб., на 1 мѣс. 1 руб.

Подписка принимается: въ Томскѣ 1) въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина и 2) въ конторѣ редакціи журнала (Затѣевскій переулокъ, домъ Г. Я. Цама); въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ коммиссіонера казенныхъ горныхъ заводовъ, Малая Морская, д. № 9; въ Иркутскѣ—въ редакціи „Восточнаго обозрѣнія" и въ магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-издатель Горный Инженеръ *В. С. Реутовскій.*

„КІЕВСКОЕ СЛОВО"

Ежедневная, литературно-политическая и экономическая газета будетъ выходить въ 1897 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) *Передовыя статьи* по вопросамъ политич.. хозяйствен., педагогич., законодат.. судеб., земск. и т. п. 2) *Телеграммы* внутреннія и заграничныя. 3) *Корреспонденціи* внутреннія и заграничныя. 4) *Извѣстія изъ славянскихъ земель.* 5) *Повѣсти и разсказы.* 6) *Бесѣды* по разнымъ вопросамъ дня *(фельетонъ).* 7) *Обозрѣніе* русскихъ журналовъ и газетъ. 8) *Критика* литературная, художественная и театральная. 9) *Внутренняя хроника*: законодательство и распоряженія правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края. 10) *Справочный отдѣлъ:* курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на „Кіевское Слово" съ доставкой и пересылкой на годъ *10* р., на 6 м.—*6* р., на 3 м.—*4* р., на 1 м. — *1* р. *50* к.; безъ доставки и пересылки—на годъ *3* р., на 6 м.— *5* р., на 3 м.—*3* р., на 1 м.— *1* р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ *5* р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые *5* р.; безъ доставки въ тѣ-же сроки по *4* р Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по *60* к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—*20* к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Идзиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевскаго Слова". Большая Владимірская, д. № 35.

Редакторъ-Издатель *В. М. Богдановъ.*

Открыта подписка на 1897 годъ
на новую большую ежедневную газету калужско-тульскаго края

„КАЛУЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Въ наступающемъ новомъ 1897 году газета „Калужскій Вѣстникъ", не измѣняя принятаго ею направленія, значительно расширить нѣкоторые отдѣлы своей программы—научный, общественной жизни, желѣзнодорожный, сельско-хозяйственный и литературный.

Программа „Калужскаго Вѣстника" состоитъ изъ слѣдующихъ 20 отдѣловъ: 1) Оффиціальный отдѣлъ. 2) Передовыя статьи по вопросамъ мѣстной жизни. 3) Телеграммы. 4) Мѣстная хроника. 5) Статьи и корреспонденціи. 6) Родиновѣдѣніе: свѣдѣнія и матеріалы географическіе, топографическіе, статистическіе, этнографическіе и пр. 7) Сельско-хозяйственный отдѣлъ. 8) Изъ прошлаго. 9) Наши сектанты. 10) Статьи по желѣзнодорожнымъ вопросамъ. Тарифъ. 11) Фельетонъ: научный, общественной жизни и литературный. Повѣсти, разсказы, очерки, рецензіи, сцены, наброски, замѣтки и стихотворенія. 12) Внутреннія извѣстія. 13) Что дѣлается за границей? 14) Спортъ и охота. 15) Театръ и музыка. 16) Судебная хроника. 17) Биржевой отдѣлъ. 18) Смѣсь. 19) Справочный отдѣлъ. 20) Казенныя и частныя объявленія и рекламы.

Условія подписки съ дост. и перес.: на 12 м.—6 р., на 11 м.— 5 р. 75 к., 10 м.—5 р. 50 к., 9 м.—5 р. 25 к., 8 м.—5 р., 7 м.—4 р. 50 к., 6 м.—4 р., 5 м.— 3 р. 50 к., 4 м.—3 р., 3 м.—2 р. 50 к., 2 м.—2 р., 1 м—1 р.

Г.г. новые подписчики, подписавшіеся въ ноябрѣ мѣсяцѣ и внесшіе всю подписную сумму, будутъ получать „Калужскій Вѣстникъ" въ теченіе декабря 1896 г. безплатно.

Подписка принимается: въ г. Калугѣ, въ главной конторѣ редакціи, Никольская ул., д. Халютиной, въ г. Москвѣ: въ конторѣ объявленій Печковской, Петровскія линіи, въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль, Мясницкая, д. Спиридонова, въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль; Большая Морская. 11; въ г. Тулѣ: въ книжныхъ магазинахъ Бѣлобородовой и Пузырева, а также въ конторѣ «Тульскаго Листка Объявленій».

Издательница *М. Н. Лашманова.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1897** Г. НА ЖУРНАЛЪ

XVII ГОДЪ „ОСКОЛКИ" ГОДЪ XVII

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ

Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ „ОСКОЛКИ" съ карикатурами, вступая въ **СЕМНАДЦАТЫЙ** годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1897 году подъ той же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ 1896 году. Журналъ „ОСКОЛКИ" издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій. Редакція старается, по мѣрѣ силъ и возможности, откликаться въ легкой и живой формѣ: карикатурами, юмористическими стихами, фельетонными очерками, сценками, шаржами и пародіями, на всѣ явленія текущей жизни, какъ столичной, такъ и провинціальной. Рисунки печатаются частью черными, частью **ВЪ КРАСКАХЪ**. Въ 1897 году редакція обратитъ вниманіе на всестороннее улучшеніе журнала.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ: съ дост. и перес.: на годъ **9** руб., на полгода **5** руб., на три мѣс. **3** руб. За границу на годъ **10** руб. на полгода года **6** руб.—Безъ дост. и перес.: на годъ **8** р., на полгода **4** р. **50** к., на три мѣсяца **2** р. **50** к.

Допускается разсрочка подписной платы черезъ господъ казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ **Главной Конторой** журнала „Осколки".

Подписка принимается: въ Главной конторѣ журнала „Осколки", въ С.-Петербургѣ (Спасская улица, д. № 17).

Редакторы-Издатели: **Н. Лейкинъ** и **Р. Голике.**

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ съ 1 сентября 1896 г. (годъ III)

ВѢСТНИКЪ ТРЕЗВОСТИ

какъ полезное пособіе для духовенства, школъ, войска и для народа въ борьбѣ съ пьянствомъ.

Программа журнала: I. Правительственныя распоряженія, касающіяся употребленія спиртныхъ напитковъ, торговли ими и т. п. II. Свѣдѣнія о дѣятельности различныхъ Обществъ Трезвости, русскихъ и иностранныхъ. III. Статьи юридическаго, экономическаго, гигіеническаго и медицинскаго содержанія, относящіяся къ вопросамъ о трезвости и пьянствѣ. IV. Письма изъ провинціи. V. Изъ газетъ и журналовъ. VI. Стихотворенія, разсказы, повѣсти и др. статьи бытоваго, нравственнаго и историческаго содержанія. VII. Критика и библіографія. VIII. Объявленія.

«Вѣстникъ Трезвости» допущенъ особымъ отд. Уч. Ком. Мин. Пр. для учительскихъ библіотекъ, начальныхъ школъ, для ученическихъ библіотекъ, учительскихъ семинарій и институтовъ и для безплатныхъ библіотекъ и читаленъ. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сунодѣ рекомендованъ для пріобрѣтенія въ библіотеки духовныхъ семинарій, а равно и въ приходскія библіотеки при городскихъ и сельскихъ церквахъ. Училищнымъ совѣтомъ при Св. Сунодѣ допущенъ въ учительскія библіотеки церковно-приходскихъ школъ. «Вѣстникъ Трезвости» есть первый русскій журналъ, посвященный вопросамъ, **какъ бороться съ пьянствомъ.**

Подписная цѣна въ годъ ОДИНЪ РУБЛЬ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи: Гороховая, 32, и въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени", К. Риккера, Карбасникова, Калмыковой (Литейный пр.), «Развѣдчикъ», Мартынова, Попова (Пассажъ) и др. Есть небольшое количество экземпляровъ журнала за 1895 г. (1-8 №№) ц. 70 к., за 1895 (1 янв.), ц. 1 р., за 1895—6 (1 сент.), ц. 1 р. Редакція беретъ на себя высылку книгъ о вредѣ пьянства и о борьбѣ съ нимъ.

Редакторъ-издатель врачъ *Н. И. Григорьевъ.*

Открыта подписка на 1897 годъ
НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ОБРАЗОВАНІЕ.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать самообразованію и расширенію знаній путемъ ознакомленія въ общедоступныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ; 2) сообщая о всѣхъ достойныхъ вниманія фактахъ изъ жизни и литературы въ Россіи и заграницей, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія (преимущественно народнаго) и ихъ связь съ жизнью и 3) утверждать въ обществѣ правильные взгляды на образованіе и его задачи, указывая на его нужды и средства къ ихъ устраненію.

Кромѣ статей научно-популярныхъ и общепедагогическихъ (числомъ болѣе 100 за годъ), ежемѣсячные отдѣлы: Библіографія (на этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе; даются подробные отзывы о всѣхъ заслуживающихъ вниманія общеобразовательныхъ и научно-популярныхъ сочиненіяхъ, книгахъ для народа и для дѣтей; журнальное обозрѣніе отмѣчаетъ все наиболѣе интересное въ общей печати). Письма изъ провинціи. — На Западѣ (новыя теченія въ литературѣ и жизни заграницей). Изъ области знаній (научныя бесѣды).— Хроника.—Статистика образованія.

Въ 1897 году предполагается значительно расширить отдѣлъ хроники и ввести новые отдѣлы: новости литературы и науки заграницей и обзоръ иностранныхъ журналовъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (1-го числа) книжками около 15 печатныхъ листовъ.

Къ журналу въ 1896 году были даны два приложенія.

Исторія первобытнаго человѣчества. М. Гернеса, пер. съ нѣмец. съ примѣч. и предисл. Н. Березина съ 45 рис.

Исторія человѣческой культуры. I. Гонеггера пер. съ нѣмец. М. Чепинской.

Цѣна за годъ съ приложеніями 5 руб. съ пересылкой.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Басковъ пер., 22.

Редакторъ-издатель **Александръ Острогорскій.**

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1897 ГОДУ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается и въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ 9 р. съ пересылкой. Подписка принимается въ главной конторѣ журнала, въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, домъ № 145, кв. № 1.

Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета будутъ въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на I) отдѣлъ оффиціальный—и II) отдѣлъ научный; въ послѣднемъ будутъ помѣщаемы: А. мелкія статьи, предварительныя сообщенія. рецезіи. библіографическіе обзоры и т. п. Б. крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложеній. съ особой пагинаціей каждое.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб.

Редакторъ **Е. Шмурло.**

Большая ежедневная, политико-общественная и литературная газета

ВОЛГАРЬ

и

Нижегородскій Биржевой Листокъ.

Въ 1897-мъ году (годъ XXIII) газета „Волгарь" будетъ выходить въ свѣтъ въ томъ-же объемѣ и по той-же обширной программѣ, какъ въ 1896-мъ выставочномъ году.

Программа «Волгаря» слѣдующая: 1. Передовыя статьи по вопросамъ общественнымъ, промышленнымъ и политическимъ. 2. Телеграммы собственныхъ столичныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства". 3) Правительственныя извѣстія, относящіяся къ общерусской жизни и къ Поволжскому краю. 4. Столичная почта — важнѣйшія извѣстія изъ Петербурга и Москвы. 5. Мѣстная хроника, сообщенія изъ жизни Нижняго-Новгорода и Нижегородской ярмарки, административныя новости, распоряженія и проч. 6. Театръ и музыка, рецензіи и замѣтки о концертахъ и спектакляхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и Нижегородской ярмаркѣ. 7) Ежедневный фельетонъ-обозрѣніе на злобы дня. 8. Спортъ. отчеты о рысистыхъ бѣгахъ, скачкахъ, и т. п. 9. Поволжскія вѣсти, собственныя корреспондентскія сообщенія изъ городовъ Поволжья о мѣстной общественной и административной жизни, о происшествіяхъ и проч. 10. Наука и искусство, отчеты и замѣтки о засѣданіяхъ мѣстныхъ и иногороднихъ ученыхъ обществъ, объ усовершенствованіяхъ и изобрѣтеніяхъ. 11. Внутреннія извѣстія, изъ разныхъ мѣстъ Россіи о крупныхъ общественныхъ явленіяхъ и происшествіяхъ. 12. Библіографія, отзывы о новыхъ книгахъ, путеводителяхъ и проч. 13. Изъ прошлаго. статьи и сообщенія, относящіяся къ русской старинѣ и прошлому Поволжскаго края. 14. Судебный отдѣлъ, сообщенія о процессахъ и прочія новости судебнаго міра. 15. Газетныя отголоски, ежедневное обсужденіе мнѣній и отзывовъ русской печати. 16. Биржевой отдѣлъ, свѣдѣнія биржевыя и торговыя съ нижегородской, петербургской биржъ, а также многочисленныя корреспонденціи съ хлѣбныхъ пристаней Поволжья. 17. Смѣсь, мелочи, курьезы, анекдоты. 18. Справочный указатель, движенія поѣздовъ, пароходныя отправленія, почтово-телеграфныя свѣдѣнія и проч. и Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, разсказы, очерки и стихотворенія, оригинальныя и переводныя.

Подписная цѣна иногороднимъ на 12 м.—8 р., 11 м.—7 р. 50 к., 10 м. — 7 р., 9 м.—6 р. 50 к, 8 м.—6 р., 7 м.—5 р. 50 к., 6 м.—5 р., 5 м.—4 р. 50 к., 4 м.—4 р.. 3 м.—3 р. 50 к.. 2 м.—2 р. 75 к., 1 м.—1 р. 50 к.

Подписка принимается: въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ главной конторѣ „Волгаря". Въ С.-Петербургѣ у Л. и Э. Метцъ, въ магазинѣ „Новаго Времени" и др. Въ Москвѣ у Метцль, Шабертъ, Ремизова, Печковской, Сенъ-Мартенъ и Гиляровскаго. Въ городахъ Поволжья у коммиссіонеровъ „Волгаря".

Новые подписчики на 1897 годъ, сдѣлавшіе подписку заблаговременно, получатъ **безплатно:** 1) „Волгарь" за ноябрь и декабрь мѣсяцы текущаго года; 2) на память о Нижегородской Всероссійской выставкѣ 1896 года — альбомъ видовъ этой выставки.

Редакторъ-издатель „Волгаря", **Сергѣй Жуковъ.**

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

„ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ".

Выходятъ **ежедневно**, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ перес. на годъ **8** р., на полгода **4** р. **40** к., на три мѣс. **2** р. **60** к. на одинъ мѣс. **1** р.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ПЛАТЯТЪ 6 РУБ. ВЪ ГОДЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: а) въ конторѣ редакціи при губернской типографіи (проспектъ), б) въ екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи.

Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начиная съ января.

31-й г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Новый Русскій Базаръ,

дающій въ своихъ модныхъ нумерахъ полный переводъ французскаго журнала «La mode de Paris».

Новый Русскій Базаръ руководитель моды въ Россіи. Въ теченіе года: болѣе 3000, исполненныхъ по моделямъ извѣстнѣйшихъ модистокъ Парижа, рисунковъ модъ. Нарядовъ дамскихъ. Нарядовъ дѣтскихъ. Нарядовъ маскарадныхъ. Нарядовъ для верховой ѣзды. Нарядовъ для гулянья. Нарядовъ для катанья на конькахъ. Нарядовъ для баловъ. Нарядовъ домашнихъ.—Рисунки разнаго бѣлья. Бѣлья дамскаго. Бѣлья мужского. Бѣлья дѣтскаго.—Разнообразнѣйшія рукодѣлія работы. Рисунки разныхъ вещей и аксессуаровъ дамскаго туалета.—Зонтики. Вѣера. Шляпы. Обувь. Цвѣты. Уборы и пр. Выкройки. Вышивки.

Модный Русскій Базаръ лучшій модный журналъ въ Россіи. Беллетристика оригинальная и переводная. Романы. Повѣсти. Разсказы. Стихотворенія: Мозаика.—Общедоступныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія. Біографіи женщинъ. Хроника женскаго дѣла. Хозяйство и домоводство. Модная хроника.—Почтовый ящикъ съ разнообразными совѣтами и отвѣтами. Гравюры извѣстныхъ художниковъ. Жанръ. Пейзажи. Портреты. Типы и проч.

До 2000 выкроекъ въ натуральную величину на 24 отдѣльныхъ листахъ. Изящно раскрашенныя парижскія модныя картинки работы извѣстнѣйшихъ французскихъ художниковъ (для II и III изд). **24** экстренныхъ приложенія съ модной хроникой и рисунками самыхъ послѣднихъ парижскихъ модъ (hautes nouveautés).

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ ВСѢХЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЙ:

1. Альбомъ новыхъ оригинальныхъ русскихъ монограммъ.—2. 12 картинокъ съ рисунками дамскаго верхняго платья.—3. Два приложенія спеціально дѣтскихъ модъ: 1) весенняго и лѣтняго и 2) осенняго и зимняго сезоновъ.—4. Стѣнной календарь на 1898 годъ. Годовые подписчики на II и III изданія получатъ, кромѣ вышеозначенныхъ 4 премій, еще и книгу. 5. Живопись по фарфору, стеклу, шелку и разнымъ матеріаламъ со многими рисунками.

Годовая цѣна „Новаго Русскаго Базара" на 1897 г.:

Первое изданіе: безъ дост. **5** р., съ дост. **6** р., съ перес. **7** р.—Второе изданіе: безъ дост. **7** р., съ дост. **8** р., съ перес. **9** р.—Третье изданіе: безъ дост. **10** р., съ дост. **11** р., съ перес. **12** р.

При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина. Моховая, д. Бенкендорфъ, цѣна 1 му изданію 6 р., 2-му изданію 8 р., 3-му изданію 11 р.

Въ Одессѣ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи журнала „Вѣстникъ Винодѣлія" В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Допускается разсрочка, но исключительно при подпискѣ въ конторѣ редакціи: при подпискѣ изъ провинціи на 1-е изданіе 4 р., на II-е изданіе 5 р., на III-е изданіе 7 р., а къ 1-му мая остальную сумму, т. е. 3 р., 4 р., и 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Новый Русскій Базаръ". С.-Петербургъ, Садовая, 22.

СБОРНИКЪ ХЕРСОНСКАГО ЗЕМСТВА

в 1897 году будетъ выходить по истеченіи каждаго мѣсяца.

При отсутствіи на югѣ Россіи другого повременнаго земскаго изданія, онъ можетъ служить журналомъ, въ которомъ земскіе люди этого района, а также и вообще лица, интересующіяся земскимъ дѣломъ, найдутъ отвѣты на запросы по разнымъ отраслямъ земскаго хозяйства.

Подписная годовая цѣна 4 руб. съ пересылкой. Подписка принимается въ Херсонской губернской и во всѣхъ уѣздныхъ земскихъ управахъ Херсонской губерніи.

*

Открыта подписка на 1897 г. (годъ XXIX)

НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

газета политическая, экономическая и литературная самая большая и распространенная на югѣ Россіи между русскимъ населеніемъ, по примѣру большихъ столичныхъ газетъ выходитъ ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ (не менѣе 330 №№ въ годъ).

„Новороссійскому Телеграфу" истекаетъ третье десятилѣтіе. Этотъ почтенный возрастъ говоритъ самъ за себя, особенно въ трудномъ журнальномъ дѣлѣ.

Литературныя силы газеты нашей остаются въ томъ-же составѣ. Изъ столичныхъ литературныхъ дѣятелей примутъ участіе извѣстный петербургскій фельетонистъ Буква (г. Василевскій), украшающій страницы „Нов. Телеграфа" девятнадцать лѣтъ, П. П. Гнѣдичъ, Ал. П. Чеховъ (А. Сѣдой) и друг. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ будутъ принимать участіе: М. Неручевъ, Зео (по беллетристическому отдѣлу), Путникъ и друг.

Подписка принимается: въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на углу Дерибасовской и Екатерининской улицъ, домъ Маврокордато, и въ отдѣленіи газеты при типографіи „Нов. Тел." Новая ул., домъ Озмидова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Съ дост. и перес. 1 м. 1 р. 20 к., 2 м. 2 р. 40 к., 3 м. 3 р. 60 к., 4 м. 4 р. 80 к., 5 м 6 р., 6 м. 7 р. 20 к., 7 м. 8 р. 40 к., 8 м. 9 р. 60 к., 9 м. 10 р. 80 к., 10 м. 12 р., 11 м. 13 р., 12 м. 14 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено при годовой подпискѣ.

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку на каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для казенныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1897 года.

Редакторъ-издатель **М. Озмидовъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г. НА ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ
РУСКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

Редакція даетъ *безплатныя приложенія*: альбомы и сѣмена. Въ журналѣ помѣщаются, по мѣрѣ надобности, рисунки и чертежи и даются *безплатно* отвѣты на вопросы сельскихъ хозяевъ.

Сотрудники журнала: *русскіе сельскіе хозяева-практики, профессора и спеціалисты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.*

Безплатное приложеніе къ «ВѢСТНИКУ» на 1897 годъ: АЛЬБОМЪ РУССКИХЪ ПОРОДЪ МОЛОЧНАГО СКОТА—разошлется всѣмъ подписчикамъ, въ концѣ 1897 года, которые внесутъ полную годовую плату за журналъ на 1897 г. (шесть рублей). Этотъ альбомъ состоитъ изъ 10 художественно выполненныхъ фототипій.

Программа журнала:—Статьи по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.—Корреспонденція.—Хроника.—Библіографія.—Вопросы и отвѣты.—Торговыя извѣстія.- Объявленія.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО ПО СУББОТАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ перес. на годъ, съ 1-го января **6** руб., на полгода **3** руб., безъ перес. на годъ **5** руб., на полгода **3** руб.

На годъ съ пересылкою **7** рублей. Отдѣльный померъ 20 коп., а съ заказною пересылкою 30 коп. Цѣна полнаго экземпляра «Вѣстника» за 1896 и 1895 года, вмѣстѣ съ «альбомомъ», **6** рублей, за 1891—1893 года по **2** руб., а за 1890, 1889 и 1894 года по **3** рубля за каждый годъ, съ пересылкою.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: *МОСКВА, Леонтьевскій пер., д. Варженесскихъ.*

Подписка принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель **И. П. Петровъ.**

О ПОДПИСКѢ НА

«Извѣстія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ».

въ 1897 году.

Въ 1897 г. „Извѣстія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ“ будутъ выходить еженедѣльно по прежней программѣ: 1) Новые законы. касающіеся предметовъ вѣдомства Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. 2) Распоряженія Министра. Измѣненія въ личномъ составѣ и награды по Министерству. 3) Циркулярныя предписанія по Министерству, по его Департаментамъ и Отдѣламъ. 4) Отчеты и донесенія Министерству. 5) Свѣдѣнія о сельскохозяйственной дѣятельности Земствъ, Сельскохозяйственныхъ Обществъ и т. п. 6) Статьи и извѣстія по вопросамъ, касающимся предметовъ вѣдѣнія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и сельскаго хозяйства вообще. 7) Таблицы цѣнъ на хлѣба, фрахтовъ и страховыхъ премій. 8) Метеорологическія свѣдѣнія. 9) Библіографическій Отдѣлъ. 10) Объявленія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на годъ и по полугодіямъ съ 1-го января и съ 1 іюля.

Подписная цѣна: Съ пересылкою и доставкою: на годъ—4 р., на $^1/_2$ года—2 р. 50 к.; оставшіеся нераспроданными экземпляры „Извѣстій Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ“ за 1894, 1895 и 1896 годы можно получать въ редакціи по 2 руб. за годовой экземпляръ безъ пересылки; за пересылку слѣдуетъ добавлять, смотря по разстоянію, какъ за посылку въ 2 фунта (1894) и въ 7 фунт. (1895 и 1896).

Объявленія принимаются съ платою за одинъ разъ: за цѣлую страницу 25 р., за $^1/_2$ страницы 14 р., за $^1/_4$ страницы 8 р., за $^1/_8$ страницы 5 р., и за $^1/_{16}$ страницы 3 р., за послѣдующіе разы съ этой платы дѣлается скидка въ размѣрѣ отъ 10% до 25%, сообразно числу напечатанныхъ разъ.

ВѢСТНИКЪ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГІЕНЫ, СУДЕБНОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ.

Выходитъ ежемѣсячно книжками около 15 листовъ каждая.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: для врачей, состоящихъ на службѣ, государственной, земской и частной, и женщинъ врачей—6 р., для не служащихъ врачей и лицъ неврачебнаго сословія—7 руб.

Допускается разсрочка: 2 (или 3) руб при подпискѣ, 2 руб. не позже 1 апрѣля и 2 руб. не позже 1 іюля.

Подписчики на журналъ могутъ получать, безъ уплаты за пересылку, изданія редакціи:

I томъ «СПРАВОЧНОЙ КНИГИ ДЛЯ ВРАЧЕЙ».

Цѣна книги (около 40 листовъ большаго формата) 2 рубля.

II томъ. «СПРАВОЧНОЙ КНИГИ ДЛЯ ВРАЧЕЙ».

Цѣна книги (около 40 листовъ большаго формата) 2 рубля.

АТЛАСЪ ЛѢКАРСТВЕННЫХЪ РАСТЕНІЙ РУССКОЙ ФЛОРЫ (25 листовъ раскрашенныхъ рисунковъ, изготовленныхъ за границей). Цѣна для выписывающихъ II томъ «Справочной книги»—1 руб.; отдѣльно 2 рубля.

Гг. Подписчиковъ, при высылкѣ съ редакцію подписныхъ за журналъ денегъ, или выписываніи изданій редакціи, просятъ, во избѣжаніе задержки въ исполненіи заказа, посылать одновременно въ редакцію увѣдомленіе о сдачѣ денегъ на почту (открытымъ письмомъ, съ означеніемъ адресса и № почтовой квитанціи). При несоблюденіи этого условія исполненіе заказовъ неизбѣжно значительно замедляется, т. к. денежные пакеты съ заявленіями получаются не прямо редакціей, а чрезъ Государственное Казначейство.

И. М. Галанинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г. (Годъ III) НА

Русское Слово

политическую, общественную экономическую и литературную газету.

Безъ предварительной цензуры.

Знамя „Русскаго Слова"—та же священная и широко вѣющая хоругвь, подъ которою создалась, воспиталась и выросла святая Русь; на этомъ знамени ярко горятъ и свѣтятъ великія и дорогія каждому русскому слова: «Православіе», «Самодержавіе» и «Народность».

Задача «Русскаго Слова» — возможно вѣрное отраженіе русскихъ идеаловъ и завѣтовъ, русскихъ думъ и стремленій, выраженіе русскаго взгляда на дѣла внутреннія и внѣшнія и мужественное, искреннее, правдивое и нелицепріятное служеніе, по мѣрѣ силъ, интересамъ дорогой родины, какъ матеріальнымъ, такъ и, по преимуществу, духовнымъ — въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія національнаго самосознанія и истиннаго просвѣщенія.

Программа «Русскаго Слова» отличается полнотой и разнообразіемъ большихъ и дорогихъ столичныхъ газетъ, заключая въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Руководящія (передовыя) статьи. 2) Телеграммы. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Внѣшнія извѣстія. 5) Свѣдѣнія мѣстнаго характера (происшествія, театръ, музыка, картины). 6) Корреспонденціи изъ провинціи и изъ-за границы. 7) Выдержки изъ журналовъ и газетъ. 8) Изложеніе, истолкованіе и разъясненіе законовъ, мѣропріятій и распоряженій правитрльства. 9) Фельетоны научнаго и беллетристическаго характера. 10) Портреты Особъ Императорской фамиліи, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, относящіеся до событій текущей жизни. 11) Смѣсь и шутки. 12) Объявленія.

Срокъ выхода -- ежедневный (кромѣ дней слѣдующихъ за большими праздниками).

Кругъ сотрудниковъ въ наступающемъ году увеличивается привлеченіемъ къ участію въ газетѣ бывшаго сотрудника «Современныхъ Извѣстій», извѣстнаго фельетониста *Берендея.*

Годовые подписчики «Русскаго Слова», подписавшіеся одновременно и на журналъ «Русское Обозрѣніе», могутъ воспользоваться значительною уступкой, уплативъ за оба изданія (ежедневную газету и ежемѣсячный журналъ) всего только—16 руб. (вмѣсто 20 руб.).

Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться исключительно въ наши конторы: 1) Москва, «Русское Слово», Страстной бульв., д. Перлова. 2) Москва, «Русское Обозрѣніе», уг. Тверской и М. Гнѣздниковскаго пер., д Спиридонова.

Подписная цѣна: безъ дост. и перес. на годъ **4** р., полгода **2** р., 3 мѣс. **1** р., 1 мѣс. 40 к. — Съ дост. и пенес. на годъ **5** р., полгода **3** р., 3 мѣс. 1 р. 75 к., 1 мѣс. 60 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи. Москва, Страстной бульваръ, домъ Перловыхъ, кв. 3.

Редакторъ-издатель: Приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго Университета *Анатолій Александровъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ,

издаваемый Кіевскимъ обществомъ сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной промышленности.

Въ наступающемъ 1897 году *(годъ десятый)* журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ, но особое вниманіе будетъ обращено на разработку вопросовъ сельскаго хозяйства въ Юго-Западномъ краѣ и сосѣднихъ районахъ (южная и юго-западная полосы Россіи).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 5 руб. въ годъ и **3** руб. въ полгода.

Подписка принимается въ помѣщеніи Кіевскаго общества сельскаго хозяйства (Кіевъ, Б.-Житомірская, д. № 4).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

НА НОВУЮ БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ГАЗЕТУ

МІРОВЫЕ ОТГОЛОСКИ,

газету политическую, литературную, научную, общественную, финансовую и экономическую, безъ предварительной цензуры. (Всѣхъ нумеровъ выйдетъ 360 въ годъ).

ПРОГРАММА: 1. Руководящія статьи по разнымъ вопросамъ. 2. Телеграммы. 3. Статьи и извѣстія по вопросамъ внутренней и международной политики, а также статьи научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ. 4. Обозрѣніе движенія русскаго и иностраннаго законодательства и государственнаго управленія. 5. Церковный отдѣлъ. 6. Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. 7. Статьи и извѣстія по разнымъ отраслямъ финансовой и экономической дѣятельности. 8. Обозрѣніе событій государственной и общественной жизни. 9. Областныя обозрѣнія. Отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ русскихъ и иностранныхъ. 10. Обзоръ текущей журналистики и замѣчательныхъ явленій литературы русской и иностранной. 11. Статьи и извѣстія по вопросамъ искусства; новости театра, музыки, ремеслъ и проч. 12. Изящная словесность. 13. Судебная хроника. 14. Статьи и извѣстія о движеніи промышленности, сельскаго хозяйства, торговли, горнаго дѣла и торговаго мореходства. 15. Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ русскихъ и иностранныхъ акціонерныхъ компаній и разныхъ видовъ товариществъ. 16. Биржевыя извѣстія. Ярмарки. Урожаи. 17. Рисунки историческіе и бытовые. Портреты замѣчательныхъ дѣятелей. 18. Справочный отдѣлъ. и 19. Казенныя и частныя объявленія.

Условія подписки: «Міровые Отголоски» съ 1 января 1897 года будутъ выходить ежедневно въ двухъ изданіяхъ: первое изданіе будетъ выходить одновременно со всѣми другими петербургскими газетами въ 6 час. утра, а второе, составляющее повтореніе перваго, — въ 10 часовъ утра того-же дня. «Міровые Отголоски» будутъ выходить въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ формата бывшей газеты „Голосъ“ и будутъ печататься подобнымъ-же крупнымъ и четкимъ шрифтомъ.

Подписная цѣна: Безъ дост. годъ—14 руб., 11 мѣс.—13 руб., 10 мѣс.—12 руб., 9 мѣс.—10 руб. 50 к., 8 мѣс.—9 руб. 80 к., 7 мѣс.—9 руб., 6 мѣс.—8 р., 5 мѣс.—6 р. 80 к., 4 мѣс.—5 р. 50 к., 3 мѣс.—4 р., 2 мѣс.—2 р. 80 к., 1 мѣс.—1 р. 50 к. Съ дост.: годъ—16 р., 11 мѣс.—15 р., 10 мѣс.—13 р. 50 к., 9 мѣс.—12 р., 8 мѣс.—11 р., 7 мѣс.—10 р., 6 мѣс.—9 р., 5 мѣс.—7 р. 50 к., 4 мѣс.—5 р. 80 к., 3 мѣс.—4 р. 50 к., 2 мѣс.—3 р. 30 к., 1 мѣс.—1 р. 80 к. Съ перес. иногородн.: годъ—17 р., 11 мѣс.—15 р. 50 к., 10 мѣс.—14 р. 50 к., 9 мѣс.—13 р. 50 к., 8 мѣс.—12 р. 50 к., 7 мѣс.—11 р. 30 к., 6 мѣс.—10 р., 5 мѣс.—8 р. 50 к., 4 мѣс.—7 р., 3 мѣс.—5 р. 50 к., 2 мѣс.—4 р., 1 мѣс.—2 р. Заграницею: годъ—26 р., 9 мѣс.—21 р., 6 мѣс.—14 р., 3 мѣс.—8 р., 2 мѣс.—6 р., 1 мѣс.—3 р.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ—по соглашенію съ конторою чрезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ: 6 р. при подпискѣ, 6 р., въ концѣ марта и 4 р. въ концѣ августа для городскихъ, и 7 р. при подпискѣ. 7 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ августа для иногородныхъ подписчиковъ.

Родписка принимается: въ С.-Петербургѣ. въ главной конторѣ редакціи „Міровыхъ Отголосковъ“, Фонтанка (уголъ Лештукова переулка), домъ № 80, а также въ книжныхъ магазинахъ: Фену и К°, Невскій пр., 40, М. М. Ледерле, Невскій пр., 42, и Н. П. Карбасникова, Литейная ул., 46; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, домъ Коха, и въ Варшавѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 69.

Редакторъ-издатель **К. В. Трубниковъ**,

Открыта подписка на 1897 г. (годъ (XIX)

на газету общественной жизни, политики, литературы, промышленности и торговли

КУРСКІЙ ЛИСТОКЪ

ВЫХОДИТЪ ПО ВТОРНИКАМЪ, ЧЕТВЕРГАМЪ И СУББОТАМЪ.

Условія подписки: для иногороднихъ: на годъ—5 р., 3 мѣс.—1 р. 25 к. Подписка принимается въ Курскѣ, въ конторѣ изданія. Можаевская ул., домъ Фесенко.

Издатель *С. Фесенко.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 Г. (ГОДЪ XII)

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ"

(съ 1 Ноября 1896 по 1 Ноября 1897 года).

„Сельскій Хозяинъ" будетъ выходить по прежнему, безъ предварительной цензуры, подъ редакціей *К. И. Маслянникова* (землевладѣльца Рязанской губ., сельца Рюмки)

по слѣдующей программѣ: Правительственныя распоряженія. Сельскохозяйственная экономія. Полеводство и луговодство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ и охота. Сельскохозяйственная технологія, архитектура и механика. Корреспонденція. Внутренняя и иностранная хроника. Сельскохозяйственный фельетонъ Агриколы: „Изъ дневника неунывающаго хозяина". Вопросы и отвѣты. Библіографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезные адресы. Объявленія.

Годовые подписчики получатъ безплатныя приложенія: десятый выпускъ „Альбома типовъ домашнихъ животныхъ". „За десять лѣтъ", книга Агриколы, т. II. Иллюстрированный „Альманахъ" на 1897 г. и „Вѣчную метеороскопическую таблицу точнаго предсказанія погоды въ Европ. и Азіатской Россіи".

NB. Кромѣ того, втеченіе года, между прочимъ, предположены въ разсылкѣ безплатно: 1) различныя сельскохозяйственныя сѣмена и 2) архитектурные проекты.

Согласно многочисленнымъ заявленіямъ гг. подписчиковъ, изготовлены для «Сельскаго Хозяина» коленкоровые, украшенные орнаментами переплеты, съ кожаными корешками. Каждый переплетъ стоитъ безъ пересылки 1 руб., а съ пересылкой за 2 фунта по разстоянію за каждый.

Въ объявленіяхъ журнала печатаются таблицы тиражей внутреннихъ съ выигрышами займовъ

Срокъ выхода еженедѣльный, по пятницамъ (въ годъ 52 номера).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ: безъ перес. и дост. 5 р.. съ дост. въ Спб. 6 р., съ перес. иногороднимъ 6 р. Съ дост. заграницу за годъ 7 р., за полгода 4 р.,

Гг. иногородные подписчики адресуются въ Главную Контору Редакціи „Сельскій Хозяинъ" (Спб., Кузнечный пер., № 4). Для городскихъ подписчиковъ С.-Петербурга и Москвы имѣются собственныя конторы, въ Спб. Невскій, № 63, и въ Москвѣ—Петровскія торгов. линіи, Тульскій Банкъ.

Редакція журнала «Сельскій Хозяинъ» принимаетъ на себя аккуратнѣйшую выписку, для сельскихъ хозяевъ и вообще для подписчиковъ, всякаго рода книгъ.

Полные экземпляры „Сельскаго Хозяина" за 1887. 1891, 1892, 1894 и 1895 гг. имѣются въ самомъ ограниченномъ количествѣ, по 6 р. за каждый, съ пересылкой. За 1886, 1888, 1889, 1893 и 1896 гг. журналъ распроданъ.

Открыта подписка на 1897 г. (годъ XXV).

на иллюстрированные охотничьи журналы.

ПРИРОДА и ОХОТА

и

ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА.

Подписчики получаютъ 12 книгъ журнала „Природа и Охота" (выходитъ ежемѣсячно) и 50 №№ „Охотничьей Газеты„ (выходитъ еженедѣльно).

Въ концѣ года годовые подписчики получатъ премію „Альбомъ охоты", за 1897 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ дост. и перес. 15 р. За границу 20 р. На пересылку „Альбома охоты" высылается добавочный рубль.

Новымъ подписчикамъ, уплачивающимъ деньги за годъ сполна (16 р.) непосредственно въ редакцію, высылается немедленно по полученіи денегъ „Альбомъ охоты", премія за 1896 годъ безъ добавочной платы. Пробный № высылается, по требованію безплатно.

Адресъ редакціи: Москва, Арбатъ, Большой Афанасьевскій переулокъ, редакція журналовъ: „Природа и Охота» и „Охотничья Газета".

Редакторы-Издатели: Л. П. Сабанѣевъ и Н. В. Туркинъ.

О подпискѣ на 1897 г. (годъ XIX)

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карикатуръ

ШУТЪ

Въ теченіе года журналъ «Шутъ» помѣщаетъ: Болѣе **трехсотъ** раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографіи).—Болѣе **тысячи карикатуръ**.—Перомъ и карандашемъ.—Не менѣе **семисотъ** столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста. **Тысячи** стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п. **Карикатуры**-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ.—**Карикатуры** на худож. выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п.—**Портреты** выдающихся дѣятелей.

Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будетъ печататься:

„ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГЕРОЕВЪ И ГЕРОИНЬ ДНЯ“.

Условія подписки съ перес. и дост.: на годъ—**7** р., на 6 мѣс.—**4** р., за границу—**10** р.—Безъ перес. и дост. на годъ—**6** р. **50** к., на 6 мѣс.—**3** р. **50** к. Разсрочка по соглашенію съ конторою.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Спасская, 17.

За редактора-издатель **Р. Голике.**

Открыта подписка на 1897 г. (годъ XII)

на самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи ежедневную (не менѣе 330 №№ въ годъ) политическую, литературную, общественную и коммерческую газету

Одесскія Новости.

Со дня перехода въ наши руки „Одесскихъ Новостей“, мы стремились постоянно къ улучшенію ихъ въ литературномъ и техническомъ отношеніяхъ, не смущаясь никакими встрѣчавшимися на нашемъ пути препятствіями и не останавливаясь ни предъ какими матеріальными затратами. Возраставшее съ каждымъ годомъ сочувствіе къ намъ читающей публики, выразившееся въ широкомъ и быстромъ распространеніи „Одесскихъ Новостей“ и оказываемой ею намъ постоянной нравственной поддержкѣ, наглядно доказало, что труды наши не пропали даромъ.

Откликаясь на всѣ злобы дня, помѣщая на столбцахъ „Одесскихъ Новостей“ обильный матеріалъ изъ текущей жизни—русской и иностранной—мы не ограничиваемся однимъ сухимъ перечнемъ голыхъ фактовъ, а стараемся, по возможности, давать имъ посильную оцѣнку и освѣщеніе.

Составъ сотрудниковъ „Одесскихъ Новостей“ неизмѣнно пополняется новыми силами, въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе и обѣщали впредь свое участіе слѣдующія лица: Проф. Г. Н. Афанасьевъ, А. А. Борзенко, И. Бунинъ (поэтъ), Н. Г. Вучетичъ, А. И. Горькій, Ф. К. Домбровскій, П. И. Звѣздичъ, Н. М. Златовратскій, Л. А. Золотаревъ, Г. В. Зуевъ, А. П. Ивановъ, (геологъ), Ивановичъ, Имярекъ, Е. П. Карповъ, (драматич. писатель) проф. А. И. Кирпичниковъ, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), П. С. Лефи, Е. Н. Любичъ, В. Н. Маракуевъ, А. И. Маркевичъ, А. Малининъ, Д. Л. Мордовцевъ, худож. В. В. Нааке, А. И. Незабудкинъ, А. О. Недолинъ, Никитинъ (поэтъ), П. А. Нилусъ, проф Харковск. универ. Д. Н. Овсяниковъ-Куликовскій, А. М. Пальховскій, Д. Н. Ратгаузъ, В. И. Ребиковъ, В. Д. Соколовъ (геологъ), проф. Ѳ. И. Успенскій, А. И. Федоровъ (поэтъ), Н. П. Цакни, С. Н. Южаковъ, и друг.

Подписная цѣна: Съ перес. на 1 мѣс. 1 р. 10 к., 3 мѣс. 3 р., 6 мѣс. 5 р. 50 к., годъ 10 р. За-границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 к. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы для иногороднихъ: при подпискѣ 5 р. и до начала второго полугодія 5 р.; для городскихъ—при подпискѣ 5 р. и до начала второго полугодія 4 р.

Подписка принимается въ Одессѣ,

въ Главной Конторѣ на Дерибасовской ул., въ д. Греческаго училища.

Редакторъ-издатель *А. П. Старковъ.*

1897 ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!

Популярный семейный журналъ, №№ выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 5 руб. въ годъ, 3 р. полгода, 2 р. четверть года.

АДРЕСЪ: С.-Петербургъ, Невскій, 148.

Въ 1897 году журналъ «Будьте Здоровы!» будетъ издаваться по той-же программѣ, какъ и въ первые три года. Это настоящій популярный журналъ, дающій въ ясныхъ общепонятныхъ статьяхъ все, что нужно знать человѣку для сохраненія его здоровья, и необходимый въ каждой интеллигентной семьѣ. На его страницахъ читатель найдетъ статьи о томъ, какъ надо жить, питаться и одѣваться, работать, отдыхать и развлекаться, какъ предупредить болѣзни и остерегаться всего вреднаго, какъ лечить заболѣванія домашними средствами, безъ помощи врача, какъ утолить боль и облегчить припадки, какъ укрѣпить нервы, какъ приготовить себѣ здоровую старость, какъ воспитать здоровыхъ дѣтей и пр. и пр.

Независимо отъ существующихъ отдѣловъ журнала, перечислять которые было-бы слишкомъ долго, редакція „Будьте Здоровы!" по просьбѣ своихъ читателей обратитъ особенное вниманіе въ 1897 году на слѣдующіе отдѣлы: Гигіена женщинъ, дѣтская гигіена, гигіена нервныхъ людей, военная гигіена и, главнымъ образомъ, половая гигіена. Только лицемѣрные люди могутъ находить неприличнымъ отдѣлъ популярныхъ статей, толкующихъ о томъ, что необходимо каждому знать, и имѣющихъ цѣлью не возбуждать воображеніе читателя, а принести ему посильную пользу.

Интересующіеся подробностями благоволятъ требовать подробную иллюстрированную программу, которая высылается безплатно.

Редакторъ-издатель д-ръ И. И. Зарубинъ.

Принимается подписка на 1897 г. (годъ II)

на политическую, общественную и литературную газету

КАЗБЕКЪ

Выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ, а по средамъ, пятницамъ и субботамъ (по мѣрѣ накопленія матеріала)—прибавленія, въ коихъ печатаются телеграммы, справочныя свѣдѣнія и объявленія.

Подписная цѣна: съ перес. иногороднимъ: на 12 мѣс. 7 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

Во избѣжаніе замедленія высылки газеты, требующей много времени на заготовленіе адресовъ, контора газеты проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ подписываться заблаговременно, адресуя свои требованія въ гор. Владикавказъ, въ редакцію газеты „КАЗБЕКЪ".

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

Программа изданія: 1) Часть оффиціальная: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе оффиціальные акты и документы. 2) Часть неоффиціальная: а) научный отдѣлъ; б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись; г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: диссертаціи, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ *Д. Овсянико-Куликовскій.*

Открыта подписка на 1897 г. (годъ XVIII) на дѣтскій иллюстрированный журналъ

ИГРУШЕЧКА

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Журналъ „Игрушечка" допущенъ учеб. ком. при Святѣйшемъ Синодѣ, уч. ком. мин. нар. пр. и ком. Собственной Е. И. В. канцеляріи по учр. Императрицы Маріи, къ пріобрѣтенію въ библіотеки.

Въ этомъ журналѣ помѣщаются научныя статьи изъ жизни и природы, разсказы историческіе и бытовые, путешествія, стихотворенія, сказки, біографіи великихъ людей, описаніе ремеслъ, шарады и проч. Текстъ иллюстрируется художественными рисунками. Въ каждой книжкѣ даются французскіе и нѣмецкіе разсказы съ подстрочнымъ переводомъ и указатель, приспособленный къ практическому самообученію этимъ языкамъ. Въ 1897 г. въ видѣ дарового приложенія къ „Игрушечкѣ" будутъ разосланы шесть иллюстрированныхъ миніатюрныхъ томиковъ, посвященныхъ популярнымъ бесѣдамъ по природовѣдѣнію. Въ 1897 г. эти книжечки будутъ составлены приватъ-доцентомъ с.-петербургскаго университета Ю. Н. Вагнеромъ и будутъ содержать въ себѣ разсказы о четырехъ стихіяхъ—водѣ, огнѣ, землѣ и воздухѣ и о жизни и дѣятельности на землѣ мельчайшихъ животныхъ и растеній. При журналѣ „Игрушечка" существуетъ Особый Отдѣлъ „**Для малютокъ**" (До 8-ми лѣтняго возраста). Статьи этого отдѣла, печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками. Особой подписки на отдѣлъ „Для Малютокъ" нѣтъ. Подписчики „Игрушечки" съ отдѣломъ „Для Малютокъ", кромѣ шести книжечекъ получатъ особое приложеніе, приноровленное къ этому возрасту.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ дост. и перес. въ Рос.	Заграницей
„Игрушечка"	3 руб.	5 руб.
„Игрушечка" съ отдѣломъ „Для Малютокъ.	5 „	7 „
„Игрушечка" съ педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ	5 „	7 „
„Игрушечка" съ отдѣломъ „Для Малютокъ", приложеніями и съ изданіемъ „На помощь матерямъ"	7 „	9 „

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г. (ГОДЪ IV) НА ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

3 р. НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ. 3 р.

ПОСВЯЩЕННОЕ ВОПРОСАМЪ ВОСПИТАНІЯ.

Выходитъ 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 2½ до 3 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на педагогическое изданіе „На Помощь Матерямъ": На годъ съ дост. и перес. въ Россіи 3 р.; за гран. 5 р. Подписчики дѣтскаго иллюстрированнаго журнала „Игрушечка" платятъ вмѣсто трехъ руб. два руб.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштадтская ул., д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ

ВЫХОДИТЪ ВЪ ТОБОЛЬСКѢ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Подписная цѣна: для иногороднихъ: на годъ 5 р., полгода 2 р. 75 к., 3 мѣс. 1 руб. 50 коп.

Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается безплатно по 1 января 1897 года со дня полученія въ Конторѣ Редакціи подписныхъ денегъ.

Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ. Редакція „Сибирскаго Листка".

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г. (Годъ XXX) НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ

и Модный Магазинъ

модный и семейный иллюстрированный журналъ

„МОДНЫЙ СВѢТЪ и МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“ будетъ заключать въ себѣ въ 1897 году: 24 модныхъ нумера туалетовъ и дамскихъ рукодѣлій, содержащихъ до 3.000 рисунковъ и описаній, объемлющихъ всю область гардероба: для дамъ, дѣвочекъ и мальчиковъ, ровно и приданаго для новорожденныхъ, мужскаго, столоваго и постельнаго бѣлья. Всевозможныя рукодѣлія, изображенныя и описанныя удобопонятно и подробно. 24 литературныхъ нумера, содержащихъ повѣсти. разсказы и стихотворенія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, картины и рисунки русскихъ и иностранныхъ художниковъ, статьи по женскому дѣлу, анекдоты, афоризмы, хозяйственные, гигиеническіе и педагогическіе совѣты и указанія, предостереженія противъ опасностей, встрѣчающихся въ обыденной жизни, различныя извѣстія, интересныя для женщинъ, и „Почтовый ящикъ“ съ разнообразными указаніями и совѣтами 24 экстренныхъ модныхъ приложенія съ рисунками новѣйшихъ парижскихъ модъ (hautes nouveautés). Эти 24 приложенія въ общей сложности составятъ 12 полныхъ нумеровъ. 12 большихъ выкроечныхъ листовъ, содержащихъ около 1000 выкроекъ всевозможныхъ предметовъ гардероба, узоры для бѣлаго и цвѣтнаго шитья, суташа и т. д., также множество шифровъ, монограммъ и цѣлые алфавиты крестиками и гладью.

Подписчики на 2-е изданіе получатъ кромѣ всего вышесказаннаго еще сверхъ того 12 большихъ отлично раскрашенныхъ картинокъ новѣйшихъ парижскихъ модъ. 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дамскихъ и дѣтскихъ костюмовъ и бѣлья; **на 3-е изданіе** 36 большихъ отлично раскрашенныхъ картинокъ новѣйшихъ парижскихъ модъ и 12 вырѣзныхъ выкроекъ.

Безплатныя преміи для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ трехъ изданій.

1) Альбомъ новыхъ оригинальныхъ русскихъ монограммъ.
2) 12 картинокъ съ рисунками дамскаго верхняго платья.
3) Два приложенія спеціально дѣтскихъ модъ: 1) весенняго и лѣтняго и 2) осенняго и зимняго сезоновъ.
4) Стѣнной календарь на 1897 годъ.

Подписчики на второе и третье изданія кромѣ вышеупомянутыхъ четырехъ премій получатъ еще книгу.

5) Живопись по фарфору, стеклу, атласу, шелку и разнымъ матеріаламъ со многими рисунками.

Подписчики на 1-е изданіе, желающіе получить сверхъ слѣдуемыхъ имъ премій еще книгу „Живопись по фарфору“ и проч., доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ одинъ рубль.

Годовая цѣна «МОДНАГО СВѢТА» на 1897 годъ:

1-го изданія: Въ С.-Петербургѣ безъ доставки *4* р., съ доставкою *5* р., съ пересылкою *6* р. *II-го изданія.* Въ С.-Петербургѣ безъ доставки *6* р., съ доставкою *7* р., съ пересылкою *8* р. *III-го изданія.* Въ С.-Петербургѣ безъ доставки *9* р., съ доставкою *10* р., съ пересылк. *11* р.

При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ г. А. Ланга, Кузнецкій мостъ, 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. Б. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ, цѣна 1-му изд.—*5* р.. 2-му изд.—*7* р., 3-му изд.—*10* р.

Въ Одессѣ. въ отдѣленіи конторы. при редакціи „Вѣстникъ Виподѣлія“ В. Е. Таирова, Канатная ул., № 13.

Допускается разсрочка, но исключительно при подпискѣ въ конторѣ редакціи: при подпискѣ изъ провинціи на I изд.—*4* р., на II изд.—*5* р., на III изд.—*6* р., а къ 1-му мая остальные, т. е., *2* р., *3* р. и *5* р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Моднаго Свѣта“: С.-Петербургъ, Садовая, № 22.

Открыта подписка въ 1897 году на

С.-Петербургскія Вѣдомости.

Подписная цѣна безъ казенныхъ прибавленій: съ дост. на годъ—16 р., 6 м.—9 р., 3 м.—4 р. 50 к., 1 м.—1 р. 80 к. Съ перес. на годъ—17 р., 6 м.—10 р. 3 м.—5 р. 50 к., 1 м.—2 р. За границу на годъ—26 р., 6 м.—14 р., 3 м.—8 р., 1 м.—3 р. Съ казенными приб. съ дост. на годъ—18 р., 6 м.—10 р. Съ перес. на годъ—19 р., 6 м.—11 р. За границу на годъ—28 р., 6 м. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугоеой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Шпалерная. 26. и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской. Петровскія линіи. № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ. Шпалерная. 26.

Редакторъ-издатель князь **Э. Э. Ухтомскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 Г. НА

САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ

литературно-политическую и экономическую, выходѣщую ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Въ виду того, что существующій размѣръ газеты, несмотря на величину свою, оказывается недостаточнымъ вслѣдствіе большого количеста поступающихъ въ контору объявленій. къ началу 1897 года форматъ „Самарской Газеты" еще значительво увеличивается. „Самарская Газета" будетъ больше почти всѣхъ столичныхъ и всѣхъ поволжскихъ газетъ.

Газета ставитъ своею задачей—быть вѣрнымъ отраженіемъ интересовъ Поволжья, Уфимскаго и Оренбургскаго края и дать читателямъ систематическій матеріалъ, касающійся какъ областныхъ, такъ и общегосударственныхъ вопросовъ и вообще разныхъ сторонъ русской общественной жизни.

Подписная цѣна на газету, несмотря на увеличеніе формата, ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ. Съ перес. для иногороднихъ: на 12 мѣс.—7 руб., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 мѣс.—70 коп.

Подписка принимается: *Въ Самарѣ*: въ конторѣ редакціи „Самарской Газеты", на Алексѣевской площади, домъ Юрина.

Иногородніе адресуютъ подписныя деньги: въ Самару, въ контору редакціи „Самарской Газеты".

Редакторъ-издатель *С. И. Костеринъ.*

ПЛОДОВОДСТВО

Органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Россійскаго Общества Плодоводства.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

1897 г. (8-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ содержитъ слѣдующіе отдѣлы: I. Извѣстія о дѣятельности Общества. II. Статьи: а) по плодоводству, б) по огородничеству и спеціальнымъ культурамъ в) по садоводству при народныхъ школахъ. III. Корреспонденціи. IV. Обзоръ спеціальныхъ журналовъ. V. Разныя извѣстія. VI. Библіографія. VII. Вопросы и отвѣты.

Подписная плата. съ доставкой и пересылкой. *два рубля* въ годъ. Дѣйствительные члены Общества, своевременно уплатившіе членскій взносъ за текущій годъ, получаютъ журналъ *безплатно.*

Подписка принимается въ конторѣ редакціи — С.-Петербургъ. Чернышевъ переулокъ, № 16.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры за прежніе года (1890—1896) продаются по той-же (2 р.).

Въ 1897 году (ВОСЕМНАДЦАЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

РУССКІЙ НАЧАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

будетъ издаваться по прежней программѣ и съ особымъ отдѣломъ работъ и сообщеній

НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Обязательный объемъ остается прежній: не менѣе 25 листовъ въ годъ (въ предыдущіе годы давалось 40—50 листовъ). Лѣтнія книжки выходятъ по двѣ вмѣстѣ (№№ 6—7 и №№ 8—9).

Въ журналѣ принимаютъ участіе: **Беренштамъ**, **Н. Бунаковъ**, **Гербачъ**, врачъ **Григорьевъ**, **Демковъ**, **Кричагинъ**, **Латышевъ**, **Орелкинъ**, **Пузыревскій**. **Сентъ-Илеръ** и др. Въ журналѣ помѣщаются многія работы и письма народныхъ учителей, разборы новыхъ книгъ и различныя сообщенія о ходѣ учебнаго дѣла. Ежегодный **конкурсъ** на составленіе чтеній для народа.

Подписка принимается въ редакціи (Спб., Звенигородская ул., д. 8, кв. директора нар. училищъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ 3 р. съ перес.

Журналъ одобренъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для нар. училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ.

Поч. дипломъ на выст. Общ. поощренія трудолюбія въ Москвѣ.

Дипломъ I-й ст. на Всеросс. выст. въ Нижнемъ-Новгородѣ. На сельско-хоз. выст. въ Москвѣ по отд. Московскаго Комит. Грам. дипломъ на серебр. медаль.

Редакторъ-издатель **В. Латышевъ**.

ОДЕССА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1897** г. (Годъ VIII)

НА ОБЩЕДОСТУПНЫЙ МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„АКУШЕРКА“.

24 №№ въ годъ (въ 12 книжкахъ).

Подписная цѣна съ пересылкой НА ГОДЪ 3 руб.

Подписка принимается: 1) въ редакціи журнала «Акушерка», въ Одессѣ (адресъ почтѣ извѣстенъ). — 2) Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.—3) Во всѣхъ почтовыхъ конторахъ съ наложеніемъ платежа.

Экземпляры «Акушерки» прежнихъ лѣтъ въ сброшюрованныхъ книгахъ продаются: 1890, 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. по одному рублю за книгу, 1896 г. для подписывающихся и на 1897 г. по ДВА руб. за экземпляръ, для прочихъ-же по ТРИ руб. (Всѣ цѣны съ пересылкой).

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ.

Университетскія Извѣстія въ 1897 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ перес. **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей**. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородніе могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжн. маг. его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ **В. Иконниковъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 Г. (ГОДЪ VI).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

МІРЪ БОЖІЙ.

(Ежемѣсячно 25 печ. листовъ).

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «Міръ Божій»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ. Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее: БЕЛЛЕТРИСТИКА: «Живая жизнь», общественно-бытовой романъ въ трехъ частяхъ И. Потапенко; «Школяры», очеркъ В. Дмитріевой; «Въ тюремномъ карцерѣ», психологическій этюдъ Н. Инфантьева; очерки и разсказы постоянныхъ сотрудниковъ: Ю. Безбородной, Е. Чирикова, Сѣрошевскаго, Савихина и пр. «Переломъ», соціальный романъ изъ жизни современной Англіи; «Записки философа», Роберта Гранта; бытовой романъ изъ американской жизни; разсказы: Вильденбруха, Жеромскаго, Б. Прусса, Э. Ожешко, Киплинга и пр. НАУЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ И СТАТЬИ: «Дыханіе и жизнь», проф. И. П. Бородина; «Отправленіе и организація», проф. Брандта; «Низкія температуры и ихъ значеніе въ наукѣ и техникѣ», В. Агафонова; «Общество, государство, культура въ XVI в. на Западѣ», проф. Виппера; «Нашъ вѣкъ», культурно-историческіе очерки Ив. Иванова. «Шекспиръ и Бѣлинскій», проф. Стороженко; «Основныя гарантіи правосудія по судебнымъ уставамъ Императора Александра II», Г. Джаншіева; «Глѣбъ Успенскій», критическій этюдъ Ив. Иванова; «Хвощинская (В. Крестовскій—псевд.)», по неизданнымъ матеріаламъ и личнымъ воспоминаніямъ М. Цебриковой; «Факторы общественнаго развитія» (къ анализу экономическаго матеріализма), соціологическіе очерки Людв. Крживицкаго, «Прогрессъ и бѣдность», Б. Эфруси. «Развитіе представительныхъ учрежденій» по Каутскому Л. Давыдовой; «Къ ученію матеріализма» (отвѣтъ моимъ оппонентамъ), прив.-доц. Г. Челпанова; «Объ измѣреніи психическихъ явленій», проф. Оршанскаго; «Новая женщина въ современной литературѣ», М. Гижицкой; Изъ скандинавской жизни», М. Лучицкой; «Новый типъ американскихъ университетовъ», Тверскаго; Отношеніе французскаго общества къ политикѣ», Н. В. Водовозова; «Естествознаніе въ очеркахъ и картинахъ», д-ра Данемана въ пер. прив.-доц. спб. университета М. Ю. Гольдштейна и пр.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ: 1. Критическія замѣтки. А. Б. 2. На родинѣ. 3. За границей. 4. Научная хроника. 5. Библіографія. 6. Изъ западной культуры. 7. Новости иностранной литературы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой 7 руб.; безъ доставки 6 руб.; за границу 10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи, Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстнымъ книжныхъ столичныхъ и провинціальныхъ магазинахъ. Черезъ магазины подписка съ разсрочкой не принимается. Магазины могутъ удерживать въ свою пользу 5% съ подписной суммы. Разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 руб. и остальные 3 руб. къ 1-му іюля. Полугодовой подписки нѣтъ. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница *А. Давыдова.* Редакторъ *Викторъ Острогорскій.*

„ЗВѢЗДА“

издается ДВѢНАДЦАТЫЙ годъ.

Издатель **Н. Н. ЖИВОТОВЪ** (Розовое Домино).

Подписчики получатъ 52 №№ большого газетнаго формата, 12 книгъ романы Н. Н. ЖИВОТОВА: „Макарка Душегубъ“, „Цыганъ Яшка“, „Лѣшій баринъ“. „Дочь трактирщика“, „Петербургскіе профили“, и пр. и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ съ перес. и дост. **6** руб., на полгода **3** руб., на 1 мѣс. **50** коп.

Главная контора и редакція: С.-Петербургъ, Кабинетская улица, домъ № 22.

Открыта подписка на 1897 г. (IV г. изд.) на еженедѣльный иллюстрированный

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ и СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ журналъ

Признавая, что въ настоящее время однѣми агрикультурными мѣрами уже нельзя помочь расшатавшемуся какъ крестьянскому, такъ и земледѣльческому хозяйству, „Хозяинъ" поставилъ себѣ задачею не ограничиваться обычными рамками сельскохозяйственныхъ журналовъ, а также слѣдить въ борьбѣ съ кризисомъ за общественной дѣятельностью, какъ земской, такъ и правительственной, чтобы выяснять зависимость современнаго тяжелаго положенія хозяйства отъ причинъ экономическаго характера.

Кромѣ обычныхъ въ сельскохоз. журналахъ статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хоз. и сел.-хоз. техники, въ журналѣ помѣщаются **передовыя статьи**, статьи по экономіи, финансамъ и статистикѣ, обзоры сельско-хоз. дѣятельности **земствъ**, научные обзоры, обзоры сельско-хоз. литературы, **рынки**. **Отвѣты** на вопросы. (*Въ номерѣ 2500—2800 строкъ одного только текста*).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ дост. **6** р., на полгода **3**р. Разсрочка по рублю въ мѣсяцъ.

Годовые подписчики получатъ въ 1897 г. безплатно слѣдующія:

«КНИЖКИ ХОЗЯИНА»:

1) РУКОВОДСТВО ПО ОГОРОДНИЧЕСТВУ. II. М. В. Рытова. 2) СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА по сельскохозяйственной архитектурѣ. 4) АРХИТЕКТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ важнѣйшихъ сельскохозяйствнныхъ построекъ.

Ред. П. А. Мертваго. Контора и редакція Спб., Невскій, 92. Изд. Машковцевъ.

Un Numéro spécimen sur demande.

REVUE DES REVUES

Un Numéro spécimen sur demande.

ET

REVUE D'EUROPE ET D'AMÉPIQUE

Au prix de 14 fr. en France et de 18 fr. à l'étranger (ou en envoyant par lettre 7 roubles on a un abonnement d'Un an pour la Revue des Revues, richement illustrée.

„Avec elle, on sait tout de suite" (Alex. Dumas fils), car „la Revue des Revues est extrêmement bien faite et constitue une des lectures des pius intéressantes, des plus passionnantes et des plus amusantes" (Francisque Sarcev); rien n'est plus utile que ce résumé de l'ésprit humain" (E. Zola); elle a conquis une situation brillante et prépodéranté parmi les grandes revues françaises et étrangères" (Les Débats), etc.

La Revue paraît le 1-er et le 15 de chaque mois, publie des articles inédits signés par les plus grande noms français et étrangers, les meilleurs articles des Revues du monde entier, etc., etc.

La collection annuelle de la Revue forme une vraie encyclopédie de 4 gros volumes, ornés d'environ 1500 gravures et contenant plus de 400 articles, études, nouvelles, romans, etc.

La Revue offre de nombreuses primes à ses abonnés.

On s'abonne sans frais dans tous les bureaux de poste de la France et de l'étranger, chez tous les principaux libraires du monde entier et dans les bureaux de la Revue.

Rédaction et Administration: 12 Avenue de l'Opéra, Paris.

Гг. подписчикамъ „Сѣвернаго Вѣстника".

Контора «Сѣвернаго Вѣстника» обращаетъ вниманіе лицъ, подписавшихся и желающихъ подписаться на журналъ въ 1897 г., что подписная цѣна на «Сѣверный Вѣстникъ» въ настоящее время понижена (безъ измѣненія объема и состава книжекъ) съ 13 р. 50 к. до **12** руб. Въ виду того, что многіе изъ гг. подписчиковъ не обратили вниманія на своевременное заявленіе о пониженіи цѣны и прислали деньги въ размѣрѣ 13 р. 50 к., контора «Сѣвернаго Вѣстника» доводитъ до свѣдѣнія этихъ лицъ, что лишніе полученные при подпискѣ 1 р. 50 к. могутъ быть возвращены, согласно ихъ желанію, слѣдующимъ образомъ: 1) высланы обратно почтовыми марками, съ вычетомъ стоимости пересылки, 2) зачислены въ счетъ подписки на слѣдующій 1898 г. и наконецъ, 3) употреблены на какое-нибудь порученіе (доставку какой-либо книги или періодическаго изданія).

Открыта подписка на 1897 годъ на

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ.

Условія подписки:

	Годъ.	Полгода.	Четверть года.	1 мѣс
Для иногороднихъ съ перес. .	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
Въ Спб. съ дост.	11 »	5 » 50 к.	2 » 75 к.	1 »
Въ Москвѣ безъ доставки . .	11 » 50 к.	6 »	3 »	1 »
Для заграничныхъ	14 »	7 »	4 »	

Отдѣльныя книжки журнала за текущій годъ въ Спб., въ Главн Конторѣ—**90 к.** Въ книжн. магаз. Фену и К°, «Новаго Времени» Цинзерлинга, Риккера и др.—по **1 р.**

Разсрочка годовой цѣны и подписка по полугодіямъ и по чет вертямъ года принимается въ Гл. Конторѣ **безъ повышенія годово цѣны на журналъ**

Для пользованія разсрочкою необходимо сдѣлать объ этомъ заявленіе въ *Г. Контору* одновременно съ первымъ взносомъ. Подписавшіеся на одну четверт года или одно полугодіе, желая продолжать подписку и получать журналъ безъ пе рерыва, должны дѣлать послѣдующіе взносы каждый разъ не позже, какъ за недѣли до окончанія подписного срока.

Цѣна годового экземпляра за прошлые годы за 1886, 87, 88, 89 по 10 р за 1890, 91, 92, 93 гг. по 7 руб.; за 1894 г. 9 руб. Пересылка по разстоянін Цѣна отдѣльной книжки за какой-либо изъ прошлыхъ годовъ: 1 р.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; при перемѣнѣ адреса на адрес той-же категоріи 30 к.; изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные- недостающее до цѣны, назначенной для заграничныхъ подписчиковъ. О пере мѣнѣ адреса просятъ сообщать редакціи своевременно, не позже 15-го числ каждаго мѣсяца, обозначая при этомъ номеръ стараго адреса.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала просятъ присылат немедленно (не позже полученія слѣдующаго № журнала), исключительно в Гл. Контору, съ обозначеніемъ № адреса и не иначе, какъ съ приложеніемъ удс стовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительн не была получена той конторой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ С.-Петербургѣ, въ **Главной Контор журнала**, и въ Москвѣ въ **Московск. Отдѣленіи Конторы**: въ конт. **Н. Печ ковской**, Петровскія линіи; кромѣ того, въ Спб. въ книжн. магаз. **Фену и К** Невскій, 40, а также въ кн. маг. **Карбасникова** въ Спб., Москвѣ, Варшавѣ Въ кн. маг. **«Новаго Времени»**, въ Спб., Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Сара товѣ; **Оглоблина** въ Кіевѣ; **Башмакова** въ Казани. и въ др. кн. магаз.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздни ковъ. Личныя объясненія и всякія денежныя выдачи по субботамъ отъ 1—3 час.

Редакція и Главная Контора: Спб., Троицкая, 9.

Отдѣленіе Конторы *въ Москвѣ*: **Петровская лин.** *конт.* **Н. Печковской**

Редакторъ-издательница Л. Я. Гуревичъ

AP
50
S57
1897
no.1

Sievernyĭ viestnik

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY